

КАВКАЗЪ.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГИИ КAVKAZA.

СОБРАННЫЕ

ЭКСПЕДИЦИЯМИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СНАРЯЖЕННЫМИ НА ВЪСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫЯ СРЕДСТВА

ВЫПУСКЪ I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА.
ИСТИТУТЪ
1883.

МАТЕРІАЛЫ

1965 г.

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества,
снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ I

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулокъ,

1888

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1888 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

19502

81
БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

В-393

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

*съ чувством безпредельной преданности
и глубочайшей благодарности*

Московское Археологическое Общество.

Отъ Редакціи.

Съ именемъ Кавказа соединено столько древнѣйшихъ преданій азіатскихъ и европейскихъ народовъ; его исторія на столько связана съ исторіей челоѵчества, начиная съ эпохи Ассирійцевъ, древнихъ Персовъ, Грековъ, Византіи, Арабовъ, Армянскаго и Грузинскаго царства—и кончая новѣйшей исторіей Персіи, Турціи и Россіи; въ его предѣлахъ живетъ такъ много различныхъ племенъ, отчасти родственныхъ народностямъ Востока и ближайшихъ частей Европейской Россіи, отчасти совершенно отличныхъ по языку, типу и культурѣ,— что научное изученіе Кавказа, его археологіи, исторіи и этнографіи, должно еще долго привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и можетъ обѣщать богатые результаты для различныхъ областей исторіи и языковѣданія.

Къ участию въ такомъ изученіи уже давно приступили европейскіе ученые: еще въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія Кавказскій край былъ предметомъ изслѣдованій Палласа, Гмелина, Гюльденштедта, Клапрота и другихъ, большей частью по порученію Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ. Многіе путешественники иностранцы: Дюбуа де Монперэ (*Dubois de Montpréaux*), Оммерз (*Hottaire de Hell*), Гамба, Кохъ, М. Вагнеръ, Фавръ, Абихъ и друг. содѣйствовали не мало и въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ разъясненію геологіи, географіи, этнографіи и археологіи Кавказа. Тѣмъ не менѣе, что касается историко-археологическаго, лингвистическаго и этнографическаго изученія, то всѣ вышеназванныя изслѣдованія были скорѣе развѣдками, намѣчавшими вопросы и задачи для дальнѣйшихъ розысканій. Лишь съ тѣхъ поръ какъ зами-

реніе Кавказа сдѣлало его болѣе доступнымъ изученію, и когда за это изученіе принялись мѣстныя дѣятели изъ русскихъ или изъ поселившихся въ край иностранцевъ — стала возможна болѣе обстоятельная и систематическая разработка научнаго матеріала, представляемаго этимъ краемъ.

Послѣдовательное созданіе такихъ учрежденій, какъ Военно-народное управленіе горскихъ народовъ, Кавказскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, Кавказскій Статистическій Комитетъ, Коммиссія по изданію древнихъ актовъ, касающихся Кавказа, Общество любителей кавказской Археологіи и друг., въ ряду которыхъ, въ послѣднее время, слѣдуетъ особенно отмѣтить дѣятельность управленія Кавказскимъ учебнымъ Округомъ, — было важнымъ шагомъ въ дѣль собранія свѣдѣній о Кавказѣ, его народностяхъ и его исторіи.

Что касается спеціально археологіи края, то начинъ въ ея научномъ изученіи принадлежитъ генералу Бартоломею (относительно нумизматики), Д. З. Бакрадзе (относительно церковной археологіи), Ф. Байерну и Г. Д. Филимонову (относительно доисторическихъ древностей).

Новое оживленіе было внесено въ разработку кавказской археологіи графомъ А. С. Уваровымъ по случаю бывшаго въ Тифлисъ въ 1881 году V Археологическаго създа. Избранный предсѣдателемъ подготовительнаго комитета създа, графъ Уваровъ вступилъ въ сношенія со многими дѣятелями какъ въ Европейской Россіи, такъ и на Кавказѣ, организовалъ цѣлый рядъ систематическихъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края, предпринялъ лично нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, пріобрѣлъ значительныя коллекціи древностей и вообще принялъ всѣ мѣры къ успешному осуществленію археологическаго създа въ Тифлисъ. На засѣданіяхъ създа было сдѣлано множество сообщеній по различнымъ видамъ кавказскихъ древностей, возбуждено много новыхъ археологическихъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ должно было составить задачу будущихъ изслѣдованій. Графъ Уваровъ раздѣлялъ мысль, что Тифлисскій археологическій създъ долженъ былъ начать новую эру въ изслѣдованіи Кавказскихъ древностей и въ этомъ убѣжденіи еще не задолго до преждевременной кончины заботился о снаряженіи на Кавказъ новыхъ экспедицій.

Императорское Московское Археологическое Общество, слѣдуя пути, намѣченному его покойнымъ основателемъ, считало своимъ долгомъ продолжать начатое систематическое изслѣдованіе кавказскихъ древностей. Признавая важное значеніе за изслѣдованіемъ доисторическихъ памятниковъ края, Общество вмѣстѣ съ тѣмъ обратило еще бѣльшее вниманіе на тѣ памятники старины, которые относятся ко временамъ историческимъ и особенно на памятники древне - христіанской эпохи. Давно уже стало извѣстно, что на западномъ побережьи Кавказа, въ Абхазіи, а также въ Сванетіи, Арменіи, Грузіи и другихъ мѣстностяхъ, встрѣчаются развалины древнихъ Христіанскихъ храмовъ, древнія христіанскія гробницы и различные предметы византійскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ древнихъ храмовъ были описаны, но множество ихъ ждетъ еще изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что такіе же древніе памятники христіанства оказались и въ недавно пріобрѣтенной отъ Турціи Карской области. Изслѣдованіе этихъ древнихъ слѣдовъ христіанства на Кавказѣ обѣщало пролить новый свѣтъ какъ на одну изъ малоизвѣстныхъ эпохъ исторіи Кавказа, такъ, отчасти, и на одну изъ эпохъ христіанской церкви и Византійскаго искусства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждая вопросъ объ изслѣдованіи доисторической археологіи Кавказа, Московское Археологическое Общество пришло къ заключенію, что было бы желательнымъ и полезно для дѣла связать это изслѣдованіе съ изученіемъ такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи.

Эпоха преобладанія бронзовыхъ издѣлій въ кавказскихъ могильникахъ представляетъ нѣкоторыя аналогіи съ эпохой преобладанія мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ южной Сибири и Приуральскомъ краѣ, при чемъ возможно намѣтитъ даже сходство въ типахъ нѣкоторыхъ предметовъ кавказской и восточно-русской бронзовой культуры. Есть полное основаніе предполагать, что археологическое изслѣдованіе восточныхъ губерній Россіи можетъ, не меньше чѣмъ изслѣдованіе Кавказа, сопровождаться важными результатами для уясненія культурныхъ теченій древнѣйшихъ временъ и спеціального вліянія культуры Приуралья на европейскую Россію.

Поставленная такимъ образомъ задача требовала однако отъ Московскаго Археологическаго Общества затратъ средствъ, далеко

превышавшихъ имѣвшіяся въ его распоряженіи. Поздка членовъ Общества и другихъ изслѣдователей на Кавказъ и на Уралъ съ учеными цѣлями въ сопровожденіи, по мѣрѣ надобности, фотографовъ и рисовальщиковъ, произведеніе раскопокъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, собираніе коллекцій и затѣмъ изданіе отчетовъ съ необходимыми рисунками и таблицами—все это вызвало весьма значительные расходы, для покрытія которыхъ Общество не могло располагать своими собственными средствами. Мало основаній было рассчитывать и на частныя пожертвованія.

Эти матеріальныя затрудненія, по всей вѣроятности, заставили бы общество отказаться отъ большей части задуманныхъ имъ предприятий, если бы Ею Величеству Государю Императору не было благоугодно, въ отвѣтъ на ходатайство предсѣдателя Общества, милостиво осчастливить Общество дарованіемъ двадцати пяти тысячъ рублей на изученіе древностей Кавказа и восточныхъ губерній и на изданіе результатовъ такого изученія.

Столь милостивое вниманіе Августѣйшаго Покровителя Московскаго Археологическаго Общества дало послѣднему возможность направить къ осуществленію намѣченныхъ цѣлей не только трудъ его ближайшихъ членовъ, но и привлечь къ тому же дѣлу нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, особенно членовъ Казанскаго Общества Исторіи и Археологіи, которые, работая уже много лѣтъ надъ древностями своего края, успѣли собрать многіе важные матеріалы, остающіеся неописанными за недостаткомъ средствъ. Явилась вмѣстѣ съ тѣмъ возможность организовать одновременно рядъ экспедицій, отчасти по заранѣе намѣченному плану, отчасти сообразуясь съ обстоятельствами и наличнымъ числомъ изслѣдователей. Такія экспедиціи начались лѣтомъ 1886 года, продолжались въ лѣтнія каникулы слѣдующихъ двухъ годовъ и, вѣроятно, будутъ организованы въ слѣдующіе года, при чемъ отдѣльныя экспедиціи послѣдовательно продолжаютъ дѣло предшествовавшихъ, расширяя мало по малу затронутый ими районъ. Благодаря этимъ экспедиціямъ собраны Обществомъ уже значительные матеріалы какъ по христіанскимъ и первобытнымъ памятникамъ Кавказа, такъ и по доисторической археологіи Восточныхъ губерній. Не имѣя притязаній свести въ одно цѣлое всѣ археологическія данныя, собранныя до сихъ поръ въ подвергавшихся изслѣзованію

областяхъ, Московское Археологическое Общество намѣрено ограничиться только изданіемъ результатовъ трудовъ своихъ членовъ и лицъ, привлеченныхъ къ содѣйствію его цѣлямъ. Эти результаты имѣютъ, такимъ образомъ, характеръ матеріаловъ, но болѣе или менѣе освѣщенныхъ научнымъ ихъ изученіемъ и могущихъ послужить необходимымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ разысканій въ обширной области археологій нашего отечества.

Первый выпускъ „Матеріаловъ“ содержитъ археологическія экскурсіи В. Θ. Миллера въ Терской области.

Въ дальнѣйшихъ, изготавляемыхъ къ печати, выпускахъ будутъ помѣщены отчеты о поѣздкахъ другихъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества въ Кубанскую область, Черноморскій округъ и разныя мѣстности Кутаисской губерніи и Карской области.

Представляя Императорскому Археологическому Обществу отчетъ о поѣздкѣ съ археологической цѣлью, предпринятой нами въ Терскую область лѣтомъ 1886 года, считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ для поясненія характера нашей работы.

Въ инструкціи, данной намъ Обществомъ, было поставлено на первый планъ собираніе свѣдѣній о монументальныхъ остаткахъ древняго христіанства въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ Терской области. То немногое, что въ этомъ отношеніи представляютъ Чечня, Осетія и горныя части Кабарды, должно было примкнуть къ изученію несравненно болѣе богатаго матеріала по древне-христіанскимъ сооруженіямъ, представляемаго восточнымъ побережьемъ Чернаго моря, куда въ томъ же году была отправлена главная экспедиція Общества.

Въ виду этого, при распредѣленіи по мѣстностямъ собраннаго нами археологическаго матеріала, мы сочли нужнымъ въ каждой главѣ поставить на первое мѣсто свѣдѣнія о монументальныхъ остаткахъ древняго христіанства, какъ бы послѣдніе ни были скудны.

Далѣе, согласно инструкціи, мы должны были посѣщать древніе могильники, предпринимать въ нихъ пробныя раскопки, на сколько позволяло время, для опредѣленія характера погребенія, отмѣчать и зарисовывать все интересное въ археологическомъ отношеніи, встрѣчавшееся на пути, записывать мѣстныя преданія, связанныя съ тѣмъ или другимъ памятникомъ, и вообще собирать всякія свѣдѣнія, имѣющія значеніе для уясненія прошлаго посѣщенныхъ нами частей сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что время, которымъ мы могли располагать, ограничивалось лишь двумя мѣсяцами — іюнемъ и іюлемъ — мы должны были, чтобы употребить его съ наибольшей пользой, подробно обдумать свой маршрутъ, принявъ во вниманіе все уже ранѣе извѣстное по археологіи Терской области, а также мѣстныя условія — разстоянія, средства для переѣздовъ, состояніе дорогъ и т. п.

При обсужденіи маршрута согласно съ этими условіями, мы составили планъ 3-хъ экскурсій изъ Владикавказа, которыя могли быть совершены въ предѣлахъ 6-ти недѣль. Цѣлью первой экскурсіи выбрана была горная Чечня, какъ всего менѣе извѣстная въ археологическомъ отношеніи часть Терской

области. Вторая экскурсія была направлена въ ту часть Осетіи, — ущелья Фіагдона и Гизельдона, — въ которой прежними путешественниками были отмѣчены, но не описаны, нѣкоторыя древне-христіанскія святыни. Наконецъ, 3-я экскурсія была предпринята въ горныя части Кабарды, въ мѣста, нѣкогда населенныя Осетинами, а въ настоящее время горскими обществами тюркскаго происхожденія.

Такимъ образомъ, часть Терской области, посѣщенная нами въ 1886 году, доходить, какъ видно изъ приложенной карты, на востокѣ до рѣки Аргуна, на западѣ до рѣки Черека. Впрочемъ, въ виду того, что ущелье Черека населяетъ та-же тюркская народность, которая живетъ далѣе на западѣ въ ущельяхъ Чегема и Баксана, мы сочли удобнымъ, при описаніи экскурсіи 1886 года, воспользоваться въ видѣ дополненія археологическими замѣтками изъ нашей поѣздки въ оба послѣднія ущелья, предпринятой лѣтомъ 1883 года.

Конечно, этими тремя экскурсіями далеко не исчерпанъ археологическій интересъ посѣщенныхъ нами мѣстностей. Въ какіе-нибудь 40 дней, изъ которыхъ притомъ нѣкоторые, вслѣдствіе дождей, лишившихъ насъ возможности предпринимать раскопки и совершать переѣзды по горнымъ тропинкамъ, прошли безъ пользы, безъ сомнѣнія, нельзя во всѣхъ деталяхъ изучить то значительное пространство, которое намъ пришлось объѣхать. Но мы надѣемся, что все наиболѣе интересное въ археологическомъ отношеніи, встрѣчавшееся по нашему пути, было нами отмѣчено, и позволяемъ себѣ смотрѣть на наши экскурсіи, какъ на *развѣдочныя*, которыя знакомятъ въ главныхъ чертахъ съ археологическими памятниками посѣщенныхъ нами частей Чечни, Осетіи и горной Кабарды и содержатъ указанія для дальнѣйшаго болѣе подробнаго изученія названныхъ областей сѣвернаго Кавказа.

Рисунки, иллюстрирующіе наше описаніе памятниковъ, были сдѣланы на мѣстахъ покойнымъ студентомъ Института инженеровъ-строителей З. П. Тулинцевымъ, приглашеннымъ нами въ Владикавказѣ къ участію въ нашихъ экскурсіяхъ въ горы. Рисунки съ вещей, представленныхъ на таблицахъ, изготовлены художникомъ В. Д. Суховымъ; фототипіи—заведеніемъ гг. Шерера и Набгольца. Въ теченіе всѣхъ экскурсій нашимъ помощникомъ былъ студентъ Московскаго университета Н. Н. Харузинъ, которому мы обязаны искренней признательностью за его усердные труды.

Считаемъ также пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность членамъ Кавказской администраціи—г. бывшему начальнику Терской области, генералу Е. К. Юрковскому, г. вице-губернатору Г. Х. Якобсону и гг. начальникамъ округовъ Владикавказскаго, Грозненскаго, Аргунскаго и Пятигорскаго за любезное содѣйствіе, оказанное ими экспедиціи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ

д. ч. Всев. Миллера.

I.

Археологическія наблюденія въ области Чеченцевъ.

Цѣль экспедиціи. Слѣды древняго христіанства въ Чечнѣ. Религіозныя обряды чеченцевъ. Святыни. Амгали. Тушоли. Галіерды. Албіерды. Аушасель. Кресты. Развалины храма Тхаба-ерды. Народное повѣрье объ исполинской кости. Народныя обряды, справлявшіеся въ Тхаба-ерды. Развалины близъ аула Галанчоджъ. Преданіе о фиренгахъ и монастырѣ. Мизръ-богу. Священная роща. Преданіе о происхожденіи озера Галанчоджъ. Чеченскіе могильники. Надземныя усыпальницы. Предметы въ нихъ находимыя. Различныя виды кашей. Могильныя склепы. Устройство ихъ и предметы въ нихъ находимыя. Памятныя столбы. Памятникъ близъ аула Воуги. Башни близъ Шатоевскаго укрѣпленія. Развалины замка близъ аула Туркали. Башня въ аулѣ Хайбахъ. Курганы.

Населеніе Чеченскаго племени, распадающееся на множество мелкихъ обществъ, занимаетъ обширное пространство въ Терской области въ округахъ: Владикавказскомъ, Аргунскомъ, Веденскомъ, Хасавъ-юртовскомъ и Грозненскомъ. Археологическому изслѣдованію, предпринятому нами въ іюнѣ 1886 г., подверглась не вся обширная территорія, населенная Чеченцами, а западная и южная часть ея, именно пространство между Сунжей на *сѣверъ*, Аргуномъ и его притокомъ Чанты-Аргуномъ на *востокъ* и *югъ*, и Терекомъ на *западъ*. Главное вниманіе было обращено на южную, горную часть этого пространства, въ виду того, что она особенно богата памятниками старины *).

*) Маршрутъ, которымъ слѣдовала экспедиція, былъ слѣдующій: Изъ Владикавказа чрезъ станицы Назрановскую, Карабулакскую, Слѣпцовскую, Михайловскую, Самашкинскую, Заканъ-юртовскую, Алханъ-юртовскую въ крѣпость Грозную; отсюда на югъ чрезъ укрѣпленія Воздвиженское и Аргунское въ укрѣпленіе Шатоевское; отсюда на югозападъ чрезъ аулы Нихалой, Барзой, Мазарой въ общество Нашхой, въ аулъ Хайбахъ; отсюда на югозападъ въ аулъ Галанчоджъ и далѣе на югъ въ аулъ Воуги; отсюда на югозападъ южнѣе хребта Цоройламъ въ аулы Цоринскаго общества; отсюда чрезъ аулы Нью, Пеленгъ въ аулъ Хайрыхъ въ Галгаъ; отсюда чрезъ аулы Хамхи, Таргинъ, Картъ, Хули, Агенты, Арзи въ аулъ Койрахъ; отсюда на сѣверо-западъ чрезъ Мецхали въ аулъ Фортоугъ и за-

Главной цѣлью экспедиціи было изысканіе слѣдовъ древняго христіанства, которое нѣкогда, подъ вліяніемъ Грузіи, было распространено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чечни и затѣмъ, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, мало по малу заглохло, уступивъ мѣсто мусульманству, распространившемуся среди Чеченцевъ лѣтъ полтораста тому назадъ. Предслѣдуя эту главную цѣль, экспедиція однако обращала вниманіе и на другіе памятники старины, разсыянные въ изобиліи особенно въ горной части изслѣдуемаго края. Вообще, памятники старины, обращавшіе на себя наше вниманіе, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Остатки древнихъ христіанскихъ церквей. 2) Башни, встрѣчающіяся въ значительномъ числѣ почти во всѣхъ горныхъ чеченскихъ аулахъ. 3) Могильники съ могильными памятниками разныхъ типовъ, и 4) памятные столбы, сооруженные при дорогахъ. Мы начнемъ наше описаніе съ памятниковъ древняго христіанства, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о слѣдахъ христіанскаго культа, сохраняющихся кое гдѣ до сихъ поръ въ обрядахъ и повѣрьяхъ Чеченцевъ и Ингушей *).

О внесеніи христіанства изъ Грузіи свидѣлствуютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя данныя въ чеченскомъ языкѣ; такъ по чеченски *недѣля* называется *кирэ* (груз. квирэ), а воскресенье *кириндэ*—т. е. недѣльнымъ днемъ; *пятницу* Чеченцы называютъ *пéреска* (Ингуши), груз. параскёви, словомъ, въ которомъ нетрудно узнать греч. *παρασκευή*; *постъ* они называютъ именемъ, заимствованнымъ съ грузинскаго, *марха* (груз. мархва), субботу — словомъ *шутта* (груз. шапати), восходящимъ къ еврейскому названію этого дня; чеченское названіе креста *джаркэ*, вѣроятно, восходитъ къ грузинскому *джвари* и др. Что касается христіанскихъ обрядовъ, то и они сохранились еще кое-гдѣ въ захолустныхъ мѣстахъ въ видѣ глухихъ и искаженныхъ отголосковъ, исчезающихъ все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ мусульманскаго духовенства. Такъ мѣста, нѣкогда освященныя христіанствомъ, еще до сихъ поръ пользуются суевѣрнымъ уваженіемъ, особенно среди стариковъ и женщинъ. Культъ, совершаемый въ подобныхъ мѣстахъ, заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Въ извѣстное время, преимущественно лѣ-

тѣмъ на сѣверъ по правому берегу Терека мимо Джераховскаго укрѣпленія и станціи Балты во Владикавказъ.

*) Предки Ингушей выселились изъ горъ, изъ Галчаевскаго общества въ Тарекую долину и поселились на р. Ангишъ, впадающей въ р. Камбилеевку. Получивъ названіе отъ рѣки, они въ 1830 году переселились изъ Тарской долины къ р. Назрань, впадающей въ Сунжу и получили названіе Назрановцевъ. Языкъ Ингушей представляетъ только говоръ чеченскаго языка.

томъ, семьи, составляющія одно общество, варятъ пиво, готовятъ въ большомъ количествѣ треугольныя небольшія лепешки, выбираютъ барановъ и отправляются справлять праздникъ къ своей родной святынѣ, обыкновенно къ развалинамъ христіанской церкви или часовни. Во главѣ процессіи идетъ старикъ, одѣтый обязательно въ бѣлую одежду. Въ рукахъ онъ держитъ шесть съ колокольчиками и бѣлымъ знаменемъ. За нимъ идутъ женщины, которыя поютъ особый припѣвъ *уоллай*. Процессія обходитъ святыню, при чемъ нѣкоторые ставятъ въ известномъ мѣстѣ зажженные восковыя свѣчи. Кланаясь святому мѣсту, чеченцы обязательно снимаютъ съ головы папаху. Передъ началомъ пиршества старики произносятъ молитвы, въ которыхъ просятъ Бога объ урожаѣ полей, приплодѣ скота и всякомъ благоденствіи. Торжество кончается пирушкой, продолжающейся до поздней ночи.

Священныя мѣста, около которыхъ совершался, а иногда и теперь совершается, описанный культъ, встрѣчаются весьма часто близъ посѣщенныхъ нами ауловъ. Такъ, близъ аула Арзи, Мецхальскаго общества, 4-го участка Владикавказскаго округа, на горѣ, на полянкѣ среди лѣса, есть мѣсто, называемое Амгали, куда лѣтомъ отправляются съ приношеніемъ женщины, подъ предводительствомъ одѣтаго въ бѣломъ старика. Недалеко оттуда близъ аула Мохде находятся остатки небольшого каменнаго зданія, называемаго Тушоли, длиною въ 11 и шириною въ 6 шаговъ.

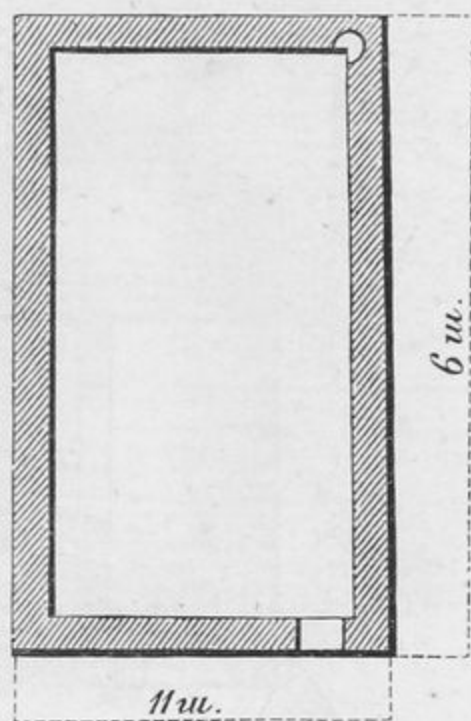

Рис. 1. Планъ святилища Тушоли.

Сюда приводятъ мѣстные жители лѣтомъ барановъ для жертвоприношенія. Самымъ священнымъ мѣстомъ въ развалинахъ считается уголъ на восточной сторонѣ. Сюда кладутъ пули, ставятъ восковыя свѣчи, сосуды съ пивомъ и т. п. Названіе Тушоли прилагается и ко многимъ другимъ священнымъ мѣстамъ близъ ауловъ: каждое общество, повидимому, имѣло свой *тушоли*.

Одно изъ наиболѣе интересныхъ зданій священнаго характера стоитъ въ развалинахъ близъ хутора (юрта) Агенты. Эта небольшая постройка, сложенная изъ камней на глинѣ, вымазанная снаружи и внутри известью съ низкой односкатной шиферной крышей. Длина не превышаетъ $5\frac{1}{2}$, ширина $3\frac{1}{2}$ метровъ. Внутренность домика разделена двумя арками на 3 равныя части, представляющія какъ-бы алтарь, храмъ и притворъ христіанской церкви. У стѣны отдѣленія,

соотвѣтствующаго алтарю, стоитъ своеобразнаго вида каменная плита съ двумя небольшими нишами одна надъ другой, наводящими своей формой на мысль, что въ нихъ стояли нѣкогда иконы, такъ что плита представляла миниатюрный иконостасъ или точнѣе кивотъ. Близъ зда-

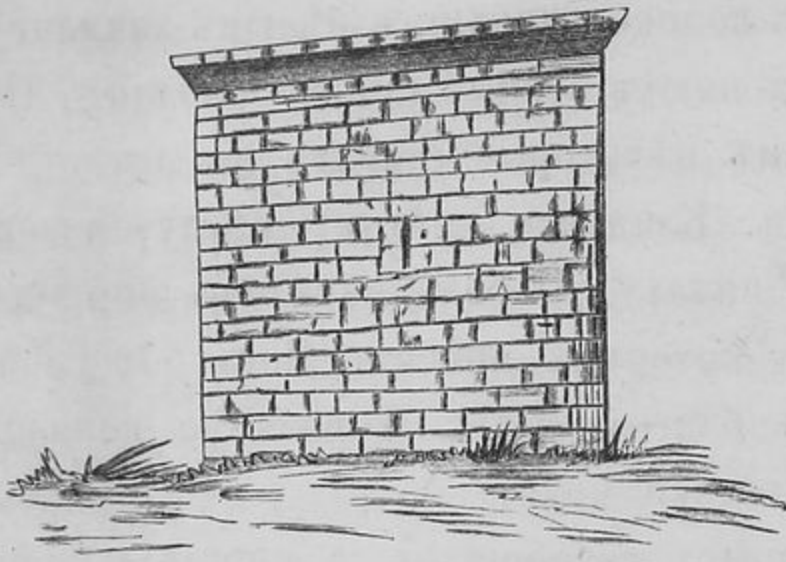

Рис. 2. Наружный видъ святилища Галіерды.

Рис. 3. Внутренній видъ святилища Галіерды.

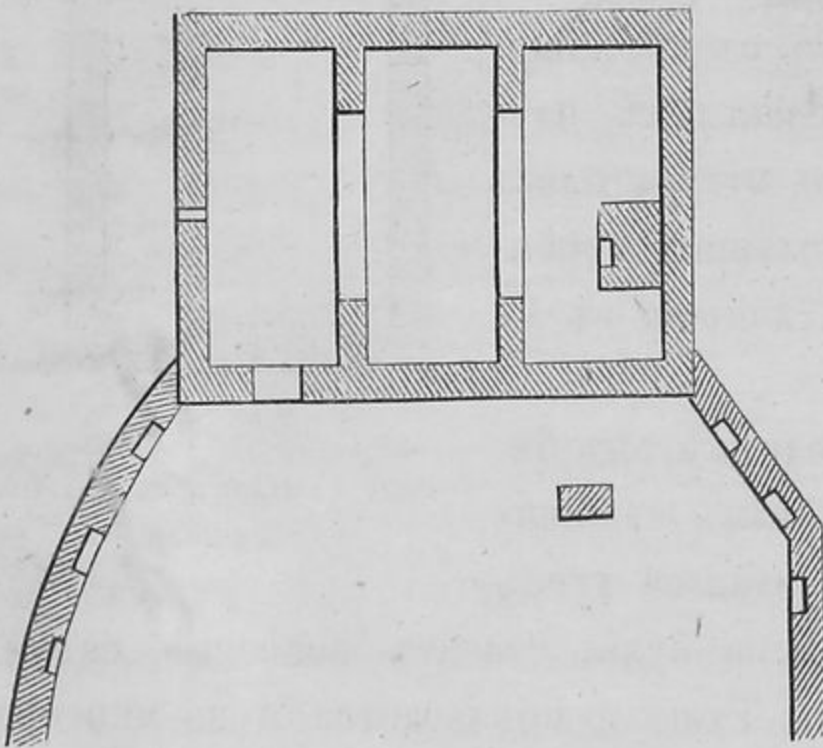

Рис. 4. Планъ святилища Галіерды.

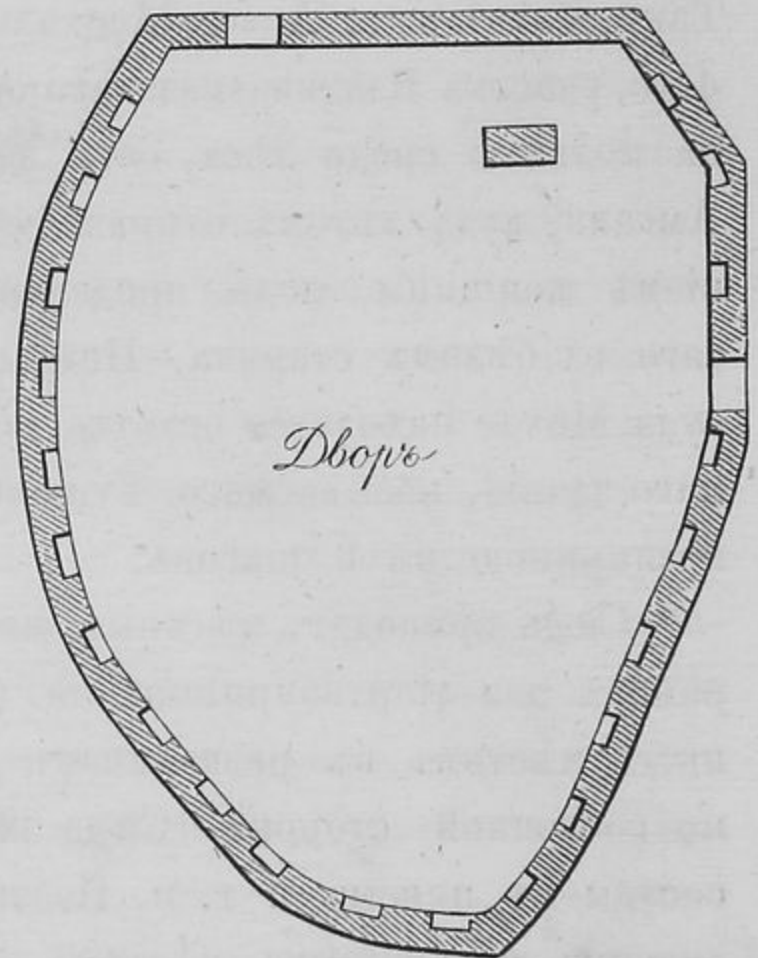

Рис. 5. Дворъ святилища Галіерды.

нія на стѣнѣ сложены приношенія охотниковъ—оленьи рога въ огромномъ количествѣ. Зданіе окружено каменной оградой, аршина въ 2 вышины, образующей неправильный овалъ. По всей внутренней сторонѣ ограды устроены небольшія ниши, отдѣленные одна отъ другой промежуткомъ въ $\frac{1}{2}$ аршина; внизу у стѣны, подъ каждой нишей, лежитъ удобный для сидѣнья плоскій камень.

По сообщенію мѣстныхъ жителей, лѣтомъ въ опредѣленный день,

когда ходятъ къ Галіерды (такъ называется это святилище), каждый отецъ семейства садится на камнѣ близъ своей ниши, въ которую кладутъ жертвоприношенія. Такимъ образомъ вокругъ всей ограды размѣщаются справляющіе праздникъ домохозяева, при чемъ каждый знаетъ свое мѣсто. Какъ слѣды справляемыхъ въ Галіердѣ жертвенныхъ пирушекъ сохраняются въ зданіи *шомпоры* (вертелы для изготовленія шашлыковъ) и черепки стеклянной и глиняной посуды.

Несомнѣнные остатки христіанскаго храма представляетъ также зданіе, извѣстное подъ именемъ *Албіерды* и находящееся противъ аула Таргинъ на другой сторонѣ р. Асси. Это небольшое сооруженіе въ

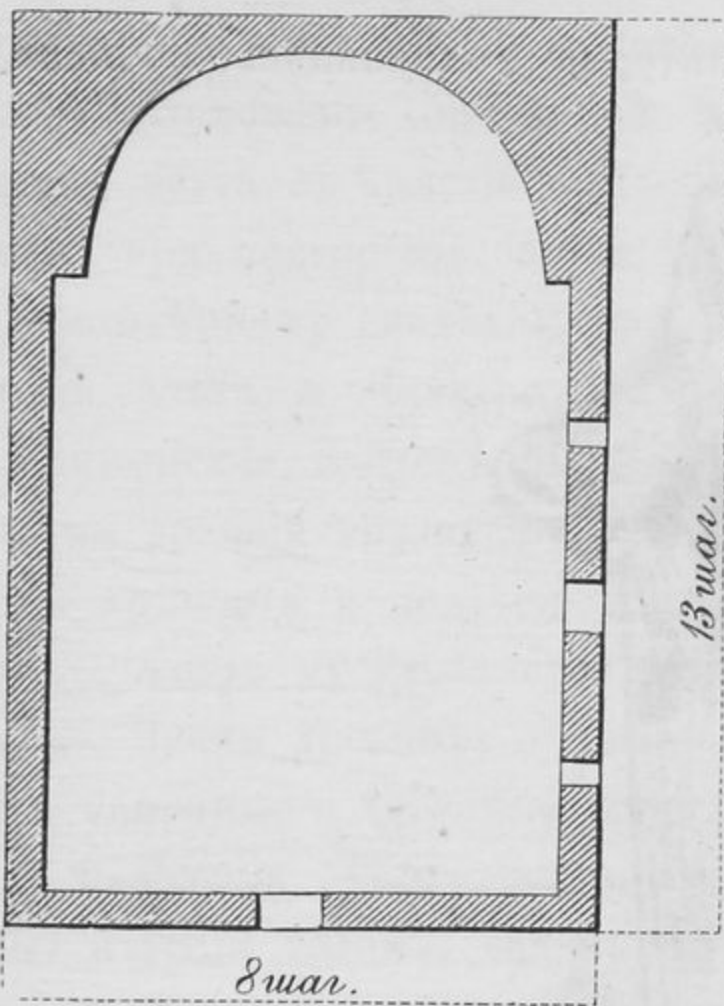

Рис. 6. Планъ святилища Албіерды.

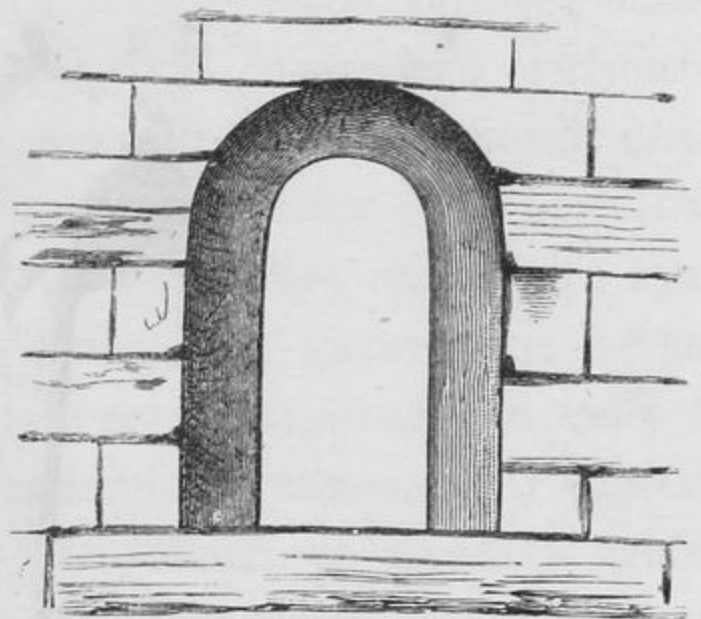

Рис. 7. Окно святилища Албіерды.

видѣ прямоугольника, котораго длина не превышаетъ 13, а ширина 8 шаговъ. Крыша давно провалилась и засыпала внутренность зданія. На восточной сторонѣ внутри видны слѣды алтарнаго абсида и окно съ полукруглымъ сводомъ; въ южной стѣнѣ продѣланы 2 окна и между ними низкая и широкая дверь; на западной сторонѣ высоко виднѣется окно, сѣверная стѣна глухая. По свидѣтельству туземцевъ, въ этомъ зданіи справляли прежде *тушолъ*, т. е. туда собирались окрестные жители, приносили жертвы и пировали.

Отъ Албіерды поклонники шли затѣмъ къ другому небольшому каменному сооруженію, напоминающему по формѣ обыкновенный чеченскій могильный памятникъ (кашъ), но украшенному оленьими рогами и имѣющему въ одной изъ стѣнокъ небольшую нишу, какъ бы вмѣсти-

лице иконы. Этотъ памятникъ называется у туземцевъ Аушасель. Съ боку онъ представляетъ видъ небольшого домика съ двускатной шиферной крышей, длиною въ $4\frac{1}{2}$ и шириною въ 2 шага.

Мѣста сосѣднія съ двумя описанными памятниками освящены вообще преданіями христіанства. Такъ отъ Тушоли мѣстные жители ходили на гору Делите (*Дели* = Богъ — *те* = верхъ), на которой было нѣсколько священныхъ мѣстъ, а главное, самое святое, — на самомъ верху, гдѣ, по словамъ туземцевъ, еще на памяти стариковъ стояли желѣзные кресты. Слѣдуетъ отмѣтить, что близъ развалинъ святилища Тушоли замѣтны слѣды стариннаго, вѣроятно, современнаго ему, могильника.

Кресты, стоявшіе на вершинѣ Делите, не сохранились, но немалое

Рис. 8. Каменный крестъ близъ Нихалоя.

число крестовъ, встрѣченныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ Аргунскаго округа, служатъ до сихъ поръ нѣмыми свидѣтелями нѣкогда процвѣтавшаго здѣсь христіанства. Такъ, близъ аула Нихалоя, верстахъ въ 4 отъ Шатоевскаго укрѣпленія, близъ горы на полѣ, засѣянномъ кукурузой, стоитъ каменный грубой работы крестъ, вышиной около сажени.

Съ этимъ памятникомъ связано у туземцевъ суевѣрное убѣжденіе, что для произведенія перемѣны погоды его слѣдуетъ опрокинуть. Однако,

повидимому, такое убѣжденіе, судя по положенію креста, никогда не приводилось въ исполненіе. На многихъ древнихъ башняхъ въ Галгаѣ (напримѣръ, въ аулахъ Нью, Пеленгъ, Таргинъ, Муручь и др.) видѣются высоко, нѣсколько ниже пирамидальныхъ крышъ, фигуры крестовъ, высѣченныхъ въ стѣнахъ. Въ башнѣ аула Хайбахъ (Нашхойскаго общества, Аргунскаго округа) мы замѣтили плиты съ крестами въ двухъ мѣстахъ. Одна плита своеобразной формы, образующая косякъ надъ дверью, теперь заложеной, представляетъ на верху грубо начертанную фигуру креста, а подъ ней орнаментъ, кончающійся по обѣимъ сторонамъ спиралями; другая плита, вдѣланная въ уголъ башни, на высотѣ приблизительно 3-хъ саженой отъ земли, покрыта грубыми изображеніями трехъ крестовъ, большого въ серединѣ и двухъ небольшихъ по бокамъ. Положеніе описанной плиты показываетъ, что она была, вѣроятно, взята съ христіанскаго могильника и употреблена какъ простой камень при построеніи башни *). Выше на сѣверѣ въ Большой Чечнѣ, по достовѣрному свидѣтельству, при входѣ въ Аргунское ущелье, близъ ауловъ Атага и Чахкери, на томъ мѣстѣ, гдѣ построена крѣпость Воздвиженская, найденъ былъ большой каменный крестъ, похожій формою на древній грузинскій, съ углубленіемъ для иконы. Отъ этой находки крѣпость и получила свое названіе.—Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда мусульманство еще не вытѣснило въ нѣкоторыхъ обществахъ Чечни древнихъ вѣрованій, путешественники отмѣчали тамъ и сямъ каменные и чугунные кресты, пользовавшіеся уваженіемъ у окрестнаго населенія. Такъ, Клапротъ, путешествовавшій по Кавказу между 1807 и 1809 годомъ, занесъ въ свой дневникъ замѣтку, что въ Галгаѣ на западѣ, при въѣздѣ въ ущелье недалеко отъ р. Асси, онъ видѣлъ въ крутомъ утесѣ пещеру *съ желѣзнымъ крестомъ*, къ которому населеніе ходило въ іюнѣ мѣсяцѣ **). Къ сожалѣнію, путешественникъ не даетъ точныхъ топографическихъ указаній и свѣдѣній о формѣ креста.

Другое упоминаніе о крестѣ, въ настоящее время уже не существующемъ, находимъ въ статьѣ „Десять лѣтъ на Кавказѣ“ ***). Анонимный авторъ, проѣзжавшій близъ аула Цори въ 1851 году, сообщаетъ слѣдующее: „Невдалекѣ отъ деревни (Цори) на холмѣ стоялъ покрытый мхомъ большой крестъ, высѣченный изъ цѣльнаго камня. Цоринецъ (спутникъ автора) говорилъ, что предки ихъ были христіане,

*) См. далѣе, рис. 54 и 55.

**) Voyage au Caucase et en Géorgie. Т. I. р. 403.

***) См. Современникъ 1854 г. т. XLVII, отд. V, стр. 41.

и крестъ этотъ поставленъ будто однимъ изъ предводителей послѣ побѣды надъ мусульманами“.

Отмѣтимъ также, что въ запискахъ П. И. Головинскаго *) мы находимъ указаніе на три желѣзные креста, хранившіеся на горѣ Будуръ-Ламъ близъ аула Хули. Празднество въ честь крестовъ происходило между 10 и 14 іюня и было связано съ памятью о Тимичъ-ерды (св. Тимофеѣ). Послѣ молитвы жрецы предсказывали народу символически, каковъ для него будетъ годъ, именно: если жрецы вынимали изъ каменнаго хранилища всѣ три креста разомъ и показывали ихъ народу, то это означало, что годъ будетъ хорошій; если показывали два креста, — годъ посредственный; если только одинъ, — то народу будетъ плохо.

Отъ этихъ скудныхъ и одиночно стоящихъ памятниковъ христіан-

Рис. 9. Развалины церкви Тхаба-ерды.

ской старины перейдемъ къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ христіанскихъ сооруженій, къ древнему храму, извѣстному у Ингушей подъ именемъ Тхаба-ерды, т. е. *2 тысячи святыхъ*. Мѣстность для построения этого храма была выбрана чрезвычайно удачно. Это небольшая равнина, въ которой сходятся нѣсколько горныхъ долинъ, образуемыхъ рѣкою Асси и ея мелкими притоками. Съ одной стороны равнины возвышаются горы, покрытыя до низу густымъ лѣсомъ, съ другой — ее замыкаютъ высокіе утесы причудливой формы. Съ пригорка, на которомъ расположена церковь и окружающій ее могильникъ, открывается чудный видъ во всѣ стороны и виднѣются башни ауловъ Хамхи

*) См. Сборн. Свѣд. о Терской области. Вып. I, стр. 353.

и Таргина, стоящихъ при рѣкѣ Ассѣ. Въ 300 шагахъ отъ храма, по ту сторону небольшого ручья, лежитъ аулъ Хайрыхъ, Хамхинскаго общества, состоящій въ настоящее время не болѣе какъ изъ двухъ-трехъ саклей. Вся мѣстность эта представляется густо заселенной, и многочисленныя слѣды могильниковъ показываютъ, что и въ отдаленныя времена въ этихъ мѣстахъ были значительныя поселенія. Объ этомъ же говоритъ и мѣстное преданіе, утверждающее, что въ Таргинѣ жили лучшія узденскія чеченскія фамиліи. Въ отдаленныя времена, по народной легендѣ, жило трое братьевъ въ аулѣ Эги-калэ. Когда родъ ихъ размножился, они раздѣлились и одинъ остался въ родовомъ аулѣ,

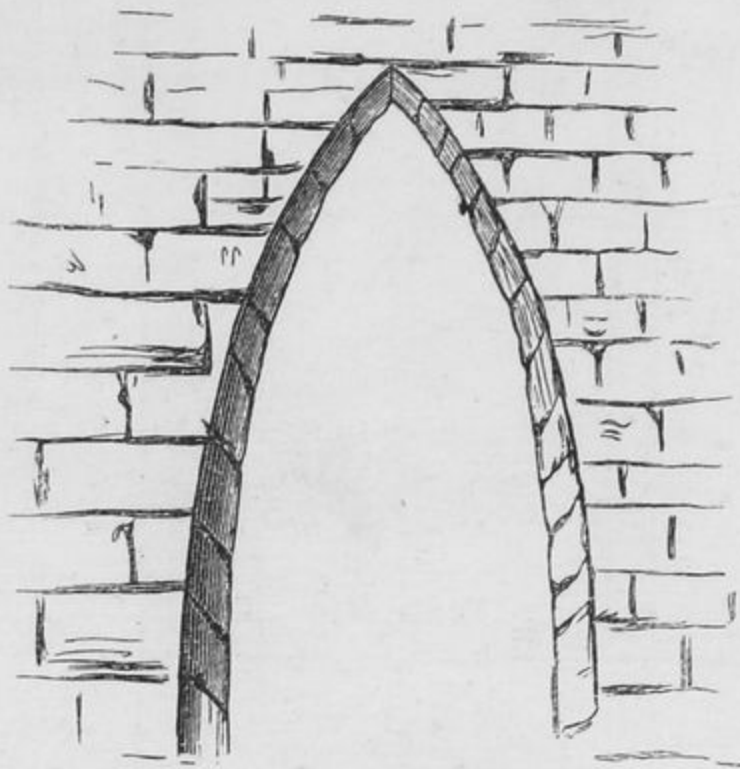

Рис. 10. Арка въ церкви Тхаба-ерды.

а два другихъ—Таргинъ и Хамхи—ушли и основали оба аула, носящіе ихъ имена.

Древній храмъ — Тхаба-ерды — представляетъ прямоугольное продолговатое зданіе небольшихъ размѣровъ, въ 17 метровъ длины и $7\frac{1}{2}$ ширины. Стѣны, сложенныя изъ тесаныхъ камней, отличаются отличной кладкой на извести и достигаютъ толщины 0,80 метр. Внутренность зданія раздѣлена тремя высокими остроконечно сведенными арками на 4 части.

Первая арка отдѣляетъ алтарь; двѣ арки приходятся на храмъ и трапезу, пространство между 3-й аркой и западной стѣной—соотвѣтствуетъ внутреннему притвору. Длина алтаря 4 м., 15 с. корабля и трапезы 8 м. 17 с., внутр. притвора—2 м. 10 с., такъ что длина всего храма внутри стѣнъ равняется 14 м. 42 с. Проходы между арками въ 2 м. 75 с.; толщина арокъ 65 с. Алтарный абсидъ представляетъ дугу въ 9 ме-

тровъ; алтарь лежалъ на 1 аршинъ выше храма, какъ замѣтно по насыпи и слѣдамъ ведущихъ въ алтарь ступеней; въ абсидѣ алтаря находится полукруглое сложенное изъ камней сопрестоліе, возвышающееся

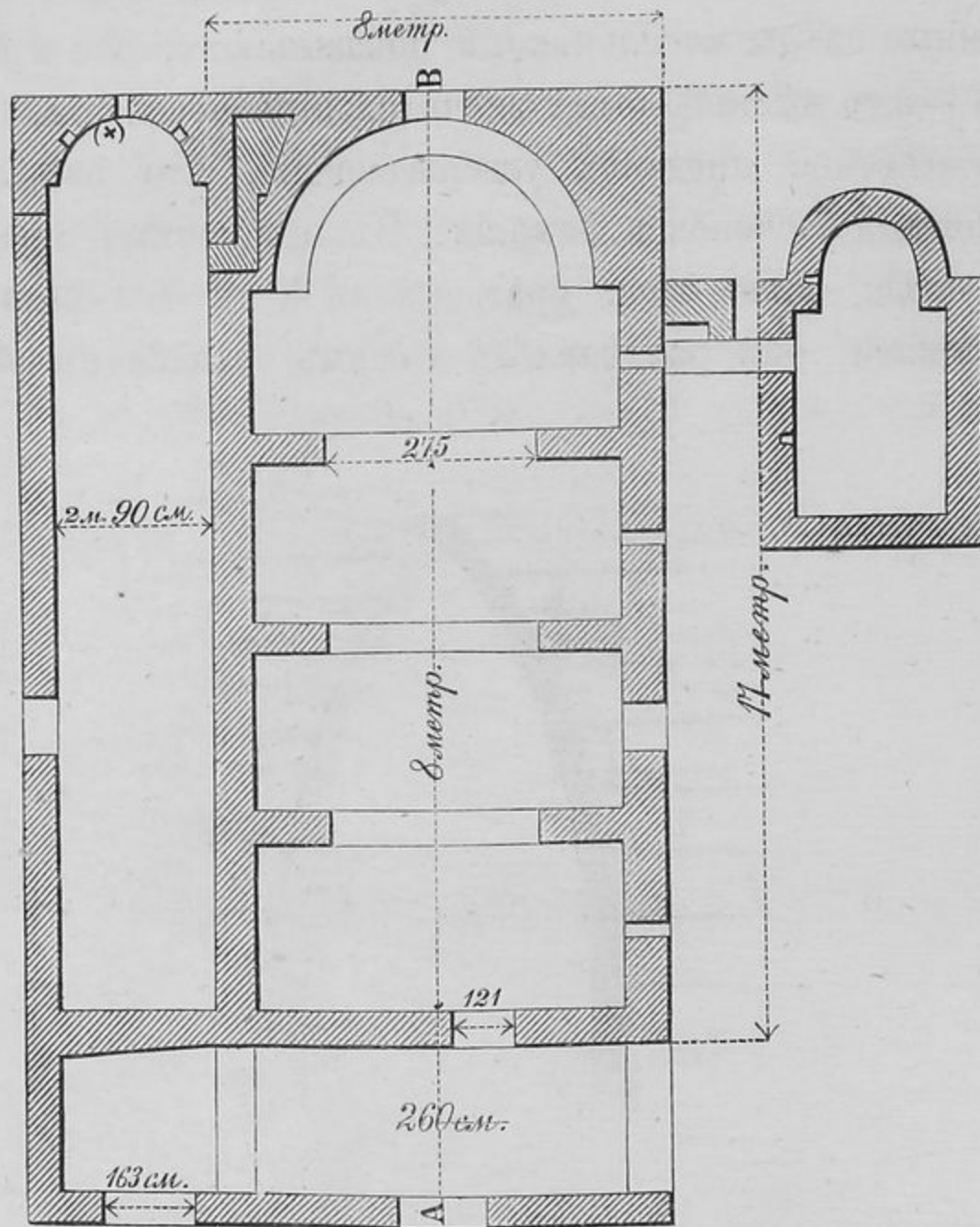

Рис. 11. Планъ церкви Тхаба-ерды.

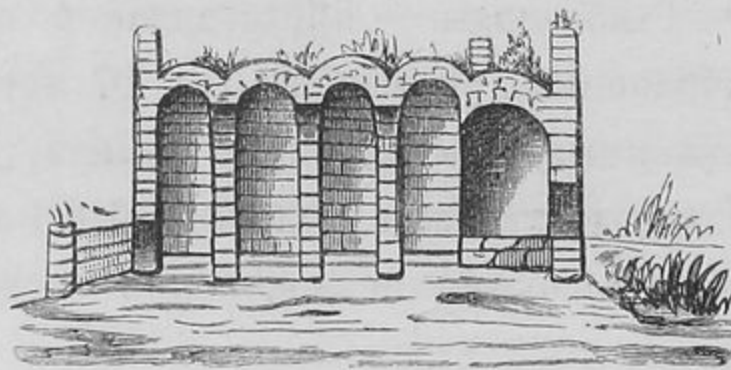
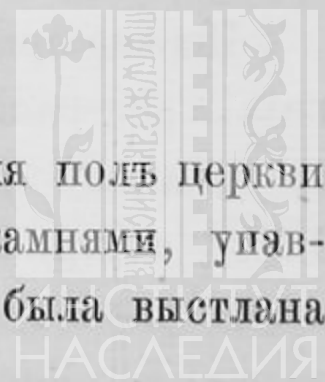

Рис. 12. Продольный разръзъ церкви Тхаба-ерды.

на аршинъ надъ алтарнымъ поломъ. Въ настоящее время полъ церкви засыпанъ землею на $\frac{1}{2}$ аршина слишкомъ и заваленъ камнями, упавшими сверху, но раскопка обнаружила, что церковь была выстлана плитами небольшихъ размѣровъ.

Обѣ двери, ведшія въ церковь, западная и южная, небольшихъ размѣровъ *), украшены плитами съ разнообразными орнаментами.

Рис. 13. Южная дверь церкви Тхаба-ерды.

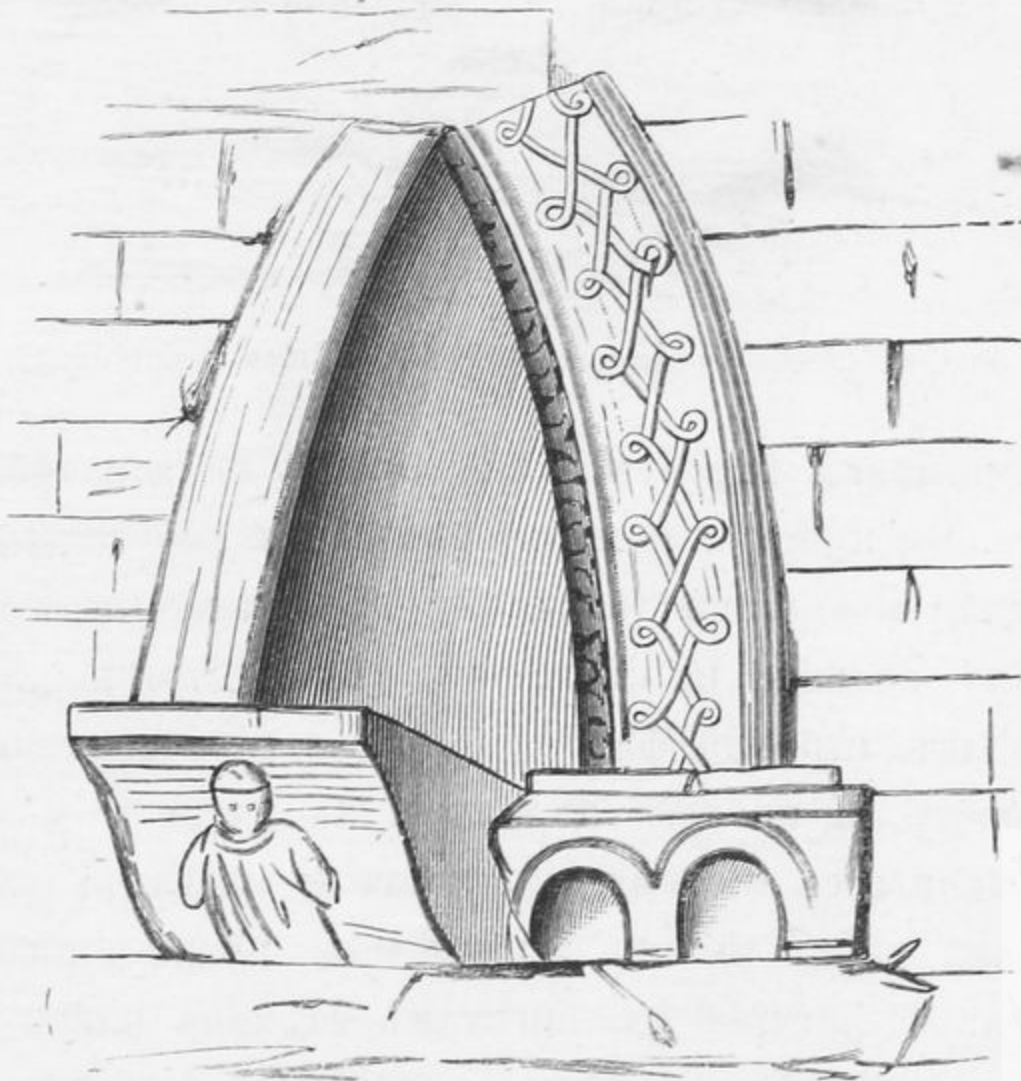

Рис. 14. Окно въ южной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

*) Ширина западной двери=1,21, вышина=2 м., ширина южной двери=82 с. высота=1,20 с.

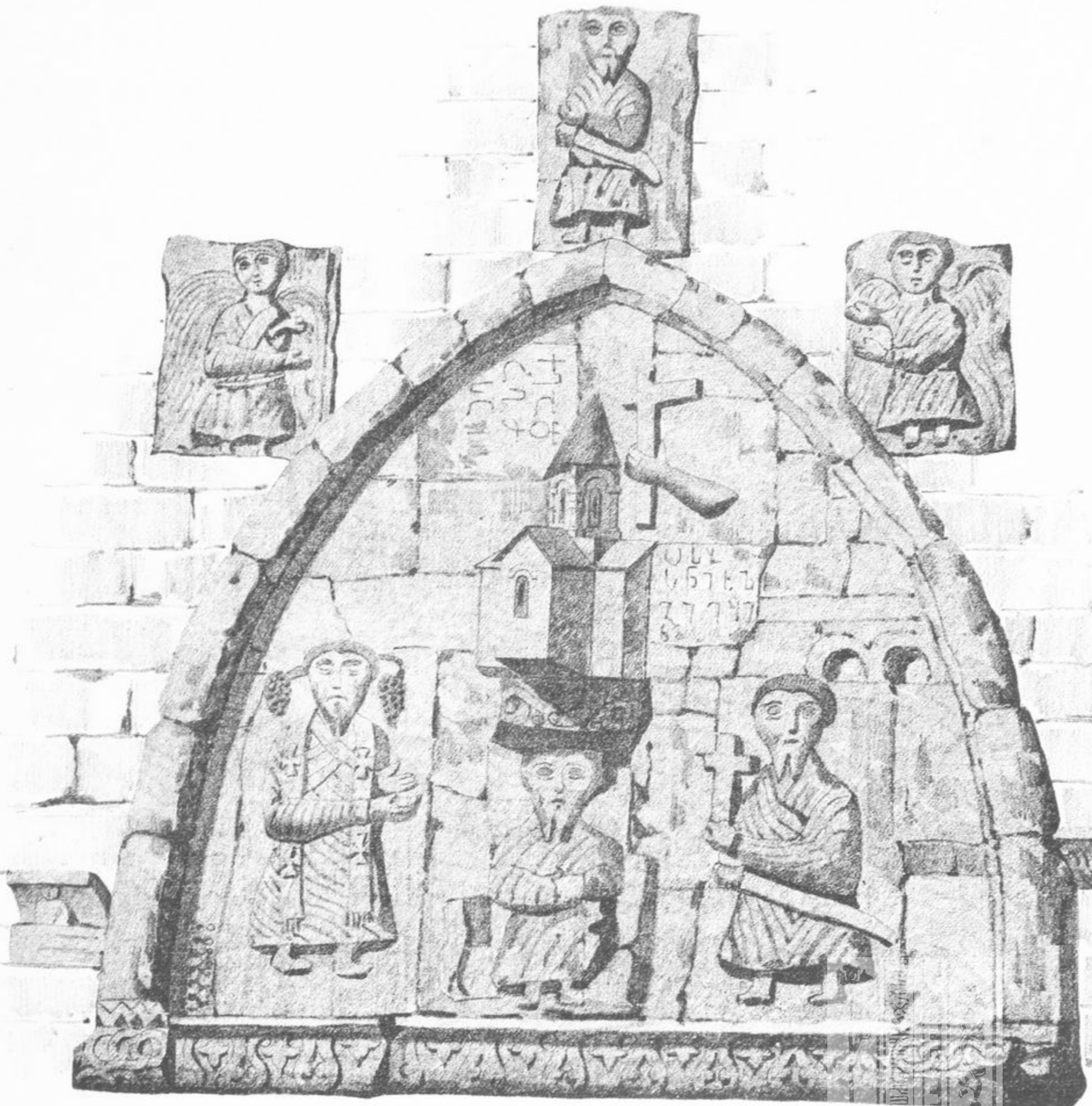
На южной стѣнѣ, на высотѣ $2\frac{1}{2}$ сажени, виднѣются узкія окна въ видѣ продольныхъ суживающихся къверху щелей, не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина шириной.

Окно въ восточной стѣнѣ (алтарной) значительно шире и украшено плохо сохранившимися барельефами, на которыхъ можно различить изображеніе челоуѣка, борющагося со львомъ (Самсонъ?) и еще двѣ неопредѣлимыя фигуры.

Рис. 15. Окно въ восточной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Самый любопытный барельефъ сохранился на западной стѣнѣ надъ входной дверью. Въ пространномъ сферическомъ треугольникѣ, окруженномъ какъ бы выпуклою рамою (валикомъ) представлены въ серединѣ челоуѣкъ повидимому, сидящій на сѣдалищѣ, съ моделью церкви на головѣ; по бокамъ его двѣ стоящія фигуры—правая (отъ зрителя) держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ, а правую положила на рукоятъ меча; лѣвая фигура въ епитрахили и съ кистями винограда на плечахъ; около изображенія модели храма сбоку на плитѣ высѣчена рука, держащая наугольникъ; надъ правой фигурой съ крестомъ вдѣлана плита съ плохо сохранившейся грузинской надписью, и такая же надпись помѣщается съ лѣвой стороны, нѣсколько выше первой. Въ той же западной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго барельефа, вдѣланы плиты съ изобра-

женіями двухъ ангеловъ; надъ барельефомъ—подъ конькомъ—еще плита съ неявственной человѣческой фігурою, съ рукою на рукояти меча *).

Всѣ барельефы чрезвычайно грубаго стиля, высѣчены очень глубоко (болѣе вершка) на мягкомъ камнѣ и сильно пострадали отъ времени. Плиты съ изображеніями человѣческихъ фігуръ и съ орнамен-

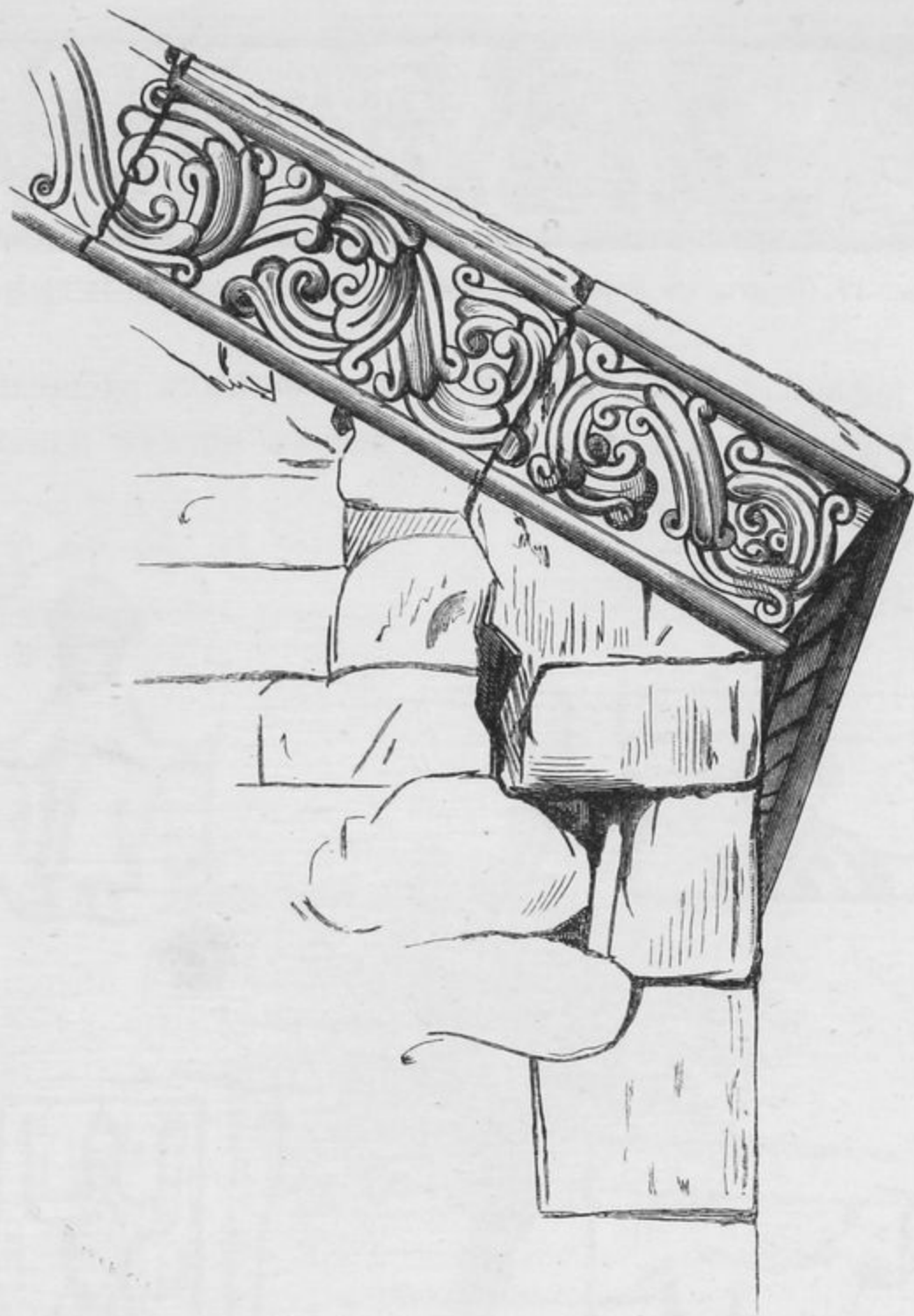

Рис. 16. Откосъ церкви Тхаба-ерды.

тами были, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, привезены изъ Грузіи готовыми, такъ какъ такого матеріала нѣтъ въ окрестностяхъ храма. Стѣны вѣнчаются откосомъ, покрытымъ изящными орнаментами, которые въ настоящее время представляются въ полномъ безпорядкѣ. Нужно замѣтить, что, по всей вѣроятности, храмъ въ верхнихъ своихъ частяхъ пришелъ въ разрушеніе въ теченіе времени, и мѣстные жители старались по мѣрѣ силъ поддерживать его, складывая упавшіе камни

*) См. Табл. I.

и плиты, какъ попало. Такимъ образомъ, въ откосѣ помѣщались рядомъ двѣ плиты разнаго рисунка и нѣкоторые барельефы, безъ всякаго вниманія къ изображенію, очутились вдѣланными, какъ простые камни, въ верхнія части обрушившихся стѣнъ храма.

Рис. 17. Плиты съ барельефами въ откосѣ церкви Тхаба-ерды.

Такъ, на южной стѣнѣ, выше и ниже оконныхъ расщелинъ (также позднѣйшей формаціи), вдѣланы иногда вверху ногами плиты съ чело-вѣческими и звѣринными фигурами.

Рис. 18, 19, 20, 21. Плиты съ рельефными изображеніями людей и животныхъ, вдѣланныя въ стѣны церкви Тхаба-ерды.

Вся ближайшая окрестность церкви усѣяна камнями и плитами, между которыми встрѣчаются барельефы.

Что касается покрытія церкви, то, судя по остаткамъ, видно, что оно состояло изъ трехъ сводовъ (1 надъ притворомъ, два — надъ храмомъ) и правильнаго полукруглаго свода надъ алтарнымъ полукружіемъ. Эти своды, частью обрушившіеся, поддерживали двускатную

крышу, вѣроятно покрытую черепицей, какъ можно заключить по множеству отдѣльныхъ кусковъ, попадающихся внутри церкви и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Барабанъ и куполь не уцѣлѣли, но о ихъ существованіи можно заключить изъ модели храма, представляющей

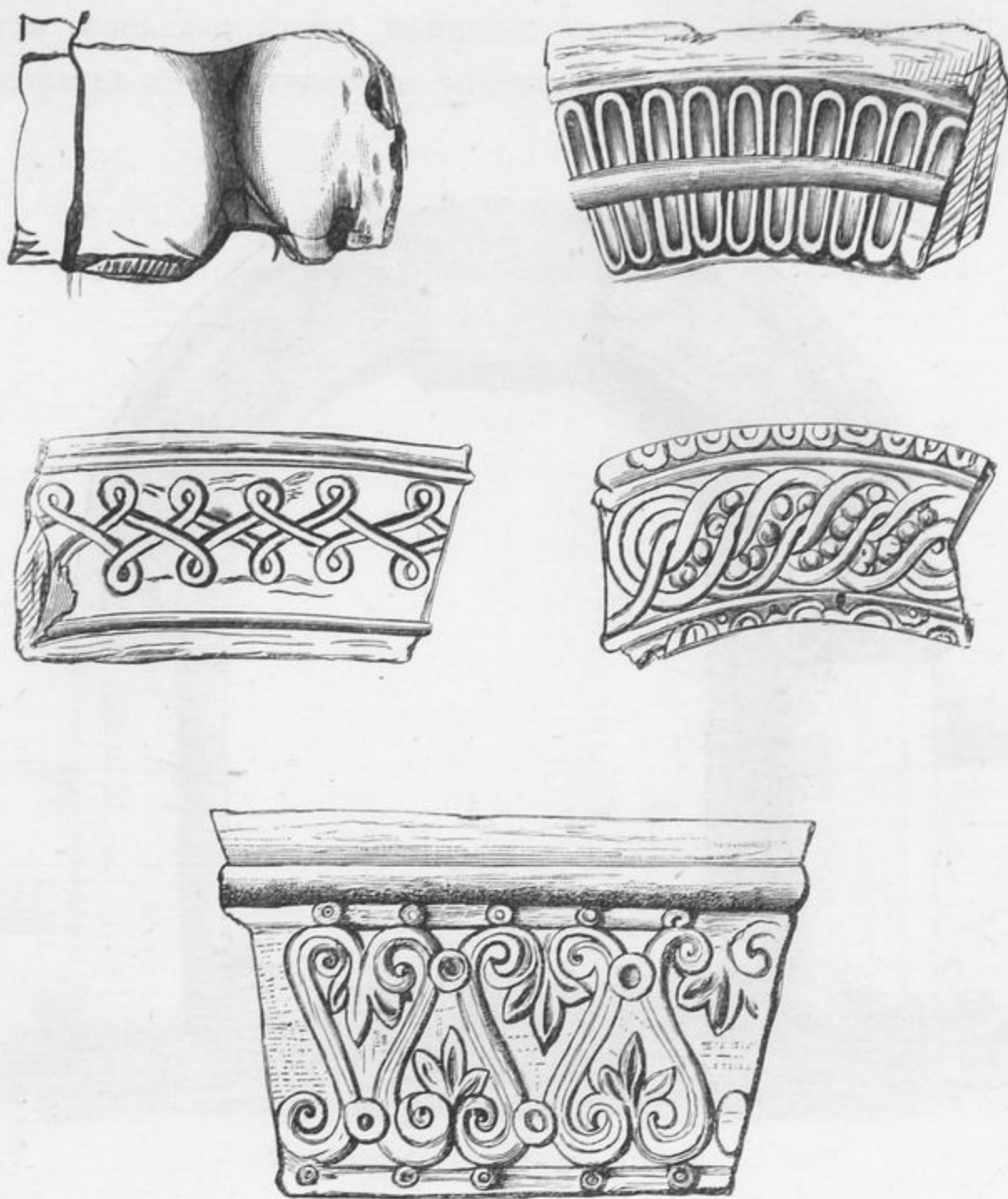

Рис. 22, 23, 24, 25, 26. Плиты съ орнаментами, лежащія въ окрестностяхъ церкви Тхаба-ерды.

обычный типъ грузинскихъ церквей. Съ западной стороны, параллельно съ храмомъ, тянется каменная невысокая (аршина въ 2) ограда, частью обрушившаяся, но представляющая еще остатки двухъ воротъ*), покрытыхъ полукруглой аркой изъ плитъ, украшенныхъ рельефными орнаментами.

На сѣверной сторонѣ храма былъ придѣлъ, отъ котораго сохранилось алтарное полукружіе, съ діаметромъ въ $2\frac{1}{2}$ метра (см. планъ). Ши-

*) Ширина пролетовъ 1 м. 63 с., разстояніе между воротами 3 м., длина ограды западн. стороны 12 м., разстояніе ограды отъ стѣны церкви 2,43 с.

рина лѣвой пристройки не превышаетъ 3-хъ метровъ; въ алтарномъ полукружїи расположены 3 небольшія ниши. Пристройка примыкаетъ непосредственно къ сѣверной стѣнѣ церкви; далѣе, въ грудѣ камней, наваленныхъ вдоль сѣверной стѣны церкви, можно различить слѣды еще небольшой двери (высотой въ 1 м. 10 с., шириной въ 1 м.). Можно отмѣтить еще, что въ сѣверной стѣнѣ недалеко отъ алтаря есть узкій ходъ, ведущій внутрь стѣны параллельно съ алтаремъ; цѣль

Рис. 27. Ворота въ оградѣ церкви Тхаба ерды.

этого тайника, заваленнаго внутри камнями, была, вѣроятно, служить помѣщеніемъ для сохраненія священныхъ предметовъ. Южная стѣна церкви соединяется перпендикулярной къ ней стѣнкой (въ 2, 50 с.) съ другой пристройкой, которой назначеніе остается неизвѣстнымъ (см. планъ). Пристройка, судя по сохранившемуся фундаменту, идетъ въ глубь горы, и когда-то была покрыта землею; на восточной сторонѣ она замыкается абсидомъ, съ дугой въ 440 с., длина продольныхъ стѣнъ не превышаетъ 7 шаговъ; изъ нихъ правая стѣна глухая, а въ лѣвой, близъ абсида, сохранились слѣды двери и небольшая ниша.

Въ пространствѣ между южной стѣной церкви и стѣной пристройки видны остатки свода и заваленный камнями входъ въ склепъ, содержа-

щій человѣческія кости. Народное повѣрье утверждало, что въ этомъ склепѣ лежитъ берцовая кость необыкновенной величины, чуть-ли не въ 2 аршина, и что въ прежнія времена, когда урожаю угрожала засуха, окрестные жители открывали склепъ, выносили кость, погружали ее въ воду, и засуха смѣнялась обильнымъ дождемъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей съ готовностью указалъ намъ закрытое отверстіе склена и былъ не мало удивленъ, когда въ склепѣ оказались кости са-

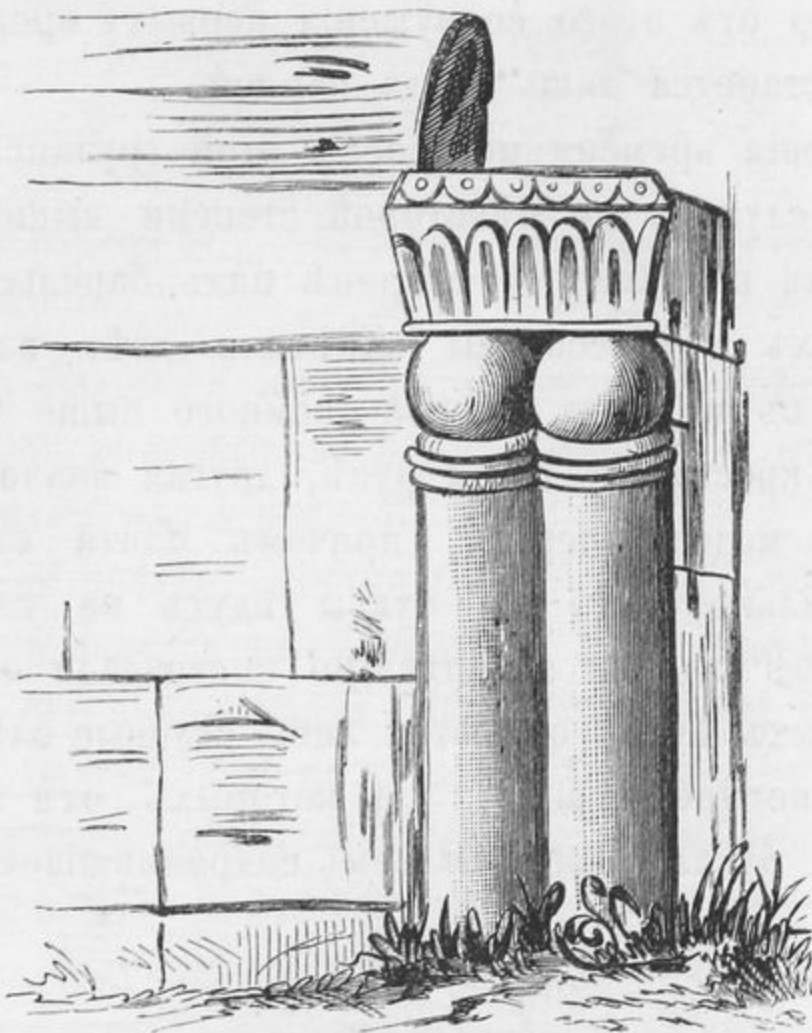

Рис. 28. Часть ограды и воротъ церкви Тхаба-ерды.

мыхъ обыкновенныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, наслѣдованное отъ предковъ убѣжденіе въ существованіи исполинской, чудотворной кости было разсѣяно нѣсколькими ударами кирки.

По словамъ стариковъ, къ развалинамъ церкви собирались съ приношеніями жители окрестныхъ ауловъ одинъ разъ въ годъ, именно на красную горку. Этотъ культъ святыни не что иное, какъ глухое воспоминаніе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Тхаба-ерды была приходскою церковью окрестныхъ ауловъ. Любопытно, что четыремя, образуемыми арками, отдѣленіями церкви мѣстные жители воспользовались оригинальнымъ образомъ, подѣливъ ихъ между четыремя аулами: въ 1-мъ отдѣленіи справляли праздникъ Яулинцы, во 2-мъ—Акальцы, въ 3-мъ—Хамхинцы, въ 4-мъ—Таргинцы. Во время торжества жители

каждаго изъ этихъ ауловъ варили пиво въ своемъ отдѣленіи, рѣзали барановъ и быковъ. Передъ приступленіемъ къ пирушкѣ старики произносили молитвы объ урожаѣ, причемъ, по традиціи, снимали папахи и держали ихъ подъ мышкою. Вотъ въ какихъ глухихъ отголоскахъ сохранялся до послѣдняго времени культъ древней христіанской святыни. Въ настоящее же время молодое поколѣніе смотритъ на прежніе обряды, какъ на идолопоклонство; древняя церковь съ каждымъ годомъ разрушается и, быть можетъ, грозящіе паденіемъ своды скоро рухнутъ, такъ что отъ этого сооруженія первыхъ временъ христіанства среди горцевъ останется лишь грудка камней.

Для опредѣленія времени построенія этой грузинской церкви близъ р. Ассы могутъ служить до нѣкоторой степени вышеупомянутыя надписи, находящіяся на западной сторонѣ надъ барельефами. Въ настоящее время такихъ надписей мы замѣтили двѣ, изъ которыхъ одна вдѣлана рядомъ съ моделью церкви немного выше человѣческой фигуры, держащей крестъ въ лѣвой рукѣ, другая значительно выше рядомъ съ крышей модели церкви, причемъ плита съ этой надписью вложена неправильно, такъ что буквы идутъ не слѣва направо, а сверху внизъ. Обѣ надписи значительно пострадали отъ времени, такъ что отъ нѣкоторыхъ буквъ остаются лишь скудные слѣды. Первая надпись содержитъ четыре строки, изъ которыхъ отъ нижней осталась только начальная буква. Представляемъ сохранившіяся очертанія буквъ:

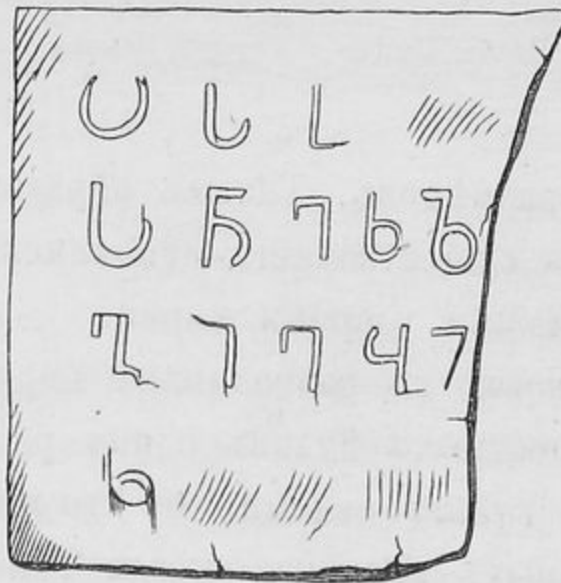

Рис. 29. Надпись № 1, на западной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Во второй надписи, въ настоящее время, можно различить только три строки, хотя длина плиты заставляетъ думать, что нѣкогда было,

вѣроятно, 5 строкъ. Повернутая согласно съ направлениемъ буквъ эта надпись представляетъ слѣдующій видъ:

Рис. 30. Надпись № 2, на западной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Для прочтенія надписей мы обратились въ Тифлисъ къ извѣстному знатоку грузинской эпиграфики Д. З. Бакрадзе и получили отъ него слѣдующій отвѣтъ на наше письмо.

„Лѣтъ 15 тому назадъ, состоя инспекторомъ школъ „Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ“, я, по осмотрѣ ихъ въ горной Хевсуретіи, случайно попалъ изъ Шатиля, по теченію р. Ассы, черезъ Амгу, въ Галгай, гдѣ мнѣ удалось видѣть ту самую церковь, съ которой грузинскія надписи сняты археологической экспедиціей 1886 года. Къ счастью, я нашель въ своемъ дневникѣ тѣже самыя надписи, но еще болѣе полныя. Не скажу, чтобы онѣ были сняты мною съ тою точностью, съ какою бы я ихъ снялъ, если бы пришлось мнѣ ихъ видѣть теперь. Къ тому же я списалъ ихъ, рассматривая ихъ чрезъ бинокль и не слѣзая съ лошади. Вотъ почему снимокъ мой едва ли можетъ быть вполне вѣрнымъ. Въ одномъ не сомнѣваюсь, что церковь построена какимъ-то Давидомъ, *патрономъ*-владѣтелемъ, вѣрнѣе царемъ, ибо „патронъ“, въ особенности же слово „прославъ“ относится во всѣхъ почти встрѣчающихся грузинскихъ надписяхъ къ царствующимъ лицамъ, и что наконецъ округомъ, въ которомъ была построена церковь, завѣдывалъ епископъ Георгій. Не знаю, вѣрно ли я воспроизвожу годъ основанія церкви 830, хотя характеръ письма и въ списокѣ, сдѣланномъ археологической экспедиціей, и въ моемъ указываетъ на глубокую древность.... Къ сожалѣнію, не могу дать никакого свѣдѣнія о построеніи грузинами Тхаба-ердинской церкви, такъ какъ не нахожу никакихъ указаній на нее въ доселѣ извѣстныхъ письменныхъ памятникахъ Грузіи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ присланнаго Д. З. Бакрадзе схематическаго изображенія западной стороны церкви оказывается, что во время его посѣщенія на ней было не двѣ, а четыре надписи. Наша надпись № 2, въ настоящее время перевернутая и вставленная въ рамку барельефа, находилась прежде внѣ его, на лѣвой сторонѣ (отъ зрителя). Д. З. Бакрадзе представляетъ слѣдующій списокъ съ нея и переводъ:

„Христе, прослави
строителя (хра)ма
сего) патрона Да-
вида (Эристова?
Аскаго?)“

Рис. 31. Надпись № 2.

Вмѣсто надписи № 2 надъ фигурой въ епитрахили прежде находилась, по словамъ Д. З. Бакрадзе, слѣдующая теперь не существующая надпись:

„Господи, благослови
Георгія епископа“.

Рис. 32. Надпись № 3.

Наша надпись № 1 представлена въ письмѣ Д. З. Бакрадзе въ слѣдующемъ видѣ:

„Господь Саваоѡъ?
Помяни епископа
Георгія“.

Рис. 33. Надпись № 1.

Наконецъ во время посѣщенія Тхаба-ерды г. Бакрадзе, въ параллель къ надписи № 3, была еще небольшая надпись № 4, содержащая годъ построения церкви:

Короникони 50=830 г.?.

Рис. 34. Надпись № 4.

Предоставляя знатокамъ грузинской эпиграфики окончательное рѣшеніе вопроса о древности описанной церкви, отмѣтимъ въ заключеніе, что въ нишѣ, во внутренней лѣвой стѣнѣ, мы нашли красную глиняную плиту, шириною въ 6, длиною въ 7 вершковъ, съ двумя стро-

ками грузинскихъ буквъ, изъ которыхъ въ верхней строкѣ отчетливо сохранилось 5 буквъ, а въ нижней части отъ 4-хъ. Д. З. Бакрадзе слѣдующимъ образомъ переводитъ сдѣланный нами списокъ:

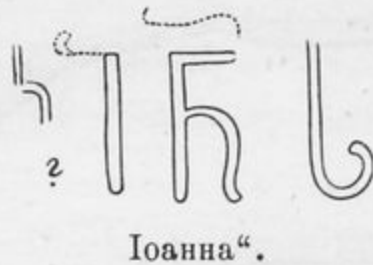

Рис. 35. Надпись на плитѣ въ церкви Тхаба-ерды.

Очевидно эта плита была нѣкогда вдѣлана въ гробницу, но гдѣ послѣдняя находилась, остается неизвѣстнымъ.

При посѣщеніи аула Галанчоджъ, расположеннаго близъ озера того же имени, нами руководила мысль отыскать и изслѣдовать остатки монастыря, о которомъ встрѣчаются свѣдѣнія въ литературѣ. Такъ, въ статьѣ г. Ипполитова *) помещено слѣдующее извѣстіе: „Въ Акинскомъ обществѣ близъ аула Галанчоджъ, на горѣ у озера, находятся развалины, о которыхъ ходитъ слѣдующее преданіе: лѣтъ за 400 или 500 какіе-то вооруженные фиренги (т. е. европейцы) пришли къ озеру и построили на горѣ монастырь, который окружили каменной стѣною. Фиренги эти жили долго въ ладу съ туземцами, которыхъ они приглашали въ монастырь и учили христіанской религіи; но фиренги же первые подали поводъ къ ссорѣ: похищая и насилуя туземокъ, они возстановили противъ себя туземцевъ, которые послѣ упорной борьбы прогнали фиренговъ и монастырь ихъ разрушили“. Заинтересованные этимъ извѣстіемъ, мы, подѣзжая къ озеру Галанчоджу, съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣли на развалины, виднѣющіяся высоко на вершинѣ почти остроконечной горы. Однако ближайшія изслѣдованія не оправдали нашихъ ожиданій. Въѣхавъ на вершину горы, мы увидали небольшое прямоугольное полуразрушенное зданіе, въ 8 метровъ длины и 2¹/₂ м. ширины; стѣны возвышаются на 3¹/₂ метра, крыша провалилась и внутренность засыпана камнями почти на высотѣ метра. Ближайшій осмотръ развалинъ

*) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ I, стр. 48.

убѣдилъ насъ, что это сооруженіе не носило никакихъ признаковъ христіанской церкви а тѣмъ менѣе монастыря. На восточной сторонѣ на высотѣ $1\frac{1}{2}$ метра отъ земли виднѣется окно, высотой въ 1 м. 7 с., шириною въ 78 с. Западная стѣна, лучше другихъ сохранившаяся, была глухая. Входъ можно предположить либо въ сѣверной, либо въ южной стѣнѣ, которая рухнула, такъ что представляетъ лишь кучу камней. Зданіе окружено каменной оградой, въ которой замѣтны двое воротъ съ арками, одни на сѣверозападѣ, другія на юговостокѣ.

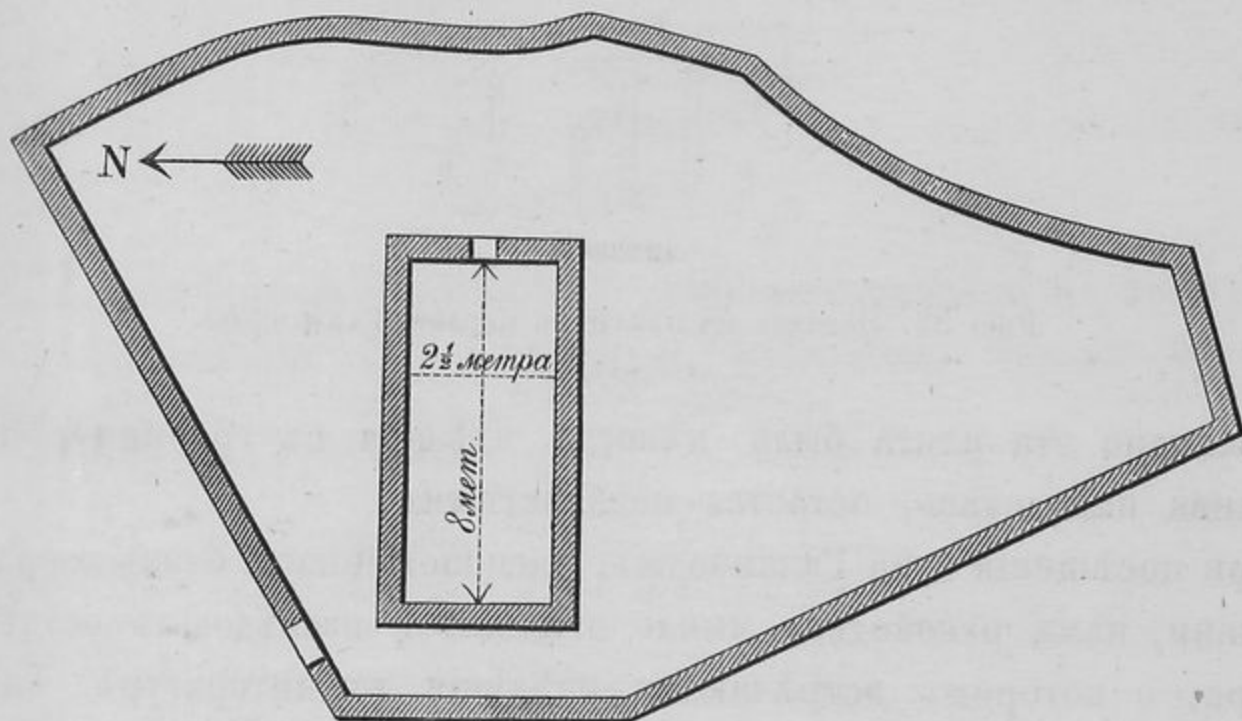

Рис. 36. Планъ святилища Мизръ-богú и ограды.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что описанное зданіе носило священный характеръ; высокое положеніе на горѣ, ограда, народная традиція, которая утверждаетъ, что предки нынѣшняго населенія ходили къ Мизръ-богú (такъ называется эта руина) на поклоненіе и рѣзали барановъ, принося ихъ въ жертву будто-бы стоявшему тамъ „идолу“ — все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что передъ нами древнее святилище. Но, съ другой стороны, къ описанной развалинѣ не можетъ быть приурочено сообщаемое г. Ипполитовымъ преданіе о монастырѣ, будто бы построенномъ фиренгами. На горѣ, гдѣ возвышается руина, нѣтъ воды — перваго условія для жилья, да и размѣры постройки не соотвѣтствуютъ понятію о монастырѣ. Разспросы въ аулѣ Галанчоджъ вообще не подтвердили легенды о фиренгахъ; о монастырѣ, будто-бы ими основанномъ, ничего не знали мѣстные жители. Кромѣ Мизръ-богú, нѣтъ близъ озера никакихъ развалинъ, въ которыхъ можно было-бы признать остатки христіанской церкви или монастыря, такъ что мы пришли къ убѣжденію, что всякіе слѣды такого зданія (если оно вообще существовало) стерты съ лица земли. Туземцы говорили намъ, что около

озера было некогда небольшое святилище, гдѣ въ известное время года рѣзали барановъ. Затѣмъ на слѣды культуры, некогда окружавшей озеро, нынѣ совсѣмъ заброшенное, указываетъ небольшая роща, сохранившаяся на его пустынномъ берегу. Такъ какъ нигдѣ въ окрестностяхъ не видно деревьевъ, вслѣдствіе высокаго положенія Галанчоджа и характера горъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что роща была посажена рукою человѣка. Говорятъ, что прежде она окружала все небольшое озеро, не превышающее $\frac{1}{4}$ версты въ діаметрѣ. На деревья рощи смотрятъ до сихъ поръ какъ на священные и боятся ихъ истреблять, несмотря на крайнюю скудость въ топливѣ, за которымъ ходятъ версть за 5 отъ аула на вершину почти отвѣсной скалы.

Рис. 37. Окно въ святилищѣ Мизръ-богѣ.

Заключая этимъ нашъ отчетъ о христіанскихъ древностяхъ изслѣдуемой нами области, считаемъ не лишнимъ привести любопытную, записанную нами на мѣстѣ, народную легенду, которая объясняетъ появленіе озера Галанчоджа

Близъ аула Ялхарой, въ мѣстѣ, называемомъ Амка, было прежде озеро. Однажды одна мать съ дочерью отправились на берегъ озера и по неразумію стали мыть грязныя пеленки въ его хрустальной водѣ. Духъ озера, за это оскверненіе, обратилъ обѣихъ женщинъ въ камни, которые и теперь еще виднѣются у Амка. Но и озеро не хотѣло больше оставаться въ оскверненномъ ложѣ. Оно обратилось въ чуднаго рослаго быка, который перешелъ скалистый кряжъ, оставивъ громадную выемку какъ слѣдъ своего хода *), и спустилось внизъ почти съ отвѣсной вы-

*) Эту выемку въ скалѣ намъ показывали изъ аула.

соты. Затѣмъ быкъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь лежитъ озеро и гдѣ прежде были расположены пахотные участки. Толпа людей, занятыхъ полевой работой, увидѣвъ быка, подошла къ нему; всѣ дивились его росту и заспорили между собою; одни говорили: давайте, впряжемъ быка въ плугъ; другіе говорили: нѣтъ, не трогайте его, это божій быкъ. Однако голоса тѣхъ, которые хотѣли запрячь быка, пересилили, и божій быкъ былъ подведенъ подъ армо. Когда онъ велъ первую борозду,—въ ней выступила грязь; при второй бороздѣ стало еще мокрѣе; при третьей—изъ земли выступила уже вода, а при четвертой—вода хлынула стремительно, затопила поле и всѣхъ людей, запрягшихъ чуднаго быка, который затѣмъ исчезъ въ водахъ озера. Съ тѣхъ поръ появившееся внезапно озеро продолжаетъ внушать суевѣрный страхъ туземцамъ: они считаютъ его бездоннымъ, не пьютъ его воду и призываютъ его въ клятвахъ до появленія мусульманства въ этихъ мѣстахъ. Видъ озера Галанчоджъ представленъ на таблицѣ II.

М о г и л ы.

Выдающееся мѣсто среди археологическихъ памятниковъ Чечни занимаютъ памятники могильные. Около каждого горскаго аула на видномъ мѣстѣ взору путешественника представляется какъ-бы другой аулъ изъ домиковъ меньшаго размѣра—мѣстный некрополь. Нѣкоторые могильные памятники такъ массивны и грандіозны, что по размѣрамъ легко могли-бы служить жилищемъ для живыхъ людей. Видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ во времена язычества или одичавшаго христіанства культъ мертвыхъ былъ сильно развитъ. Сдѣлаемъ характеристику главныхъ типовъ могильныхъ памятниковъ, причемъ ихъ можно раздѣлить для удобства обзора на 2 главные отдѣла: памятники надземные и памятники подземные.

Между *кашами* (такъ вообще называются у Чеченцевъ могилы) перваго рода обращаютъ на себя вниманіе каменные домики, покрытые пирамидальной крышей изъ шиферныхъ плитъ. Они бываютъ отъ 2-хъ до 5 метровъ высоты, отъ 2-хъ до 3-хъ метровъ ширины и вмѣщаютъ въ себѣ иногда до полусотни труповъ, положенныхъ туда съ предметами домашней обстановки. Каши большихъ размѣровъ раздѣляются на два и болѣе этажей: одно окно (съ восточной стороны) небольшихъ размѣровъ, съ полукруглымъ косякомъ изъ цѣльной плиты, ведетъ въ нижній этажъ каша; по стѣнамъ усыпальницы тянутся шиферныя нары, на которыхъ лежатъ костяки. Потолокъ нижней камеры выведенъ сво-

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

домъ; надъ нею верхняя камера такого-же устройства, въ которую даетъ доступъ окно, продѣланное въ сѣверной сторонѣ каша. Нерѣдко полки по стѣнамъ идутъ въ два ряда, а иногда трупы нагромождены кучею до самого потолка гробницы. Крыша каша представляетъ пирамиду, причѣмъ пластъ шиферныхъ плитъ чередуются съ пластомъ камней. На гребнѣ крыши помѣщается коническая шишка. Вся постройка выведена чрезвычайно прочно на глинѣ или извести и снаружи выбѣлена.

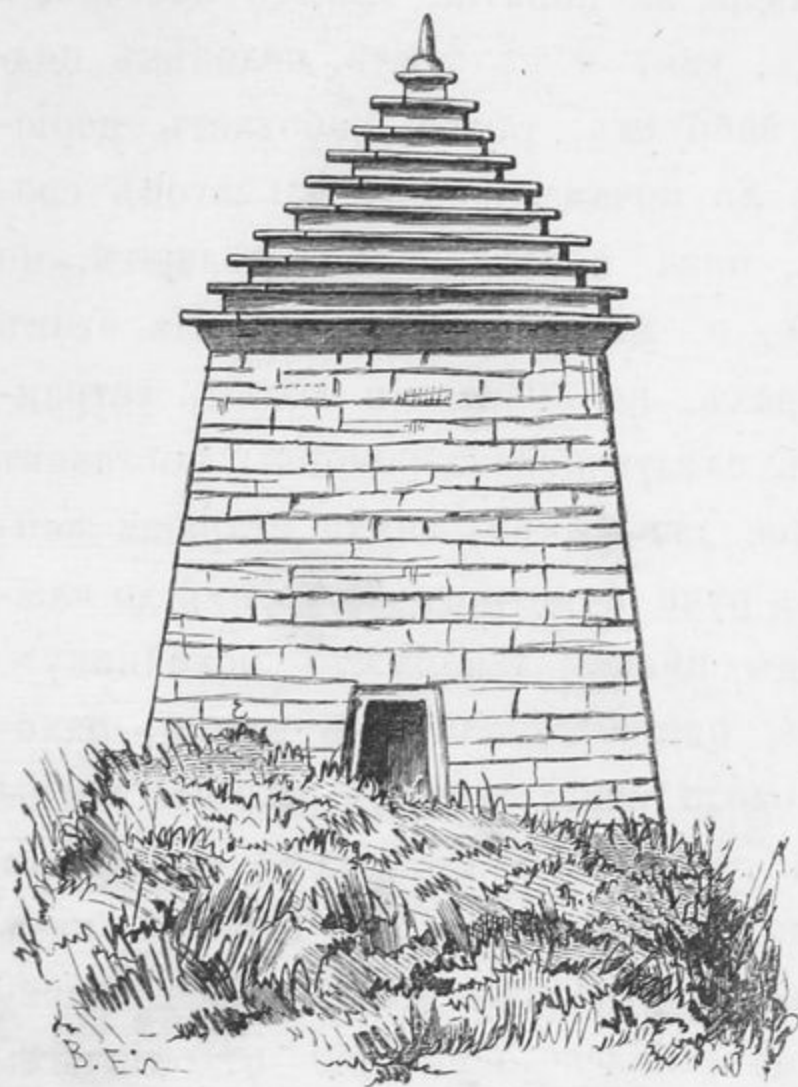

Рис. 38. Наружный видъ чеченской усыпальницы съ пирамидальнымъ покрытіемъ.

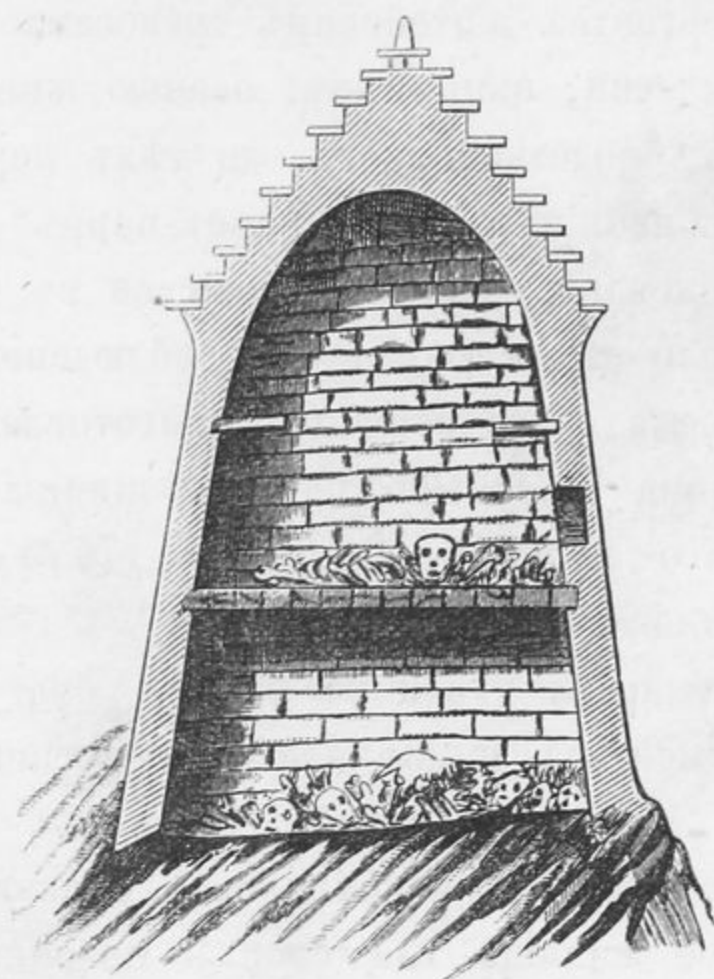

Рис. 39. Продольный разрѣзъ той же усыпальницы.

Въ такихъ погребальныхъ домахъ трупы клались въ обычной одеждѣ и съ разными предметами, необходимыми покойнику въ загробной жизни, согласно съ существовавшимъ вѣрованіемъ. Такимъ образомъ *каши* представляютъ какъ бы археологическія коллекціи, изъ которыхъ можно извлекать предметы домашняго быта отдаленныхъ временъ. При обзорѣни кашей мы находили при покойникахъ слѣдующіе предметы: желѣзные стрѣлы съ оперенными древками, желѣзные дротики, ножи въ деревянныхъ ножнахъ, кожаные колчаны, луки съ тетивами изъ жилъ, пандырны (балалайки трехструнныя), деревянные чашки для питья, серебряныя бляхи, истлѣвшія части костюмовъ (рубахъ, штановъ), ногавицы, чевяки, клинки отъ шашекъ, ножницы для стрижки овецъ, простыя ножницы, и т. п.

Судя по присутствію стрѣль и луковъ, время построения кашей должно быть отнесено къ тому періоду, когда огнестрѣльное оружіе еще не было въ повсемѣстномъ употребленіи въ Чечнѣ. Нужно отмѣтить, что построение этихъ надземныхъ гробницъ было несомнѣнно связано съ представленіемъ о загробной жизни покойниковъ и вѣрованіемъ, не допускавшимъ погребенія труповъ въ землѣ.

По словамъ Чаха Ахріева, „Ингуши, до введенія у нихъ ислама, имѣли о загробной жизни такія же понятія, какъ о настоящей земной, т. е. они думали, что тамъ, какъ и на землѣ, человѣкъ подвергается житейскимъ тревогамъ и заботамъ, также работаетъ периодически, напримѣръ: осенью жнетъ по ночамъ солому на загонѣ своихъ родственниковъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не сдѣлаютъ, по окончаніи жатвы, „марсъ-порръ“, т. е. жатвеннаго ужина. На этомъ основаніи, каждое семейство въ горахъ, по окончаніи жатвы, устраивало этотъ ужинъ, съ соблюденіемъ слѣдующей церемоніи: поставивъ возлѣ очага кушанье, приготовленное для ужина, самая старшая женщина въ семействѣ брала щипцы въ руки и дотрогивалась ими до каждаго кушанья, говоря: „да будешь пищей такому - то покойнику“. Обойдя такимъ образомъ всѣ яства, она выливала изъ чашки, находившейся у нея въ рукахъ, брагу около очага; затѣмъ уже всѣ члены семейства принимались за кушанья“. Согласно съ такими понятіями о загробной жизни, на *каши* смотрѣли Ингуши и Чеченцы какъ на *жилища* покойниковъ. Всякая семья старалась имѣть такое семейное жилище для своихъ покойниковъ, боясь осужденія отъ другихъ за то, что ея „покойники бѣдствуютъ, не имѣя жилища“. На фамильные усыпальницы смотрѣли какъ на святыни и упоминали ихъ въ клятвахъ.

Въ такихъ кашахъ трупъ предоставлялся дѣйствию времени, и доступъ къ трупу былъ всегда возможенъ чрезъ открытыя окна. Вслѣдствіе сухости воздуха трупы не разлагались быстро, но высыхали и обращались какъ бы въ муміи. У многихъ покойниковъ можно легко различать черты лица и ногти на пальцахъ рукъ и ногъ *).

Второй видъ надземныхъ кашей напоминаетъ издали коническія пушечныя ядра или, пожалуй, киргизскія кибитки. Они также сложены изъ камней на извести и имѣютъ окна.

*) Въ настоящее время, по свидѣтельству Чаха Ахріева, большинство Ингушей смотрятъ на обычай своихъ предковъ хоронить покойниковъ въ кашахъ съ насмѣшкой: „для чего, говорятъ они, наши предки сушили трупы и портили воздухъ?!“ См. Сборникъ свѣдѣній о Терской области, вып. I стр. 290.

Такіе каши были нами замѣчены, напримѣръ, на горѣ близъ ауловъ Койраха и Джераха. Размѣры приблизительно тѣ же, что въ кашахъ 1-го типа: діаметръ круглаго каша отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ и болѣе аршинъ; высота достигаетъ сажени $1\frac{1}{2}$ и болѣе.

Третья форма каша представляетъ какъ бы избу съ двухскатной, выгнутой крышей, сложенной изъ камней и шиферныхъ плитъ и увѣчанной гребнемъ.

Иногда такой кашъ настолько высокъ, что издали представляется какъ бы башней. Высота такихъ кашей близъ аула Цори достигаетъ

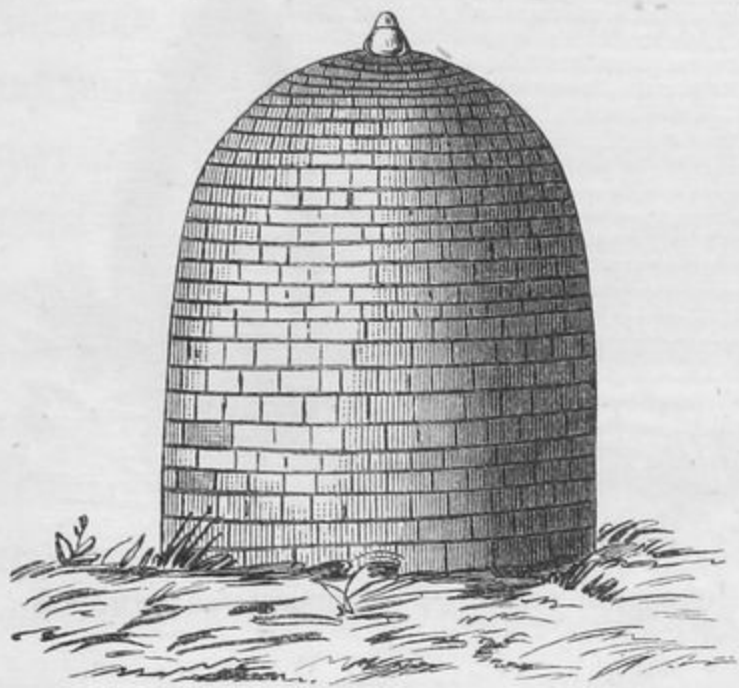

Рис. 40. Чеченскій кашъ въ видѣ ядра.

Рис. 41. Чеченскій кашъ въ видѣ ядра, украшенный гуртами.

отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ сажень; ширина — 1 сажени и болѣе. Любопытное видоизмѣненіе этого типа представляетъ кашъ, осмотрѣнный нами на могильникѣ древняго аула Таргина. Онъ также напоминаетъ избу съ двухскатной, выгнутой кровлей, но передняя стѣна вынута на половинѣ высоты, такъ что en face виднѣется довольно просторная комната. Могила помещается въ нижней части каша, представляющей прямоугольный ящикъ; въ верхней же комнатѣ, по словамъ туземцевъ, въ прежнія времена сидѣли при поминкахъ родственники покойныхъ. Для входа въ поминальную камеру служили, какъ можно судить по остаткамъ двѣ ступени, выступавшія на передней сторонѣ каша изъ стѣны въ видѣ концевъ каменныхъ брусевъ. На правой стѣнѣ каша, какъ и на многихъ другихъ кашахъ, выступали двѣ каменные развилки, образовавшія какъ бы кольцо для привязыванія коней. Длина описываемаго каша 2 сажени, ширина — 1 сажень, высота до гребня кровли около 3-хъ сажень.

Замѣтимъ, что около аула Воуги лежитъ въ развалинахъ *кашъ* еще болѣе грандіозныхъ размѣровъ, съ открытой поминальной камерой, съ отдѣленіями, раздѣленными правильными арками, но жители частью разобрали его, пользуясь его плитами для постройки мечети, такъ что о первоначальномъ видѣ этого могильнаго памятника нельзя себѣ составить яснаго понятія. Вообще современные Ингуши и Чеченцы, какъ ревностные мусульмане, не дорожатъ могилами своихъ языческихъ предковъ, хотя и относятся къ этимъ сооруженіямъ съ суевѣрнымъ стра-

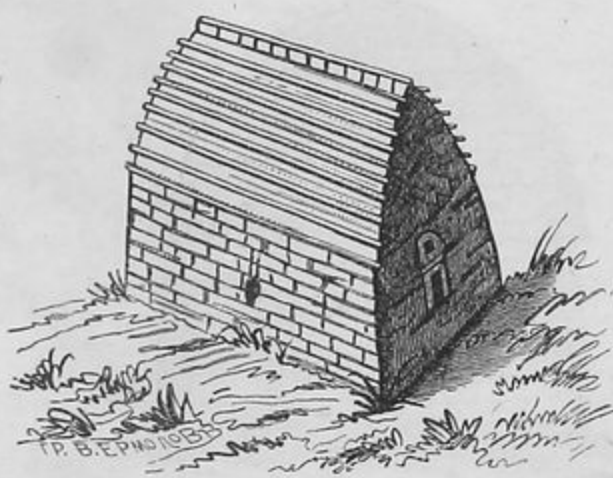

Рис. 42. Чеченскій кашъ въ видѣ избы.

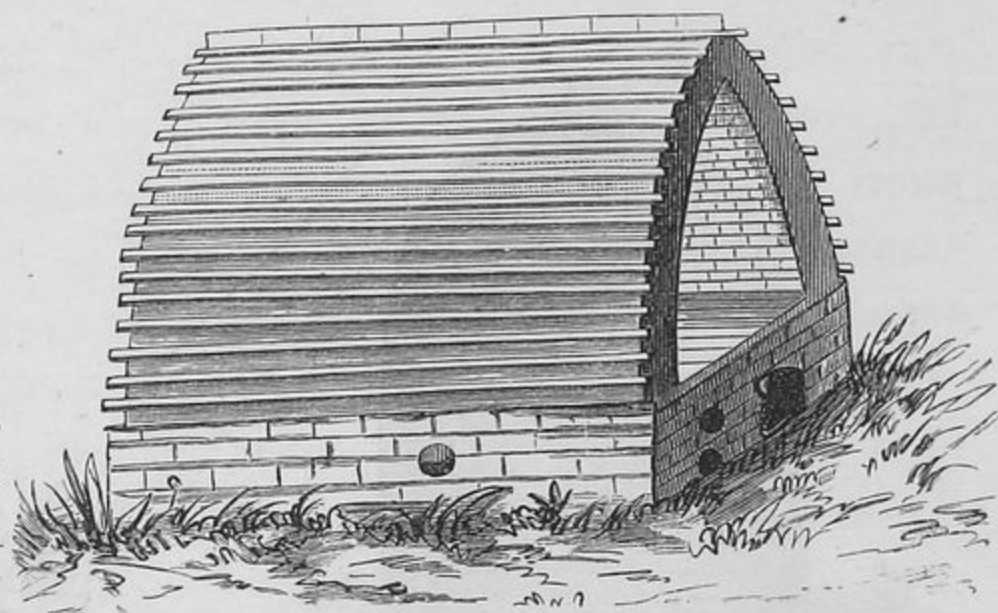

Рис. 43. Чеченскій кашъ съ поминальной камерой.

хомъ. Мы не встрѣчали сопротивленія, когда ворошили въ кашахъ костяки и вынимали вещи, до которыхъ туземцы изъ стариковъ боялись дотрогиваться руками.

Отъ надземныхъ могильныхъ сооруженій переходимъ къ подземнымъ. По пути слѣдованія экспедиціей были разрыты такія могилы въ двухъ мѣстахъ. Одинъ могильникъ тянется по горѣ близъ церкви Тхаба-ерды, другой — близъ святилища, недалеко отъ аула Мохде. Нѣкоторыя могилы 1-го могильника представляютъ явственный входъ, выдаваясь передней стороною изъ ската горы, другія могилы не представляютъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, будучи засыпаны землею. Входъ въ склепы перваго рода, нѣкогда задѣланный, въ настоящее время открытъ: кости лежатъ въ беспорядкѣ, а вещи унесены или разрушились отъ сырости. Поэтому мы искали нетронутыхъ подземныхъ могилъ и для отысканія ихъ дѣлали пробныя раскопки. Въ нѣсколькихъ раскопанныхъ нами могилахъ потолокъ склепа обрушился и нельзя было составить себѣ понятія о состояніи костей и вещей, положен-

ныхъ съ покойниками. Но въ двухъ могилахъ можно было сдѣлать слѣдующія наблюденія. По снятіи слоя земли, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина, оказалась плита, замыкавшая дверь, ведущую въ склепъ. Склепъ, сложенный изъ камней на извести достигалъ длины 316 с., ширины 141 и высоты 1-го метра. Покрытіемъ склепу служатъ каменные плиты, лежащія на каменныхъ балкахъ, изъ которыхъ одна образуетъ косякъ входа. Внутри склепа на полу покоились костяки; въ головахъ было найдено 14 глиняныхъ сосудовъ (чашекъ и кувшиновъ). Въ правой стѣнкѣ склепа двѣ ниши, съ лѣвой—одна; въ одной нишѣ былъ найденъ серебряный проволочный браслетъ, обвитый бронзовой спиралью. Костяки лежали головами на востокъ. Кромѣ глиняныхъ сосудовъ, были найдены: деревянная чашка для питья, деревянные днища отъ 3-хъ другихъ чашекъ и ручка отъ уполовника. Нѣкоторые кувшины наполнены бараньими и птичьими костями. Въ другомъ склепѣ (раньше открытомъ), достигавшемъ длиною 3 м. 57 с., шириной 1 м. 90 с. и высотой 1 м. 60 с., костяки лежали на шиферныхъ нарахъ. Склепъ покрытъ огромными плитами, лежащими на четырехъ поперечныхъ каменныхъ, отлично отесанныхъ, балкахъ. Въ лѣвомъ углу оказалась небольшая ниша. Изъ этого склепа внутренняя дверь ведетъ въ другой, также раньше опустошенный, который значительно меньше перваго.—Есть основаніе думать, что могилы близъ церкви Тхаба-ерды по времени сооруженія не уступаютъ ей въ древности.

Склепы подобнаго же типа, но съ небольшими видоизмѣненіями, были раскопаны нами на могильникѣ близъ аула Мохде и развалинъ описаннаго выше (см. стр. 3) святилища. Могильникъ занимаетъ пространство около $\frac{1}{2}$ десятины. Многіе склепы провалились отъ дѣйствія времени, другіе были, повидимому, раньше разрыты. Строились склепы слѣдующимъ образомъ: къ скалѣ, образующей заднюю стѣну, прикрѣплялись 2 параллельныя стѣнки, сложенные изъ неправильныхъ камней на глинѣ. На высотѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ и болѣе стѣнки послѣдовательно сближались, наклоняясь другъ къ другу и образуя какъ бы сводъ, верхнее отверстіе котораго покрывалось шиферными плитами.

Склепы достигаютъ внутри въ длину отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ сажени, въ ширину—2-хъ и 3-хъ аршинъ, въ высоту 1 сажени и меньше. По бокамъ склепа идутъ иногда шиферныя или деревянные нары, на которыхъ находятся костяки. Въ стѣнкахъ продѣланы ниши небольшихъ размѣровъ ($\frac{1}{2}$ арш. ширины, 1 арш. вышины, $\frac{1}{2}$ арш. глубины). Въ могилахъ описаннаго типа, разрытыхъ нами или обрушившихся прежде и нами осмотрѣнныхъ, были найдены при костякахъ слѣдующіе предметы:

деревянные чашки и кубки, глиняные кувшины и чашки, желѣзные ножи, желѣзные ножницы для стрижки овецъ, желѣзные наконечники отъ дротиковъ и стрѣлъ, деревянные гребни, деревянные балалайки, желѣзные крючки (застежки), деревянные колодки для чистки ремней,

Рис. 44. Склепъ близъ аула Мохде въ поперечномъ разрѣзѣ.

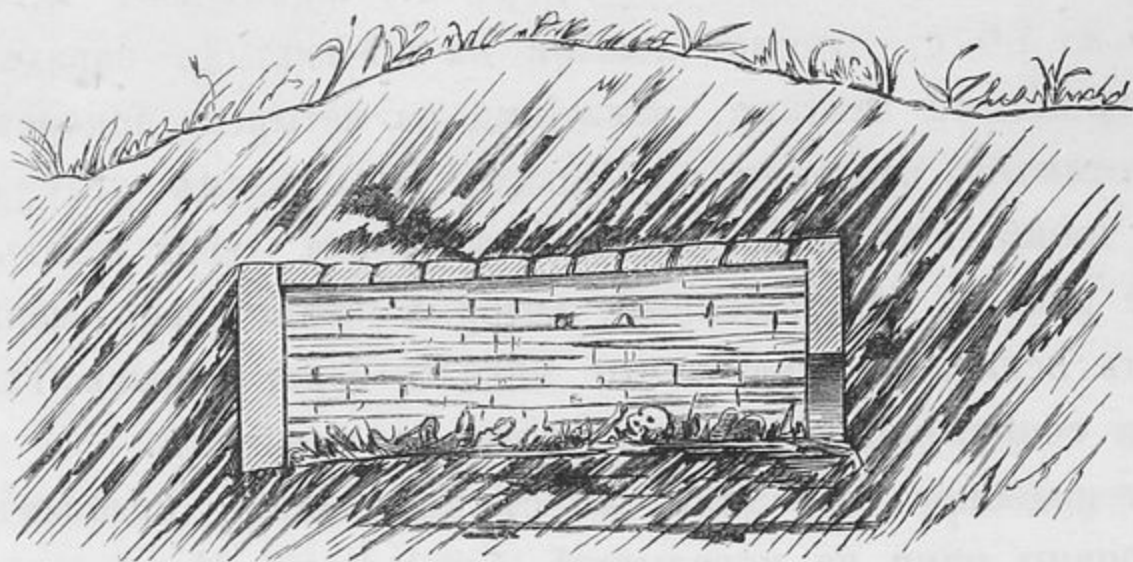

Рис. 45. Склепъ близъ аула Мохде въ продольномъ разрѣзѣ.

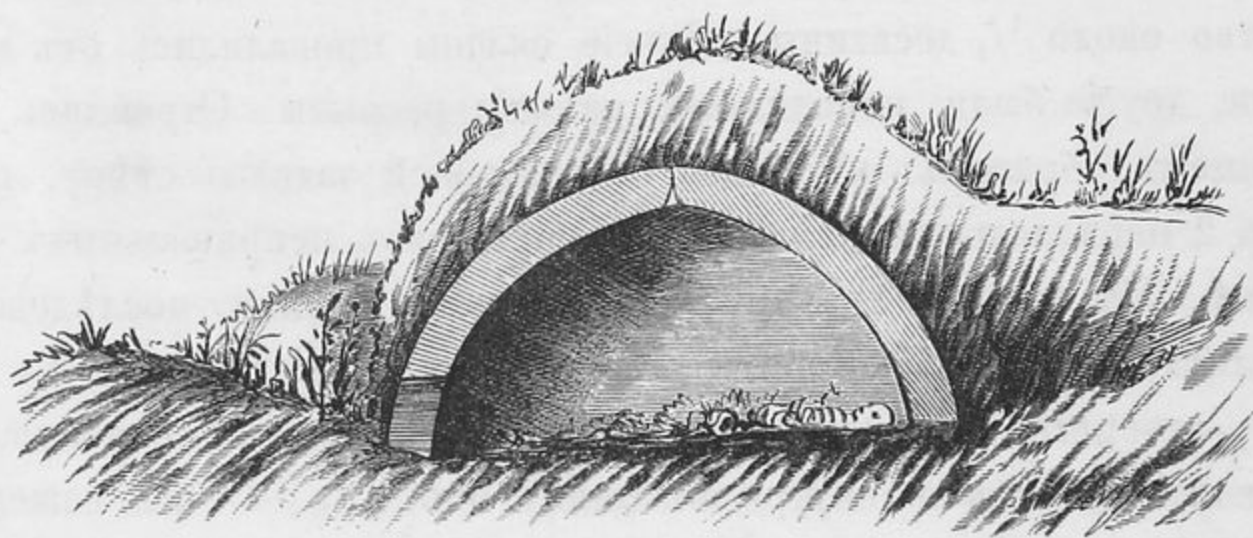

Рис. 46. Внутренность склепа близъ аула Мохде.

серебряныя вызолоченныя пуговицы, серебряныя серьги изящной работы, бронзовыя нагрудныя бляхи въ видѣ колесъ и колецъ отъ женскихъ костюмовъ, бусы стеклянныя, бусы съ глазками изъ пасты, желѣзные шестоперы и другіе бытовые предметы. Нельзя не замѣтить,

что устройство склеповъ обоихъ описанныхъ могильниковъ обнаруживаетъ въ ихъ строителяхъ значительное искусство въ возведеніи каменныхъ построекъ. См. таблицы III, IV и V.

Для полноты очерка чеченскихъ могилъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь тѣ извѣстія, которыя имѣются въ литературѣ о случайныхъ открытіяхъ могильныхъ склеповъ въ разныхъ мѣстахъ.

„Въ нижнемъ Галгаѣ и въ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, въ покрытыхъ кустарникомъ мѣстахъ попадаются склепы подъ землею, значительныхъ размѣровъ, сложенные изъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ плитъ. Для входа сдѣланы въ нихъ отверстія, въ которыя можетъ пролѣзть человѣкъ. Въ склепахъ этихъ, называемыхъ туземцами *Тинды амрижъ*—могилы Тиндовъ,—по рассказамъ, не находили никакихъ вещей, а только кости“....

„Послѣ вырубки вѣковаго лѣса на высокомъ хребтѣ, примыкающемъ къ Бумутскому укрѣпленію, когда начали копать ровъ вокругъ башни, съ боку образовался провалъ, на глубинѣ около двухъ сажень. Внутри провала вела полуобрушившаяся смазанная глиной галерея, въ которой были найдены обгорѣвшія человѣческія и лошадиныя кости и разбитые, поросшіе мхомъ глиняные кувшины....

„При постройкѣ Бердыкельскаго укрѣпленія на лѣвомъ берегу Аргуна, на отрогѣ, отдѣленномъ отъ Ханъ-Кальской горы оврагомъ, при рытьѣ канавы вокругъ бруствера, отрыли такую-же довольно длинную, хорошо сохранившуюся галерею, вымазанную внутри красной глиной, такъ что она казалась обожженной огнемъ. Въ этой галереѣ, достигавшей высоты 2-хъ аршинъ, найдено много простыхъ глиняныхъ кувшиновъ, изъ нихъ нѣкоторые съ пепломъ, другіе съ обгорѣлыми человѣческими костями, также разныя мѣдныя вещицы (курильницы), золотая круглая, тонкая, величиной съ полтинникъ, грубой работы бляха въ родѣ медальона, прицѣпленная къ золотой, грубой-же работы, виноградной вѣтви, и сердоликовыя, довольно крупныя бусы, изъ которыхъ на одной вырѣзанъ заяцъ“....

Отмѣтимъ любопытный фактъ, что описанныя Бердыкельскія и Бумутскія погребальныя галереи указываютъ на существованіе въ глубокой древности обычая сожженія покойниковъ въ этихъ мѣстахъ.

„Въ 1853 году, на верховьяхъ р. Валерика, обрушилась прибрежная часть горы и открыла отверстіе, ведущее въ склепъ значительныхъ размѣровъ, вымазанный глиною, смѣшанною съ пескомъ, и съ поломъ, устланномъ мелкимъ камнемъ. Въ склепѣ этомъ лежалъ полуразрушившійся скелеть, судя по сохранившимся частямъ убора, женскій, на

рукахъ котораго были два золотые браслета, дутые, съ чешуйчатою поверхностью; на шеѣ было ожерелье изъ дутаго золота въ перемежку съ бусами. На пальцахъ два золотые, дутые-же, перстня съ камнями, которые вывѣтрились и превратились въ песокъ. Тамъ же найдены три плоскіе слитка серебра, изъ которыхъ одинъ вдвое больше, такъ что вѣсъ его равняется вѣсу двухъ маленькихъ кусковъ. Кромѣ того, въ склепѣ этомъ были и небольшіе глиняные, съ рельефными изображеніями, кувшинчики“ *)...

Кромѣ могильныхъ склеповъ, въ осмотрѣнномъ нами могильникѣ близъ аула Мохде встрѣчаются и обычные на Кавказѣ каменные ящики, покрытые шиферными плитами. Въ ящикахъ покоится по одному костяку. Въ головахъ помѣщается глиняный сосудъ; вещей въ могилѣ, разрытой нами, не было найдено.

Послѣ могильныхъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые *памятные столбы* или искусственныя

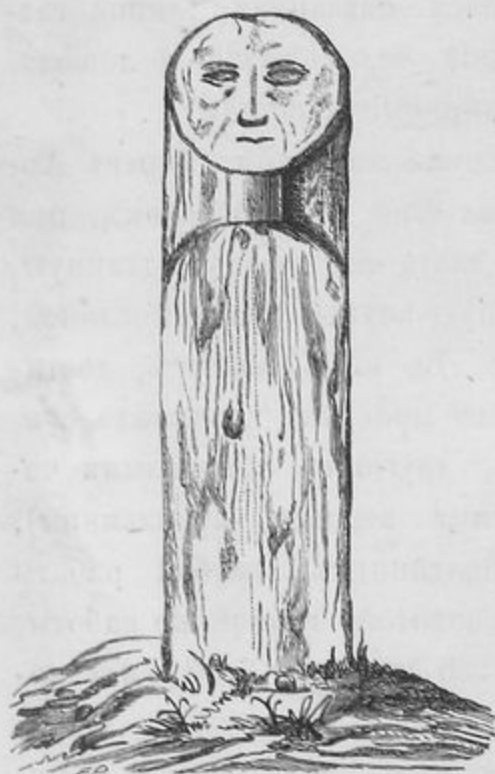

Рис. 47. Памятникъ близъ аула Джераха.

груды камней, встрѣчающіяся безпрестанно при дорогахъ и горныхъ тропинкахъ. Всего чаще, независимо отъ могилы, для увѣковѣченія памяти какого нибудь значительнаго человѣка, горцы воздвигали памятный столбъ на посѣщаемомъ мѣстѣ, для того, чтобъ мимоидущіе могли вспомнить покойника и помолиться о его душѣ. Памятники такого рода представляютъ нѣсколько типовъ: всего чаще встрѣчаются высокія и узкія каменные плиты, врытыя стоймя и не имѣющія никакихъ надписей. Такіе столбы путешествующій по Аргунскому округу почти не теряетъ изъ виду. Иногда верхняя часть столба представляетъ какъ бы шею и голову, иногда со слабой попыткой обозначить черты лица. Такой столбъ

замѣчается, напримѣръ, близъ аула Джераха.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ памятникъ, сооруженный недалеко отъ аула Боуги по дорогѣ, ведущей въ аулъ Туркама. Это

*) Вышеприведенныя извѣстія заимствованы нами изъ 1-го выпуска Сборника Свѣдѣній о Терской области, стр. 249 и слѣд.

1.

2.

3.

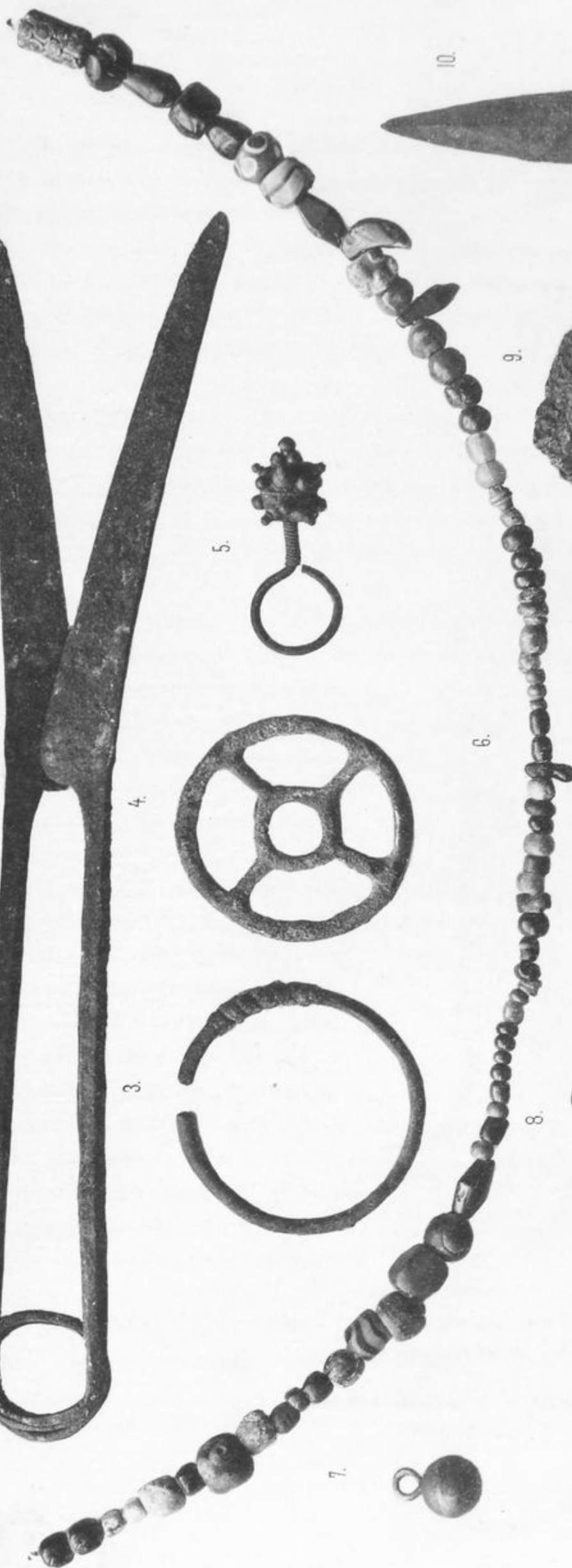
4.

5.

7.

10.

12.

9.

11.

14.

13.

15.

2.

1.

2.

1.

БИБЛИОТЕКА
НИ Иста Краеведческой
и Музейной работы

двухсаженная узкая каменная плита, которой обращенная къ дорогѣ сторона покрыта разными высѣченными изображеніями. На верху вид-

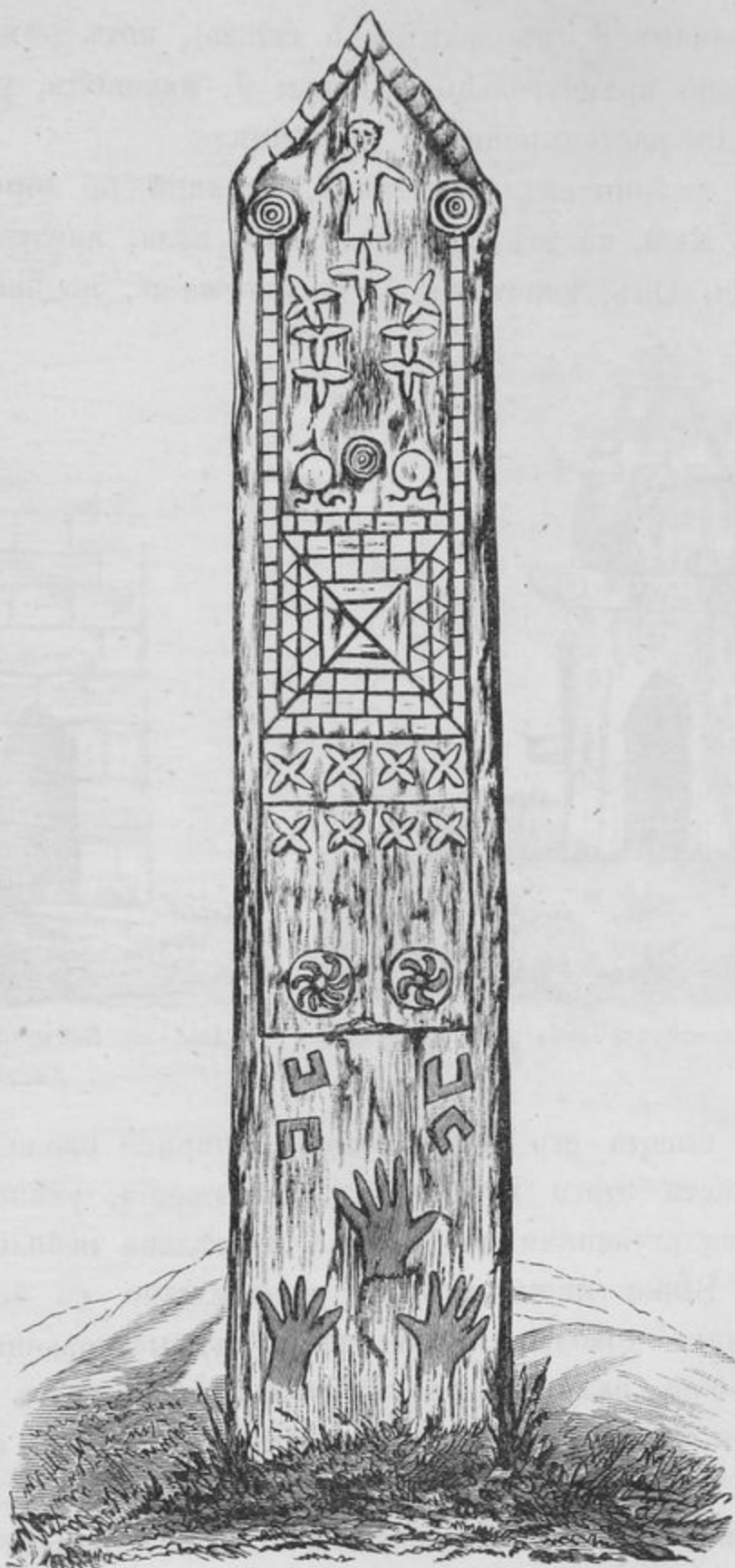

Рис. 48. Памятникъ между аулами Воуги и Турвали.

нѣтся небольшая человѣческая фигурка безъ ногъ, подъ нею 7 крестовъ, составленныхъ изъ лепестковъ, еще ниже кружокъ съ двумя концентрическими кружками и по бокамъ его другіе два кружка съ лап-

МАТЕР. ПО АРХЕОЛ. КАВКАЗА. В. I.

ками внизу; еще ниже фигура, подобная шахматной доскѣ, пересѣчен-ная діагоналями; подъ нею два ряда лепестковыхъ крестиковъ, по 4 въ каждомъ ряду; еще ниже два круга въ видѣ колесъ съ изогнутыми спицами (въ одномъ 8, въ другомъ 5 спиць), подъ ними четыре подковообразныя, но прямоугольныя фигуры и, наконецъ, у самого основа-нія 3 руки съ растопыренными пальцами.

Не менѣе любопытенъ памятникъ, стоящій по дорогѣ изъ аула Цори въ аулъ Нью, не доѣзжая послѣдняго аула, внизу на берегу не-большой рѣчки. Онъ напоминаетъ собою *каизъ*, но значительно ўже

Рис. 49. Памятникъ близъ аула Нью.

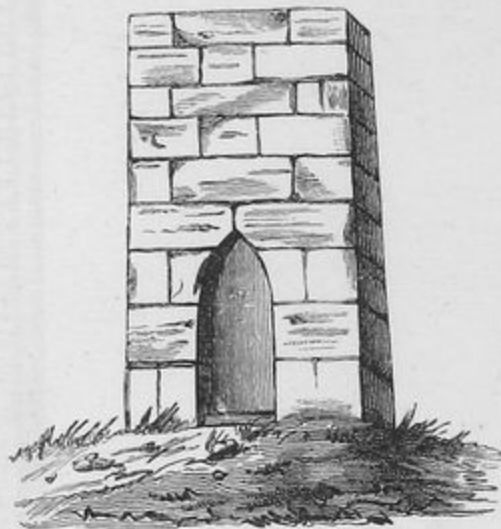

Рис. 50. Памятникъ близъ аула Джерахъ.

въ основаніи: высота его около сажени, ширина около $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ нижней части этого кубическаго сооруженія, увѣнчаннаго пира-мидой съ тремя ступенями по бокамъ, продѣлана небольшая и неглу-бокая ниша. Выше ниши вдѣлана параллельно съ основаніемъ въ стѣнку памятника довольно узкая плита съ выступающими концами. На плитѣ можно различить рядъ изображеній: кругъ съ четырьмя лучами внутри, четыре квадрата съ открытой одной стороной, еще два круга въ видѣ тавра и рисунокъ пера, лежащаго вдоль плиты. Еще выше плиты въ верхней суживающейся части памятника виднѣется грубо сдѣланной барельефъ человѣческаго лица. Верхняя шиферная плитка, покрывающая пирамиду, увѣнчена каменной шишкой. Съ обѣихъ сторонъ въ стѣнки памятника вдѣланы каменныя развилки для привя-зыванія коней. Памятникъ отличается изяществомъ и прочностью по-стройки и выбѣленъ известью, кое-гдѣ отвалившеюся.

Подобный-же памятникъ, но болѣе простой, стоитъ близъ аула Джераха.

Наконецъ, самый простой способъ увѣковѣчиванія какихъ-нибудь лицъ и событій состоитъ въ томъ, что на видномъ мѣстѣ складываютъ небольшую пирамидку изъ камней. Всякій мимоидущій или ѣдущій прибавляетъ отъ себя одинъ камень и такимъ образомъ въ теченіе времени образуется порядочная куча въ видѣ кургана. Намъ пришлось видѣть такое сооруженіе по дорогѣ близъ аула Хайбаха, и на наши вопросы мы получили слѣдующее объясненіе: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-то укралъ изъ мечети коверъ. Не зная имени вора, жители аула предали его заочно проклятію, и чтобъ увѣковѣчить этотъ позорный случай сложили пирамидку изъ камней. Съ тѣхъ поръ прохожіе прибавляютъ отъ себя по камню и при этомъ проклинаяютъ похитителя ковра.

Переходимъ къ послѣднему разряду археологическихъ памятниковъ горной Чечни, къ высокимъ каменнымъ башнямъ, которыя, какъ молчаливые свидѣтели прежнихъ бурныхъ временъ, возвышаются почти въ каждомъ древнемъ аулѣ. Эти массивныя сооруженія, живо напоминающія средневѣковые рыцарскіе замки береговъ Рейна, встрѣчались намъ безпрестанно на пути отъ Шатоя на западъ до Джераха. На табл. VI представленъ видъ древняго аула Цори.

Между этими башнями можно отмѣтить два типа: однѣ имѣютъ плоскую крышу, какъ крыша сакли, обнесенную парапетомъ; другія увѣнчаны пирамидальной крышей, сложенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами шиферныхъ плитъ. Къ первому типу принадлежатъ, на примѣръ, двѣ стоящія близко одна отъ другой, отлично сохранившіяся башни, которыя виднѣются на полугорѣ, на правой сторонѣ, при приближеніи къ Шатоевскому укрѣпленію по шоссе изъ Воздвиженскаго. Преданіе, вѣроятно, не имѣющее никакого основанія, рассказываетъ, что башни были построены двумя братьями—соперниками въ любви. Старшій женился на дѣвушкѣ, которую также любилъ младшій; затѣмъ, когда старшій выстроилъ для себя башню, то младшій воздвигнулъ такую-же, но нѣсколько выше, такъ что могъ изъ своей башни всегда видѣть, что дѣлается во дворѣ у брата и любоваться на его красавицу-жену.

Въ настоящее время доступъ къ башнямъ затруднителенъ вслѣдствіе крутизны горы, поросшей притомъ лѣсомъ. Онѣ сложены изъ грубо отесанныхъ камней на извести и снаружи были нѣкогда выбѣлены.

Какъ всё вообще чеченскія башни, онѣ значительно суживаются кверху. Полы, раздѣлявшіе этажи внутри, обвалились, но судя по угловымъ каменнымъ полкамъ, служившимъ опорой для балокъ потолковъ, въ одной было 4, въ другой 6 этажей. Въ основаніи онѣ представляютъ правильный квадратъ въ 4 метра внутри стѣнъ; стѣны внизу толщи-ной въ 60 сант. Высота одной башни около 7 сажень, другая — нѣ-сколько ниже.

Разстояніе между башнями (18 шаговъ) представляетъ какъ-бы по-мощь (можетъ быть, остатокъ осыпавшейся стѣны), шириною въ 1 м. 20 с. и въ 5 камней высотой. Шатоевскія башни представлены на таблицѣ VII.

Любопытно, что строители замковъ нерѣдко пользовались горными пещерами, къ которымъ прилѣпляли свои постройки на значительной высотѣ, укрѣпляя ихъ стѣнами и башнями. Остатки такой постройки мы видѣли, на примѣръ, верстахъ въ пяти отъ Шатоя, на правомъ берегу Чанты-Аргуна, на отвѣсной стѣнѣ скалы, на высотѣ приблизительно 40 сажень отъ ея основанія. Между естественными углубленіями скалы можно съ трудомъ различить стѣну, часть башни и слѣды копоты, по-крывающей эти углубленія. Къ башнѣ ведетъ карнизомъ узенькая тро-пинка, по которой на гору нѣтъ возможности пройти. Преданіе раз-сказываетъ, что въ этой и другихъ башняхъ жилъ въ глубокой дрѣв-ности народъ Джай, который запиралъ въ пещеры и башни свои семьи, когда угрожала опасность. Такимъ образомъ, населеніе Шатойскаго ущелья не считаетъ строителей башенъ своими предками *).

Другой прикрѣпленный къ естественнымъ углубленіямъ скалы замокъ осматривали мы близъ аула Туркали на высокоомъ, почти отвѣсномъ, берегу рѣчки Гехи, въ мѣстѣ, называемомъ Коуси. Къ замку ведетъ узкая, частью высѣченная въ скалѣ карнизомъ, тропа, кое-гдѣ обрывающаяся и замѣненная деревянными мостками. Тропа ведетъ къ низкимъ, скорѣе по-хожимъ на окно, воротамъ, находящимся въ остаткахъ стѣны. Ворота ве-дутъ въ небольшой дворъ, расположенный на естественномъ выступѣ, обра-зуемомъ утесомъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ стѣною, частью обру-шившейся. На лѣво, параллельно съ отвѣснымъ утесомъ, внутри двора тянется стѣна, образующая жилище, которому лѣвой стѣной служила скала. Выше виднѣются остатки двухъ башенъ, прилѣпленныхъ къ на-вѣсу, образуемому утесомъ. На значительномъ пространствѣ скала по-

*) П. И. Головинскій въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что, по преданію Галгаевцевъ, башни построены Джилатали или Джиланами (греками). См. Сборникъ Свѣдѣній о Терской области, вып. I, стр. 247.

крыта копотью, свидѣтельствующею о томъ, что нѣкогда въ этой ужасной твердынѣ жили люди. Но поразительное впечатлѣніе производитъ небольшой балконъ, сохранившійся какимъ-то чудомъ на страшной высотѣ. Нѣкогда, когда замокъ возвышался во всемъ своемъ суровомъ величіи, къ балкону вела лѣстница, которая обрушилась съ крутизны

внизъ, какъ и стѣны башенъ. Въ настоящее же время балконъ виситъ одинокимъ свидѣтелемъ прошлаго и нѣтъ къ нему никакого доступа. Чтобъ дать понятіе о высотѣ балкона, упомянемъ, что собравшіеся около насъ туземцы стали пускать въ него камни и рѣдкій камень долеталъ до пола, сплетеннаго изъ прутьевъ. Балконъ держится на массивныхъ деревянныхъ брусьяхъ, выступающихъ на сажень изъ скалы. Мѣстная легенда связываетъ съ удивительнымъ сооруженіемъ трагическое воспоминаніе. Въ замкѣ въ отдаленныя времена жилъ съ женою нѣкто Гарчъ, извѣстный своею удалью, т. е.

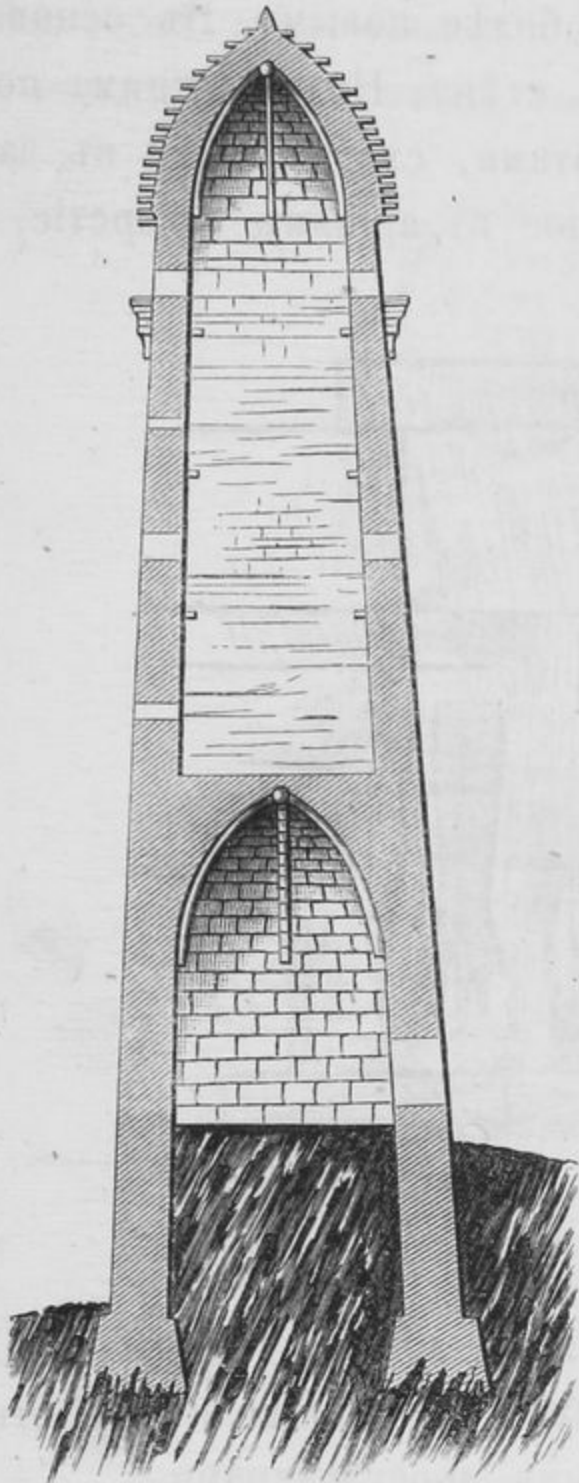

Рис. 51. Разрѣзъ башни въ Хайбахѣ.

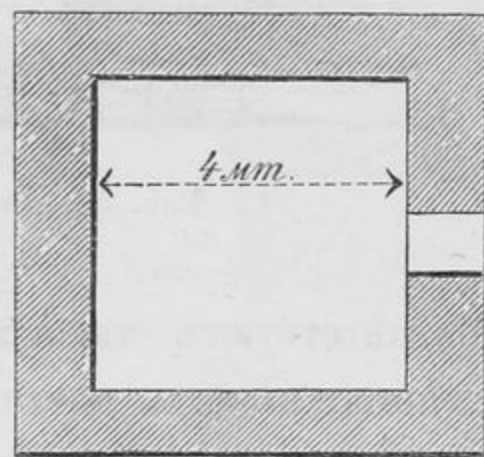

Рис. 52. Планъ башни въ Хайбахѣ.

умѣнемъ воровать въ сосѣднихъ аулахъ. Однажды онъ отправился за добычей ночью въ другой аулъ, но свалился съ башни и разбился до смерти. Жена ждала съ нетерпѣніемъ его возвращенія. Но вотъ она увидала, что внизу толпа народа несетъ на носилкахъ трупъ ея мужа. Тогда она быстро достала для мужа и для себя саваны и, держа ихъ въ рукахъ, бросилась съ балкона внизъ на носилки мужа. Такимъ образомъ оба погибли вмѣстѣ, а замокъ ихъ обратился съ теченіемъ времени въ груду развалинъ. Сохранился лишь балконъ, какъ свидѣтель трагической смерти преданной жены.

Башни, крытыя шиферными пирамидальными крышами, встрѣчаются въ аулахъ: Хайбахъ, Галанчоджъ, Нью, Целенгъ (Полинкъ), Ирбите и мног. другихъ. Болѣе подробно разсмотрѣна была нами башня въ аулѣ Хайбахѣ, представленная на таб. II-ой.

Нижняя часть башни, какъ и многихъ другихъ, до сихъ поръ обитаема; верхніе этажи стоятъ пустыми. Башня окружена рядомъ пристроекъ, частью стараго времени, частью болѣе новыми. Въ основаніи она представляетъ квадратъ въ 4 м. внутри стѣнъ. Надъ нижнимъ помещеніемъ сводъ, украшенный четырьмя гуртами, сходящимися въ замыкающемъ камнѣ. Въ одномъ углу квадратное въ аршинъ отверстіе, ко-

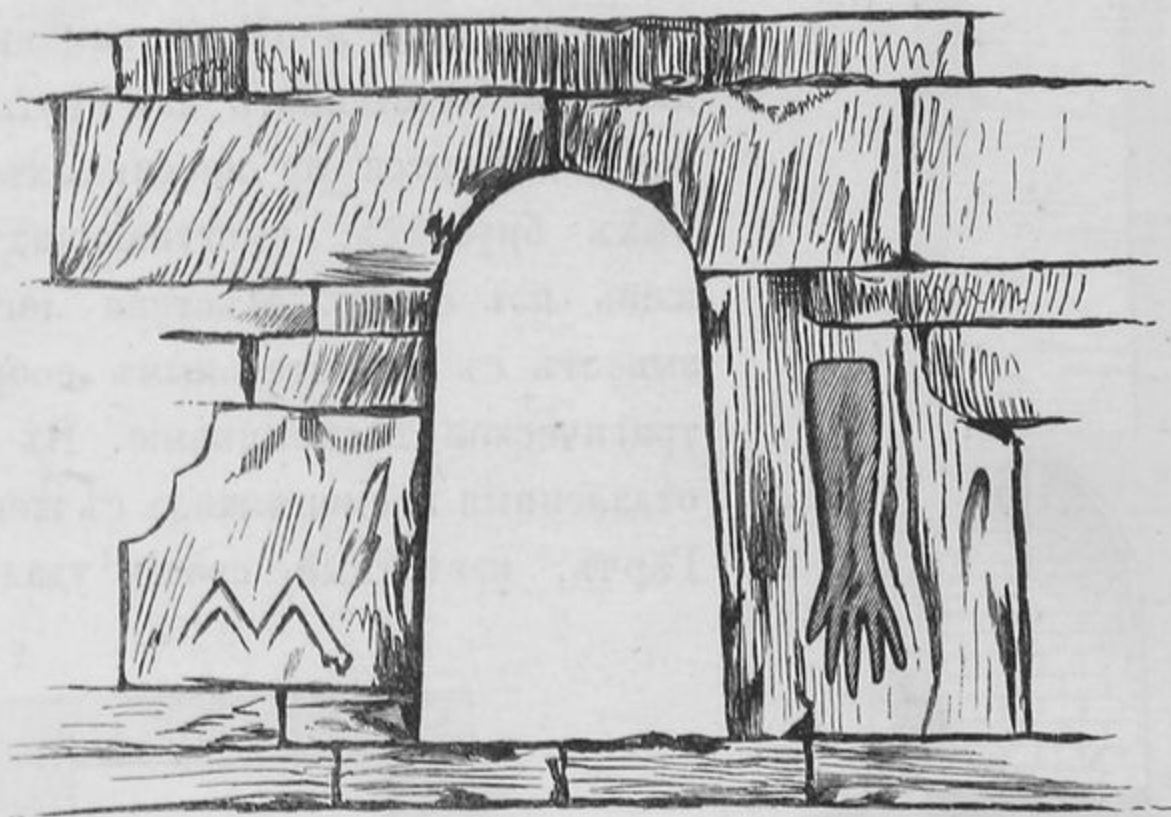

Рис. 53. Дверь башни въ Хайбахѣ.

торому соотвѣтствуютъ такія-же отверстія въ другихъ этажахъ. Очевидно лѣстница, нѣкогда соединявшая этажи, судя по величинѣ отверстія, была просто бревномъ съ поперечными перекладинами.

Входная дверь не выше 2-хъ аршинъ, сведена полукруглой аркой. Правая сторона двери образуется плитою съ явственнымъ рельефнымъ изображеніемъ руки съ растопыренными пальцами.

Между плитами, образующими углы башни, замѣтны 2, покрытыя орнаментами: на одной изображенъ кружокъ въ рамкѣ, на другой большой крестъ и нѣсколько крестовъ меньшихъ размѣровъ, подъ которыми виднѣется кружокъ съ лучами.

Въ виду того, что камень съ крестомъ положенъ такъ, что крестъ представляется лежащимъ на боку и притомъ вставленъ высоко (сажени на 2) отъ земли, слѣдуетъ думать, что эта плита была утилизována

строителями башни какъ матеріаль, и была взята отъ какого-нибудь христіанскаго памятника. Другая плита съ изображеніемъ креста и орнаментомъ изъ спиралей составляетъ косякъ нынѣ заложеной двери въ одной изъ боковыхъ пристроекъ башни. См. рис. 55.

Верхъ башни покрытъ сводомъ, направляющія котораго имѣютъ стрѣльчатый видъ. Кладка свода представляетъ ту особенность, что послѣ каждаго ряда камней положены шиферныя плиты, которыхъ концы

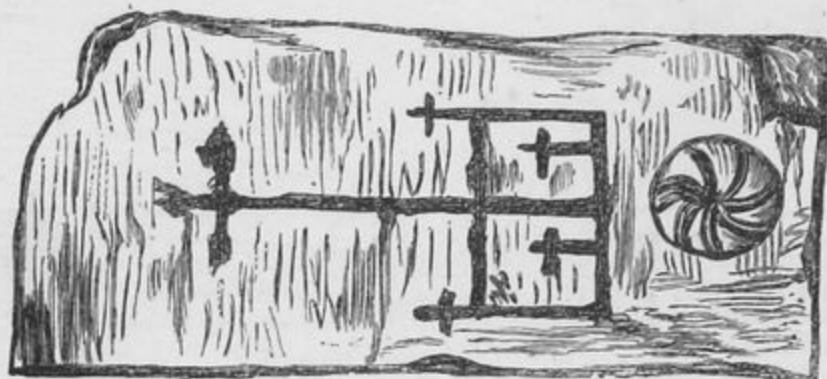

Рис. 54. Плита съ крестами въ башнѣ аула Хайбахъ.

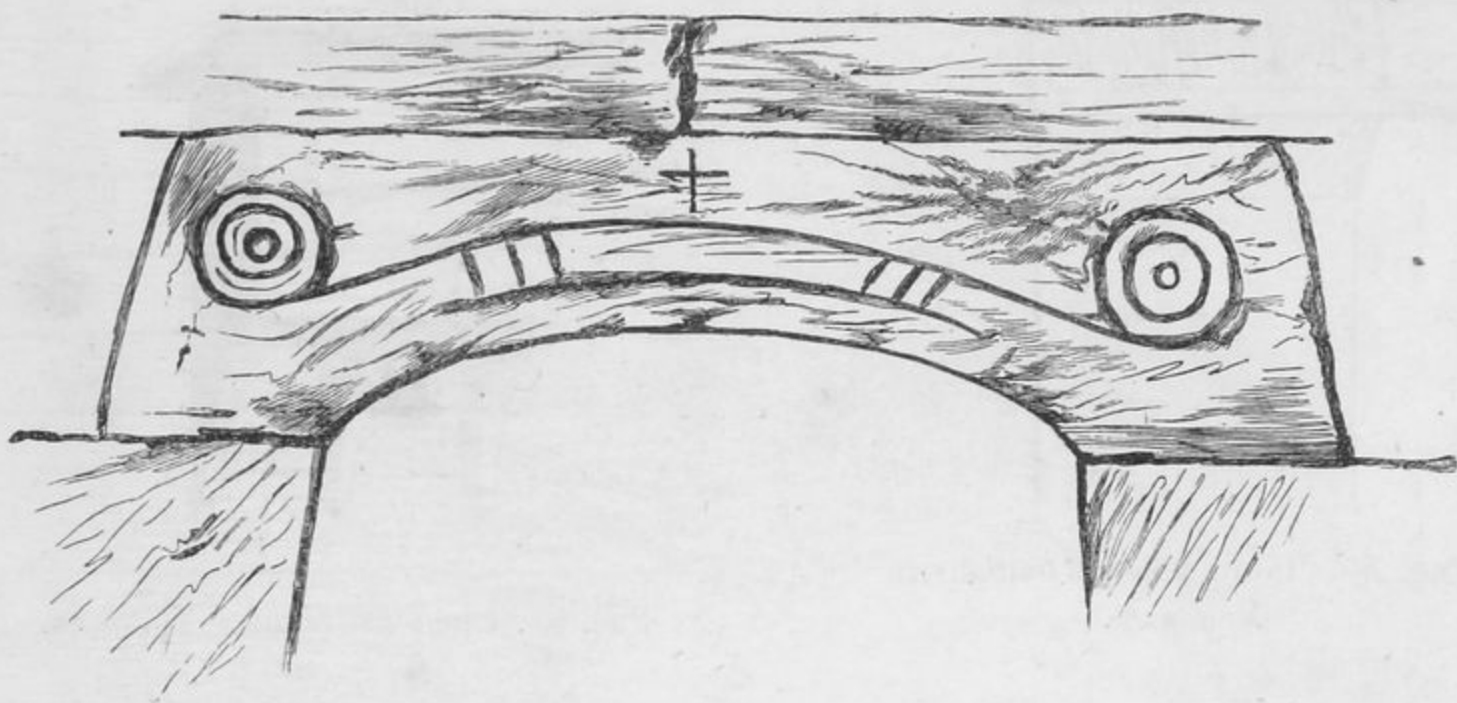

Рис. 55. Плита съ крестомъ и орнаментами въ башнѣ аула Хайбахъ.

сильно выступаютъ или, лучше сказать, свѣшиваются съ наружной стороны и такимъ образомъ получается видъ кривой лѣстницы.

Слѣдовательно, расположеніемъ шиферныхъ плитъ достигалась разумная цѣль: такъ какъ, по всей вѣроятности, сводъ клали безъ помощи кружалъ, то шиферныя плиты, положенныя на рядъ камней, придавливая ихъ, удерживали ихъ въ то же время отъ паденія внутрь. Сводъ замыкается большимъ камнемъ, представляющимъ съ наружной стороны видъ шпица.

На верху, въ верхнемъ этажѣ башни виднѣются узкія окна съ подоконниками, выступающими наружу въ видѣ ящичковъ.

Небольшія окна находятся и въ другихъ этажахъ.

По словамъ мѣстнаго старшины, живущаго въ строеніяхъ окружающихъ башню, она была построена однимъ изъ его предковъ лѣтъ 150 тому назадъ. Приблизительная высота башни 8 или 9 сажень. Другія, видѣнныя нами башни съ крышами, во всемъ подобны описанной: только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на значительной высотѣ видны изображенія крестовъ, высѣченныхъ въ камнѣ, или сквозныхъ, напр., въ аулахъ: Нюй, Пеленгъ и друг. На таб. VIII представлены башни съ крышами въ аулѣ Нюй.

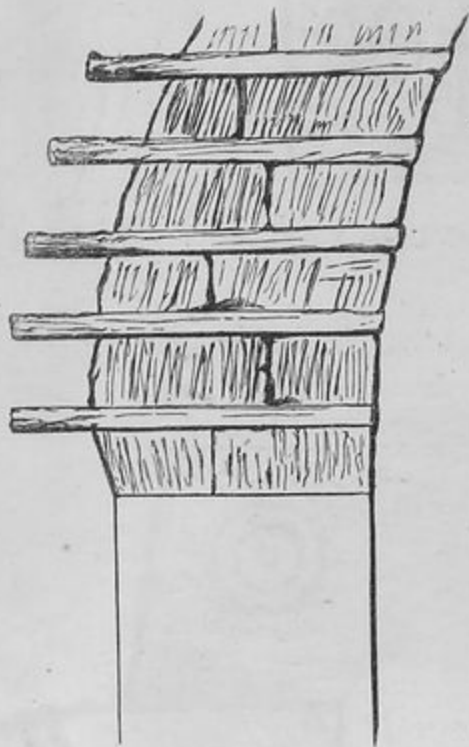

Рис. 56. Часть крыши башни въ Хайбахъ.

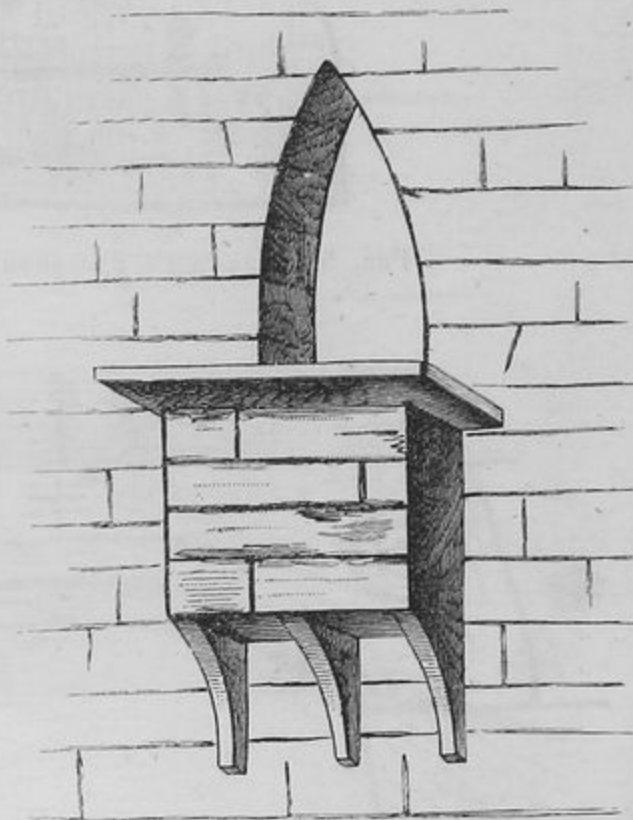

Рис. 57. Окно въ башнѣ Хайбаха.

Что касается первоначальныхъ строителей башенъ, то есть основаніе думать, что искусство сооруженія этихъ укрѣпленій было внесено въ горную Чечню Грузинами, оказывавшими нѣкогда несомнѣнно культурное вліяніе на Чеченцевъ, которые отчасти подчинялись имъ въ политическомъ отношеніи. Мѣстоположеніе башенъ указываетъ на ихъ стратегическое значеніе: онѣ обыкновенно были воздвигаемы въ такихъ мѣстахъ, откуда удобно наблюдать за мѣстностью. Притомъ изображеніе крестовъ и плиты съ крестами указываютъ на строителей-христіанъ, которыми всего скорѣе могли быть Грузины. Научившись отъ нихъ, и сами Чеченцы могли впоследствии возводить подобныя же сооруженія и поддерживать старыя грузинскія. Замѣтимъ кстати, что многія чеченскія фамиліи приписываютъ себѣ грузинское происхожденіе и что

Digitized by Google

БИБЛИОТЕКА
И. И. Кривошеина
и Музейной работы

до сихъ поръ въ Чечнѣ сохранились названія грузинскихъ монетъ: сомъ, абазъ, шауръ или шей *).

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о *курганахъ*, встрѣчающихся въ огромномъ количествѣ въ плоскостной Чечнѣ. Изъ нихъ можно отмѣтить одинъ, связанный преданіемъ съ именемъ Калмыковъ. Онъ находится по дорогѣ изъ Грознаго въ Воздвиженскую, верстахъ въ 9 отъ Грознаго на лѣвой сторонѣ и носитъ названіе Галмукъ-барцъ, т. е. Калмыцкій верхъ. Преданіе говоритъ, что на горѣ была ставка калмыцкаго хана и

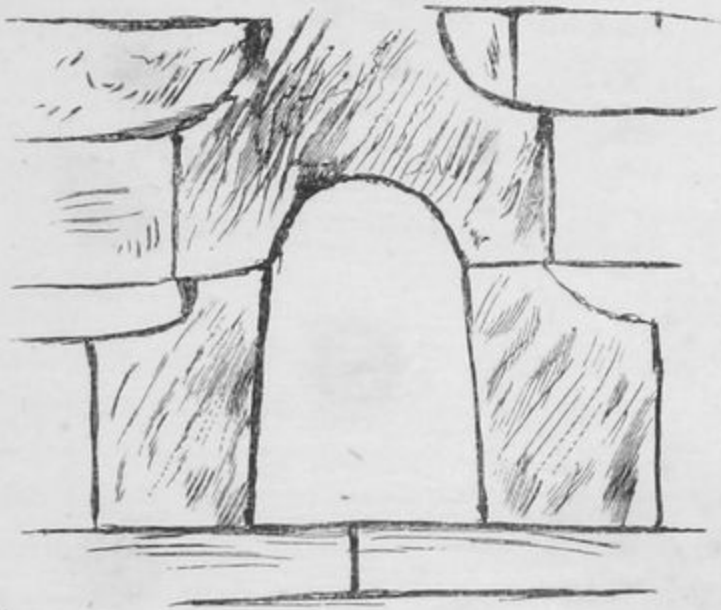

Рис. 58. Окно въ той же башнѣ.

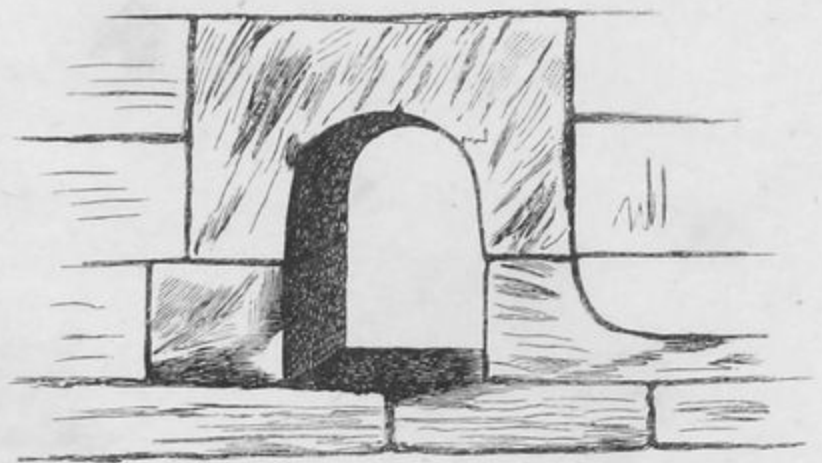

Рис. 59. Окно въ той же башнѣ.

въ курганѣ погребены Калмыки. Повидимому, въ курганѣ нѣсколько могилъ: мѣстные жители разрыли двѣ изъ нихъ и нашли мѣдное блюдо, желѣзный ножъ и нѣкоторыя другія вещи. Подъ курганомъ близъ дороги слѣды построекъ, выведенныхъ на извести. Еще ниже колодезь, который нѣкогда былъ обнесенъ каменной оградой, и слѣды построекъ вокругъ котловины, представляющей какъ-бы высохшее ложе пруда или бассейна. Преданіе о Калмыкахъ имѣетъ историческое основаніе. „Поселившись въ Ичкеріи, пришедшіе съ юга Чеченцы пришли въ столкновеніе съ Калмыками, жившими разбросанно по укрѣпленнымъ деревнямъ на всемъ пространствѣ по сосѣдству Ичкеріи до праваго берега Терека. Между ними происходили неоднократно столкновенія, о которыхъ свидѣлствуютъ курганы, встрѣчаемые на земляхъ, занятыхъ въ то время Калмыками“ **). Извѣстно также, что Петръ Великій, чтобъ наказать Че-

*) См. Статью г. Лаудаева — Чеченское племя, въ Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, Вып. VI, Отд. 1, стр. 43.

Совершенно такого-же типа башни съ крышей существуютъ въ странѣ Хевсуровъ. См. изображеніе въ книгѣ г. Ралде — Chewsuren, повторенное въ сочиненіи г. Шантра — Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. IV, p. 46.

**) А. П. Берже—Чечня и Чеченцы, стр. 131.

ченцевъ и Кумыковъ за пораженіе, нанесенное ими нѣкоторымъ русскимъ отрядамъ, проходившимъ по ихъ владѣніямъ во время Дербентскаго похода, пригласилъ калмыцкаго хана вторгнуться за Терекъ съ своими ордами. Рядъ кургановъ обозначаетъ путь, по которому слѣдовали полчища Аюки, а въ двухъ верстахъ отъ старой *Внезапной* крѣпости показываютъ большой насыпной холмъ, гдѣ стояла ставка калмыцкаго хана“ *).

Другіе видѣнные нами курганы не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

*) Тамъ-же, стр. 137. Чеченскія преданія о Калмыкахъ, см. въ статьѣ г. Лаудаева, въ Сбор. Свѣд. о Кавказ. Горцахъ, Вып. VI, Отд. 1, стр. 33 и слѣд.

II.

Археологическая экскурсія въ Осетію.

Цѣль экскурсіи. Маршрутъ. Очеркъ религіозныхъ вѣрованій Осетинъ. Священныя мѣста (дзуары). Религіозныя обряды, совершаемые при дзуарахъ. Дзуары въ Куртатинскомъ ущельи. Старинная церковь въ аулѣ Дзивгисѣ. Церковь въ аулѣ Гули. Хцау-дзуаръ въ аулѣ Ладзѣ. Дзуаръ близъ аула Харискина. Дзуары Майрамъ. Дзуаръ въ аулѣ Барзикау. — Могильники Куртатинскаго ущелья. Могильники аула Дзивгиса. Предметы изъ пещернаго могильника. Могильникъ близъ аула Ладза. Предметы изъ склеповъ. Могильникъ на р. Фридонѣ близъ аула Саниба. Описаніе 6-ти раскопанныхъ могилъ. — Усыпальницы. Виды ихъ. Усыпальница Сослана. Усыпальницы Куртата и Тагаура въ аулѣ Далагқау. Преданія о родоначальникахъ Куртатинцевъ и Тагаурцевъ. — Погребальная пещера близъ аула Ганала. — Памятники. — Башни. Свѣдѣнія объ осетинскихъ дзуарахъ за предѣлами Куртатинскаго ущелья. Святилище Рекомъ. Нузальская церковь. Дигорскіе дзуары.

Какъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи территорія, населенная Осетинами, представляетъ наиболѣе изслѣдованную область Кавказа. Древніе могильники Осетіи, уже привлекавшіе къ себѣ вниманіе въ 60-тыхъ годахъ, были посѣщаемы и изслѣдуемы русскими и иностранными археологами преимущественно между 1877—83 гг. Самый богатый изъ этихъ могильниковъ Кобанскій получилъ даже европейскую извѣстность и вызвалъ рядъ монографій. Начало научному описанію и изученію богатой бронзовой культуры, обнаруженной раскопками въ Кобани, было положено Г. Д. Филимоновымъ, который, рассмотрѣвъ въ 1877 году предметы изъ Кобанскаго могильника въ Тифлисскомъ музеѣ, первый предпринялъ обстоятельную раскопку названнаго могильника и сообщилъ результаты своего изслѣдованія въ статьѣ „О доисторической культурѣ въ Осетіи“ *). Дальнѣйшія раскопки въ Кобани были произведены В. Б.

*) См. Протоколы засѣданій Комитета по устройству Антропологической выставки Императорскаго Общества Любит. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи № 20. М. 1878.

Антоновичемъ въ 1879 г., проф. Р. Вирховымъ и г. Долбежевымъ въ 1881 и французскимъ археологомъ г. Шантромъ въ томъ же году. Богатыя коллекціи добытыхъ раскопками предметовъ хранятся въ настоящее время въ Тифлисѣ, Владикавказѣ, Москвѣ, Порѣчьѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Ліонѣ, вызвали цѣлую литературу *) и, можно сказать, что Кобанскій могильникъ въ Осетіи извѣстенъ европейскимъ ученымъ, занимающимся первобытной археологіей, не менѣе знаменитаго Гальштадскаго.

Изъ другихъ могильниковъ Осетіи подвергались научному изслѣдованію: могильники дигорскіе, — Камунтскій и Галиатскій, въ которыхъ производили раскопки: В. Б. Антоновичъ въ 1879 г. и К. И. Ольшевскій въ 1882 г.; могильникъ въ аулѣ Камбылтѣ (раскопки К. И. Ольшевскаго въ 1882 г.), могильники въ Куртатинскомъ ущелии: Ладзскій и Дзивгисскій, изслѣдованные В. Б. Антоновичемъ и г. Беренштаммомъ въ 1879 г. и Ольшевскимъ въ 1882 г., могильникъ близъ аула Чми (раскопки Д. Самоквасова въ 1882 г.), могильникъ Лизгорскій (раскопки К. И. Ольшевскаго въ 1882 г.), могильники близъ ауловъ Эльхотова, Христіанскаго, Галфандага и нѣк. др., изслѣдованные В. Б. Антоновичемъ въ 1879 году.

Сравнительно меньше свѣдѣній было до сихъ поръ собрано объ остаткахъ древнихъ христіанскихъ сооруженій въ Осетіи. Болѣе подробно были описаны только два главные святилища этой страны: церкви Нузальская, въ Касарскомъ ущельи, и Рекомская, близъ Цейскаго ледника. Имѣя главнымъ образомъ въ виду описаніе христіанскихъ памятниковъ Осетіи, археологическая экспедиція 1886 года выбрала для изслѣдованія Куртатинское ущелье, образуемое русломъ рѣки Фіагдона, такъ какъ прежніе путешественники, посѣщавшіе эти мѣста, упоминали о видѣнныхъ ими христіанскихъ святыняхъ. Преслѣдуя эту глав-

*) Кромѣ вышепомянутой статьи г. Филимонова, могутъ быть названы изслѣдованія: *Chantre*—Recherches paléoethniques dans la Russie méridionale et spécialement au Caucase et en Crimée, Lyon. 1881. *Его же*: La nécropole de Koban en Osséthie (Materiaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme 2-e série, t. XII), Toulouse. 1882. *Его же*: La nécropole de Koban (Bulletin de la société d'anthropologie de Lyon, tome II fasc. I. 1883). *Его же*: Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, texte et Atlas. 1886. В. Б. Антоновича—Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1879 г. См. Протоколы подготовительнаго комитета V-го Археологическаго Съезда. М. 1882. Стр. 242—245. *Rudolf Virchow*—Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Berlin. 1883. *Bayern*—Contribution à l'archéologie du Caucase, Lyon. 1882. Д. П. Ануцинъ—Доисторическая археологія Кавказа, Журн. Мин. Народн. Просв. Часть ССXXXI, Отд. 2. В. Долбежевъ—Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ близъ селенія Уолла-Кобанъ, см. Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI. 1888.

ную цѣль, мы тѣмъ не менѣе изслѣдовали по пути все, что могло представить археологическій интересъ, и производили раскопки въ могильникахъ, гдѣ представлялась для этого возможность. Сообразуясь съ временемъ и средствами, которыми могла располагать экспедиція, были предприняты двѣ экскурсіи изъ Владикавказа: первая для изслѣдованія Куртатинскаго ущелья, вторая—ущелья рѣки Гизель-дона *).

Въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ въ археологическомъ отношеніи останавливаются на себѣ вниманіе: 1) Древнія христіанскія церкви, обратившіяся у Осетинъ въ языческія капища (дзуары), 2) древніе могильники, на примѣръ, въ Ладзѣ, Дзивгисѣ, Санибѣ, 3) могильныя наружныя усыпальницы, такъ называемыя *зѣннады*, 4) башни, встрѣчаемыя въ значительномъ числѣ почти во всѣхъ горныхъ аулахъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію памятниковъ религіознаго характера, скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ ранняго христіанства въ Осетіи.

Сооруженія всѣхъ древнихъ христіанскихъ церквей туземное населеніе приписываетъ царицѣ Тамарѣ. Въ основаніи этого народнаго мнѣнія лежитъ тотъ историческій фактъ, что христіанство было распространяемо среди предковъ нынѣшнихъ Осетинъ грузинскими миссіонерами въ періодъ процвѣтанія Грузіи, къ которому относится и вѣкъ царицы Тамары (1184—1212). Нѣтъ сомнѣнія, что при ней христіанская пропаганда была особенно успѣшна въ горахъ Осетіи, хотя, конечно, многія изъ церквей могли быть построены и раньше и значительно позже царствованія этой популярной грузинской царицы.

Однако внесенное изъ Грузіи христіанство, вслѣдствіе слабой связи Осетинъ, жившихъ по эту сторону хребта, съ Грузіей, мало по малу заглохло среди туземнаго населенія, смѣшалось съ прежними языческими вѣрованіями, которыя не могли быть вытѣснены усиліями грузинскихъ миссіонеровъ, и изъ этой смѣси христіанства съ язычествомъ образовался характерный типъ двоевѣрія, который и до сихъ поръ сохраняется въ народѣ, туго поддаваясь просвѣтительнымъ усиліямъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Нужно сознаться, что христіанство до сихъ поръ коснулось Осетинъ самымъ поверхно-

*) Маршрутъ 1-й экскурсіи: Изъ Владикавказа чрезъ аулъ Новый Кадгаронъ по ущелью Фиагдона въ аулъ Дзивгисъ; отсюда чрезъ аулы Далакау, Цимити и Ладзъ въ аулъ Харискинъ; отсюда обратно чрезъ Далакау въ аулы Джизи и Кобанъ; изъ Кобана на Военно-грузинскую дорогу къ станціи Балтъ и затѣмъ во Владикавказъ.

Маршрутъ 2-й экскурсіи (Н. Н. Харузина и З. П. Тулинцева): Изъ Владикавказа на аулъ Гизель; далѣе вверхъ по Кубанкѣ мимо Ганала въ аулъ Саниба. Отсюда тѣмъ же путемъ обратно во Владикавказъ.

ственнымъ образомъ и притомъ не своей внутренней, нравственной стороной, а только внѣшней обрядностью. Нравственный складъ Осетина, называетъ ли онъ себя христіаниномъ или мусульманиномъ, сложился изъ понятій, выработавшихся вѣками въ родовомъ быту, и въ этотъ плотно замкнутый кругъ христіанство еще не успѣло пробить себѣ входа. Христіанская мораль мало извѣстна Осетину, противорѣчитъ во многомъ его, сложившимся вѣками, понятіямъ, а христіанская догматика ему совершенно непонятна. Принимая христіанство, Осетинъ исполняетъ нѣкоторые обряды, крестится, соблюдаетъ посты и праздники, иногда ходитъ въ церковь, упоминаетъ имя Христа и нѣкоторыхъ святыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справляетъ и прежніе языческіе обряды, совершаетъ *кувды* святымъ мѣстамъ (дзуарамъ), приноситъ жертвы — барановъ, козловъ, быковъ — по извѣстнымъ днямъ и при этомъ не думаетъ, чтобы его прежніе обряды были несогласимы съ новыми, которые ему указываетъ духовенство *).

Священныя мѣста, на которыхъ совершается въ извѣстное время года *моленіе* (кувдъ), носятъ у Осетинъ общее названіе *дзуаровъ*; слово *дзуаръ* — ничто иное, какъ грузинское названіе *креста* (джвари). Многіе изъ *дзуаровъ*, какъ было выше сказано, представляютъ развалины древнихъ христіанскихъ церквей и часовень, но большинство восходитъ къ другимъ источникамъ: *дзуаромъ* называется мѣсто и даже предметъ, которые носятъ, по мнѣнію туземцевъ, чудесный характеръ. Суевѣрное воображеніе Осетина склонно всюду, въ окружающей природѣ, видѣть чудесное: все, выходящее изъ ряда, все чѣмъ нибудь подѣйствовавшее на его воображеніе, можетъ стать для него предметомъ *кувда* — *дзуаромъ*. Роца, связанная съ древнимъ преданіемъ, отдѣльно стоящее раскидистое дерево, пещера, оригинальнаго вида камень, древняя могила, приписываемая какому-нибудь *нарту* (богатырю), минеральный ключъ — все это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ принять священный характеръ. Не мудрено поэтому, что въ каждомъ осетинскомъ селеніи встрѣчаются самые разнообразные *дзуары*. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ *Рекомъ* (въ Цейскомъ ущеліи), *Мыкалы-габыртэ*, *Татаръ-тупъ* и друг. извѣстны во всей Осетіи и посѣщаются тысячами поклонниковъ; другіе — извѣстны только одному аулу; но есть и такіе, которые составляютъ предметъ поклоненія одной семьи или одного рода.

Обряды, сопровождающіе празднество въ честь того или другаго

*) Всев. Миллеръ — Осетинскіе этюды, часть II, стр. 237

дзуара, почти тождественны во всей Осетии. Назначенному дню предшествуетъ заготовленіе пищи для жертвоприношенія и пирушки. Необходимое приношеніе составляютъ такъ называемые *чири* — лепешки изъ пшеничной муки, начиненныя сыромъ или высушеннымъ саломъ; эти лепешки обязательны даже въ томъ случаѣ, когда приносится животная жертва. Изъ питій должны быть заготовлены для праздника: брага, пиво или аракъ. Съ этими припасами и со скотомъ, обрекаемымъ на жертвоприношеніе, жители аула отправляются къ священному мѣсту. Если *дзуаръ* — развалина древней церкви, то молещики располагаются около ограды, каждый съ своими приношеніями. Входить внутрь въ церковь имѣетъ право только одинъ старикъ, такъ называемый *дзуар-лагъ*, который и хранитъ ключи отъ святилища. Его обязанность состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ въ церковь приношенія и ставитъ ихъ внутри на извѣстномъ мѣстѣ. Эти приношенія въ какой-нибудь древней святынѣ накапливаются вѣками и даютъ внутренности *дзуара* видъ склада самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Такъ, на примѣръ, въ посѣщенномъ мною въ 1880 году святилищѣ Рекомѣ я замѣтилъ на широкой шиферной доскѣ, вдѣланной въ стѣнѣ на мѣстѣ алтаря, глиняныя чашки разной величины, нѣкогда наполненныя пивомъ, фигуры барашковъ изъ глины — приношенія *ex voto* женщинъ, желающихъ имѣть дѣтей, бусы, куски ваты, нити серебряной канители, галуны, остатки матерій, двѣ, три иконы, древній шлемъ, приписываемый *Оси-багатару*, а въ притворѣ святилища огромную кучу стрѣлъ съ древками и безъ древковъ, достигающую почти потолка зданія *).

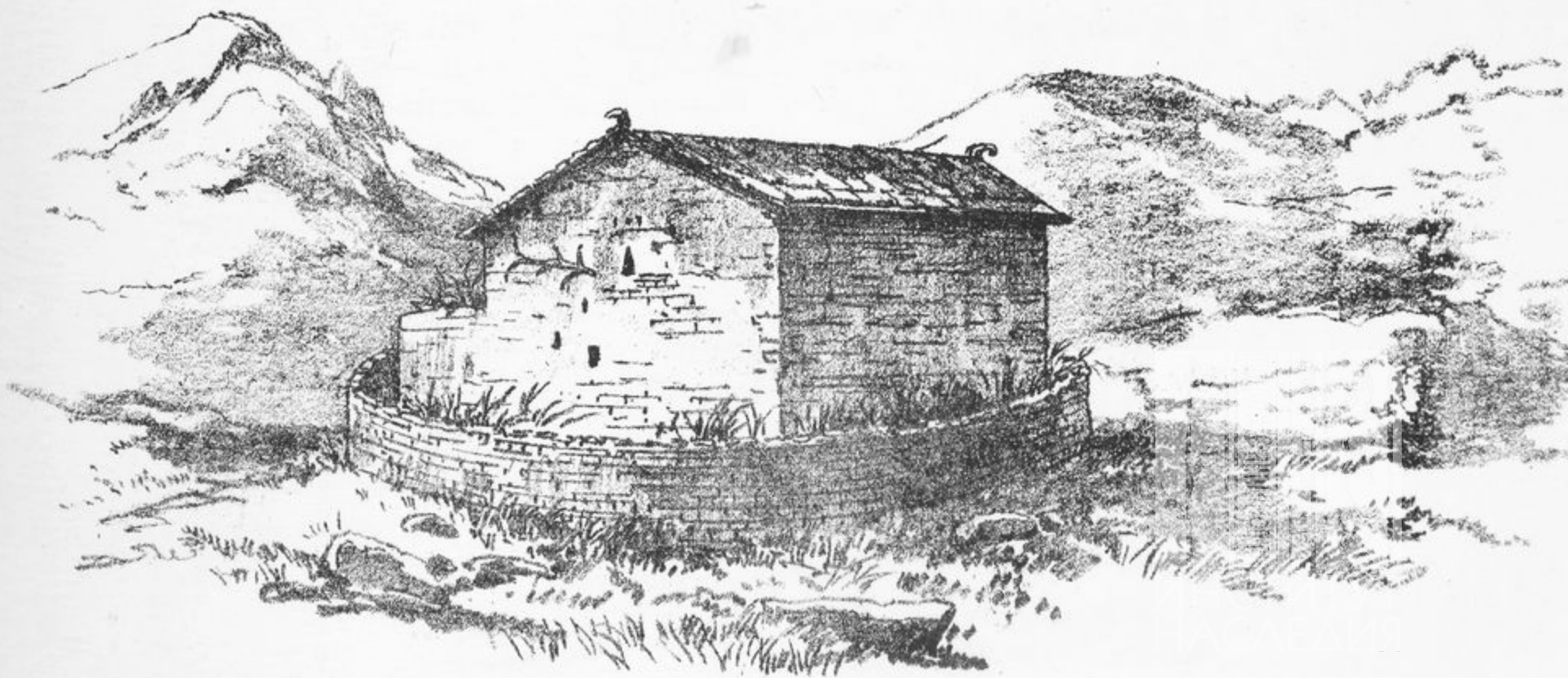
Культъ, совершаемый около *дзуара*, состоитъ изъ закланія жертвы и обрядовой пирушки. Закланіе жертвы сопровождается извѣстными обрядами. Молодой человекъ, на обязанности котораго лежитъ рѣзаніе барашка, подводитъ животное къ представителю семьи — ея старѣйшему члену, и притомъ такъ, чтобы голова жертвеннаго животного была обращена къ святилищу. Старикъ беретъ животное за лѣвый рогъ и произноситъ молитву Богу и святому, которому посвящается жертва. По окончаніи молитвы онъ дѣлаетъ барану горящимъ полѣномъ крестообразную мѣтку на шеѣ за правымъ ухомъ и на мордѣ, причемъ, когда кверху идетъ дымъ отъ опаляемой шерсти, говоритъ: да поидетъ наше приношеніе къ Богу. Затѣмъ старику подносятъ въ стаканѣ аракъ: онъ плескаетъ часть его въ огонь, даетъ отпить мальчику и остальное выпиваетъ самъ. Когда роль старика кончена, молодой

*) См. ниже описаніе Рекома.

человѣкъ съ помощникомъ кладутъ барана на землю такъ, чтобъ горло было обращено къ востоку, и по произнесеніи словъ — Хцау, дауян табу — «Боже, тебѣ слава» — барану перерѣзывается горло. Пока кровь стекаетъ въ тазъ, рѣзникъ долженъ хранить молчаніе. Затѣмъ онъ отрѣзаетъ голову, снова приставляетъ ее на минуту къ шеѣ и подаетъ старику, который тщательно опадаетъ шерсть и бросаетъ голову въ котелъ. Когда мясо сварено и разрѣзано на куски, прислуживающій молодой человѣкъ кладетъ передъ главой семьи 3 жертвенныя лепешки, голову и лучшія части животнаго и ставитъ передъ нимъ стаканъ съ аракомъ. Старикъ, снявъ папаху, беретъ въ руки кусокъ мяса и произноситъ молитву, въ которой проситъ всякаго благополучія сначала у Бога, затѣмъ у святаго, чествуемаго въ этотъ день. Послѣ каждаго пожеланія длинной молитвы присутствующіе говорятъ: аминь (аминь). По окончаніи молитвы старикъ бросаетъ одинъ кусокъ легкаго, обернутый въ брюшной жиръ, въ огонь и тоже дѣлаетъ съ одной изъ жертвенныхъ лепешекъ (чири). Сидящій рядомъ съ главой семьи, первый послѣ него по старшинству, произноситъ болѣе краткую молитву, держа въ рукѣ чашку арака, плескаетъ нѣсколько капель въ огонь, даетъ отвѣдать одному изъ присутствующихъ и выпиваетъ остальное самъ. Этими обрядами освящены пища и питье, и затѣмъ начинается пирушка, продолжающаяся до глубокой ночи.—Во время пиршества поются пѣсни, въ которыхъ поминается имя чествуемаго святаго. Отмѣтимъ, что между христіанскими святыми, получившими у Осетинъ значеніе языческихъ боговъ, пользуются особымъ уваженіемъ: Св. Георгій (Уастырджи, по дигорски Уаскерги), Св. Илья (Уацилла, Эліа), Св. Николай (Никкола), Св. Феодоръ Тиронъ (Тутыръ) и нѣк. другіе.

Переходимъ къ описанію *дзуаровъ*, осмотрѣнныхъ нами въ Куртатинскомъ ущеліи.

Въ древнемъ аулѣ Дзивгисѣ, на лѣвомъ берегу Фіагдона, сохранилась небольшая церковь, нѣкогда построенная въ память Св. Георгія и затѣмъ обратившаяся въ дзуаръ. У мѣстныхъ жителей она носитъ названіе Уастырджи Кувандонъ т. е. молельня Уастырджи (Георгія). Это небольшое зданіе, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, сложенное изъ массивныхъ камней на извести и выбѣленное снаружи. Длина зданія — 4 сажени, ширина 2 саж. 2 аршина. Оно покрыто на высотѣ 8 аршинъ двускатной крышей изъ двухъ рядовъ шиферныхъ плитъ, положенныхъ на деревянные доски. Зданіе прислонено западной стороной къ горѣ, такъ что эта сторона почти вдвое ниже

восточной. На восточной сторонѣ алтарный выступъ, представляющій полукругъ въ 8 аршинъ и покрытый полукуполомъ изъ восьми рядовъ шиферныхъ плитъ, чередующихся съ камнями (см. таблицу IX).

Церковь освѣщена небольшими похожими на щели и суживающимися кверху окнами, изъ которыхъ одно продѣлано въ западной стѣнѣ, два въ южной и два въ восточной (одно на верху, другое въ стѣнѣ абсида). Доступъ въ церковь даетъ съ южной стороны дверь, покрытая полукруглой аркой. Съ той же стороны церкви пристройка въ видѣ сарая, котораго крыша держится на 13 деревянныхъ столбахъ. Вдоль стѣнъ сарая тянутся деревянные скамьи, на которыхъ

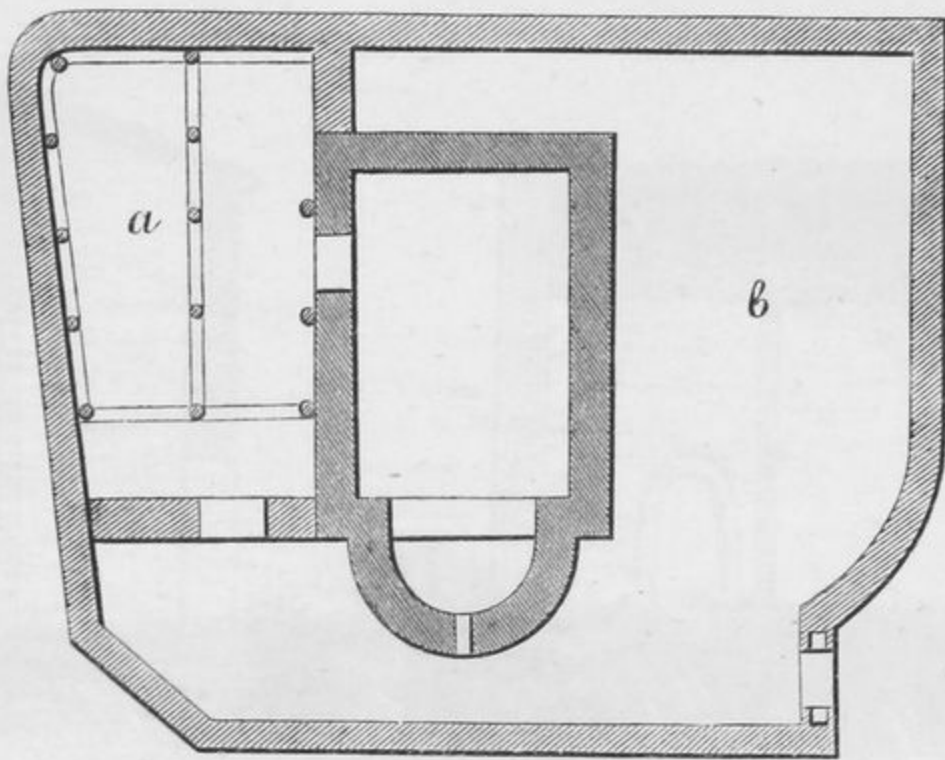

Рис. 60. Планъ дзуара въ Дзивгисѣ.

сидятъ молещики во время *кувда*, совершаемаго разъ въ годъ въ ноябрѣ. Въ сараѣ хранятся всѣ необходимые атрибуты кувда: котлы для пива, желѣзныя цѣпи отъ котловъ, деревянные и глиняныя чашки и т. п. Церковь обнесена невысокой каменной оградой, внутри которой, близъ южной стѣны, находится деревянная звонница, состоящая изъ двухъ столбовъ съ перекладиной, покрытыхъ двускатной крышей. Два небольшіе колокола имѣютъ грузинскія надписи *). На стѣнѣ надъ воротами, ведущими во дворъ, сложена масса оленьихъ, турьихъ, бычьихъ и козьихъ роговъ, —приношеній многихъ поколѣній. Внутрен-

*) Г. Пфау во время его пребыванія въ Дзивгисѣ жители показали обломокъ колокола съ слѣдующей грузинской надписью: «Я, царь Карталинскій, патронъ Георгій, въ году хроникона 301 пожертвовалъ колоколь сей тебѣ, Святому Георгію Дзгвйскому, дабы дарована была намъ побѣда. «301» годъ хроникона есть 1613 годъ нашего лѣтосчисленія, но невидно, чтобы въ это время царствовалъ Георгій въ Грузіи или въ Кахетіи. По словамъ Пфау, И. А. Бартоломей высказалъ предположеніе, что Георгій можетъ быть какойнибудь

ность церкви не представляет ничего замѣчательнаго. Два столба отдѣляютъ корабль отъ алтаря, въ которомъ помѣщается престоль. Къ сожалѣнію, жители затеряли, по ихъ словамъ, ключъ отъ дзуара, такъ что мы должны были ограничиться тѣмъ что осмотрѣли внутренность изъ оконъ.

Только что описанный типъ дзуаровъ повторяется и въ другихъ аулахъ Куртатинскаго ущелья. Таковъ, напримѣръ, ближайшій къ Дзивгисскому дзуаръ въ аулѣ Гули на лѣвой сторонѣ Фиагдона. Только размѣры этого зданія уступаютъ значительно размѣрамъ Дзивгисской церкви (см. таблицу IX). Длина 2 саж. 2 арш., ширина 2 саж. 1 арш. съ четвертью, высота 1 саж. Дверь съ южной стороны за-

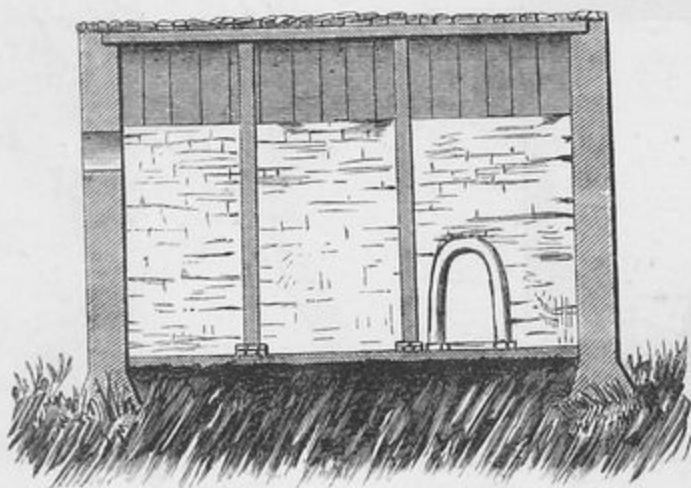

Рис. 61. Дзуаръ въ Гули въ продольномъ разрѣзѣ.

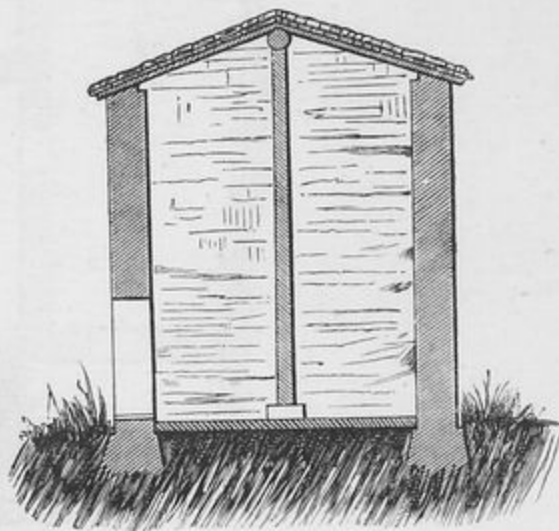

Рис. 62. Дзуаръ въ Гули въ поперечномъ разрѣзѣ.

мыкается полукруглой аркой. На восточной сторонѣ нѣтъ алтарнаго абсида и только какимъ нибудь усердствующимъ молеельщикомъ вдѣланъ отромный олений рогъ. Къ стѣнамъ часовни прилегаютъ два крытые дворика, одинъ съ южной, другой—съ западной стороны.

Весь дзуаръ обнесенъ низкой каменной оградой. Неизвѣстно, какому христіанскому святому была посвящена эта церковь; но, судя потому, что жители совершаютъ въ ней *кувдъ* въ ноябрѣ, можно думать, что она была посвящена тому-же Уастырджи (св. Георгію),

претендентъ на грузинскій престоль, бѣжавшій въ Осетию и молившій о дарованіи ему победы надъ соперникомъ, за принесеніе мѣднаго колокола. На другомъ колоколѣ, хранящемся при церкви, слѣдующая надпись безъ хронологическаго указанія: «Я Махмедъ, Арнальдека сынъ, сей колоколъ (пожертвовалъ) Дзгвійскому святому мѣсту. Дай богъ, чтобы на звукъ его приходили на поклоненіе тебѣ и прославленіе». См. Палафъ — путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи, — въ Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказѣ т. I стр. 160.

какъ и Дзивгисская церковь. — Прилагаемые рисунки 61 и 62 представляютъ церковь въ аулѣ Гули въ продольномъ и поперечномъ разрѣзѣ, чтобъ пояснить устройство крыши. На двухъ столбахъ и обѣихъ стѣнахъ покоится переводина, на которой лежатъ одни концы досокъ, между тѣмъ какъ другіе упираются въ продольныя стѣны. Сверхъ досокъ положены въ два ряда шиферныя плиты.

Церковь такого-же типа, составляющая дзуаръ древняго аула Ладза, носитъ у Осетинъ названіе Хцау-дзуаръ—т. е. *божій дзуаръ*. Размѣры зданія весьма незначительны: длина около 3 саж., ширина— 2 саж. Небольшая дверь съ полукруглой аркою продѣлана въ западной стѣнѣ; по бокамъ двери двѣ небольшія ниши; выше ея развѣшаны по стѣнѣ куски холста, такъ называемые *нысайнаг'* и, т. е. знаки того, что такой-то молещикъ совершалъ кувдъ и желаетъ напомнить объ этомъ дзуару. Двускатная крыша на высотѣ 2 арш. 14 верш. покрываетъ зданіе. На гребнѣ крыши, надъ алтарной частью, стоитъ простой деревянный крестъ. Часовня освѣщается тремя небольшими, затянутыми проволоочной сѣткой окнами, двумя съ южной и однимъ съ восточной стороны. Алтарь отдѣленъ тонкой деревянной перегородкой на подобіе рамы, не забранной досками. Въ алтарѣ на каменномъ престолѣ стоятъ: небольшой металлическій подсвѣчникъ, нѣсколько чашекъ, кружекъ и стакановъ, наполненныхъ пивомъ, и нѣсколько совсѣмъ новыхъ небольшихъ иконъ. Въ лѣвомъ углу алтаря хранится желѣзная цѣпь, которой приписываютъ цѣлебную силу. Часовня имѣетъ пристройку, гдѣ совершается *кувдъ*, и обнесена невысокой оградой. 21 іюля при Хцаудзуарѣ совершается Атинагъ, праздникъ, предшествующій началу сѣнокоса и жатвы. Изображеніе описаннаго дзуара см. на табл. X-ой.

Недалеко отъ аула Харискина, на лѣвомъ берегу Фіагдона, при впаденіи въ него рѣчки Цаззіу, стоитъ полуразрушенная башня, называемая Уялă-мăсыгъ, т. е. *верхняя башня*. На южной сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ башни, виднѣются развалины небольшой часовни, называемой *дзуарамъ верхней башни* (Уялă мăсыджи дзуаръ). Длина этого каменнаго зданія 2 саж. 1¹/₂ арш., ширина 1 саж. 1 арш. 10 в. Крыша частью обрушилась; окна представляютъ видъ щелей, — одно на восточной, другое—на западной сторонѣ; входная дверь—въ южной стѣнѣ. Зданіе окружено невысокой оградой. Внутри ея лежитъ камень, на которомъ имѣла право рѣзать барановъ фамилія Гутіевыхъ въ аулѣ Харискинѣ; другія фамиліи приносили жертвы въ другомъ мѣстѣ, болѣе отдаленномъ отъ церкви. Названіе дзуара *Майрăмъ* заставляеть ду-

мать, что часовня была посвящена Богоматери Маріи. По словам туземцевъ, въ этомъ дзуарѣ совершается кувдъ въ Духовъ день. См. таб. X.

Другой типъ дзуаровъ, часто встрѣчающійся въ Осетіи, представляетъ видъ невысокихъ, но широкихъ четырехугольныхъ столбовъ, сложенныхъ изъ камней и поставленныхъ на какомъ-нибудь громадномъ отдѣльномъ камнѣ или бугрѣ. Эти памятники носятъ названіе Мадымайрәмъ, т. е. Матери Маріи, и имѣютъ особое значеніе для женщинъ, желающихъ имѣть дѣтей. Къ Мадымайрәмъ водятъ молодую при брачномъ обрядѣ. Приближаясь къ святилищу, мальчики бросаютъ въ

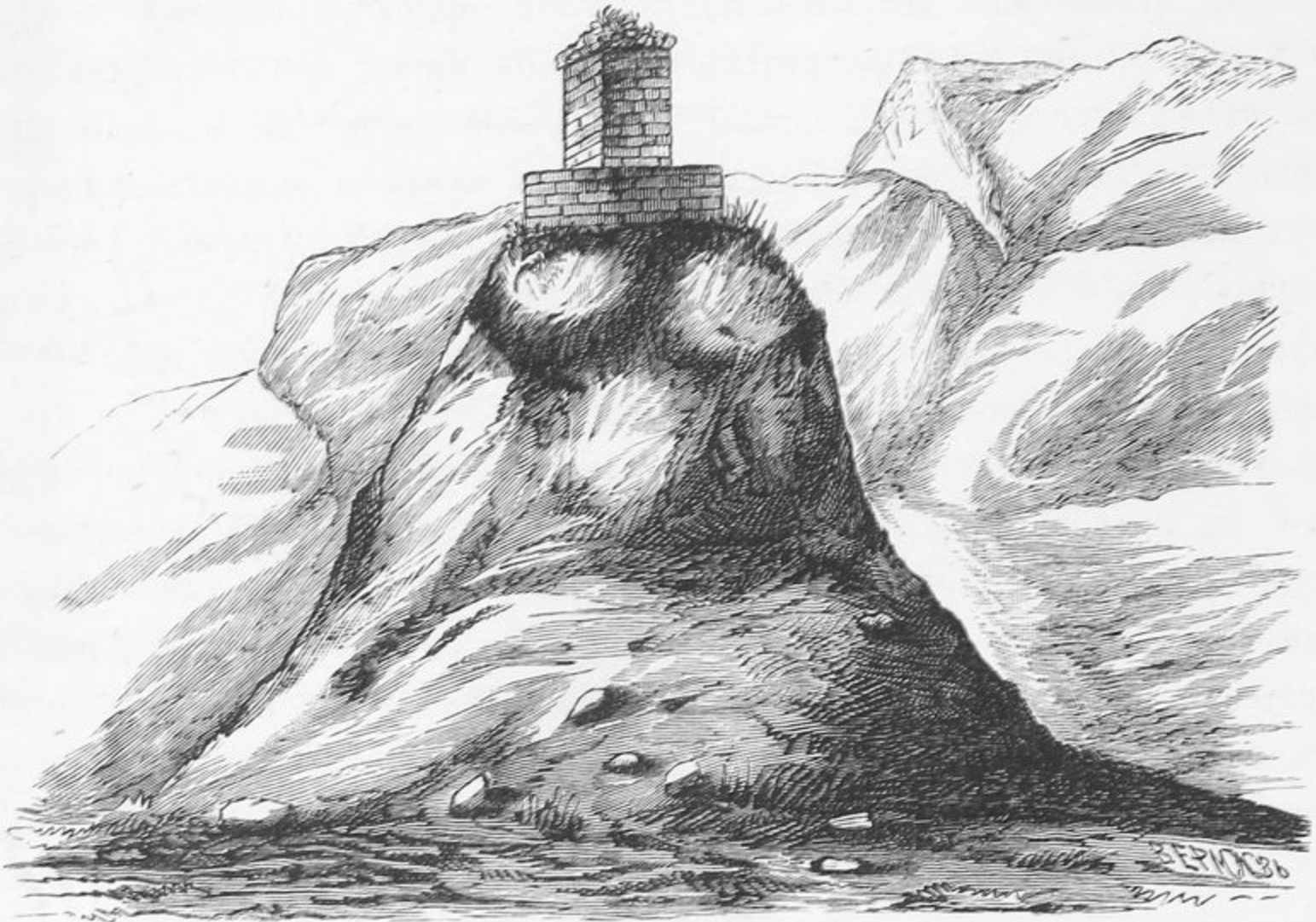

Рис. 63. Дзуаръ (Майрамъ) въ аулѣ Барзикау.

него камнями и пулями, восклицая при этомъ: „вотъ столько мальчиковъ (сколько камней и пуль) и одну синеокую дѣвочку подай, Майрәмъ, нашей доброй невѣсткѣ!“ Подобную же молитву произносить затѣмъ шаферъ. Памятникъ Мадымайрәмъ находится, напримѣръ, противъ аула Дзивгиса, на правой сторонѣ Фіагдона.

Въ аулѣ Барзикау, почти въ серединѣ аула на бугрѣ, виднѣется небольшой дзуаръ, сходный съ дзивгисскимъ Майрәмомъ, но отличающійся отъ него тѣмъ, что каменный столбъ утверждёнъ на круглой платформѣ. Посвященъ ли этотъ дзуаръ Мадымайрәмъ, намъ не удалось узнать. Называютъ его просто Барзикауи дзуаръ, т. е. дзуаръ деревни Барзи. См. рис. 63.

Переходимъ къ описанію осмотровѣнныхъ нами могильниковъ.

Въ аулѣ Дзивгисѣ, кромѣ такъ называемыхъ запад'овъ (см. ниже), можно отмѣтить два древнихъ могильника: одинъ близъ церкви (описанной выше, стр. 48), другой на верху, — *пещерный*.

Наружными признаками могилъ перваго могильника служатъ невысокіе каменные столбы изъ шиферныхъ плитъ. На незначительной глубинѣ (12—16 вершковъ) въ землѣ находятся гробы въ видѣ каменныхъ ящичковъ, сложенныхъ изъ шиферныхъ плитъ. Длина гробовъ 2 арш. 14 верш., ширина въ ногахъ 9, въ головахъ 10¹/₂ вершковъ, глубина 9 верш. Въ разрытыхъ нами 2-хъ могилахъ было найдено: *просо*, каменное точило и желѣзный небольшой ножъ съ слѣдами деревянной ручки. Ящички засыпаны до крышки землей. Лицо покойниковъ обращено къ востоку.

Другой могильникъ находится въ скалѣ, на лѣвомъ берегу Фіагдона. Здѣсь естественные гроты посредствомъ пристроенныхъ стѣнокъ были обращены въ усыпальницы. Стѣнки выведены изъ камней на извести. Внутри усыпальницы были находимы остатки отъ деревянныхъ гробовъ, сколоченныхъ въ видѣ невысокихъ плоскихъ прямоугольныхъ ящичковъ изъ досокъ. Размѣры гробовъ: длина 2 арш. 9 верш., ширина 12 верш., глубина 10 верш. Встрѣчаются также дѣтскіе гробы въ видѣ двухъ корытъ, положенныхъ одно на другое. Костяки въ гробахъ покрыты землею и плохо сохранились. Въ нѣсколькихъ гробахъ кости оказались въ полномъ безпорядкѣ. Въ почвѣ 1-го грота, образовавшейся отъ перегнившихъ гробовъ и костей, были найдены слѣдующія вещи: небольшіе кувшинчики изъ желтой глины съ геометрическими, сдѣланными краской, орнаментами, черными и красными, съ одной и двумя ручками; кувшины бѣльшихъ размѣровъ изъ красной глины съ ручкой и срѣзаннымъ носикомъ, грубой работы и безъ орнаментовъ; большія бронзовыя дутыя ушныя кольца, въ вершокъ въ діаметрѣ; кольца изъ бронзовой проволоки и перстни; бронзовыя части узды въ видѣ *дельты* съ кружечками по угламъ; бронзовыя бубенчики на подвѣскахъ; бронзовыя бляхи со сквознымъ изображеніемъ геральдической птицы и тремя ушками; бронзовыя пряжки отъ поясовъ съ изображеніями человѣческихъ лицъ монгольскаго типа и собакъ (львовъ?) и съ геометрическими орнаментами; бронзовое небольшое зеркальце; такое же зеркало болѣе двухъ вершковъ въ діаметрѣ съ изображеніями (выпуклыми) на внѣшней сторонѣ крестовъ и Соломоновой печати; двѣ круглыя бронзовыя пластинки, составляющія чехоль отъ зеркала, изъ которыхъ одна съ выпуклымъ изображеніемъ двухъ сходящихся головами грифоновъ;

между ними вытисненный кружокъ; бронзовыя цѣпочки изъ перевитыхъ колецъ тонкой работы; серьга изъ серебряной проволоки; серебряная дутая серьга съ шариками внизу и наверху; черепки отъ сосудовъ изъ красной глины съ голубой поливой; черепки отъ стеклянаго сосуда зеленоватаго цвѣта; желѣзные ножи и молоточекъ; кабаньи клыки, употреблявшіеся женщинами для чистки ремней; множество бусъ изъ пасты съ глазками, черточками, изъ разноцвѣтнаго стекла, горнаго хрусталя, золоченаго стекла, сердолика, янтаря и т. п. См. таб. XI.

Второй осмотрѣнный нами могильникъ тянется на значительномъ пространствѣ близъ аула Ладза, на берегу Фіагдона, и называется могильникомъ Нартовъ (богатырей). Мы отмѣтимъ здѣсь 2 типа подземныхъ могилъ: *каменные ящики* и *склепы*. Первые сложены насухо изъ сланцевыхъ плитъ и камней и покрыты обыкновенно тремя плитами. Размѣры ящиковъ разрытыхъ нами: длина 2 арш. 13 или 14 вершковъ, ширина—1 арш. 9—10 верш., глубина—1 арш. 8 верш. Костякъ лежитъ лицомъ на востокъ и засыпанъ внутри ящика желтой глиной. Въ 1-й могилѣ найденъ былъ только желѣзный ножъ, въ другой нѣсколько бусъ. Наружные признаки могилъ—камни, образующіе иногда прямоугольную или овальную фигуру на поверхности земли. Ящики зарыты не глубже $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ аршина.

Склепы сложены насухо изъ булыжника и шиферныхъ плитъ и помѣщаются неглубоко подъ землей; входъ заваленъ плитой и засыпанъ; наружныхъ признаковъ, кромѣ нѣсколькихъ валуновъ, на поверхности нѣтъ. Длина склеповъ достигаетъ 1 сажени и болѣе, ширина 1 арш. 12—14 вершковъ, высота 8—10 вершковъ. Кости лежатъ на почвѣ и засыпаны землею. Въ разрытыхъ нами 2-хъ склепахъ были найдены: серьга изъ бронзовой проволоки въ видѣ большаго кольца, нѣсколько бусъ изъ пасты съ глазками, изъ стекла, сердолика и т. п.,

Рис. 64. Могильный склепъ въ Ладзѣ въ поперечномъ разрѣзѣ.

застежки (пряжки) отъ поясовъ съ изображеніями человѣческихъ лицъ и т. п. предметы, повторяющіе перечисленные выше типы предметовъ изъ Дзивгисскихъ могилъ, что вполне естественно, въ виду того, что Ладзскій могильникъ удаленъ отъ Дзивгисскаго лишь на одинъ часъ пути. Въ обоихъ склепахъ костяки оказались совершенно истлѣвшими.

Замѣтимъ, что, по словамъ туземцевъ, года четыре тому назадъ въ Ладзскомъ могильникѣ (неизвѣстно въ склепѣ или каменномъ ящикѣ) былъ найденъ металлическій крестъ, который нашедшіе снова зарыли въ землю, считая грѣхомъ его взять. См. таб. XII.

Третій изслѣдованный экспедиціей могильникъ расположенъ на сѣверъ отъ селеня Саниба, на лѣвомъ берегу рѣчки Фридона, на холмѣ, и тянется на значительное пространство. Наружные признаки могилъ составляютъ солидныя сланцевыя плиты, длиною отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ аршинъ, шириною отъ 1-го до $1\frac{1}{2}$ аршинъ и толщиною отъ 2—3 вершковъ. Подъ плитами оказывался слой насыпной земли въ нѣсколько вершковъ толщиною, и затѣмъ обнаруживались плиты, покрывавшія камен-

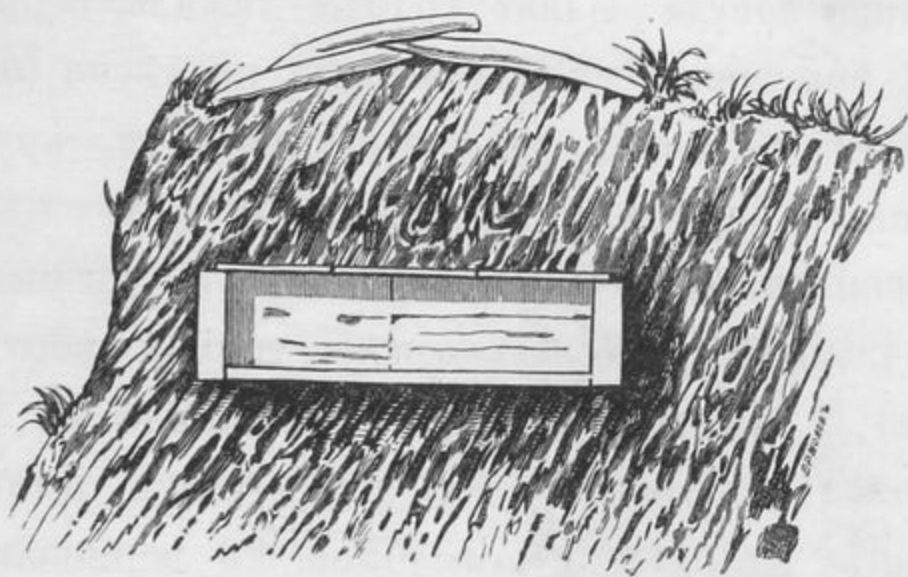

Рис. 65. Гробница въ могильникѣ близъ аула Саниба.

Рис. 66. Кувшинъ изъ могилы близъ аула Саниба.

ный ящикъ. Стѣнки ящика сложены изъ сланцевыхъ плитъ и отесанныхъ камней на глинѣ.

Могилы содержали по одному костяку, но въ одной оказались кости отъ нѣсколькихъ скелетовъ, въ безпорядкѣ. Всего раскопано было 6 могилъ. Представляемъ выдержку изъ дневника раскопокъ, веденнаго Н. Н. Харузинымъ.

Могила № 1. По снятіи верхней наружной плиты и крышки каменнаго ящика, обнаружился костякъ, лежавшій на днѣ могилы, но не на материкѣ, а на бѣлой плитѣ, длиною въ 1 арш. 12 верш., шириною въ 10 и толщиною въ 2 вершка. Головой покойникъ лежалъ на юго-западъ, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ могилахъ. Внутренность ящика, какъ и всѣхъ слѣдующихъ, наполнена землею. Надъ ногами покойника, подъ наружной плитою найденъ разбитый красной глины кувшинъ, высотой въ 9 вершковъ, покрытый камнемъ (см. рис. 66).

Черепъ и прочія кости по ветхости рассыпались при прикосновеніи. Изъ вещей внутри ящика найдены: 4 бронзовыя пуговицы въ видѣ бубенчиковъ и одна стекляная буса.

Могила № 2. Устройство какъ въ № 1. Размѣры ящика: длина внутри $2\frac{1}{2}$ арш., ширина 14, глубина 13 вершковъ. Въ головахъ и ногахъ костяка по кувшинчику бѣлой и желтой глины съ орнаментами. Изъ вещей было найдено: нѣсколько стекляныхъ бусъ, бронзовыхъ пуговицъ и бронзовыхъ подвѣсокъ.

Могила № 3. Наружные признаки—3 рядомъ лежащія плиты. По снятіи ихъ оказался неглубокій слой мелкаго камня, покрывавшій каменный ящикъ. Размѣры: длина 2 арш. 10 верш., ширина—въ головахъ 1 арш. 4 верш., въ ногахъ 14 верш., глубина 13 вершковъ. Въ головахъ костяка былъ найденъ разбитый кувшинъ красной глины и черепки отъ какого-то стеклянаго сосуда. Близъ головы лежали серьги изъ бронзовой проволоки и 3 бронзовыя миндалевидныя подвѣски (отъ серегъ?). Далѣе близъ руки оказался синій стекляный браслетъ, круглое бронзовое зеркальце съ остатками кожанаго чехла. Но самую цѣнную находку составляетъ просверленный круглый сердоликъ съ рѣзнымъ изображеніемъ фигуры, напоминающей греческую *сирены*, тонкой работы.

Могила № 4. Подъ наружной плитой слой насыпной земли въ $\frac{3}{4}$ аршина. Крышка ящика состояла изъ трехъ небольшихъ плитъ. Длина внутри ящика: 2 арш. 7 верш., ширина 14, глубина 10 вершковъ. Изъ вещей при костякѣ было найдено только 5 бронзовыхъ пуговицъ.

Могила № 5. Наружные признаки—4 плиты, положенныя ступенями по склону холма. Подъ нижней плитой слой насыпной земли, въ 4 вершка, покрывавшій каменный ящикъ, сложенный изъ бѣлыхъ известковыхъ плитъ. Крыша ящика состояла изъ 4 небольшихъ плитъ *). Костякъ лежитъ на материкѣ. Въ головахъ оказались черепки отъ стеклянаго сосуда. Въ серединѣ ящика найдены: тонкій бронзовый проволочный браслетъ и кольцо изъ скрученной спиралью серебряной проволоки; далѣе, бронзовая цѣпочка съ такою же привѣской, нѣсколько маленькихъ бронзовыхъ колечекъ отъ цѣпочки, двѣ бронзовыя пряжки отъ ремня съ изображеніями львовъ; нѣсколько стекляныхъ бусъ и бронзовыхъ пуговицъ въ видѣ бубенчиковъ; наконецъ части отъ зеркала.

№ 6. Подъ наружной плитой и слоемъ насыпной земли каменный ящикъ, сложенный изъ сланцевыхъ плитъ и валуновъ. Гробница до

*) Длина могильнаго ящика внутри: 2 арш. 13 верш., ширина въ головахъ 1 арш. 4 вершка, въ ногахъ 14 в., глубина 12 в.

2.

3.

1.

верху наполнена костями нѣсколькихъ скелетовъ. Вещей никакихъ не оказалось. Предметы изъ могильника близъ аула Саниба представлены на Таб. XIII.

Отъ *подземныхъ* могилъ переходимъ къ *надземнымъ* усыпальницамъ, носящимъ у Осетинъ названіе *зӕппадз'овъ*. Наружный видъ усыпальницъ довольно разнообразенъ и нѣкоторые типы напоминаютъ видѣнные нами въ Чечнѣ.

Всего чаще встрѣчались намъ усыпальницы, напоминающія крышу избы, но съ выпуклыми боками. Онѣ сложены изъ массивныхъ грубо

Рис. 67. Усыпальница близъ аула Ганала.

отесанныхъ камней на извести. Внутри такія усыпальницы представляются небольшою комнатою со стрѣльчатомъ потолкомъ. Въ передней стѣнкѣ зӕппадза продѣлано небольшое окно, чрезъ которое вдвигали внутрь трупъ на шиферной доскѣ. Усыпальница этого типа, изображенная на рисункѣ № 67, находится близъ аула Ганала. Длина постройки — 1 сажень 14 вершковъ, ширина 2 арш. 5 верш., высота до гребня 2 арш. 9 в., толщина стѣнокъ 8 вершковъ. Внутренность была завалена осыпавшимися камнями.

Второй типъ *зӕппадзовъ* представляетъ родъ каменныхъ домиковъ, покрытыхъ двускатной или пирамидальной крышей, выведенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами сланцевыхъ плитъ. Въ передней стѣнѣ окно. Рисунки №№ 68 и 69 представляютъ два подобныхъ *зӕппадза*, изъ которыхъ первый сохранился вполнѣ, а на другомъ сохранились лишь слѣды нѣкогда покрывавшей его пирамидальной крыши.

На таблицѣ XV изображена усыпальница съ двускатной крышей изъ сланцевыхъ плитъ.

Эта усыпальница, носящая названіе могилы нарта (богатыря) Солана (Соланы йнгъанъ), находится недалеко отъ аула Наръ въ Дигоріи, при спускѣ въ ущелье рѣки Уруха, и была осмотрѣна нами лѣтомъ 1880 года. „При помощи проводника и старшины намъ удалось про-

Рис. 68. Осетинская усыпальница съ пирамидальной крышей.

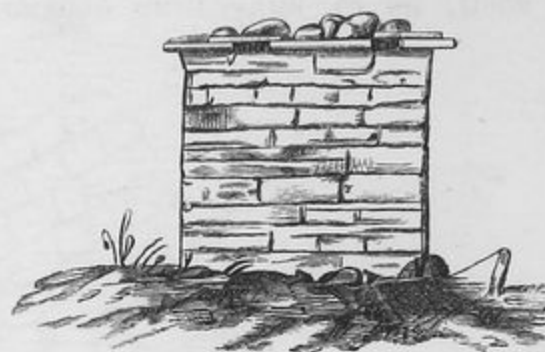

Рис. 69. Осетинская усыпальница съ обвалившеюся крышей.

лѣзть въ узкое окно, чтобъ ближе разсмотрѣть содержимое гробницы. Весь полъ покрытъ костями нѣсколькихъ покойниковъ, которыхъ послѣдовательно принимала эта семейная усыпальница. У правой стѣны широкая шиферная доска, на которой распростертъ муммизированный отъ дѣйствія воздуха трупъ богатыря. Черепъ и кости дѣйствительно замѣчательныхъ размѣровъ. Правая рука покойника свѣсилась внизъ; мускулы плотно присохли къ костямъ. На трупѣ лоскутья отъ истлѣвшей рубахи. У лѣвой стѣны другая шиферная доска меньшихъ размѣровъ, со скелетомъ мальчика“ *).

Рис. 70. Усыпальница близъ аула Кани.

Изрѣдка встрѣчались по пути слѣдованія экспедиціи и западны, совершенно сходные съ описанными выше (стр. 26) чеченскими, напоминающіе формой громадныя коническія ядра. Рисунокъ № 70 представляетъ такую усыпальницу, стоящую недалеко отъ аула Кани.

*) См. Вс. Миллера—Въ Горахъ Осетіи—Русская Мысль. 1881 г. Кн. IX, стр. 84.

Особаго вниманія заслуживаютъ усыпальницы въ Куртатинскомъ ущельи, связанныя съ именами родоначальниковъ осетинскихъ алдарскихъ фамилій.

Въ аулѣ Далагкау стоятъ у самой дороги рядомъ два обширные за́падза, въ которыхъ, по словамъ туземцевъ, покоятся родоначальники Куртатинцевъ и Тагаурцевъ, братья Куртатъ и Тагауръ (или Тага). Изображеніе могилы Куртата см. на рисункѣ 71. Длина обѣихъ усыпальницъ 2 саж. и $2\frac{1}{2}$ арш., ширина 1 саж. и $2\frac{1}{2}$ арш., вышина 2 саж. 1 арш. до гребня крыши. На югозападной и сѣверовосточной сторонахъ небольшія окна.

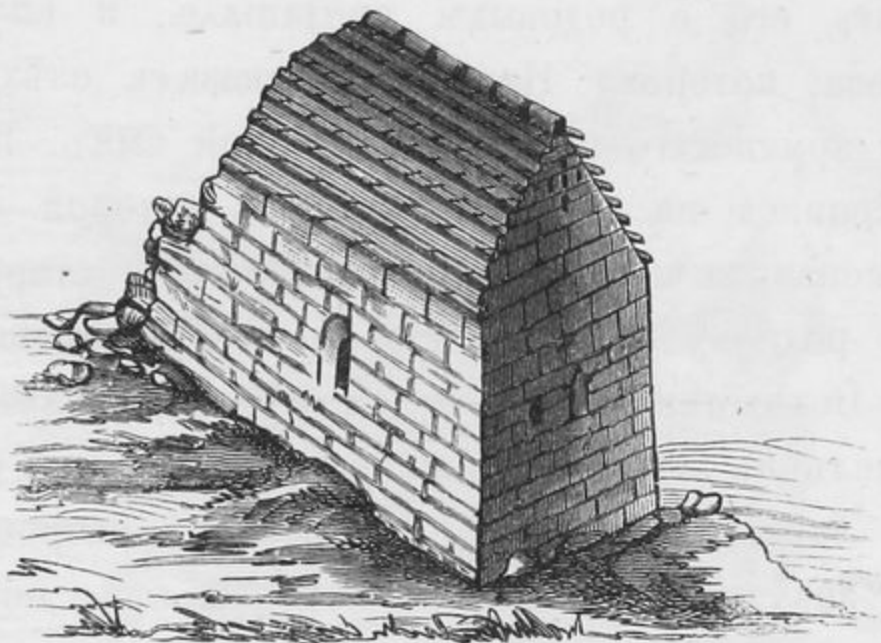

Рис. 71. Усыпальница Куртата въ аулѣ Далагкау.

Аулъ Далагкау считается колыбелью Куртатинцевъ. Здѣсь, на правомъ берегу Фіагдона, высоко на горѣ сохранились развалины замка (осет. ма́сыгъ), построеннаго ихъ родоначальникомъ Куртатомъ. Преданіе рассказываетъ, что, придя въ эти мѣста, Куртатъ задумалъ въ нихъ поселиться вмѣстѣ съ своимъ братомъ Тага. Они пришли сюда, по преданію, изъ Валагирскаго ущелья. Желая узнать, удобно ли будетъ жить въ этихъ мѣстахъ для женщинъ, они рѣшили послать ихъ за водою и наблюдать, съ какими лицами — веселыми или печальными — онѣ вернутся съ рѣки. Оказалось, что женщины, возвращаясь съ рѣки, имѣли веселыя лица, и братья рѣшили основать въ этихъ мѣстахъ аулъ. Слѣды этого аула сохранились до сихъ поръ у подножія башни Куртата. Нѣсколько ниже развалинъ этой башни виднѣются развалины другой, построенной внукомъ Куртата, сыномъ Тумбола, Тогузго. Верхъ послѣдней башни въ настоящее время упалъ; но еще можно различить 3 этажа и фигуру сквознаго креста на верху ея. Близъ башни Куртата стоитъ дзуарь духа оспы Аларды, невысокій четырехугольный столбъ, украшенный рогами оленя. Слѣды креста на башнѣ Тогузго, такъ же

какъ сквозное изображеніе равноконечнаго креста на усыпальницѣ Куртата, свидѣтельствуютъ о томъ, что родоначальникъ Куртатинцевъ не былъ ревностнымъ мусульманиномъ. Что касается брата Куртата Тага, то народныя легенды о немъ Куртатинцевъ и его потомковъ Тагаурцевъ далеко несогласны между собою. Тагаурцы, считая себя по происхожденію благороднѣе Куртатинцевъ, не признаютъ родства между Тагауромъ и Куртатомъ. Основываясь на имени Тагауръ, которое по армянски значитъ *внценосецъ*, они считаютъ своего предка армянскимъ царевичемъ. Намъ сообщили, что католикосъ Нерзесъ, проѣзжая чрезъ Владикавказъ, пожелалъ видѣть кого-нибудь изъ Тагаурцевъ, чтобы распросить его о родовыхъ преданіяхъ, и ему представили Индриса Кундухова, которому Нерзесъ рассказалъ слѣдующее о Тагаурѣ. У одного армянскаго царя былъ старшій сынъ. Когда его мать умерла, отецъ женился на другой женѣ, отъ которой имѣлъ другого сына. Мачиха, ненавидя пасынка, употребляла всѣ старанія доставить престолъ своему родному сыну и съ этой цѣлью оклеветала пасынка передъ мужемъ. Вслѣдствіе этого, боясь отца, царевичъ бѣжалъ изъ Арменіи и пришелъ въ Куртатинское ущелье. Преданія Осетинъ говорятъ далѣе, что Тага, благодаря своей силѣ и храбрости, пріобрѣлъ среди туземцевъ значительную власть, которой онъ, впрочемъ, скоро сталъ злоупотреблять, такъ что возстановилъ противъ себя туземцевъ. Раздраженіе ихъ дошло до крайности вслѣдствіе слѣдующаго случая. Однажды Тага, охотясь съ соколомъ, пустилъ его на перепела. Скоро соколъ и перепелъ скрылись изъ виду. Тага поѣхалъ по тому направленію, по которому скрылись птицы. Между тѣмъ птицы пролетали мимо поля, на которомъ пятеро жнецовъ жали хлѣбъ. Замѣтивъ низколетающихъ птицъ, одинъ изъ жнецовъ бросилъ въ нихъ серпомъ и убилъ сокола. Видя подѣзжавшаго Тага, жнецы догадались, что соколъ принадлежалъ ему, и бросили убитую птицу въ хлѣбъ. Однако Тага замѣтилъ это и въ гнѣвѣ подвергъ пятерыхъ жнецовъ позорному наказанію: онъ велѣлъ связать ихъ веревками и привязать конецъ веревки къ хвосту эшака (осла). Въ такомъ видѣ онъ привелъ ихъ въ свой замокъ. Преданіе говоритъ, что слѣдствіемъ этого насилія было всеобщее возстаніе противъ Таги, побудившее его уйти изъ долины Фіагдона и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Такимъ образомъ, по куртатинской легендѣ, Тага былъ вытѣсненъ отсюда въ Даргавсъ, который сталъ колыбелью Тагаурцевъ.

Кромѣ подземныхъ могилъ и надземныхъ усыпальницъ (зѣппадз'овъ), древнее населеніе Осетіи пользовалось и естественными пещерами для

погребенія покойниковъ. Такая погребальная пещера существуетъ, на-
примѣръ, недалеко отъ аула Ганала въ горѣ, на значительной высотѣ.
Входное отверстіе имѣетъ до 3 саженой высоты и до $2\frac{1}{2}$ ширины.
У входа стоитъ рубленый дубовый гробъ въ направленіи съ сѣверо-
запада на юговостокъ, длиною въ 2 арш. 13 верш., шириною въ
1 арш. 5 верш., глубиною въ 1 арш. 3 верш. Крыша гроба состояла
изъ досокъ, въ настоящее время уже частью снятыхъ. Внутри гроба
лежали въ полномъ безпорядкѣ кости отъ одного скелета. Вещей ни-
какихъ не оказалось. См. рис. 72.

Рис. 72. Пещера съ могилой близъ аула Ганала.

Замѣтимъ, что, по словамъ жителя Санибы Азамата Гирея, въ
одной изъ подобныхъ пещеръ въ гробу было найдено много бронзовыхъ
вещей, которыя нашедшимъ были раздарены знакомымъ. Другихъ пе-
щеръ съ гробницами въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ намъ не встрѣ-
чалось.

Чтобы покончить съ осетинскими погребальными сооружениями,
остается еще упомянуть придорожные памятники, такъ называемые
цырты цаванъ, которые воздвигались и воздвигаются до сихъ поръ
семьей умершаго для сохраненія о немъ памяти, въ такихъ мѣстахъ,
гдѣ бы ихъ могли видѣть проѣзжающіе и почтить память покойнаго.
Такіе памятники имѣютъ иногда видъ столбовъ, сложенныхъ изъ слан-

цевыхъ плитокъ; иногда представляютъ сложенные изъ кругляковъ и сланцевыхъ плитъ четырехугольныя пирамиды съ нѣсколькими выпуклыми гранями, увѣнчанныя шишкой или деревянной развилкой въ видѣ роговъ. Иногда памятники представляютъ видъ двускатной крыши и напоминаютъ подобныя же западцы, какъ, на примѣръ, полуразвалившійся памятникъ близъ аула Саниба, изображенный на рис. 73.

Самый простой и распространенный видъ памятниковъ представляютъ монолиты отъ 1½ до 2-хъ и болѣе аршинъ вышины и отъ 2-хъ до 4-хъ вершковъ толщины. Болѣе новые изъ подобныхъ обелисковъ расписаны яркими красками. Въ верхней округленной части обык-

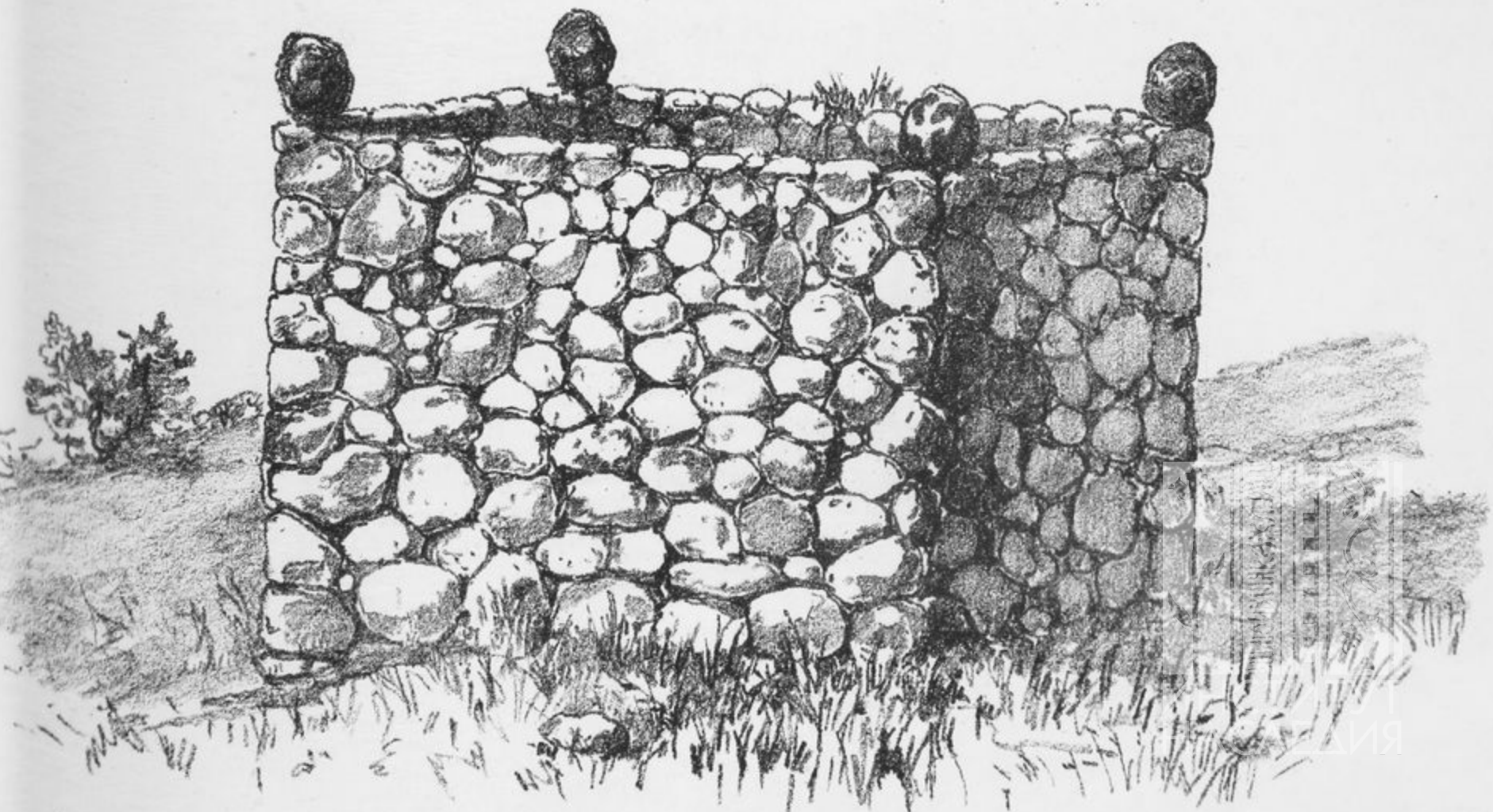

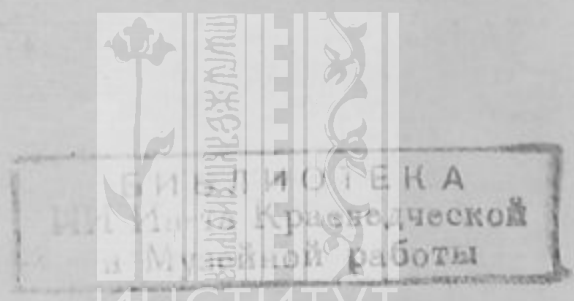
Рис. 73. Памятникъ близъ аула Саниба.

новенно изображена звѣзда въ кругѣ; ниже ея рядъ предметовъ бытовой обстановки Осетина: наверху—рядъ кармановъ для патроновъ (газырей), носимыхъ на черкескѣ; ниже—шашка, пороховница, ложка, ружье, кинжалъ, пистолеть, гребень, плеть; еще ниже—лошадь, кувшинъ и чашка. Предметы изображены черной краской въ однихъ контурахъ. Нерѣдко такія обелиски вставлены въ деревянную рамку. Рисунки на таблицахъ XV и XVI даютъ понятіе о типахъ подобныхъ памятниковъ.

Башни, въ которыхъ нѣкогда жили Куртатинцы и Тагаурцы, до сихъ поръ еще возвышаются въ главныхъ аулахъ по Фиагдону и Гизельдону. По формѣ онѣ не отличаются отъ чеченскихъ и ингушскихъ, но въ Осетіи намъ не встрѣтились башни съ пирамидальными крышами, видѣнные нами въ нѣкоторыхъ чеченскихъ аулахъ въ Аргунскомъ округѣ. На таблицѣ X (внизу) представлена башня близъ аула Хирискина, носящая названіе „Верхней башни“ (Уаләмасыгъ).

Оканчивая этотъ обзоръ археологическихъ памятниковъ, осмотрѣнныхъ нами лѣтомъ 1886 года въ Куртатинскомъ ущельи, считаемъ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о нѣкоторыхъ осетинскихъ и дигорскихъ дзуарахъ, находящихся въ другихъ мѣстахъ этой страны. Главная святыня, извѣстная всѣмъ Осетинамъ, — дзуаръ Рекомъ, посвященный св. Георгію (Уастырджи) и находящійся близъ Цейскаго аула, въ часъ пути отъ Цейскаго ледника.

Описаніе этого святилища можно найти въ статьѣ покойнаго д-ра В. Пфафа, посѣтившаго Рекомъ въ 1869 году *) и въ нашей статьѣ „Въ горахъ Осетіи“ **). Но наибольшія подробности о деталяхъ зданія сообщаются графиней П. С. Уваровой въ дневникъ ея путешествія 1879 года ***), въ виду чего, для дальнѣйшаго, мы воспользуемся главнымъ образомъ ея наблюденіями.

Рекомъ, по словамъ гр. Уваровой, — родъ деревянной постройки, сильно вросшей въ землю съ одной стороны, и весьма похожей на швейцарскій шалэ. Главная часть зданія срублена въ шипы, какъ наши избы; къ ней приставлена пристройка, въ которой продѣлана дверь; низкая деревянная крыша спускается широкимъ навѣсомъ, который покоится на деревянныхъ колонкахъ (см. таблицу XVII). Слѣги, поддерживающія крышу, заканчиваются коньками, рѣзанными изъ дерева и украшенными продольными насѣчками. Полка, придѣланная къ внѣшней поперечной стѣнѣ храма, равно какъ и навѣсъ, устроенный вдоль него, завалены или заставлены рогами и черепами туровъ, оленей и барановъ; самъ храмъ убранъ ими и по сторонамъ. Между рогами находятся и разныя вещи: бронзовые зерначъ и ритонъ, персидскій коврикъ, чашка съ монетами, бусами, серьгами, желѣзные кресты и подковы. Надъ дверью висятъ три бронзовыхъ колокола, изъ которыхъ одинъ средней величины, а два очень маленькіе. На первомъ — грузинская надпись, которая д-ру Пфафу (въ 1869 г.) его проводникомъ была переведена слѣдующимъ образомъ: Мы, Багратіонъ, великаго царя (Чиндара?) сынъ Георгій, принесли этотъ колоколь и молитвенникъ (?) св. отцу, отцу св. Осетинской и Дигорской стороны, за спасеніе нашей души и побѣды надъ нашими врагами ****). Низенькая, но тяжелая, окованная желѣзомъ дубовая дверь ведетъ въ пристройку или сѣни храма, другая, такая же, изъ сѣней въ самый храмъ. Крайняя отдѣлка кругомъ обѣихъ дверей совершенно одинакова, различается только сре-

*) Путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи, см. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказѣ. I, стр. 139 и слѣд.

***) Русская Мысль 1881. Сентябрь, стр. 99 и слѣд.

***) Кавказъ — Путевыя замѣтки. Москва, 1887 г., стр. 60 и слѣд.

****) Назван. соч., стр. 62. Въ наше посѣщеніе Рекома, 9 августа 1880 года, колоколовъ надъ дверью мы не замѣтили.

динное украшеніе; на внѣшней—мы видимъ украшеніе изъ желѣзныхъ византійскихъ четвероконечныхъ крестовъ и желѣзныхъ сапожныхъ подковокъ, также, вѣроятно, принесенныхъ въ даръ какими-нибудь радѣтелями св. Георгіева храма. Внутренняя дверь представляется намъ еще любопытнѣе, ибо она украшена посрединѣ крестомъ и перекрещенными надъ нимъ бронзовыми булавками, которыя мы встрѣчаемъ въ коллекціи г. Ольшевскаго и вообще въ Камунтскомъ могильникѣ.

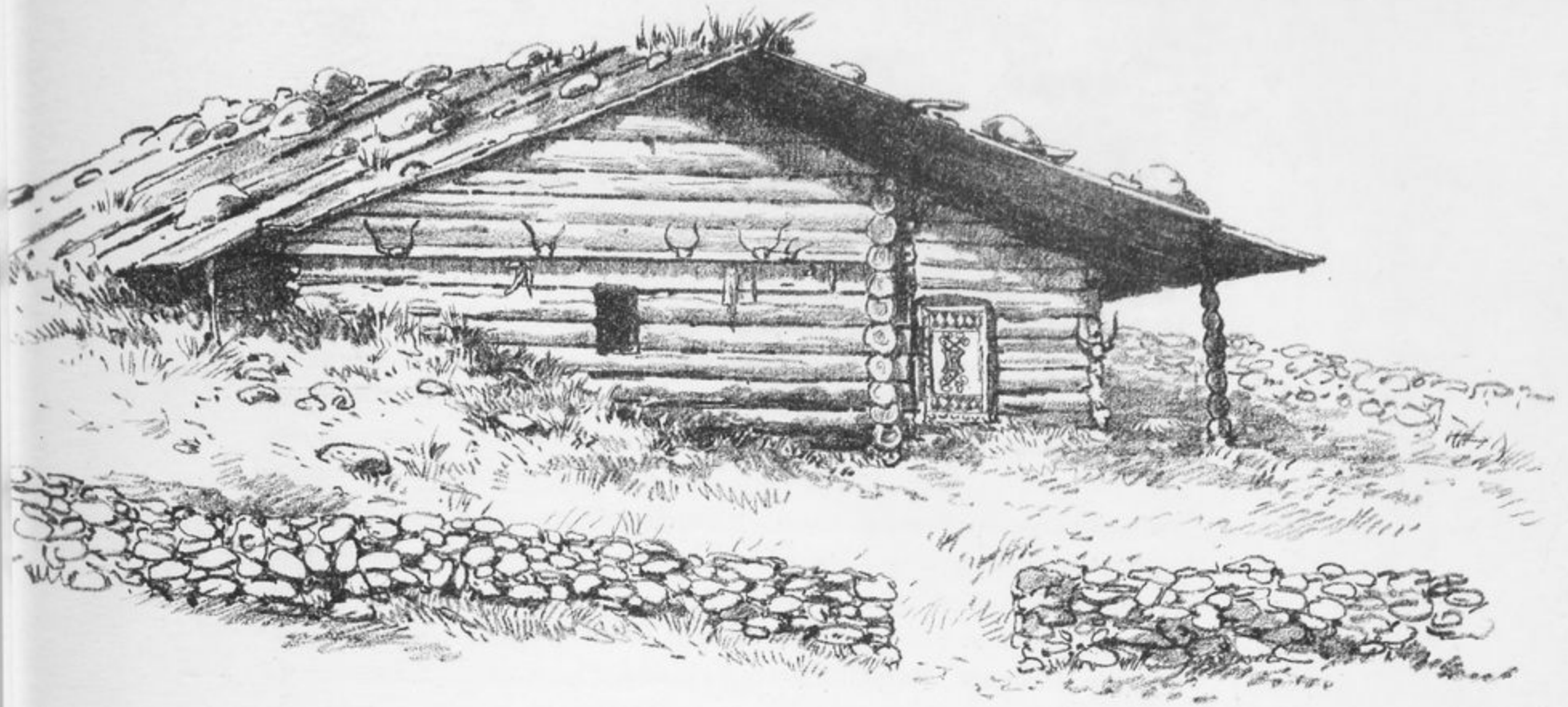
Что касается внутренняго устройства и содержимаго этого святилища, то тотъ же авторъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: пристройка (или сѣни) почти до верха завалена стрѣлами *). Самый храмъ представляетъ низкій четверугольный срубъ, не болѣе десяти или двѣнадцати шаговъ въ квадратѣ; освѣщается онъ двумя маленькими, прорубленными на западъ и востокъ, окошечками. Стѣны и потолокъ обвѣшаны большимъ ковромъ и разнымъ платьемъ, превратившимся отъ времени въ лохмотья. Пространство у стѣнъ завалено и заставлено разными приношеніями: чашами, кадильницами, иконами, маленькими ларцами, серьгами, гривнами и проч. и проч. **). Тутъ же находится знаменитый шлемъ осетинскаго героя Оси-багатара, жившаго въ XIV столѣтіи. Миссорка шлема стальная; вдоль лба идетъ накладная пластинка; пространство для глазъ вырѣзано; забрало и назатыльникъ изъ легкой плетеной кольчуги. Подобные шлемы носятъ и до сихъ поръ Хевсурами и называются у нихъ чакчани. Д-ръ Пфафъ въ своемъ описаніи Рекома упоминаетъ еще копье и колчанъ со стрѣлами, находившіеся во время его посѣщенія въ этомъ святилищѣ; но ни гр. Уваровой (въ 1879 г.), ни мнѣ (въ 1880 г.) не удалось ихъ разыскать. На восточной сторонѣ храма графиня Уварова замѣтила на потолокѣ что-то въ родѣ деревянной полосы съ остатками стрѣльчатыхъ рѣзныхъ деревянныхъ арочекъ—можетъ быть, остатки иконостаса ***).

Неизвѣстно, къ какому времени относится постройка храма Рекома, но нельзя не замѣтить, что трудно было выбрать мѣсто болѣе живописное, болѣе располагающее къ мыслямъ о ничтожествѣ человѣка передъ величіемъ природы. Узкая долина, по дну которой несетъ ледяной Цейдонъ, замыкается со всѣхъ сторонъ высокими горами, по-

*) Назван. соч., стр. 62. Замѣтимъ, что отъ однѣхъ стрѣлъ сохранились лишь наконечники, отъ другихъ, болѣе позднихъ, цѣло и древко.

**) Въ наше посѣщеніе мы замѣтили еще въ числѣ приношеній: глиняныя фигурки барашковъ, стаканы, бусы, куски ваты, серебряныя галуны, стрѣлы... Фигуры барашковъ любопытны потому, что встрѣчаются и въ другихъ осетинскихъ дзуарахъ и, вѣроятно, въ связи съ древними бронзовыми барашками, находимыми въ могилахъ (Кобань, Камуята).

***) Назван. соч. стр. 64.

крытыми вѣчнымъ снѣгомъ. По нижнему склону стелется густой лѣсъ, въ которомъ шумитъ цѣлая сѣть ручейковъ, вытекающихъ изъ Цейскаго ледника. Какіе бы народы ни жили въ этихъ мѣстахъ, они должны были невольно выбрать для своей бесѣды съ Небомъ это таинственное, чудное мѣсто.

Есть основаніе думать, что Рекомская часовня была построена, какъ большинство святилищъ Осетіи, во времена вліянія Грузіи на эту страну. Мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи Грузинскаго монастыря въ Рекомѣ и производятъ нѣкоторыя семейства въ аулѣ Цей отъ грузинскаго духовенства. Они же утверждаютъ, что подъ часовней въ горѣ идутъ подземные ходы и что нѣкогда Рекомъ содержалъ великія богатства.

О построеніи часовни ходитъ слѣдующая легенда: Въ древніе времена Уастырджи рѣшилъ выстроить для Осетинъ святилище изъ бревенъ, которыя никогда не подвергались бы гніенію. Такимъ свойствомъ отличались деревья въ лѣсу по ту сторону горъ. Уастырджи приказалъ своимъ воламъ перевозить оттуда бревна черезъ гору противъ Рекома, гдѣ нынѣ ледникъ. Арбы нагружались сами собою и волы шли безъ проводника по назначенному пути. Сложивъ лѣсъ, волы вернулись къ Уастырджи, и изъ бревенъ выстроился храмъ самъ собою безъ помощи человѣческихъ рукъ.

Въ виду необычайной святости Рекома во всей Осетіи и его положенія въ глуши, близъ одного изъ величайшихъ ледниковъ Кавказа, можно думать, что это святилище восходитъ еще къ языческимъ временамъ. Вѣроятно, какъ часто бывало, христіанскіе миссіонеры освятили прежнее капище построеніемъ на его мѣстѣ христіанскаго храма; но вслѣдствіе слабаго вліянія христіанства на Осетинъ, языческой элементъ пересилилъ, св. Георгій принялъ характеръ прежняго языческаго бога, и въ настоящее время о христіанскомъ храмѣ сохранилось лишь смутное воспоминаніе *).

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ гр. Уваровой, Осетины собираются къ Рекому разъ въ годъ и справляютъ праздникъ св. Георгію въ Троицынъ день. Но, повидимому, жители окрестныхъ ауловъ избираютъ это святилище для справленія нѣсколькихъ религіозныхъ празднествъ. Намъ случилось 9 августа 1880 года лично присутствовать на подобной церемоніи, сопровождавшейся принесеніемъ Рекому въ жертву одного быка и 12 барановъ.

*) „Въ горахъ Осетіи“, стр. 103.

Не меньшей известностью, чѣмъ Рекомъ, пользуется древняя церковь Св. Георгія въ Касарскомъ ущельи въ аулѣ Нузаль (см. таб. XVII).

Заемствуемъ описаніе ея изъ тѣхъ же Путевыхъ Записокъ графини П. С. Уваровой: Церковь сложена на извести такъ же, какъ и колумбаріи, изъ мѣстнаго нетесанаго камня. Очень вѣроятно, что она была оштукатурена извнѣ, какъ и внутри. Теперь штукатурка повѣтрилась и церковь въ нѣсколькихъ мѣстахъ дала значительныя трещины. Низкая узкая дверь ведетъ внутрь храма, освѣщеннаго тремя маленькими окнами, однимъ въ абсидѣ и двумя въ обѣихъ продольныхъ стѣнахъ. Сводъ въ храмѣ стрѣльчатый, карнизъ изъ черепицы или шифера, на стѣнахъ и фасадѣ слѣды роговъ. Церковь имѣетъ снаружи 3 метра 20 сант. ширины, 5 метр. 63 сант. длины и 5 метр. 3 с. вышины. Внутренность ея расписана фресками по штукатуркѣ, которая, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ обвалилась. Характеръ живописи — грузинскій: святые — въ грузинскихъ одеждахъ, имена ихъ написаны грузинскими буквами. Надъ входною дверью, по бѣлому фону, киноварью, обыкновенный византійскій осмиконечный крестъ съ арабесками; у креста грузинская надпись. Фрески раздѣлены красной полосой на два пояса, изъ которыхъ нижній, въ особенности по правую руку отъ двери, совершенно погибъ вслѣдствіе отпавшей штукатурки; налѣво слѣды живописи сохранились на столько, что удастся разглядѣть пять мужскихъ фигуръ въ грузинскихъ короткорукавыхъ коричневыхъ архалукахъ, въ маленькихъ грузинскихъ шапкахъ. Фигуры имѣютъ всѣ движеніе къ алтарю, но лица и надписи, къ несчастью, стерты. Надъ этимъ нижнимъ поясомъ, направо, мы видимъ изображеніе любимѣйшаго святаго Осетіи и всего Кавказа — Св. Георгія на бѣломъ конѣ; разбираемъ часть вооруженія и платья, находимъ змія, но головы, нимба и надписи не находимъ. На противоположной стѣнѣ опять всадникъ: онъ натягиваетъ лукъ и пускаетъ стрѣлу въ двухъ оленей, которые, убѣгая, оглядываются на него. И тутъ разглядываемъ отдѣльныя части вооруженія, обуви и коня: видимъ длинное налучье, красный плащъ, весьма ясно разбираемъ оленей и предъ ними гору и утесъ, но не видимъ ни головы, ни слѣда нимба; внизу, въ сторонѣ, на грузинскомъ языкѣ, вѣроятно, имя святаго.

Алтарная живопись также дѣлится на верхній и нижній поясъ. Наверху — поясной Иисусъ Христосъ, благословляющій правой рукой и держащій Евангеліе въ лѣвой, верхняя риза Спасителя — голубая. Направо — Богородица въ красной ризѣ, за Нею Архангелъ въ императорскомъ костюмѣ и съ державой въ рукѣ (державка не писалась раньше

Х вѣка); между Богородицею и Архангеломъ голова святаго съ нимбомъ. Налѣво Іоаннъ и Архангелъ въ лиловой далматикѣ; между ними также голова святаго въ нимбѣ. Въ нижнемъ алтарномъ поясѣ видимъ шесть святителей въ бѣлыхъ ризахъ, съ омофорами, съ черными крестами и съ Евангеліями въ рукахъ. Нынѣшній полъ церкви деревянный и посланъ слишкомъ высоко, такъ что онъ закрываетъ часть живописи, то-есть всѣ ноги святыхъ. Маленькій иконостасъ церкви, съ одними царскими дверями, вѣроятно, новаго происхожденія и не стоитъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ разсѣкаетъ на двое одну изъ пяти нижнихъ фигуръ. Вообще, очень вѣроятно, что церковь эта по своей тѣснотѣ служила или часовней или назначалась первоначально въ усыпальницы. Время построения церкви неизвѣстно, документовъ у Осетинъ нѣтъ пока никакихъ, но въ исторіи и преданіяхъ о церкви этой часто говорится“ *).

Отъ прежнихъ надписей, существовавшихъ въ Нузальской церкви, въ настоящее время сохранилось очень немногое. По свидѣтельству граф. Уваровой, надпись подъ фигурой охотника содержитъ имя Сосланъ (2-й мужъ царицы Тамары). Такъ было прочитано оно извѣстнымъ знатокомъ грузинской эпиграфики, Д. З. Бакрадзе. По словамъ покойнаго д-ра Пфафа, имя „Сосланъ“ читается между 3-ей и 4-ой фигурами на лѣвой же стѣнѣ. Подъ фигурой св. Георгія, по словамъ граф. Уваровой, Д. З. Бакрадзе прочелъ имя *Суарегъ*. Личность этого Суарега, изображеннаго въ видѣ Св. Георгія, остается загадочной **). Далѣе между 2-ой и 3-ей фигурой Пфафъ нашель еще остатокъ имени—*тон* и считаетъ несомнѣннымъ, что все имя читалось *Атонъ*. Последнее имя носилъ, по свидѣтельству Вахушта, дѣдъ Давида-Сослана, мужа Тамары ***). Затѣмъ Пфафъ сообщаетъ, что одинъ ученый кавказовѣдъ, позаботившійся о снятіи нузальскихъ надписей раньше посѣщенія церкви Пфафомъ, сообщилъ ему еще одно, въ настоящее время уже уничтоженное, имя, которое читается *Джадаросъ* ****) (имя отца Сослана). Такимъ образомъ, если дѣйствительно сохранившіяся три буквы принадлежатъ имени Атонъ и упоминаемый Пфафомъ кавказо-

*) Назван. соч., стр. 40 и слѣд.

***) Не имѣеть ли Суарегъ какого нибудь отношенія къ осетинскому народному патрону искателей приключеній Саубарегу, т. е. черному (сау) всаднику (барегъ)? См. о немъ Осет. Этюды. II. 254.

****) Вахуштъ сообщаетъ, что по смерти Деметре (Дмитрія), сына Георгія I-го (1014—1027) и Альды Аланки (осетинки) въ крѣпости Анакофіи остался его сынъ, который съ бабушкой бѣжалъ въ Осетию. Здѣсь этотъ царевичъ, по имени Давидъ, былъ усыновленъ, женился и пользовался царскимъ значеніемъ. Отъ него родился Атонъ (Athon), отъ Атона Джадаросъ, отъ Джадароса—Давидъ-Сосланъ, мужъ царицы Тамары.

*****) См. Сборн. Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ. Вып. V, отдѣлъ 1, стр. 34.

вѣдъ не ошибся въ прочтеніи имени Джадароса, мы имѣли бы въ трехъ фигурахъ Нузальской церкви изображенія Сослана и двухъ его предковъ. Но безусловной увѣренности, конечно, имѣть нельзя.

Осетины увѣряютъ посѣтителей церкви, что прежде въ ней существовала еще надпись, въ которой упоминался національный герой Осетіи Оси-багатаръ (жившій въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка) и его братья, но будто надпись эта была уничтожена нарочно какимъ-то священникомъ Николо Самаргановымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будто-бы увезъ изъ развалинъ древняго пещернаго монастыря, находящагося недалеко отъ Нузала, какіе-то документы и драгоценности. Грузинская надпись объ Оси-багатарѣ, будто-бы находившаяся въ Нузальской церкви, дѣйствительно была доставлена барону Розенкампу и чрезъ его посредство напечатана съ французскимъ переводомъ въ *Journal Asiatique* въ 1830 году. Однако въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія, что это—надпись подложная, такъ какъ ея содержаніе противорѣчитъ историческимъ даннымъ, какъ доказалъ г. Пфафъ, и при томъ, по замѣчанію граф. Уваровой *), „сочинители надписи, вѣроятно, не видали церкви, ибо, разъ посѣтивши ее, они не могли бы не замѣтить физической невозможности помѣстить въ ней длинную надпись, которую они ей приписываютъ“.

О нѣкоторыхъ *дигорскихъ* дзуарахъ почерпаемъ свѣдѣнія изъ рукописи благочиннаго о. Гатуева.

На кладбищѣ аула Галиата сохранилась церковь, которую Галиатцы называютъ Узи-дзуаръ или авдъ дзуаръ. Происхожденіе перваго имени неизвѣстно, второе-же значитъ *семь дзуаровъ* или семь святыхъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда близъ храма жилъ священникъ, похороненный около церкви. Считается грѣхомъ, если кто нибудь пройдетъ между церковью и могилою священника, а женщинамъ къ этому мѣсту даже не дозволено приближаться. Узи-дзуаръ есть святыня фамиліи Едзіевыхъ (Едзайтә), которые ежегодно приносятъ ему въ жертву барана. Старѣйшина фамиліи складываетъ кости жертвеннаго животнаго на сохранившемся престолѣ церкви. Когда въ Галиатѣ бываетъ засуха, тогда прибѣгаютъ за помощью къ Узи-дзуару. Изъ фамиліи Едзіевыхъ по жребію выбирается мужчина, которой послѣ двухнедѣльнаго говѣнія, т. е. ежедневныхъ омовеній, несетъ къ дзуару чашку молока и обливаетъ имъ стѣны церкви.

Близъ селенія Думты находится святилище, извѣстное подъ име-

*) Назв. соч., стр. 43.

немъ цѣу дзуаръ, т. е. *дзуаръ козла*. Зданіе представляетъ небольшой, сложенный изъ камней, сарай съ двумя отдѣленіями. Въ четвергъ третьей недѣли сѣнокоса двѣ фамиліи селенія Думты отправляются туда съ козломъ и пивомъ. Послѣ молитвы, произносимой старикомъ, козла рѣжутъ, поютъ пѣсни и обѣдаютъ въ большомъ отдѣленіи сарая. Кто въ теченіе года получилъ сына, тотъ долженъ особо принести дзуару козленка и достаточное количество пива и араку за здравіе ребенка. Женщинамъ запрещено посѣщать дзуаръ, а все принесенное въ жертву должны покончить мужчины въ стѣнахъ сарая; за выносъ изъ него кусочка хлѣба или мяса дзуаръ строго наказываетъ.

У Стурдигорцевъ большимъ уваженіемъ пользуется Гулари Габони дзуаръ, — священное мѣсто, обложенное камнями. Значеніе и происхожденіе имени этого дзуара никому неизвѣстны. Уваженіе къ святости Гулари Габони засвидѣтельствовано тѣмъ; что дзуаръ имѣлъ рѣшающую силу при народномъ судѣ: передъ нимъ назначалась присяга, и существовало убѣжденіе, что принявшій присягу ложно у этого дзуара не могъ возвратиться живымъ. Такъ какъ въ пѣснѣ къ Гулари Габони онъ называется бѣлымъ Ильей (орсѣ Іеліа), слѣдуетъ думать, что дзуаръ произошелъ изъ древней церкви пророка Или. —

Дзуаромъ считается и такъ называемая могила нарта (богатыря) Сослана, описанная нами выше (см. стр. 58). Близъ этой усыпальницы въ іюнѣ дигорцы рѣжутъ барановъ и молятся Сослану о хорошей погодѣ. О. Гатуевъ сообщилъ намъ, что въ этомъ мѣстѣ былъ найденъ крестъ желтой мѣди съ изображеніемъ распятія, такъ что, быть можетъ, здѣсь, или по близости отсюда, была нѣкогда какая нибудь христіанская святыня.

III.

Археологическія экскурсіи въ горскія общества Кабарды.

Иноплеменные сосѣди горскихъ Татаръ. Слѣды древняго осетинскаго населенія въ топографическихъ названіяхъ. Время поселенія Тюрковъ въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана. Маршруты экскурсій 1886 и 1883 годовъ. Судьба древняго христіанства на территоріи горскихъ обществъ. Свидѣтельства прежнихъ путешественниковъ о христіанскихъ памятникахъ. Слѣды такихъ памятниковъ въ ущельяхъ Балкарскомъ, Чегемскомъ и Баксанскомъ.— Башни въ Хуламѣ и Чегемѣ. Башни балкарскія. Преданія балкарскихъ таубіевъ.—Могильники въ *Балкаръ*. Подземныя могилы. Усыпальницы (кэшенэ). Кэшенэ Абаевыхъ и Урусбіевыхъ. Курганы. Слѣды надписей въ ущельѣ Черека. Могильники *Чегемскіе*. Предметы, въ нихъ находимые. Могильники *Баксанскіе* (Озороковскіе). Устройство склеповъ. Деформированные черепа.

Въ сѣверныхъ ущельяхъ Кавказскаго хребта, на пространствѣ между притокомъ Терека Урухомъ на востокѣ и Эльбрусомъ на западѣ, живетъ по верховьямъ рѣкъ Черека, Чегема и Баксана небольшое племя тюркскаго происхожденія (около 10 тыс. душъ), называемое официально „Горскими обществами Кабарды“. Эти тюркскія общества—Балкарское, Хуламское, Чегемское, Бизенгійское и Урусбіевское — окружены почти со всѣхъ сторонъ народностями другого племени: на юговостокѣ они сосѣдятъ съ Осетинами, на югѣ со Сванетами, на сѣверѣ съ Кабардинцами, и только на западѣ, по ту сторону Эльбруса, по верховьямъ Кубани, живетъ родственное съ ними тюркское племя Карачаевцевъ. Тюркскій элементъ населенія, представляющій въ названныхъ мѣстахъ какъ бы островокъ среди другихъ этническихъ элементовъ, несомнѣнно долженъ считаться элементомъ пришлымъ. Личныя наши наблюденія типа горскихъ татаръ (въ 1883 и 1886 годахъ), изученіе ихъ преданій и обычаевъ, а также топографическихъ названій — рѣкъ, переваловъ, ущелій, горъ и т. п. — вполне убѣждаютъ насъ въ томъ, что Тюрки явились сюда съ плоскости и смѣшались на новыхъ мѣстахъ

съ туземцами Осетинами дигорской вѣтви, оказавшими вліяніе на типъ пришельцевъ, ихъ обычаи и даже отчасти на ихъ языкъ *). Такъ до сихъ поръ на всемъ пространствѣ отъ р. Уруха до Эльбруса по всѣмъ горнымъ ущельямъ слышатся топографическія названія, представляющія нѣсколько измѣненныя осетинскія слова. Множество рѣчекъ у горскихъ обществъ Кабарды содержатъ въ названіи осетинское слово *донъ* (рѣка, вода) въ видѣ *данъ*—Кара-данъ, Шау-данъ (осет. Сау-донъ — черная рѣка), Гар-данъ (осет. Гаръ-донъ — теплая рѣка), Шак-данъ; осетинское названіе для ущелья *комъ* повторяется у нихъ въ видѣ *камъ* (Шау-камъ, Асія-камъ, Фаза-камъ и др.); гроты въ скалахъ называются у нихъ *доръ-бунъ* (осет. доръ—камень, бунъ—подъ); перевалы носятъ названіе *вчикъ*, *фчакъ* (осет. ѳцѣгъ), на примѣръ: Шау-фчикъ (черный перевалъ), Джуар-фчикъ (Крестовый перевалъ). Нерѣдко въ топографическихъ названіяхъ слышатся осетинскія слова: сурхъ — *красный*, боръ — *желтый*, оръ — *бѣлый*, стуръ — *большой*, хумъ — *пашня*, бауатъ — *мѣсто*, уатъ — *ложе*, саръ — *голова*, мäsугъ — *башня*, фѣндагъ — *дорога*, на примѣръ: гора Сурхъ (красная), Борсайнагъ (желтая скала), Орсфандагъ (бѣлая дорога), Комсаръ (голова ущелья), Шаш-бауатъ, Гештау-хумъ, Дог-уатъ, Стур-доръ и друг.

О томъ, что отатарившіеся туземцы были нѣкогда христіанами, какъ и прочіе Осетины, свидѣтельствуютъ топографическія названія, представляющія имена святыхъ, на примѣръ: Тотур-ташъ (камень Тотура, св. Θεодора), Аш-Тотуръ (св. Θεодоръ), Аш-Эліа (св. Іліа), Башилъ (св. Василій), Жеорги (св. Георгій), Байрамъ (осет. Майрамъ, св. Марія) и др. Христіанскія имена звучатъ еще доселѣ въ названіяхъ мѣсяцевъ у горскихъ татаръ; таковы, на примѣръ: Хучау манъ (по осет. Хуцау бонъ—божій день)—мѣсяць Пасхи, Никколай—мѣсяць Май (св. Николая), Тотуръ (мѣсяць св. Θεодора), Бій Ашкерги (св. Георгія), Эліа (св. Іліи) и друг. Осетины-туземцы внесли въ языкъ пришельцевъ и нѣкоторыя культурныя слова, относящіяся къ земледѣлію, скотоводству, каменнымъ постройкамъ. Такъ, для *копны* горцы-татары заимствовали осет. слово *галласъ* (отъ галь—*быкъ* и ласунъ — *тащить*); захудалая скотина, кормящаяся сѣномъ, а не травою, называется у нихъ *хуас-хярġä* (отъ осет. словъ хуасъ—*сѣно* и хярġä — *пдящій*); специальный снарядъ, посредствомъ котораго таскаютъ камни для построекъ, называется *дорласынъ* (отъ осет. доръ—*камень* и ласунъ—*тащить*). Можно думать, что пришельцы степняки не знали каменныхъ построекъ, и

*) См. Осетинскіе Этюды. Ч. III, стр. 7 и слѣд. и статью В. Миллера и М. Ковалевскаго — „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“—Вѣстникъ Европы 1884. Апрель, стр. 540—589

дѣйствительно мѣстныхъ преданія о построении башенъ въ области горскихъ обществъ Кабарды подтверждаютъ это заключеніе *).

Во всѣхъ долинахъ, населенныхъ нынѣ горскими обществами Кабарды, повидимому, Осетинъ помнятъ еще ихъ ближайшіе сосѣди Кабардинцы, какъ можно видѣть въ кабардинскихъ адатахъ, приложенныхъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ къ его исторіи Адыгейскаго народа. Здѣсь, въ перечисленіи горскихъ народностей, находящихся въ зависимости отъ Кабардинцевъ, упоминаются горскіе татары разныхъ обществъ, причемъ они называются *Осетинами* **). Слѣдуетъ думать, что общее названіе Осетинъ было сохранено Кабардинцами за новымъ смѣшавшимся съ Осетинами пришлымъ тюркскимъ населеніемъ, не смотря на то, что языкъ осетинскій въ этихъ мѣстахъ заглохъ уже давно. Такой же фактъ сохраненія *древняго* названія за *новымъ* населеніемъ представляетъ также названіе Балкарцевъ *Аси*, подъ которымъ ихъ знаютъ ближайшіе ихъ сосѣди Осетины-дигорцы. Въ имени *Аси* сохранилось древнее названіе Осетинъ, русское Ясы, грузинское Оси. Наконецъ отмѣтимъ, что южные сосѣди горскихъ обществъ Сванеты еще до сихъ поръ называютъ Осетіей страну отъ Эльбруса на востокъ, нѣкогда населенную Осетинами.

Относительно времени поселенія Тюрковъ въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана нѣтъ точныхъ указаній. Преданія таубіевъ (горскихъ князей) Балкаруковыхъ насчитываютъ 10 поколѣній отъ поселенія ихъ предка въ ущельѣ Чегема. Преданія же древнѣйшаго горскаго общества Балкарскаго говорятъ о томъ, что родоначальникъ княжескихъ балкарскихъ родовъ Басіатъ жилъ при Джанбекъ-ханѣ ***) раньше своего переселенія на верховья Черека. Согласно съ этими показаніями начало тюркской колонизаціи въ названныхъ мѣстахъ можетъ быть отнесено не позже, какъ къ XIV столѣтію и предшествовало, по народному преданію, вліянію на плоскости Кабардинцевъ, которые дер-

*) См., напримѣръ, преданіе о построении башни въ Чегемѣ каменщиками, вызванными изъ Сванетіи— „Въ Горск. Общ. Кабарды“, стр. 565.

**) Исторія адыгейскаго народа стр. 161: „Чегемцы и урусіевскіе *Осетины* съ давняго времени принадлежатъ Атажукиной фамиліи (кабардинскихъ князей) и никто въ нихъ не вмѣшивается, а князь Атажукиной фамиліи требуетъ съ нихъ дань, сколько назначить, отъ чего они отнюдь отказаться не могутъ; Хуламцы, Безенги-*Осетины* по очереди въ годъ даютъ князьямъ по барану съ дома; Карачаевцы-*Осетины*, между князьями нераздѣльные въ подданствѣ съ самыхъ давнихъ временъ, у Кабардинцевъ они платятъ князю, старшему лѣтами, въ Кабардѣ, ежегодно 300 барановъ отъ всѣхъ, а отъ каждаго дома особенно по сапеткѣ пшеницы и по большому кувшину коровьяго масла“ и т. д.

***) Джанъ-бекъ, конечно, тождественъ съ Джанибекомъ, ханомъ Золотой Орды, убитымъ своимъ сыномъ Бердибекомъ въ 1357 году.

жали горцевъ взаперти въ ихъ ущельяхъ вплоть до подчиненія Кабарды Россіи. Что касается мѣста, откуда двинулось тюркское племя, то преданія балкарскихъ таубіевъ указываютъ, какъ на прародину, городъ Маджаръ, котораго развалины до сихъ поръ видны при впаденіи р. Буйволы въ рѣку Куму въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ, Ставропольской губерніи, близъ села Прасковей.

Въ виду всего вышесказаннаго, наши археологическія экскурсіи въ предѣлахъ горскихъ обществъ Кабарды являются продолженіемъ археологическихъ экскурсій въ области Осетинъ, такъ какъ во всѣхъ ущельяхъ вплоть до Эльбруса нѣсколько столѣтій тому назадъ еще жило осетинское населеніе.

Экскурсія 1886 года, которую предприняли наши помощники Н. Н. Харузинъ и З. П. Тулинцевъ, ограничилась посѣщеніемъ древнѣйшаго изъ горскихъ обществъ Балкарскаго и двигалась по слѣдующему маршруту: изъ Нальчика на урочище Кашка-тау; отсюда вдоль лѣваго берега р. Черека чрезъ аулы Зилги, Мухоль, Фардыгъ на аулы Кунимъ и Шканти; отсюда тѣмъ же путемъ обратно въ Нальчикъ. Другія части территоріи горскихъ обществъ Кабарды были посѣщены мною и М. М. Ковалевскимъ лѣтомъ 1883 года, причемъ мы ѣхали по слѣдующему маршруту: Изъ Нальчика въ общество Хуламъ, отсюда въ Чегемъ, далѣе изъ долины Чегема въ долину Баксана въ ауль Озурково (по татарско-горски Былымъ) и затѣмъ по Баксану чрезъ Атажукинъ ауль и Баксанскій постъ на станцію Солдатскую, Ростово-Владикавказской желѣзной дороги.

Излагая въ дальнѣйшемъ наблюденія, сдѣланныя обѣими экскурсіями, мы будемъ придерживатьея прежде установленнаго порядка въ распредѣленіи матеріала, т. е. сначала скажемъ о слѣдахъ древняго христіанства въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана, затѣмъ о нѣкоторыхъ башняхъ и, наконецъ, о могильныхъ сооруженіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что среди туземцевъ осетинскаго племени раньше водворенія пришельцевъ татаръ были распространены религіозныя вѣрованія, представлявшія смѣшеніе христіанскихъ съ древними языческими. Это одичавшее христіанство продолжало существовать среди горскаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до конца прошлаго столѣтія и поддерживалось довольно многочисленными монументальными сооруженіями христіанскаго характера — старинными церквами,

часовнями и крестами. Во многихъ аулахъ, какъ мы отмѣтили во время поѣздки 1883 года, существуютъ небольшія каменные сооруженія, въ родѣ осетинскихъ колумбаріевъ, или просто большіе камни, называемые *Байрэмъ*. Къ нимъ, несмотря на столѣтнее господство мусульманства, до сихъ поръ обращаются женщины съ молитвой о дарованіи дѣтей. Значеніе и названіе этихъ камней или столбовъ объясняются осетинскими святынями, такъ называемыми *Мады-Майрэмъ* (матери *Маріи*), которыя описаны нами выше (стр. 52), и также пользуются спеціальнымъ поклоненіемъ женщинъ, которыя вообще консервативнѣе мужчинъ въ соблюденіи древнихъ обрядовъ. Но среди мужчинъ подъ вліяніемъ мулль мусульманство водворилось уже прочно и, повидимому, вполне вытѣснило послѣдніе отголоски древняго христіанства. Такіе успѣхи были достигнуты мусульманской пропагандой въ теченіе XIX столѣтія подъ вліяніемъ войны съ Русскими, внесшей религіозный фанатизмъ въ среду кавказскихъ горцевъ. Еще столѣтіе и даже меньше тому назадъ сторонники ислама мирно уживались съ чтилителями Креста и сами справляли христіанскіе обряды и праздники, не отдавая себѣ отчета въ различіи вѣрованій. Такъ, академикъ Гильденштэдтъ, во время своего путешествія на Кавказъ въ 1770 году, сообщаетъ про горскихъ жителей (*Басіанцевъ*, т. е. *Баксанцевъ*), что они, хотя благородное сословіе и обращено въ мусульманство, чтутъ древнія церкви, соблюдаютъ посты и воскресные дни, ѣдятъ свинину и не имѣютъ ни мечетей, ни мулль *).

Караимъ Фирковичъ, посѣтившій *Чегемъ*, *Хуламъ* и долину *Баксана* въ 1849 году, еще видѣлъ во многихъ аулахъ христіанскія церкви, отъ которыхъ въ настоящее время не осталось и слѣда, и слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на старанія мусульманскаго духовенства, еще справляютъ древніе обряды, не ходятъ въ мечеть, не совершаютъ обрѣзанія и т. п. **). Но тотъ же путешественникъ нерѣдко отмѣчаетъ, что и онъ уже не находилъ нѣкоторыхъ христіанскихъ памятниковъ — часовень, крестовъ, — о которыхъ упоминали прежніе путешественники. Вообще истребленіе слѣдовъ древняго христіанства шло особенно быстро за послѣдніа десятилѣтія, такъ что намъ въ 1883 и въ 1886 годахъ приходилось отмѣчать лишь послѣдніе скудные остатки.

*) *Güldenstädt — Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge 1769 — 72; St.-Petersb. 1787, I, p. 461.*

**) См. *Авр. Фирковича — Археологическія развѣдки на Кавказъ, въ 3 т. Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества.*

Разсмотримъ ихъ въ посѣщенныхъ экспедиціей мѣстахъ, начиная съ самаго восточнаго общества—Балкарскаго.

Въ ущельѣ, населенномъ Балкарцами, въ настоящее время о древнемъ христіанствѣ свидѣлствуютъ только башни съ сквозными крестами, кое-гдѣ уцѣлѣвшими. У нѣкоторыхъ башенъ кресты уничтожены нарочно ревнителями ислама. По свидѣтельству Фирковича, существовавшая въ Балкарѣ старинная церковь, называвшаяся Ойтъ-ойтъ-каасы, съ надписями и украшеніями, была уничтожена въ недавнее время до основанія, такъ что отъ нея не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ *). Также была разрушена, еще до поѣздки Фирковича, церковь въ аулѣ Хуламѣ **) и расхищены два склепа, находившіеся близъ нея. Изъ слѣдовъ христіанства въ названномъ аулѣ, посѣщенномъ нами въ 1883 году, мы отмѣтили только камень, стоящій посреди аула и посвященный Богоматери (Байрэмъ) и названіе Тотуръ (св. Θεодоръ), носимое небольшимъ поселкомъ близъ Хулама, объясняющееся нѣкогда существовавшей тамъ святыней. Въ третьемъ горскомъ обществѣ Бизенгійскомъ, въ которомъ намъ не удалось быть, Фирковичъ видѣлъ въ 1849 году небольшую церковь, длиною въ $5\frac{1}{4}$, шириною въ $3\frac{3}{4}$, высотой въ $4\frac{1}{2}$ арш., на стѣнахъ которой изображены альфреско 11 лицъ угодниковъ Божіихъ и видны полуистертыя грузинскія надписи ***). Нѣсколько болѣе обильные слѣды христіанства застали мы въ аулѣ Чегемѣ въ 1883 году. Такъ, близъ аула, на горѣ Донгатъ, можно видѣть цѣлое собраніе могильныхъ плитъ съ изображеніями крестовъ. Эти плиты были снесены съ ближняго кладбища и послужили матеріаломъ для ограды небольшого загона для скота. Кресты высѣчены четырехконечные самыхъ простыхъ формъ. Такая же могильная плита съ изображеніемъ креста лежитъ на берегу рѣчки Джилги (впадающей въ Чегемъ близъ аула) недалеко отъ мѣста, называемаго доселѣ поповымъ (бабасовымъ) жилищемъ. Плиты съ крестами и названіе *попово* жилище несомнѣнно указываютъ, что въ этихъ мѣстахъ прежде существовала христіанская церковь. Дѣйствительно, народное преданіе говоритъ, что близъ Чегема, въ горѣ, въ пещерахъ, былъ когда-то складъ христіанскихъ книгъ. У подножья горы сохранились слѣды прилѣпленныхъ къ скалѣ построекъ, фундаментовъ, нишъ, стѣнъ и т. п., а выше по горѣ идетъ искусственный, укрѣпленный камнями на извести карнизъ. Эта тро-

*) Назван. статья, стр. 134.

**) Тамъ же, стр. 132.

***) Тамъ же, стр. 132. Къ сожалѣнію, ничего другого Фирковичъ не сообщаетъ и надписи имъ не были списаны.

пинка ведетъ къ пещерѣ, въ которой будто бы были найдены книги. Въ настоящее время уже нѣтъ возможности составить себѣ понятіе о формѣ церкви и даже точно опредѣлить ея мѣсто. Но еще въ началѣ этого столѣтія она существовала, и Клапротъ сообщаетъ о ней слѣдующее: Церковь Чегемская имѣетъ въ длину три сажени (toises) и построена на скалѣ, въ которой продѣлана извилистая тропинка (карнизъ), снабженная парапетомъ. Тамъ еще хранятся остатки нѣсколькихъ греческихъ книгъ. Во время моего пребыванія на Кавказѣ я имѣлъ случай достать себѣ нѣсколько отрывковъ: одни принадлежали греческому Евангелію, другіе служебнику и составляли часть службы ноября мѣсяца; у меня хранятся семь листовъ. По письму рукопись относится ко второй половинѣ XV вѣка и преисполнена ошибокъ; такъ, на примѣръ, переписчикъ пишетъ *χαρσὸν* вмѣсто *χερσὶν*, *πολλεῖς* вмѣсто *πολὺς* и т. п.; часто онъ пропускаетъ цѣлыя фразы или значительно сокращаетъ текстъ *).

Въ 1849 году Фирковичъ въ томъ же Чегемскомъ ущельѣ въ аулѣ Искильты (?) еще видѣлъ двѣ церкви, уже въ полномъ запустѣніи, такъ что онѣ служили загонами для овецъ. Одна (длиною въ $7\frac{3}{4}$, шириною въ $5\frac{1}{2}$ арш.) стояла на правой сторонѣ Чегема и называлась Артла, другая — почти такого же объема — на лѣвомъ берегу и называлась Фардигъ; обѣ простой архитектуры, но не довольно прочны; онѣ изъ тесанаго камня и не имѣютъ никакихъ знаковъ и украшеній, кромѣ небольшихъ крестовъ, высѣченныхъ на преддверіи. Во второй церкви, находящейся въ самомъ аулѣ, съ лѣвой стороны двери, обращенной къ западу, находилось изображеніе въ родѣ бараньей головы, высѣченной изъ камня **).

Такимъ образомъ въ настоящее время отъ Чегемскихъ церквей, существовавшихъ еще въ 1849 году, не осталось и слѣда ***).

Что христіанство нѣкогда было распространено и въ Баксанскомъ ущелии, гдѣ въ настоящее время живетъ Урусбіевское общество горскихъ татаръ, объ этомъ свидѣлствуютъ плиты съ крестами, встрѣчавшіяся прежнимъ путешественникамъ. Такую плиту видѣлъ, напри-

*) См. Примѣчаніе Клапрота къ Potocki—Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, II, p. 152.

**) Археолог. развѣдки на Кавказѣ, стр. 128.

***) Г. Нарышкинъ, совершившій въ 1867 году путешествіе на Кавказъ съ археологической цѣлью и проѣхавшій нѣкоторыя мѣста, упоминаемыя Фирковичемъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ: «Нелишнимъ считаю упомянуть, что изъ осмотрѣнныхъ г. Фирковичемъ въ разныхъ мѣстахъ памятниковъ большая часть не находится на прежнихъ мѣстахъ». См. Изв. Импер. Русск. Археол. общ., т. VIII, стр. 345.

мѣръ, верстахъ въ двухъ выше аула Озорукова, на правомъ берегу Баксана, г. Нарышкинъ въ 1867 году *). Но особенно часто встрѣчались кресты и плиты съ греческими надписями на среднемъ теченіи Баксана и Чегема уже за предѣлами горскихъ татаръ, въ собственной Кабардѣ. Рисунки нѣкоторыхъ плитъ и крестовъ помѣщены Гильденштедтомъ при описаніи его путешествія **) и повторены въ „Сборникѣ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа“, составленномъ И. Н. Помяловскимъ ***).

Переходя отъ этихъ скудныхъ остатковъ христіанства къ другимъ памятникамъ старины въ горскихъ обществахъ Кабарды, слѣдуетъ отмѣтить башни, встрѣчающіяся въ этихъ мѣстахъ не менѣе часто, чѣмъ въ Осетіи и въ большинствѣ совершенно сходныя съ осетинскими по наружному виду. Нѣкоторыя изъ этихъ массивныхъ сооружений, расположенныя на удобныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстахъ, представляютъ цѣлыя крѣпости, какъ, на примѣръ, близъ аула Хуламъ. Здѣсь, на высококомъ, почти коническомъ, холмѣ виднѣются величественныя развалины замка, длиною около 6, шириною болѣе двухъ сажень, съ остатками башенъ. Кто построилъ эту нѣкогда неприступную крѣпость, сложенную весьма правильно изъ тесанаго мѣстнаго камня на извести, — объ этомъ не сохранилось даже преданія.

На противоположной сторонѣ долины виднѣются развалины другой башни, которая должна была одновременно съ первой защищать ущелье, такъ что непріятель подвергался перекрестнымъ выстрѣламъ. Обѣ башни по типической четырехугольной формѣ, суживающейся кверху, совершенно совпадаютъ съ осетинскими, представленными, на примѣръ, на таб. X, и, конечно, были сооружены раньше появленія татаръ въ ущельѣ Черека.

Другой замокъ, до сихъ поръ хорошо сохранившійся и обитаемый потомками строителя, посѣтили мы въ аулѣ Чегемѣ. Этотъ родовой замокъ фамиліи таубіевъ Балкаруковыхъ имѣетъ трехъэтажную башню нѣсколько отличающуюся отъ обычной формы. Верхъ ея увѣнчанъ парапетомъ, нѣсколько выступающимъ впередъ, такъ что вверху башня нѣсколько шире, чѣмъ внизу. Она окружена стѣнами, въ которыя ведутъ ворота, укрѣпленныя бойницей. Строитель башни Ахтуганъ, по пре-

*) Изв. И. Р. Арх. Общ., т. VIII, стр. 330.

**) *Güldenstädt Reisen etc.* I, 502, 503.

***) См. стр. 12, 13, 14 и соответствующія таблицы.

данію, сообщенному намъ Али-мурзой Балкаруковымъ, вызвалъ для ея постройки мастеровъ изъ Сванетіи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется ея отличіе отъ общераспространеннаго типа. Судя по числу поколѣній между Ахтуганомъ и его потомкомъ Али-мурзой, башня Балкаруковыхъ была построена не болѣе 150 лѣтъ тому назадъ *).

Особенно богато башнями ущелье Балкарское, населенное древнѣйшимъ изъ тюркскихъ горскихъ обществъ. При проѣздѣ этимъ ущельемъ путешественникъ почти не теряетъ изъ виду древнихъ башенъ, сопровождающихъ верхній Черекъ то съ правой, то съ лѣвой стороны. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ, представляющихъ до сихъ поръ явственныя слѣды сквозныхъ крестовъ. Таковы двѣ довольно хорошо сохранившіяся башни, построенныя, по преданію, предками балкарской фамиліи таубіевъ (горскихъ князей) Абаевыхъ. Одна изъ нихъ возвышается въ аулѣ Кунимъ и приписывается Али - мурзѣ Абаеву. Башня отлично построена изъ камней на извести и сохранила внутри слѣды 4-хъ этажей. Въ нижнемъ этажѣ живутъ до сихъ поръ. На трехъ стѣнахъ — сѣверо-западной, юго-западной и юго-восточной — на значительной высотѣ виднѣются четырехконечные кресты, образуемые выемкой въ стѣнѣ **). Другая абаевская башня находится въ аулѣ Шканти, на лѣвомъ берегу р. Иртышки и была построена Сосраномъ Абаевымъ. Она сложена такъ же, какъ и первая, и достигаетъ высоты 8 1/2 сажень. Есть преданіе, что башню строили мастера сванетскіе или греческіе. Внутри сохранились слѣды 4-хъ этажей. Въ 1 этажъ ведетъ на восточной сторонѣ небольшая дверь съ полукруглой аркой. Дверь пробита на высотѣ 2-хъ аршинъ отъ основанія башни. На двухъ стѣнахъ виднѣются кресты. Чтобы дать понятіе о балкарскихъ аулахъ, представляющихъ своими башнями видъ крѣпостей, помѣщаемъ на таблицѣ XVIII б. изображеніе башенъ фамиліи Борзіевыхъ, близъ аула Зилги.

На вопросъ, къ какому времени относится построеніе этихъ башенъ, можно отвѣтить только приблизительно, сообщивъ народныя преданія о происхожденіи балкарскихъ княжескихъ родовъ. При этомъ нужно замѣтить, что и народныя преданія представляютъ варианты относительно генеалогіи балкарскихъ таубіевъ. Вотъ одно преданіе, записанное со словъ таубіа хаджи Шаханова, пользующагося у Балкарцевъ репутаціей знатока старины. По словамъ этого старика, нѣкогда въ Стамбулѣ одинъ пади-

*) Подробности о построеніи башни и фамильныя преданія Балкаруковыхъ изложены нами въ статьѣ „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“, Вѣстникъ Европы. 1884. Апрель, стр. 562 и слѣд.

**) См. табл. XVIII а.

РИЗНОВСКИЙ
МУЗЕЙ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

шахъ заподозрилъ свою дочь и прогналъ ее отъ себя. Она бѣжала въ Крымъ и вышла за крымскаго хана, который удостовѣрился въ ея невинности. Отъ этого брака родился Чингисъ-ханъ; у него былъ сынъ Баракъ-ханъ, отъ котораго произошелъ Джанбекъ-ханъ, отецъ родоначальниковъ привилегированныхъ фамилій Дигоріи и Балкаріи — Бадилята и Басіата. Это преданіе, конечно, не заслуживающее вѣры, очевидно основано на желаніи возвысить Бадилята и Басіата, приписавъ имъ царское происхожденіе. Правдоподобнѣе другое, болѣе скромное преданіе, записанное нами отъ эфенди Абаева, которое говоритъ, что Басіать и Бадилять были сыновья—сироты одного крымскаго вельможи, ушедшіе изъ Крыма на Кавказъ вслѣдствіе притѣсненій отъ роднаго дяди. По 1-му варианту (шахановскому) братья поселились сначала на р. Кумѣ, а затѣмъ перешли на Кашкатау. Здѣсь они разстались: Бадилять пошелъ въ Дигорію, гдѣ сталъ родоначальникомъ дигорскихъ дворянскихъ фамилій, а Басіать поселился въ Балкарѣ около нынѣшняго аула Кунима, на лѣвомъ берегу Черека. Въ нынѣшнемъ Кунимѣ жили въ то время выходцы изъ Сванетіи Таулу (мн. ч. Таулуларъ). Басіать подчинилъ ихъ себѣ и обложилъ данью. Кромѣ Таулу, туземное населеніе состояло изъ Осетинъ - Дигорцевъ и другихъ раннихъ пришельцевъ. Преданіе говоритъ, что туземцы исповѣдовали языческую религію, а Басіать съ дружиной были мусульмане. Это преданіе слѣдуетъ поправить въ томъ смыслѣ, что туземцы несомнѣнно, какъ ихъ сосѣди Дигорцы, хранили нѣкоторые слѣды христіанства, смѣшавшагося съ языческими вѣрованіями, а мусульманство пришельцевъ—Басіата съ дружиной—довольно сомнительно, въ виду существованія крестовъ на башняхъ, построенныхъ *потомками* Басіата. Какъ бы то ни было, Басіать считается родоначальникомъ ряда таубіевскихъ фамилій, причемъ отъ него ведется слѣдующая генеалогія. У Басіата былъ сынъ Хабижъ, у него сынъ Абай, у котораго отъ первой жены было двое сыновей—Тауканъ и Тазирить, а отъ другихъ женъ—Алибекъ и Кансау. Отъ 1-го сына (Таукана) пошли фамиліи: Шахановы и Джанхотовы; отъ 2-го сына (Тазирита)—Айдеболовы (Біевы); отъ 3-го сына (Алибека): Кунчуковы, Амирхановы и Боташевы; отъ 4-го—Кансау—Абаевы. По другому варианту (абаевскому), генеалогія Басіата представляется въ нѣсколько иномъ видѣ: у Басіата было 2 сына — Абай и Темрюкъ; у перваго былъ сынъ Алибекъ, отъ котораго родился сынъ Кучукъ, родоначальникъ фамилій Абаевыхъ и Кучуковыхъ; у втораго сына Басіатова Темрюка было въ свою очередь двое сыновей: *Тауканъ*,—родоначальникъ фамилій Шахановыхъ и Джанхотовыхъ, и *Тазирить*,—

родоначальникъ фамиліи Айдеболовыхъ (Біевыхъ). Во всякомъ случаѣ, примемъ ли мы ту или другую генеалогію, предки Абаевыхъ (Алимурза и Сосранъ), строители башенъ съ крестами, отдѣлены нѣсколькими поколѣніями отъ родоначальника Басіата и нѣсколькими же отъ нынѣшняго поколѣнія. Поэтому можно думать, что построение Абаевскихъ башенъ восходитъ, по крайней мѣрѣ, за 300 лѣтъ тому назадъ, а башни, построенныя туземцами Сванетами (Таулуларъ) до прихода Басіата, относятся къ еще болѣе отдаленному времени.

Переходя къ описанію могильниковъ, представляющихъ наибольшій интересъ въ области Горскихъ Обществъ, считаемъ болѣе удобнымъ рассмотреть эти памятники древности отдѣльно въ трехъ ущельяхъ—Черекскомъ (Балкарскомъ), Чегемскомъ и Баксанскомъ, начиная съ перваго. Могилы Балкарскаго ущелья представляютъ два главные типа — могилы *подземныя* и *надземныя* (кэшэнэ). Могилы перваго типа по пути слѣдованія экспедиціи были осмотрѣны въ слѣдующихъ мѣстахъ.

а) Могильникъ, находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Кашкатау, на лѣвомъ берегу Хуламскаго Черка. Наружные признаки могилъ составляютъ круги, сложенные изъ булыжныхъ камней.

б) Могильникъ близъ аула Зилги, на высокомъ холмѣ, близъ дороги. Могилы представляютъ два вида: съ наружными признаками и безъ нихъ. Могилы перваго типа въ свою очередь бываютъ двухъ родовъ: однѣ обозначены камнями, положенными по краямъ и образующими какъ-бы контуръ могилы; въ другихъ—пространство могилы засыпано грудой камней. Внутреннее устройство тѣхъ и другихъ могилъ одинаково. Раскопка двухъ могилъ обнаружила слѣдующее: подъ снятыми камнями оказался слой насыпной земли, толщиной въ 10—12 вершковъ; подъ нимъ три плиты, составляющія крышку каменнаго ящика, сложеннаго изъ грубо отесанныхъ плитъ насухо. Входъ въ ящикъ образуетъ вертикально стоящая плита въ ногахъ костяка; костякъ лежитъ на материкѣ. Размѣры ящика: длина 2 арш. 13 вершковъ, ширина въ срединѣ 9 вершковъ, въ головахъ и ногахъ 7 вершковъ, глубина 13 вершковъ. Голова костяка на сѣверо-западъ. Въ головахъ у костяка первой раскопанной могилы были найдены бараньи кости и куски дерева (отъ чашки?). Вещей не оказалось. Въ ногахъ близъ входной плиты, былъ найденъ деревянный, сильно перегнившій, срубъ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

14

12

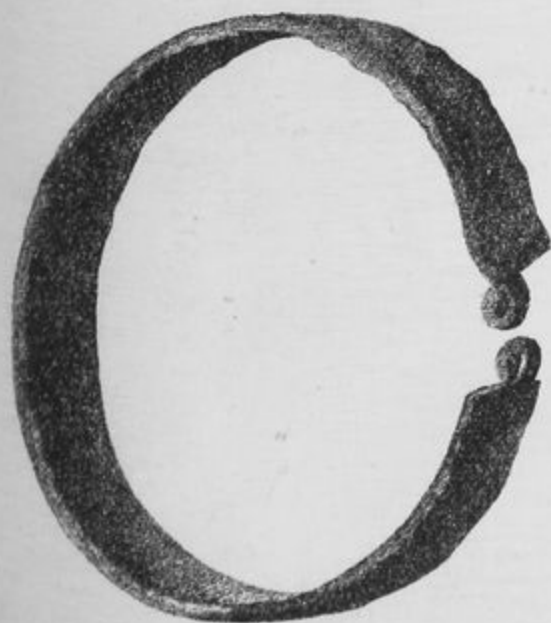
15

13

16

17

18

19

изъ бревенъ. Вторая раскопанная могила обнаружила тѣ же детали, какъ и первая, и также не представила никакихъ вещей.

Могилы безъ наружныхъ признаковъ, т.-е. не обозначенныя камнями на поверхности, также представили по внутреннему устройству *два* разновидности: въ однихъ костякъ лежитъ въ ящикѣ изъ шиферныхъ плитъ, но безъ крышки; въ другихъ—костякъ просто засыпанъ землею безъ признаковъ гроба. Размѣры разрытаго каменнаго ящика: длина 2 арш. 14 вершковъ, ширина 13 вершковъ, глубина 11 вершковъ. Головой костякъ лежитъ на юго-западъ. Въ головахъ былъ найденъ глиняный кувшинъ въ черепкахъ, горшокъ въ такомъ же состояніи, затѣмъ въ серединѣ гроба: бронзовое колечко, такой же браслетъ, подвѣска, 7 бубенчиковъ, 3 бусы и бронзовая пряжка отъ ремня. Въ могилѣ безъ каменнаго ящика оказалась только желѣзная пряжка. Кости во всѣхъ разрытыхъ могилахъ разсыпаются при прикосновеніи, такъ что нельзя было добыть цѣльнаго черепа.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что могилы съ надземными признаками расположены гораздо выше могилъ 2-го типа и лежатъ почти на вершинѣ холма.

Многія могилы 1-го и 2-го типа разрыты мѣстнымъ населеніемъ и добытые въ нихъ предметы—бронзовыя вещи и бусы—были приобрѣтены нами въ аулѣ Зилги, см. таб. XIX.

в) Могильникъ значительныхъ размѣровъ (приблизительно на 2-хъ десятинахъ), обнесенный стѣною въ $\frac{1}{4}$ арш. вышины, тянется на правомъ берегу Черека, близъ аула Шканы. Здѣсь, вокругъ Абаевскихъ кэшэнэ (см. ниже), расположены такія же могилы съ наружными признаками, какъ въ могильникѣ близъ Зилги. Подъ слоємъ наружныхъ камней насыпной слой земли, толщиною до 18 вершковъ; подъ нимъ плита, покрывающая каменный выложенный на извести ящикъ. Размѣры внутри: длина 2 арш. 9 вершковъ, ширина 11 вершковъ, глубина 1 арш. Входъ образуется на сѣверо-восточной сторонѣ вертикально поставленной плитою. Голова костяка лежитъ къ югу-западу. Тѣло было обернуто льняной тканью, отъ которой сохранились лишь небольшіе лоскуты. Вещей въ раскопанной могилѣ не оказалось. Могила, по видимому, мусульманская. Выше этого могильника на юго-востокъ, по склону холма, находятся могилы *со склепами*, идущими внутрь горы. Передняя стѣнка, выложенная изъ камней, на извести обнаружена и входное отверстіе открыто. Всѣ склепы ограблены. Склепъ сложенъ изъ грубо-отесанныхъ камней на глинѣ и представляетъ кверху сводъ. Размѣры довольно значительны: длина достигаетъ 4-хъ арш., ширина

2-хъ слишкомъ, высота 3-хъ аршинъ. Костяки лежали головами на юго-востокъ, причеиъ голова и ноги покоятся на шиферныхъ плитахъ. Въ одномъ изъ такихъ склеповъ было найдено 22 черепа.

Переходимъ къ надземнымъ могиламъ, т.-е. каменнымъ зданіямъ, называемымъ Балкарцами *кэшенэ*. По пути слѣдованія экспедиціи такія усыпальницы были осмотрѣны въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ оградѣ могильника близъ аула Шканы находятся три *кэшенэ* фамиліи Абаевыхъ. Два изъ нихъ представляютъ восьмигранныя каменные зданія съ острымъ верхомъ (рис. 74).

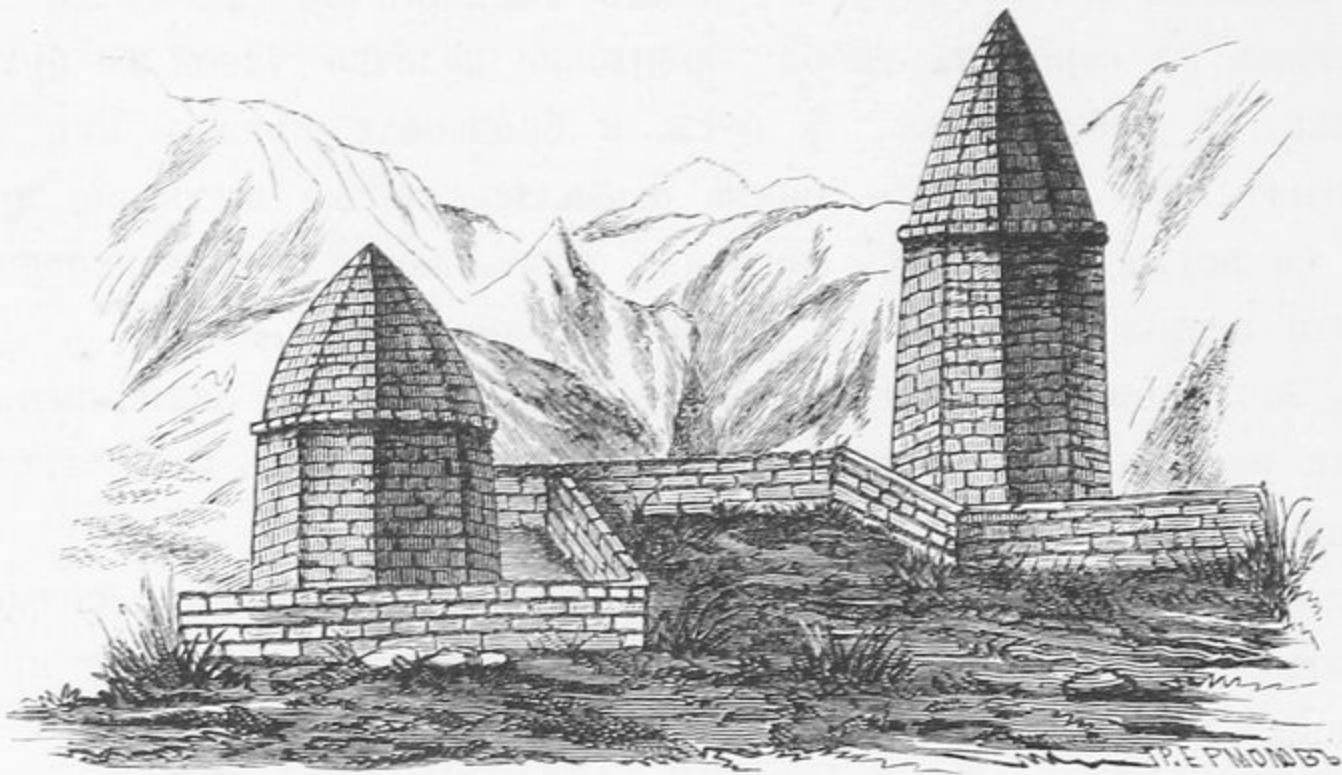

Рис. 74. Усыпальницы Абаевыхъ.

Кэшенэ Сосрана Абаева, болѣе высокій, заваленъ внутри камнями, такъ что о внутреннемъ устройствѣ нельзя себѣ составить понятія. Въ кэшенэ Алимурзы Абаева оказалось 2 склепа рядомъ, покрытые сверху плитами и идущіе по направленію отъ сѣверо-запада на юговостокъ (рис. 75).

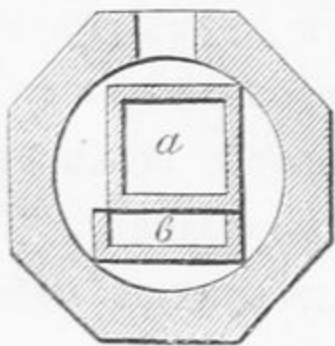

Рис. 75. Планъ усыпальницы Абаевыхъ.

Кости лежатъ въ беспорядкѣ, и покойники были очевидно ограблены. Въ болѣе широкомъ склепѣ, впрочемъ, была найдена желѣзная подкова отъ сапога и кусокъ шелковой матеріи. Сколько поколѣній тому назадъ жили Алимурза и Сосранъ Абаевы, ихъ потомки не помнятъ. Наружные размѣры кэшенэ Алимурзы довольно значительны: окружность достигаетъ 19 аршинъ, высота болѣе 2-хъ сажень; толщина стѣнъ въ 1 аршинъ. Верхъ кэшенэ сведенъ сводомъ и стѣны внутри выбѣлены. Третій абаевскій кэшенэ, въ которомъ нѣкогда была похоронена дѣвица, ограбленъ и заваленъ камнями внутри. Наружнымъ

видомъ онъ отличается отъ другихъ кэшенэ: онъ представляетъ четырехугольное сооруженіе, котораго стѣны, выгибаясь, сходятся наверху. Размѣры незначительны.

Въ 7 верстахъ отъ Кашкатау, на лѣвомъ берегу Хуламскаго Черека находятся развалины четырехугольнаго избообразнаго кэшенэ, приписываемаго предкамъ таубіевъ Урусбіевыхъ, живущихъ въ настоящее время въ Урусбіевскомъ аулѣ на верховьяхъ Баксана. Длина кэшенэ 6 арш., ширина 4 арш. По бокамъ сохранились слѣды каменныхъ ступеней. Внутри кэшенэ былъ найденъ въ землѣ костякъ, лежащій головой на западъ. Кэшенэ ограбленъ и потому вещей въ немъ не оказалось, кромѣ ручки отъ глинянаго сосуда.

Недалеко отъ Кашкатау находится также кэшенэ родоначальника фамиліи Мисаковыхъ, пользующейся тѣми же правами, какъ и потомки Басіата. Преданіе рассказываетъ, что Мисакъ жилъ сначала на Кумыкской плоскости съ князьями Таймазовыми. Поссорившись съ ними, онъ увелъ у нихъ лошадь *кашка* (лысую съ бѣлымъ лбомъ) и на ней пріѣхалъ въ Балкаръ, гдѣ остановился у горы, которая въ память его коня и была названа Кашка-тау. Кэшенэ Мисаки по виду напоминаетъ усыпальницы Абаевыхъ въ аулѣ Шканти.

Послѣ кэшенэ нельзя не упомянуть о курганахъ, находящихся на юго-востокъ отъ аула Зилги, на лѣвомъ берегу Черека. Одинъ изъ нихъ представляетъ въ окружности до 80 шаговъ и достигаетъ вышины отъ 3—4 сажень. Близъ вершины кургана находится небольшое четырехугольное зданіе, сложенное изъ камней. Размѣры зданія: длина 3 саж. 1 арш., ширина — 2 саж., высота сохранившихся стѣнъ 2 арш. Зданіе стоитъ на каменномъ же фундаментѣ, выступающемъ значительно впередъ, такъ что къ стѣнамъ ведетъ какъ бы ступень. На восточной сторонѣ замѣтны слѣды двери, а на западной четырехугольнаго узкаго окна. На сѣверной стѣнѣ виднѣется небольшая квадратная ниша. Зданіе имѣло въ древности, повидимому, религіозное значеніе, но въ настоящее время служило амбаромъ для хлѣба фамиліи Токзаевыхъ. Второй курганъ еще значительнѣе перваго, достигаетъ въ окружности 100 шаговъ и укрѣпленъ внизу большими поставленными на ребро камнями. Верхушка его представляетъ видъ гребня или хребта. На восточномъ склонѣ близъ вершины лежатъ въ безпорядкѣ три отесанныя каменные плиты (длиною въ $2\frac{1}{2}$, шириною въ $\frac{1}{2}$ аршина), нѣкогда лежавшія рядомъ. Есть преданіе, что одинъ изъ жителей Зилги взялъ съ кургана эти плиты при постройкѣ дома, но у него заболѣла вся семья, и плиты были отвезены обратно. На памяти стариковъ, на этихъ плитахъ при-

носили въ жертву барановъ. Сѣверная сторона кургана пользуется особеннымъ уваженіемъ и около нея боятся проходить. Рассказываютъ, что въ курганѣ похоронены 6 женщинъ съ грудными дѣтьми и что онѣ не сгнили, а окаменѣли, такъ что обратились въ статуи.

Въ виду святости кургана и рассказовъ туземцевъ, была нами предпринята раскопка, которая оказалась вполнѣ неудачной. Такъ какъ на сѣверной сторонѣ были яркіе признаки прежнихъ раскопокъ, предпринятыхъ, по словамъ туземцевъ, какимъ-то прїѣзжимъ русскимъ, то мы прокопали канаву съ восточной стороны вдоль остатковъ каменной стѣнки. Мы углубились на 3 аршина, но никакихъ признаковъ могилъ не оказалось; продолжать же раскопку дальше не дозволило время. Чтобъ закончить обзоръ древностей Балкара, слѣдуетъ упомянуть и о двухъ надписяхъ, которыя, впрочемъ, могутъ считаться утраченными для археологіи.

По дорогѣ отъ Кашкатау къ Зилги, тамъ, гдѣ кончается опасный въ видѣ ступеней карнизъ, называемый туземцами „Чертовой лѣстницей“, виднѣется съ правой стороны дороги на скалѣ сглаженное въ видѣ плиты мѣсто, надъ которымъ сдѣланъ небольшой шиферный выступъ въ видѣ навѣса. Подъ нимъ нѣкогда была выведена бѣлой краской надпись въ 2 строки, отъ которой въ настоящее время замѣтны лишь слѣды нѣсколькихъ буквъ съ правой стороны. Мѣсто, занимаемое остатками надписи, представляетъ въ длину 7 четвертей и въ ширину $\frac{1}{2}$ аршина. Туземцы называютъ это мѣсто Бакшишъ. Надпись нарочно испорчена и послѣдній изъ вандаловъ, разрядившій пистолеть въ нее и выбившій нѣсколько буквъ, былъ, по словамъ туземцевъ, одинъ англійскій путешественникъ.

Слѣды другой надписи, еще болѣе испорченной, видны близъ аула Кунимъ, на высокой отвѣсной скалѣ. Надпись была также защищена навѣсомъ, который однако не спасъ ее отъ истребленія.

Переходя къ могильникамъ, осмотрѣннымъ нами въ ущельѣ Чегема, замѣтимъ, что одинъ изъ нихъ тянется по правой сторонѣ рѣчки Кардана на нагорномъ берегу. Другой лежитъ значительно выше перваго, на разстояніи полуверсты отъ него, на горѣ Донгаты. Въ обоихъ могильникахъ были произведены мною въ 1883 г. пробныя раскопки. Могилы 1-го могильника обозначены нѣсколькими большими и малыми камнями, лежащими на поверхности. Впрочемъ, такъ какъ все пространство усѣяно камнями, то опредѣлить могилу не всегда легко. Весь

могильникъ изрытъ въ разныхъ направленіяхъ мѣстными жителями, ищущими тамъ бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ вещей. Бронзовые и серебряныя вещи переплавляются на разныя издѣлія — бляхи для поясовъ, рукоятки и ножны для кинжаловъ, золотыя идутъ на продажу. По рассказамъ жителей, на могильникахъ встрѣчались камни съ изображеніями крестовъ. Трупы вообще хоронились неглубоко подъ поверхностью, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина глубины. На трупъ, повидимому, наваливались мелкіе камни, вслѣдствіе чего нерѣдко кости представляютъ крайній беспорядокъ. Судя по частямъ древесныхъ стволовъ, найденныхъ въ одной могилѣ, можно думать, что нѣкоторыя могилы представляли деревянные срубы *). При раскопкѣ двухъ могилъ такого типа, послѣ снятія дерна, сначала обнаруживалась насыпная земля, въ которой на глубинѣ полуаршина уже появлялись лошадиныя, баряныя и бычьи кости (можетъ быть остатки тризны и коня, зарытаго съ покойникомъ), а затѣмъ человѣчьи кости въ полномъ беспорядкѣ. Въ одной могилѣ близъ головы были найдены черепки толстаго глинянаго сосуда и кости козла, часть головы съ сохранившимся рогомъ; въ другой желѣзная перержавленная кирка. На томъ-же могильникѣ есть могилы и другаго типа: костякъ былъ окруженъ поставленными на ребро плитами, образывавшими какъ-бы каменный ящикъ. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, въ такихъ могилахъ были находимы въ головахъ у костяковъ золотыя вещи. Головами костяки обращены на западъ. Намъ не удалось найти неповрежденной могилы этого типа.

Подобныя же каменные ящики составляютъ могилы во *второмъ* или верхнемъ могильникѣ. Костякъ лежитъ на глубинѣ не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина; разстояніе между стѣнами ящика $\frac{3}{4}$ аршина; ящикъ покрытъ тремя плотно сдвинутыми плитами, наполненъ щебнемъ, покрывавшимъ костякъ. Послѣдній обращенъ головой къ западу. По характеру вещей могилы крайне бѣдны: въ 3-хъ раскопанныхъ нами оказались лишь черепки глиняныхъ сосудовъ (въ головахъ), бронзовая бляшка и нѣсколько бусъ. Встрѣтились также перегнившіе остатки какихъ-то деревянныхъ предметовъ. Мѣстность, близъ которой расположенъ могильникъ, носитъ слѣды христіанства. Нѣкоторыя могилы были обозначены поставленными стоймя плитами, съ высѣченными на нихъ крестами. Много такихъ плитъ было перенесено въ одно мѣсто и послужило оградой для загона скота. Неподалеку отъ могильника, въ мѣст-

*) Таубій Измаиль Урусбіевъ, разрывшій въ Чегенѣ незадолго до нашего пріѣзда, по его словамъ, отъ 30—40 могилъ, сообщаетъ, что деревянные срубы содержали иногда отъ 10 до 30 костяковъ.

ности, называемой Ачисыртъ, есть довольно обширная пещера въ скалѣ, которая, судя по находящимся въ ней человѣческимъ костямъ, служила катакомбою. Изъ этихъ признаковъ и изъ крайней бѣдности могилъ верхняго могильника можно предположить, что на верху горы была нѣкогда монастырская обитель, и что костяки, погребенные въ каменныхъ гробахъ, и катакомбы принадлежатъ монастырской братіи.

Въ виду недостаточности времени и дождливой погоды, мы не могли предпринять раскопокъ въ чегемскихъ могильникахъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ; притомъ большинство могилъ уже было расхищено, такъ что трудно было отыскать нетронутую могилу. Намъ пришлось ограничиться покупкой вещей, уже раньше вырытыхъ, чтобъ составить себѣ понятіе о характерѣ культуры древняго мѣстнаго населенія. Вещи эти приносились намъ въ большомъ количествѣ; такъ какъ запасъ ихъ, повидимому, у мѣстныхъ жителей былъ значительный. Только золотыхъ предметовъ намъ не удалось пріобрѣсть, такъ какъ немедленно по нахожденіи ихъ продаютъ пріѣзжимъ мелкимъ торговцамъ или отвозятъ въ городъ (Нальчикъ).

Вещи собранной нами коллекціи можно распредѣлить въ слѣдующія рубрики:

а) Къ предметамъ *изъ бронзы* относятся: колокольчики, вышиной въ вершокъ и ниже; пряжки отъ ременныхъ поясовъ; шила, длиною въ 2—3 вершка; круглыя выпуклыя бляхи, повидимому, отъ поясовъ; перстни изъ бронзовой проволоки неспаенные; такіе-же браслеты; оправы отъ кинжаловъ; привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ; небольшія бляшки въ видѣ медалей съ ушками, вѣроятно украшенія конской сбруи; небольшія фибулы кобанскаго типа, съ утолщенной и орнаментированной дужкой, римскія провинціальныя фибулы; привѣски въ видѣ руки, головки грифона, птицъ, альчиковъ и друг., части отъ удиль, наколечники отъ стрѣлъ трехгранные и листовидные, булавки, бляхи съ изображеніемъ львиной головы, собаки, оленя, всадника, свиньи, лошади и друг.

б) Вещи изъ сплава мѣди съ серебромъ; сюда относятся: небольшія зеркала, украшенія (бляхи) въ видѣ колесъ съ орнаментированными лучами, вершка два въ діаметрѣ.

в) Вещи изъ глины, камня, пасты, стекла: сюда относятся бусы разнообразнаго вида: изъ сердолика, стеклянаго сплава въ родѣ фарфора съ глазками, цвѣтами, полосками, изъ стекла: круглыя, бутылкообразныя, цилиндрическія, овальныя, золоченыя, синія, зеленыя, бѣлыя и т. п., изъ египетской пасты голубой и синей, горнаго хрустала, янтара и друг.

Особенно любопытны египетскіе скарабей съ іероглифами, голубыя миниатюрныя черепашки, такія же фигурки лежащихъ львовъ, стекляныя синія негритянскія головки отличной работы, миниатюрныя позолоченныя предметы изъ пасты, греческой работы въ видѣ каріатидъ, бляшекъ съ изображеніемъ головы, бляшекъ овальныхъ съ орнаментомъ въ видѣ лучей, человѣческихъ фигурокъ и т. п.

г) Изъ желѣзныхъ предметовъ встрѣчаются: клинки отъ кинжаловъ, ножей и кирки.

д) Изъ золотыхъ: тонкія круглыя пластинки греческой работы съ орнаментами, пуговицы съ перегородчатой эмалью, украшенія въ видѣ креста, части серегъ съ волчьими головками, бляхи изъ листового золота съ изображеніемъ человѣческаго лица. Рисунки съ этихъ предметовъ, частью пріобрѣтенныхъ нами, частью принадлежащихъ таубію Измаилу Урусбіеву, см. на таблицахъ XX—XXVI, а болѣе подробное описаніе въ слѣдующей главѣ.

Переходимъ къ баксанскимъ могиламъ.

На правой сторонѣ рѣки Баксана, на горѣ Калаколь, названной такъ по развалинамъ обширной башни (кала) *), близъ аула Озуркова, тянется на далекое пространство древній могильникъ по склону горы. Могилы, въ значительномъ числѣ уже разрытыя мѣстнымъ населеніемъ, представляютъ склепы, сложенные изъ неотесанныхъ камней, связанныхъ глиною. Въ длину склепы достигаютъ отъ 2 до 4-хъ метровъ, въ ширину отъ 1½ до 2-хъ, въ вышину 1-го или 1½ метровъ. Число погребенныхъ въ склепахъ отъ 1 до 6.

Кромѣ этого могильника, который по его положенію мы назовемъ *верхнимъ*, существуетъ близъ того же аула другой, еще болѣе обширный. Онъ расположенъ по тому же правому берегу Баксана, но гораздо ниже перваго, у самаго берега, при впаденіи въ Баксанъ рѣчки

*) Въ «Археологическихъ развѣдкахъ» Фирковича мы находимъ слѣдующую замѣтку объ этой башнѣ: «слѣдуя вдоль по Баксану, не доѣзжая съ версту до аула Озуркларъ, на вершинѣ едва доступной горы, замѣтна развалина каменнаго строенія, отъ которой уцѣлѣла одна западная стѣнка, вышиною около 6, шириною 10, толщиной 1½ арш., съ небольшимъ окномъ. Изъ развалинъ этого зданія выстроены обширныя коши. Только въ Чегемѣ я узналъ одно преданіе объ этомъ мѣстѣ, хранимое въ тайнѣ туземцами, что будто бы въ подошвѣ той горы, надъ которою стоитъ поминутое строеніе, есть отверстіе, ведущее въ пещеру, находящуюся подъ самымъ строеніемъ. Въ этой пещерѣ хранятся книги, разныя вещи и оружіе подъ проклятіемъ, а потому никто не рѣшается прикоснуться къ нимъ и даже открывать тайну эту другимъ подъ опасеніемъ дурныхъ послѣдствій. Труды Вост. Отд. Археол. Общ. III, стр. 127 и слѣд.

Гестенты. Вся мѣстность близъ могильника обнаруживаетъ слѣды древнихъ построекъ. Видно, что внизу нѣкогда стоялъ обширный ауль, котораго населеніе погребалось въ названномъ могильникѣ. Разсмотрѣнныя нами уже разрытыя раньше могилы представляютъ два типа: склепы, покрытые плитами, и такіе же склепы, покрытые правильными курганами, иногда значительной высоты.

Опишемъ сначала разрытыя нами могилы верхняго могильника.

Наружными признаками этихъ, расположенныхъ по косогорью, могилъ служатъ камни, болѣе или менѣе правильной формы, лежащіе въ видѣ ступеней по склону. По снятіи камней (обыкновенно 3-хъ), подъ среднимъ открывается входъ въ склепъ, въ видѣ узкаго (въ квадратный

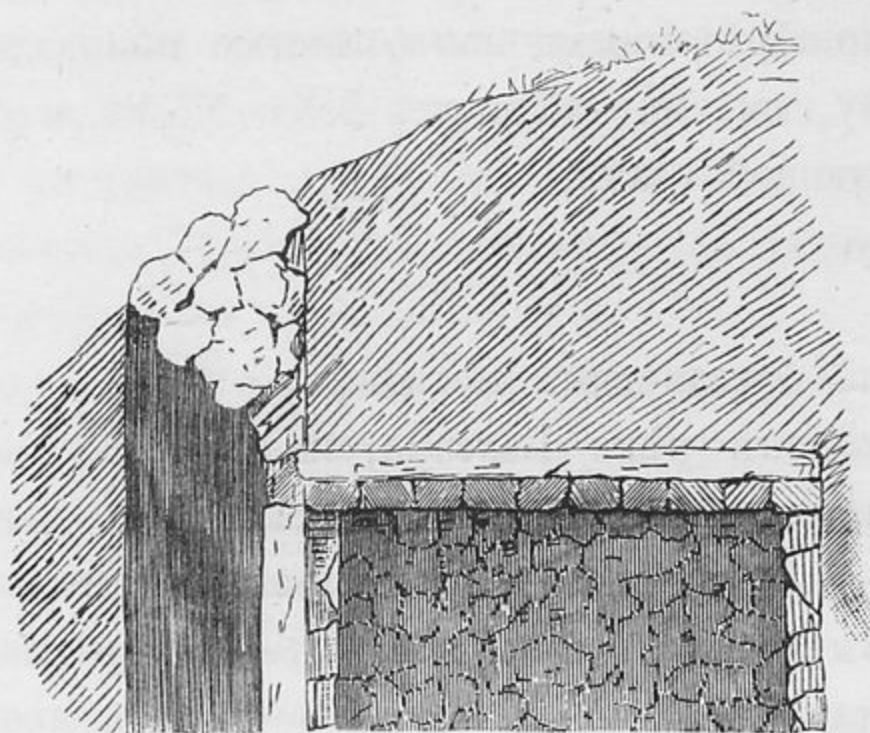

Рис. 76. Разрѣзъ склепа въ могильникѣ близъ аула Озорокова.

аршинъ) колодца, глубиною въ аршинъ и болѣе, заваленнаго мелкимъ камнемъ и замазаннаго глиной. Вѣроятно колодцы заваливались, когда склепъ уже не могъ вмѣстить новыхъ покойниковъ.

На днѣ колодца у одной изъ стѣнокъ ставились на ребро двѣ, три плиты рядомъ, заслонявшія входъ въ склепъ. Способъ постройки послѣдняго былъ слѣдующій: въ откосѣ горы дѣлали сначала подковообразную выемку, сообразно съ величиной будущаго склепа. Затѣмъ, выгребши землю, приступали къ кладкѣ, т. е. укрѣпляли стѣны выемки камнями на глинѣ. Когда была сложена и передняя стѣнка и оставлено входное отверстіе, и весь склепъ доведенъ до надлежащей высоты, поперекъ склепа клали солидную плиту, подъ которой оставалось входное отверстіе. Затѣмъ склепъ покрывали нѣсколькими продольно-положенными плитами, покоившимися съ одной стороны на стѣнкѣ, съ другой на поперечной плитѣ, и покрытый такимъ обра-

зомъ склепъ засыпали землей, оставляя колодезь, ведущій ко входному отверстию.

Раскопавъ одинъ нетронутый склепъ, мы отвалили плиту, закрывавшую входное отверстие и оказавшуюся шириной и вышиной въ аршинъ и толщиной вершка въ два. Склепъ имѣлъ въ длину 1 сажень, въ вышину $1\frac{1}{2}$ арш., въ ширину 2 арш., и заключалъ шесть костяковъ, изъ которыхъ пять лежало поперекъ, а одинъ вдоль склепа, причемъ головами одни были обращены на востокъ, другіе на западъ. При скелетахъ были найдены слѣдующіе предметы: при одномъ съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, при другомъ (женскомъ) бронзовый браслетъ, зеркало и кольцо отъ серьги. Въ головахъ у всѣхъ костяковъ стояли глиняные

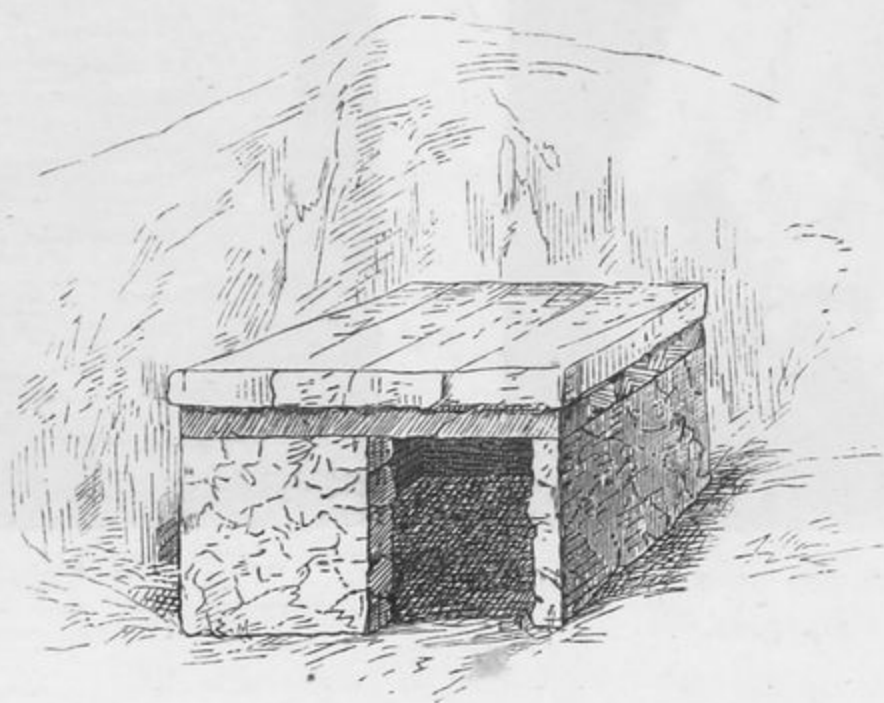

Рис. 77. Склепъ въ могильникѣ близъ аула Озорокова.

горшечки съ остатками какой-то пищи и деревянныя чашки съ такими же ложками. Въ ногахъ у двухъ стояли стаканы изъ коровьихъ роговъ, у которыхъ острія были отпилены и замѣнены деревянными днищами. Въ задней стѣнѣ склепа оказалась небольшая ниша, въ которой помѣщались деревянныя тарелки съ остатками пищи: въ одной, повидимому, перетлѣвшія зерна проса. Деревянная посуда выточена очень правильно и, по словамъ туземцевъ, изъ *чинара*. Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ склепа были найдены: деревянной сосудецъ въ родѣ кубышки съ крышкой, части ноженъ, обтянутыхъ чернымъ сафьяномъ и вышитыхъ шелкомъ, нѣсколько бронзовыхъ бляшекъ отъ кожаного пояса, бронзовая пряжка, нѣсколько колець и стеклянныхъ бусъ. Въ склепѣ, разрытомъ мѣстными жителями, были найдены и золотыя вещи: брошка изъ овальнаго стекла аметистоваго цвѣта, въ красивой золотой кружевной оправѣ и пряжка съ эмалью (*cloisonné*).

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ предметовъ см. на таб. XX.

Отмѣтимъ, что всѣ черепа въ разрытой нами могилѣ оказались искусственно деформированными, какъ можно видѣть на прилагаемыхъ рисункахъ *).

Составивъ себѣ понятіе о способѣ погребенія въ верхнемъ могильникѣ, мы сдѣлали пробную раскопку въ нижнемъ, лежащемъ выше по Баксану, верстахъ въ 2-хъ отъ перваго. Здѣсь могилы обозначены либо

Рис. 78. Черепъ изъ склепа въ могильникѣ близъ аула Озорукова.

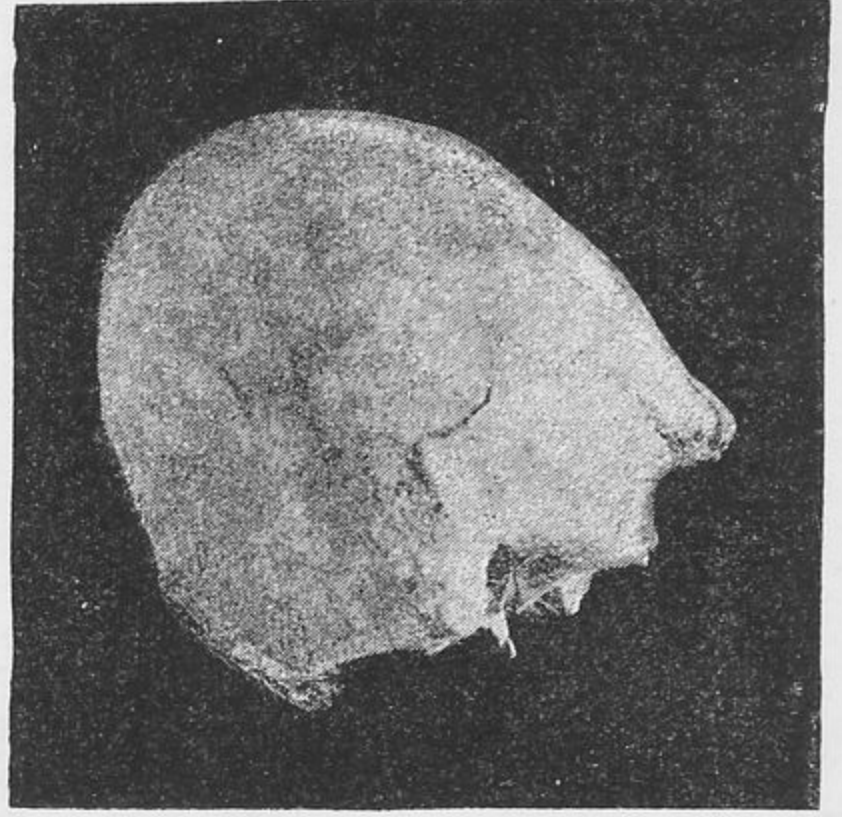

Рис. 79. Черепъ оттуда же.

рядами камней, образующихъ четырехугольникъ, либо курганами, вышиной отъ 1¹/₂ до 3-хъ сажень. Въ виду недостатка времени, мы

*) Изображеніе черепа изъ Озоруковскаго верхняго могильника см также въ сочиненіи г. Шантра—*Recherches Anthropologiques dans le Caucase*, t. III pl. XXVIII и въ изслѣдованіи Д. Н. Анучина—«О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи». Москва, 1887, стр. 38 и 39. Д. Н. Анучинъ находитъ черепа изъ Озоруковскаго могильника «замѣчательными по необыкновенной короткости, вышинѣ и вытянутой вверхъ и взадъ формѣ». «У всѣхъ лобъ покатъ и отчасти вдавленъ, затылокъ высокій и плоскій; на темени замѣчается вдавленіе. Очевидно всѣ были подвергаемы продолжительному дѣйствию горизонтальной и поперечной повязки, особенно же первой, слѣды которой замѣтны и на боковыхъ (височныхъ) сторонахъ черепа, при взглядѣ сзади. Продольный затылочный (іпіаке) діаметръ этихъ череповъ составляетъ только 163—148 милл., отношеніе ширины черепа къ этой длинѣ 82,1—84,7; черепной индексъ—75,1—81,2. Высотный діаметръ 152—141, черепа очень высоки и въ то же время коротки (спереди взадъ). Сверху они представляются съ нѣсколько приплюснутыми лбомъ и затылкомъ, а сзади высокими, пятиугольными, съ вогнутыми боковыми (височными) сторонами и явственно обозначенными (хотя и округленными) верхними тремя углами. Лицевой черепъ не представляетъ явственныхъ монгольскихъ признаковъ: скулы умѣренныя, носъ узкій, глазницы высокія; у одного (женскаго) носъ, впрочемъ, нѣсколько шире и вздернутый, а глазницы относительно меньше и болѣе низкія». Стр. 39.

могли раскопать только могилу 1-го типа. Склепъ обнаружился на глубинѣ около аршина и былъ сложенъ такъ-же, какъ склепы въ верхнемъ могильникѣ. Внутри было найдено 5 скелетовъ съ деформированными черепами. Головы обращены были на западъ. Длина склепа $2\frac{1}{2}$, ширина $1\frac{1}{2}$, вышина — 2 аршина. Вещей при костякахъ не оказалось никакихъ.

Изъ вещественныхъ слѣдовъ древняго христіанства близъ аула Озорокова слѣдуетъ отмѣтить развалины небольшой часовни Божьей Матери (Байрэмъ), на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ Баксана, на лѣвой сторонѣ рѣчки Гестенты.

IV.

Нѣкоторыя замѣчанія о культурѣ, обнаруживаемой могильниками Осетии и Горскихъ обществъ Кабарды.

Представивъ въ двухъ предшествующихъ главахъ краткое описаніе нѣкоторыхъ древнихъ могильниковъ современной территоріи Осетинъ (Ладзскаго, Дзивгисскаго, Санибскаго) и области Горскихъ обществъ Кабарды, нѣкогда также населенной Осетинами (могильники Балкарскіе, Чегемскіе и Баксанскіе), мы имѣемъ въ виду въ заключительной главѣ разсмотрѣть болѣе подробно предметы, добытые изъ названныхъ могильниковъ, для того, чтобы отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) Въ какихъ культурныхъ сношеніяхъ состояло древнее населеніе, хоронившее своихъ покойниковъ въ разсмотрѣнныхъ могильникахъ, съ сосѣдними народностями; 2) къ какому приблизительно періоду могутъ быть отнесены эти могильники и 3) какой народности принадлежало древнее населеніе, котораго культура представлена въ могилахъ. Конечно, мы имѣемъ мало надежды дать вполнѣ удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, такъ какъ вообще опредѣленіе времени и народности по могиламъ безъ другихъ пособій рѣдко приводитъ къ положительнымъ заключеніямъ; однако *нѣкоторые* выводы изъ разсмотрѣнія могильныхъ предметовъ все же могутъ и должны быть сдѣланы, и попытка къ опредѣленію времени и народности, даже неудачная, можетъ для другихъ изслѣдователей проложить путь къ болѣе точному и вѣрному рѣшенію поставленныхъ нами вопросовъ.

Не предрѣшая пока вопроса о времени, считаемъ нужнымъ прежде всего изъ разсматриваемыхъ могильниковъ выдѣлить оба могильника

(верхній и нижній) близъ аула Озорукова на Баксанѣ, описанные нами выше (см. стр. 88). По нѣкоторымъ признакамъ, эти могильники обнаруживаютъ, какъ намъ кажется, и *другую* народность и *другую эпоху*, по-видимому, болѣе позднюю, чѣмъ прочіе. Каменные ящики, столь обычные на современной и *древней* территоріи Осетіи, совершенно отсутствуютъ близъ Озорукова. Здѣсь мы находимъ исключительно склепы значительныхъ размѣровъ и притомъ съ такими деталями, которыя не встрѣчаются въ осетинскихъ (напр., въ Ладзѣ): съ *колодцемъ* и (въ нижнемъ могильникѣ) *курганомъ*. Въ виду многочисленности кургановъ на сѣверокавказской плоскости и сравнительно рѣдкаго присутствія ихъ въ горахъ, слѣдуетъ думать, что обычай возводить курганы степнаго, сѣвернаго происхожденія, что, впрочемъ, понятно и само собою, такъ на плоскости не было болѣе удобнаго способа отмѣтить могилу, чѣмъ сооруженіе на ней кургана.

Итакъ, уже присутствіе кургановъ надъ склепами въ нижнемъ Озоровскомъ могильникѣ говоритъ въ пользу предположенія, что насыпавшее ихъ населеніе было пришлымъ изъ сѣверной плоскости. Далѣе слѣдуетъ предположить, что это племя явилось на Баксанѣ не въ слишкомъ глубокую древность, такъ какъ сохранило *степную* привычку насыпать курганы надъ могилами. Что касается предметовъ, найденныхъ въ склепахъ, то и въ этомъ отношеніи озоровскія могилы представляются значительно болѣе поздними, чѣмъ, на примѣръ, чегемскія. Заключаемъ это изъ относительной сохранности деревянныхъ предметовъ, найденныхъ нами въ склепѣ верхняго могильника въ значительномъ количествѣ: таковы днища отъ роговыхъ стакановъ, чашки, кубышки, ложки. Всѣ эти предметы сохранились въ такомъ видѣ, что исключаютъ мысль о слишкомъ долгомъ пребываніи своемъ подъ землею. Такъ же хорошо сохранились деревянныя ножны отъ ножа и на нихъ куски сафьяна, на которыхъ еще можно было различить шелковую расшивку. Человѣческія кости сохранились въ склепахъ такъ же настолько хорошо, что черепа могли быть перевезены въ Москву. Этимъ озоровскія могилы отличаются отъ осетинскихъ (ладзскихъ, дзивгисскихъ, санибскихъ) и чегемскихъ, изъ которыхъ мы не могли добыть ни одного цѣльнаго черепа. Можетъ быть, въ послѣдствіи къ болѣе точному опредѣленію народности послужатъ именно озоровскіе черепа, оказавшіеся (см. выше, рис. 78 и 79) сильно деформированными. По крайней мѣрѣ, проф. Д. Н. Анучинъ, на основаніи измѣренія этихъ череповъ и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, склоненъ приписать древнему населенію Озорукова тюркское происхожде-

ніе. Вотъ что говоритъ названный изслѣдователь объ этомъ вопросѣ: „Замѣтимъ, что могилы въ верховьяхъ Баксана, по всей вѣроятности, не очень древнія, и, судя по типу находимыхъ въ нихъ вещей, относятся къ болѣе поздней культурѣ, чѣмъ могильники въ Кобани, въ Самтавро и Камунтѣ. Онѣ принадлежатъ, повидимому, племени, зашедшему сюда съ сѣвера въ историческую эпоху и принесшему съ собою обычай деформированія головы. Такъ можно думать, во-первыхъ, по отсутствію слѣдовъ подобной деформациі на черепахъ изъ болѣе древнихъ могилъ Терской области, равно какъ и изъ могилъ (дольменовъ) Кубанской области (относящихся къ тремъ начальнымъ вѣкамъ нашей эры); во-вторыхъ, потому, что закавказскіе деформированные черепа (изъ Самтавро) выказываютъ гораздо менѣе рѣзкое измѣненіе нормальной формы, къ тому же болѣе долихокефальной, чѣмъ эти, баксанскіе, типъ которыхъ совершенно особенный; наконецъ — по находкамъ макрокефалическихъ череповъ въ Донской области, близъ Ростова и близъ Самары и по аналогичнымъ примѣрамъ другихъ племенъ, проникнувшихъ въ кавказскія ущелья съ сѣвера. Было ли это племя тождественнымъ или родственнымъ нынѣшнему тюркскому населенію верховьевъ Баксана или какое-либо иное, и тюркское или нѣтъ, рѣшить, при имѣющихся данныхъ, трудно, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что это плѣмя было тюркское“ *).

Тотъ же изслѣдователь находитъ возможнымъ привести въ связь нахожденіе макрокефалическихъ череповъ въ нѣкоторыхъ могилахъ Западной Европы, а также въ курганахъ кочевниковъ Задонскихъ и Заволжскихъ степей, въ могилахъ Крымскихъ (напр., въ могильникѣ въ Алуштѣ) и сѣверо-кавказскихъ съ передвиженіемъ на западъ тюркскихъ племенъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. О деформированныхъ, вытянутыхъ кверху, головахъ Гунновъ говорятъ, напримѣръ, извѣстія Сидонія Аполлинарія **).

Съ своей стороны и мы склонны въ населеніи, хоронившемъ своихъ покойниковъ въ озоруковскомъ могильникѣ, видѣть племя пришедшее, хотя явившееся въ эти мѣста гораздо позднѣе эпохи переселенія народовъ. Что же касается болѣе точнаго опредѣленія народности, то, принимая въ соображеніе нѣкоторыя историческія указанія, мы колеблемся въ выборѣ между двумя племенами — тюркскимъ и черкесскимъ (адигейскимъ). Въ пользу перваго племени можно привести слѣдующія

*) См. статью „О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи“. М. 1887 г., стр. 40 (отд. оттиска).

**) Тамъ же, стр. 49.

данныя. Верхнее теченіе Баксана и въ настоящее время, какъ мы видѣли, населено племенемъ, говорящимъ на тюркскомъ языкѣ и вытѣснившимъ изъ этихъ мѣстъ прежнее осетинское населеніе. Согласно съ мѣстными преданіями, тюркская колонизація шла съ сѣвера изъ плоскости, занимая послѣдовательно ущелья Черека, Чегема и Баксана. Въ какое время эти ущелья были заняты Тюрками, опредѣлить съ точностью нѣтъ возможности; но преданія связываютъ имя одного изъ вождей — Басіата — съ татарскимъ ханомъ Джанибекомъ, котораго резиденціей на Кавказѣ называютъ древній городъ Маджаръ. Согласно съ этимъ преданіемъ, одно тюркское поселеніе — Балкаръ — можетъ восходить къ 14-му столѣтію. Но есть основаніе думать, что нѣкоторыя поселенія Тюрковъ въ названныхъ ущельяхъ могли восходить и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, такъ какъ тюркскія полчища на Кубани, именно Кубанскіе Болгаре, упоминаются средневѣковыми писателями уже въ VII вѣкѣ *).

Есть основаніе думать, что тюркское населеніе въ Карачаѣ и горной Кабардѣ представляетъ потомковъ кубанской болгарской орды, смѣшавшейся на плоскости съ другими тюркскими же племенами (напр., Куманами) и вмѣстѣ съ тѣмъ, что болгарская орда, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые средневѣковые писатели, является продолженіемъ гуннской, хозяйничавшей въ Приазовьѣ въ IV столѣтіи. Мы не можемъ войти здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ исторической этнографіи сѣверозападнаго Кавказа, но замѣтимъ, что вообще смѣна народныхъ названій въ историческихъ источникахъ (Гунны, Авары, Болгаре, Хазары, Печенѣги, Половцы и т. д.) еще не указываетъ на смѣну національностей, и что подъ этими именами вообще скрываются разныя орды тюркскаго племени, которое уже съ первыхъ вѣковъ нашей эры является на сѣверо-западномъ Кавказѣ въ сосѣдствѣ съ племенами адигейскимъ (черкесскимъ) и иранскимъ (осетинскимъ). И гунны времени Атилы, и болгаринъ изъ кубанской (черной) Болгаріи времени Константина Багрянороднаго и половець 12-го вѣка говорили въ сущности на томъ же языкѣ, какъ и современный карачаецъ, и отличались отъ послѣдняго лишь діалектически. При одинаковыхъ условіяхъ кочеваго быта обычаи и нравы тюркскихъ племенъ на сѣверо-кавказской плоскости были сходны, и, вѣроятно, обычай деформированія головы, завѣдомо существовавшій у Гунновъ, сохранялся у ихъ потомковъ Болгаръ, и могъ соблюдаться въ нѣкоторыхъ родахъ и у того

*) См. подробности въ 3-й части нашихъ „Осетинскихъ Этюдовъ“, стр. 63 и въ Экскурсѣ, стр. 102 и слѣд.

тюркского народа, который колонизировалъ верховье Баксана и хоронилъ своихъ покойниковъ въ Озороковскомъ могильникѣ.

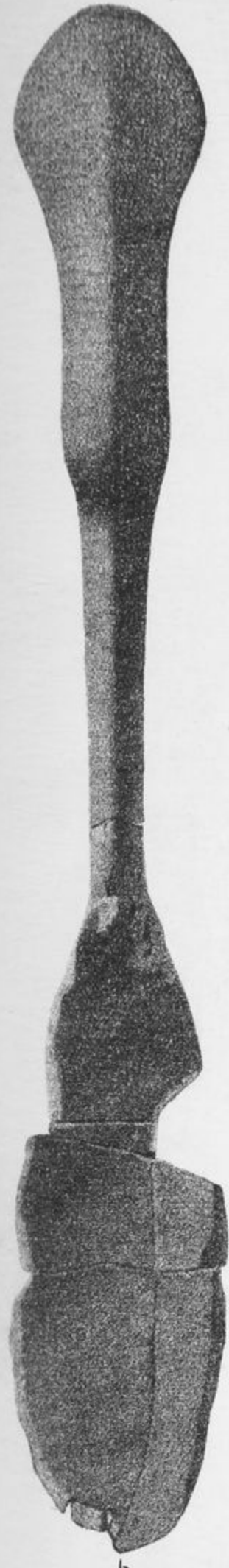
Но при сосѣдствѣ и соприкосновеніи Тюрковъ и Черкесовъ въ долину Баксана можно допустить, что оба племени вліяли одно на другое и своими обычаями, а это соображеніе заставляеть насъ колебаться относительно народности озороковскихъ деформированныхъ череповъ. Мы помнимъ, что когда въ 1883 году мы достали изъ склепа въ верхнемъ могильникѣ шесть макрокефалическихъ череповъ, то присутствовавшіе жители Озорокова выразили единогласное убѣжденіе, что это черепа кабардинскіе. Неизвѣстно, существовалъ ли у Кабардинцевъ тотъ же обычай, что у Гунновъ, но, дѣйствительно, намъ нерѣдко случалось видѣть кабардинскія головы удлиненныя вверхъ, конечно, не до такой степени, какъ древніе озороковскіе черепа. Замѣтимъ, что если даже у Кабардинцевъ и не было обычая деформированія головы, тѣмъ не менѣе удлиненныя головы могли появляться у нихъ спорадически, вслѣдствіе браковъ на тюркскихъ женщинахъ, добываемыхъ посредствомъ похищенія. Далѣе, нельзя не указать и на то, что аулъ Озорокова носить, повидимому, кабардинское названіе (съ окончаніемъ—уко), и у мѣстнаго населенія извѣстенъ подъ другимъ, татарскимъ названіемъ—Былымъ; наконецъ, что вообще этотъ нынѣ татарскій аулъ весьма близокъ отъ кабардинскихъ поселеній, такъ что, быть можетъ, нѣкогда ранѣе Татаръ былъ населенъ Кабардинцами.

Въ виду всего вышесказаннаго, вопросъ о народности, хоронившей покойниковъ въ Озороковскихъ древнихъ могильникахъ, не можетъ быть рѣшенъ положительно, и колебаніе въ выборѣ между обоими племенами—тюркскимъ и кабардинскимъ—не можетъ быть устранено. По времени же эти могилы едва ли могутъ восходить раньше, чѣмъ къ XII—XIV столѣтіямъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію предметовъ, добытыхъ изъ могильниковъ близъ аула Зилги (въ Балкарскомъ ущельѣ) и Чегема. Устройство могилъ описано выше (см. стр. 80—87), а вещи, частью добытыя нашими раскопками, частью пріобрѣтенныя на мѣстахъ и открытыя мѣстными жителями, изображены на таблицахъ XIX, XX б., XXI—XXVI *).

Для того, чтобъ разобраться въ массѣ предметовъ, разсмотримъ ихъ по группамъ. Въ *первую* группу можно отнести массу бусъ раз-

*) На таблицахъ XXIII—XXVI изображены предметы изъ Чегемскаго (Донгатскаго) могильника, собранные Измаиломъ Урусбиевымъ.

6

1

2

3

4

7

5

8

9

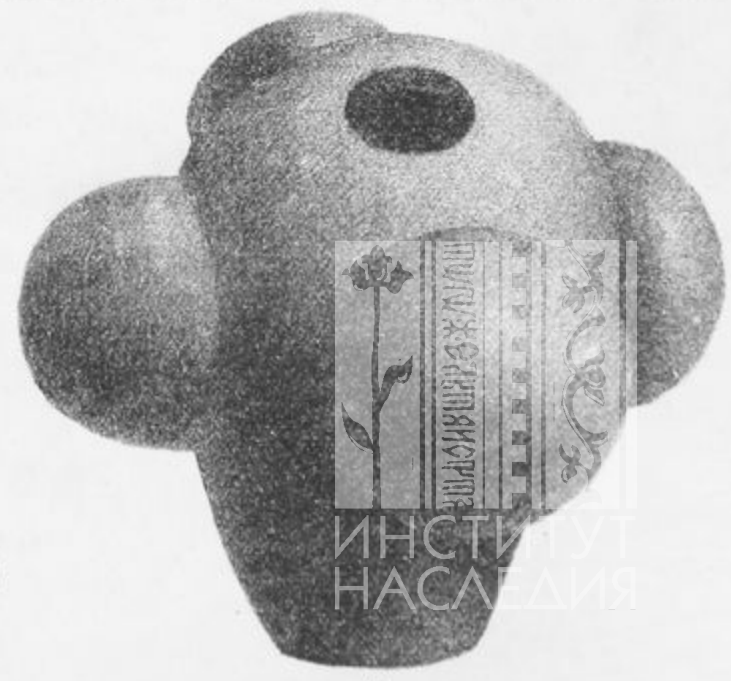
1.

2

3

4

1

2

3

4

5

6

7

8

11

9

10

12

13

14

15

16

17

18

20

21

19

22

23 a

24

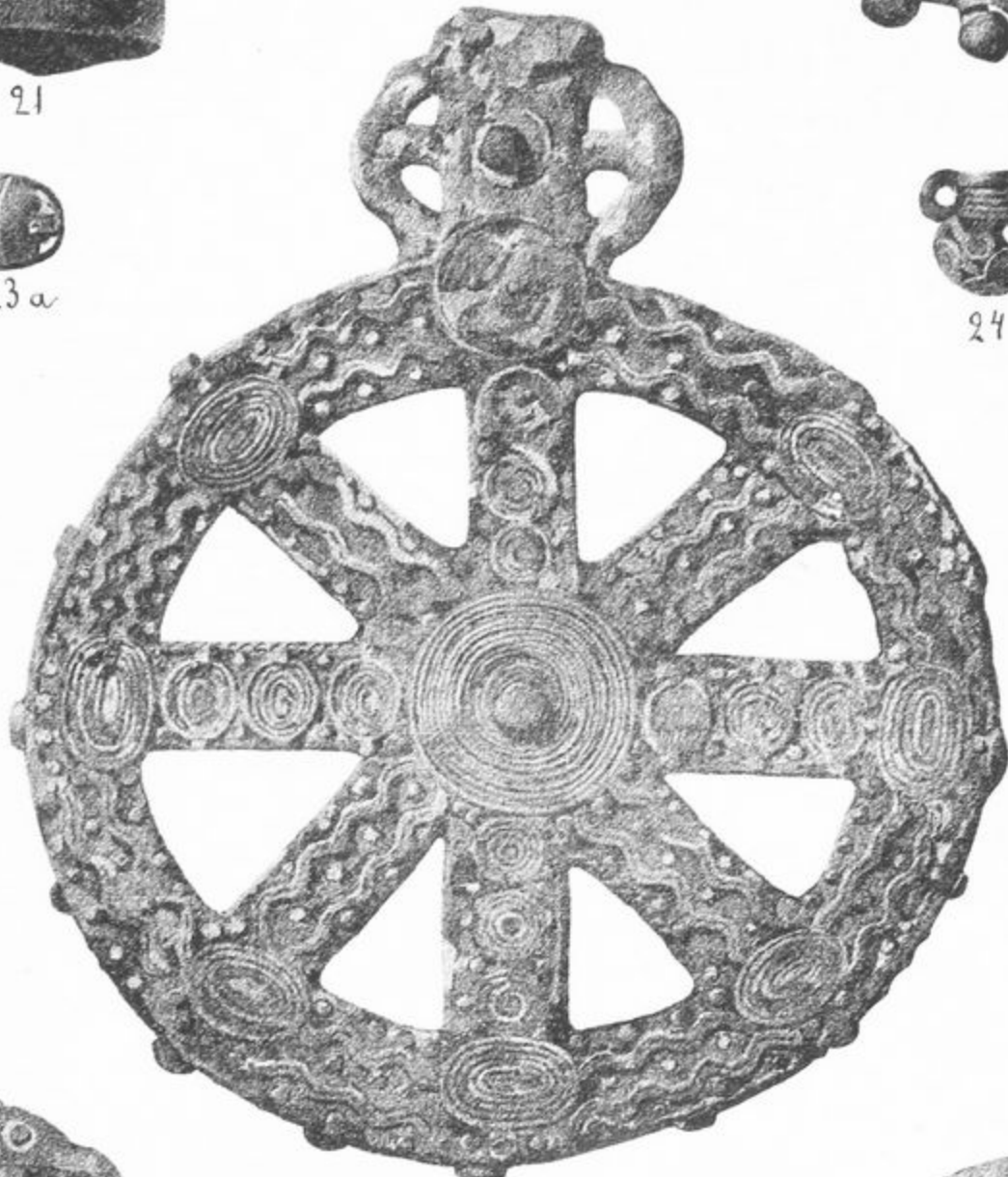
26

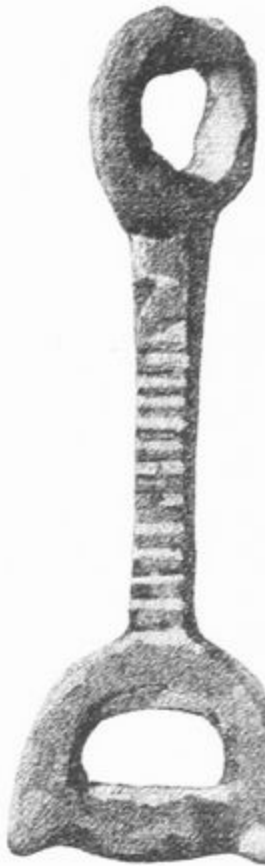
23 b

25

28

29

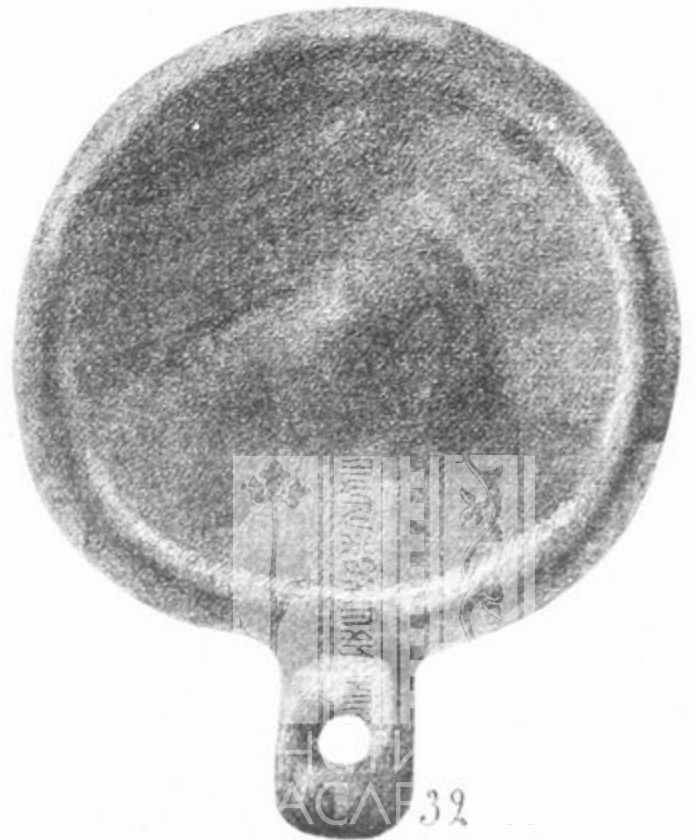
27

30

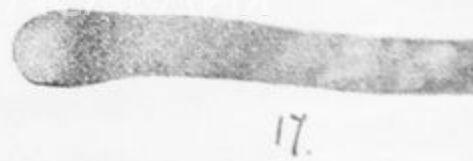
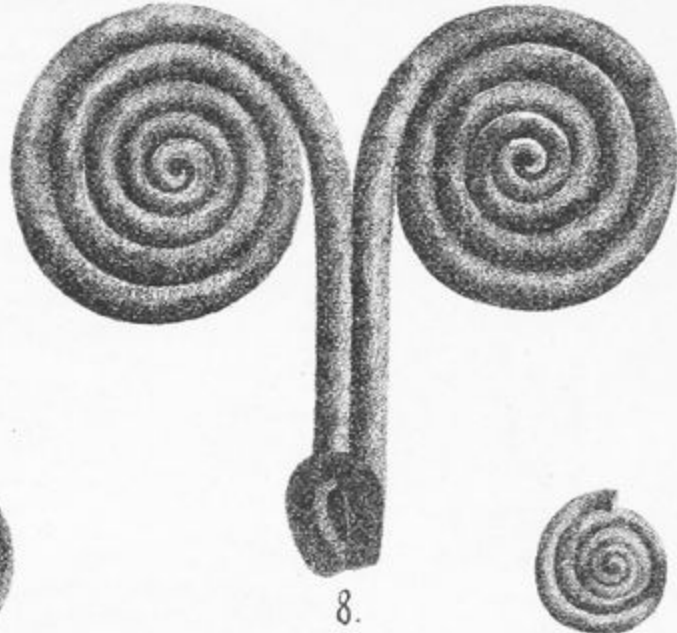
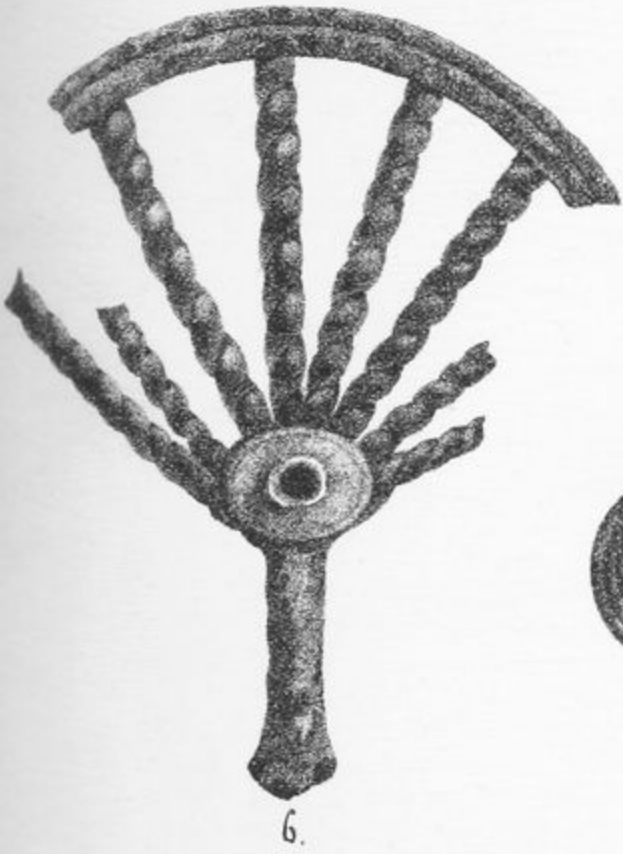
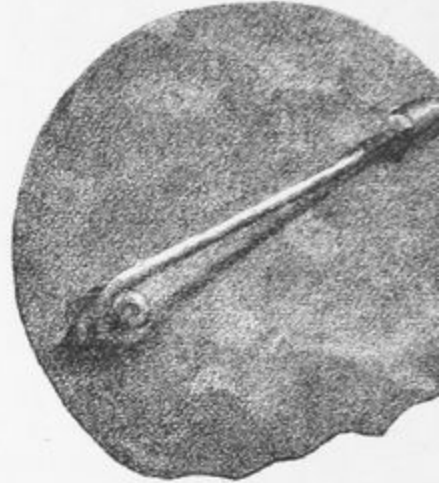
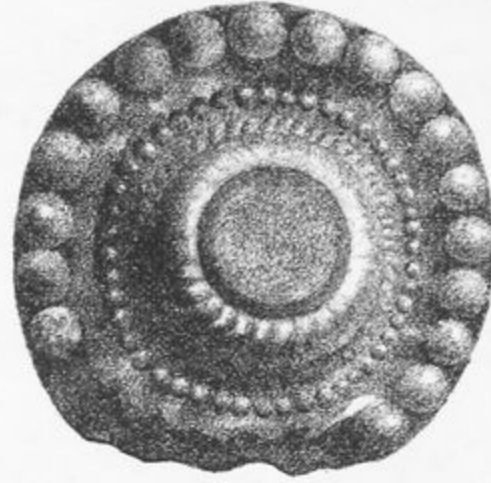
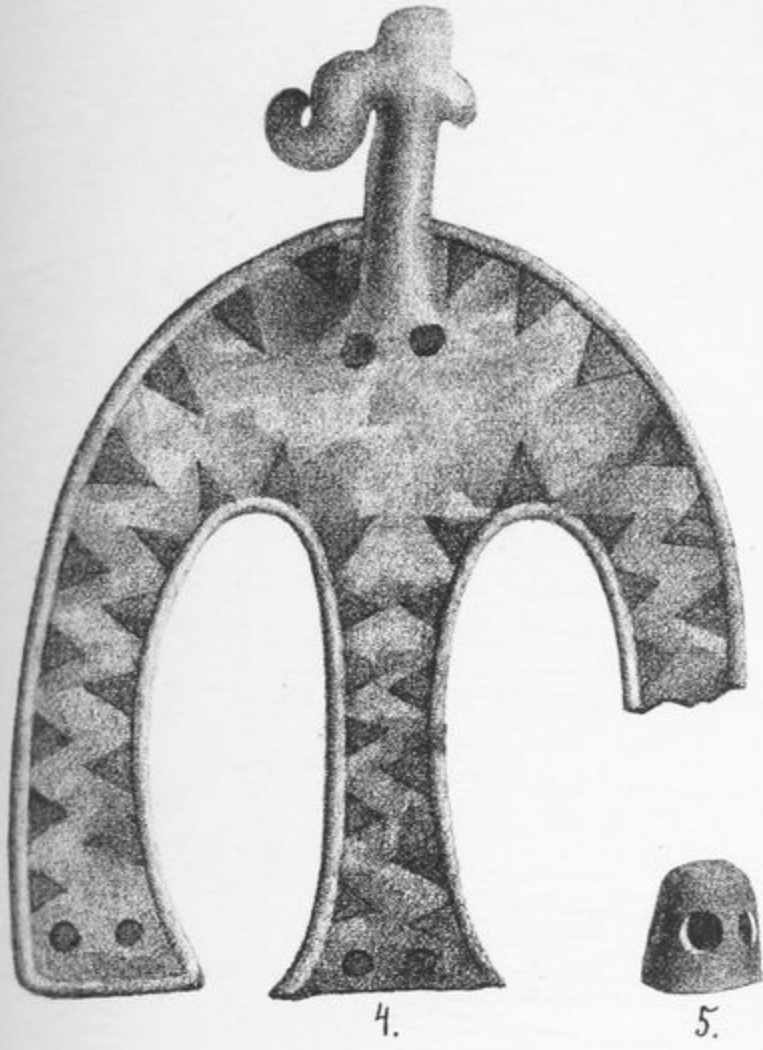
31

32

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

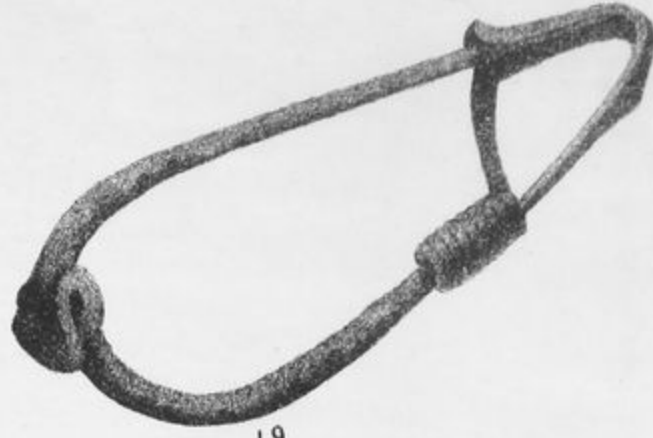

БИБЛИОТЕКА
НИ Иа-ти Криведческой
и Музейной работы

18

19

20

21.

22

23

24

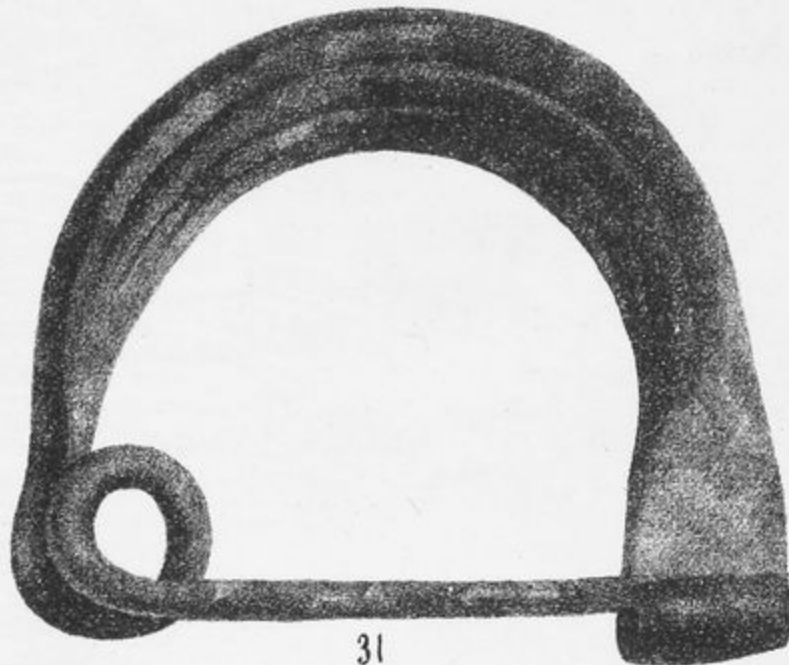
25

26

27

31

32

33

28

29

30

38

39

34

35

36

43

37

44

45

46

40

41

42

48.

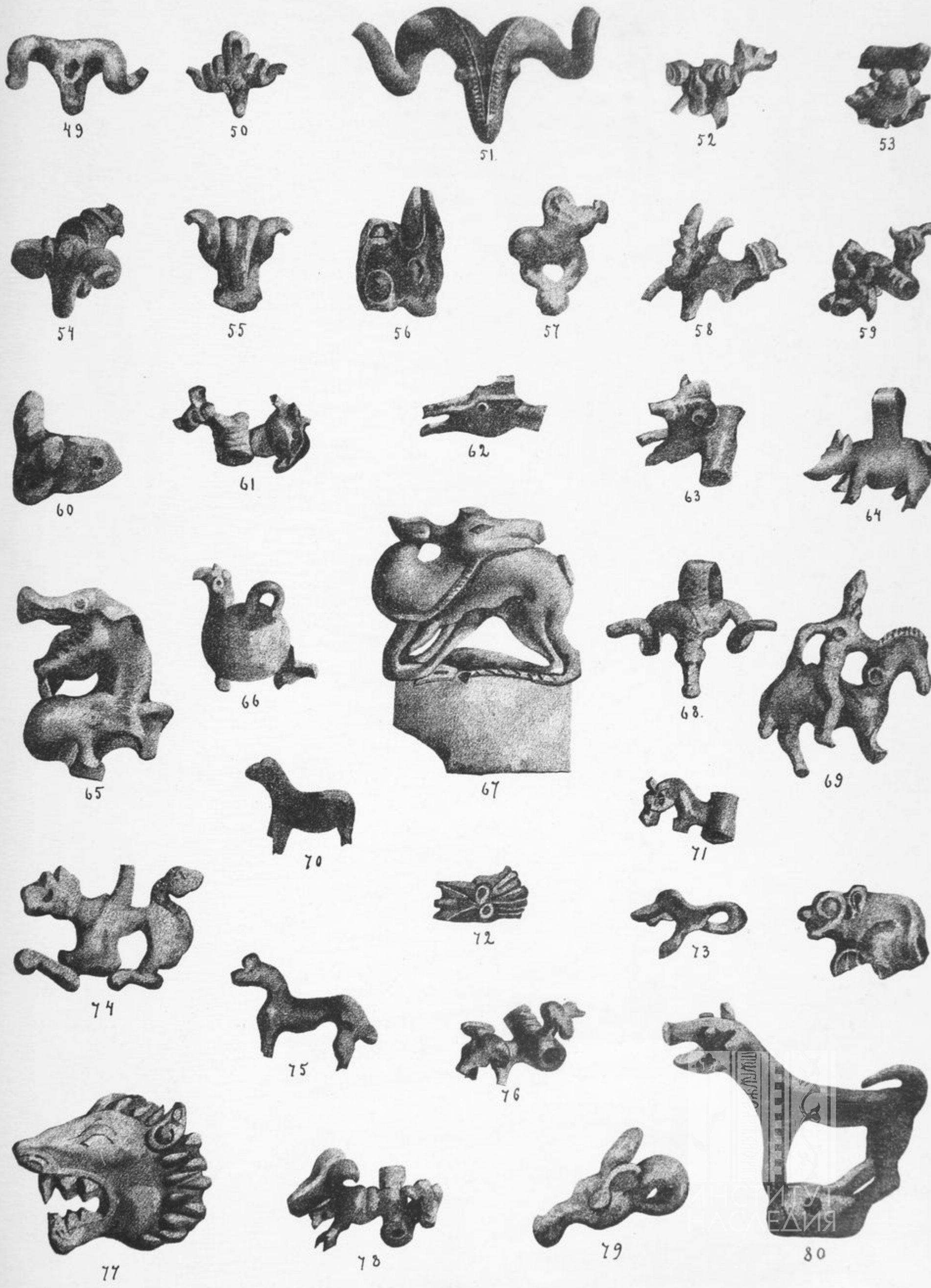

47

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

81

82

83

84

85 b

86

87

88

89

90

91

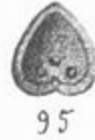
92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113 b

114

115

116

85 a

117

118

113 a

119

120

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
и Музейной работы

наго матеріала, находимыхъ въ чегемскихъ, балкарскихъ, осетинскихъ и даже далѣе на востокѣ въ чеченскихъ могилахъ. Нѣкоторыя изображены на таблицахъ III (чеченскія изъ склеповъ близъ аула Мохде), XI, XII и XIII (осетинскія изъ могилъ въ Ладзѣ, Дзивгисѣ и Санибѣ). Но въ виду того, что фотографія не передаетъ цвѣта и матеріала, скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ.

По матеріалу бусы бываютъ: изъ сердолика, дымчатаго топаза, горнаго хрустала, стекла прозрачнаго (синяго, желтаго, дымчатаго, зеленаго разныхъ оттѣнковъ), золоченаго; изъ стеклянной массы: съ глазками, черточками разныхъ цвѣтовъ, причемъ иногда глазки выступаютъ на поверхности бусъ въ видѣ шишекъ; изъ египетской пасты зеленаго голубаго и синяго цвѣта и друг. Изрѣдка встрѣчаются бусы изъ темнаго янтаря и гешира. По размѣрамъ бусы самыя крупныя достигаютъ $\frac{1}{2}$ вершка, самыя мелкія похожи на крупный бисеръ.

Форма бусъ также довольно разнообразна: кромѣ шаровидныхъ, встрѣчаются цилиндрическія, ромбовидныя, эллипсоидныя, кубическія, четырехугольныя въ видѣ плитокъ, многогранныя, бутылкообразныя, боченкообразныя и др. Бусы изъ золоченаго стекла иногда слиты по нѣскольку въ рядъ и образуютъ трубочки.

Къ этому же виду женскихъ украшеній слѣдуетъ отнести просверленныя раковины *Surgua moneta* (см. таб. XI, 1), попадающіяся въ ладзскихъ и дзивгисскихъ могилахъ, а также цѣлый рядъ мелкихъ, художественно исполненныхъ, предметовъ изъ стекла, египетской пасты и сѣрой пасты для геммъ съ позолотой, носившихся женщинами на ожерельяхъ вмѣстѣ съ бусами.

Отмѣтимъ наиболѣе любопытныя изъ подобныхъ предметовъ Чегемскаго могильника:

а) Стекляная темносеняя головка негра отличной работы (таб. XXVI, 111) со сверлиной.

б) Просверленныя бляшки изъ пасты для геммъ съ позолотой и съ изображеніемъ лица съ высунутымъ языкомъ (таб. XXVI, 109).

в) Привѣска изъ того же матеріала и также золоченая, изображающая женскую головку греческаго типа (таб. XXVI, 99).

г) Изъ того же матеріала привѣска въ видѣ руки, сложенной въ кулакъ (таб. XXVI, 105).

д) Такія же привѣски разныхъ формъ, трудно опредѣлимыхъ см. №№ 90—98 на таб. XXVI.

е) Привѣски въ видѣ миниатюрныхъ лежащихъ львовъ изъ голубой египетской пасты (таб. XXVI, 119). Такой же экземпляръ изъ мо-

гильника Камунты находится въ собраніи древностей гр. Уварова (каталогъ I, № 601).

ж) Просверленные для ношенія египетскіе скарабеи изъ пасты съ іероглифическими знаками на сглаженной сторонѣ (таб. XXVI, 81—89; 113).

з) Миниатюрныя черепахи изъ голубой египетской пасты (таб. XXVI, 84).

Всѣ предметы этой группы, несомнѣнно, привознаго происхожденія. Они получались на сѣверномъ Кавказѣ изъ греческихъ черноморскихъ колоній, преимущественно изъ Боспора (Керчи) и Фанагоріи. Присутствіе ихъ въ огромномъ количествѣ въ Чегемскихъ, Балкарскихъ, Осетинскихъ и даже Чеченскихъ могилахъ свидѣтельствуеетъ о нѣкогда бойкихъ сношеніяхъ, существовавшихъ между сѣверо-кавказскими народами и Черноморьемъ, вѣроятно, путемъ Кубани. Не говоря уже о бусахъ, повторяющихся во множествѣ въ Керченскихъ могилахъ, отмѣтимъ слѣдующія совпаденія въ болѣе типическихъ предметахъ между Кавказомъ и Боспоромъ: такъ, скарабеи съ іероглифами встрѣчаются во множествѣ экземпляровъ въ коллекціи г. Бурачкова изъ боспорскихъ могилъ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ *). Въ томъ же собраніи находится миниатюрный лежащій левъ изъ голубой египетской пасты. Вообще фигура льва или львиной головы одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ въ декоративныхъ предметахъ греческихъ черноморскихъ колоній **). Миниатюрныя черепахи-привѣски (таб. XXVI, 84) видѣли мы въ Керченскомъ музеѣ. Золоченныя бляшки изъ сѣрой пасты съ человѣческимъ лицомъ (таб. XXVI, 109) были находимы въ значительномъ количествѣ близъ Керчи ***). Человѣческія фигурки изъ пасты съ ушками около шеи (таб. XXVI, 101) также несомнѣнно греческаго происхожденія и напоминаютъ бронзовыхъ эротовъ съ ушками въ Керченскомъ музеѣ. Женскія головки греческаго типа (таб. XXVI, 99) изъ пасты попадаются и гораздо далѣе на востокъ, именно въ дигорскихъ могилахъ (ср. такія же головки изъ Камунты въ Москов. Истор. Музеѣ).

Ко второй группѣ чегемскихъ предметовъ могутъ быть отнесены вещи изъ золота:

*) Какъ далеко на востокъ заходили подобные скарабеи, можно видѣть изъ того, что они были находимы (г. Семеновымъ въ 1887 г.) въ могилахъ Ичкеріи (въ средней Чечнѣ).

**) Срав. золотыя привѣски изъ миниатюрныхъ львовъ (Древн. Босфора Киммерійскаго 1854 г. Атласъ, таб. IX, № 3 XII № 3), и золотыя бляхи съ изображеніемъ льва (тамъ же XX, № 2).

***). См. Древн. Босф. Ким. Атласъ, таб. XXI, №№ 12, 14.

а) Бляшки изъ золотого листа овальной формы съ вытисненнымъ изображеніемъ человѣческаго лица (таб. XXVI, 118).

б) Миниатюрная головка волка, вѣроятно окончность браслета (таб. XXVI, 116).

в) Тонкая золотая проволока съ окончностью въ видѣ звѣриной головки (отъ браслета или серьги? (таб. XXVI, 115). Подобный золотой браслетъ изъ *верхнихъ* частей Самтаврскаго могильника изображенъ у г. Шантра (Recherches etc. Т. III. Pl. XXIV, № 7).

г) Золотая подвѣска въ видѣ креста, украшенная пятью гранатами (таб. XXVI, 102). Фрагментъ отъ ожерелья подобнаго же типа находится въ камунтской коллекціи г. Ольшевскаго и изображенъ у г. Шантра (Recherches etc. Т. III. Pl. XIX, № 13).

д) Пуговица изъ чернаго камня, украшенная на поверхности эмалью въ золотой перегородкѣ (cloisonné) (таб. XXVI, 120).

е) Золотыя миниатюрныя пластинки съ вытисненными орнаментами (таб. XXII, 25). Ср. такія же изъ Камунты (Шантръ Т. III. Pl. XIII, №№ 16, 18, 20; а также Древности Геродот. Скиѳи, В. I. Таб. II, №№ 11, 23; таб. XI, №№ 6, 18).

Всѣ перечисленные предметы такого же, т. е. привознаго, происхожденія, какъ предметы первой группы.

Всего труднѣе поддаются классификаціи предметы изъ бронзы, находимые въ значительномъ количествѣ въ чегемскихъ и балкарскихъ могильникахъ. Изслѣдованіе Кобанскаго, Казбекскаго, Горійскаго, Камунтскаго и другихъ могильниковъ Кавказа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что предметы изъ бронзы уже въ глубокой древности изготовлялись на Кавказѣ мѣстнымъ населеніемъ, хотя, можетъ быть, многіе типы такихъ предметовъ были воспроизведеніемъ привозныхъ образцовъ. Съ другой стороны, бронзовые предметы могли заходить на Кавказъ путемъ торговыхъ сношеній и притомъ съ сѣверозапада, изъ греческихъ колоній, съ юга чрезъ Арменію и Грузію, съ сѣверо-востока изъ Средней Азіи. Въ виду замѣчательнаго количества и разнообразія типовъ бронзовыхъ предметовъ, можно только теоретически разбить ихъ на 2 рубрики—предметы мѣстнаго издѣлія и предметы привозные,—но при многихъ отдѣльныхъ вещахъ постоянно встрѣчается затрудненіе, отнести ли ихъ въ ту или другую категорію.

Разсмотримъ сначала такіе предметы, которые могутъ, по тѣмъ или другимъ признакамъ, быть отнесены къ привознымъ. Сюда относятся напримѣръ:

Львиная головка-бляха (таб. XXV, 77). Срав. выше пантикапейскія

вещицы, изображающія львовъ. Серебряная пластинка съ полной фигурой льва, повидимому, греческой работы находится въ коллекціи г. Ольшевскаго изъ Камунты (см. Шантръ, III. Pl. XIX, № 2).

Бляха, изображающая лежащаго на колѣнахъ оленя съ головой, повернутой назадъ (таб. XXV, 67). Мотивъ извѣстный въ греческомъ искусствѣ.

Бляха, представляющая лающую собаку (таб. XXV, 80).

Бляха-фигура чудовищнаго животнаго (таб. XXV, 74).

Фрагментъ, изображающій голову крокодила или дракона (таб. XXV, 62).

Кольцо (часть какого-то предмета) съ утолщеніями или узлами (таб. XXIV, 42). Такія же кольца были находимы въ керченскихъ могилахъ (коллекція г. Бурачкова въ Историч. Музеѣ), а также въ Камунтѣ (Шантръ, T. III. Pl. XVII, № 8 и 9).

Схематическая человѣческая фигурка, бывшая вѣроятно прежде въ серединѣ кольцеобразной привѣски (таб. XIX, 10). Срав. въ коллекціи г. Ольшевскаго изъ Камунты (Шантръ, T. III. Pl. XVII, № 5). Такія же схематическія человѣческія изображенія на бляхахъ изъ могилъ древняго Херсониса, см. на таб. VIII въ Трудахъ подготов. Комитета V-го Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ.

Къ привознымъ могутъ быть также отнесены, на примѣръ, арбалетныя крестообразныя и Т-образныя фибулы (таб. XXII, 22; XXIV, 18, 20), фибулы въ родѣ *la Tête* (XXII, 19), привѣски со вставленнымъ стекломъ (XXIV, 21), зеркала (XXII, 32; XXVI, 106; XXIII, 14) и вѣроятно многіе другіе бронзовые предметы; но, въ виду возможности выдать мѣстное подражаніе иноземному образцу за предметъ привозный, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ главныхъ типовъ бронзовыхъ вещей съ указаніемъ на ихъ присутствіе въ другіхъ кавказскихъ могильникахъ.

Типы предметовъ, тождественные съ чегемскими и балкарскими, находимъ мы часто въ могильникахъ *дигорскихъ* (Камунтскомъ и Камбылтскомъ). Сюда относятся, на примѣръ, кромѣ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ:

а) Бронзовое кольцо, снабженное на окружности семью выступами въ видѣ грубо сдѣланныхъ птичьихъ головъ (таб. XIX, 4). Въ камунтской коллекціи г. Ольшевскаго находится подобное же кольцо съ семью птичьими, но болѣе отчетливо сдѣланными, головками (Шантръ, T. III. Pl. XVII, № 9). Привѣска такого же типа, но съ 3 птичьими головками и съ треугольникомъ внизу (см. на таб. XXIV, 24). Но еще интереснѣе

такая же привѣска съ четырьмя ~~птичьими~~ головками (таб. XXIV, 21), такъ какъ въ серединѣ ея вставлено выпуклое прозрачное стекло, которое, вѣроятно, выпало въ привѣскѣ № 24. Замѣтимъ, что въ Камунтѣ бѣла найдена фибула такого же типа съ вставленнымъ въ середину гранатнымъ стекломъ (Шантръ, Т. III. Pl. XIX, № 8).

б) Широкая плоская фибула арбалетнаго типа (таб. XXIII, 13). Ср. Шантръ, Т. III. Pl. XVI, 7 и 8; XVII, 3.

в) Тонкая фибула, напоминающая типъ la Tête (таб. XXII, 19). Ср. Шантръ, Т. III. Pl. XV, 17 и 15.

г) Фибулы арбалетныя крестообразнаго и Т-образнаго типа (таб. XXII, 22; XXIV, 18, 20); ср. Шантръ, Т. III. Pl. XV, № 19.

д) Привѣска въ видѣ коня (таб. XXI, 8); ср. у Шантра Т. III. Pl. VI, № 17; pl. XIX, № 1.

Многіе типы бронзовыхъ предметовъ повторяются и въ знаменитомъ *кобанскомъ* могильникѣ, напимѣръ:

а) Массивный крючекъ съ спиралевидными вѣтвями въ основаніи (таб. XXIII, 8). Такой же, но большихъ размѣровъ, изъ кобанскаго могильника, см. у Шантра Т. II. Pl. XXVII, № 6.

б) Бронзовая булавка съ утолщеніемъ на головѣ и сверлиной (таб. XXI, 13; XXIV, 47); ср. Шантръ Т. II. Pl. XX, № 10.

в) Фрагментъ отъ привѣски въ видѣ позвонка съ орнаментомъ (таб. XXVI, 117); срав. Шантръ Т. II. Pl. XXVII, 5.

г) Привѣски въ видѣ четырехконечныхъ крестовъ со сверлиной въ серединѣ (таб. XXIV, 37); ср. Шантръ Т. II. Pl. XXIX, №№ 24—28. Такая же привѣска найдена на Малкѣ и изображена въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общества, II, стр. 180.

д) Дугообразная фибула съ утолщенной въ серединѣ дугой самаго распространеннаго кобанскаго типа (таб. XXIV, 31); ср. у Шантра. Т. II. Pl. XXII, №№ 1, 3, 6. О распространенности такихъ фибулъ на сѣверномъ Кавказѣ можно заключить изъ того, что такія же были найдены въ Чечнѣ при крѣпости Воздвиженской на р. Аргунѣ (см. Труды Вост. Отд. II. Арх. О—ва, II, стр. 181) и г. Семеновымъ въ Ичкеріи на лѣвомъ берегу р. Гумса, близъ аула Курень-Беной и около аула Гордали, въ Аксаевскомъ ущельѣ, въ обоихъ случаяхъ въ каменныхъ ящикахъ. Найденныя въ Чечнѣ фибулы почти безъ утолщенія въ средней части дуги и всего ближе къ изображеннымъ у Шантра Т. II, на таб. XXI, № 8.

е) Подвѣска, изображающая свинью съ ушкомъ на спицѣ (таб. XXV, 64), ср. у Шантра Т. II. Pl. XXIV, 12.

ж) Подвѣски въ видѣ бараньихъ и турьихъ головокъ (таб. XXV, №№ 49—51); ср. у Шантра Т. II. Рl. XXIII, №№ 1—11. Такія же привѣски были найдены на Малкѣ, см. Труды Вост. Отд. И. Русс. Арх. О—ва, II, 179. Такого же типа наверхья съ одной или двумя бараньими и турьими головами (таб. XXV, 49, 63) были найдены г. Филимоновымъ у станціи Казбекъ; см. у Шантра Т. II. Рl. LVII, №№ 5, 7.

з) Привѣска въ видѣ альчика (астрагала) со сверлиной по срединѣ (см. таб. XXII, 16) изображена у Шантра Т. II. Рl. XXIX, № 29.

и) Привѣска въ видѣ головы волка или собаки (таб. XXII, 27); см. у Шантра Т. II. Рl. XXV, №№ 9, 10, 13.

і) Привѣска въ видѣ руки (таб. XXI, 7); см. Шантръ Т. II. Рl. XI bis № 11, рl. XXVII, № 10.

к) Привѣска въ видѣ птичьихъ головокъ съ шишечками надъ клювомъ (таб. XXI, 3); ср. у Шантра Т. II. Рl. XXIV, №№ 5, 6. Подобная же привѣска, найденная на Малкѣ, изображена въ Трудахъ Вост. Отд. Р. Арх. О—ва, II, стр. 179.

л) Шило (таб. XXI, 15); ср. у Шантра Т. II. Рl. XIX, № 6.

м) Браслеты изъ бронзовой проволоки безъ спайки (таб. XIX, 14); см. Шантръ Т. II. Рl. XV, №№ 4, 7, 3.

н) Круглая бляха отъ пояса съ ушкомъ на задней поверхности и выпуклымъ орнаментомъ на передней (таб. XXII, 30); не тождественная, но похожая пряжка изображена у Шантра Т. II. Рl. XI, № 5.

о) Фрагментъ отъ пряжки съ эмалью *champlevé* (таб. XXI, 6); такія же пряжки отъ бронзовыхъ поясовъ находимы были во множествѣ въ кобанскомъ могильникѣ; см. напимѣрь у Шантра Т. II. Рl. IX, № 2, XI № 2.

п) Бронзовые колокольчики съ расщепомъ, украшенные продольными полосками (таб. XXI, 12); ср. у Шантра Т. II. Рl. XXI, № 7.

р) Фрагментъ бронзоваго топора (хранится въ коллекціи Измаила Урусбиева изъ Чегема),

с) 2 бронзовые кинжала (тамъ же).

т) Бронзовые наконечники стрѣлъ, трехгранный и листовидные (таб. XIX, 11, 16; XXII, 20); для послѣднихъ сравни атласъ Вирхова, таб. I, № 21.

Перечисленныхъ предметовъ кобанскаго типа, встрѣчающихся въ чегемскихъ и балкарскихъ могилахъ, достаточно, чтобы показать, какъ долго могли быть въ употребленіи въ разныхъ захолустьяхъ Кавказа предметы, относимые нѣкоторыми изслѣдователями кобанской куль-

туры къ весьма древней эпохѣ, восходящей за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Считаемо для дальнѣйшаго излишнимъ указать и на то, что предметы такого же типа были найдены въ 1887 году г. Семеновымъ значительно далѣе на востокъ, въ средней Чечнѣ, въ Ичкеріи. Изъ доставленныхъ г. Семеновымъ рисунковъ видно, что, кромѣ уже упомянутыхъ выше, въ его коллекціи имѣются слѣдующіе предметы, тождественные съ кобанскими:

1. Гривна изъ спирально закрученной толстой бронзовой проволоки; см. Шантръ Т. II. РІ. XIV, № 1.; найдена г. Семеновымъ въ каменномъ ящикѣ въ Бассовскомъ ущельѣ, близъ аула Хатуни; подобная же была найдена близъ Воздвиженска на Аргуни; см. Труды Вост. Отд. Археол. О—ва, II, 182.

2. Бронзовый топорикъ съ овальной сверлиной и желобками по бокамъ молоточной части; найденъ въ каменномъ ящикѣ въ Аксаевскомъ ущельѣ близъ аула Гордали. СРАВ. Шантръ Т. II. РІ. I, № 2.

3. Бронзовая большая булава съ веслообразнымъ верхомъ, украшеннымъ орнаментомъ; найдена на лѣвомъ берегу р. Гумса, близъ аула Курень-Беной. СРАВ. Шантръ Т. II. РІ. XIX, № 1.

4. Бронзовые подвѣски изъ закрученной спиралью проволоки въ видѣ трубочекъ въ вершокъ и длиннѣе (СР. Шантръ Т. II. РІ. XXIX, 5); найдены въ Басскомъ ущельѣ близъ аула Хатуни.

5. Браслеты изъ бронзовой проволоки съ расплюснутыми не спаянными концами. СР. Шантръ Т. II. РІ. XV, №№ 8, 9, 3; найдены тамъ же.

Отмѣтимъ, что кромѣ бронзовыхъ предметовъ кобанскаго типа, въ могилахъ Ичкеріи встрѣчаются и сосуды, напоминающіе кобанскіе. Г. Семеновъ нашелъ въ каменныхъ ящикахъ въ бассовскомъ ущельѣ горшечки изъ сѣрой глины съ плоскими крышками, напоминающіе кобанскіе, изображенные у Шантра II. РІ. XXXVI, №№ 1, 2, 4 и 5 *).

Отъ чегемскихъ и балкарскихъ бронзовыхъ предметовъ, сходныхъ

*) Считаемо излишнимъ обратить вниманіе специалистовъ по культурѣ кобанскаго могильника на коллекцію бронзовыхъ вещей изъ катакомбъ близъ аула Нижняго Чми, въ 4-хъ верстахъ отъ станціи Балты, добытыхъ въ 1887 году г. Тимофеевымъ и доставленныхъ Москов. Археол. Обществу. Въ этой коллекціи мы находимъ цѣлый рядъ предметовъ чисто кобанскаго типа. Таковы, на примѣръ; бронзовые наконечники копій и клинки кинжаловъ; пряжки отъ поясовъ (Шантръ II, таб. XI, 4 XII, 1); гривны (Шантръ II, таб. XIV, 1); привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ (Шантръ II, таб. XXIII); трубочки изъ спиральной проволоки (Шантръ II, таб. XXIX, 1); крючки съ двойной спиралью (Шантръ II, таб. XXVII, 6); широкіе незамкнутые браслеты, суживающіеся при концахъ; круглыя выпуклыя бляшки съ двумя дырочками, находимыя близъ головы въ кобанскихъ могилахъ (Шантръ II, таб. XXX 26, 27, 28); бронзовыя стрѣлы, зеркала и друг.

съ дигорскими (камунтскими) и кобанскими (см. выше стр. 100—2) переходимъ къ перечисленію нѣкоторыхъ другихъ, болѣе типичныхъ, хотя, на сколько мы знаемъ, не встрѣтившихся (можетъ быть случайно *) въ обоихъ названныхъ могильникахъ. Таковы:

а) Булавки со сверлиной и двумя утолщеніями на головкѣ; верхняя часть украшена какъ бы шляпками отъ гвоздей (таб. XXIV, 43).

б) Круглыя брошки въ видѣ бляхъ съ выпуклымъ орнаментомъ на верхней сторонѣ (таб. XXIII, 3).

в) Миниатюрная ложечка (таб. XXVI, 103).

г) Массивная подковообразная пряжка отъ пояса, украшенная эмалью *champlevé* (таб. XXIII, 4); типъ орнамента напоминаетъ кобанскій.

д) Фрагментъ отъ массивной булавки; верхняя часть въ видѣ вѣера или лучей, расходящихся къ окружности (таб. XXIII, 6).

е) Подвѣска въ видѣ колеса, снабженнаго наверху ушкомъ; въ серединѣ другое колечко, скрѣпленное съ бѣльшимъ посредствомъ четырехъ лучей (таб. XIX, 12). Подобное же украшеніе, но болѣе простое (таб. XXIV, 38).

ж) Бляхи въ видѣ всадниковъ на коняхъ съ двумя отверстиями для прикрѣпленія (таб. XIX, 6; XXV, 69). Такая же бляха, найденная въ курганѣ близъ Хасаута, хранится въ Истор. Музеѣ.

з) Миниатюрная дугообразная фибула (таб. XXI, 5); на дужкѣ съ одной стороны передъ спиральнымъ завиткомъ иголки головка какого-то животнаго и такая же у пріемника для иглы.

и) Наконечникъ отъ ноженъ съ остатками желѣзнаго клинка кинжала (таб. XXI, 14).

і) Мундштучныя наружныя части отъ удиль (таб. XIX, 3). См. объ ихъ употребленіи ниже.

к) Внутренняя часть удиль (таб. XXII, 29).

л) Браслетъ изъ пластины (таб. XIX, 17), скрѣпленный посредствомъ штифта, продѣтаго въ два ушка.

м) Браслетъ изъ бронзовой проволоки, украшенный четырьмя утолщеніями (таб. XIX, 19).

Чтобъ покончить описаніе наиболѣе интересныхъ чегемскихъ и балкарскихъ предметовъ, намъ остается упомянуть еще слѣдующіе:

а) Большіе куски красноватаго янтаря иногда неправильной формы,

*) Говоримъ такъ въ виду того, что, напримѣръ, типическій кобанскій браслетъ—открытый со спиралями по концамъ и желобками на дужкѣ—(см. напр., у Шантра II. Pl. XVI, №№ 1—6) былъ найденъ въ могилѣ близъ Хасаута М. М. Ковалевскимъ въ 1886 году.

со сверлиной (таб. XXI, 9) и такіе же правильныя привѣски въ видѣ массивныхъ пряслиць (таб. XXI, 10) *).

б) Зеркала разной величины изъ металлической композиціи, съ значительнымъ количествомъ серебра (таб. XXVI, 106). Подобныя же зеркала изъ Камунты см. у Шантра Т. III. Pl. VIII, №№ 3, 4, 5; IX №№ 2, 5. Кромѣ зеркаль съ ушкомъ на верхней поверхности, встрѣчаются зеркала съ ручкой, снабженной сверлиной (таб. XXII, 32; XXIII, 14). Послѣднія тождественны по типу съ кобанскими, изображенными у Шантра Т. II. Pl. XXI, №№ 10 и 11, и керченскими изъ коллекціи Бурачкова въ Истор. Музеѣ.

в) Массивныя колеса изъ такого же сплава съ лучами, украшенными богатымъ орнаментомъ (таб. XXII, 28); назначеніе неизвѣстно.

г) Булава или перначъ изъ бѣлаго змѣевика съ четырьмя шишками, отлично обточенная (таб. XX, Б, 4). Такая же булава изъ камунтскаго могильника находится въ коллекціи гр. Уварова, см. Каталогъ собранія древностей, № 657.

д) Мундштучная часть отъ желѣзныхъ удиль (таб. XXII, 17).

е) Желѣзные наконечники отъ копій и фрагменты такихъ же кинжаловъ.

ж) Желѣзная кирка (таб. XXI, 11).

Переходимъ къ описанію предметовъ изъ могильниковъ Дзивгисскаго (см. выше стр. 53) и Ладзскаго (стр. 54), при чемъ перечислимъ сначала тѣ предметы, которые были доставлены раскопками гг. Антоновича и Беренштамма **), осенью 1879 года. Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ аула *Дзивгиса* (Зевгиса), въ урочищѣ Дала-Карте, г. Антоновичемъ было вскрыто 2 каменныхъ ящика, содержавшихъ по одному скелету. Въ первой могилѣ была погребена женщина, которой одежда состояла изъ слѣдующихъ частей: на голову былъ надѣтъ длинный остроконечный колпакъ изъ матеріи, обшитый надъ челомъ и затылкомъ толстой опушкой, изъ подъ которой на лицо свѣшивалось тонкое покрывало. На наушникахъ колпака были нашиты бронзовыя кольца и въ каждое кольцо вдѣта и укреплена ремешкомъ большая серебряная серьга, украшенная тремя шипами, съ висящими на нихъ 7-ю привѣсками изъ серебряныхъ цѣпочекъ.

*) Куски *красноватаго* янтаря были находимы г. Бурачковымъ на низовьяхъ Днѣпра, слѣдовательно въ мѣстахъ, находившихся подъ вліяніемъ греческихъ поселеній.

**) См. Дневники раскопокъ, изданныя въ Трудахъ подготовительнаго комитета V-го Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 245—251.

На скелетѣ было три платья. Воротъ верхняго былъ обшитъ ремешкомъ съ насаженными на немъ мѣталлическими пуговицами. На поясѣ изъ бѣлаго полотна по срединѣ бронзовая пуговица. У пояса деревянная круглая чашечка и цилиндрической костью игольникъ, запертый съ одной стороны граненымъ сердоликомъ, съ другой — цилиндрической бусою. Въ игольникѣ нѣсколько желѣзныхъ иголокъ. Въ другой могилѣ — мужской — оказались только: желѣзный ножикъ, огниво иремень въ мѣшечкѣ и желѣзный крючекъ, обдѣланный въ деревянной колодкѣ.

Въ *Ладзѣ* (Лацѣ), въ урочищѣ Лаконъ-донъ, были разрыты тѣми же изслѣдователями 7 могилъ, изъ коихъ въ двухъ не оказалось ничего. Изъ 5 остальныхъ 3 представляли сложенные изъ камней ящики, 2 — склепы. Изъ вещей въ ящикахъ были найдены: бусы, маленькія четырехугольныя бронзовыя бляшки, бронзовыя пуговицы, желѣзныя четырехугольныя пряжки, желѣзные ножи и крючки, патиновыя зеркала, кабаньи клыки, бронзовыя браслеты, серебряныя проволочныя кольца, глиняныя грубой работы сосуды и куски стекла. Въ склепахъ, содержащихъ иногда множество костьковъ, встрѣчались въ значительномъ количествѣ желѣзные ножи (20 экземпляровъ изъ могилы № 2), далѣе бронзовыя дутыя браслеты, спирально свитыя кольца изъ бронзовой проволоки, бронзовыя бляхи, браслеты изъ бронзовой проволоки, бронзовыя пряжки, пуговицы, желѣзныя кольца, и пряжки, такіе же топорики, долота, сверла, крючки и стрѣлы; бронзовыя бубенчики, пряжки и перстни съ печатями, наконецъ небольшіе глиняныя кувшинчики и фрагменты отъ деревянной посуды.

Съ этимъ инвентаремъ раскопокъ гг. Антоновича и Беренштамма во многомъ совпадаетъ коллекція добытыхъ нами предметовъ, представленныхъ на таблицахъ XI (изъ Дзивгиса) и XII (изъ Ладза). Здѣсь мы находимъ изъ *желѣзныхъ* предметовъ:

а) Топорики (таб. XI, 9), б) ножи (таб. XII, 14), в) наконечники стрѣлъ (таб. XI, 11).

Изъ бронзовыхъ обращаютъ на себя вниманіе:

а) Привѣска круглая со сквознымъ изображеніемъ геральдической птицы (таб. XI, 7).

б) Пряжки отъ пояса съ выпуклымъ изображеніемъ какихъ то четвероногихъ (львовъ) и другими орнаментами (таб. XI, 12).

в) Фрагментъ отъ арбалетной или Т-образной фибулы (таб. XII, 4).

г) Бронзовыя серьги съ подвѣсками (таб. XI, 5, XII, 16).

д) Дутыя бронзовыя браслеты (таб. XII, 18).

е) Бляхи съ выпуклымъ изображеніемъ человѣческаго лица, повидимому, монгольскаго типа (таб. XI, 10; XII, 9). Бляхи сходныя съ этими, но съ ушкомъ на верху, найденныя въ Батенѣ, деревнѣ на лѣвомъ берегу Енисея, хранятся въ Минусинскомъ музеѣ (См. рисунокъ на стр. 119 въ „Древностяхъ Минусинскаго Музея“ (Томскъ, 1886 г.).

ж) Бронзовые предметы, состоящіе изъ треугольника, съ тремя колечками по угламъ (таб. XI, 6; XII, 5). Благодаря статьѣ г. Дезормо (Des Ormeaux) о бронзовыхъ удилахъ Мёрингена (принадлежащихъ къ культурѣ свайныхъ построекъ озера Біеннѣ (Biemme), нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ предметъ составлялъ часть конской узды, а именно, чрезъ одно кольцо пары такихъ предметовъ проходили удила, а къ двумъ другимъ кольцамъ былъ прикрѣпленъ продольный ремень узды. Совершенно такія же бронзовыя парныя боковыя части мундштука древне-италійскаго хранятся въ С. Жерменскомъ музеѣ. Способъ прикрѣпленія описываемой части узды представленъ г. Дезормо на рисунокѣ *).

Изъ *серебряныхъ* вещей отмѣтимъ серьгу (таб. XI, 8).

Между зеркалами любопытно по деталямъ изображенное на таб. XI, № 2. На его внѣшней поверхности видны 2 креста и 2 каббалистическія фігуры (такъ наз. Соломонова печать). Тонкая бронзовая пластинка (№ 4), нѣкогда нашитая на кожаной чехолъ зеркала, представляетъ вытисненное изображеніе двухъ сходящихся головами грифоновъ.

Наконецъ бусы (таб. XI, 1; XII, 1) представляютъ почти всѣ перечисленные выше (стр. 97) типы.

Переходя къ предметамъ, добытымъ изъ могилъ близъ Санибы (см. выше стр. 55—57), отмѣтимъ, какъ болѣе типичныя:

а) Бронзовыя дутыя привѣски миндалевидной формы (таб. XIII, 8).

б) Бронзовыя тонкія цѣпочки съ остатками какого желѣзнаго предмета (№ 3).

в) Бронзовыя пряжки отъ пояса, изображающія какихъ-то четвероногихъ животныхъ (№ 10).

г) Браслетъ изъ синяго прозрачнаго стекла (№ 6). Такой же браслетъ со спайкой изъ аула Донифарсъ (Осетія) находится въ Собраніи древностей гр. Уварова (Каталогъ I, № 659).

д) Сердоликъ со сверлиной, покрытый орнаментомъ на дужкѣ и съ рѣзнымъ изображеніемъ какого-то зооморфическаго существа, напомина-

*) См. Revue Archéologique 1888 Janvier-février, p. 58 въ статьѣ: Observation sur le mode d'emploi du mors de bronze de Moeringen.

ющаго тотъ типъ греческой сирены (древнѣйшій, по мнѣнію г. Стефани), въ которомъ образъ птицы преобладаетъ надъ человѣческимъ, т. е. сирена представляется птицей съ человѣческой головой *). Въ виду того,

Рис. 80. Сердоликъ-
intaglio изъ могилы
близъ аула Саниба.

что на таблицѣ XIII, 13 представленъ снимокъ этого любопытнаго сердолика-печати сбоку, помѣщаемъ здѣсь (на рис. 80) нѣсколько увеличенную копію рисунка сирены.

Изъ остальныхъ предметовъ того же могильника могутъ быть упомянуты серебряныя зеркала (№№ 1 и 2) и бусы, впрочемъ, не представляющія ничего характернаго.

Общее впечатлѣніе, которое производитъ этотъ инвентарь то, что, повидимому, могилы Санибы отличаются бѣльшей древностью, чѣмъ ладскія и дзивгисскія. Изъ предметовъ, изображенныхъ на таб. XIII, нѣтъ ни одного, который могъ бы считаться *мѣстнымъ* издѣліемъ. Можно думать, что стеклянный браслетъ греческаго происхожденія, а сердоликъ intaglio либо такого же происхожденія, либо скорѣе малоазіатскаго: дѣйствительно, характеръ рисунка, на нашъ взглядъ, напоминаетъ тѣхъ чудовищныхъ животныхъ—полулюдей-полувѣрей,—которыя такъ часто встрѣчаются на вавилонскихъ и ассирійскихъ цилиндрахъ. Какъ бы то ни было, обѣ вещи, а также вычурная бронзовая пряжка (№ 10) и оба серебряныя зеркала предметы весьма древніе, и если мы даже предположимъ, что они были въ употребленіи долгое время, прежде чѣмъ попали въ могилы, все же послѣднія восходятъ, повидимому, къ первымъ вѣкамъ нашей эры и на нѣсколько столѣтій старше могилъ Ладскихъ и Дзивгисскихъ.

Разсмотрѣвъ въ предыдущихъ отдѣлахъ инвентари предметовъ изъ могильниковъ Осетинскихъ, Чегемскихъ и Балкарскихъ, намъ слѣдуетъ поставить вопросъ, какія указанія даютъ эти предметы относительно того періода времени, въ теченіе котораго мѣстное населеніе хоронило своихъ покойниковъ въ названныхъ могильникахъ. Нѣкоторые факты *относительной* хронологіи уже установлены чисто археологическимъ путемъ, т. е. сравненіемъ могильныхъ предметовъ и другихъ признаковъ, по отношенію къ сѣверо-кавказскимъ доселѣ изслѣдованнымъ могильникамъ. Такъ, напримѣръ, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что къ наиболѣе древнимъ могильникамъ Кавказа принадлежатъ: Кобанскій, Казбекскій, нижніе слои Самтаврскаго, могильникъ близъ

*) См. статью г. Стефани—въ Отчетъ Археолог. Комиссіи за 1866 г., стр. 10—60.

Рѣдкіна лагеря, относимые къ началу желѣзнаго вѣка, а Кобанскій приблизительно къ X-му вѣку до Р. Х. (гг. Филимоновъ, Вирховъ, Шантръ). Къ болѣе позднему періоду относятъ могильники Дигоріи (Камунтскій, Галиатскій, Камбылтскій, Лизгорскій), верхніе слои Кобанскаго и Самтаврскаго, а также Ладзскій и Дзивгисскій и нѣкоторые другіе. Съ такой *относительной* хронологіей, установленной сравненіемъ типовъ предметовъ, нельзя не согласиться; но едва изслѣдователь переходитъ отъ нея къ установленію опредѣленныхъ *датъ*, выводя ихъ изъ указанія на существованіе тождественныхъ или аналогичныхъ предметовъ въ западно-европейскихъ могильникахъ, напримѣръ, отнесетъ Кобанскій могильникъ къ X или VII в. до Р. Х., какъ теряетъ подъ собою твердую почву, въ виду того неотразимаго соображенія, что аналогія въ культурѣ между двумя народностями еще не можетъ служить указаніемъ на ихъ сосуществованіе въ одномъ вѣкѣ или даже въ одномъ болѣе продолжительномъ періодѣ времени. Очевидно, что не принимая въ расчетъ исторіи, этнографіи и мѣстныхъ условій при изслѣдованіи той или другой культуры по могиламъ, а дѣлая хронологическіе выводы только изъ сравненія типовъ и матеріала предметовъ, изслѣдователь рискуетъ ошибиться не только на одно, но и на цѣлый рядъ столѣтій.

Особенная трудность для установленія хронологическихъ *датъ* представляется на Кавказѣ, гдѣ нѣтъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя мы имѣемъ для западной Европы. Исторія Кавказа намъ почти неизвѣстна; этнографическій составъ населенія только въ послѣднее время начинаетъ нѣсколько разъясняться, а отъ многочисленныхъ древнихъ народностей до насъ дошелъ лишь рядъ ничего не говорящихъ именъ. Можно ли, не принимая въ расчетъ мѣстныхъ условій, имѣя предъ собою предметы изъ быта *неизвѣстнаго* народа, принадлежавшаго къ *неизвѣстному* племени, отнести раскопанную могилу къ такому-то времени, если въ ней оказалась какая нибудь фибула, бывшая на западѣ въ употребленіи въ теченіе извѣстнаго періода? Очевидно, что такое заключеніе имѣло бы нѣкоторый вѣсъ только при слѣдующихъ условіяхъ: если мы знаемъ вѣрно, какимъ образомъ эта фибула появилась у опредѣляемаго народа, получилъ ли онъ ее готовою путемъ торговли, или сдѣлалъ ее самъ, подражая привозному образцу; какой дорогой шла эта фибула, если она привозная, и какое, приблизительно, могло пройти время между ея изготовленіемъ, прибытіемъ на мѣсто, ношеніемъ и наконецъ положеніемъ въ могилу вмѣстѣ съ другими вещами. Конечно, относительно кавказскихъ могилъ мы не можемъ дать

отвѣта на подобные вопросы. Но странно то, что нѣкоторыми изслѣдователями они даже игнорируются, а между тѣмъ послѣдній вопросъ имѣеть существенное значеніе для хронологическихъ заключеній, какъ мы убѣждаемся на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ хронологическихъ указаній относительно культуры Камунтскаго могильника служатъ г. Шантру фибула арбалетная, такъ называемая римская (провинціальная) и фибулы съ эмалью *champlevé*. „Арбалетная фибула, говоритъ отъ *), характеризующая *первый* вѣкъ желѣза въ Скандинавіи, римскую эпоху въ центральной Европѣ и встрѣчающаяся вплоть до эпохи меровингской въ нѣкоторыхъ странахъ, именно во Франціи, встрѣчается на востокѣ Европы, какъ на Кавказѣ, совмѣстно съ предметами полу-скиѣскими, полу-греческими, и *потому* ея древность въ понто-каспійскихъ областяхъ болѣе глубока, чѣмъ всюду въ другихъ мѣстахъ“ ... Фибулы съ эмалью такъ же, какъ и арбалетныя, сближаются съ такими же открытыми во всей Европѣ, на пространствѣ отъ Чернаго моря до Сѣвернаго моря и до Пиренеевъ. По мнѣнію г. де-Линаса (*de-Linas*), извѣстнаго знатока исторіи подобныхъ издѣлій, присутствіе эмальированныхъ фибулъ въ кавказскихъ областяхъ фактъ совершенно новый и представляющій высокій интересъ, въ виду того, что доселѣ не было извѣстно восточныхъ эмалей *au champlevé*“ ... По мнѣнію г. де-Линаса, усвояемому г. Шантромъ, это искусство было распространено кочевыми цыганами, которые нѣкогда внесли металлургію на западъ. Отправившись, вѣроятно, изъ Индіи, они достигли Кавказа, а оттуда прошли къ Дунаю, далѣе къ Рейну, затѣмъ къ берегамъ Сѣвернаго моря. Этотъ родъ эмальировки могъ процвѣтать въ теченіе періода отъ I-го до IV-го вѣка. Мало по малу затѣмъ, къ V-му вѣку, возникло изготовленіе эмали *cloisonné*, также вышедшее изъ Индіи. Въ виду этого мнѣнія спеціалиста по золотымъ издѣліямъ, г. Шантръ заключаетъ: „эмальированныя фибулы, открытыя въ разныхъ мѣстахъ Европы должны быть менѣе древни, чѣмъ открытыя на Кавказѣ, такъ какъ *прежде, чѣмъ распространиться по западу, онѣ должны были пройти эту область*“ (Кавказъ) **).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, восточнаго ли или западнаго изобрѣтенія арбалетная фибула, и фантастическую гипотезу де Линаса о какихъ-то цыганахъ, вышедшихъ изъ Индіи въ 1-е вѣка нашей эры (?) и распространившихъ эмаль *champlevé*, спросимъ себя, достаточно ли основанія считать появленіе обѣихъ фибулъ на Кавказѣ предшество-

*) *Recherches Anthropologiques etc.* III, p. 124.

**) Тамъ же, p. 102.

23. Самый большой дольмень при впадении р. Догубъ въ р. Пшаду въ 3 вер. выше ст. Берговой.

24. Дольмень въ той-же мѣстности.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ЛНД и Краеведческой
и Музейной работы

25. Древнія каменныя гробницы на вершинѣ горнаго хребта, образующія собой лѣвую сторону ущелья р. Кефаръ, Баталпашинскаго у.

26. Каменныя гробницы тамъ-же.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

В. М. Сыроева.

Археологическая экскурсія по Закубанью въ 1892 году.

I. Археологическій дневникъ поѣздки.

I. Бассейнъ р. Абина.

Пос. Нижнебаканскій; ст. Крымская, городища близъ Крымской; ст. Шапсугская; дольмены: въ Шапсугской, по дорогѣ въ Кабардинку, по Крейдяной дорогѣ (Лысыя горы), на Свинцовой горѣ; плиты съ крестами; остатки построекъ на вершинахъ горъ: Липовой и Свинцовой; остатки укрѣленія св. Николая; курганы; дольмены по дорогѣ изъ ст. Шапсугской въ ст. Эриванскую; дольмены по дорогѣ изъ Эриванской въ бывшую ст. Старомингрельскую.

Лѣтомъ 1892 г. по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, я отправился въ западный Кавказъ для изслѣдованія дольменовъ, находящихся въ этой мѣстности.

Самой западной границей распространенія дольменовъ по сую сторону Кавказскаго хребта нужно было признать р. Адагумъ, по вѣроятному указанію Дюбуа-де-Монпере *). Поэтому изъ Екатеринодара я отправился по Новороссійской вѣтви желѣзной дороги въ Нижнебаканскій поселокъ, такъ какъ это былъ почти самый западный пунктъ на р. Адагумѣ. Здѣсь изъ распросовъ частныхъ лицъ, я узналъ, что гдѣ-то въ окрестностяхъ былъ прежде дольмень, но теперь онъ, повидимому, исчезъ, т.-е. или разбитъ или заплылъ землей.

Ничего не найдя, я отправился въ ст. Крымскую. При въѣздѣ въ нее, съ лѣвой стороны отъ дороги изъ пос. Нижнебаканскаго, находятся два кургана средней величины. Большой изъ нихъ имѣетъ въ діаметрѣ 50 шаговъ, а вышину около 1½ саж. Середина его какъ бы ввалилась внутрь, съ одной стороны замѣтны слѣды обваливашагося подкопа. Другой курганъ нѣсколько меньше и сильно расплылся; въ серединѣ его тоже замѣтенъ провалъ. Въ самой ст. Крымской на холмѣ (слѣва) находится курганъ такой же величины. На этомъ холмѣ и курганѣ помѣщается нынѣ вѣтреная мельница.

Около Крымской дольменовъ нѣтъ. По указанію одного урядника я посетилъ два городища: верстахъ въ 4 къ С. - В. отъ Крымской, при самомъ почти выѣздѣ изъ слободы при Крымской станицѣ, по правую руку отъ дороги въ ст. Троицкую.

*) Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, t. I, p. 43.

Городище это квадратное, сажень 50 въ поперечникѣ; имѣеть родъ въѣзда съ С.-В., а къ Ю.-З. крутой валъ; стоитъ оно довольно высоко, и склоны его вальцовъ очень круты. Высота городища до 6—8 саж. Городище находится на правомъ (восточномъ) берегу ерика р. Адагума; по ерику выросъ высокій кустарникъ; пока здѣсь никто еще не производилъ раскопокъ. Щупъ, пущенный мѣстахъ въ двухъ, ничего кромѣ земли не встрѣтилъ.

Второе городище находится верстахъ въ 3 къ Западу отъ ст. Крымской, по правую сторону дороги въ ст. Молдованскую, на правомъ берегу р. Вонь. Это городище имѣеть высоту около 5 саж. (около 30 шаговъ отъ основанія до вершины, по скату). На немъ повсюду обломки бѣлаго известняка, который въ недавнее время выбирали тутъ для разныхъ надобностей. Поэтому же въ серединѣ образовалась яма, глубиной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 4—5 арш. Въ самомъ центрѣ уцѣлѣло возвышеніе, на которомъ выросъ порядочный дубъ. Среди обломковъ известняка, который остался отъ сложенной, но не взятой сажени камня, я нашель глиняный осколокъ небольшой греческой амфоры. Мѣстахъ въ четырехъ щупъ находилъ все тотъ же известнякъ или землю. Это городище имѣеть довольно пологіе скаты и окружено со всѣхъ сторонъ ясно замѣтнымъ ровомъ (шириной сажени $1\frac{1}{2}$) или естественнымъ каналомъ, западная часть котораго занята теперь русломъ р. Вонь. Городище имѣеть почти совершенно круглую форму, съ діаметромъ сажень въ 20, т.-е. оно значительно меньше перваго городища.

Кругомъ городища и на немъ лѣсъ и кустарникъ. Вблизи, къ Сѣверу, расположенъ хуторъ. Съ Сѣверо-Запада городище особенно полого, такъ что представляетъ нѣчто въ родѣ въѣзда.

Первое большое городище само по себѣ находится на довольно возвышенной мѣстности, господствующей надъ всѣмъ окружающимъ, и далеко выше слободы и станицы Крымской. Поэтому оно, несмотря на саженный бурьянь, хлѣба и кустарника, видно издалика, съ иныхъ мѣсть версты за 3—5. Второе, меньшее городище расположено какъ бы въ котловинѣ и потому не такъ бросается въ глаза.

Изъ ст. Крымской я приѣхалъ въ ст. Абинскую, а изъ нея въ ст. Шапсугскую. По дорогѣ изъ Абинской въ Шапсугскую, мы, въѣхавъ въ Абинское ущелье, нѣсколько разъ переѣзжаемъ въ бродъ р. Абинь. Между первымъ и вторымъ бродомъ черезъ р. Абинь находятся двѣ группы небольшихъ кургановъ. Первая группа, ближе къ ст. Абинской, имѣеть больше кургановъ, чѣмъ вторая; она состоитъ приблизительно изъ 15—20 кургановъ, высотой въ 1 саж. Многіе курганы распаханы, многіе, говорятъ, были уже раскопаны грабителями.

Въ ст. Шапсугской впервые услыхалъ, что здѣсь и были, и есть дольмены. Въ самой станицѣ были дольмены: одинъ у казака Панамаренко, другой близъ самой станицы.

Именно, въ станицѣ, на дворѣ, принадлежавшемъ прежде казаку Шкирько, а теперь каз. Панамаренко, былъ когда-то дольмень *), камни съ котораго пошли на столбы въ станичную церковь.

*) Ср. стр. 9 и сл. въ изслѣдованіи г. Фелицына.

Въ $\frac{1}{4}$ версты къ Ю.-З. отъ станицы, въ лѣсу проводникъ показалъ мнѣ яму, оставшуюся отъ бывшаго здѣсь дольмена.

Оба эти дольмена были уничтожены здѣшними казаками, такъ какъ, во время постройки церкви въ ст. Шапсугской (приблизительно въ 1881—83 годахъ), камень для нея брали съ дольменовъ. Уничтожены кромѣ вышеуказанныхъ дольменовъ еще нѣсколько другихъ, находившихся немного дальше отъ станицы.

Значительное количество дольменовъ находится по дорогѣ изъ ст. Шапсугской въ Кабардинку (на Черномъ морѣ). Дорога въ Кабардинку проходитъ сначала вдоль теченія р. Шапсухо, а потомъ вдоль р. Адегоа (Атакумъ-Дюбуа-де-Монпере?)

Въ полуверстѣ отъ ст. Шапсугской, къ Ю.-З. отъ нея, по дорогѣ въ Кабардинку, на склонѣ горы находится развалившійся дольмень, отъ котораго сохранились только 3 плиты и много обломковъ. Камень — песчаникъ. Большой камень имѣетъ въ ширину 1 арш. 12 в., въ длину 3 арш. 1 в.; толщина другого камня (первый находится частью въ землѣ) около 10 в.

Дальше по ущелью, близъ брода черезъ р. Адегоа, находятся курганы, нижняя окружность (подошва) которыхъ обложена мелкимъ известнякомъ и булыжникомъ. Высота ихъ до сажени. Въ большинствѣ случаевъ на нихъ еще нѣтъ лѣса. За бродомъ такіе же курганы, но на нихъ выросъ уже порядочный лѣсъ и кустарникъ.

Немного дальше, съ правой стороны отъ той же дороги въ Кабардинку, находится торчкомъ стоящій камень съ высѣченнымъ четырехконечнымъ крестомъ (нижняя четверть длиннѣе, концы утолщены). Высота камня отъ поверхности земли 1 арш. $6\frac{1}{2}$ в., толщина $3\frac{1}{2}$ в. Положеніе его немного наклонное. Часть камня и, вѣроятно, значительная находится въ землѣ. Этотъ камень стоитъ у С.-В. стороны высокаго (до 2 саж.) кургана, обложеннаго камнемъ по подошвѣ и поросшаго лѣсомъ. Рядомъ съ этимъ курганомъ находятся другіе такіе же большіе курганы (до 2 саж. высотой).

Еще дальше, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, но влѣво отъ дороги, при подобномъ же курганѣ, на С.-В. сторонѣ его, близъ берега р. Адегоа, стоитъ торчкомъ другой подобный камень съ вполне ясной формой креста. Размѣры его слѣдующіе: высота отъ земли 1 арш. 2 в., ширина 8 в., толщина вверху 7 в., внизу 6 в., камень книзу нѣсколько суживается. Кромѣ изображенія креста на камнѣ имѣются неясныя очертанія буквъ.

Верстахъ въ 3 отъ ст. Шапсугской, вправо отъ дороги въ Кабардинку, на хребтикѣ, въ густомъ кустарникѣ находятся въ разныхъ мѣстахъ: остатки дольменовъ, и почти цѣлый дольмень.

Передняя плита его, сохранившаяся въ цѣлости, имѣетъ въ высоту 1 арш. 12 в., а въ ширину, слѣва направо, 1 арш. 11 в. вверху и 2 арш. 5 в. внизу у поверхности земли; толщина ея 8 в.; овальное отверстіе ея украшающее имѣетъ въ діаметрѣ 10 в.

Камень прикрывающій дольмень большихъ размѣровъ и толщиной въ 10 верш. Наибольшая длина его 3 арш. 11 в., а ширина 2 арш. 8 в. Форма верхняго камня—пятиугольникъ. Лѣвый продольный камень немного раскололся; наибольшая длина его 3 арш. 11 в. Задняя плита невелика; наибольшая ширина ея 1 арш. 6 в., высота до земли 1 арш. 5 в. Правая продольная стѣнка,

вѣроятно, состояла изъ одной плиты, которая теперь раскололась на три куска; при чемъ третій кусокъ, именно нижняя часть, прилегчющая къ передней плитѣ, обломилась совершенно и отсутствуетъ. Благодаря этому получилось небольшое отверстіе, черезъ которое можно ползкомъ пробраться внутрь дольмена. Тамъ, однако, стать во весь ростъ нельзя. Внутри дольмена кромѣ небольшого количества грязи, мусора и сухихъ листьевъ нѣтъ ничего.

Продольныя и верхняя плиты и спереди, и сзади выступаютъ за боковыя поперечныя плиты на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. и даже болѣе. Въ планѣ дольменьъ представляетъ трапецію. Онъ покатъ (понижается) къ задней сторонѣ.

Высота дольмена отъ высшей точки верхней плиты (спереди) до земли 2 арш. 8 в. Спереди и съ боковъ дольмена валяются порядочные камни, которые могутъ быть остатками коридора. Щупомъ у передней плиты, на $\frac{1}{4}$ арш. ниже поверхности земли, можно было ощупать камни, которые по всей вѣроятности, образовали нижнюю настилку.

Дольменьъ стоитъ на скатѣ хребта, недалеко отъ р. Адегоа и обращенъ на Ю.-В.

Напротивъ этихъ дольменовъ, черезъ дорогу (слѣва отъ дороги въ Кабардинку), въ кустахъ же находятся развалины другого дольмена. Уцѣлѣлъ лучше другихъ одинъ камень, имѣющій длину 3 арш. 5 в., шир. 2 арш. 1 в. и толщину 7 в. Уцѣлѣла также часть камня съ слѣдами круглаго отверстія; камень обращенъ на В.

Шагахъ въ 10 къ Ю. отъ этого дольмена еще остатки другаго, отъ котораго уцѣлѣли: большій камень длин. 4 арш. 3 в. и шир. 14 в. и меньшій камень, имѣющій трехугольную форму.

Дальше въ верстѣ, по той же дорогѣ, а отъ Шапсугской верстахъ въ 4—5, къ Ю.-З. отъ нея, находится прекрасный дольменьъ, огромныхъ размѣровъ и съ переднимъ навѣсомъ (ср. статью Фелицина, табл. X, 19). Онъ состоитъ изъ главнаго четырехугольнаго (вѣрнѣе, трапецоидальнаго) помѣщенія и передняго навѣса. Вслѣдствіе значительности сооруженія правая боковая стѣнка составлена изъ 2 камней: задняго большаго и передняго меньшаго. Задній, большій, положенъ на длинное свое ребро, имѣетъ въ длину 4 арш. 9 в., при толщ. 8 в. Передній (боковой) поставленъ на короткое ребро (торчкомъ) и образуетъ собственно соотвѣтствующую часть навѣса. Длина его, 1 арш. 8 в., высота 2 арш. 3 в. Лѣвая продольная плита теперь тоже состоитъ изъ 2 камней, но изъ осмотра ея снаружи и внутри ясно, что это двѣ части одного камня, потому что, хотя куски нѣсколько разошлись, однако, части излома хорошо соотвѣтствуютъ другъ другу. Длина этого камня (обоихъ кусковъ) 6 арш. 8 в. Онъ положенъ на длинное ребро.

Задняя плита имѣетъ въ ширину 2 арш. 15 в. а высоту до земли 12 в.

Крышу дольмена образуютъ двѣ громадныя плиты, изъ которыхъ одна составляетъ покрытіе навѣса, а другая внутреннаго помѣщенія самаго дольмена. Первая положена, такъ сказать, поперекъ главной оси дольмена и имѣетъ слѣдующіе размѣры: въ длину (считая по оси дольмена отъ передней части къ задней) 1 арш. 14 в. и въ ширину (поперекъ дольмена, 6 арш. $6\frac{3}{4}$ в.). Задняя верхняя плита положена вдоль дольмена и имѣетъ: въ длину спереди назадъ 4 арш. $10\frac{1}{2}$ в., въ ширину 4 арш. $2\frac{1}{4}$ в., при толщинѣ 8 в. Форма задней верх-

ней—почти правильный ромбъ. Такимъ образомъ, общая длина двухъ верхнихъ плитъ 6 арш. $8\frac{1}{2}$ в.

По поверхности обѣихъ верхнихъ плитъ имѣются чашечки, которыя выдѣляются яснѣе на передней плитѣ. Діаметръ чашечекъ до 3 в. Въ лѣвой части той же плиты большая чашечка, діам. $7\frac{1}{2}$ в. Въ этой же части плиты кромѣ чашечекъ замѣчаются еще и особыя черточки, которымъ нельзя однакожь придать особаго толкованія.

Высота отъ земли верхней точки передней верхней плиты 3 арш. 6 верш.

Передняя плита толщ. 6 в., шир. 3 арш. 12 в., высотой 2 арш. 7 в., отверстіемъ она обращена на В.-Ю.-В. Отверстіе овальное и имѣетъ въ ширину 11 в., а въ вышину 10 в. Находится оно почти у самой земли и на 1 арш. 15 в. отъ верхняго края передней плиты.

На внутренней части лѣвой продольной плиты, образующій навѣсъ замѣчается рисунокъ изъ трехугольниковъ и волнообразныхъ линій (см. статью Фелицина, стр. 31, рис. 16) врѣзанныхъ вглубь. Такой же рисунокъ замѣчается и на противоположной стѣнкѣ навѣса.

Продольныя боковыя и верхняя выступаютъ впереди передней (съ отверстіемъ) плиты на $1\frac{1}{2}$ арш. и болѣе.

Внутрь дольмена можно проникнуть черезъ небольшое отверстіе, проломанное въ правомъ верхнемъ углу центрального помѣщенія дольменной камеры. Щупъ на днѣ указываетъ на камни. На внутреннихъ сторонахъ плитъ, въ дольменной камерѣ, нѣтъ никакихъ рисунковъ. Въ передней части ниши (передъ передней плитой) щупъ уходилъ въ землю, не встрѣчая камня.

Плиты дольмена изъ песчаника.

Внутреннія стороны плитъ дольмена и навѣса хорошо обтесаны. Впереди дольмена, который расположенъ на скатѣ и покать нѣсколько назадъ, лежатъ остатки камней, можетъ-быть, остатки корридора.

Кругомъ дольмена лѣсъ. По близости р. Адегоа.

Шагахъ въ 50 къ Ю. отъ этого дольмена былъ прежде, какъ мнѣ говорили, точно такой же дольмень. Отъ него теперь осталось только яма — длиной сажени 2 и глубиной, въ задней части, около 2 арш.— и кучи песчаниковыхъ и известковыхъ камней.

Шагахъ въ 15 дальше къ Ю. остатки дольменной ямы меньшихъ размѣровъ. Оба эти дольмена были разобраны, и камень взятъ для постройки Шапсугской станичной церкви.

15-го іюня я пошелъ къ Лысымъ горамъ, къ ЮЮВ. отъ ст. Шапсугской. Отрогъ Лысыхъ горъ подходитъ близко къ ст. Шапсугской, на разстояніе менѣе 1 версты. Этотъ хребтикъ образуетъ спускъ къ старому руслу р. Абина, который за 30 лѣтъ, со времени заселенія станицы, отступилъ отъ горы на $\frac{1}{4}$ версты къ С. Дорога черезъ этотъ хребтикъ, составляющій отрогъ Лысыхъ горъ и лежащій на пути изъ ст. Шапсугской на самыя Лысыя горы, носитъ названіе Крейдяной дороги, потому что слѣдующая гора — Крейдяная; на ней берутъ крейду, т. е. мѣль. По лѣвую сторону этой дороги, на скатѣ, покрытомъ кустарникомъ, находятся слѣдующіе вполнѣ разрушившіеся дольмены:

1) На самомъ краю кустарника находятся свалившіеся вмѣстѣ камни. Самый верхній изъ нихъ имѣетъ въ длину 4 арш., въ шир. 2 арш. 4 в., въ толщ. 10 в.

Очевидно, это — верхняя дольменная плита, овальной формы. Другой камень, вѣроятно, продольной имѣетъ дл. 3 арш. 11 в., шир. 1 ар. 10 в. Подъ верхнимъ камнемъ лежали другіе камни разной величины. Въ 1863 году, когда пришли первые поселенцы въ Шапсугскую станицу, этотъ дольмень былъ еще цѣль.

2) Шагахъ въ 2—3 къ В. отъ предыдущаго дольмена, ниже по скату, находятся три большихъ камня, вошедшіе въ землю; вѣроятно, также остатки дольмена.

3) Шагахъ въ 20 къ В. отъ предыдущаго дольмена находится нѣсколько (штукъ 8) большихъ камней; также, вѣроятно остатки дольмена.

На самой вершинѣ Крейденаго хребта находится дольмень (рис. 40—42). Дольмень расположенъ среди кустарника, высѣченъ изъ цѣльнаго камня и прикрытъ отдѣльнымъ верхнимъ камнемъ. Средняя часть передней плиты выдается впередъ выпуклиной.

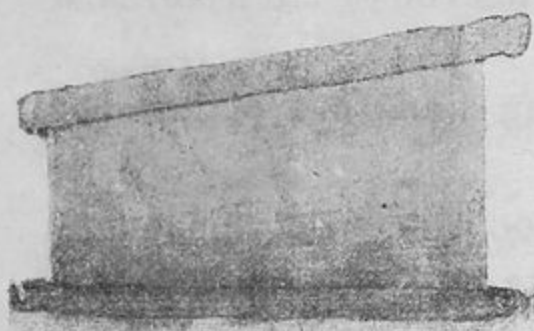

Рис. 40.

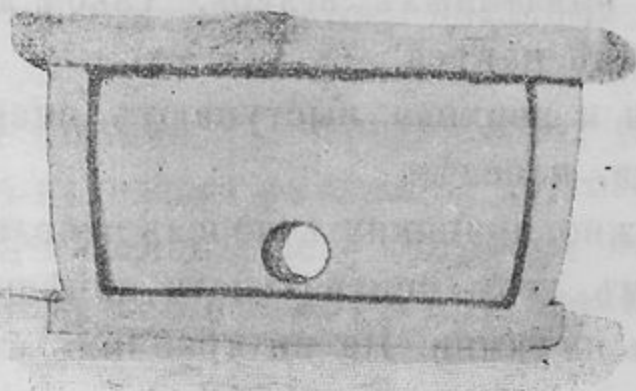

Рис. 41

Рис. 42.

Всѣ плиты въ настоящее время потрескались обросли мохомъ и плесемъ. Дольмень кзади покать, такъ что въ разрѣзѣ имѣетъ видъ трапеціи. Размѣры его слѣдующіе: Верхняя плита имѣетъ длину 3 ар. 14 в., шир. въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ 4 ар., толщ. 4—5 в. На верхней ея поверхности замѣчаются углубленія въ видѣ чашечекъ, діам. 3—5 в.

Передняя стѣнка высотой отъ земли 1 ар. 11 в., шир. 3 ар. 6 в. Въ передней стѣнкѣ обыкновенное отверстіе, діам. 7 в. Отверстіе находится въ нижней части плиты такъ что разстояніе отъ верхней части отверстія доверху стѣнки равняется 1 ар. 1 в., а отъ нижней части отверстія до земли вершка 2.

Длина продольныхъ боковыхъ стѣнокъ 3 ар. 5 в. Высота задней стѣнки 1 ар. 4 в., а ширина 2 ар. 2 в.

Дно дольмена состоитъ изъ того же камня. Внутри дольмена нижняя стѣнка приходится только на $\frac{1}{2}$ вершка ниже нижняго края отверстія въ передней стѣнкѣ. Внутри дольмена теперь ничего нѣтъ. Внѣ дольмена, кругомъ его нащупывается вездѣ тотъ же камень. Съ боковъ и сзади находились выступы нижней плиты: съ боковъ на $4\frac{1}{2}$ в., сзади на 7 в. Верхняя плита съ боковъ (влѣво и вправо) и спереди выступаетъ: впереди на 11 в. съ боковъ въ разныхъ мѣстахъ разнo, но къ передней части выступы больше, кзади меньше.

Дальше въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ версты отъ предыдущаго дольмена и шагахъ въ 20 отъ той же дороги и по правую же ея сторону, на томъ же хребтикѣ находится вполне развалившійся дольмень: нѣсколько камней, изъ которыхъ наибольшій, вѣроятно верхній, имѣетъ длину 2 ар. 14 в., шир. 2 ар. 4 в., толщ. $6\frac{1}{2}$ в.

Шагахъ въ 15 къ В. отъ этого дольмена развалины другого дольмена съ плитой такихъ же размѣровъ.

Дальше въ шагахъ 50 къ В. отъ предыдущаго дольмена, по правую сторону дороги, находится полуразрушенный дольмень, безъ передней плиты. Передняя говорятъ, была съ круглымъ отверстіемъ. Сохранились три плиты: двѣ боковыхъ и верхняя. Длина верхней 3 ар. 8 в., шир. 3 ар. 1 в., толщ. 8 в. Длина продольной правой 2 ар. 10 в., высота 1 ар. 13 в. Высота верхней точки верхней плиты отъ земли 2 ар. 5 в. Въ боковыхъ продольныхъ впереди замѣтны слѣды пазовъ для передней плиты. Задняя плита высотой до земли 1 ар. 9 в., шир. 1 ар. 6 в.

Кругомъ дольмена, масса камней.

Это—дольмены на восточной сторонѣ отрога Лысыхъ горъ, а на сѣверной сторонѣ этого отрога у такъ называемой „Соляной Криницы“ находится громадный монолитъ, теперь значительно растрескавшійся, расколовшійся и распавшійся во многихъ мѣстахъ. Высота его около 5 саж., окружность саж. 15.

Дальше на самыя Лысыя горы не нашлось проводниковъ. Но, какъ говорилъ священникъ станичной церкви, на главной вершинѣ ихъ есть три разрушенныхъ

Рис. 43.

дольмена, а невдалекѣ отъ нихъ три провалившіяся могилы, уложенныя сверху камнями.

Группа изъ двухъ полуразрушенныхъ дольменовъ находится у такъ называемой Свинцовой горы, лежащей къ З. отъ ст. Шапсугской. На первомъ восточномъ предгорьѣ-хребтѣ, которыхъ много лежитъ впереди самой вершины Свинцовой горы, верстахъ въ 2—3 отъ ст. Шапсугской, на небольшой равнинѣ, влѣво отъ проѣзжей горной дороги на Свинцовую, находятся два дольмена. Одинъ изъ нихъ, ближайшій къ дорогѣ, разбитъ, но имѣетъ почти цѣлую переднюю плиту, обращенную на С.-В. Въ этой плитѣ находится круглое отверстіе. Размѣры шир. 3 ар. 6 в., высота 1 ар. 5 в.; имѣетъ она также выпуклую форму. Диаметръ отверстія $8\frac{1}{2}$ в. Рядомъ лежитъ нѣсколько большихъ камней; дальше начинается мелкій кустарникъ.

Шагахъ въ 10 къ С.-В. отъ предыдущаго дольмена находится другой дольмень, тоже полуразрушенный, однако лучше сохранившійся (рис. 43). Отъ этого дольмена уцѣлѣли: верхняя плита, одинъ боковой камень, задняя (по всей вѣроятности плита) и одинъ небольшой камень, поддерживающій верхнюю плиту. Этотъ небольшой камень, повидимому, остатокъ передней плиты. Верхняя плита поэтому сползла впередъ и въ бокъ (къ СВ), а югозападный край ея приподнялся у задней плиты. Верхняя плита имѣетъ чашечки, ея размѣры: дл. 3 ар. 6 в..

шир. 2 ар. 8 в. и толщ. 8 в. Задняя плита, какъ можно заключить по ея мѣсту, размѣрамъ и по отсутствію отверстія, — стоитъ совершенно правильно, вертикально; она имѣетъ форму почти правильнаго квадрата размѣромъ въ 1 ар. 10 в.

Сохранившаяся продольная, сѣверо-западная, плита немного раскололась; ея длина 4 арш.

Внутреннія стороны уцѣлѣвшихъ плитъ гладко отесаны. Верхняя плита выступаетъ за линіи плитъ дольменной камеры къ Ю.-З. и С.-В.

Въ уцѣлѣвшей сѣверо-западной продольной плитѣ видны въ ея сѣверо-восточной части округлые пазы, вглубь, шириной въ 3 в. Въ нижней половинѣ паза уцѣлѣла и часть поперечнаго камня, плотно застрявшаго въ пазу. Точно такой же пазъ виденъ и въ юго-западной сторонѣ той же продольной плиты. Въ этотъ пазъ входитъ уцѣлѣвшій юго-западный поперечный (задній) камень, теперь немного отошедшій отъ паза.

Съ сѣверо-восточной стороны находятся обломки камней, вѣроятно, остатки бывшей передней плиты.

Осмотрѣвъ эти два дольмена, мы отправились на Свинцовую гору. Самая вершина горы имѣетъ видъ прямого конуса. Вокругъ почти всего этого конуса, на разстояніи 15 саж. отъ его вершины, идетъ ровъ, шириной въ 1 арш. и болѣе (до 1 саж.). Этотъ ровъ теперь значительно заплылъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ сѣверной стороны, заросъ лѣсомъ. За ровомъ до вершины идетъ каменистый подъемъ, въ то время какъ все остальное пространство, по которому мы шли, было покрыто плодороднымъ слоемъ земли. Меня увѣряли, что тутъ сохранились остатки бывшаго укрѣпленія.

Слѣдующіе дольмены я встрѣтилъ уже въ долинѣ р. Абина, на пространствѣ между ст. Шапсугской и ст. Эриванской. Одинъ изъ нихъ лежитъ ближе къ ст. Шапсугской, въ ея юртѣ, остальное въ юртѣ ст. Эриванской.

Верстахъ въ 2 отъ ст. Шапсугской, шагахъ въ 100 влѣво отъ дороги изъ этой станицы въ Эриванскую, среди большого лѣса стоитъ полуразрушенный дольмень, передняя плита котораго отвалилась и раскололась. Этотъ дольмень по формѣ, размѣрамъ и устройству очень сходенъ съ дольменомъ на Крейдяной горѣ (рис. 40—42). Говорятъ, что въ 1863 г., когда пришли сюда казаки, дольмень былъ еще цѣлъ. Стоитъ онъ на ровномъ мѣстѣ. Верхняя плита имѣетъ въ длину 3 арш. 8 в., въ шир. 4 арш. и въ толщ. 7 в. Нѣкоторыя части верхней плиты откололись. Правый продольный камень имѣетъ дл. 3 арш. 5 в. Лѣвый продольный обкололся. Камень—песчаникъ. Весьма вѣроятно, что дольменная камера подобно дольмену на Крейдяной горѣ была высѣчена изъ одного камня. Передняя плита имѣетъ также слѣды яснаго закругленія.

Размѣры дольмена внутри слѣдующіе: лѣвая продольная длин. 3 арш., выс. 1 арш. 8 в. у передней стѣнки и 1 арш. 5 в. у задней. Задняя плита высотой 1 арш. 6 в., шириной, 2 арш. 3 в.

Впереди дольмена есть нѣсколько плитъ, очевидно, обломковъ передней стѣнки и верхняго камня. Отверстія въ переднемъ камнѣ, какъ говорятъ, не было. Направленіе дольмена съ С. на Ю.

Была ли нижняя плита—поль, опредѣлить довольно трудно, такъ какъ внутри дольмена валяются плиты разной величины, подобныя которымъ ошупываются и ниже. Судя по типу,—она была.

Къ Юго - Западу отъ ст. Шапсугской, верстахъ въ 2—3 отъ нея, лежитъ, такъ называемая, Липовая гора: верхняя часть горы поросла почти исключительно липовымъ лѣсомъ. Она имѣетъ двѣ вершины, раздѣленные сѣдловинной: восточную и западную; западная выше восточной. Мы поднялись на восточную вершину. Здѣсь на самой вершинѣ мы нашли высокій, до 2—3 саж., крутой валъ, образующій кругъ. Валъ круто спускается съ восточной стороны горы, обращенной къ р. Схобеди. Къ западу, къ сѣдловинѣ, впереди вала находится еще ровъ. За валомъ, внутрь, идетъ тоже ровъ, шириною около 2 саж. Часть, лежавшая внутри рва, представляетъ возвышеніе, высотой около 3—5 саж. Диаметръ этого круглаго возвышенія приблизительно равенъ 50 саж. Впрочемъ, опредѣлить многія подробности очень трудно, такъ какъ вся эта мѣстность покрыта густымъ лѣсомъ.

Въ западной части находится возвышеніе въ родѣ кургана, устланнаго толстыми плитами, которыя впрочемъ нащупываются и по всей окружности.

Эта восточная вершина Липовой горы господствуетъ, надъ долиной рр. Схобеди, Адегоя и Шапсухо.

Ближе къ ст. Шапсугской, верстахъ въ 1½ къ Ю.-З. отъ нея находится Буковая гора, поросшая буковымъ лѣсомъ. На ея склонахъ, у восточной стороны кургана (выс. въ 2—3 саж.) стоятъ торчкомъ три камня, изъ которыхъ вполнѣ уцѣлѣлъ только одинъ. Высота этого камня 2 арш. 3 в., шир. 13 в., толщ. 6 в.; на немъ изображеніе двухъ равнобедренныхъ крестовъ. Другой камень съ такимъ же изображеніемъ имѣетъ высоту всего 1½ арш. Обломки верхнихъ частей этихъ камней лежатъ тутъ же.

По сосѣдству имѣются нѣсколько высокыхъ кургановъ, уложенныхъ камнями со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ такихъ кургановъ имѣетъ на вершинѣ плиту съ крестомъ болѣе простой формы.

Въ сѣверо-восточной части самой ст. Шапсугской находятся остатки укрѣпленія св. Николая. Оно имѣетъ форму почти квадрата, сторона котораго равняется приблизительно 50 саж. Съ наружной стороны, кругомъ всего укрѣпленія, идетъ ровъ, имѣющій ширину въ верхней части до 2 саж., а глубину около 1 саж. За ровомъ слѣдуетъ валъ, который поднимается сажени на 2 выше внутренняго пространства. Внутри вала въ настоящее время находятся 4—5 владѣній станичныхъ казаковъ съ ихъ домами и надворными постройками. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ казаковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрылъ курганъ на своемъ дворѣ и нашелъ въ немъ золотыя монеты, которыя успѣлъ кому-то сбыть. Съ сѣвера и запада есть въѣзды.

Вѣроятно, это и есть то самое укрѣпленіе св. Николая, о которомъ говоритъ Дюбуа-де-Монпере, помѣщая его на р. Атакумѣ *).

Нѣсколько кургановъ находится въ самой ст. Шапсугской, на дворахъ у казаковъ. Это, впрочемъ, явленіе общее для всѣхъ посѣщенныхъ мною въ горахъ селеній. По словамъ станичнаго атамана, во дворѣ теперешняго псаломщика, почти въ самомъ центрѣ станицы, близъ церкви, былъ при прежнемъ владѣльцѣ дольмень; но его уничтожили, устроивъ на его мѣстѣ погребъ.

Слѣдующія группы дольменовъ находятся по теченію р. Абинъ, выше ст.

*) Dubois de Montpéreaux. Voyage autour de Caucase, t. I, p. 43.

Шапсугской, уже въ юртѣ ст. Эриванской. Въ эту станицу я и отправился изъ ст. Шапсугской. Верстахъ въ 3 отъ Шапсугской по дорогѣ замѣтно нѣчто въ родѣ довольно обширнаго городища: сначала какъ бы въѣздъ, затѣмъ возвышенная плоскость, саж. 200 въ поперечникѣ, и наконецъ спускъ. Верстахъ въ 6 отъ Шапсугской я замѣтилъ также нѣсколько высокихъ кургановъ.

Кромѣ того, верстахъ въ 4 отъ Шапсугской, влѣво отъ дороги въ ст. Эриванскую, на предгорьѣ мнѣ указали остатки двухъ дольменовъ. Верстахъ въ 5 отъ Шапсугской по той же дорогѣ остатки нѣсколькихъ (болѣе 5) дольменовъ, разбитыхъ каменщиками. Отъ дольменовъ уцѣлѣло лишь нѣсколько мелкихъ камней и 2—3 небольшихъ плиты, представляющія ясныя черты изломовъ.

Въ 6 верстахъ отъ Шапсугской и въ 4 в. отъ Эриванской, по ту же лѣвую сторону дороги мнѣ снова указали остатки 10 или даже болѣе дольменовъ, находящихся на небольшихъ возвышеніяхъ (выс. до $1\frac{1}{2}$ арш.), размѣщенныхъ на разстояніи 10—30 шаговъ другъ отъ друга. Отъ дольменовъ уцѣлѣло нѣсколько мелкихъ камней разной величины.

Всѣ эти дольмены, равно какъ и многіе другіе въ юртѣ ст. Эриванской, были разбиты въ очень недавнее время каменщиками съ разрѣшенія станичнаго атамана, въ виду того обстоятельства, что камень съ дольменовъ особенно годится на точила, жернова и т. п.

Наконецъ, верстахъ въ 8 отъ Шапсугской и въ 2 отъ Эриванской, по той же дорогѣ, остатки дольмена. Части стѣнокъ уцѣлѣли и стоятъ на своихъ мѣстахъ. Уцѣлѣла и часть отверстія въ передней плитѣ, хотя оставшаяся отъ передней плиты часть тоже нѣсколько разсѣлась. Передняя стѣнка съ отверстіемъ обращена на Ю.-З. Форма дольмена, въ планѣ,—четыреугольникъ. Дольмень обыкновеннаго средняго размѣра.

На разстояніи 20—30 шаговъ къ З. отъ предыдущаго дольмена есть остатки еще 2, а, можетъ-быть, и болѣе дольменовъ. Въ сосѣдствѣ масса мелкихъ камней.

Здѣсь вездѣ дольмены окружены кустарникомъ (хмеречь), который облѣпляетъ дольмены со всѣхъ сторонъ до такой степени, что иногда можно стоять въ 5—3 шагахъ отъ дольмена и не подозрѣвать о его существованіи, такъ что безъ свѣдущаго проводника невозможно ихъ разыскать. При измѣреніяхъ кустарникъ затрудняетъ работу; точно такъ же часто мѣшаетъ работѣ колючая и цѣпкая ежевика, ажинъ, пройти черезъ которую довольно затруднительно.

Рядъ дольменовъ, расположенныхъ по теченію р. Абина, не прерывается у ст. Эриванской, а продолжается еще дальше, вверхъ по теченію этой рѣки. Именно, приходится указать еще двѣ большихъ группы разрушенныхъ дольменовъ, расположенныя въ 5 и 10 верстахъ отъ ст. Эриванской, выше ея по теченію р. Абина.

По дорогѣ изъ ст. Эриванской въ бывшую когда-то на верховьяхъ р. Абина ст. Старомингрельскую, на пятой верстѣ отъ ст. Эриванской, находятся остатки 6 или болѣе дольменовъ, совершенно разрушенныхъ. Кучи камней и куски плитъ означаютъ мѣста дольменовъ. Эти дольмены были разбиты каменщиками въ прошлую (1891/2 г.) зиму.

Въ $\frac{1}{4}$ версты далѣе и саженьяхъ въ 100 вправо отъ той же дороги, на небольшомъ отрогѣ, обращенномъ къ Ю.-В., стоитъ большая группа полуразрушенныхъ дольменовъ. Всего я насчиталъ 17 дольменовъ. Осматривать ихъ прихо-

дилось безъ опредѣленнаго порядка, по мѣрѣ встрѣчи того или другого дольмена. Многіе изъ нихъ разрушены совершенно, такъ что груды камней и плитъ, да ямы, указываютъ тѣ мѣста, гдѣ прежде стояли дольмены. И эти дольмены разбиты каменщиками въ очень недавнее время. Наиболѣе сохранились слѣдующіе дольмены:

№ 1. Отъ дольмена уцѣлѣло лишь нѣсколько частей плитъ, камни и часть передней плиты съ отверстіемъ, обращенной на Ю.-В. Размѣры передней плиты: высота до земли 2 арш. $\frac{1}{2}$ в., шир. 1 арш. 8 в., толщ. 5 в.; отъ верхняго края плиты до отверстія 1 арш.; діаметръ круглаго отверстія 9 в.

№ 3. Отъ дольмена № 3 сохранились: а) части правой и лѣвой продольныхъ плитъ. Длина лѣвой продольной 4 арш. 6 в., высота до земли въ передней сторонѣ 1 арш. 7 в., толщ. $7\frac{1}{4}$ в.; б) сохранилась и передняя плита, но она опрокинута и обколота. Ея теперешніе размѣры: длина 1 арш. 11 в., шир. 1 арш. 10 в., толщ. $5\frac{1}{2}$ в.. Овальное отверстіе находится почти на самой серединѣ плиты; его діаметры 8 и 9 в.; разстояніе отверстія отъ одного края плиты 8 в., а отъ другого 11 в.. Дольмень обращенъ передней плитой съ отверстіемъ къ В.-Ю.-В.

№ 6. Отъ дольмена уцѣлѣла часть правой продольной плиты, имѣющая дл. 3 арш. 6 в. и толщ. $4\frac{3}{4}$ в. Сохранился также обломокъ передней плиты съ частью круглаго отверстія.

№ 7. Отъ дольмена сохранилась часть передней плиты съ круглымъ отверстіемъ.

№ 12. Отъ дольмена сохранился обломокъ лѣвой продольной плиты, имѣющей дл. 4 арш. 1 в. при толщинѣ 4 в. Эта плита имѣетъ ясные слѣды паза для передней плиты и выступа для части верхней плиты. Высота ея отъ земли 1 арш. въ передней части и 3 в. въ задней части.

№ 13. Отъ дольмена сохранилась также только продольная, но правая, имѣющая дл. 4 арш. 12 в., толщ. 7 в., высоту отъ земли 1 арш. 7 в. въ передней части и 12 в. въ задней.

Остальные же дольмены приблизительно числомъ до 11 разрушены настолько, что камни и плиты отъ нихъ слишкомъ незначительныхъ фрагментарныхъ размѣровъ. Камень этихъ дольменовъ песчаникъ.

Лучше сохранились дольмены другой дольменной группы, которая находится верстахъ въ 5 дальше, верстахъ въ 10 отъ ст. Эриванской по той же дорогѣ въ бывшую ст. Старомингрельскую, тамъ, гдѣ рѣчка Крученая, сбѣгающая съ горы Крученой, впадаетъ въ р. Абинь. Тутъ на потомственной землѣ урядника Вдовиченко, въ порядочномъ, но едва ли стародавнемъ лѣсу, на скатахъ бугровъ находится нѣсколько дольменовъ и кургановъ.

Обслѣдованіе и этой группы затрудняется густо поросшимъ кустарникомъ, лѣсомъ и валежникомъ покрывающихъ всю мѣстность такой сплошной, сжатой массой, что черезъ нее можно пробираться только съ большимъ трудомъ. Въ самыхъ дольменахъ часто проросъ также кустарникъ или даже цѣлыя деревья, заслоняя собою камни; а эти камни часто въ свою очередь сильно погрузились въ землю. Вездѣ много также папоротника, листья котораго тутъ же опадаютъ и гніютъ, испуская очень тяжелый, удушливый запахъ.

Я могъ осмотрѣть слѣдующіе экземпляры:

№ 1. Саженьяхъ въ 100 вправо отъ дороги въ Старомингрельскую большая дольменная плита покрываетъ остатки большихъ камней. Размѣры этой плиты: дл. 3 арш., шир. 1 арш. 13 в., толщ. до $9\frac{1}{2}$ в. Кромѣ другихъ, лежащихъ рядомъ, камней, къ Ю.-В. отъ этой плиты лежитъ, повидимому, продольный камень до 3 арш. длины, а съ С.-В. шагахъ въ трехъ лежитъ еще другой камень такой же величины и формы.

№ 2. Шагахъ въ 10 къ Ю.-В. отъ предыдущаго дольмена находятся развалины другого дольмена: нѣсколько плитъ, болѣе мелкихъ, чѣмъ у № 1, наполовину скрытыхъ въ землѣ.

№ 3. Въ трехъ шагахъ къ Ю.-В. находится одна сохранившаяся плита дл. 3 арш. 12 в., шир. 1 арш. 9 в., толщ. до 7 в. Камень трескунъ, щебеночный.

Всѣ эти три дольмена расположены наверху хребтика или невысокаго (до 1 саж.) вала, идущаго въ Ю.-В. направленіи. Кромѣ того, шагахъ въ 20 отъ дольмена № 3 въ томъ же Ю.-В. направленіи находятся двѣ кучи мелкихъ камней, которыя покрыты опавшимъ листомъ деревьевъ и папоротниковъ. Въ разныхъ мѣстахъ находится много такихъ кучъ: это, вѣроятно, курганы, выложенные сверху камнемъ. Высота этихъ кургановъ доходитъ иногда до $1\frac{1}{2}$ —2 саж.

№ 4. Шагахъ въ 30 къ Югу отъ дольмена № 3 (и шагахъ въ 5 отъ вышеуказанныхъ кучъ) остатки дольмена съ обрушившимися плитами. Уцѣлѣла покачнувшаяся передняя плита съ круглымъ отверстіемъ. Ширина этого камня 1 арш. 11 в., толщ. $4\frac{1}{2}$ в. Диаметръ круглаго отверстія 9 в. Верхній камень сползъ къ Ю., толщина его около 9 в., шир. 1 арш. 14 в., длину трудно опредѣлить, такъ какъ камень находится частью уже въ землѣ и среди густого кустарника.

№ 5. Рядомъ съ дольменомъ № 4 находятся остатки другого дольмена, еще болѣе разрушеннаго.

Оба дольмена, № 4 и 5, находятся на небольшомъ возвышеніи. Шагахъ въ 30 къ Ю. отъ нихъ опять куча камней.

№ 6. Шагахъ въ 10 отъ этой кучи остатки дольмена. Верхняя плита придавила другія плиты. Ея размѣры: длина 3 ар. 3 в., шир. 3 ар. 1 в., толщ. $9\frac{1}{4}$ в. Сохранилась также одна, стоящая къ Ю, плита, имѣющая въ шир. 1 ар. 6 в. и толщ. $7\frac{1}{2}$ в.

Около еще нѣсколько каменныхъ кучъ.

№ 7. Шагахъ въ 50 къ Ю. отъ первыхъ дольменовъ, на косогорѣ, къ р. Крученой, остатки сравнительно хорошо сохранившагося дольмена. Передняя плита, съ отверстіемъ, обращена на В, стоитъ совершенно прямо. Правая продольная плита покачнулася внутрь дольмена. Верхній камень сползъ назадъ.

Передняя плита имѣетъ высоту до земли 1 ар. $7\frac{1}{2}$ в., шир. 1 ар. 14 в., толщ. 5 т. Диаметръ круглаго отверстія $8\frac{1}{2}$ в.; разстояніе верхняго края отверстія отъ верхняго края плиты $13\frac{1}{2}$ в.; разстояніе отверстія до земли $1\frac{1}{2}$ в.

Продольная правая имѣетъ пазъ для передней въ видѣ вогнутой, сдѣланной вглубь, колонки; въ ней же замѣтны пазы, очевидно выдѣланные для части верхней плиты, чтобы она плотнѣе сидѣла.

Верхній камень имѣетъ дл. 3 ар. $3\frac{3}{4}$ в., шир. 3 ар. 7 в. и толщ. до 9 в. Онъ имѣетъ форму трехугольника.

№ 8. Шагахъ въ 30 къ В. отъ дольмена № 1 развалины дольмена.

№ 9. Шагахъ въ 10 къ В. отъ дольмена № 8—сравнительно хорошо сох-

ранившійся дольмень съ остатками круглаго отверстія, обращеннаго къ В. Измѣрить дольмень представлялось дѣломъ очень труднымъ, вслѣдствіе массы густого кустарника. Плиты, на глазъ, среднихъ размѣровъ.

№ 10. Въ 2 шагахъ къ З. отъ № 9 дольмень. Верхній камень имѣетъ дл. 4 ар. 1 в. шир., 2 ар. 13 в. и толщ. 7 в. Круглое отверстіе находится въ плитѣ, обращенной къ В.

№ 11. Къ СВ. шагахъ въ 15 отъ № 10 находится сравнительно хорошо сохранившійся дольмень. Верхняя плита имѣетъ длину 3 ар., шир. 1 ар. 13 в. и толщ. 7 в. Отверстіе, находящееся на половину въ землѣ, имѣетъ діаметръ 8 в. отъ верхняго края отверстія до верхняго края плиты 15 в. слѣдовательно, высота передней плиты отъ земли 1 ар. 3 в. Передняя плита, съ отверстіемъ обращена на В.

Верхняя плита покрыта мохомъ. Въ продольныхъ камняхъ замѣтны пазы. Дольмень покать назадъ.

№ 12. Рядомъ съ дольменомъ № 11 стоитъ совершенно разрушенный дольмень. Оба они стоятъ среди очень густого кустарника.

№ 13. Шагахъ въ 50 къ В. отъ дольмена № 1 находится довольно порядочно сохранившійся дольмень. Черешня, высотой въ нѣсколько сажень, выросшая въ лѣвомъ углу дольмена, разодрала верхнюю плиту надвое. Спереди и сзади выступающія плиты образуютъ ниши.

Размѣры верхняго камня: толщ. 9 в., шир. 2 ар. 1 в. и длина (вмѣстѣ съ трещиной, которая имѣетъ шир. 3 в.) 4 ар. 5 в.

Длина правой продольной плиты 4 ар. 1 в.

Передняя плита имѣетъ высоту до земли 1 ар. 6 в. шир. 1 ар. 10 в. Діаметръ круглаго отверстія 10 в. разстояніе отъ отверстія до верхняго края плиты $12\frac{1}{2}$ в. Верхняя плита имѣетъ пятигранную форму. Она выступаетъ впередъ на $8\frac{1}{2}$ в.

Въ правой продольной плитѣ замѣтны пазы для передняго камня. Впереди дольмена, почти рядомъ съ нимъ, валялась каменная втулка—пробка. Длина ея, всей 11 в. окружность самой втулки 1 ар. 4 в. Нижняя часть отломлена. Форма втулки—грибообразная.

№ 14. Шагахъ въ 15—20 къ ЮВ. отъ дольмена № 13 развалины дольмена.

№ 15. Шагахъ въ 20 къ В. отъ дольмена № 13 — разрушенный дольмень, отъ котораго уцѣлѣли части стѣнокъ. Отверстіе обращено на В. Внутри выросъ кустарникъ.

№ 16. Шагахъ въ 100 къ В. отъ дольмена № 1 развалины дольмена. Верхняя плита придавила все; ея размѣры: длина 3 ар. 14 в., шир. 3 ар. $1\frac{1}{2}$ в. и толщ. 7 в. Верхняя плита имѣетъ форму правильнаго четырехугольника.

17. Шагахъ въ 5 къ западу отъ дольмена № 1—развалившійся дольмень.

№ 18. Шагахъ въ 50 къ З. отъ дольмена № 1 развалившійся дольмена. Плиты значительно ушли въ землю.

№ 19. Шагахъ въ 10 къ ЮЗ. отъ дольмена № 18—разрушенный дольмень. Верхняя плита все придавила и сама треснула пополамъ. Размѣры ея средніе.

Всего по Абинской щели, съ ея ближайшими окрестностями, насчитывается по моей описи 84 дольмена, изъ которыхъ лучше другихъ сохранились 7 изъ Шапсугскихъ дольменовъ; остальные же являются значительно разрушенными

человѣкомъ или природой. Часто дольмень бываетъ разрушенъ до самаго фундамента, а иногда даже остается только одна память о томъ, что тутъ или тамъ былъ прежде дольмень, а отъ самаго дольмена не осталось даже камней. Почти то же можно сказать и о дольменахъ слѣдующихъ областей.

2. Бассейнъ рр. Бугундыра, Антхыра, Малаго Хабля, Хабля, Иля, Убина и Афипса,

Дольмены по р. Бугундыру близъ ст. Эриванской и по водораздѣлу рр. Бугундыра и Антхыра; ст. Ахтырская; ст. Холмская; дольмены близъ бывшаго пос. Грузинскаго, на г. Паникѣ, близъ Сосноваго Поста; пос. Ильскій: дольмены и черкесскія могилки; пос. Азовскій; пос. Смоленскій.

Слѣдующую группу дольменовъ представляютъ дольмены, разсѣянные спорадически по долинамъ или, лучше сказать, по бассейнамъ рр. Бугундыра, Антхыра, М. Хабля, Хабля, Иля, Убина и Афипса. Описываю ихъ также въ порядкѣ своего дневника.

Бассейнъ р. Бугундыра.

Верстахъ въ 3 отъ ст. Эриванской и въ 19 отъ ст. Ахтырской, по лѣвую сторону дороги изъ Эриванской въ Ахтырскую, саженьяхъ въ 150 отъ этой дороги стоитъ большой, хорошо сохранившійся дольмень. Находится онъ въ лѣсу на довольно крутомъ склонѣ хребта къ р. Большому Бугундыру. Дольменная камера высѣчена изъ одной цѣльной глыбы и прикрыта отдѣльной верхней плитой.

Задняя стѣнка имѣетъ шир. 3 ар. 1 в., высоту, отъ верхней плиты до земли, 2 ар. 12 $\frac{1}{2}$ в. и толщ. 7 в. Въ стѣнкѣ этой имѣется также отверстіе, но оно плотно задѣлано каменною втулкою. Діаметръ этого отверстія около 10 в.

Лѣвая продольная стѣнка имѣетъ длину 4 ар. 11 в. при толщ. 5 $\frac{1}{2}$ в.

Передняя стѣнка имѣетъ ширину 3 ар. 3 $\frac{1}{2}$ в., высоту до земли 2 ар. и толщ. 7 $\frac{1}{2}$ в. Въ передней плитѣ имѣется обыкновенное отверстіе, съ діам. 10 в.; эта часть дольмена обращена на СЗ. Отверстіе находится у самой земли.

Верхняя плита имѣетъ въ длину 5 ар. 13 в., въ шир. 3 ар. 7 в. и въ толщ. 8 в. На верхней плитѣ замѣтны слѣды, повидимому, чашечекъ.

Боковыя стѣнки и верхняя плита выступаютъ за переднюю плиту, образуя нишу: продольныя стѣнки выступаютъ на 10 $\frac{1}{2}$ в., верхняя на 11 $\frac{1}{2}$ в.

Углы дольмена закруглены. Камень — песчаникъ. Выступы песчаника на этомъ склонѣ встрѣчаются очень часто и громадными массами. Вѣроятно, изъ одной подобной глыбы песчаника и былъ высѣченъ этотъ дольмень. Проводникъ говорилъ мнѣ, что сзади, рядомъ, примыкая къ этому дольмену, прежде стоялъ другой такой же дольмень, накрытый продолженіемъ той же самой верхней плиты, которая такимъ образомъ сохранилась теперь только отчасти.

Дольмень стоитъ поперекъ, а не вдоль ската.

Дальше по той же дорогѣ изъ ст. Эриванской въ ст. Ахтырскую въ $\frac{1}{4}$ версты отъ моста на р. Бугундырѣ, влѣво отъ дороги, шагахъ въ 20, находится разрушенный дольмень: верхняя плита все придавила. Размѣры верхней плиты длина 4 ар., шир. 2 ар. 10 в. Толщина этой плиты достигаетъ 1 ар., что не совсѣмъ обыкновенно.

Шагахъ въ 30 къ С. отъ этого дольмена находится другой дольмень, почти совершенно сохранившійся, только безъ правой боковой плиты. (Смот. ст. Фелицына табл. VШ, р. 15.) Передняя плита выс. до земли 1 ар. $12\frac{1}{2}$ в., шир. 1 ар. 15 в. и толщ. 7 в. Находящееся въ ней отверстіе имѣетъ діам. 8 в.; нижній край отверстія отъ земли отстоитъ на 4 в., верхній край до верха плиты—на 1 ар. 1 в. Передняя плита съ отверстіемъ обращена на ЮВ.

Задняя плита измѣрена мною извнутри дольмена: высота до земли 1 арш. 7 в., шир. 1 арш. 15 в. и толщ. 7 в.

Лѣвая продольная плита имѣетъ дл. 4 арш. 6 в.

Верхняя плита имѣетъ дл. 4 арш. 9 в., шир. 3 арш. 6 в. и толщ. 8 в.

Дольмень покать назадъ; въ планѣ имѣетъ форму четырехугольника. Верхняя плита выступаетъ впередъ за переднюю на 12 в., лѣвая боковая верхка на 4—6.

На вершинѣ хребта, отдѣляющаго долину р. Большого Бугундыра отъ долины р. Антхыра, верстахъ въ 4—5 отъ ст. Эриванской (въ 17—18 отъ ст. Ахтырской) и въ 1 верстѣ вправо отъ дороги въ Ахтырскую на углу межи юртовъ Эриванскаго и Ахтырскаго, близъ просѣки, находятся три полуразрушенныхъ дольмена.

№ 1. Первый дольмень боковыя плиты длиною 4 ар. 7 в.; одна изъ поперечныхъ имѣетъ длину 2 ар. 11 в. Стѣнки расползлись въ стороны.

№ 2. Расположенный шагахъ въ 50 къ С. отъ перваго не могъ быть обмѣренъ.

№ 3. Шагахъ въ 30 къ СЗ. отъ него былъ, очевидно, высѣченъ изъ одного цѣльнаго камня.

Дольмень этотъ покать впередъ. Часть передней плиты отбита, но часть круглаго отверстія сохранилась. Высота до земли передней плиты, сохранившейся части, 1 ар. $9\frac{1}{2}$ в., толщ. 7 в. Отверстіе почти наполовину находится въ землѣ. Отъ верхняго края плиты до отверстія 1 ар. 2 в. Отверстіе обращено на С.

Лѣвая боковая плита имѣетъ дл. 3 ар. $14\frac{1}{2}$ в.

Задняя стѣнка имѣетъ *замурованную втулку*. Размѣры стѣнки: выс. до выступа пола 2 ар. 2 в. шир., отъ паза до паза, 2 ар. 11 в. и толщ. $8\frac{1}{2}$ в.

Лѣвая стѣнка выступаетъ за заднюю верхковъ на 5.

Кромѣ стѣнокъ, и дно дольмена высѣчено изъ той же одной глыбы. Дно это вѣроятно, имѣло нѣсколько корытообразную форму и выступаетъ за заднюю стѣну верхковъ на 4—5. Такимъ образомъ у дольмена составляется не большая задняя ниша.

Верхняя плита, образующая, какъ всегда, отдѣльный отъ камеры камень, имѣетъ дл. 3 ар. 3 в. и толщ. 7 в. Углы дольмена между смежными стѣнками не округлые, а острые, хорошо обдѣланные.

Долина р. Антхыры.

Далѣе до самой Ахтырской станицы, стоящей на р. Антхырѣ. я не встрѣтилъ дольменовъ. Но въ самой станицѣ, близъ станичнаго правленія я увидалъ дольмень, имѣвшій всѣ характерныя особенности дольмена, хотя и очень небольшихъ размѣровъ. Но станичный атаманъ сказалъ мнѣ, что этотъ дольмень былъ найденъ въ землѣ при корчевкѣ пней, верстахъ въ 2 отъ станицы, вверхъ по р. Антхыру, около нефтянки. Позднѣе его перенесли въ станицу и составили приблизительно такъ, какъ онъ былъ найденъ въ землѣ.

Размѣры этого дольмена: верхней плиты дл. 1 ар. 14 в., шир. 1 ар. 15 в. и толщ. $4\frac{1}{2}$ в.; правой продольной дл. 2 ар. $6\frac{1}{2}$ толщ. 3 в.; задней шир. 1, 5 в.; передней—выс. до земли. 1 ар. 3 в. и шир. 1 ар. 7 в. Въ передней плитѣ отверстіе, діам. $9\frac{1}{4}$ в. съ каменною втулкою. Окружность втулки—1 ар. 6 в. длина $9\frac{1}{2}$ в.

На правой продольной плитѣ замѣтны легкіе пазы, сдѣланные вглубь. По пазамъ видно, что она нѣсколько выступала за переднюю, образуя нишу.

Верхній камень имѣетъ чашечки и покрытъ черточками, которыя можно принять за кресты или звѣздообразныя изображенія.

Такъ какъ во время моего прибыванія въ ст. Ахтырской не нашли опытнаго свѣдущаго человѣка, который бы могъ меня проводить къ дольменамъ въ юртѣ ст. Ахтырской, то мнѣ и не удалось лично осмотрѣть ихъ. Тѣмъ не менѣе, приѣхавъ впоследствии въ Екатеринодаръ, я просилъ Е. Д. Фелицина дать мнѣ опись археологическихъ памятниковъ, которую въ 1884 г. по его требованію составили станичные атаманы. Въ Ахтырской станицѣ меня увѣряли, что эту опись для ихъ юрта составлялъ, станичный писарь и описалъ все старательно (къ сожалѣнію, этого-то писаря въ станицѣ, когда я былъ тамъ, не было. Е. Д. Фелицинъ любезно предоставилъ мнѣ эту опись, и я сдѣлалъ изъ нея извлеченіе, касающееся исключительно дольменовъ.

1) Въ 8-ми верстахъ отъ станицы къ Югу на вершинѣ горы, называемой Лысогорской, имѣется дольмень слѣдующихъ размѣровъ: продольная 1-я стѣна—4 ар. 15 в. 2-я—4 ар. $10\frac{1}{2}$ в. въ длину, вышина обѣихъ 1 ар. $10\frac{1}{2}$ в. и $4\frac{1}{2}$ в. толщина: поперечныя 1-я—3 ар. 8 в., 2-я—2 ар. 13 в. въ длину; высота обѣихъ 1 ар. 12 в. и 5 в. толщ.; въ одной изъ короткихъ поперечныхъ плитъ находится круглое отверстіе $7\frac{1}{2}$ в. въ діаметрѣ; верхняя плита разбита на части и обрушилась на землю; надписей и начертаній на дольменѣ нѣтъ.

2). Въ 12-ти верстахъ отъ станицы къ Ю. и 85 шагахъ отъ праваго берега р. Антхырѣ на возвышенности горнаго хребта находится дольмень, высѣченный изъ цѣльной каменной глыбы, сѣраго плотнаго известняка, формы неправильной; размѣры по наружности: продольныя стѣны по нижнему краю $4\frac{1}{2}$ и 4 арш.; по верхнему краю $2\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{2}$ ар.; поперечныя стѣны по нижнему краю $2\frac{3}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ арш., а по верхнему краю $2\frac{1}{2}$ арш. и 1 ар. 10 в. Размѣры внутренняго ящика: продольныя стѣны по нижнему краю 2 и 2 ар. 5 в., по верхнему краю 2 и 1 ар. 12 в., поперечныя стѣны по нижнему краю 1 ар. 9 в. и 1 ар. 8 в., по верхнему краю 1 ар. и 1 ар. 8 в. Глубина ящика 1 ар. 14 в., толщ. стѣнъ отъ 6 до 8 в. Съ одной стороны высѣчено полукруглое отверстіе имѣющее въ діам. 12 в. Крыши на дольменѣ нѣтъ, и весь онъ находится въ полулежащемъ

положеніи. Надписей и знаковъ на стѣнахъ никакихъ нѣтъ; поврежденій незамѣтно.

3). Отъ описаннаго перваго дольмена въ 77 шагахъ къ станицѣ, 56 отъ праваго берега р. Антхырѣ на томъ же хребтѣ имѣется продолговатый четырехугольный неправильной формы дольмень, также высѣченный изъ цѣлой глыбы сѣраго плотнаго известняка, при чемъ спереди имѣется выступъ въ видѣ навѣса. Снаружи размѣръ слѣдующій: восточная сторона дл. 4 ар., западная 5 ар. 5 в., задняя или южная сторона ширины 2 ар. 14 в.; вышины передняя 2 ар. 1 в., задняя вровень съ землею, восточная 1 ар. 5 в., западная 2 ар. 10 в. Внутри дольмена длина 3 ар. 2 вер., толщина передней стѣны 9 вер., остальная внутренность совершенно закрыта и къ измѣренію недоступна. Съ передней стороны на сѣверъ сдѣлано правильное, круглое отверстіе, имѣющее въ поперечникѣ 7 вер. Верхняя плита огромныхъ размѣровъ, отесана только съ нижней стороны и плотно прикрываетъ всю внутренность. Длина ея 4 ар., шир. 3 ар., толщина 8 в. Надписей и знаковъ не имѣется, а также поврежденій не замѣтно.

Въ той же Ахтырской станицѣ и рядомъ съ вышеописаннымъ маленькимъ дольменомъ стоитъ четырехугольный известковый камень, перенесенный сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На одной его сторонѣ находится арабская надпись.

Бассейнъ рр. Хаблей.

Слѣдующіе дольмены находятся въ бассейнѣ р. Малаго Хабля и р. Хабля. Я ихъ посѣтилъ изъ стан. Холмской, лежащей на р. Хаблѣ. Верстахъ въ 6—7 отъ ст. Холмской, вверхъ по Хаблю, прежде существовалъ Холмскій поселокъ или, какъ его называютъ народъ, Грузинскій поселокъ. Теперь онъ не существуетъ. По дорогѣ изъ ст. Холмской въ горы, именно, въ Грузинскій (Холмскій) поселокъ, верстахъ въ 5 отъ Холмской и саженьяхъ въ 200 вправо отъ вышеуказанной дороги, на бугрѣ, обращенномъ склономъ къ небольшому ерику Хабля, находятся остатки трехъ небольшихъ дольменовъ. Кучи камней и скудные остатки стѣнокъ обозначаютъ мѣста, гдѣ стояли дольмены. Между Хаблемъ и ерикомъ по склону того же бугра, немного ближе къ вышеупомянутой дорогѣ, еще остатки одного дольмена: уцѣлѣла часть плиты, по всей вѣроятности, боковой. Размѣры ея слѣдующіе: высота до земли, 1 ар. 5½ в., толщ. 7 в., длина 4 ар. 3 в.; направленіе плиты СЗ—ЮВ. Сохранились слѣды пазовъ въ передней и задней части плиты; разстояніе пазовъ отъ ближайшихъ краевъ плиты равняется 5—6 в. Ширина паза—3 в. Отъ нижній плиты или настилки сохранились части: камни, представляющіе, повидимому, четырехугольникъ въ средней части дольмена.

Дальше въ верстахъ въ 2 (въ 7 в. отъ ст. Холмской) на бугрѣ, вправо отъ той же дороги сохранились ямы отъ дольменовъ, нынѣ совершенно уничтоженныхъ. По словамъ проводниковъ здѣсь было 3 дольмена: 1) одинъ, изъ цѣльнаго камня, съ отверстіемъ; 2) другой, судя по оставшейся ямѣ, большаго размѣровъ, былъ тоже съ отверстіемъ; 3) третій, судя по ямѣ, былъ меньшаго размѣровъ. Отъ этихъ дольменовъ сохранились только ямы и мелкіе камни, среди которыхъ попадаются иногда и болѣе крупныя куски плитъ.

Все эти остатки дольменовъ находятся по лѣвому берегу р. Хабля. Верстахъ въ 12 отъ ст. Холмской, на правой сторонѣ р. Хабля, находится гора Паникъ. На ВЮВ вершинѣ этой горы стоятъ два большихъ дольмена, не окруженные кустарникомъ. Окрестная лѣстность и горы отлично видны отсюда. Оба дольмена сохранились довольно хорошо. Рядомъ съ ними остатки двухъ другихъ.

1. Первый дольмень съ круглымъ отверстіемъ, обращеннымъ на ЮВ. Верхній камень — длиной 5 ар. 1 в., шир. 5 ар. 3 в., толщ. $7\frac{1}{2}$ в. Передній камень высотой до земли 1 ар. $8\frac{1}{2}$ в., шир. 3 ар. $9\frac{1}{2}$ в.; діаметръ круглаго отверстія 8 в.; отъ верхняго края отверстія до верхняго края плиты 1 ар. $\frac{1}{2}$ в. Нижній край отверстія находится какъ разъ у поверхности земли. Продольная лѣвая плита дл. 5 ар. 5 в. и толщ. $7\frac{1}{4}$ в. Оба продольные выступаютъ за переднюю плиту на 12 — 13 в.; верхній не выступаетъ, приходясь въ уровень съ передней плитой.

Въ продольныхъ плитахъ видны пазы, весьма отчетливо выдолбленные такъ что плиты пригнаты другъ къ другу очень плотно.

Задняя сторона на $\frac{2}{3}$ теперь состоитъ изъ каменной плиты, остальная треть исчезла.

Поль дольмена состоялъ, изъ одной плиты, которая теперь кой — гдѣ потрескалась.

Въ 1891 году на этой горѣ казаки косили сѣно, а такъ какъ доставка сѣна въ станицу почти невозможна, то по обыкновению сюда назиму загнали скотъ, и казаки для зимовки устроили себѣ квартиру въ вышеописанномъ дольменѣ. Въ правомъ заднемъ углу устроили печь: нѣсколько камней разжигали дровами и на нихъ пекли хлѣбы. Для выхода дыма выбили отверстіе въ правомъ углу верхней плиты. Благодаря этому, потолокъ и часть стѣнъ вверху закоптились. Дольмень ушелъ нѣсколько въ землю и имѣетъ легкій наклонъ назадъ.

2. Впереди описаннаго дольмена имѣются камни и яма, которые ничто иное какъ остатки втораго дольмена, который былъ совершенно цѣль еще 10—15 лѣтъ тому назадъ.

3. Шагахъ въ 15 къ ЮВ. дальше отъ этихъ остатковъ, на той же вершинѣ, находится развалившійся дольмень нѣсколько меньшихъ размѣровъ.

4. Шагахъ въ 10 къ ЮВ еще дальше по вершинѣ стоитъ дольмень съ выступающими за переднюю стѣнку продольными плитами на 9 в. вверху и на 17—18 в. внизу. Дольмень имѣетъ также наклонъ назадъ (рис. 44).

Передняя плита высотой, до нижней плиты, 2 ар. $2\frac{1}{2}$ в., шир. 3 ар. 8 в., толщ. 6 в.; діаметръ круглаго въ ней отверстія 8 в.; отъ верхняго края до отверстія 1 ар. 7 в. У краевъ отверстія замѣтны — выемки для шляпки втулки. Отверстіе обращено на ЮВ.

Верхняя плита не выступаетъ впередъ. Нижняя плита выступаетъ за переднюю вершковъ на 12. Продольная плита длиной 5 ар. 4 в., толщ. 7 в. Верхняя и задняя плиты раскололись и частью ввалились внутрь дольмена. Нижняя плита тоже теперь раскололась.

Впереди и съ боковъ дольмена валяются въ безпорядкѣ камни. Сзади лежитъ большой камень длин. 5 ар. 4 в., шир. $10\frac{1}{2}$ в. и толщ. 6—7 в.

Въ продольныхъ плитахъ есть пазы.

Казакъ, бывшій здѣсь лѣтъ 10—15 тому назадъ, говоритъ, что въ то время всѣ 4 дольмена были цѣлы.

Всѣ дольмены стоятъ почти на ровной вершинѣ г. Паника, съ которой открывается прекрасный видъ на окрестности.

Слѣдующій дольмень находится опять на лѣвой сторонѣ р. Хабля, верстахъ въ 15 отъ Холмской, саженьяхъ въ 200 отъ прежде существовавшего здѣсь „Сосноваго Поста“, на равнинѣ, разстилающейся у подошвы „Каменной“ горы. Дольмень довольно хорошо сохранился. Верхняя плита, почти правильной четырехугольной формы, имѣетъ длину 5 ар. 2 в., шир. 4 ар. 6 вершк. и толщ. 7 в.

Задняя стѣнка сложена изъ мелкихъ камней.

Передняя плита высотой, до половой плиты, 2 ар. 8 в., шир. 3 ар. 6 в., толщ. 9 в. Диаметръ отверстія 9 в.; разстояніе нижняго края отверстія до половой плиты 8 в. Правая продольная плита дл. 5 ар. 6 в.

Верхняя, продольная и нижняя плиты выступаютъ на 1 арш. и менѣе за переднюю плиту, образуя закрытую нишу впереди дольменной камеры

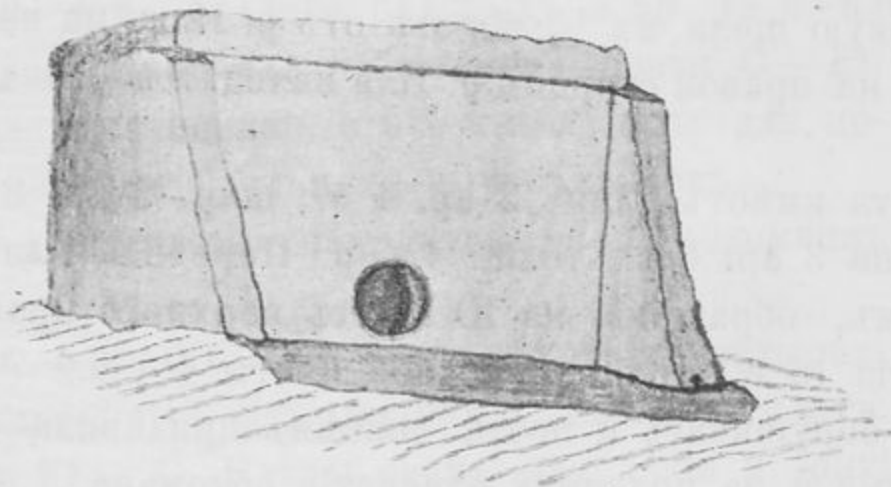

Рис. 44.

Нижняя, половая, плита замѣтна внутри дольмена до половины его. Дольмень покать назадъ. Часть передней плиты внизу отбита. Въ верхней, боковыхъ и нижней плитахъ видны четырехугольные пазы, сдѣланные для придерживанія передней плиты. Передняя плита съ отверстіемъ обращена на Ю.

Густой кустарникъ окружаетъ дольмень и мѣшаетъ точному обозрѣнію памятника; точно также мѣшаютъ пчелы, которыя, повидимому, помѣстились внутри дольмена.

Шагахъ въ 15 къ ЮВ. отъ этого дольмена слѣды разрушеннаго дольмена.

Въ верстѣ отъ Сосноваго Поста, на правой сторонѣ р. Малаго Хабля, недалеко отъ ея сліанія съ р. Большимъ Хаблемъ, въ 15 верстахъ отъ Холмской, стоитъ на скатѣ горы, среди лѣса и крупнаго кустарника, полуразрушенный дольмень, погруженный въ землю до половины отверстія.

Продольныя плиты и верхняя выступаютъ за заднюю плиту на $\frac{1}{2}$ арш. и болѣе. Передняя плита имѣетъ высоту до земли 1 ар. 14 в., шир. 3 ар. 6 в., толщ. 7—8 в.; диаметръ отверстія 8 в. Лѣвая продольная дл. 4 ар. 4 в., толщ. 5—6 в. Верхняя плита значительно обломана. Толщина ея 10—12 в., ширина, въ наиболѣе уцѣлѣвшей части, 4 ар. 7 в.

Слабые слѣды пазовъ замѣчаются въ боковыхъ плитахъ.

Задняя плита вросла почти совершенно въ землю; по измѣренію внутри ея выс. 2 ар. 14 в.

Атаманъ ст. Холмской говорилъ мнѣ про одинъ большой курганъ, который находится по дорогѣ въ ст. Ильскую, на скатѣ къ р. Азипсу и къ Широкой балкѣ, слѣво отъ дороги въ ст. Ильскую. Курганъ этотъ отчасти распаханъ, и на немъ уже сѣяли хлѣбъ. Курганъ имѣетъ высоту болѣе 3 саж., а въ поперечникѣ до 15 саж.; онъ, видимо, расплылся; имѣетъ скатъ болѣе къ р. Азипсу. Съ восточной стороны онъ когда-то имѣлъ родъ обрыва. Въ прежнее время грабители пытались раскопать курганъ, но имъ помѣшали.

Атаманъ станицы говорилъ, еще о другихъ дольменахъ, но болѣе опредѣленнаго ничего не могъ мнѣ сказать.

Бассейнъ р. Иля.

Въ юртѣ ст. Ильской нѣтъ дольменовъ, но вверху по теченію р. Иля, верстахъ въ 5 отъ поселка Ильскаго, по вершинѣ лѣсистаго хребта, раздѣляющаго Грузинскую и Сосновую щели, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ р. Иля, на верху кручи передъ спускомъ къ долиנѣ на правой сторонѣ р. Иля находятся развалины небольшихъ дольменовъ.

1. Верхняя плита имѣетъ длину 3 ар. 4 в., шир. 2 ар. 8 в., толщ. $4\frac{1}{2}$ в. Правая боковая длина 3 ар. 6 в., толщ. 4 вер. Передняя плита, т. е. плита съ круглымъ отверстіемъ, обращена на ЮЗ. Отъ верхняго края передней плиты до круглаго отверстія 15 в.; толщ. передней плиты $4\frac{1}{2}$ в.

Верхняя плита обрушилась и почти совсѣмъ придавила другія плиты; передняя лежитъ плоско и на половину отверстія обломана.

Верхняя плита изъ известняка; измѣренная боковая—изъ трескуна, щебняка. Въ правой продольной плитѣ замѣчается четырехугольный пазъ. Верхняя плита съ чашечками.

Года три тому назадъ одинъ казакъ будучи на охотѣ, нашелъ въ дольменѣ этомъ медвѣдя, котораго и убилъ.

2. Рядомъ съ вышеописаннымъ дольменомъ, къ СЗ. отъ него, нѣсколько большихъ, теперь совершенно разбитыхъ камней—остатковъ дольмена.

3. Рядомъ съ этими остатками другіе остатки большихъ камней. Одинъ изъ нихъ—очевидно, боковая плита съ пазами—имѣетъ длину около 3 ар. 9 в. Одна изъ валяющихся тутъ же плитъ имѣетъ остатки круглаго отверстія; шир. этой плиты 1 ар. 5 в.; приблизительный діаметръ отверстія 7 в.; толщина плиты по отверстію 4 в. По краямъ отверстія виденъ желобокъ, вѣроятно, для шляпки отъ втулки, какъ въ Холмскомъ дольменѣ.

Рядомъ съ этими дольменами находятся „черкесскія могилки“; тонкія плиты поставленныя въ землю такимъ образомъ, что составляютъ небольшой ящикъ, въ видѣ трапеціи, отмѣчая на поверхности земли то мѣсто, гдѣ погребенъ „правовѣрный“. Длинная ось ящика имѣетъ направленіе СЮ, южная часть расширяется. Длина сторонъ 2 ар. 14 в. по верхнему краю плиты, а внутреннее помѣщеніе, по землѣ, имѣетъ длину 2 ар. $4\frac{1}{2}$ в. такъ какъ во-первыхъ, вычитается толщина плитъ и, во-вторыхъ, плиты вверху нѣсколько расходятся. Ширина въ

сѣверномъ концѣ 1 ар. 4 в., а въ южномъ—1 ар. 8 $\frac{1}{2}$ в., включая сюда и толщину боковыхъ плитъ, которая равняется приблизительно 3 в. Плиты имѣютъ въ длину около 1 ар. Въ сѣверной части трапеціи, на разстояніи $\frac{1}{2}$ ар. сѣверной поперечной плиты, торчкомъ поставлена небольшая плитка. Остальныя плиты укрѣплены въ землѣ длинными сторонами и возвышаются надъ землей не болѣе $\frac{1}{2}$ арш.

4. Шагахъ въ 20 къ западу отъ черкесскихъ могилкохъ находятся остатки дольмена малыхъ размѣровъ. Уцѣлѣли три плиты имѣющихъ направленіе ССЗ—ЮЮВ.

Въ боковыхъ плитахъ имѣются ясныя слѣды округлыхъ пазовъ для вставки поперечныхъ плитъ. За пазами съ обоихъ концовъ боковыя плиты выступаютъ, образуя ниши и спереди, и сзади дольмена. Выступы эти имѣютъ 3 $\frac{1}{2}$ в. Камень—песчаникъ.

5. Шагахъ въ 30 къ З. отъ описаннаго дольмена по тому же узкому верху хребта остатки не большого дольмена: 4 боковыхъ плиты цѣлы, верхней плиты нѣтъ. Отверстія въ поперечной плитѣ нѣтъ. (Рис. 45).

Размѣры плитъ такіе: высота до земли у всѣхъ одинаковая—1 ар., толщ. тоже одинаковая—4 в., а длина боковыхъ 2 ар. 12 в. или 15 в.; ширина поперечныхъ 1 ар. 1 в. Направленіе дольмена почти С—Ю. Въ боковыхъ плитахъ сдѣланы округлые пазы для поперечныхъ. Въ серединѣ дольмена выросъ дубокъ.

Рядомъ съ дольменомъ находится масса обломковъ камней.

Шагахъ въ 5 къ ЮЗ. отъ него находится четырехугольникъ составленный изъ мелкихъ, тонкихъ плитъ. Направленіе его Ю—С. Плиты очень маленькія и тонкія; надъ землею возвышаются на $\frac{1}{4}$ ар.

Въ самомъ Ильскомъ поселкѣ, на бывшемъ Шаповаловомъ дворѣ, находится яма отъ существовавшаго дольмена. Сохранилось также нѣсколько камней.

Въ Ильскомъ поселкѣ повсюду разсѣяны курганы. Не разъ жителямъ приходилось разрывать тотъ или другой для того, чтобы построить хату, и тогда въ курганахъ находили шашки и кинжалы „большихъ размѣровъ“.

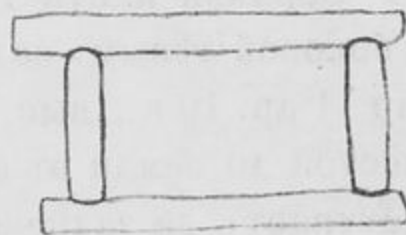

Рис. 45.

Бассейнъ р. Убина.

Для обслѣдованія дольменовъ, находящихся въ бассейнѣ р. Убина, я отправился въ пос. Азовскій. Мѣстные жители его называютъ Папайкой, по горѣ Папай, которая находится въ 12—15 верстахъ къ ЮЗ отъ поселка. Ближе къ поселку, верстахъ въ 5—6 къ ЮВ отъ него, лежитъ гора Соберъ-Оашъ. Эта гора считалась у черкесовъ священной. Почти такой же священной считается она почему то и у насъ, русскихъ. Въ праздникъ св. Троицы народъ, съ обѣихъ доступныхъ сторонъ: со стороны пос. Азовскаго и со стороны Смоленскаго (Собераховки), цѣлыми толпами валить на гору. Даже священникъ изъ ст. Азовской, говорятъ, долженъ былъ уступить народному убѣжденію и въ этотъ праздникъ совершаетъ молебствіе на вершинѣ горы.

Дольмены, которые мнѣ удалось осмотрѣть въ окрестностяхъ пос. Азовскаго, слѣдующіе:

1. Верстахъ въ 2 отъ п. Азовскаго, къ Ю. отъ него, на вершинѣ невысокаго хребта, влѣво отъ дороги въ горы, близъ р. Убина, находятся остатки дольмена. *Втулка этого дольмена* служитъ нынѣ въ поселкѣ опорой для столба, поддерживающаго крышу хаты.

2. Верстахъ въ 5 къ Ю отъ пос. Азовскаго, около Симоненкова коша, среди густого хмереча, на небольшомъ скатѣ передъ кручею къ р. Убину Великому, на лѣвой сторонѣ ея, находятся остатки полуразрушеннаго дольмена съ разбитою верхнею плитою и упавшей передней. Передняя плита была обращена прямо на В. Ея размѣры: выс. 1 ар. 15 в., шир. 1 ар. 13 в. Отверстіе въ передней плитѣ овальное, имѣющее діаметры 7 и 8 в. Отъ верхняго края плиты до отверстія 1 ар. $\frac{1}{2}$ в., отъ края отверстія до бокового края плиты съ одной стороны около 9 в., а съ другой около 11 в. Толщина плиты, по отверстию, $3\frac{1}{2}$ в. а въ другихъ частяхъ до 5 в.

Лѣвая боковая, лучше сохранившаяся, имѣетъ длину 4 ар. 3 в.; высота ея до земли, въ передней части, 1 ар. 10 в., въ задней части 1 ар., при толщ. въ 5—7 в. Часть обколосась.

Верхняя плита толщ. 5 в. частью разбита; сохранившійся обломокъ лежитъ на боковой лѣвымъ заднимъ угломъ; остальное же все обрушилось. Задняя плита: шир. 1 ар. 10 в., выс. до земли 1 ар., толщина 4—5 в. Правая длиной 3 ар. 7 в., высотой до земли въ заднемъ концѣ 1 ар. 6 в., толщ. 5—7 в. Лѣвая боковая выступаетъ за заднюю на $\frac{1}{2}$ арш., правая — вершка на 3 образуя такимъ образомъ неправильные выступы.

Въ боковыхъ плитахъ для передней плиты замѣтны легкіе округлые пазы, шир. въ 2 в., за которые лѣвая плита выступаетъ на 10—11 в., а правая на 2—3 в. И для задней плиты—въ боковыхъ видны пазы. Всѣ плиты чуть-чуть разъѣхались, можетъ быть, вслѣдствіе этого плиты кверху немного сближаются.

Камень—песчаникъ.

Кругомъ валяются обломки плитъ. Въ срединѣ дольмена выросъ дубокъ.

3 и 4. Верстахъ въ 4 отъ Азовскаго поселка, къ ЮЗ. отъ него, по хребту, раздѣляющему долину р. Великаго Убина отъ р. Малаго Убина, по небольшому скату этого хребта къ В., находятся остатки двухъ дольменъ, шагахъ въ 10 влѣво отъ дороги въ горы. Одинъ отъ другого дольмены находится на разстояніи шаговъ 200. Дольмены эти теперь совершенно уничтожены каменщиками, употребляющіе ихъ на разныя поддѣлки. Обломки камней разбросаны въ безпорядкѣ. Вся мѣстность поросла молодыми дубками.

5. Дальше, вправо отъ дороги, шагахъ въ 20, остатки дольмена, стоявшаго на небольшомъ возвышеніи. Этотъ дольмень былъ разбитъ еще черкесами.

6. Шагахъ въ 20 къ С. отъ него снова остатки дольмена. Валяются расколотыя плиты. Толщина одной изъ нихъ 6 в.

7. 8. и 9. Въ полувёрстѣ отъ той же дороги, вправо отъ нея, находятся остатки 3 дольменовъ, разрушенныхъ каменщиками. Они стоятъ рядомъ на вершинѣ хребтика, склоняющагося къ В. Первый изъ нихъ, крайній къ Ю., совершенно разрушенъ. Сохранились только остатки одной плиты, длин. 3 ар. 7 в., толщ. 6 верш., шириной болѣе 1 ар.

Средній дольменьъ лучше сохранился. Верхняя плита, длиной около 3 ар. 14 в., шир. 2 ар. 10 в., толщ. $7\frac{1}{2}$ в. Верхняя плита обрушилась на боковыя и, опрокинувъ, придавила ихъ. Передняя плита, съ большимъ круглымъ отверстіемъ, была обращена на ЮВ. Говорять, что у этого дольмена *имѣлась втулка*.

Третій дольменьъ, крайній къ С. (всѣ они лежатъ другъ отъ друга шагахъ въ 3—5), тоже разрушенъ. Сохранились только: лѣвая боковая плита и части боковой плиты.

Лѣвая боковая дл. 4 ар. 4 в., выс. до земли 1 ар. 2 в., толщ. 6 в. Передняя плита имѣетъ ширину въ сохранившейся части 1 ар. 13 верш.; діаметръ отверстія 9 в. Задняя плита имѣетъ ширину сохранившейся части 1 ар. 10 в.

Всѣ плиты верхними частями нѣсколько покачнулись внутрь дольмена.

Въ лѣвой боковой плитѣ находятся округлые пазы для передней и задней плитъ. Ширина пазовъ 4 в. Лѣвая плита выступаетъ за переднюю на 10 в.

Передняя плита съ отверстіемъ обращена на ЮВ.

Кругомъ этихъ дольменовъ масса мелкихъ разбитыхъ камней.

Бассейнъ р. Афипса.

Далѣе къ Востоку, въ бассейнѣ р. Афипса я нашелъ лишь одинъ полуразрушенный дольменьъ. Этотъ дольменьъ находится верстахъ въ 4 къ ЮЗ отъ Смоленскаго поселка (въ простонародьи Собераховка, отъ близлежащей горы Соберъ-Оашъ), вверхъ по теченію р. Афипса, на лѣвой сторонѣ рѣки, вправо отъ дороги въ горы. Онъ расположенъ на В. склонѣ хребта, ограничивающаго съ З. долину р. Афипса. Задней стѣнкой дольменьъ прислоненъ вплотную къ скату горы; боковыя плиты тоже облегаются землей. Направленіе дольмена ЮЮЗ. Изъ плитъ сохранились только задняя и двѣ боковыя. Размѣры ихъ были взяты изнутри дольмена:

Правая боковая дл. 2 ар. $9\frac{1}{2}$ в., выс. до земли 1 ар. 2 в., толщ. 7 в. Лѣвая боковая дл. 2 ар. 3 в., выс. до земли 15 в., толщ. 8 в. Задняя плита шир. 1 ар. 11 в., выс. до земли $15\frac{1}{2}$ в. Ширина на мѣстѣ передней плиты около 2 арш. Передніе края боковыхъ плитъ оббиты. Форма дольмена трапецоидальная. Задняя плита крѣпко пригнана въ округлые пазы боковыхъ плитъ.

Внутренность дольмена заполнена землей, мелкими каменьями и листьями.

Обломки передней плиты толщ. 7 в., съ слѣдами круглаго отверстія, валяются тутъ же.

Говорять, что на передней плитѣ имѣлись какія-то буквы. Этотъ дольменьъ разрушенъ лѣтъ 10 тому назадъ.

Здѣсь, повидимому, кончается первый районъ распространенія дольменовъ, обнимающій собою пространство отъ ст. Шапсугской до поселка Смоленскаго, въ бассейнѣ указанныхъ рр. Абина—Афипса. Бассейнъ р. Шебша образуетъ перерывъ въ области распространенія дольменовъ. Вторая область дольменовъ приходится на бассейнъ р. Псекупса и р. Пшиша; наконецъ, третья область дольменовъ—это бассейнъ р. Бѣлой и р. Курджипса непосредственно. Перерывъ между второй и третьею областями составляетъ бассейнъ р. Пшехи.

3. Бассейнъ рр. Шебша, Псекупса, Пшиша, и Пшехи.

Ст. Шабанотхамахинская: плита съ остатками надписи; пос. Шапсугскій: пещера; пос. Пятигорскій — дольмень; сел. Горячій Ключъ — пещеры; сел. Садовое — круглые дольмены; Гойды — остатки дольменовъ, каменные курганы; Перевальное — большой круглый дольмень. Гунейское — дольмены; пос. Ходыжинской — курганы, пещеры, плита съ изображеніемъ; ст. Апшеронская — кости животныхъ; ст. Самурская — плита съ изображеніями.

И такъ, полоса шириной около 25 верстъ, заключающаяся между меридіанами пос. Пятигорскаго и пос. Смоленскаго, не имѣетъ дольменовъ.

По дорогѣ изъ ст. Ставропольской въ ст. Шабанотхамахинскую (попросту Шабановка), по р. Шебшу, мѣстахъ въ 2 — 3, замѣтно нѣчто въ родѣ городищъ съ валами и вѣздами.

Дальше къ ЮЗ. отъ ст. Шабанотхамахинской, вверхъ по р. Шебшу, верстахъ въ 12 отъ станицы, по дорогѣ въ Вуланку, надъ самой р. Шебшемъ стоитъ остроконечная плоская каменная плита, высотой около $1\frac{1}{2}$ саж., шир. 14 в. внизу и толщ. 5 в. Плоскія стороны обращены къ В. и З. На восточной сторонѣ красной краской нанесены слова (высота буквъ до 4 в.). Эти слова теперь наполовину стерлись, наполовину сбиты.

Вѣроятно, на этотъ самый камень указываетъ Гр. П. С. Уварова въ своихъ „Путевыхъ замѣткахъ“ по Кавказу *) говоря „въ числѣ древностей укажемъ еще на.... небольшой камень съ изображеніемъ креста и византійской надписью въ ущельѣ р. Шебша къ югу отъ Екатеринодара“... Изображенія креста на плитѣ нынѣ я не замѣтилъ.

Въ ст. Дефановской ничего не могли мнѣ указать. Изъ пос. Шапсугскаго я посѣтилъ известковую пещеру, которая лежитъ верстахъ въ 10—12 къ В. отъ поселка. Входъ въ пещеру находится въ крутомъ скатѣ горы къ долинѣ р. Чепси. Входное отверстіе не велико, немного болѣе печного. Оно обращено на ВСВ. Общее направленіе пещеры — западное; дно постепенно, въ глубь пещеры повышается, по дну бѣжитъ ручеекъ. Протяженіе пещеры около 2—3 верстъ. Узкій коридоръ постепенно приводитъ въ 4 небольшія залы, лежащія одна отъ другой въ близкомъ разстояніи. Въ задней части коридоръ становится и узкимъ, и низкимъ, такъ что приходится пробираться по водѣ ползкомъ. Вездѣ сталактитовыя и сталагмитовыя образованія. Полъ чаще всего каменистый или покрытъ вязкой глиной.

Пещера почиталась, да и теперь еще почитается священной: наши спутники боялись даже входить туда въ шапкахъ.

Бассейнъ р. Псекупса

Добравшись до пос. Пятигорскаго, я снова услышалъ, что здѣсь есть одинъ дольмень. Пос. Пятигорскій расположенъ на рѣчкѣ Пятигоркѣ, составляющей

*) Гр. П. С. Уварова „Путевыя замѣтки по Кавказу“, т. I стр. 77.

одинъ изъ притоковъ рѣчки Хребтовой, которая впадаетъ въ р. Псекупсъ. Верстахъ въ 4 къ западу отъ пос. Пятигорскаго, вверхъ по р. Пятигоркѣ, влѣво отъ дороги въ пос. Тхамахинской, саженьяхъ въ 100 отъ дороги и рѣчки, находится полуразрушенный дольмень безъ передней плиты. (Рис. 46). Дольмень стоитъ среди порядочнаго лѣса и въ мѣстности сплошь покрытой папоротникомъ.

Почти весь дольмень, сзади и съ боковъ, окруженъ землею; только передняя часть, нѣсколько возвышенная, выдается изъ земли; поэтому дольменные плиты пришлось отчасти измѣрять изнутри. Поверхность земли внутри дольмена неровная. Верхняя плита (изнутри) имѣетъ дл. 2 ар. $9\frac{1}{2}$ в. до задней плиты; ширину (сверху, снаружи) 2 ар. 6 в., толщ. 5 в.

Правая боковая дл. 2 ар. 14 в., выс. до земли 1 ар. 2 в., а высота до нижней плиты 1 ар. 8 в., толщ. 5 в. Лѣвая боковая дл. 2 ар. 15 в., высотой до зе-

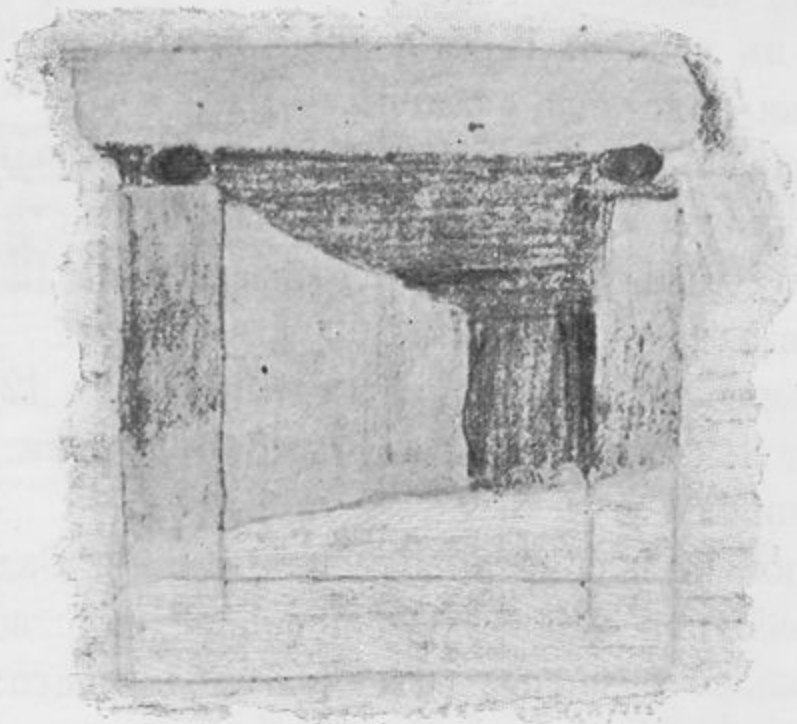

Рис. 46.

мли 1 ар. $5\frac{1}{2}$ в., высотой до нижней плиты 1 ар. 8 в. и 1 ар. 12 в., толщ. 6 вер.

Передняя часть боковыхъ плитъ оббиты. Въ боковыхъ плитахъ для передней и задней плиты есть четырехугольные пазы, напр., въ лѣвой боковой плитѣ для передней—пазъ шир. 4 в. Передняя плита, вѣроятно, имѣла ширину 1 ар. 7 в.

Верхняя плита нѣсколько приподнята, и подъ нее подставлены, какъ видно по воспроизводимому рисунку, на боковыя плиты небольшіе камни. Сдѣлано это, вѣроятно, въ послѣдствіе людьми желавшими воспользоваться верхнею плитою для какихъ нибудь поддѣлокъ.

Задняя плита имѣетъ изнутри шир. 1 ар., и высоту до насыпной земли 1 арш.

Въ верхней плитѣ въ лѣвой передней части есть чашечка, діам. $4\frac{1}{2}$ вер. Верхняя плита въ задней части имѣетъ выступъ для того, чтобы крѣпче сидѣла на боковыхъ и задней. Переднею стороною дольмень обращенъ на ВСВ.

Впереди дольмена много обломковъ плитъ.

Дольмень стоитъ въ центрѣ небольшого возвышенія, обращеннаго къ СВ.

Возвышеніе похоже на курганъ, но, это просто естественное возвышеніе, потому что сзади оно продолжается и идетъ далеко на ЮВ.

Дольмень покать къ заду и боковыя плиты въ этомъ же направленіи сходятся.

Такъ какъ въ этомъ дольменѣ имѣлось нѣкоторое количество земли, которое могло быть еще нетронутымъ, то я и произвелъ въ немъ раскопку, которая, къ сожалѣнію, не дала никакихъ результатовъ.

На глубинѣ 6 в. отъ верховности земли внутри дольмена и на 1 ар. 8 в. отъ верхней части правой боковой оказалась нижняя плита, выступающая впередъ отъ передняго края паза въ лѣвой боковой, или считая отъ предполагаемой середины передней плиты, на 11 в. (Рис. 46); толщина её 5 в.; но она не простирается подъ всѣмъ дольменомъ, а только служитъ подставкой для передней плиты и прилегающихъ частей боковыхъ плитъ. Она имѣетъ ширину не болѣе 1 ар., совершенно разложилась отъ сырости, и поддавалась заступу, превращаясь въ песокъ. Подъ задней плитой и задней частью правой боковой плиты—новая подставка, камень.

На глубинѣ 1 ар. 7—9 в., считая отъ верхней плиты, по преимуществу къ заднимъ угламъ слѣды угля въ небольшемъ количествѣ. Высота правой боковой плиты 1 ар. 8 в.; лѣвая же идетъ глубже на 1 ар. 12 в., и въ задней части не имѣетъ подставки.

Я раскопалъ землю въ дольменѣ на глубину отъ 12 в. до 1 ар.; дальнѣйшія раскопки казались безцѣльными и даже опасными, такъ какъ каменные стѣнки грозили паденіемъ.

Слѣдующіе дольмены я осматривалъ изъ селенія Садоваго, расположеннаго на верховьяхъ р. Псекупса. Промежуточное пространство не представляетъ ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ слѣдующаго:

1. Въ мѣстѣчкѣ Горячій Ключъ, около ст. Ключевой, не доходя немного до лечебныхъ ваннъ стоитъ круглый столбъ изъ бѣловатаго мрамора. На сѣверной сторонѣ столба въ рамкѣ вырѣзана восточная надпись. Высота столба около $1\frac{1}{2}$ арш.

2. Въ окрестностяхъ Горячаго Ключа есть нѣсколько небольшихъ пещеръ. Именно, въ самомъ почти Горячемъ ключѣ песчаниковыя массы образуютъ громадный обрывъ къ низменному берегу р. Псекупса. Въ самомъ низу этой песчаниковой громады выбитъ неглубокій полукруглый гротъ: ширина его около 1 саж. при глубинѣ въ 2 ар. Вдоль стѣнки всего грота сдѣлано нѣчто вродѣ скамейки.

Выше этого грота, саженьхъ въ 3, находится небольшая пещера. Къ ней отъ грота ведутъ ступеньки, выбитыя въ песчаникѣ. Но чѣмъ выше, тѣмъ эти ступеньки болѣе сглаживаются, такъ что пробраться туда можно только съ крайними усиліями.

Еще выше, саженьхъ въ 20, и саженьхъ въ 3 отъ вершины этой песчаниковой стѣны, въ отвѣсной скалѣ зияетъ небольшое отверстіе пещеры. Пробраться туда можно только спустившись сверху по веревкѣ.

Отверстіе пещеръ обращены къ р. Псекупсу, на 3.

Наконецъ, верстахъ въ 6 отъ ст. Ключевой и верстахъ въ 4 отъ Горячаго Ключа, вверхъ по р. Псекупсу, въ 1 верстѣ отъ пос. Ховерзе, въ 1 верстѣ

вправо отъ дороги въ пос. Фанагорійскій, въ песчаниковой кручѣ надъ пересохшей теперь рѣчкой, въ мелкозернистомъ песчаникѣ, находятся искусственно высѣченныя двѣ пещеры.

Пещера, ближе расположенная къ дорогѣ, имѣетъ входное отверстіе въ половину человѣческаго роста, обращенное на ЮЗ. Въ передней части пещеры имѣется маленькое помѣщеніе въ видѣ караулки, за которымъ находится выемки для двери.

Переднія стѣны пещеры испещрены именами русскихъ посѣтителей изъ Горячаго Ключа, которые нерѣдко совершаютъ сюда прогулки. Есть и двѣ — три надписи по-арабски. Близъ входнаго отверстія имѣется изображеніе какого то животнаго (рис. 47) и равнобедреннаго креста. Длина пещеры около 5 саж. Высота ея за входнымъ отверстіемъ въ 1 ар. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе — до 1 саж.

Рис. 47.

Вторая пещера находится въ той же кручѣ, шагахъ въ 100—150 дальше въ горы. Доступъ къ этой пещерѣ труднѣе, чѣмъ къ первой. Она меньше первой. Пещера состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Второе боковое отдѣленіе имѣетъ потолокъ куполообразный,

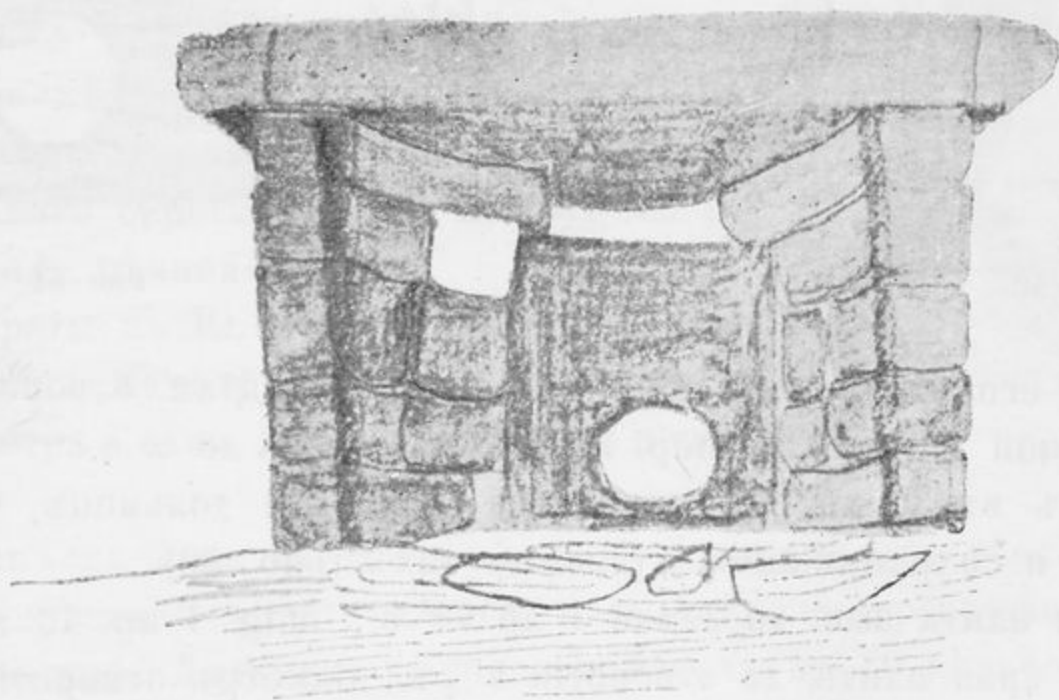

Рис. 48.

высотой до $1\frac{1}{2}$ саж.; остальное пространство узко и невысоко, не выше 2 арш. съ небольшимъ.

Верстахъ въ 8, не доѣзжая до пос. Садоваго, находится армянскій хуторъ, такъ называемый „Постикъ“ — поселеніе — дворовъ въ 15 - 20. Верстахъ въ 3 отъ этого Постика, на Собачкѣ (названіе щели и рѣчки въ ней) есть, говорятъ, полуразрушенный дольмень, который мнѣ не удалось остротрѣть.

Верстахъ въ 2 къ Ю. отъ пос. Садоваго у Мильконовой щели, находятся въ лѣсу три полуразрушенныхъ дольмена. Они стоятъ на правой сторонѣ рѣки Псекупса, на ровномъ мѣстѣ, почти верху горы, съ легкимъ склономъ къ В., въ лѣсу. Гора спускается къ Мильконовой щели.

1. Первый дольмень (рис. 48) не имѣетъ задней стѣнки. Передняя плита,

съ отверстіемъ, обращена на ЮЗ.*) Діаметръ отверстія 8 вер. Ширина передней плиты 1 ар. 8 в.; толщ. до 5 в.; высота до земли снаружи 14 в., внутри же 1 ар. 4 в.. Боковыя стѣпки полукруглыя, составлены изъ плитъ, положенныхъ другъ на друга въ пять рядовъ (рис. 49). Высота стѣнокъ до поверхности земли почти одинаковая и снаружи и внутри 1 ар. 11 в. Ширина этихъ камней отъ $\frac{1}{2}$ ар. до 2 в., толщ. до 9 в.

Ширина, соотвѣтствующая задней плитѣ 2 ар. 2 в.

Въ боковыхъ стѣнкахъ для задней плиты, или стѣнки, округлые пазы, ширина 4 в.

Верхняя плита длин. 2 ар. 13 в., шир. 3 ар. 7 в. и толщ. 6 в. Задняя часть верхней плиты отбита. Верхняя плита имѣетъ круглую форму. Она нѣсколько приподнята надъ передней плитой.

Дольмень покать къ передней части, т. е. къ плитѣ съ отверстіемъ.

Кругомъ дольмена масса камней разной величины.

2. Шагахъ въ 15 къ Ю отъ этого дольмена находится надъ самой кручей второй развалившійся.

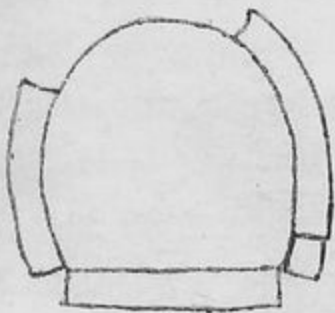

Рис. 49.

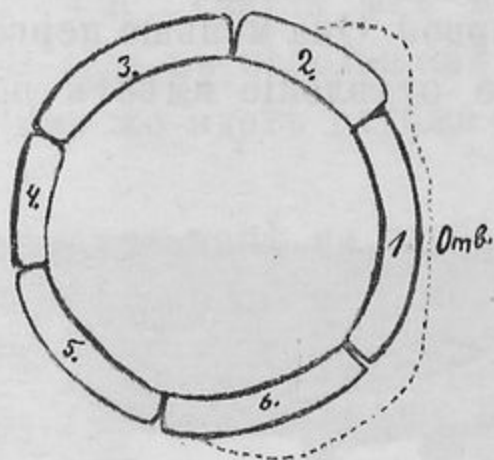

Рис. 50.

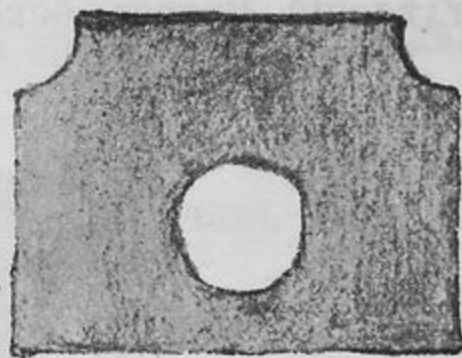

Рис. 51.

Передняя его плита шир. 1 ар. 7 в., толщ. 7 в. Діам. отверстіе $7\frac{1}{2}$ в. Верхняя плита длиной 2 ар. 10 в. шир. 3 ар. 3 в., толщ. до 9 в.

3. Шагахъ въ 30 къ СВ. находится (круглый) дольмень, сложенный изъ шести камней и сохранившійся лучше другихъ (рис. 50).

Передняя плита выс. до земли 1 ар. 4 в., шир. 1 ар. 10 в., толщ. $5\frac{1}{2}$ в. Отъ верхняго края плиты до отверстія $8\frac{1}{2}$ в.; діаметръ отверстія 8 в. Передняя плита имѣетъ боковыя выемки вверху (рис. 51), чего я нигдѣ болѣе не замѣчалъ. Высота верхней точки верхней плиты до земли (впереди дольмена) 2 ар. $1\frac{1}{2}$ в. Длинной она 2 ар. 14 в., шир. 1 ар. 12 в., толщ. 8 в. Обращена на В.

Діаметръ внутренняго, почти круглаго пространства: наибольшій 2 ар. 9 в. и наименьшій 2 ар. 7 в.

Надъ плитами № 1 и № 2, положена еще одна (седьмая) плита. На плиту № 3 еще плита какъ бы для того, чтобы болѣе прочно уложить верхнюю плиту.

Подъ плитами № 4 и 5 лежитъ цѣлая плита, а сверху нихъ положено до верхней плиты еще по одной плитѣ: надъ № 4 (десятая) и надъ № 5 (одиннадцатая). Еще одна (двѣнадцатая) плита, уложена надъ № 6. На внутренней

*) Въ послѣдующую часть поѣздки, начиная съ Садоваго, опредѣленія странъ свѣта я дѣлалъ лишь приблизительно, безъ компаса, такъ какъ мой небольшой компасъ упалъ и испортился.

сторонѣ плитъ видны слѣды насѣчекъ. Дольмень покать назадъ, т. е. къ сторонѣ противоположной передней плитѣ съ отверстіемъ.

Къ этимъ дольменамъ изъ пос. Садоваго я шель прямо черезъ переваль, очень тяжелой дорогой; обратно шли уже долиной, вдоль Псекупса, что гораздо удобнѣе.

Кромѣ этихъ дольменовъ, мнѣ называли еще 3 дольмена верстахъ въ 15 отъ пос. Садоваго, въ горахъ, за хуторомъ Балабона, но трудность пути помѣшала мнѣ ихъ осмотрѣть.

Бассейнъ р. Пшиша.

Слѣдующіе дольмены я нашель въ бассейнѣ р. Пшиша, въ окрестностяхъ армянскаго поселка Гойдъ (Гойтхъ). Этотъ поселокъ, не помѣщенный на пятиверстной картѣ генеральнаго штаба, находится верстахъ въ 11 отъ ст. Елизаветпольской, вверхъ по Пшишу, на полупути въ селеніе Перевальное, помѣченное на картѣ.

1. Версты 2 не доѣзжая до Гойдъ, влѣво отъ дороги изъ ст. Елизаветпольской въ Гойды, на скатѣ горы къ правому берегу р. Пшиша находится разрушенный дольмень. Отъ него осталась часть стѣнки толщ. 9 в. Камень — песчаникъ. Говорять, у этого дольмена было круглое отверстіе діаметромъ 7—8 в.

Въ Гойдахъ армянская церковь стоитъ на срѣзанной вершинѣ возвышенія, вѣроятно, кургана. Радиусъ его около 10 саж.; стоитъ онъ саженьяхъ въ 30 отъ праваго берега Пшиша и какъ бы господствуетъ надъ рѣчной долиной.

Въ $\frac{1}{4}$ версты къ Ю. отъ Гойдъ, на лѣвомъ берегу р. Пшиша, находится курганчикъ, сажени $1\frac{1}{2}$ выс., діаметра 4 саж., довольно крутой, поросшій деревьями.

2. Верстахъ въ 2 къ Ю. отъ Гойдъ, въ 1 верстѣ отъ лѣваго берега рѣки Пшиша, на вершинѣ горнаго отрога, находится полуразрушенный дольмень, скрытый въ курганѣ. Дольмень находится шагахъ въ 40 вправо отъ дороги въ горы. Верхняя плита разбита и сдвинута; передняя плита, съ отверстіемъ, обращена, на В (рис. 52).

Въ уцѣлѣвшей части верхней плиты видны округлые пазы для задней плиты. Ширина паза 5 в.

Дольменная камера представляетъ не совсѣмъ правильный четырехугольникъ.

Передняя плита шир. 2 ар. 2 в., высотой до земли внутри дольмена до 1 ар. 11 в., толщ. 4 в. Овальное отверстіе въ нее имѣеть діаметры: 7 в., — сверху внизъ и 8 в., — слѣво направо. Верхній край отверстія отстоитъ отъ верхняго края плиты на 14 в., нижпій — отъ земли на 5 в. Отверстіе сдѣлано, противъ обыкновенія, ближе къ лѣвой боковой плитѣ, чѣмъ къ правой. Оно сохранило еще *штуку*, плотно придавленную землей снаружи.

Лѣвая боковая плита длин. 2 ар. 4 в., выс. до земли въ передней части 1 ар.

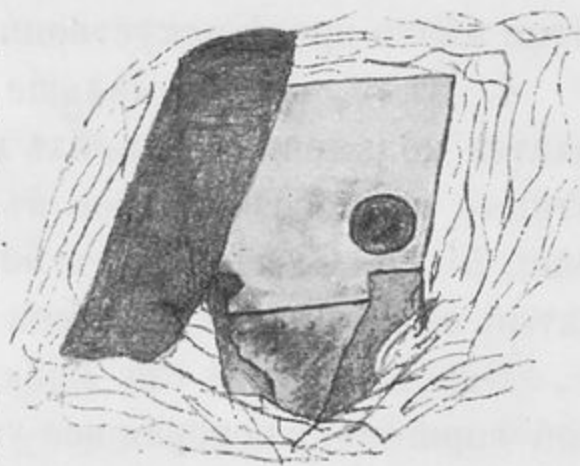

Рис. 52.

12 в., въ задней части 1 ар. 7 в., толщ. $4\frac{1}{4}$ в. Правая боковая длин. 1 ар. 12 в., выс. до земли въ передней части 1 ар., въ задней части 1 ар. 2 в. Задняя плита раскололась. Вѣроятная ея ширина 2 ар. 2 в.; высота до земли 1 ар. 8 в. толщина 4 в.

Камень—песчаникъ; внутренность дольмена заполнена землей и обломками камней. Плиты крѣпко прилажены другъ къ другу, хотя корни деревьевъ уже кое-гдѣ пробрались между ними. Въ разныхъ мѣстахъ на днѣ дольмена нащупываются на разной глубинѣ камни и части плитъ.

Черезъ изломъ задней плиты видна сзади дольмена масса булыжника и земли.

На сохранившійся части верхней плиты слой земли не менѣе $\frac{1}{2}$ аршина. На юговосточномъ скатѣ кургана валяются какіе-то отесанные обломки.

3. Дальше, въ полуверстѣ (въ $2\frac{1}{2}$ в. отъ Гойдѣ) по той же дорогѣ, на самой дорогѣ лежатъ камни разной величины, по всей вѣроятности, части верхней дольменной плиты. Къ краю дороги, дальше въ нѣсколькихъ шагахъ, выходитъ еще одинъ большой камень длин. до 2 ар.. Тутъ же у края ската небольшого пригорка замѣтна порядочная яма, очевидно, дольменная. Дольмень этотъ, повидимому, тоже былъ скрытъ въ землѣ, въ курганѣ.

Рядомъ куча камней и обломковъ плитъ. На измѣренной верхней плитѣ замѣтно нѣчто вродѣ искусственно сдѣланнаго углубленія дл. 1 ар. 9 в. и шир. 1 ар.

4. Въ $\frac{1}{4}$ версты дальше (верстахъ въ 3 отъ Гойдѣ), влѣво отъ дороги, находится дольменная яма, изъ которой дольменные камни были вынуты армянами, которые сами сознавались въ этомъ. Тутъ же лежитъ еще нѣсколько камней толщ. $5\frac{1}{4}$ в. Саженьяхъ въ 50, не доходя ямы, лежитъ трехугольный камень, взятый отъ этого же дольмена и брошенный на дорогѣ.

Верстахъ въ 3 отъ Гойдѣ, среди лѣса находится курганъ съ довольно плоской вершиной, которая вся усѣяна камнями разной величины, начиная отъ обыкновеннаго булыжника и кончая аршинными плитами. Плоская вершина кургана имѣетъ діаметръ 8 ар. 13 в. Отъ окраины вершины до основанія, по скату, почти вездѣ 2 саж. Западная сторона вся какъ бы опустилась, точно такъ же, какъ и прилегающая часть середины кургана, которая образуетъ даже яму. Теперь это мѣсто поросло дубнячкомъ.

На западной сторонѣ стоитъ поставленный на длинную сторону камень средней величины: шир. 1 ар. 3 в., выс. отъ земли въ южной части $11\frac{1}{2}$ в. Въ нижней части его ясные слѣды полировки.

На сѣверной сторонѣ кургана, рядомъ съ дубомъ (лѣтъ 50), лежитъ самая крупная плита: дл. 2 ар. 13 в., шир. 2 ар. 6 в., толщ. 5 в. На одной изъ плитъ замѣтны слѣды какого-то изображенія вглубь, въ родѣ вышеприведенныхъ.

5. Въ полуверстѣ дальше въ СЗ. направленіи (въ 3 верстахъ отъ Гойдѣ), въ кустарникѣ, на естественномъ небольшомъ возвышеніи остатки, повидимому, дольменныхъ плитъ, толщ. до 5—8 в. Камень — песчаникъ, но очень плотный. На одной изъ плитъ овальное изображеніе вглубь.

Саженьяхъ въ 100 внизъ подъ горой находятся въ срубяхъ соляные колодцы, которыми пользовались черкесы (для добыванія соли). Около одного изъ нихъ стоитъ еще старое черкесское корыто.

Верстахъ въ 2—3 къ 3. отъ Гойдѣ, въ лѣсу, находится большой курганъ, весь

нагроможденный изъ плитъ и камней величиной отъ $\frac{1}{4}$ ар. до 1 ар. Въ серединѣ кургана яма: длиною около 3 саж. и глубиной 2—3 арш. Въ серединѣ ямы выросъ большой дубъ.

Верстахъ въ 10 къ Югу отъ Гойдъ находится, такъ называемая, Лысая гора. около которой какъ говорятъ существовали въ былое время 4 дольмена.

Близъ Перевальнаго я, у самаго почти истока р. Пшиша на вершинѣ горы—изъ трескуна, обслѣдовалъ большой круглый полуразрушенный дольмень (рис. 53).

Отверстіе его обращено на ЮЗ. Въ этомъ же направленіи къ переду, къ ЮЗ. покать и весь дольмень.

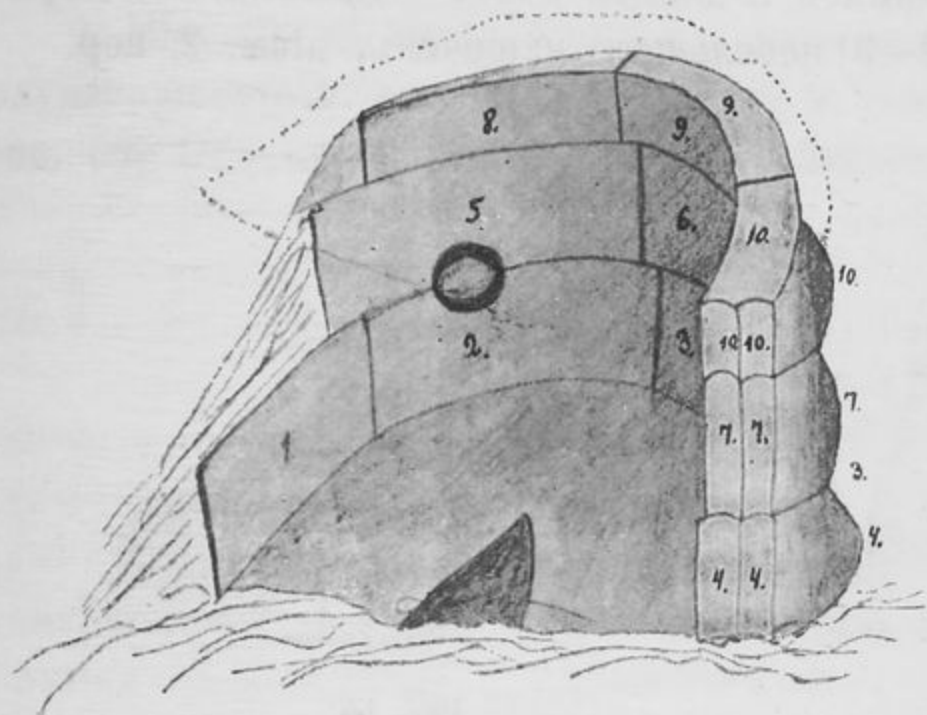

Рис. 53.

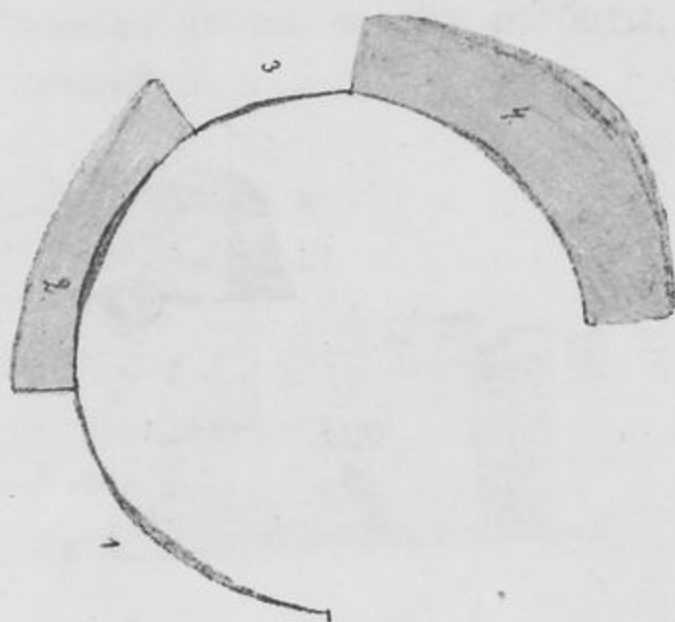

Рис. 54.

Стѣнки дольмена подобно выше описанному (рис. 50) образуются нѣсколькими крупными камнями, положенными другъ на друга. Задней стѣнки не достаетъ, а на лицо лишь 10 камней—плитъ (рис. 54).

Размѣры плитъ извнутри:

	длина:	высота до земли:	толщина:
№ 1	2 ар. 11 в.	1 ар.	
№ 2	2 ар. 3 $\frac{1}{2}$ в.	15 в.	8 в.
№ 3	1 ар. 4 в.	15 в.	
№ 4	2 ар. 8 $\frac{1}{2}$ в.	1 ар.	отъ 10 в. и бол.
		сверху внизъ:	
№ 5	1 ар. 10 в.	15 в.	9 $\frac{1}{2}$ в.
№ 6	1 ар. 14 в.	15 в.	
№ 7	2 ар. 2 $\frac{1}{2}$ в. *	1 ар. 1 $\frac{1}{2}$ в.	7 в. и бол.
№ 8	1 ар. 4 $\frac{1}{2}$ в.	7 $\frac{1}{2}$ в.	1 ар.
№ 9	2 ар.	8 в.	
№ 10	1 ар. 13 в. *	8 $\frac{1}{2}$ в.	до 11 в.

Діаметръ овальнаго отверстія 8 $\frac{1}{2}$ в.; снаружи края отверстія скошены. Кругомъ отверстія, съ наружной стороны находится углубленіе шириной 2 $\frac{1}{2}$ в.

*) Въ плитахъ: № 4 пазъ шириною 4 $\frac{1}{2}$ в.; № 7 пазъ шир. 6 в.; № 10 пазъ шир. 3 в.

и глубиной $1\frac{1}{2}$ в. показывающее, что у отверстия была втулка со шляпкой, плотно входившая въ него (рис. 55).

Передняя часть дольмена, на глубину 1-го и части 5-го камня, т. е. на $1\frac{1}{2}$ —2 ар., находится въ землѣ.

Подъ переднимъ камнемъ вырыта яма. Черезъ нее виденъ нижній камень толщиною до 9 в.

Впереди дольмена, очевидно находилась насыпь изъ булыжниковъ значительной величины. Дольмень поставленъ такъ, что передней частью опирался или прислонялся къ этой насыпи, или къ концу естественнаго возвышенія.

Верхній камень нѣсколько обломанъ: длин. 4 ар. 5 в., шир. 3 ар. 10 в., толщ. 8 в.. Отъ него отломился кусокъ шириной и длиной болѣе 1 аршина. На верхней сторонѣ находится нѣсколько (2—3) небольшихъ чашечекъ, діам. 2 вер.

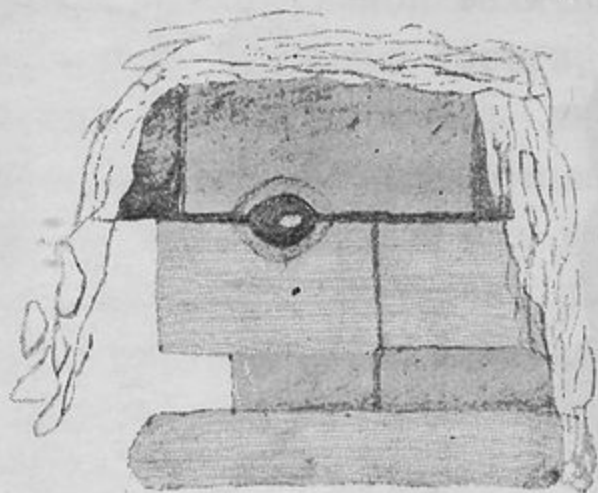

Рис. 55.

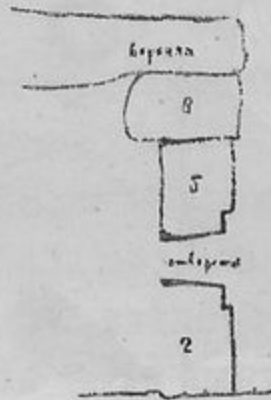

Рис. 56.

Сзади тоже слѣды насыпи.

Верхняя плита выступаетъ, въ сохранившихся частяхъ, за боковыя на $\frac{1}{2}$ арш. и болѣе.

Дольмену не достаетъ всей задней стѣнки, которая, очевидно, была сложена тоже изъ нѣсколькихъ большихъ камней. Одинъ изъ подобныхъ камней лежитъ теперь въ нѣсколькихъ шагахъ сзади дольмена; длина его 2 ар. 8 в., шир. 1 ар. 1 в., толщ. 12 в. Сторона, представляющая толщину въ 12 в., имѣетъ гладкую отеску; ясно, что этой стороной плита должна была лежать на другихъ плитахъ.

Въ плитахъ № 4, 7 и 10 есть пазы для прилегающихъ плитъ, ширина этихъ пазовъ: $4\frac{1}{2}$ —6—3 в. (рис. 56).

Въ настоящее время часть дольмена съ плитой № 1 идетъ почти подъ прямымъ угломъ къ плитѣ № 2. Остальныя же плиты составляютъ части правильной окружности. Вѣроятно, дольмень былъ „шестигранный.“

Земля заполнявшая дольмень почти вся вынута. Полъ дольмена образуется толстой (до 9 в.) плитой, которая въ серединѣ дольмена проломлена, образуя трехугольное отверстие. Подъ нею ощупывается частью камень, частью земля или щебень.

Изъ Перевальнаго я перебрался въ Котловину (поселокъ, не обозначенный на картѣ). Тамъ мнѣ ничего не могли указать. Изъ Котловины я переѣхалъ въ селеніе Гунайское (или просто Гунайка), лежащее у подножія г. Гунай, на р. Сеже, или въ просторѣчій р. Гунайка. Р. Сеже является однимъ изъ правыхъ

притоковъ р. Пшиша; слѣдовательно и дольмены, найденные мною въ бассейнѣ р. Сеже, должны быть отнесены къ дольменамъ бассейна р. Пшиша.

Въ бассейнѣ р. Сеже я осмотрѣлъ только слѣдующіе дольмены:

Верстахъ въ 3 къ западу отъ пос. Гунайскаго, на вершинѣ хребта, предшествующаго съ ЮЗ. горѣ Гунай, на правомъ берегу р. Сеже, въ полуверстѣ отъ нея, находятся три полуразрушенныхъ дольмена. Отъ перваго сохранилась задняя правая боковая плита, лѣвая боковая расколота, часть передней съ частью круглаго отверстія, обращеннаго на ЮВ. Диаметръ отверстія 9 в. (рис. 57).

Внутренность дольмена наполнена землей и обломками верхней плиты. Кругомъ разсыяны камни.

Дольмень окруженъ небольшимъ возвышеніемъ въ родѣ кургана

2. Шагахъ въ 20 къ ЮЗ. отъ этого дольмена находится второй такой-же полуразрушенный, у котораго верхняя и лѣвая боковая плиты частью разбиты, (рис. 58) Основаніе дольмена слегка облегается землей.

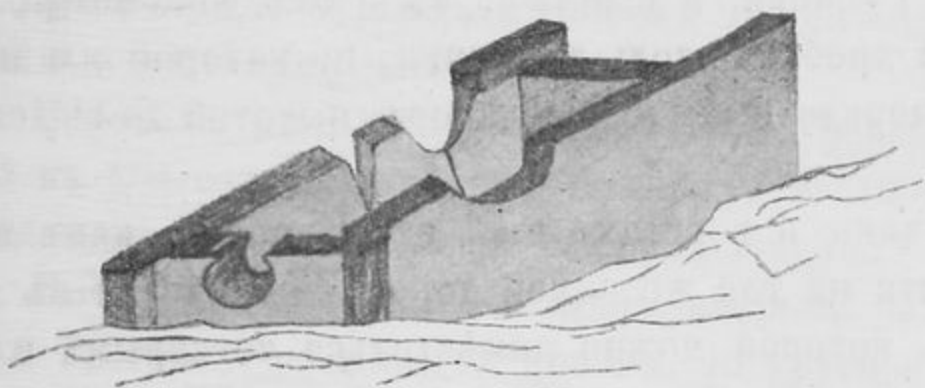

Рис. 57.

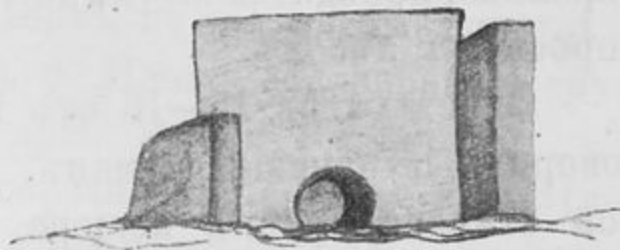

Рис. 58.

Передняя плита его имѣетъ шир. 2 ар. 1 в., выс. до земли 1 ар. 9 в., толщ. $6\frac{1}{4}$ в. Диаметръ отверстія, находящагося въ этой плитѣ 9 в. Около наружнаго края отверстія замѣтны слабые слѣды выемки для шляпки втулки.

Правая боковая длиною 4 ар. 1 в., выс. до земли въ передней части 1 ар. 6 в., въ задней 1 ар., толщ. 5 в. Выступъ за задней плитой 6 в., выступъ впереди передней плиты $5\frac{1}{2}$ в. Для передней плиты въ правой боковой находится пазъ шир. 3 в.

Задняя шир. 1 ар. 12 в., выс. до земли 8 в.

Верхняя плита сохранилась только надъ задней частью дольмена.

Внутри дольмена — земля и обломки верхней плиты; тутъ же выросло нѣсколько уже порядочныхъ дубковъ.

3. Шагахъ въ 5 къ ЮЗ. отъ его находится развалившійся третій дольмень, отъ котораго сохранились только остатки правой боковой плиты длиною 4 ар. 1 в., толщ. $2\frac{1}{2}$ в.

Кругомъ cadaго дольмена масса камней. Плиты сравнительно тонки, хотя всего въ $\frac{1}{4}$ версты дальше находится югозападный выступъ хребта, состоящій изъ громадныхъ песчаниковыхъ массъ.

Больше дольменовъ въ окрестностяхъ Гунайки я не нашелъ. Правда мнѣ говорили, что въ двухъ мѣстахъ: къ СВ. и къ ЮВ. отъ Гунайки, верстахъ въ 3—4, есть еще по одному дольмену; но всѣ поиски мои оказались излишними и не привели ни къ чему. На этомъ же пути я видѣлъ лишь нѣсколько кургановъ:

Верстахъ въ 2 къ В. отъ Гунайки, на правомъ берегу р. Сеже курганъ средней величины—до 3 саж. діаметръ.

Въ полуверстѣ дальше къ В. въ лѣсу рядомъ 4 курганчика до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты каждый, сложенные изъ булыжника. По всему Пшишу есть почти такіе же булыжниковые курганчики, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ.

Немного далѣе къ В. отъ этихъ 4 курганчиковъ, на разстояніи 5—10—20 шаговъ другъ отъ друга находятся такіе же курганчики. Всего ихъ болѣе 30. Они круглые съ отвѣсными стѣнками и плоской вершиной.

Верстахъ въ 3 отъ Гунайки къ СВ. на лѣвомъ берегу маленькаго протока находятся остатки, можетъ быть, укрѣпленія—изъ плитъ и камней разной величины: отъ $\frac{1}{4}$ арш. до $1\frac{1}{2}$ арш. длины. Нѣкоторыя части имѣютъ видъ стѣнъ. Все это находится на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 10—15 саж., и доходитъ шириной до 2—3 саж.

Изъ Гунайки я отправился черезъ горы въ пос. Хадыжинскій, называемой также Куриной, отъ р. Куры, которая впадаетъ слѣва въ р. Пшишъ, недалеко отъ поселка. Верстахъ въ 10 отъ Гунайки, и верстахъ въ 3 отъ мельницы, которая лежала на нашемъ пути, на хребтѣ, вдоль тропинки, по которой мы пробирались, находится штукъ до 120 порядочныхъ курганчиковъ, высотой до $1\frac{1}{2}$ саж. поросшихъ лѣсомъ.

Верстахъ въ 15—16 отъ Гунайки и верстахъ въ 7 отъ Куринки, какъ мнѣ говорилъ Куринскій атаманъ, почти на той же самой дорогѣ, находится въ одной отвѣсной стѣнѣ пещера, въ которой можно помѣститься четверымъ и въ которой какъ, говорятъ, нашли только истлѣвшую черкесскую одежду.

На одной изъ вершинъ горной цѣпи, идущей вдоль лѣваго сѣвернаго берега вышеупомянутой р. Куры, въ направленіи съ З на В. у самаго истока р. Цице, имѣется камень-плита стоящая у тропинки, ведущей изъ Куринки въ горы къ Фанагорійскому поселку и къ ст. Ключевой. Положеніе плиты нѣсколько наклонное. Высота ея до земли 4 ар. 10 в. Ширина плоской части внизу 1 ар. 11 в.; въ серединѣ 1 ар. 5 в.; вверху менѣе 10 в. Толщина $7\frac{1}{2}$ в.

На лицевой сторонѣ, приблизительно въ серединѣ правой стороны, находится овальное углубленіе помѣщенное наискось по отношенію къ оси плиты, длина его 14 в. высота 9 в.

Немного ниже небольшое изображеніе четырехконечнаго креста, очень не давняго происхожденія.

На противоположной сторонѣ плиты, въ верхней ея части находится контурное изображеніе имѣющее нѣкоторое сходство съ человѣкими очертаніями. Ниже этого изображенія находится рисунокъ въ видѣ трехугольниковъ, подъ которыми, говорятъ, была надпись, нынѣ уничтоженная.

Почти рядомъ съ камнемъ стоятъ деревья и кусты, которые разукрашены пестрыми кусками матерій и холста, очевидно, приношенія мѣстныхъ поселянъ.

Въ ст. Хадыжинской, въ пос. Нефтяномъ и въ ст. Апшеронской дольменовъ не оказалось.

По дорогѣ изъ пос. Нефтяного въ ст. Апшеронскую въ лѣсу по горамъ въ разныхъ мѣстахъ есть курганы высотой до 2 саж. Нѣкоторые уже сильно расплылись.

Бассейнъ р. Пшехи.

Р. Пшеха, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ ниже впаденія въ нее р. Туко, и верстахъ въ 2 ниже ст. Аншеронской, въ мѣстности, называемой „Второй Куть“, течетъ въ берегахъ высотой до 2 саж. На правомъ берегу слой глины, толщиной до 1 саж. и болѣе, лежитъ на слояхъ сѣраго трескуна. На лѣвой сторонѣ въ рѣку вдается небольшая коса. Р. Пшеха, особенно во время сильныхъ разливовъ вымываетъ изъ высокаго берега куски окаменѣвшаго дерева и кости, преимущественно позвонки.

Въ ст. Ширванской и ст. Самурской сказали, что и здѣсь нѣтъ дольменовъ, при чемъ указали, что верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ истока рѣки Пшехи, около самыхъ снѣговыхъ горъ, на лѣвомъ берегу рѣки, на скалѣ стоитъ врытый въ землю и немного наклонившійся камень высотой съ $\frac{3}{4}$ арш. и такой же ширины.

Въ Дубинкѣ или Тубахъ (Черногорье), лѣтъ 20 тому назадъ сотенный командиръ разрылъ курганъ и нашелъ въ немъ остатки желѣзной длиной шашки и скелетъ со слѣдами парчевой одежды.

Верстахъ въ 10 къ ЮЗ отъ ст. Самурской, вверхъ по р. Пшехѣ, верстахъ въ 3 къ СВ отъ г. Оплепень, саженьяхъ въ 100 отъ р. Пшехи, на вершинѣ кручи находится песчаниковый выступъ шириной 11 арш. длиной $4\frac{1}{2}$ арш.

Почти вся поверхность скалы покрыта разнообразными чертами, образующими то трехугольники, то кресты, то круги и т. п. Эти изображенія представляютъ собою, можетъ быть, родовые знаки различныхъ фамилій, собиравшихся нѣкогда сюда для общихъ цѣлей: напр., совѣщаній, жертвоприношеній и т. п.

Наиболѣе ясныя и раздѣльныя фигуры, высѣченныя вглубь, мною сняты при помощи пропускной бумаги и представляются нынѣ въ уменьшенныхъ размѣрахъ на прилагаемой таблицѣ XVII.

Если къ скалѣ подниматься ближайшимъ путемъ, прямо отъ р. Пшехи, то доступъ къ ней чрезвычайно труденъ. Въ одномъ мѣстѣ приходится пробираться по песчаниковому карнизу, рискуя оборваться и слетѣть внизъ съ высоты нѣсколькихъ сажень. Но есть дорога въ обходъ вполнѣ удобная, даже для лошади.

Дольменовъ около ст. Самурской нѣтъ, но мнѣ Самурцы рассказывали, что за р. Пшехой, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Самурской, на лѣвомъ берегу р. Пшехи на „Дегачевомъ покосѣ“ лѣтъ 10 тому назадъ разрыли курганъ, въ которомъ найдены были плиты принадлежавшія по описанію дольменной постройки. Въ курганѣ кромѣ нихъ, да костей и черепочковъ ничего больше не нашли.

4. Бассейнъ р. Курджипса.

Въ пос. Дагестанскомъ, — бывшей станицы Нижегородской — дольменовъ нѣтъ. Но далѣе въ верстахъ 8 отъ Дагестанскаго и не доѣзжая верстѣ 2 до Темнолѣскаго, недалеко отъ поворота съ этой дороги изъ хуторовъ, на юго-восточномъ скатѣ горы по бугру находятся 3 развалившіеся дольмена, скрытые въ насыпи.

Плиты этихъ дольменовъ не изъ песчаника, какъ всѣ вышеописанные, а изъ розоватаго известняка. Направленіе дольменовъ, стоящихъ въ рядъ, СВ—ЮЗ.

1. Крайній къ ЮЗ. дольмень имѣетъ верхнюю плиту, почти всю скрытую подъ землей. Ширина ее 2 арш. 15 в., толщ. 5 в.

2. Средній дольмень, въ 5 шагахъ отъ перваго имѣетъ разломившую верхнюю плиту. Ширина ее 3 ар., толщ. 4 в., длина 1 ар. 6 в.

На пространствѣ между среднимъ дольменомъ и крайнимъ къ ЮВ. находятся камни, вѣроятно, обломки другихъ дольменовъ.

3. Крайній къ СВ., третій дольмень имѣетъ верхнюю плиту тоже обломанную. Размѣры сохранившейся части ея: длин. 2 ар. 11 $\frac{1}{2}$ в., шир. 2 арш. 13 в., толщ. 7 $\frac{1}{2}$ в.

Боковыя и передняя плиты обрушились. Часть задней плиты сохранилась: шир. 2 ар. 3 в., толщ. до 6 в., высота до земли до 13 в. Задняя плита наклонилась внутрь дольмена.

Этотъ третій дольмень находится снаружи насыпи.

Кругомъ масса обломковъ известняка разныхъ размѣровъ.

Въ пос. Темнолѣсскомъ мнѣ дали проводника на Цербелеву поляну, на которой было 9 дольменовъ. Цербелева поляна находится верстахъ къ 15 къ ЮВ. отъ пос. Темнолѣскаго и верстахъ въ 5 къ СЗ. отъ урочища Хамышки, на склонѣ къ р. Азишу въ частности и къ р. Бѣлой вообще.

По дорогѣ изъ пос. Темнолѣскаго на Цербелеву поляну въ 1 верстѣ отъ Темнаго Лѣса (Темнолѣскаго поселка) находится разрытый нынѣ курганчикъ изъ мелкихъ известковыхъ камней, выс. до 1 саж. Плитъ въ курганчикѣ не было. Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ дальше по той же дорогѣ, курганъ до 2 с. высотой, набросанный тоже изъ мелкихъ камней. Здѣсь, говорятъ, были нѣкогда и плиты.

Въ этомъ курганѣ, по рассказамъ, нашли: саблю, лукъ и стрѣлы.

Въ серединѣ обоихъ кургановъ теперь имѣются ямы, глубиною до 1 сажени.

Въ $\frac{1}{4}$ версты дальше находятся три ямы, теперь почти засыпавшіяся; но прежде, говорятъ, онѣ были такъ глубоки, что шестомъ не доставали до дна.

Дорога на Цербелеву поляну очень трудная.

Въ юговосточной части поляны, на верху хребта, предшествующаго скату къ рр. Азишу и Бѣлой, находится 9 дольменовъ. Всѣ дольмены обращены передними плитами, съ отверстіемъ, на В., и расположены преимущественно въ рядъ съ С. на Ю. Камень послужившій къ постройкѣ дольменовъ мѣстный песчаникъ.

1. Крайній сѣверный полуразрушенный дольмень, находящійся въ землѣ до верхней плиты. Передняя плита высотой до земли внутри 1 ар. 1 в., шир. 1 ар. 13 в., толщ. 5 $\frac{1}{2}$ в. Диаметръ отверстія, измѣренный изнутри 8 $\frac{3}{4}$ в. Отъ верхняго края плиты до отверстія 8 в.

2. Шагахъ въ 10 къ Ю. отъ дольмена № 1—разрушенный дольмень. Лѣвая боковая плита дл. 3 ар. 8 в., толщ. до 8 $\frac{1}{2}$ в., высотой отъ земли 8 в. въ задней части, 14 в.,—въ передней. Боковыя плиты—правая частью сохранилась—имѣютъ пазы для передней. Ширина четырехугольнаго паза въ правой 3 $\frac{1}{2}$ в.

3. Въ 5 шагахъ къ Ю отъ № 2 вполне разрушенный дольмень; сохранились только осколки плитъ.

4. Шагахъ въ 10 къ Ю. отъ № 3 полуразрушенный дольмень. Передняя

плита выс. до земли 1 ар. 2—5 вер., ширина 1 ар. 13 в., толщ. 1 ар. 13 в., толщ. $5\frac{1}{4}$ в. Диаметры отверстія: $8\frac{1}{2}$ в. слѣва направо и 9 в., сверху вниз. Отъ верхняго края плиты до отверстія $9\frac{1}{2}$ в.

Правая боковая длиной 3 арш. 13 в., высотой до земли въ передней части 2 арш. и въ задней 13 в., толщ. 6 в.

Правая боковая и верхняя плиты выступаютъ за переднюю на 7—8 в. Въ правой боковой четырехугольный пазъ ширин. $3\frac{1}{2}$ в.

Верхняя плита длиной 3 арш. 15 в., шир. 3 ар., толщ. 6 в.

Задняя шир. 12 в., выс. до земли 13 в., толщ. 5 в.

За заднюю также выступаютъ плиты: верхняя на 8 в., лѣвая боковая на 4 в. и правая боковая на 2—3 в.

Лѣвая боковая разбита, сохранилась только задняя часть длиной 2 ар., толщ. 7—8 верш.

Въ боковыхъ плитахъ есть пазы для задней и передней.

Плиты уже немного разошлись.

5. Шагахъ въ 10 къ Ю. отъ № 4 — разрушенный дольмень. Въ дольменѣ выросъ дубъ. Сохранилась правая боковая плита длиной 3 ар. 3 в.

6. Шагахъ въ 15 къ Ю. отъ № 5 — разрушенный дольмень. Онъ разрытъ и плиты поставлены одна рядомъ съ другою.

Одна изъ боковыхъ длиной 3 ар. 8 в. Въ ней есть округлые пазы. Другая боковая плита частью обломана; длина сохранившагося куска 2 ар. 7 в. Въ обломкѣ сохранился пазъ.

Кругомъ разсѣяны большія плиты.

7. Шагахъ въ 5 къ Ю. отъ № 6 — разрушенный дольмень съ развалившимися плитами. Всѣ плиты оббиты.

Длина правой боковой 2 ар. 6 в., толщ. $4\frac{1}{2}$ в.

8. Шагахъ въ 15 къ западу отъ дольмена № 1 — разрушенный дольмень.

9. Шагахъ въ 40 къ югу отъ № 8 — разрушенный дольмень.

Изъ подъ горы мнѣ прикатили *каменную втулку*, которая принадлежитъ одному изъ описанныхъ дольменовъ. Нижняя часть немного отбита. Высота втулки 12 верш. Форма грибообразная. Окружность самой пробки, которая входитъ въ отверстіе 1 арш. 6 в., а окружность шляпки 1 ар. 12 в. Высота втулочной части $8\frac{1}{2}$ в., высота гладкой части головки — шляпки 2 в. Ширина втулочной части $7\frac{1}{2}$ в., ширина головки 9 в. ширина выступа 1 в.

Близъ самаго посада Темнолѣскаго, у хутора надъ Курджипсомъ, на скатѣ горы, въ лѣскѣ, находятся остатки известнякаваго четырехграннаго памятника, почти квадратнаго, со стороною въ 4—5 вершк., гладко отесаннаго. Этотъ памятникъ былъ поставленъ на томъ мѣстѣ, на которомъ, говорятъ, стоялъ когда-то государь. Говорятъ, на памятникѣ была и надпись, а высотой онъ былъ до $1\frac{1}{2}$ арш. Теперъ сохранились только жалкіе остатки.

Въ верховьяхъ рѣки Кубы ¹⁾, близъ Темнаго Лѣса, говорятъ, находятся 2 пещеры, въ которыхъ нѣкогда нашли полуистлѣвшія черкесскія вещи. Проводниковъ до пещеръ мнѣ однако не могли найти.

¹⁾ Р. Куба, начинаясь на хребтѣ близъ Темнаго Лѣса, впадаетъ въ р. Курджисъ въ пос. Дагестанскомъ.

Близъ пос. Дагестанскаго, говорятъ, когда-то былъ мраморный памятникъ съ шатромъ на 4 столбахъ, но теперь онъ уничтоженъ.

Верстахъ въ 3 отъ пос. Дагестанскаго по дорогѣ въ ст. Дагестанскую, на „Савкиномъ покосѣ“, на правомъ берегу р. Курджипся находится „азиатское кладбище“, на которомъ имѣются камни съ восточными надписями, вѣроятно не древняго происхожденія, изъ которыхъ два экземпляра перенесены въ ст. Дагестанскую.

Здѣсь окончилось мое специальное путешествіе съ археологической цѣлью; далѣе я уже выбирался на желѣзнодорожную линію въ Армавиръ. По дорогѣ около ст. Чамлыкской я замѣтилъ нѣсколько большихъ, сажень до 5 высотой кургановъ, стоящихъ въ разныхъ мѣстахъ по одиночкѣ; два кургана, стоящіе на горѣ, видны болѣе чѣмъ за 10 верстъ.

II. Общія замѣчанія объ археологическихъ памятникахъ Закубанья.

1 Дольмены.

Область распространенія дольменовъ, расположеніе дольменовъ; размѣры дольменныхъ плитъ; втулки; пазы, ниши, выступы, чашечки, рисунки; сравненіе закубанскихъ описываемыхъ дольменовъ съ другими Кавказскими и Крымскими дольменами.

Вся мѣстность, которую я объѣхалъ, т.-е, отъ р. Абина до р. Бѣлой, имѣетъ дольмены. Всего я видѣлъ 146 дольменовъ или цѣлыхъ до извѣстной степени (12), или полуразрушенныхъ (26), или разрушенныхъ совершенно (108)¹⁾. Они разсѣяны безъ опредѣленнаго порядка по всему этому пространству.

Повторю о распредѣленіи дольменовъ то, что сказано было уже выше.

Самая западная граница распространенія дольменовъ на сѣверномъ Кавказѣ есть юртъ ст. Шапсугской или, иначе, бассейнъ р. Абина. Дюбуа-де-Монпере, посѣтившій эти мѣста Кавказа въ 1833 г., упоминаетъ о дольменахъ Атакумской долины, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что эти дольмены находятся близъ укрѣпленія св. Николая²⁾. Ст. Шапсугская стоитъ на самой почти р. Абинѣ. Рѣка эта сливается съ р. Адагумомъ, и въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи соединенная рѣка называется то р. Абиномъ, то р. Адагумомъ. Очень вѣроятно, что р. Абинъ или р. Адагумъ и есть р. Атакумъ Дюбуа-де-Монпере. Но возможно, что названіе рѣки „Атакумъ“ Дюбуа заимствовало отъ рѣчки Адегоа, которая протекаетъ верстахъ въ 2 къ Ю. отъ ст. Шапсугской, и по теченію которой расположено 9 дольменовъ, въ числѣ ихъ и самый большой. Но несомнѣнно то, что слѣды бывшаго укрѣпленія св. Николая находятся въ ст. Шапсугской, слѣдовательно, дольмены долины р. Атакума у Дюбуа дольмены юрта ст. Шапсугской, и нельзя говорить о дольменахъ по р. Абину и о дольменахъ „на р. Ата-

¹⁾ Есть указаніе еще на 16 дольменовъ.

²⁾ Doubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, t. I, p. 43.

кумѣ, въ окрестностяхъ форта св. Николая“, какъ о чемъ-то разномъ ибо эти два обозначенія указываютъ на одни и тѣ же мѣста.

Въ бассейнѣ р. Абина, въ предѣлахъ юртовъ ст. Шапсугской и ст. Эриванской находится 84 дольмена въ слѣдующемъ порядкѣ: въ самой ст. Шапсугской слѣды 3 дольменовъ, на Свинцовой горѣ—2, по дорогѣ въ Кабардинку, по р. Адегоа—9, на Крейдяной дорогѣ и горѣ—7, (на Лысой горѣ есть еще, говорятъ, 3 разрушенныхъ дольмена), по дорогѣ между станицами Шапсугской и Эриванской—21 и наконецъ выше ст. Эриванской, по долинѣ р. Абина, по дорогѣ въ бывшую ст. Старомингрельскую—42 дольмена въ 3 группахъ.

Изъ этихъ дольменовъ въ особенности замѣчательны: 1) большой Шапсугскій дольмень, находящійся по дорогѣ въ Кабардинку въ 5 в. отъ ст. Шапсугской—по своей величинѣ, особенностямъ устройства и по рисункамъ на плитахъ; 2) дольмень на Крейдяной горѣ въ 2 в. отъ ст. Шапсугской, потому что онъ служитъ характернымъ представителемъ типа дольменовъ, сдѣланныхъ изъ одной цѣльной глыбы.

Непосредственно примыкая къ этой группѣ дольменовъ въ бассейнѣ р. Абина, находится вторая область ихъ распространенія—въ бассейнѣ рр. Бугундыра—6 дольменовъ, Антхыра 1 (+3), Хабля—13, Малаго Хабля—1, Иля—6, Абина—9 и Афипса—1. Въ бассейнѣ этихъ рѣкъ я лично обслѣдовалъ 37 дольменовъ, и кромѣ того о 3 дольменахъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія. Изъ этихъ дольменовъ особенно замѣчательны по своей величинѣ: 1) дольмень, находящійся въ 3 в. отъ ст. Эриванской на скатѣ горы къ р. Бугундыру, сдѣланный изъ огромной цѣльной глыбы песчаника; 2) маленькій дольмень, поставленный въ ст. Ахтырской; 3) два большихъ дольмена на горѣ Паникѣ и 4) большой дольмень около Сосноваго Поста.

Эту вторую область дольменовъ можно соединить съ первою въ одинъ обширный районъ отъ р. Абина до р. Афипса, т. е. отъ ст. Шапсугской на западѣ до пос. Смоленскаго на востокѣ. Этотъ районъ имѣетъ форму почти эллипсиса съ діаметрами: около 50—70 верстъ съ запада на востокъ и около 20—30 верстъ съ сѣвера на югъ. Въ немъ насчитывается 121 (+ 3 + 3) дольмень, при чемъ главная масса ихъ сосредоточивается въ югозападной части овала, въ бассейнѣ р. Абина.

Далѣе къ востоку, бассейнъ р. Шебша не имѣетъ дольменовъ, но бассейны рр. Псекупса, Пшиша, Курджипса и Азиша или р. Бѣлой имѣютъ дольмены. Всего здѣсь я обслѣдовалъ 25 дольменовъ: по Псекупсу—4, по Пшишу—9, по Мезмаю (притокъ Курджипса)—3 и по Азишу (р. Бѣлая)—9. Кромѣ того имѣются, до известной степени сомнительныя свѣдѣнія еще о 10 дольменахъ по Псекупсу и Пшишу. Перерывъ въ этой области представляетъ р. Пшеха, но приведенный въ своемъ мѣстѣ рассказъ Самурцевъ о разрытомъ на Дегачевомъ покосѣ курганѣ съ плитами позволяетъ думать, что здѣсь въ послѣдствіи могутъ быть найдены и другіе дольмены типа цистъ.

Этотъ второй районъ отъ р. Псекупса до р. Бѣлой, т. е. отъ пос. Пятигорска—на западѣ до Цербелевой поляны—на востокѣ, повидимому, составляетъ одно цѣлое съ тѣмъ обширнымъ дольменнымъ райономъ, который занимаетъ пространство отъ р. Бѣлой до р. Лабы.

Среди дольменовъ въ бассейнѣ рр. Псекупса и Пшиша особенно замѣчательны 2 круглыхъ дольмена близъ пос. Садоваго и большой круглый дольмень у истоковъ р. Пшиша.

Небольшое число дольменовъ этой области, повидимому, принадлежитъ къ типу дольменовъ-цистъ; таковы дольмены: близъ пос. Пятигорскаго, близъ Гойдъ № 2, 3 и 4, близъ пос. Темнолѣскаго по р. Мезмаю.

Расположеніе дольменовъ.

Всѣ указанные выше дольмены расположены или группами: по 2 дольмена (7 случаевъ), по 3 (10 случаевъ), по 4 (1 случ.), по 5 (2 сл.), по 6 (1 сл.), 9 (1), 10 (1), 17 (1), 19 (1), а всего 119 дольменовъ; или по-одиночкѣ въ 27 случаяхъ.

Большія группы дольменовъ расположены иногда цѣпью, напр., 4 дольмена на г. Паникѣ были расположены цѣпью въ ЮВ. направленіи; изъ 9 дольменовъ Цербелевой поляны 7 дольменовъ расположены цѣпью С — Ю; въ группѣ 17 дольменовъ близъ ст. Эриванской 11 дольменовъ ясно образуютъ цѣпь С — Ю; въ группѣ 19 дольменовъ близъ ст. Эриванской 10 дольменовъ образуютъ цѣпь З—В. Даже въ группахъ изъ 3 дольменовъ можно иногда подмѣтить правильное расположеніе, такъ, напр., 2 дольмена съ большимъ Шапсугскимъ дольменомъ образуютъ цѣпь С—Ю, 3 дольмена въ 5 верстахъ отъ пос. Азовскаго образуютъ цѣпь С—Ю, 3 дольмена близъ Гунайки—цѣпь СВ—ЮЗ, 3 д. на р. Мезмай—цѣпь СВ—ЮЗ.

Эти дольмены и дольменные группы, въ свою очередь, располагаются иногда спорадически, будучи отдѣлены другъ отъ друга цѣлыми верстами, а иногда только сотнями сажень. Изрѣдка извѣстные дольмены и дольменные группы расположены длинною цѣпью по теченію какой-нибудь рѣки, напр., цѣпь (5 верстъ) по р. Адегоа изъ 9 дольменовъ, по р. Абину (20 верстъ) въ общемъ изъ 69 дольменовъ, по р. Хаблю (10 в.)—14 д.

Дольмены расположены вблизи рѣки, на разстояніи 50 сажень — 2 верстъ отъ нея, или на ровномъ мѣстѣ (17 случаевъ — 35 дольменовъ), или на скатѣ бугра или горы къ рѣкѣ (12 случаевъ — 25 дольм.), или на краю хребтика, или вершины горы, передъ скатомъ ея (18 случаевъ — 85 д.). Слѣдовательно, дольмены чаще располагаются по вершинамъ, по самому гребню вершины, или по скату горы, холма, пригорка и рѣже на ровномъ мѣстѣ. Вообще можно сказать, что гора и ея части излюбленное мѣсто для помѣщенія дольменовъ, поэтому, напр., нечего искать дольменовъ въ равнинной части юртовъ станицъ Крымской, Абинской, Ахтырской, Холмской, Ильской, Азовской, Смоленской и тому под.

Въ этомъ отношеніи особенно интересно положеніе 4 дольменовъ на вершинѣ г. Паника, 3 круглыхъ дольменовъ на горѣ близъ пос. Садоваго на рѣкѣ Псекупсѣ, большого круглаго дольмена на горѣ близъ истоковъ р. Пшиша и группы 9 дольменовъ на Цербелевой полянѣ. Всѣ они расположены на краю вершины довольно высокихъ горъ и отъ нихъ открываются роскошнѣйшіе виды на окрестности, т. е. на сосѣднія горы или долины, которыя лежатъ нѣсколько ниже ихъ.

Относительно немногих дольменовъ можно услѣдить, что они стоятъ даже на особыхъ небольшихъ возвышеніяхъ, которыя или, можетъ быть, искусственно насыпаны или, можетъ быть, существовали сами по себѣ и были приспособлены для помѣщенія дольмена. Таковы, напр., дольмены № 4 и № 5 въ группѣ 19 дольменовъ въ 10 верстахъ отъ ст. Эриванской, Пятигорскій дольмень, 3 дольмена близъ Гойдъ, при чемъ дольмень № 2 близъ Гойдъ даетъ несомнѣнный примѣръ того, что есть дольмены совершенно скрытые въ курганахъ - возвышеніяхъ. Къ этому послѣднему типу, повидимому, слѣдуетъ отнести 2 слѣдующихъ (№ 3 и № 4) Гойдинскихъ дольмена, а также, по рассказамъ, дольмень, стоящій нынѣ въ ст. Ахтырской, рядомъ съ правленіемъ, дольмень близъ пос. Смоленскаго на р. Аѳипсѣ, и дольмень-цисту (?), вырытый въ курганѣ на Дегачевомъ покосѣ близъ ст. Самурской. Если это можно было наблюдать въ указанныхъ случаяхъ, то едва-ли рискованно предположеніе, что впоследствии мы можемъ открыть еще не одинъ дольмень-цисту, скрытый въ курганѣ, несмотря на то, что мѣстное населеніе разрыло уже очень много кургановъ *).

Въ настоящее время огромное большинство дольменовъ находится въ лѣсу, среди кустарника; исключеніе представляютъ дольмены на г. Паникѣ и на Цербелевой полянѣ, а также немногіе другіе, находящіеся въ самыхъ селеніяхъ. Но едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что этотъ лѣсъ явился сравнительно очень недавно, и что въ первое время дольмены стояли на совершенно открытой, безлѣсной мѣстности. Доказательство этому находимъ въ словахъ атамана ст. Шапсугской, который увѣрялъ меня, что, напр., на Крейдяной дорогѣ кустарникъ выросъ только послѣ 1863 года. И вообще лѣсъ и кустарникъ окружаютъ дольмены часто сплошной, непроницаемой стѣной, но ясно, что это не вѣковой лѣсъ, и что онъ овладѣлъ дольменами только недавно.

Кустарникъ, окружая дольмены, пробрался даже въ нихъ. При раскопкѣ Пятигорскаго дольмена, напр., корни сосѣднихъ деревьевъ обнаружены въ дольменѣ и съ боковъ, и съ низу. Въ дольменѣ № 13 въ группѣ 19 дольменовъ въ 10 в. отъ ст. Эриванской по р. Абину, черешня, выросшая среди дольмена, разодрала верхнюю плиту пополамъ. Дольмень № 9 въ той же группѣ почти недоступенъ для измѣренія отъ окружившаго его кустарника. То же должно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ дольменахъ.

Въ настоящее время остатки нѣсколькихъ дольменовъ находятся даже среди селеній, такъ, напр., 2 дольмена въ ст. Шапсугской и одинъ въ пос. Ильскомъ (и дольмень въ ст. Ахтырской). Другіе дольмены находятся отъ станицъ и поселковъ на разстояніи $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ —1 версты и до 15 верстъ.

Какъ уже сказано, есть нѣсколько дольменовъ - цистъ, совершенно скрытыхъ въ землѣ. Всѣ остальные дольмены стоятъ на поверхности земли, но обросли землею („ушли въ землю“) на нѣсколько вершковъ отъ своего основанія, напр., круглый дольмень № 1 близъ Садовой.

*) Ср. Отчетъ Импер. Археолог. Комиссіи за 1898 г. Рис. 48, стр. 33—35.

Форма дольмена.

Размѣры дольменныхъ плитъ.

Дольмены въ планѣ почти всегда представляютъ форму *трапеции*, которая иногда приближается къ формѣ четырехугольника. Исключеніе представляютъ 3 дольмена близъ Садовой и дольмень въ верховьяхъ р. Пшиша, имѣющіе *круглую* форму, или, можетъ быть, шестигранную. Можетъ быть имѣлъ шестигранную форму и дольмень въ ст. Шапсугской на дворѣ Шкирько, какъ свидѣтельствуется Е. Д. Фелицынъ. Поэтому придется особо говорить о размѣрахъ трапециодальныхъ дольменовъ и о размѣрахъ круглыхъ дольменовъ. Сначала скажу о трапециодальныхъ дольменахъ. Разумѣется, о тѣхъ и другихъ дольменахъ придется судить только по 38 болѣе сохранившимся дольменамъ, а 108 разрушенныхъ дольменовъ почти не войдутъ въ этотъ обзоръ.

Передняя плита.

Переднія плиты имѣютъ ширину наибольшую 3 ар. 12 в. у большого Шапсугскаго дольмена и наименьшую 15 в.—у Ильскаго № 4; средняя арифметическая ширина для всѣхъ измѣренныхъ переднихъ плитъ 2 арш. $2\frac{1}{4}$ в.

Высота до земли переднихъ плитъ: наибольшая 2 арш. 8 верш. у дольмена близъ Сосноваго Поста, наименьшая— $8\frac{1}{2}$ в. у Ильскаго № 4, средняя—1 арш. $8\frac{1}{2}$ вершк.

Толщина: наибольшая—9 в. у дольмена близъ Сосноваго Поста, наименьшая—3 в. у Ильскаго № 4, средняя— $5\frac{1}{8}$ в.

Передняя плита всегда составлена изъ одной цѣльной плиты. Единственное исключеніе представляетъ большой круглый дольмень у истоковъ р. Пшиша, гдѣ передняя стѣнка дольмена образована изъ трехъ, положенныхъ другъ на друга, плитъ, а въ двухъ нижнихъ вырѣзано отверстіе. Въ круглыхъ дольменахъ близъ пос. Садоваго передняя стѣнка представлена обычной цѣльной плитой, но сверхъ нея положено еще по одной добавочной.

Передняя плита всегда имѣетъ форму правильнаго четырехугольника. Исключеніе составляютъ: 1) передняя плита у дольмена близъ ст. Шапсугской, имѣющей сверху ширину 1 арш. 11 в., а внизу 2 арш. 5 в. и 2) передняя плита круглаго дольмена № 3 близъ Садовой, имѣющая выемку сверху.

Передняя плита, почти всегда съ отверстіемъ, обращена изъ 35 опредѣленныхъ случаевъ: на С—1, СВ—1, ВСВ—1, В—10, ВЮВ—2, ЮВ—9, ЮЮВ—1, Ю—4, ЮЮЗ—1, ЮЗ—4, СЗ—1; такимъ образомъ на сторону С—В—Ю приходится 29 случаевъ или $82,86\%$.

Отверстіе.

Отверстіе, находящееся въ передней плитѣ, бываетъ круглое или, правильнѣе сказать, овальное, которое мало разнится отъ совершенно круглаго, такъ

что на глазъ иногда совершенно нельзя отличить одно отъ другого. У меня занесены 33 помѣтки объ отверстіяхъ: изъ нихъ 23 о круглыхъ и 10 объ овальныхъ; 4 помѣтки означаютъ просто „круглое“ отверстіе, потому что нельзя было измѣрить діаметра ихъ. Остальные круглыя отверстія имѣютъ діаметръ: 7 вершковъ—1 (у Ильскаго дольм. № 3), $7\frac{1}{2}$ —1, 8—8, $8\frac{1}{2}$ —2, 9—4, $9\frac{1}{4}$ —1 и 10 в.—2 дольмена. Овальные отверстія замѣчены у 10 дольменовъ. Діаметры этихъ овальныхъ отверстій слѣдующіе: въ 2 случаяхъ указано лишь 7×8 в. и 8×9 в., при чемъ не опредѣлено, какіе діаметры представлены той или другой величиной. Въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ діаметры 8 (лѣво-право) \times 7 (верхъ-низъ) вершковъ; 1 отверстіе $8\frac{3}{4}$ (л.-п.) \times 8 (в.-н.) в.; 1 отверстіе— $8\frac{1}{2}$ (л.-п.) \times 9 (в.-н.) в.; 1 отверстіе—9 (л.-п.) \times $8\frac{1}{4}$ (в.-н.) в.; 1 отверстіе 10 (л.-п.) \times 9 (в.-н.) в.; и одно наибольшее по діаметрамъ 11 (л.-п.) \times 10 (в.-н.) в. принадлежитъ большому Шапсугскому дольмену.

Какъ особенность, которая можетъ иногда встрѣтиться, нужно указать на діаметры десятаго овальнаго отверстія, которое находится у большого круглаго дольмена близъ истоковъ р. Пшиша. Тамъ передняя плита замѣнена тремя большими плитами, въ двухъ нижнихъ изъ нихъ вырѣзано отверстіе, при чемъ діаметры этого отверстія таковы: 1) снаружи— $8\frac{1}{2}$ (л.-п.) \times 8 (в.-н.) в., но 2) внутри дольменной камеры — $8\frac{1}{2}$ (л.-п.) \times $6\frac{1}{2}$ (в.-н.) в. Можетъ быть это различіе діаметровъ „верхъ-низъ“ снаружи и внутри произошло отъ сдвига плитъ но можетъ быть, такъ было сдѣлано съ самаго начала.

Изъ 8 опредѣленныхъ случаевъ 7 разъ овальное отверстіе имѣетъ большій діаметръ слѣва-направо и меньшій сверху внизъ: 8—7, $8\frac{1}{2}$ —8 ($8\frac{1}{2}$ — $6\frac{1}{2}$), $8\frac{3}{4}$ —8, 9— $8\frac{1}{4}$, 10—9, 11—10, и только одинъ разъ наоборотъ, т. е. слѣва направо меньшій— $8\frac{1}{2}$ в., а сверху внизъ большій—9 в. діаметръ.

Итакъ, 1) отверстіе бываетъ или круглое, или овальное, при чемъ разность діаметровъ слѣва-направо и сверху-внизъ никогда не бываетъ болѣе $\frac{1}{2}$ — 1 в. за исключеніемъ большого круглаго Пшитскаго дольмена, гдѣ внутри діаметры разнятся на 2 в.; 2) наименьшее отверстіе имѣетъ діаметръ 7 в., а наибольшее 11 \times 10; 3) овальные отверстія имѣютъ наибольшій діаметръ чаще слѣва направо, чѣмъ сверху внизъ.

Это отверстіе находится на извѣстномъ разстояніи отъ верхняго края передней плиты и на одинаковомъ разстояніи отъ боковыхъ (лѣваго и праваго) краевъ плиты. Разстояніе верхняго края отверстія отъ верхняго края плиты очень измѣнчиво, и его нельзя подвести подъ какое-нибудь опредѣленіе, оно измѣняется отъ $6\frac{1}{2}$ —въ дольменѣ № 4 въ группѣ 19 дольменовъ близъ ст. Эриванской—до 1 арш. 15 в. у большого Шапсугскаго дольмена.

Обыкновенно отверстіе находится нижнимъ краемъ около самой земли или даже отчасти въ землѣ, напр., въ большомъ Шапсугскомъ дольменѣ.

Яснѣе всего опредѣлить мѣсто отверстія по дольмену на Крейдяпой горѣ, гдѣ при высотѣ передней стѣнки въ 1 арш. 11 в. верхній край отверстія отстоитъ отъ верхняго края стѣнки на 1 арш. 1 в., а нижній край отверстія отъ половой плиты—на 2 в. снаружи и только на $\frac{1}{2}$ в. внутри дольменной камеры. То же можно опредѣлить и по дольмену около Сосноваго Поста, въ которомъ передняя плита имѣетъ 2 арш. 8 в. высоты, отъ верхняго края до отверстія 1 арш. 7 в. и отъ отверстія до нижней половой плиты 8 в.

Отъ боковыхъ (слѣва и справа) краевъ отверстіе находится обыкновенно на равномъ разстояніи. Но и тутъ есть два исключенія. Во-первыхъ, въ дольменѣ, находящемся въ 5 верстахъ къ югу отъ пос. Азовскаго, около Симоненкова коша, передняя плита — высота 1 арш. 15 в. и ширина 1 арш. 13 в. — имѣетъ отверстіе, расположенное въ 9 в. отъ одного бокового края и въ 11 в. отъ другого. Второй случай представляетъ еще болѣе рѣзкую разность въ этихъ двухъ направленіяхъ: въ дольменѣ-цистѣ, въ 2 верстахъ къ югу отъ Гойдѣ, передняя плита, выс. 1 арш. 11 в. и шир. 2 арш. 2 в., имѣетъ отверстіе, расположенное въ $5\frac{1}{4}$ в. отъ лѣваго бокового края и въ 1 арш. $4\frac{1}{2}$ в. отъ праваго бокового края (отъ правой плиты).

Каналь отверстія, повидимому, имѣетъ одинаковую величину на всемъ своемъ протяженіи, развѣ съ очень небольшимъ измѣненіемъ. Только относительно отверстія дольмена, находящагося верстахъ въ трехъ отъ ст. Шапсугской по дорогѣ въ Кабардинку, пришлось замѣтить, что къ внутренней сторонѣ дольмена отверстіе нѣсколько суживается.

В т у л к а.

Въ отверстіи передней плиты дольмена-цисты, находящагося въ 2 верстахъ къ югу отъ Гойдѣ, какъ сказано, *сидитъ каменная втулка*, плотно придавленная въ отверстіе землей снаружи. Втулка не дошла до внутренняго края отверстія вершка на 3, хотя толщина передней плиты всего 4 вершка.

Изъ этого примѣра можно заключить, что подобнымъ же образомъ сидѣли въ отверстіи нѣкоторыхъ дольменовъ и другія втулки, которыхъ мы насчитываемъ еще 5, кромѣ указанной Гойдинской, а именно: 1) около дольмена № 13 въ группѣ 19 дольменовъ близъ ст. Эриванской лежитъ втулка, имѣющая длину 11 в.; окружность самой втулки 1 арш. 4 в., нижняя часть ея отломана или срѣзана, форма втулки грибообразная. 2) Подобная этой первой втулкѣ была и у большого дольмена, находящагося въ 3 верстахъ отъ ст. Эриванской на скатѣ горы къ р. Бугундыру; теперь эта втулка отнесена отъ дольмена и лежитъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ него, въ рѣкѣ Бугундырѣ. 3) Въ отверстіи дольмена, поставленнаго рядомъ съ правленіемъ ст. Ахтырской, вставлена втулка, имѣющая длину $9\frac{1}{2}$ в. и окружность 1 арш. 6 в., при діаметрѣ отверстія $9\frac{1}{4}$ в. Втулка не имѣетъ выпуклости вверху, но шляпка выдѣлана хорошо. У разрушеннаго дольмена, находившагося въ 2 верстахъ къ югу отъ пос. Азовскаго была втулка, нынѣ перенесенная въ самый Азовскій поселокъ и обтесанная, поперечный діаметръ втулки около 6 в. 5) Одна изъ дольменовъ на Цербелевой полянѣ имѣла втулку нижняя часть которой немного отбита, форма ея грибообразная. Высота втулки 12 в., окружность самой втулки 1 арш. 6 в. Окружность шляпки 1 арш. 12 в. Высота втулочной части $8\frac{1}{2}$ в., высота гладкой части головки, шляпки — 2 в., высота выпуклины ея $1\frac{1}{2}$ в. Ширина втулочной части $7\frac{1}{2}$ в., ширина головки 9 в.

Итакъ всего сохранилось 6 втулокъ отъ дольменовъ нашего района. Говорятъ, что была еще втулка и у Азовскаго дольмена № 8.

Однако несомнѣнно, что втулки были у гораздо большаго числа дольменовъ.

Ясное доказательство тому представляют небольшіе выемки, которыя въ иныхъ дольменахъ окружаютъ наружный край отверстія. Такія выемки я могъ замѣтить у 4 дольменовъ: 1) у дольмена № 4 на г. Паникѣ; 2) у Ильскаго д. № 3; 3) у большого круглаго дольмена близъ истоковъ р. Пшиша, ширина выемки $2\frac{1}{2}$ в., а глубина $1\frac{1}{2}$ в. и 4) у Гунайскаго дольмена № 2.

Такимъ образомъ, можно думать, что, по крайней мѣрѣ, 11 дольменовъ имѣли каменные втулки.

Но оказывается, что каменные втулки есть и не въ однѣхъ переднихъ плитахъ; въ нашихъ дольменахъ есть два случая, когда втулки находятся и въ заднихъ стѣнкахъ. Именно, два дольмена, высѣченные изъ цѣльныхъ песчаниковыхъ глыбъ: 1) находящійся въ 3 верстахъ отъ ст. Эриванской, на скатѣ къ р. Бугундыру, 2) находящійся въ 5 верстахъ отъ ст. Эриванской, на хребтѣ между рр. Бугундыромъ и Антхыромъ — имѣютъ въ задней стѣнкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно въ передней плитѣ бываетъ отверстіе, втулку, которая имѣетъ такой видъ, какъ будто бы была весьма плотно загнана въ отверстіе (діаметръ 10 в.) и затѣмъ залита цементомъ или расплавленнымъ песчаникомъ; конецъ втулки немного обломался.

Для большого на р. Бугундырѣ дольмена можно объяснить существованіе этой задней втулки такимъ образомъ, что, когда сзади этого дольмена стоялъ, какъ рассказываютъ, еще другой дольмень, тогда эта стѣнка была задней для перваго, но передней для втораго дольмена и, слѣдовательно, должна была имѣть отверстіе и втулку. Можетъ быть, такое же объясненіе пригодно и для втораго случая.

Задняя плита.

Ширина задней плиты—наибольшая 3 арш. 6 в. у дольмена № 1 на г. Паникѣ, наименьшая — 12 в. у дольмена № 4 на Цербелевой полянѣ, а среднее — 1 арш. 8 в., при чемъ эту среднюю величину нужно бы собственно немного увеличить, такъ какъ изъ 23 случаевъ въ 6 случаяхъ приходилось опредѣлять величину задней стѣны, измѣряя ее изнутри; при такомъ измѣреніи размѣры всегда получаютъ нѣсколько меньшіе, чѣмъ при измѣреніи снаружи.

Высота задней плиты, наибольшая — 2 арш. $12\frac{1}{2}$ в. у большого дольмена на р. Бугундырѣ, наименьшая — 8 в. у Гунайскаго дольмена № 2, у котораго, впрочемъ, она отчасти обломана; среднее — 1 арш. 5 в., и эту цифру нужно увеличить по той же самой причинѣ, какъ и при средней величинѣ ширины.

Толщина задней плиты—всего 10 случаевъ: наибольшая — $8\frac{1}{2}$ в. у дольмена № 3 между рр. Бугундыромъ и Антхыромъ, наименьшая — 4 в. у Ильскаго № 5 и у Гойдинскаго дольмена-цисты, среднее почти 6 в.

Въ обслѣдованныхъ мною дольменахъ задняя сторона дольмена образуется одной плитой или стѣнкой, за исключеніемъ: 1) круглаго дольмена № 3 близъ Садовой, гдѣ ее замѣняетъ нѣсколько плитъ, — у остальныхъ круглыхъ дольменовъ, вѣроятно, было то же самое, но теперь у нихъ эти части разрушены; 2) большого дольмена близъ Сосноваго Поста въ юртѣ ст. Холмской, въ которомъ задняя стѣнка сложена изъ мелкихъ камней.

Боковые плиты.

Боковые плиты, лѣвую и правую, я не всегда измѣрялъ обѣ непременно, а часто довольствовался тѣмъ, что измѣрялъ только ту, которая лучше сохранилась или была нѣсколько больше или характернѣе другой. Въ рѣдкихъ случаяхъ я измѣрялъ обѣ стѣнки.

Такъ какъ боковая стѣнка обыкновенно выше въ передней и ниже въ задней частяхъ, то я иногда измѣрялъ и ту, и другую высоту.

При обозначеніи названій стѣнокъ я, какъ уже выше сказано, держался того порядка, что зритель, стоящій передъ передней плитой съ отверстіемъ, обратившись лицомъ къ ней, будетъ имѣть по правую руку — правую боковую или продольную стѣнку, а по лѣвую — лѣвую боковую.

Длина правой продольной плиты: наибольшая — 5 арш. 6 в., у дольмена № 4 на г. Паникѣ, но въ большомъ Шапсугскомъ дольменѣ правая стѣнка составлена изъ двухъ плитъ, общая длина которыхъ 6 арш. 1 в.; наименьшая — 1 арш. 12 в. у Гойдинскаго дольмена-цисты; среднее 3 арш. 8 в.

Высота въ передней части: наибольшая — 2 арш. 3 в. у большого Шапсугскаго дольмена; наименьшая — 10 в. и Ильскаго № 4; среднее — 1 арш. 5 верш.

Высота въ задней части: наибольшая — 1 арш. 8 в. у Пятигорскаго дольмена; наименьшая — 12 в. у дольмена № 13 въ группѣ 17 дольменовъ близъ ст. Эриванской; среднее — 1 арш. Всего было опредѣлено только 7 случаевъ.

Толщина правой продольной: наибольшая — 10 в. у дольмена, находящагося въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ ст. Шапсугской по дорогѣ въ Кабардинку; наименьшая — 3 в. у дольмена въ ст. Ахтырской и у Ильскаго № 4; среднее — $5\frac{1}{2}$ в.

Правая стѣнка состоитъ всегда изъ одного большого камня, за исключеніемъ большого Шапсугскаго дольмена, у котораго она состоитъ изъ двухъ плитъ.

Лѣвая плита имѣетъ длину: наибольшая — 6 арш. 8 в. у большого Шапсугскаго дольмена; наименьшую — 2 арш. 3 в. у Смоленскаго дольмена; среднее — почти 4 арш.

Высота лѣвой продольной плиты въ передней части, изъ 11 случаевъ: наибольшая — 1 арш. 12 в. у Гойдинскаго дольмена-цисты; наименьшая — 8 в. у Ильскаго дольмена № 4; среднее — арш. 3 в.

Высота лѣвой плиты въ задней части опредѣлена только въ 5 случаяхъ: 1 арш. 7 в. у Гойдинскаго дольмена-цисты, 1 арш. 5 в., 1 арш. 8 в. и 3 в. у дольмена № 12 въ группѣ 17 дольменовъ близъ ст. Эриванской.

Толщина лѣвой плиты: наибольшая — $8\frac{1}{2}$ в. у дольмена № 2 на Цербелевой полянѣ, наименьшая — 4 в. у дольмена № 12 изъ 17 дольмен. близъ ст. Эриванской и у Ильскаго дольмена № 5; среднее — 6 в.

Данныя относительно высоты почти всѣхъ дольменныхъ плитъ должно для полученія настоящей величины нѣсколько увеличить, потому что почти у всѣхъ дольменовъ большая или меньшая часть плитъ находится въ землѣ.

О пазахъ въ продольныхъ плитахъ скажу ниже.

Верхняя плита.

Верхняя покрывка дольмена составляет обыкновенно изъ одной большой плиты; только на большомъ Шапсугскомъ дольменѣ находимъ двѣ плиты.

Верхняя плита имѣетъ обыкновенно форму прямоугольника. Обломанная плита, конечно, утрачиваетъ свою первоначальную форму и принимаетъ форму ромба, пятиугольника, круга и т. п.

Длина верхней плиты: наибольшая—5 арш. 13 в. у большого дольмена на р. Бугундырѣ, въ 3 в. отъ ст. Эриванской, или, если взять общую длину 2 плитъ на большомъ Шапсугскомъ дольм.—6 арш. 8 $\frac{1}{2}$ в.; наименьшая—1 арш. 14 в. у дольмена въ ст. Ахтырской; среднее—3 арш. 12 $\frac{1}{3}$ в.

Ширина верхней плиты: наибольшая — 6 арш. 6 $\frac{3}{4}$ в. у передней верхней плиты большого Шапсугскаго дольмена и 5 арш. 3 в. у дольмена № 1 на г. Паникѣ; наименьшая— 1 арш. 11 в. у Ильскаго № 4; среднее—3 арш.

Толщина верхней плиты: наибольшая — 1 арш. у дольмена близъ моста на р. Бугундырѣ, въ 3 $\frac{1}{4}$ в. отъ ст. Эриванской; наименьшая—3 $\frac{1}{2}$ в. у Ильскаго № 4; среднее—почти 8 в.

Высота верхней точки верхней плиты надъ землей: 3 арш. 6 в. у большого Шапсугскаго и 2 арш. 5 в. у дольмена, находящагося въ 2 в. отъ ст. Шапсугской по дорогѣ въ Эриванскую.

Итакъ, очень большими нужно считать: 1) большой Шапсугскій дольменъ; 2) дольменъ на Крейдяной горѣ, изъ цѣльнаго камня; 3) большой дольменъ на р. Бугундырѣ, въ 3 в. отъ ст. Эриванской; 4) и 5) два уцѣлѣвшихъ дольмена на г. Паникѣ; 6) дольменъ у Сосноваго Поста; 7) дольменъ на р. Маломъ Хаблѣ; а изъ круглыхъ дольменовъ: 8) дольменъ у истоковъ р. Пшиша. Однимъ словомъ, за исключеніемъ этого Пшишскаго дольмена всѣ наиболѣе крупныя дольмены приходятся на западную часть; напротивъ того, въ восточной части приходится указывать лишь болѣе мелкіе дольмены.

Наиболѣе мелкіе дольмены: 1) въ ст. Ахтырской 2, 3 и 4) Ильскіе дольмены №№ 3, 4 и 5, наконецъ, почти всѣ остальные восточныя дольмены, за рѣдкими исключеніями (Пшишскій дольменъ).

Круглыя дольмены.

Что касается до круглыхъ дольменовъ, то верхнія плиты на нихъ таковы же, какъ и на четырехугольныхъ; хотя первоначально, можетъ быть, ихъ форма и была иная—круглая вмѣсто четырехугольной. Переднія плиты у всѣхъ 3 Садовыхъ дольменовъ (№№ 1, 2 и 3) точно такія же, какъ и у обыкновенныхъ дольменовъ, за исключеніемъ той особенности, что на переднюю плиту, до верхней, положена еще одна добавочная плита.

Вслѣдствіе этого, указанная верхнія и переднія плиты вошли въ общій обзоръ всѣхъ верхнихъ и переднихъ плитъ. О передней стѣнкѣ въ большомъ кругломъ Пшишскомъ дольменѣ сказано выше. Слѣдовательно, здѣсь остается только упомянуть о размѣрахъ боковыхъ плитъ круглыхъ дольменовъ. Въ Садовомъ дольменѣ № 1 плиты положены въ 5 рядовъ, въ Садовомъ дольменѣ № 3

въ 3 и 2 ряда, а въ Пшишскомъ большомъ, очевидно, въ 3 ряда. Садовые дольмены нужно отнести къ мелкимъ дольменамъ, а Пшишскій къ крупнымъ. Въ Садовомъ дольменѣ № 1 ширина боковыхъ камней отъ $\frac{1}{2}$ арш. до 2 в., толщина до 9 в.; въ Садовомъ дольмены № 3 ширина плитъ наименьшая 14 верш., наибольшая 1 арш. $8\frac{1}{2}$ в. Въ Пшишскомъ дольменѣ плиты двухъ первыхъ рядовъ, считая отъ земли, положены на свои болѣе узкія стороны, такъ что ихъ высота (сверху внизъ—вертикальное измѣреніе) болѣе толщины (горизонтальное измѣреніе поперекъ плиты), но плиты третьяго ряда, сравнительно мелкія, положены на болѣе широкія стороны, такъ что ихъ высота (вертикальное измѣреніе) меньше толщины (горизонтальное измѣреніе). Самая малая плита № 3 имѣетъ длину 1 арш. 4 в, высоту сверху внизъ—15 в., а толщину, вѣроятно, не болѣе 8 в. Самая большая плита № 1 имѣетъ длину 2 арш. 11 в., высоту 1 арш.; толщина не опредѣлена. Наибольшая опредѣленная толщина у № 8 — 1 арш. Эти величины получены при измѣреніи изнутри. Высота верхней точки верхней плиты отъ земли: у Садоваго дольмена № 3 — 2 арш. $1\frac{1}{2}$ вер., у Пшишскаго — 2 арш. 7 в. у передней стѣнки до половой плиты и 2 арш. 10 в. у задней стороны, до земли, которой здѣсь иа $\frac{1}{4}$ арш. Диаметръ внутренняго пространства Садоваго дольмена № 3: наибольшій — 2 арш. 9 в. и наименьшій—2 арш. 7 в.

Нижняя плита.

Кромѣ указанныхъ передней, боковыхъ, задней и верхней плитъ многіе дольмены имѣютъ еще и нижнія плиты. Всѣ дольмены, сдѣланные изъ цѣльной глыбы, имѣютъ нижнюю стѣнку, нераздѣльную съ боковымъ стѣнками. Изъ остальныхъ многіе имѣютъ отдѣльную нижнюю или половую плиту. Нѣкоторые дольмены однако ея вовсе не имѣютъ, а нѣкоторые имѣютъ не цѣльную половую плиту, а небольшія плиты, подставленные то подъ переднюю, то подъ заднюю и т. п. Таково, наприм., устройство Пятигорскаго дольмена. Размѣры этой нижней плиты или подставокъ ничѣмъ не отличаются отъ размѣровъ другихъ дольменныхъ плитъ.

Цѣльные домльены.

Кромѣ круглыхъ дольменовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ дольмены, камера которыхъ высѣчена изъ одной громадной глыбы. Такихъ дольменовъ я насчиталъ всего 4: 1) дольмень въ 2 в. отъ ст. Шапсугской на Крейдяной горѣ; 2) дольмень въ 2 в. отъ ст. Шапсугской по дорогѣ въ ст. Эриванскую; 3) большой Бугундырскій дольмень, въ 3 в. отъ ст. Эриванской на скатѣ къ р. Бугундыру и 4) дольмень № 3 въ группѣ 3 дольменовъ, находящихся въ 4—5 в. отъ ст. Эриванской, на хребтѣ между рр. Бугундыромъ и Антхыромъ. У этихъ дольменовъ передняя, боковая, задняя и нижняя стѣнки составляютъ нераздѣльное цѣлое, только верхняя плита представляетъ особый, отдѣльный камень. На томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно бывають выступы боковыхъ плитъ, тамъ въ цѣльныхъ дольменахъ иногда дѣлаются колонки, напр., въ дольменѣ на Крейдяной горѣ. Углы, внутри камеры, дѣлаются и округлыми и острыми.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на пазы, ниши, выступы, чашечки и рисунки, которые встрѣчаются у дольменовъ.

П а з ы.

Пазы я замѣтилъ у 31 дольмена, при чемъ въ 10 случаяхъ пазы были прямоугольные, въ 12 округлые, а въ 9 случаяхъ я не догадался указать ихъ свойства. Эти пазы находятся обыкновенно въ боковыхъ плитахъ для укрѣпленія поперечныхъ—30 сл., но кромѣ того пазы встрѣчаются: 1) въ правой боковой для части верхней—1 сл. въ 7-мъ Эриванскомъ изъ группы 19; 2) въ нижней для передней—2 сл. въ дольменѣ у Сосноваго Поста; 3) въ верхней для передней—1 сл. въ дольменѣ у Сосноваго Поста, и въ верхней же, но для задней—1 сл. въ Гойдинскомъ дольменѣ-цистѣ.

Ширина этихъ пазовъ: прямоугольныхъ отъ 3 до 4½ в., округлыхъ отъ 2 до 6 вершк.

Какъ особенность замѣчательнъ двойной округлый пазъ въ большомъ Пшишскомъ дольменѣ.

Назначеніе этихъ пазовъ ясно: они дѣлались для того, чтобы плиты сидѣли плотнѣе другъ въ другѣ.

В ы с т у п ы.

Ту же цѣль, конечно, преслѣдовали строители дольменовъ, дѣлая выступы на нѣкоторыхъ плитахъ. Во-первыхъ, въ большомъ Шапсугскомъ дольменѣ имѣемъ двѣ плиты съ выступами: 1) передняя верхняя плита имѣетъ выступъ надъ лѣвой продольной, чтобы на нее опереться, такъ какъ лѣвая продольная ниже правой продольной; длина этого выступа—1 арш. 5 в., а высота—сверху внизъ—6 в.; 2) лѣвая продольная плита имѣетъ небольшой выступъ противъ передней, выступъ идетъ во всю высоту плиты сверху до низу, но возвышается надъ плоскостью плиты въ верху на 1 в. и внизу становится почти незамѣтнымъ; благодаря этому выступу лѣвая плита хорошо опиралась на переднюю и обратно. Во-вторыхъ, въ 12-мъ дольменѣ, находящемся въ группѣ 17 дольменовъ въ 5 в. отъ ст. Эриванской, есть небольшой выступъ у боковой плиты для части верхней плиты. Въ-третьихъ, въ Пятигорскомъ дольменѣ верхняя плита имѣетъ большой выступъ въ своей задней части; благодаря этому выступу она плотно сидитъ на задней и боковыхъ плитахъ.

Дольмены, высѣченные изъ цѣльной каменной глыбы, напр., на Крейдяной горѣ или большой Бугундырскій дольменъ, тоже имѣютъ выступы, въ видѣ колонокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были бы быть выступы продольныхъ боковыхъ плитъ. Эти колонки какъ бы должны представлять выступы этихъ отсутствующихъ боковыхъ плитъ.

Н и ш а.

Болѣе короткія, передняя и задняя, плиты вставлялись въ болѣе длинныя боковыя или продольныя; для болѣе удобнаго придерживанія поперечныхъ плитъ въ боковыхъ и дѣлались пазы. Боковыя плиты обыкновенно выходили за линію

поперечныхъ плитъ. Нерѣдко и нижняя плита и верхняя выступаютъ за тѣ же поперечныя плиты. При выступаніи за ту или другую поперечную плиту одновременно верхней и боковыхъ—или даже и нижней плитъ получается ниша или передняя, или задняя. Я насчиталъ 19 случаевъ, когда пришлось наблюдать выступленіе за поперечныя плиты тѣхъ или другихъ плитъ. Изъ этихъ 19 случаевъ въ 8 случ. ниши были и спереди, и сзади, въ 8 только спереди и въ 3 только сзади. Притомъ, въ 1 случаѣ было выступаніе верхней, продольныхъ и нижней, въ 5 сл. — верхней и обѣихъ боковыхъ плитъ, въ 3—обѣихъ боковыхъ, въ 2—одной правой, въ 2—одной лѣвой, въ 1—одной верхней, въ 1—нижней и верхней, въ 1—лѣвой и нижней, въ 1—обѣихъ боковыхъ и нижней и въ 2 случаяхъ боковой, но какой именно, нельзя было опредѣлить. Вѣроятнѣе всего предположеніе, что ниша, спереди или сзади, всегда образовывалась изъ выступовъ боковыхъ и верхней и нижней плитъ, но время разрушительно дѣйствовало на эти концы плитъ и чаще всего верхней.

Самую большую и самую правильную по устройству нишу имѣетъ большой Шапсугскій дольмень, верхняя и боковыя плиты котораго выступаютъ за переднюю на $1\frac{1}{2}$ арш. и болѣе. Далѣе по величинѣ слѣдуютъ ниши: у 2 дольменовъ на г. Паникѣ, у и большого Бугундырскаго дольмена. Самые малые выступы боковыхъ плитъ за поперечныя на 2—3 в.

Чашечки и рисунки.

На верхнихъ плитахъ 8 дольменовъ я могъ наблюдать чашечки въ различномъ количествѣ, отъ одной до нѣсколькихъ, діаметромъ отъ 2 в. до $7\frac{1}{2}$ в. Самое полное представленіе объ этихъ чашечкахъ дастъ мое описаніе верхнихъ плитъ большого Шапсугскаго дольмена: „обѣ верхнія плиты имѣютъ чашечки, но чашечки яснѣе на передней верхней. Діаметръ маленькихъ чашечекъ до 3 в. Въ лѣвой части той же передней верхней плиты—большая чашечка, діаметра $7\frac{1}{2}$ в. Въ этой же части плиты есть и еще особыя черточки. Въ *передней* плитѣ есть въ серединѣ плиты въ верхней лѣвой части чашеобразное углубленіе діам. въ 3 в. и глубиной около 2 в.“ Итакъ у Шапсугскаго дольмена есть чашечки не только на верхней, но и на передней плитѣ. У остальныхъ 7 дольменовъ я нашелъ чашечки только на верхней плитѣ, именно, у дольменовъ: Крейдяного, Свинцоваго № 2, большого Бугундырскаго, Ахтырскаго № 1, Ильскаго и Шишскаго.

Кромѣ чашечекъ большой Шапсугскій дольмень имѣетъ на верхней плитѣ еще черточки, а на боковыхъ плитахъ на внутреннихъ сторонахъ частей, приходящихся на нишу—особые рисунки *). Особыя черточки встрѣчаются также на верхней плитѣ Ахтырскаго дольмена.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ насѣчкахъ, которыя я замѣтилъ на внутреннихъ сторонахъ стѣнокъ Садоваго дольмена № 3.

Внутреннія стороны плитъ всегда хорошо обтесаны.

Коридоровъ у осмотровѣнныхъ мною дольменовъ я не встрѣчалъ. Можетъ быть, были коридоры только у дольмена, лежащаго въ $\frac{1}{4}$ версты къ Ю.-З. отъ ст. Шапсугской и у большого Шапсугскаго дольмена.

*) Ср. г. Фелицына рис. 15, стр. 31.

Разрушеніе дольменовъ.

Всего дольменовъ или ихъ остатковъ я осмотрѣлъ 146, но изъ нихъ только четверть—38 (26%) сохранились въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ, а три четверти—108 (74%) сохранились только въ видѣ жалкихъ остатковъ: или кучи разбитыхъ камней. О нѣкоторыхъ изъ этихъ 108 дольменовъ сохранилась только память. Дѣло разрушенія идетъ быстро: въ окрестностяхъ ст. Шапсугской и Эриванской указано много дольменовъ, которые разрушены въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ и даже въ самое ближайшее время. Дольмены уничтожаются и русскими и армянами: русскіе выдѣлываютъ изъ дольменныхъ плитъ катки для обмолачиванія хлѣба и жернова; армяне употребляютъ ихъ для устройства своихъ очаговъ - каминовъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и, быть можетъ, отъ прекрасныхъ большого Шапсугскаго, большого Бугундырскаго дольмена и т. п. останутся тоже жалкія груды камней.

Въ частности разрушительная дѣятельность населенія по отношенію къ дольменамъ сказалась и на внутреннемъ содержаніи памятниковъ: значительная часть дольменовъ, осмотрѣнныхъ мною, имѣли внутри лишь нѣсколько горстей земли или сору, въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказывалось нѣкоторое количество земли въ какомъ-либо изъ угловъ. Въ нѣкоторыхъ дольменахъ, въ особенности въ тѣхъ, которые имѣли половыя плиты, не оказывалось даже горсти земли. Больше всего могло бы оказаться содержанія въ дольменахъ, лежащихъ по дорогѣ изъ ст. Эриванской въ бывшую ст. Старомингрельскую. Но такъ какъ я, имѣя въ виду существованіе обширныхъ дольменныхъ кладбищъ на востокѣ между рр. Бѣлой и Лабой, надѣялся встрѣтить дальше на востокъ не одно такое кладбище, то я и оставилъ вышеуказанные дольмены безъ раскопокъ.

Мнѣ удалось произвести раскопки только въ Пятигорскомъ дольменѣ, но здѣсь я ничего не нашелъ, кромѣ слабыхъ слѣдовъ — нѣсколькихъ мелкихъ кусочковъ угля въ разныхъ мѣстахъ, на глубинѣ 3—4 в., преимущественно къ заднимъ угламъ.

Плиты дольменовъ бываютъ обыкновенно изъ сѣраго песчаника; плиты дольменовъ близъ Темнаго Лѣса изъ розоваго известняка, еще рѣже (2 случая) плиты — изъ трескуна.

Итакъ, повторяя вкратцѣ все вышесказанное, я могу сказать, что видѣнные мною дольмены 1) имѣютъ самую западную границу своего распространенія р. Абинь; 2) на пространствѣ рр. Абиномъ и Бѣлой — чѣмъ западнѣе, тѣмъ больше дольменовъ и тѣмъ они крупнѣе, а чѣмъ восточнѣе, тѣмъ ихъ меньше и они мельче; 3) въ указанномъ пространствѣ между рр. Абиномъ и Бѣлой бассейны рр. Шебша и Пшехи не имѣютъ дольменовъ, насколько достоверно извѣстно до сихъ поръ; 4) дольмены бываютъ расположены или поодиночкѣ или группами (цѣпью) въ 2—19 дольменовъ; 5) дольмены расположены отъ ближайшей рѣки въ 50 с. — до 2 верствъ, на ровномъ мѣстѣ или на скатѣ бугра или на вершинѣ бугра или горы; 6) нѣкоторые дольмены стоятъ на искусственныхъ возвышеніяхъ или даже въ нихъ; 7) въ настоящее время почти всякій дольмень окруженъ лѣсомъ, но можно предполагать, что прежде дольмены стояли на со-

вершено открытой мѣстности; 8) 3 (4?) дольмена имѣютъ круглую или шестигранную форму; 9) большинство дольменовъ (142) имѣетъ четырехугольную форму; въ числѣ такихъ дольменовъ есть нѣсколько скрытыхъ въ землѣ, т.-е. дольменовъ цистъ; 10) четырехугольные дольмены въ планѣ имѣютъ форму трапеціи, въ которой параллельныя стороны — передняя и задняя стѣнки, а непараллельныя — боковыя; 11) въ передней плитѣ почти всегда есть круглое или овальное отверстіе, 12) круглые дольмены имѣютъ по площади размѣры почти такіе же, какъ и четырехугольные; 13) почти во всѣхъ дольменахъ есть пазы для тѣхъ или другихъ плитъ, а нѣкоторые дольмены имѣютъ даже особые выступы; 14) нѣкоторые дольмены имѣютъ ниши; 15) немногіе дольмены имѣютъ чашечки на верхней плитѣ, нѣкоторые даже черточки и рисунки; 16) наиболѣе интересными по своему устройству, размѣрамъ и отличительнымъ чертамъ являются: большой Шапсугскій, большой Бугундырскій, малый Ахтырскій и большой круглый Шишскій дольмены.

Сравненіе съ другими Кавказскими и съ Крымскими дольменами.

Если сравнить описанные мною дольмены съ дольменами, обследованными Фелицынымъ между рр. Бѣлой и Лабой близъ ст. Даховской и Баговской, съ одной стороны, и дольменами Черноморскаго побережья, съ другой, то увидимъ, что наши дольмены составляютъ переходъ, соединительное звено между двумя указанными группами: наши дольмены въ общемъ мельче причерноморскихъ и крупнѣе даховскихъ или баговскихъ. Можно думать, что строители дольменовъ на берегу Чернаго моря умѣли воздвигать такіе огромные дольмены, каковы, напр., Джубскій дольмень; но когда ихъ потомки перевалили черезъ главный хребетъ, то искусство воздвиганія огромныхъ дольменовъ начинаетъ падать, и хотя иногда строятся еще большіе дольмены, но на ряду съ ними чаще и чаще воздвигаются дольмены помельче. Чѣмъ дальше двигались переселенцы на востокъ къ р. Бѣлой и Лабѣ, съ одной стороны, и на западъ, за Керченскій проливъ на Крымскій полуостровъ, тѣмъ больше падало это искусство.

Гдѣ же перевалили строители дольменовъ черезъ главный Кавказскій хребетъ? Можно было бы сказать, что вездѣ нетрудно пробраться черезъ невысокія въ здѣшнихъ мѣстахъ горы, вездѣ легко можно найти удобный перевалъ. Но можно найти и болѣе точныя указанія на мѣсто, которое могло послужить переваломъ для жителей строящихъ дольмены: именно, изъ Адербіевской щели (ущелья) въ долину р. Абина около Крученой горы и отъ Кабардинки на рѣку Адегоа, притокъ р. Абина. Въ указанныхъ мѣстахъ дольмены обоихъ скатовъ главнаго горнаго хребта раздѣляются какими-нибудь 5—10 верстами, а главныя вершины едва превышаютъ пол-версты. Здѣсь, повидимому, и находится то мѣсто, по которому строители дольменовъ, жители черноморскаго побережья, перевалили на сѣверный склонъ Кавказскихъ горъ.

Несомнѣнно также, что строители дольменовъ были жители горъ, не любившіе равнины: дольмены встрѣчаются только по горамъ и въ горныхъ ущельяхъ.

Весьма интересно было бы рѣшить вопросъ: если общее число дольменовъ

на Кавказѣ достигаетъ только числа менѣе 1000 (Д. Е. Фелицынъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ говоритъ: „въ числѣ болѣе 700, осмотрѣнныхъ мною дольменовъ“), то неужели въ дольменахъ хоронили всѣхъ лицъ безразлично? На этотъ вопросъ, кажется, пужно отвѣтить слѣдующимъ образомъ. Въ дольменахъ хоронили далеко не всѣхъ и cadaго; въ нихъ хоронились только лица, принадлежавшія къ семьямъ лучшихъ людей. Такими семьями могли быть семьи жрецовъ, старѣйшинъ, предводителей, болѣе богатыхъ людей и т. д. Это, повидимому, подтверждаютъ находки въ Баговскихъ и Даговскихъ дольменахъ. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы каждое, даже бѣдное семейство могло воздвигнуть большой дольмень, создать который стоило бы не малыхъ хлопотъ и въ наше практическое время.

Не менѣе интересенъ вопросъ, что за цѣль была у строителей дольменовъ, когда они воздвигали дольмены разныхъ типовъ: 1) вырубали изъ одной огромной глыбы, 2) строили обыкновенные четырехугольные дольмены, 3) строили круглые дольмены. Относительно четырехугольныхъ и круглыхъ дольменовъ можно высказать то предположеніе, что постройка круглыхъ дольменовъ вообще легче, потому что стѣнки такого дольмена воздвигались изъ сравнительно мелкихъ плитъ, тогда какъ для четырехугольныхъ дольменовъ нужны были громадныя плиты. Но принять подобное разрѣшеніе поставленнаго вопроса мѣшаетъ Джубскій дольмень. Онъ, какъ мы знаемъ, состоитъ изъ обычной четырехугольной камеры и „двора овальной формы“, пристроеннаго къ передней плитѣ дольмена *). Если откинуть у Джубскаго дольмена лѣвую и правую боковыя и заднюю плиту, то мы получимъ въ сущности то, что я назвалъ круглымъ дольменомъ у пос. Садоваго или у истоковъ Пшиша. Разница заключается только въ томъ, что Садовые и Пшишскій дольмены имѣютъ преимущественно шесть граней, а дворъ Джубскаго дольмена — 10, считая и переднюю плиту съ отверстіемъ **).

2. Прочія древности.

Городища, остатки укрѣпленій, курганы, памятники, камни съ крестами и надписями, плита съ родовыми знаками, пещеры.

Среди другихъ древностей, встрѣченныхъ мною на пространствѣ между рр. Абиномъ и Бѣлой, мало такихъ, которыя обращали бы на себя особенное вниманіе. Таковы, два *городища* около ст. Крымской, остатки *укрѣпленія* св. Николая въ ст. Шапсугской, слѣды укрѣпленій на вершинахъ горъ Свинцовой и Липовой въ окрестностяхъ ст. Шапсугской; также остатки русскихъ зданій и укрѣпленій близъ Гунайки и пос. Садоваго; многочисленные *курганы*, встрѣченные мною повсюду.

*) *Кавказъ*. Путевыя замѣтки гр. П. Уваровой, ч. II, стр. 49 — 52. М. 1891. *Матеріалы по археологіи Кавказа*, собранныя экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, вып. II, экспед. Сизова, рис. I, стр. 4, табл. I, р. 1 А и В. М. 1889.

**) Не могу не упомянуть здѣсь кстати и объ 11-гранномъ дольменѣ, хотя онъ изъ другой области, именно, близъ ст. Царской, за р. Бѣлой. Объ этомъ дольменѣ свѣдѣнія см. выше статью Е. Д. Фелицына, стр. 23.

Курганы эти а) обыкновенные насыпанные изъ земли, отличающіеся между собою только величиною, они встрѣчаются рѣшительно вездѣ; б) насыпанные изъ земли и обложенные по подошвѣ или повсюду сверху камнями — въ окрестностяхъ ст. Шапсугской; в) круглые съ отвѣсными стѣнками, выложенными булыжникомъ, и съ плоской вершиной — по р. Пшишу, и г) большіе курганы, набросанные изъ плитъ и камней, въ окрестностяхъ Гойдѣ. Въ особенности замѣчателенъ курганъ послѣдняго рода, находящійся верстахъ въ 3 къ западу отъ Гойдѣ, весь нагроможденный изъ плитъ и камней величиной отъ $\frac{1}{4}$ арш. до 1 аршина; діаметръ кургана около 10 саж.

Конечно, мало интересны и черкесскія могилки близъ пос. Ильскаго или „азіатское кладбище“ близъ пос. Дагестанскаго. Едва ли заслуживаютъ вниманія поздніе магометанскіе памятники, которые я встрѣтилъ: 1) въ ст. Ахтырской, 2) въ Горячемъ Ключѣ, 3) въ ст. Дагестанской. Надписи на нихъ значительно испорчены. Въ дневникѣ я упомянулъ и о нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, которые я не видѣлъ, но о которыхъ мнѣ рассказывали, что они только недавно разрушены.

Очень жаль, что мы Русскіе такъ же безжалостно и беззастѣнчиво относимся и къ тѣмъ памятникамъ, которые поставлены нашими руками и должны быть намъ дороги, что, напр., пришлось сказать о русскомъ памятникѣ близъ Темнаго Лѣса, на р. Курджицѣ.

Болѣе интересны загадочные камни съ крестами въ окрестностяхъ ст. Шапсугской и плита съ остатками надписи на р. Шебшѣ. Мало интересна плита съ изображеніемъ близъ пос. Хадыжинскаго.

Весьма интересна и плита съ знаками, близъ ст. Самурской. Вѣроятно, эти знаки не что иное, какъ родовые знаки различныхъ фамилій, племенъ и родовъ, можетъ-быть, собиравшихся когда-то сюда для какихъ-нибудь общихъ цѣлей: совѣщаній, жертвоприношеній... Это допустить тѣмъ легче, что плита занимаетъ господствующее надъ окрестностью положеніе: подъ ногами въ глубинѣ шумитъ р. Пшеха, за нею дальше видны различныя горы, раскинувшіяся въ живописномъ безпорядкѣ, выше всего этого высится описанная плита. Я не снялъ общаго вида этой плиты и знаковъ на ней, но снялъ только наиболѣе хорошо сохранившіеся знаки (табл. XVII).

Наконецъ, я встрѣтилъ слѣдующія пещеры: большую естественную пещеру по близости отъ поселковъ Шапсугскаго, Хребтоваго и Фанагорійскаго (почти въ центрѣ окружности, проведенной черезъ эти 3 поселка); 2) 3 небольшихъ искусственныхъ пещеры близъ Горячаго Ключа, 3) 2 небольшихъ искусственныхъ пещеры близъ Каверзэ, у Горячаго Ключа. Затѣмъ есть указанія, что подобныя небольшія искусственныя пещеры существуютъ около пос. Хадыжинскаго на р. Пшишѣ и около пос. Дагестанскаго. Всѣ искусственныя пещеры, осмотрѣнныя мною, невелики, сдѣланы въ песчаникѣ и не заключали въ себѣ никакихъ остатковъ. Въ этихъ пещерахъ, какъ мнѣ говорили, жили и скрывались черкесы. Въ нѣкоторыхъ подобныхъ пещерахъ прежде находили полуистлѣвшія черкесскія вещи: одежду, сундуки, оружіе.

Итакъ, что касается дольменовъ и кургановъ, то на пространствѣ отъ р. Абина до р. Бѣлой и отъ главнаго хребта до равнины — ихъ много, но прочихъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ до сихъ поръ — очень мало.

Однако несомненно, что съ теченіемъ времени, когда мѣстное населеніе лучше ознакомится съ лѣсами и ущеліями, которые они постепенно заселяютъ, обнаружится еще много другихъ памятниковъ. Даже тѣ дольмены, которые я осматривалъ, перѣдко были извѣстны только двумъ-тремъ казакамъ изъ цѣлой станицы. Не разъ приходилось отказываться отъ осмотра того или другого дольмена только потому, что знающій мѣсто дольмена казакъ или армянинъ отлучился на время изъ селенія.

Древности по верхнему теченію р. Кубани.

Попѣдка В. М. Сысоева лѣтомъ 1896 г.

1. Древности въ окрестностяхъ Хумары или Георгіевскаго осетинскаго поселка.

Въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ 1896 г. я, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посѣтилъ верхнее теченіе р. Кубани, въ сопровожденіи преподавателя Екатеринодарской мужской гимназіи А. Н. Дьякова-Тарасова. Свое обслѣдованіе я началъ отъ Георгіевскаго осетинскаго поселка или, иначе сказать, отъ Хумаринскаго укрѣпленія.

1. Раскопки у горы Шоанá.

Прежде всего *) я обратился къ могиламъ, которыя расположены подъ горою Шоана, на лѣвомъ берегу р. Кубани, ниже древней церкви (табл. XVIII)

*) Кстати упомяну здѣсь о нѣсколькихъ памятникахъ, хотя они не имѣютъ большого археологическаго значенія:

Почти при самомъ поворотѣ дороги, ведущей изъ ст. Кардоникской въ Георгіевскій поселокъ, — изъ горъ въ долину Кубани, противъ аула Хумарá, на лѣвомъ берегу Кубани стоитъ песчаниковая плита, около 1 саж. высокою, 1 арш. шир. и $\frac{3}{4}$ арш. толщ. Плита стоитъ наклонившись къ востоку; широкія стороны обращены къ в. и з. Около этой плиты на землѣ лежитъ еще округлая плита, длиною около 1 саж. На плитахъ нѣтъ ничего: ни надписей, ни изображеній.

Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ выше по Кубани, т. е. къ югу, — два такихъ же, но обломанныхъ камня.

Въ $\frac{1}{4}$ в. выше по Кубани, на самомъ краю довольно высокаго берега рѣки стоитъ песчаниковая плита, выс. до 4 арш. Вся плита попорчена, надписи нѣтъ. Въ 50 саж. далѣе къ югу, по направленію къ Георгіевскому поселку, стоитъ такая же, но обломанная плита; на ней сохранились слабые остатки какого-то рельефнаго изображенія въ родѣ туловища большой амфоры.

Кромѣ того встрѣчаются очень поздніе памятники, которые впоследствии, пожалуй, могутъ попасть въ число древностей по недоразумѣнію (когда будутъ сбиты надписи и пр.). Такъ, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ къ сѣверу отъ Георгіевскаго поселка, находится песчаниковая плита выс. $2\frac{1}{4}$ арш., шир. $\frac{3}{4}$ арш. и толщ. 5 в. Плоскія широкія стороны обращены на в. и з. На лицевой восточной сторонѣ находится рельефная фигура воина въ черкескѣ: на ней изображены газыри, пистолетъ, конь, кубышка, чувяки, нагайка въ правой рукѣ. Изображеніе сдѣлано довольно грубо, въ особенности плохо выдѣланы необыкновенно маленькія — схематическія ноги. Подолъ черкески нѣсколько сглаженъ, и на немъ сдѣлана курсивомъ русская надпись: гласящая что А Т похороиень на этомъ мѣстѣ въ 1877 г.

Памятникъ этотъ поставленъ осетинами на томъ мѣстѣ, гдѣ осетинъ Асланбекъ Тамаевъ уиалъ съ дерева и убили. Рядомъ съ головой воина, съ сѣверной стороны, изображенъ рельефомъ четырехконечный крестъ. Весь рельефъ воина окрашенъ красноватою краскою, поясъ и нѣкоторыя другія части черной и синей красками.

Вся горная масса г. Шоана въ нижней части переполнена могилами: каждый холмъ, каждое возвышеніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ могилъ.

Сначала я произвелъ раскопку на одномъ изъ болѣе дальнихъ холмовъ, но тамъ подъ слоемъ земли въ $\frac{1}{2}$ арш. нашли только крупные камни (около $\frac{1}{2}$ арш. куб. каждый) и подъ ними тонкій культурный слой въ 1 верш. толщиною. Въ этомъ слоѣ были скудные остатки костей животныхъ (лошадиные зубы и птичьи кости), угля и два небольшихъ черепка сѣровой съ блестками глины. Ниже шель уже каменный материкъ.

Послѣ этого я занялся другимъ мѣстомъ, расположенномъ на юго-западномъ склонѣ ближайшаго холма и немного ниже линіи первой раскопки. Здѣсь были три гробницы, помѣщавшіяся по склону холма одна надъ другою. Была раскопана самая верхняя. Она немного выдвигалась изъ холма съ ю. з. и имѣла направленіе ю. з.—с. в. Гробницу легко было замѣтить по верхней выдавшейся впередъ плитѣ, подъ которой темнѣло внутреннее пустое пространство. Впереди передней ю. з. стѣнки замѣтны стѣнки еще другой гробницы, можетъ, быть примыкавшей съ ю. з. къ раскопанной нами. Въ этомъ пространствѣ, на разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. отъ передней стѣнки раскопанной главной гробницы и на $\frac{1}{2}$ арш. глубины нашли только въ небольшомъ количествѣ лошадиные зубы, коровьи кости и черепокъ сѣровой глины. Когда стали снимать землю съ верхнихъ плитъ главной гробницы, то на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. нашли осколки горшка сѣрой съ блестками глины.

На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. впереди и до $1\frac{1}{4}$ арш. сзади, ясно обнаружались три плиты, каждая длиною 2 арш. 4 в.—2 арш. 6 в. Плиты лежали рядомъ и имѣли ширину около 1 арш. каждая, а всѣ вмѣстѣ около 1 саж.

Однако ясно, что первоначально была впереди еще четвертая плита, такъ какъ передняя стѣнка, слѣды которой сохранились, не прикрывалась уцѣлѣвшими тремя плитами.

Передняя, юго западная стѣнка сложена преимущественно изъ тесаного камня. Впереди ея идетъ въ ю. з. направленіи еще вышеуказанная стѣнка, въ предѣлахъ которой нашли, какъ сказано, лошадиные зубы и т. п.

Остальные три стѣнки сложены изъ нетесаныхъ небольшихъ камней и плитъ хотя между ними встрѣчаются и тесаные камни.

Верхнія плиты не отесаны.

Внутренняя камера имѣетъ размѣры: с. западная стѣнка—2 ар. 15 в. длины внутри, с. в.—1 ар. 8 в., ю. в.—2 ар. 13 в. и ю. з.—1 ар. 11 в.; толщина передней стѣнки 5 в.

Внутри гробницы на 10 вершк. сверху ничего не было. На глубинѣ 1 арш. отъ верхней плиты найденъ слой плѣсневѣлой земли въ 1 верш. толщ., ниже этого слоя были найдены человѣческія кости и т. д. Вся земля была сухая, но перемѣшана съ голышами, плитами и камнями въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые костяки были отдѣлены другъ отъ друга камнями.

Вдоль юго-восточной стѣнки былъ положенъ прекрасно сохранившійся костякъ, головою къ с. в. углу. Черепъ и зубы хорошо сохранились. Черепъ былъ перевернутъ и лежалъ на лѣвой щекѣ, лицомъ на западъ.

Въ заднемъ сѣверномъ углу нашли два черепа, одинъ надъ другимъ; оба

повреждены камнями и истлѣли. Около нихъ находились въ безпорядкѣ остальные кости. Около С. В. стѣнки находились позвонки одного изъ этихъ костяковъ. Посрединѣ гробницы былъ еще четвертый черепъ, скелетъ этого черепа былъ расположенъ въ передней части гробницы. Почти въ С. З. углу находился пятый—дѣтскій черепъ и костякъ.

Всѣ костяки, за исключеніемъ перваго, сильно повреждены. Около костяковъ были найдены: желѣзныя проволока съ кольцомъ, огниво, колечки, обломокъ ножа, буса съ глазками, лежавшая около дѣтскаго черепа. Въ самомъ нижнемъ слое найдены 3 мѣдныя небольшія пуговицы, пряжка и обломки.

Въ задней части гробницы замѣтны остатки коричневатаго цвѣта, вѣроятно слѣды ткани.

Глубина гробницы, отъ верха стѣнъ до ихъ окончанія — 1 ар. 9 в.; ниже идетъ уже материкъ.

2. Раскопки въ 2 верстахъ къ югу отъ Хумары.

На разстояніи 1—2 верствъ къ югу отъ Георгіевскаго осетинскаго поселка въ долину лѣваго берега р. Кубани вдается нѣсколько небольшихъ невысокихъ холмовъ. На одномъ изъ такихъ холмовъ я разрылъ въ 1895 г. двѣ гробницы съ деформированными чорепами. Теперь, желая подтвердить наблюденія прежней раскопки, я вскрылъ еще одну могилу.

На глубинѣ 1 ар. 4 в., подъ слоемъ земли, нашли плиты, покрывавшія большую каменную гробницу. Гробница была расположена въ направленіи С. З.—Ю. В.

Длина всей гробницы 2 ар. 13 в., ширина въ Ю. В. концѣ 1 ар. 2 в., ширина въ С. З. концѣ всего 1 арш. Стѣнки сложены изъ нетесаныхъ неправильныхъ камней. Углы гробницы немного скошены. Сверху были неправильной формы плиты, снизу материкъ, безъ всякихъ плитъ.

Глубина всей гробницы, отъ поверхности земли, 1 ар. 13 в. На глубинѣ 1 ар. 6 в. отъ поверхности земли, на разстояніи 8 вершковъ отъ Ю. В. стѣнки, былъ найденъ первый черепъ, слегка склоненный къ восточной сторонѣ, ко второму черепу. Вторымъ черепъ лежалъ еще далѣе къ востоку на 2 верш. отступя отъ Юго.-Вост. стѣнки, совершенно на правой щекѣ. Эти черепа тоже были деформированы: вытянуты сверху внизъ *); къ сожалѣнію, оба черепа сильно раздавлены и истлѣли.

Большая часть находокъ была сдѣлана около второго (женскаго) черепа. Большія кости лежали по преимуществу протянутыми вдоль гробницы, но ручная кость мужчины (западнаго костяка) лежала подъ головою женщины (восточн. к.). При этихъ костякахъ нашли: горшокъ, обломокъ дерева со слѣдами мѣдной окиси, бронзовая пряжка, два браслета (изъ нихъ одинъ былъ надѣтъ на руку, другой около шеи), фибулу, ложечку, пуговку, ухвертку, привѣску въ видѣ птицы,

*) Первый черепъ по измѣренію въ землѣ имѣлъ отъ корня носа до верха вытянутаго лба немного болѣе 4 вершк.

распростертой крестообразно и нѣсколько обломковъ разукрашенныхъ вставками желтоватаго стекла. Предметы эти весьма сходны по типу съ находками проф. В. Миллера въ Кабардѣ *). Миллеръ указываетъ на ихъ сходство съ предметами изъ могильниковъ Камунтскаго и Камбылтскаго **).

3. Раскопки по р. Тебердѣ.

Раскопки были произведены на лѣвомъ берегу р. Теберды, верстахъ въ 5 къ Ю. З. отъ Георгіевскаго осетинскаго поселка и верстахъ въ 2 выше мѣста впаденія р. Теберды въ Кубань, тамъ, гдѣ Теберда имѣетъ Ю. З.—С. В. направленіе, повернувъ изъ направленія Ю.—С. На половинѣ этого изгиба р. Теберда образуетъ на лѣвой сторонѣ большой полуостровъ гдѣ мы и произвели раскопку. На поворотѣ рѣка имѣетъ и другой полуостровъ. Оба полуострова въ своихъ частяхъ, примыкающихъ къ горѣ и постепенно поднимающихся, переполнены каменными гробницами. На второмъ большемъ полуостровѣ есть кучи камней, представляющія собою остатки какого-то поселенія. Подобныя кучи камней, т. е. остатки поселенія, есть въ самомъ Георгіевскомъ осетинскомъ поселкѣ и въ углу слиянія рр. Теберды и Кубани.

Косогоры описанныхъ полуострововъ также переполнены гробницами, различными по величинѣ, но, вѣроятно, одинаковыми по содержанію. Многія гробницы повреждены и весьма часто подъ плитой виднѣется пустое пространство. Нами были раскопаны три гробницы:

1. Подъ слоемъ земли, въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ арш., находилась гробница, накрытая двумя плитами, длиною 1 ар. 10—13 вершк. каждая и шириною обѣ 1 арш. 5 в. Вѣроятно, первоначально была еще третья плита съ Ю.-В. стороны. Подъ плитами открылось четырехугольное помѣщеніе въ направленіи С. З.—Ю. В. Размѣры его, внутри, слѣдующіе: С. З. стѣнка 1 ар. 3 верш., Ю. З. и С. В. — 1 арш. 7 верш. и Ю. В. 1 арш. 2 верш. Въ верхнемъ слое земли найденъ лошадиный зубъ. На глубинѣ 1 арш. 2 верш., найдены слѣды двухъ костяковъ. Черепа ихъ расположены ближе къ С. З. стѣнкѣ. Кромѣ костей нашли: желѣзные кольцо, саблю или кинжалъ, мотычку, ножикъ, пряжку и небольшую мѣдную пластинку.

Подъ костяками находились правильно настланныя плиты, по поднятіи которыхъ найдены послѣднія два предмета т. е. жел. пряжка и мѣдная пластинка.

2. Гробница, раскопанная подъ наблюденіемъ А. Н. Дьячкова - Тарасова имѣла направленіе Ю. В.—С. З. Эта гробница отличалась отъ первой гораздо большими размѣрами: длина, внутри, 3 арш.; шир. 1 ар. 6 в. и глубина 1 ар. 8 в. Она была расположена въ землѣ, въ склонѣ холма. Внутренность ея, видимо, была выбрана давно, но мѣстность впереди передней стѣнки была завалена землею. Когда расчистили мѣсто впереди гробницы, то оказалось, что впереди ея съ Ю. В. стороны есть нѣчто въ родѣ небольшого коридора, длиною и шириною около 1 арш. Равнымъ образомъ въ серединѣ задней С. З. стѣнки было сдѣлано нѣчто

*) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. I, табл. XIX, стр. 81, табл. XXIV, рис. 21, 24.

**) Тамъ же стр. 100 — 101.

вродѣ небольшого глухого окна. Внутри гробницы на 1 арш. 4 в. была пустота; земли же оказался только слой въ 4 вершка. Сверху этой земли лежали три плиты, длиною $\frac{3}{4}$ — $1\frac{1}{14}$ арш.; подъ ними въ землѣ ближе къ входу нашли 5 череповъ, ихъ кости въ беспорядкѣ, а также: бронзовыя колечки, пластинки, копоушку, проволоку и другіе мѣдные мелкіе обломки, равно и желѣзную пряжку. Около задней С. З. стѣнки подъ слоемъ земли лежала плита длиною и шириною около $1\frac{1}{4}$ арш.

Стѣнки какъ первой, такъ и второй гробницы были сложены преимущественно изъ нетесаныхъ плитъ и камней.

Гробницъ, подобныхъ описаннымъ, очень много на обоихъ полуостровахъ, но почти всѣ онѣ теперь полуразрушены и опустошены.

3. Кромѣ описанныхъ я замѣтилъ еще одинъ типъ гробницъ или погребеній: сверху (на поверхности земли) небольшими плитами ясно намѣченъ только четырехугольникъ. Я выбралъ для раскопки одно такое погребеніе. Именно, немного выше (саж. въ 50) первыхъ раскопанныхъ гробницъ было небольшое возвышеніе, въ родѣ курганчика. Верхъ этого возвышенія былъ обставленъ выдающимися ребрами плитъ, образывавшими четырехугольникъ.

Обломки выдавались на 2—5 вершк. Послѣдующія раскопки показали, что это уцѣлѣли концы обломившихся внутрь плитъ (верхнихъ?) Когда стали снимать верхнюю землю, то на глубинѣ всего $\frac{1}{4}$ арш. нашли среди камней одинъ раздавленный черепъ въ сѣверной части, а вблизи отъ него часть лошадиной челюсти. Скоро обнаружились верхнія плиты и стѣнки, толщиною около $\frac{1}{2}$ арш., изъ тесаныхъ плитъ брусевъ съ лицевыхъ сторонъ (снаружи) и мелкаго камня внутри.

Гробница имѣла длину 4 арш. 6 верш., считая толщину стѣнокъ, и ширину 3 ар. 2 верш. (со стѣнками). Стѣнки имѣли высоту только $\frac{3}{4}$ арш., ниже шелъ простой камень и щебень. Повидимому, содержаніе гробницы было нетронуто. Кости находили и въ предѣлахъ стѣнокъ и еще ниже ихъ. Ниже костей былъ уже мелкій щебень съ голышами. На глубинѣ 1 арш. отъ самага верха нашли желѣзку, въ родѣ долота, ниже на глубину до $\frac{3}{4}$ арш. шли кости въ беспорядкѣ. Кромѣ долота нашли слѣдующіе предметы: 1) ближе къ СЗ. стѣнкѣ три черепа, одинъ черепъ около середины СВ. стѣнки, около той же СВ. стѣнки ближе къ заднему сѣверному углу большую ручную кость, главную же массу ручныхъ и ножныхъ костей нашли посрединѣ гробницы, въ одной беспорядочной кучѣ; 2) половину мѣднаго позолоченаго бубенчика, желѣзку, жел. мотычку, мѣдную пластинку и посрединѣ въ кучѣ костей горшочекъ красной глины и три мѣдныхъ обломка.

Вообще гробница была сложена хуже всѣхъ доселѣ раскопанныхъ мною. Стѣнки сложены изъ нетесаныхъ и тесаныхъ мелкихъ плитъ и камней. Верхнія плиты довольно толсты.

Кромѣ этихъ гробницъ, мною были раскопаны еще гробницы, расположенныя верстахъ въ 2 выше по р. Тебердѣ, тамъ гдѣ Теберда принимаетъ восточное направленіе вмѣсто сѣвернаго. Въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ подходятъ сравнительно невысокіе холмы. На верху одного такого холма, близъ дороги въ горы, я осмотрѣлъ гробницу съ четырехугольнымъ выходомъ обращеннымъ на востокъ, которую нашелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи пастухомъ, осетинъ. Внутри гробницы

онъ нашель два черепа, близъ окна, 7 небольшихъ горшечковъ *) съ ручкой, темной глины, 3 стеклянныхъ браслета синяго цвѣта, толстыя мѣдныя кольца съ синими глазками и разноцвѣтныя бусы. По его указанію я нашель и осмотрѣль гробницу и произвелъ раскопку.

Подъ слоемъ земли отъ $\frac{1}{2}$ до 2 арш. нашлись двѣ небольшія гробницы, въ направленіи ЮВ.—СЗ. Сложены онѣ были изъ различныхъ плитъ, у которыхъ подтесана только внутренняя сторона и по передней (ю. в.)—лицевой сторонѣ гробницы. Заканчивалось все сводомъ, поверхъ котораго съ внѣшней стороны уложены хорошо оттесанныя плиты въ видѣ пирамидальнаго покрытія.

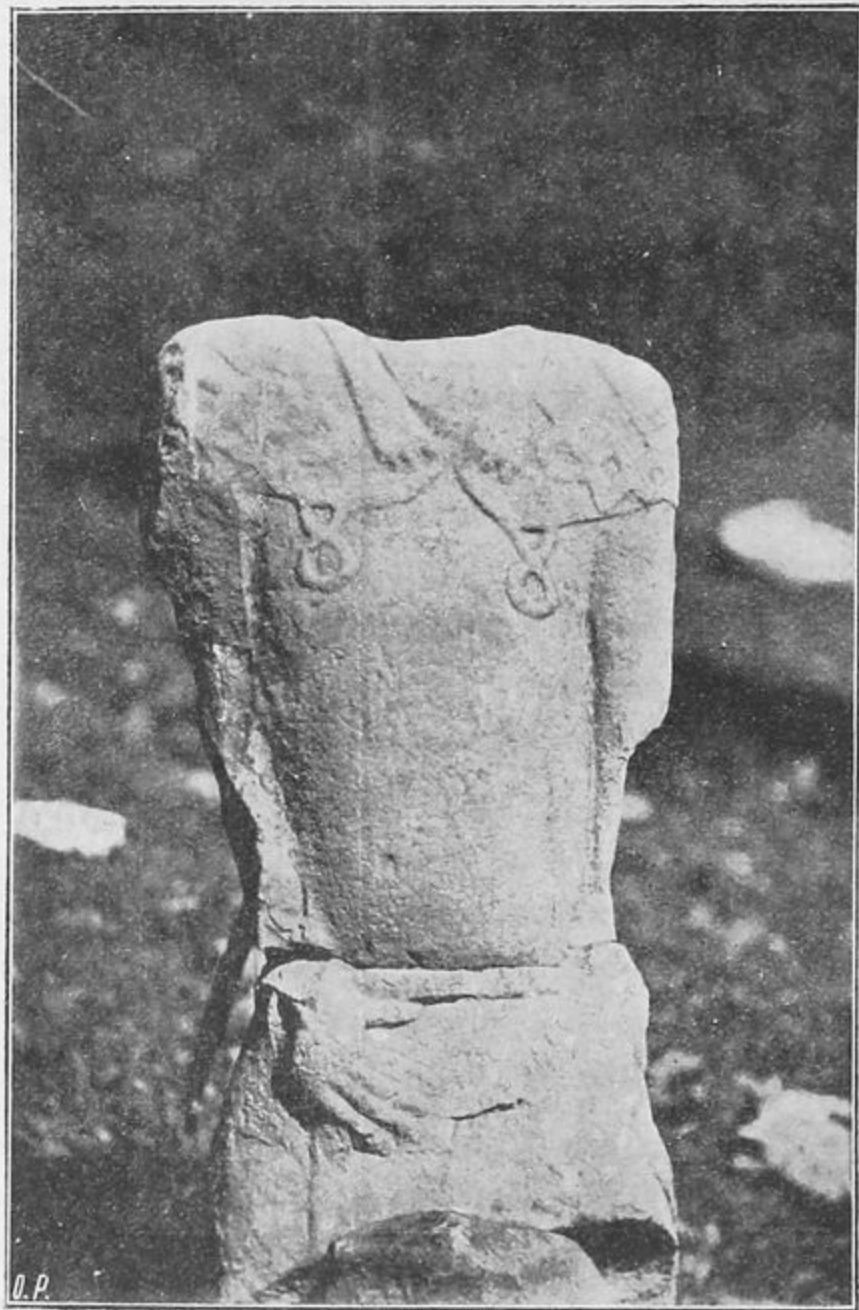

Рис. 59.

Высота гробницы 1 ар. 8 верш., шир. 1 ар. 9 в.; длина 2 ар. 8 в. (внутри). Въ передней стѣнкѣ посрединѣ, у земли, какъ указано выше, квадратное отверстіе, длина и ширина котораго 9 вершк. Толщина стѣнъ по отверстию $11\frac{1}{2}$ вер.

Внутри гробница, какъ сказано, разграблена, но перебирая землю, оставшуюся въ ней, мы въ разныхъ мѣстахъ нашли бусы, мѣдныя пуговицы и пряжку, мелкія желѣзки и жел. наконечникъ стрѣлы.

Еще большему разрушенію подверглась юговосточная гробница, которая также заканчивалась сводомъ.

*) Судя по его описанію, горшечки были похоже на тотъ, который былъ найденъ мною въ гробницѣ съ деформированными черепами.

Разбирая землю, въ ней находившуюся, мы нашли еще нѣсколько желѣзныхъ обломковъ, бусу сходную съ тѣми, какія нашли въ задней гробницѣ.

Гробница имѣла длину внутри 2 ар. 9 в., шир. 2 ар. 2 в. Ширина отверстія въ юговосточной стѣнкѣ 11 вершк. Высота приблизительно 1 ар. 10 в. Ниже расположенъ материкъ, но въ западномъ углу, на разстояніи около $\frac{1}{2}$ арш.

Рис. 60.

ю.-запад. стѣнки сдѣлано въ материкѣ углубленіе на $\frac{1}{4}$ арш. и въ немъ нашелся костякъ человѣка, похороненнаго въ сидячемъ положеніи. Вещей около костей никакихъ не было. Выше костяка посрединѣ гробницы нашли мѣдное колечко и мѣдные обломки и обломки горшка черной глины, но едва ли можно относить эти предметы къ найденному костяку.

Нѣсколько ниже (на 1 сажень) по склону горы находится обыкновенная четырехугольная гробница въ землѣ. Она была, года три тому назадъ, разграблена какимъ-то осетиномъ, который, будто бы нашель въ ней саблю.

Подъ этой же горой А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, рассматривая массу наваленныхъ тамъ плитъ и камней, нашель обломки статую изъ песчаника (рис. 59). Сохранившееся туловище имѣеть 1 арш. высоты и 12 вершк. ширины въ плечахъ. На плечи накинута нѣчто въ родѣ капюшона или башлыка изъ матеріи съ крестообразнымъ рисункомъ, съ каймой, привѣсками и лапками перекинутыми вокругъ горла. Одежда плотно облегаеть станъ, перетянутый поясомъ. Руки опущены на бедра; на груди небольшой крестикъ.

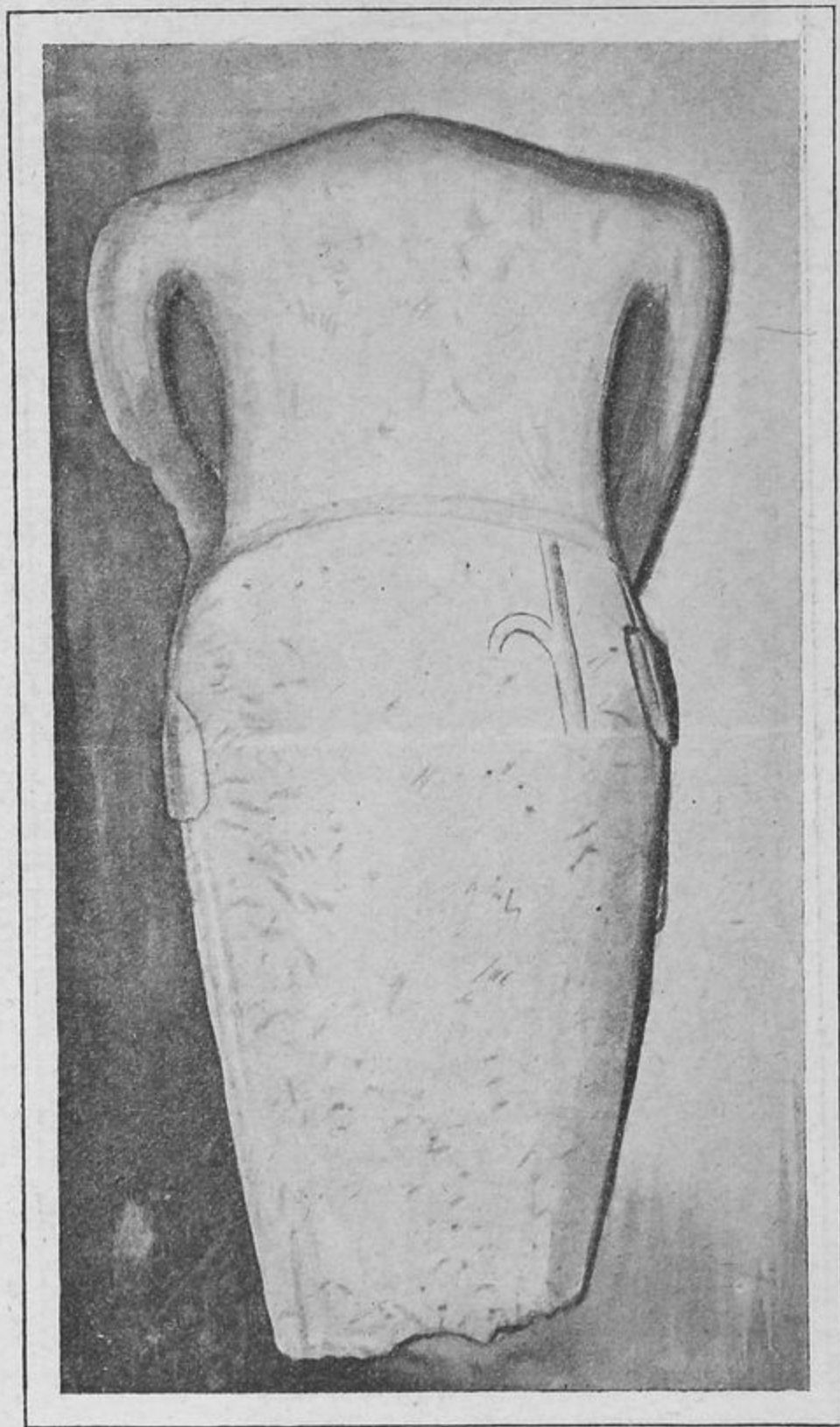

Рис. 61.

Обломки этой статуи доставлены мною въ Георгіевскій осетинскій поселокъ. Выше описанной мѣстности, верстахъ въ 2—3 отъ берега р. Теберды, находится вершина высокой горы, называемой по-осетински Уаллагъ-захъ, т. е. верхушка. Она является почти самой высокой вершиной въ данной мѣстности. Отсюда открывается прекрасный видъ на долину, гдѣ сливается Теберда съ Кубанью; отсюда видна и р. Теберда почти до самыхъ Сентовъ. Отъ Георгіевского поселка до горы версть 9. Самая вершина горы представляетъ длинную довольно

плоскую равнину, имѣющую въ серединѣ едва замѣтное пониженіе. На самомъ восточномъ краю пониженія находится, теперь въ лежащемъ положеніи вторая такая-же статуя. Прежде, какъ говорятъ осетины, здѣсь было ихъ двѣ.

Вышина ея безъ головы, которая исчезла, 2 арш. 7 — 9 в., ширина, въ ногахъ $8\frac{1}{2}$ в., въ поясѣ 10 в., въ плечахъ 1 арш. Руки опущены на бедра, на каждой рукѣ выдѣлано отчетливо по пяти пальцевъ. Въ правой рукѣ, лежащей на бедрѣ, находится сѣкира, протянутая къ ногамъ вдоль туловища. Поясъ выдѣланъ ясно. На правомъ боку къ поясу прикрѣплено что-то вродѣ кинжала и сумки. Сзади около пояса тоже что-то въ родѣ сумки и крюка; на лѣвомъ боку также трехугольная сумка. Задняя часть статуи обдѣлана также рельефомъ (рис. 60 и 61).

4. Раскопки около Шубертовой балки.

На правомъ берегу р. Кубани, верстахъ въ 2 выше моста черезъ Кубань въ Георгіевскомъ осетинскомъ поселкѣ, находится небольшая балка по прозванію „Шубертова“. По правую сторону ея, около шоссе, нашли небольшой курганчикъ, верхъ котораго составляла случайно открытая гробница.

Мальчикъ - пастухъ доставилъ мнѣ изъ этой гробницѣ разломанный витой стеклянный (желтовато - коричневаго цвѣта) браслетъ, желѣзный скребокъ, жел. ножикъ, нѣсколько бусъ, а также маленькую кубышечку синеватой глины.

Въ моментъ нашего посѣщенія вся поверхность курганчика оказалась изрытой, сверху валялись обломки человѣческихъ костей. При раскопкѣ, нашли нѣсколько бусъ, жел. мотычку, скребокъ, мѣдные гвоздики, пластинку, грушевидную подвѣску и наконечникъ стрѣлы.

Ниже оказались большія плиты, числомъ 6 штукъ, занимавшія пространство около 2 квадр. саж., что ясно доказываетъ что мы имѣемъ дѣло съ разрушенной весьма значительною гробницею.

На лѣвой сторонѣ Шубертовой балки поднимается почти отвѣсная скала, въ юго-западной части которой находится искусственно выдолбленная въ песчаникѣ пещера, входъ въ которую имѣетъ грушевидную форму.

Отверстіе обращено на Ю.-З.; изъ него видно очень хорошо ущелье Кубани и Теберды на очень большое протяженіе. Пещера внутри имѣетъ: ширину зап.-вост. 2 ар. 9 в., длину сѣверъ-югъ 2 ар. 6 в. и высоту 1 ар. $4\frac{1}{2}$ в. Внутри пещеры нѣтъ ничего.

На западной же сторонѣ, но нѣсколько западнѣе пещеры, есть выемка подъ скалой, наполненная землей; на землѣ лежатъ довольно крупные камни. Съ верху земли валялись также уже побѣлѣвшія человѣческія кости. Выемка имѣетъ направленіе вост.-зап. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. и ниже нашли много костей и 2 черепа взрослыхъ и 1 дѣтскій. Все это было скучено на пространствѣ $1\frac{1}{2}$ кв. арш. подъ двумя очень большими камнями. Глубина всего погребенія 1 арш. Тутъ рядомъ съ костями въ беспорядкѣ нашли: остатки дерева, бусы, мѣдные пуговицы, пронизочки, костяныя накладки пластинки, бараньи косточки, кусочки ткани и другіе мелкіе обломки.

Еще нѣсколько далѣе къ сѣв.-зап. была меньшая расщелина, глубиною ме-

нѣе $\frac{1}{2}$ арш., вся наполненная сухою землею. На ея поверхности осетинскій мальчикъ нашелъ кусочекъ позолоченной пластинки, мѣдную копоушку и кусочекъ цвѣтной ткани. На правомъ берегу р. Кубани, почти противъ Шубертовой балки, подъ небольшимъ обрывомъ къ рѣкѣ стоитъ песчаниковый остроконечный крестъ, выс. около 1 саж., шир. $\frac{3}{4}$ арш., толщ. 5 в. На нижней части его выдолблена прямоугольная выемка, съ четырехконечнымъ крестомъ; на которомъ повидимому, была греческая надпись, отъ которой теперь уцѣлѣли только на малыхъ крыльяхъ креста **Π** и **ΚΑ**.

Изъ Георгіевскаго поселка (Хумары) мы отправились на р. Индышъ. При впаденіи небольшой рѣки Индыша въ р. Кубань всего года два—три (въ 1894—6) тому назадъ построены заводъ общества „Эльборусъ“. Мѣстность между Хумарой и Индышскимъ заводомъ чрезвычайно красива. Верстахъ въ 6 выше Хумары на р. Кубани расположенъ небольшой карачаевскій аулъ Ташкупырь (Каменно-мостскій поселокъ). Здѣсь р. Кубань образуетъ очень красивую стремнину: рѣка имѣющая ширину до 10 саж., сжата здѣсь каменными утесами въ узкій потокъ, шириною не болѣе 3 саж., который съ грохотомъ и шумомъ несется, бурлитъ, пѣнится, кипитъ, какъ въ котлѣ, разбивается на тысячи струй и брызговъ... Брызги и всплески воды поднимаются иногда на 2 арш. и болѣе. Волны игриво хлещутъ и свиваются, образуя великолѣпную бѣлую пѣнистую массу. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ перекинуть желѣзный мостъ, но самая красивая стремнина лежитъ сажени на 2—5 выше моста, съ котораго и можно на нее любоваться. Вся стремнина занимаетъ немного болѣе 10 саж. въ длину.

Остальная часть дороги (около 30 в.) пролегаетъ по ущелью р. Кубани, весьма живописному, дикому и величественному. Особенно красиво выдѣляется въ ущельи гора Месгишъ-Кая, напоминающая собою какой-то гигантскій порталъ готическаго стиля.

Дорога на Индышъ и Учкуланъ прежде была очень плохая, доступная почти только для верховыхъ. Въ настоящее время дорога раздѣлана Обществомъ „Эльборусъ“ и карачаевцами, и она теперь настолько хороша, что по ней можно ѣхать даже въ рессорномъ экипажѣ. Для прокладки дороги въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось рвать скалы порохомъ. Въ большинствѣ случаевъ дорога идетъ по низменной долинѣ р. Кубани. Въ одномъ мѣстѣ приходится ѣхать около 1 версты по узкой, не шире $1\frac{1}{2}$ саж., дорогѣ, лежащей между высокой отвѣсной скалой и крутымъ берегомъ пѣнистой Кубани.

Индышскій свинцовый заводъ является такимъ рѣзкимъ контрастомъ суровой и дикой природѣ, полному кругомъ отсутствію элементарныхъ условій цивилизации, что сердце невольно приходитъ въ волненіе: на сто верстъ кругомъ едва ли насчитаешь 100 человѣкъ, имѣющихъ понятіе о вилкѣ, а въ этой глуши—заводъ съ прекрасной химической лабораторіей, больницей для рабочихъ и т. д.

Директоръ завода С. Н. Степановъ, принявъ насъ съ русскимъ радушіемъ, оказалъ намъ содѣйствіе, какое только могъ.

Мнѣ было извѣстно, что вверхъ по Индышу находится довольно много гробницъ; это же подтвердили и нѣкоторые изъ лицъ, живущихъ на заводѣ.

Но въ настоящій моментъ на заводѣ не было никого, кто бы хорошо зналъ дорогу и мѣстоположеніе гробницъ и другихъ древностей. Большинство рабочихъ и служащихъ на заводѣ живетъ въ этой мѣстности всего 2—3 года и не знаетъ

окрестностей. Вслѣдствіе этого нужно было обратиться въ ближайшій ауль Картъ-Джуртъ и оттуда взять проводниковъ. Поэтому я рѣшился сначала проѣхать въ Картъ-Джуртъ, Учкуланъ и Хурзукъ, осмотрѣть тамъ все достопримѣчательное и произвести раскопки, а уже на обратномъ пути, съ проводниками изъ Картъ-Джурта, обследовать долину р. Индыша.

На половинѣ дороги изъ Индышскаго завода въ Картъ-Джуртъ находятся Худесскіе рудники того-же Общества. При впаденіи р. Худеса въ Кубань находится огромная гора, вся прорѣзанная жилами свинца и цинка: разрабатываются жилы и на уровнѣ рѣки и на высотѣ 5—20—50—70—120 сажень отъ уровня ея. Жилы нерѣдко достигаютъ значительной толщины. Долина р. Кубани здѣсь

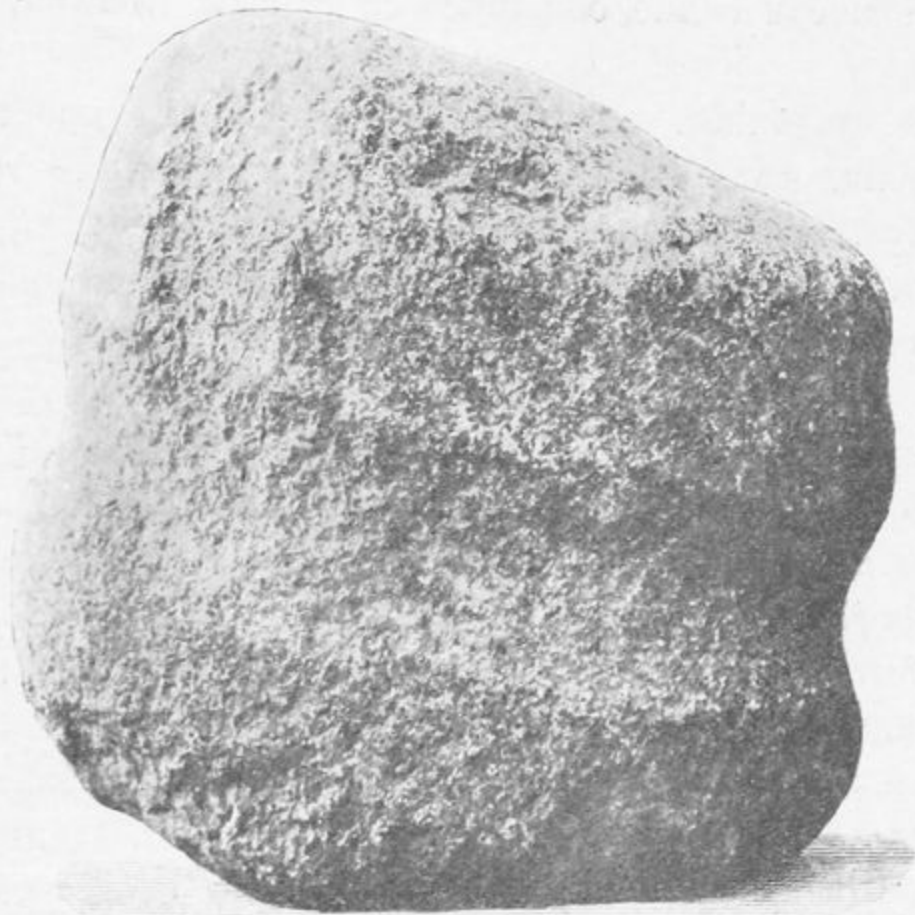

Рис. 62.

очень узка, — едва ли болѣе 50 сажень, — чрезвычайно живописна и сурова. За Худесскими рудниками долина Кубани опять значительно расширяется. Худесскіе рудники разрабатывались, очевидно, съ глубокой древности ибо въ древнихъ отбросахъ рудъ, которые найдены около Кубани, и въ остаткахъ старыхъ минъ находили каменные молоты, одинъ изъ которыхъ былъ подаренъ мнѣ Директоромъ и воспроизводится мною здѣсь (рис. 62).

При въѣздѣ, со стороны Индыша, въ Картъ-Джуртъ, недалеко отъ моста черезъ Кубань, находится также современный памятникъ подобный вышепоименованному: каменная плита, высотой около 1 саж., раскрашенная въ красный, зеленый и др. цвѣта, съ текстомъ изъ корана и именемъ лица умершаго въ 1895 г. Тутъ же разстилается довольно обширная поляна, на которую карачаевцы собираются для молитвы и празднества два раза въ годъ: въ Курбанъ-Байрамъ и Рамазанъ (каждое празднество продолжается три дня).

2. Древности въ окрестностяхъ Картъ-Джюрта.

1. Кладбища близъ Картъ-Джюрта.

Противъ аула Картъ-Джюрта, что значить „старое поселеніе“, на лѣвой сторонѣ Кубани находятся 4 обширныя кладбища, обнесенныя стѣнками изъ камней. Самое древнее и самое обширное изъ нихъ лежитъ почти посрединѣ трехъ остальныхъ.

На большомъ кладбищѣ, какъ и на другихъ, есть простыя могилки, т.-е. земляныя возвышенія, какъ у насъ, но тутъ же находимъ три гробницы особаго устройства (каши?), которыя Карачаевцами называются просто могилами и считаются своими. Въ основаніи усыпальницы эти представляютъ продолговатый четырехугольникъ. Въ вертикальномъ разрѣзѣ гробница представляетъ собою пятиугольникъ, у котораго только верхній уголъ закругленъ. Спереди, до выс. 3 арш., стѣнки идутъ параллельно другъ другу; выше онѣ сходятся сводомъ. На высотѣ 1 саж. (считая по передней стѣнкѣ) на сѣверной и южной стѣнкахъ выведены карнизы изъ плитъ, выступающихъ на 2—5 в. Передняя восточная стѣнка—безъ карниза, но въ срединѣ ея, на выс. $1\frac{1}{2}$ арш. отъ земли, сдѣлано сквозное окно. Высота его 1 ар. 4 в., шир. 12 в. Верхній и нижній брусокъ деревянные. Толщина стѣнъ 13 в.

Верхъ и крыша сведены подъ гребень каменными плитами установленными на деревянныхъ балкахъ, перекинутыхъ поперегъ зданія. Стѣны сложены изъ камней разной величины (до $\frac{3}{4}$ арш.) и формы и оштукатурены какъ снаружи, такъ и внутри. Внутри на западной стѣнѣ позднѣйшая арабская надпись.

Содержанія въ гробницѣ не было никакого.

Самая сѣверная и самая большая гробница имѣетъ длину стѣнъ: вост. 5 ар. 8 в., сѣв. 7 арш., зап. 5 ар. 6 в. и южн. 7 арш. Снаружи она болѣе разрушена, чѣмъ первая. Раздѣлена она на два неравныя помѣщенія: нижнее—большое и верхнее—малое. Нижнее помѣщеніе имѣетъ тоже двухскатную крышу: на трехъ долевыхъ балкахъ утверждены поперечныя доски, покрытыя камнями. Въ это нижнее помѣщеніе ведетъ окно, сдѣланное въ южной длинной стѣнѣ. Окно имѣетъ высоту 1 арш. 4 вер. и шир. 12 вер. Внутри нижняго помѣщенія—остатки пола, залитаго известью. Полъ не очень давно взломанъ и исковерканъ. Вдоль сѣверной стѣны расположены остатки какого-то деревяннаго гроба и около него остатки костей. Карачаевцы, какъ мнѣ говорили, считаютъ эти могилу принадлежали древнѣйшему роду Крымшамхаловыхъ.

Выше этого помѣщенія находится другое—меньшее. Оно имѣетъ высоту и ширину не болѣе 1 арш. и длину арш. 4. Въ это отдѣленіе ведетъ окно, продѣланное въ западной стѣнѣ, на высотѣ не менѣе 4 арш. Въ верхнемъ помѣщеніи нѣтъ ничего кромѣ камней и обломковъ палокъ. Верхняя крыша имѣетъ видъ свода.

Третья, средняя, гробница, самая маленькая и наиболее разрушенная, по-видимому, сложена цѣликомъ изъ камня. Она имѣетъ длину 3 ар. 5 в., ширину около 4 арш. *).

2. Гробницы на г. Клянь-Кала.

Изъ разспросовъ жителей Картъ-Джурта я узналъ, что особенно много каменныхъ гробницъ находится верстахъ въ 8 къ сѣверу отъ Картъ-Джурта. Тамъ на правой сторонѣ Кубани находится гора Клянь-Кала, расположенная по правую сторону впадающей справа въ Кубань рѣчки Клянь-Су **).

Рис. 63.

На верхнихъ склонахъ г. Клянь-Кала и на ея верхнихъ площадкахъ расположено много каменныхъ гробницъ. Тѣ изъ нихъ, которыя сложены на склонахъ горы, выступаютъ изъ нея, а вторыя скрыты въ землѣ и обнаруживаются только благодаря проваламъ, такъ какъ находятся подъ слоемъ земли въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. и болѣе. Я видѣлъ болѣе 30 такихъ гробницъ, большая часть ихъ, однако, теперь полуразрушена или опустошена.

Я раскопалъ одну изъ гробницъ, находившихся на верху горы. Она имѣла направленіе Ю. В.—С. З.

Гробница нѣсколько расширена въ серединѣ, а именно: 1) въ концахъ Ю. В. и С. З.—наименьшая ширина 14—15 в.; 2) въ серединѣ—наибольшая—1 ар. 6 в. Длина гробницы 6 арш. (непропорціонально длинна). Глубина 1 ар.

*) Такія гробницы въ большомъ числѣ находятся въ Чечнѣ. См. Проф. В. Миллеръ (Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Московскаго Арх. Общ., вып. I, стр. 28, рис. 42 и др.).

**) Клянь—собственное имя, Кала—крѣпость, Су—вода, рѣка.

11 в.; ниже этой глубины стѣнки, сложенные изъ нетесаныхъ небольшихъ плитъ, кончались и мы находили материкъ. Гробница покрыта нѣсколькими толстыми плитами, длиною въ 1 саж., шир. 1—2 арш. и толщ. 4—7 в. каждая. Плиты положены поперекъ гробницы. Повидимому, двѣ переднія (с. з). верхнія плиты сломаны, такъ что въ с. з. углу сверху отъ поверхности земли находимъ провалъ, въ который можно было пробраться въ гробницу. Надъ плитами остальной части гробницы имѣлось земли до $\frac{3}{4}$ арш.

Гробница частью засыпана землею, которая видимо, уже потревожена. Въ Ю. В. углу находились сверху въ безпорядкѣ человѣческія кости и внизу въ

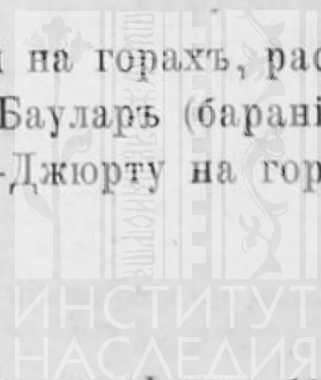
Рис. 64.

землѣ 4 кувшина. Изъ нихъ только самый большой стоялъ прямо, остальные же были на боку и даже вверхъ дномъ. Кувшины характерны по выдающимся на бокахъ пупышкамъ и ручкамъ, напоминающимъ звѣриныя изображенія такъ часто встрѣчаемыя въ могилахъ Сѣвернаго Кавказа *) (рис. 63 и 64). Человѣческія кости въ обломкахъ были найдены еще въ самой серединѣ гробницы, но подъ небольшимъ слоемъ каменныхъ плитъ. Повсюду, но главнымъ образомъ къ Ю. В. концу около кувшиновъ находили обломки бронзовыхъ фибулъ, пуговицъ и т. д. **). и одну сердоликовую бусу.

Такія же гробницы, по словамъ карачаевцевъ, находятся и на горахъ, расположенныхъ по лѣвую сторону р. Кубани, въ мѣстности Кой-Бауларъ (бараній сарай), противъ р. Кляна, а также нѣсколько ближе къ Картъ-Джурту на горѣ Ачи-Башъ (горькая голова или вершина).

*) Мат. по Арх. Кавк. т. VIII, табл. XXVIII, 10 и 14.

**) Ср. фибулу на табл. XXII, фиг. 19, Матеріаловъ по археол. Кавказа, выи. I и стр. 101.

Условные знаки.

Луга (черной и белой) и курганы
 Леса

Место на берегу обозначается калиткой
 ступень, обозначающая и ее высота =
 Расстояние в футах (или метрах) —
 начало X и M (или в километрах) =
 Дурман расст. в футах (или метрах) =
 Дурман, его высота обозначена в
 километрах (в парусах) —
 Жилища татары и слова
 их означают по-русски. М.
 Дурман расст. в футах (или метрах) =
 сивцевый =

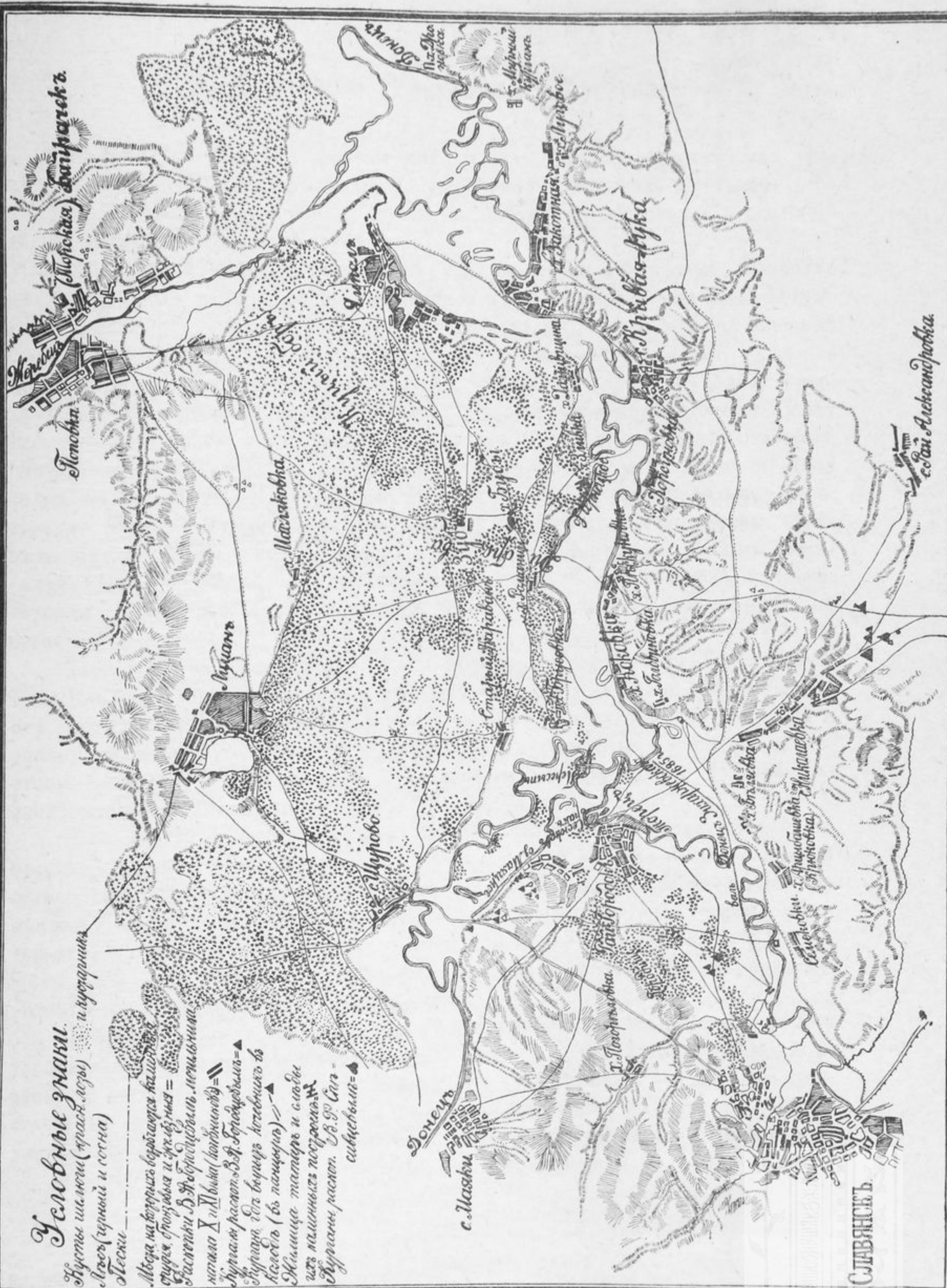

Рис. 38.

3. Древности (Учкулана и) Хурзука.

Въ Учкуланѣ мѣстные жители мнѣ сказали, что въ окрестностяхъ аула нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ древностей, кромѣ небольшихъ кургановъ.

Въ Учкуланѣ беретъ начало собственно р. Кубань, образуемая отъ слияніи двухъ рѣкъ: Уллу-Камъ и Учкуланъ.

Въ Хурзукѣ тоже не могли мнѣ указать много древностей. Наиболѣе интересной здѣсь является башня, называемая или просто Калà или Калà Маміà. Расположена она къ сѣверу отъ хурзукскаго аульнаго правленія на вершинѣ горы, называемой Калà-Баши, на самомъ краю высокой площадки, имѣющей не болѣе 3×4 саж., Она почти квадратная, имѣетъ въ ширину отъ 2 арш. 2 вер. до 2 арш. 10 вершковъ, высота около 11—12 арш. Съ южной стороны вверху небольшое окошечко; въ западной сторонѣ внизу большое входное отверстіе, расположенное около южной стѣны, выс. отверстія до 1 саж. Въ той же западной стѣнѣ выше, приблизительно на высотѣ второго этажа, есть небольшое окно. Прежде, очевидно, башня была раздѣлена на три этажа; теперь внутри башни нѣтъ ничего, сохранились только однѣ стѣны, въ которыхъ замѣтны слѣды балокъ. Въ серединѣ башни полъ (фундаментъ) вырытъ и исковерканъ на 1 арш. глубины. Стѣны состоятъ изъ камней, слегка обтесанныхъ, сложенныхъ на извести *).

Часть горы, на которой расположена башня, выступаетъ впередъ въ долину Уллу Кама изъ горнаго массива и господствуетъ надъ долиной. Съ площадки отъ башни открывается великолѣпный видъ—къ западу на ауль Учкуланъ и долину слиянія р. Уллу-Кама съ р. Учкуланомъ и долину р. Кубани къ юговостоку—на долину Уллу-Кама и Хурзука и къ югу на самый ауль Хурзукъ, раскинувшійся у подножія этой скалы.

Ниже скалы, на которой стоитъ башня, почти у самаго начала небольшого поселка, входящаго въ составъ аула Хурзука, мнѣ указали мѣсто—западный склонъ небольшого пригорка,—гдѣ будто бы прежде находился небольшой каменный „домикъ“. Начали копать. Въ самомъ верхнемъ слоѣ нашли часть турьяго и оленьяго рога, нѣсколько ниже обломокъ черепка. На глубинѣ 2 арш. шель слой угля, толщиною около 2 вершк., на пространствѣ 1 кв. арш. Въ этомъ слоѣ нашли желѣзку и мѣдную ложку.

Долина Уллу-Кама выше Хурзука очень красива, широка, длинна и вполнѣ удобна для поселенія, въ особенности для лѣтняго жилья; долина р. Уллу-Хурзука, по которой отъ Хурзука до подножія Эльбруса около 20 верствъ, тоже представляетъ хорошія лѣтнія пастбища, въ особенности ближе къ Эльбусу. По долинѣ Уллу-Хурзука и Битюкъ-тюбе-кола встрѣчаются изрѣдка мелкіе курганы.

По лѣвую сторону Уллу-Кама противъ Хурзука и ниже по направленію

*) Подобныя башни, но большихъ размѣровъ, встрѣчаются въ горной Чечнѣ. (См. Матеріалы по археол. Кавказа вып. I, стр. 36 и табл. VII) и въ Осетіи (тамъ же, стр. 51 табл. X). О времени стройки башенъ въ Кабардѣ см. тамъ же стр. 78—80.

къ Учкулану находится нѣсколько небольшихъ кургановъ, покрытыхъ камнями, и огромныя по протяженію кучи наваленныхъ въ беспорядкѣ камней.

Карачаевцы говорили, что это не ихъ могилы; но что въ нихъ часто находятъ бусы и серебряные предметы, однако ничего не могли показать для образца.

Здѣсь я произвелъ раскопку въ двухъ мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ на глубинѣ 1 арш., подъ слоемъ камней и тонкимъ слоемъ земли, нашли костякъ въ деревянномъ истлѣвшемъ гробу, состоявшемъ изъ двухъ колодъ. Костякъ лежалъ на спинѣ, головой на западъ, лицо повернуто къ югу. Около костяка справа находился большой желѣзный ножъ.

Во второмъ случаѣ, на глубинѣ 1 арш., подъ камнями же найдены слѣды костей и разсѣянны 3 жел. скобки, жел. ножъ, жел. огниво и маленькое жел. колечко.

Такимъ образомъ могилы Картъ-Джурта, Учкулана и Хурзука можно причислить къ такъ называемымъ черкескимъ могиламъ.

4. Древности съ р. Индыша.

Изъ Картъ - Джурта мы возвратились на Индышскій рудообогатительный заводъ. Здѣсь, казалось, въ бассейнѣ р. Индыша было очень много интереснаго. Прежде всего сюда меня привлекла коротенькая замѣтка г. Е. Житенева, помѣщенная въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ *), а также статейка г. Хурумова въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ **)

Въ статьѣ г. Житенева между прочимъ говорилось о курганѣ (?) Дуарбатѣ, находящемся близъ Индышскаго завода, слѣдующее: „Возлѣ кургана Дуарбата встрѣчаются остатки сооруженій какого-то древняго народа: тутъ много могилъ, камни съ какими-то надписями, высѣченныя изъ песчаника статуи въ ростъ человѣка — беспорядочно валяются на землѣ. Здѣсь же лежитъ камень, на которомъ видны слѣды копытъ коня сказочнаго богатыря Сосруки...“ Такое заманчивое описаніе памятниковъ во всякомъ случаѣ вызвало желаніе осмотрѣть мѣстность. Къ сожалѣнію, лѣтомъ 1896 г. на Индышскомъ заводѣ г. Житенева уже не было. Вслѣдствіе этого я взялъ изъ Картъ-Джурта проводниковъ, которые говорили, что на р. Индышѣ есть очень много каменныхъ домиковъ; относительно же Дуарбата ихъ свидѣтельства были очень несходны съ описаніемъ г. Житенева. Прежде всего оказалось, что Дуарбатомъ называется не курганъ въ собственномъ смыслѣ, а большая гора, лежащая въ 2—3 верстахъ отъ Индышскаго завода. Затѣмъ выраженіе „возлѣ кургана Дуарбата“, оказывается,

*) Кубанскія Областныя Вѣдомости 1895 г. 1 іюня, № 113. Статья инженера Е. Житенева: „Прямой путь изъ Карачая въ Кисловодскъ“.

***) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстности и племенъ Кавказа, вып. II, отд. I, статья Карачевскаго аульнаго учителя І. Хурумова: „Древнія гробницы на рѣкѣ Индышѣ“, стр. 20 и рис. 7 и 8.

нужно понимать въ смыслѣ „на пространствѣ 5—10 верстъ отъ Дуарбата къ ЮВ. и далѣе на сѣв.-западъ“. Въ указанномъ смыслѣ слова г. Житенева являлись до извѣстной степени вѣрными.

Что же касается статьи г. Хурумова, то она составлена въ общихъ выраженіяхъ, мѣстоположенія гробницъ, изображенныхъ на рисункахъ, не указано точно, и эти рисунки, кажется, не представляютъ собою точной копіи.

Вершина Дуарбатъ-Айры *) лежитъ въ 2—3 верстахъ къ СВ. отъ Индыш-

Рис. 65.

скаго завода, на лѣвой сторонѣ р. Индыша, и образуетъ водораздѣлъ рр. Индыша и Аманкола. Дуарбатъ имѣетъ двѣ вершины: восточную и западную.

При подъемѣ на восточную вершину Дуарбата мы нашли каменную, песчаниковую статую, длин. 2 арш. 4 в., шир. до 9 в., толщ. до 9 в. На ней слабо выдѣлена голова, грубо выдѣлена и шея; теперь голова и ноги сбиты, при чемъ лицо и шея совершенно избиты. На груди, можетъ-быть, были изображены украшенія. Руки обрисованы рельефно и заложены за поясъ, къ которому подвѣшано справа что-то въ родѣ короткихъ ноженъ для кинжала и налучень съ лукомъ въ немъ (рис. 65). На лѣвомъ боку имѣется длинная прямая сабля съ эфесомъ; нижняя часть которой отбита.

*) Дуаръ—осетинское слово, неизвѣстнаго для карачаевцевъ значенія; батъ—тонкое, осѣвшее мѣсто; Айры—сѣдловина. Такъ толковали мнѣ эти слова мои проводники-карачаевцы.

На сѣверной сторонѣ балки, противъ восточной вершины Дуарбата, нашли могилу между скалами. Эта балка расположена по теченію одного изъ мелкихъ притоковъ р. Индыша. На высокой скалѣ, въ мѣстности, довольно трудной для доступа, часть скалы была отгорожена каменной кладкой на глинѣ. На сухой землѣ валялась изсохшая нога. Землю раскопали на глубину не болѣе $\frac{1}{2}$ арш. и въ ней нашли глиняный кувшинъ, деревянную чашку, кожаный кошелекъ и поясъ и куски грубаго сѣраго полотна. Еще выше находилась такая же могила, но туда не рискнули лѣзть даже мои проводники.

Рѣчка Индышъ въ своемъ верхнемъ теченіи называется Марджа. Какъ по Индышу, такъ и по Марджѣ находится много гробницъ, напоминающихъ собою дольмены. Отъ дольменовъ онѣ отличаются однако тѣмъ, что: 1) имѣютъ стѣнки, сложенные изъ камней различной величины, а не изъ одной большой плиты; 2) нерѣдко эти камни сложены на глинѣ или глиняномъ цементѣ; 3) крыша образована не одной плитой, а нѣсколькими рядами камней или плитъ, представляющими большею частью пирамиду; 4) въ передней стѣнкѣ имѣютъ не круглое, а четырехугольное (иногда съ полукруглой верхней стороной) отверстіе, величиною болѣе $\frac{1}{2}$ кв. арш.

По Марджѣ (верхнему Индышу) въ мѣстности Джашатынъ-Кала, т.-е. потайная крѣпость, въ небольшой безлѣсной долинкѣ, лежащей противъ Дуарбатъ-Айры, за горой, въ 6 верстахъ отъ Кубани, находится болѣе 10 гробницъ, расположенныхъ надъ поверхностью земли. Большая часть ихъ теперь почти совершенно разрушена: сохранились только нижніе камни гробницъ. Пять гробницъ сохранились лучше. Я выбралъ изъ нихъ для раскопокъ двѣ. Одна изъ нихъ была съ разрушенной крышей. Длина стѣнъ снаружи была: отъ 2 арш. 4 в. до 2 арш. 13 верш.

Въ юго-западной стѣнкѣ находится черыреугольное отверстіе шир. 11 в., а высотой болѣе 7 в., Такъ какъ плита, лежавшая выше отверстія, въ настоящее время уже была уничтожена, то прежнихъ размѣровъ отверстія въ высоту нельзя опредѣлить.

Внутри гробницы на 1 арш. 2 в. отъ верхней плиты была пустота. Далѣе шла земля, которая лежала слоемъ въ $\frac{1}{2}$ арш. толщины. Въ этой землѣ ничего не оказалось кромѣ костей въ совершенномъ беспорядкѣ и обломанныхъ скудныхъ остаткахъ. Ниже земли находилась плита. Вещей никакихъ не было найдено.

Гробница, очевидно, была накрыта 3 плитами, длиною 1 саж. и шир. 1 ар. каждая; но всѣхъ плитъ теперь уже нельзя было найти на своемъ мѣстѣ.

Стѣны гробницы сложены изъ 4—6 рядовъ песчаниковыхъ брусевъ, слегка обтесанныхъ, особенно съ наружной стороны. Толщина верхнихъ плитъ 3—4 в., толщина стѣнъ 4—6 вершковъ.

Въ 2 арш. къ СЗ отъ этой гробницы находилась другая, лучше сохранившаяся и большихъ размѣровъ гробница. Длина стѣнъ снаружи: ЮЗ и СВ 3 арш., СЗ и СВ около 3 арш. 8 верш. каждая. Передняя стѣнка имѣетъ высоту отъ земли до верхней плиты 2 арш. Въ югозападной передней стѣнкѣ находится четырехугольное отверстіе съ полукруглымъ верхомъ: ширина его 11 в., высота $7\frac{1}{2}$ в. Толщина стѣнъ по отверстію $4\frac{1}{2}$ в. Стѣны сложены изъ шести рядовъ песчаниковыхъ брусевъ, шир. 4—8 в. каждая. Брусья изнутри плохо отесаны. Брусья промазаны между собою глиной, смѣшанной, повидимому, съ навозомъ.

Гробница покрыта двумя плитами неправильной, но въ общемъ четырехугольной формы, длиною около $3\frac{1}{2}$ арш. и шир. около 2 арш. каждая, толщ. 1—4 верш. На этихъ плитахъ лежала земля, мелкіе камни и плиты до 8 верш. толщины.

Внутри на $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ арш. отъ верхней плиты—пустота. Далѣе шла земля, всего на $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ арш., сухая, какъ песокъ. Въ этой землѣ нашли разсѣянно скудные обломки костей, а также, главнымъ образомъ по угламъ: нѣсколько бусъ, мѣдный бубенчикъ и часть мѣднаго зеркала.

Въ $\frac{1}{4}$ версты ниже по Марджѣ, надъ долиною рѣки поднимается, на лѣвой сторонѣ Марджи, скалистый выступъ, весь поросшій лѣсомъ. На этомъ выступѣ находится нѣсколько (около 10) гробницъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Однако эти гробницы нѣсколько мельче первыхъ и сложены изъ болѣе мелкихъ плитъ-брусевъ. Большая часть этихъ гробницъ полуразрушена. Отверстія у однѣхъ гробницъ находятся въ сѣверной стѣнкѣ, у другихъ въ западной. Такихъ гробницъ я насчиталъ около 10. Внутренность ихъ большею частію заполнена землею.

Еще больше каменныхъ наземныхъ гробницъ на Индышъ-Баши (вершина плоскогорья Индыша). Этимъ именемъ называется плоскогоріе, прорѣзанное многочисленными балками и расположенное между верховьями рр. Индыша и Индышъ-Артыкола, по лѣвую сторону Индыша. Это плоскогоріе имѣетъ въ общемъ длину около 5—8 верствъ и ширину до 3 верствъ въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ.

На этомъ плоскогоріи по балкамъ расположено не менѣе 100 каменныхъ гробницъ, часть которыхъ разрушена болѣе, чѣмъ на половину. Такъ, напр., въ балкѣ Кой-Джолтюшкенъ (т.-е. дорога спущенныхъ овецъ), находится болѣе 10 гробницъ. Я осмотрѣлъ одну небольшую гробницу, камера которой имѣетъ около 2 арш. въ длину и ширину. Отверстіе неправильной формы, обращено на югъ. Гробница расположена на небольшомъ скатѣ холма почти подъ самымъ его гребнемъ.

Отъ этой гробницы открывается видъ на самую балку, по которой тамъ и сямъ виднѣлись другія гробницы, расположенныя ближе къ вершинѣ хребта, и почти въ самомъ низу балки.

Нѣсколько лучше сохранилась большая гробница расположенная въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ упомянутой гробницы. Ея размѣры: длина югозападной и сѣверовосточной стѣнокъ 2 арш. 14 в., длина сѣверозападной стѣнки—3 арш. 7 в., юговосточной—3 арш. 10 в. Высота отъ земли до верхнихъ плитъ, спереди, 2 арш., а сзади на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. менѣе.

Крыша гробницы состоитъ изъ двухъ нижнихъ большихъ плитъ и нѣсколькихъ мелкихъ, наваленныхъ кучею сверхъ первыхъ. Спереди крыша имѣетъ какъ бы двускатную форму, но въ общемъ преобладаетъ форма пирамиды. Между плитами и на нихъ земля, въ задней сторонѣ поросшая большою травой. Въ общемъ слой плитъ и земли на крышѣ, достигаетъ толщины 1 арш.

Въ югозападной стѣнкѣ находится четырехугольное отверстіе, съ полукруглымъ верхомъ; ширина его 12 верш., выс. 8 верш.

Стѣнки сложены изъ 5 рядовъ плитъ-брусевъ, толщ. до 5—6 верш. Стѣны промазаны глиной, смѣшанной съ навозомъ. Часть второй сверху плиты въ юго-

восточной стѣнкѣ выбита, такъ что получилось какъ бы второе отверстіе. Внутри гробницы на $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ арш. отъ верхней плиты пустота. На поверхности земли валялись человѣческія челюсти, въ обломанномъ видѣ. Перебирая небольшое ко-

Рис. 66.

личество сохранившейся земли, нашли: нѣсколько черныхъ бусъ, мѣдную пуговку и кусочекъ стекла.

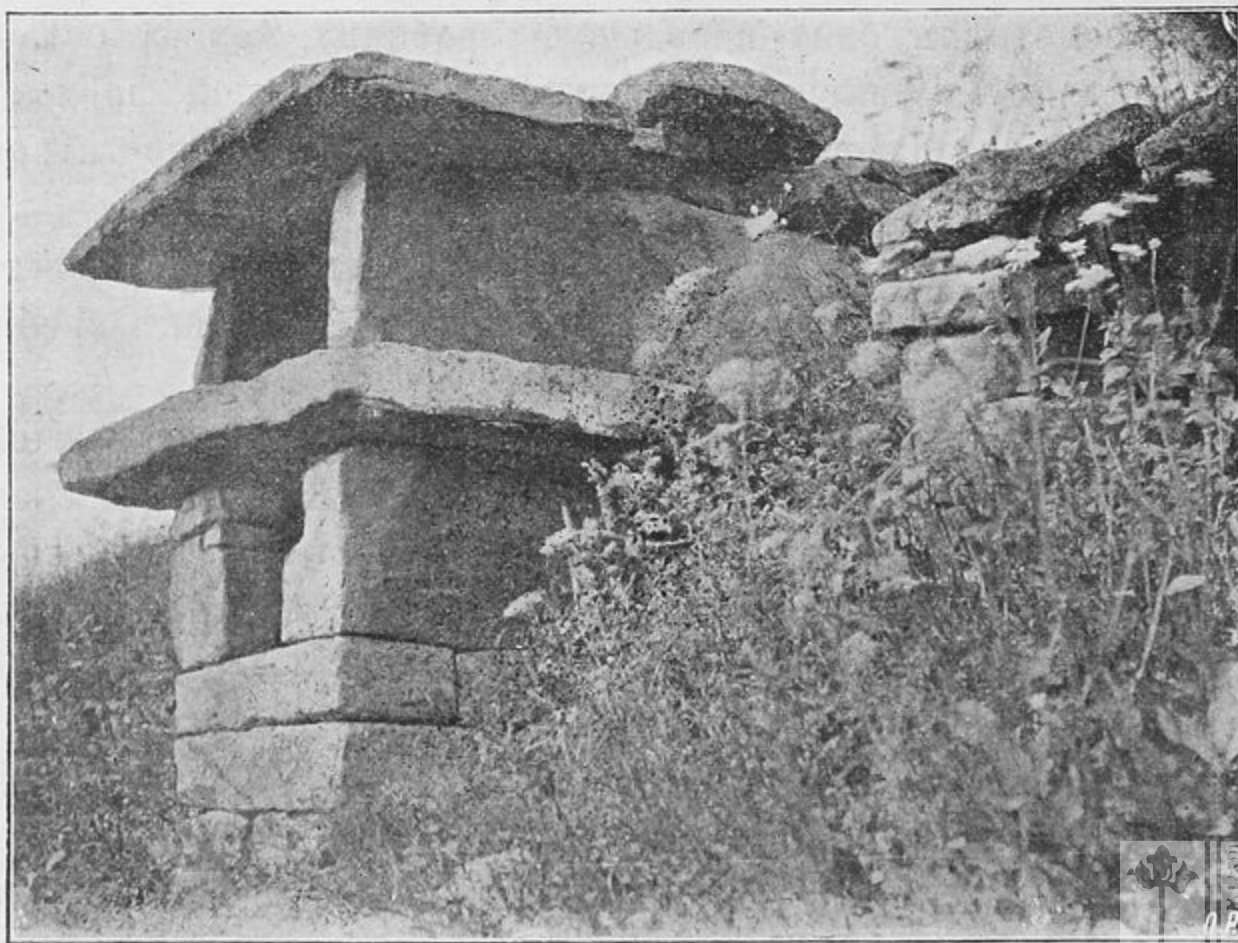

Рис. 67.

Эта гробница стояла на гребнѣ холма, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ начала его ската (рис. 66).

Кромѣ указанныхъ группъ гробницъ издали можно было видѣть на далекомъ

разстояніи 2—3 версты другъ отъ друга иныя группы, въ разныхъ мѣстахъ, по балкамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ двухъэтажныя и сложены обыкновенно изъ болѣе крупнаго матеріала (рис. 67). Къ сожалѣнію всѣ могилы эти ограблены.

Тамъ-же на Индышъ-Баши, почти въ самомъ центрѣ плоскогорія, или въ СЗ части его, въ мѣстности Джетышыкъ (семь дверей) находятся скудные остатки древнехристіанской часовни или церкви, въ которой прежде было, какъ говорятъ, семь дверей или входовъ.

Длина зданія внутри около 12 арш., а со стѣнками 14 арш. 4 верш.; алтарной части 4 арш.; глубина 4 арш. 8 верш. Пролетъ для западной двери шир. 1 арш. 6 в.; южной двери 14 $\frac{1}{4}$ в.; сѣв. 1 арш. 1 в. Въ алтарной части окно на востокъ, шир. 5 в. Въ сѣверной стѣнѣ алтарной части находится небольшая выемка, въ

Рис. 68.

въ родъ глухого окна; оно имѣетъ шир. около 7 в., выс. 7 в. и глубину 13 в. Оно обложено по краямъ 4 плитами, изъ которыхъ верхняя закопчена.

Высота сохранившихся стѣнъ около 1 саж.; стѣны болѣею частію покачнулись въ ту или другую сторону и поросли сверху травой. Стѣны сложены на глинѣ.

Мои проводники говорили, что прежде съ западной стороны была точно такая же постройка, но она недавно была разобрана карачаевцами для своихъ надобностей.

Кромѣ описанныхъ древностей въ тѣхъ же горахъ есть и другіе памятники прошлаго: 1) рисунки на скалахъ и 2) каменные статуи.

Между верховьями Марджи и Аманкола, на рѣчкѣ Кишлюорла въ обрывѣ находится песчаниковый навѣсъ, образующій нѣчто въ родъ пещеры. Длина ея саж. 5 по стѣнѣ, глубина 1—2 арш. На верхней части скалы (2—4 арш. высоты) изображены красной краской: охотничья сцена—охотники, стрѣляющіе изъ лука, всадники, собаки и олени (рис. 68), волнистыя или ломанныя линіи и прямоуголь-

ныя геометрическія фігуры въ видѣ лабиринта или тавровъ (рис. 69). Величина фигуръ 3—8 вершк. Рисунки сдѣланы довольно удовлетворительно. Краска большею частью сохранилась.

Въ котловинѣ, гдѣ сходятся четыре ущелья, въ мѣстности Баба - сынъ, по верхнему теченію р. Аманкола находится довольно хорошо сохранившаяся статуя изъ песчаника. Она стояла на небольшомъ возвышеніи въ родѣ кургана, обращена была лицомъ на сѣверъ. Высота ея отъ земли 3 арш. 1 в.; вся же длина 3 ар. 14 в., такъ какъ въ землѣ была на 13 в. Ширина въ плечахъ 1 ар. 2 в.,

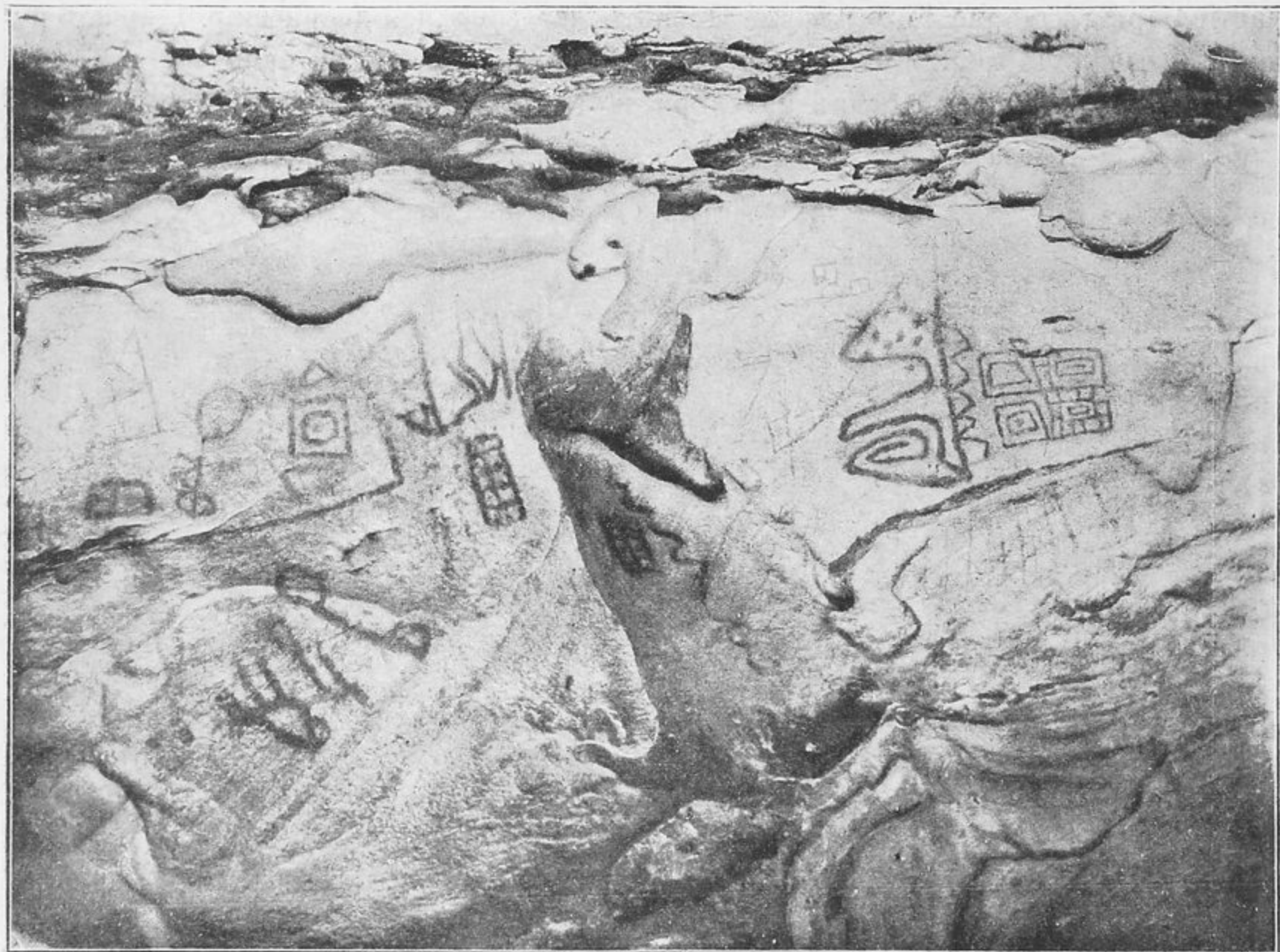

Рис. 69.

въ талии около 7 в. Ниже пояса статуя переходитъ въ четырехгранный столбъ, толщиною около 6 в., тогда какъ верхнія части округлены (рис. 70). Голова и шея сохранились, но сдѣланы очень грубо. На головѣ низкій шлемъ. Шея длинная; на шеѣ замѣтно что-то въ родѣ воротника; на плечахъ и на верхней части груди нѣчто въ родѣ наплечья соединенныхъ круглою пряжкой. Руки выдѣланы, но не отдѣлены отъ туловища. Чрезмѣрно удлинненный сталеъ охваченъ узкимъ поясомъ, за который заложены руки. За поясомъ короткая сабля и трехъугольная сумка на лѣвомъ боку; четырехъугольная сумка и какіе-то два ремешка на правомъ боку. Все это изображено едва замѣтнымъ рельефомъ.

Произведенная здѣсь раскопка показала, что статуя была утверждена въ углубленіи, сдѣланномъ въ большомъ камнѣ кубической формы (сторона $1\frac{1}{2}$ арш.).

Кромѣ этого камня раскопки ничего не дали.

Въ 1 верстѣ къ востоку отъ Баба-сына, надъ рѣчкою на скалѣ второе изображение выведенное красной краской: коровы, охотничьи сцены, деревья, а также тамги. Къ сожалѣнію, краска плохо сохранилась и не поддалась фотографіи. Изображенія эти занимаютъ въ длину саж. 4 и въ шир. 1 саж. Рисунокъ плохой, и сцены изображены безъ опредѣленнаго порядка.

Представляемый матеріалъ еще слишкомъ скуденъ, для того чтобы можно было сдѣлать какіе-либо положительные выводы. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ теперь же высказать нѣсколько замѣчаній, справедливость которыхъ весьма вѣроятна.

Рис. 70.

Рис. 71.

Рис. 72.

Большой интересъ представляютъ собою: башня Маміа въ Хурзукѣ и древнія усыпальницы на кладбищѣ въ Картъ-Джуртѣ. Какъ уже сказано, усыпальницы въ Картъ-Джуртѣ карачаевцы считаютъ своими, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не дорожатъ ими. Это указываетъ, повидимому, на то, что гробницы не принадлежатъ этой народности, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли можно давать всѣмъ этимъ памятникамъ большую древность чѣмъ 500 лѣтъ *).

Болѣе древними являются каменные гробницы, раскопанныя на Индышъ-баши, въ которыхъ, какъ выше указано, найдены: бронз. маленькая фибула съ

*) Ср. Матеріалы по археол. Кавказа в. I, стр. 28, 36, 51, 78—80.

проволочною накидною булавкою и съ подвѣснымъ для нее влагалищемъ (рис. 71), стеклянный браслетъ и бронзовая привѣсочка въ видѣ птицы съ соколиною головкою на спинѣ, указывающіе на первые вѣка нашей эры (рис. 72).

Курганы по дорогѣ отъ ст. Пашковской (около г. Екатеринодара) до ст. Зеленчукской

По всей лѣвой сторонѣ дороги изъ ст. Бѣлорѣченской въ Ханскую расположены курганы высотой отъ 1 до 3 саж.; одинъ изъ нихъ крупнѣе другихъ. Въ самой ст. Ханской, въ ея сѣверной части, есть мелкіе курганы. Отъ ст. Ханской до Майкопа почти нѣтъ кургановъ, по крайней мѣрѣ, ни одинъ не бросился въ глаза. Въ самомъ Майкопѣ, въ его юго-восточной части, есть средніе и мелкіе курганы, числомъ около 20.

Въ станицѣ Абадзехской уже нѣтъ болѣе дольмена красовавшагося на площади, но много мелкихъ кургановъ. По выѣздѣ изъ ст. Севастопольской и послѣ подъема отъ рѣчки находится большой холмъ или курганъ. Въ ст. Губской хищническая раскопка кургановъ, говорятъ, производится усиленно. Я, по крайней мѣрѣ, видѣлъ на дорогѣ одинъ небольшой курганъ, недавно раскопанный. Въ юртѣ ст. Псебайской расхищеніе кургановъ производится, повидимому, въ весьма усиленныхъ размѣрахъ. Въ 1895 году между прочимъ въ одномъ курганѣ нашли золотыхъ вещей около 4 фунтовъ. Этотъ курганъ, по словамъ Псебайскаго станичнаго атамана, находится на большой полянѣ, расположенной въ 9 в. отъ ст. Псебайской, на землѣ ст. Псебайской, но состоящей въ пользованіи ст. Бесленевской, отъ которой въ свою очередь заарендовалъ этотъ участокъ овцеводъ Николенко. На этой полянѣ, верстахъ въ 3 отъ дороги и отъ пос. Шедокскаго верстахъ въ 3 же былъ небольшой курганъ, высотой не болѣе 1 саж. Въ немъ также въ маѣ 1895 года хищники и открыли золотыя вещи.

Между поселкомъ Шедокскимъ и ст. Псебайской лежитъ, такъ называемая „большая сухая поляна“; она начинается верстахъ въ 6 къ сѣв. отъ ст. Псебайской и тянется далѣе верстъ на 12 до самаго поселка Шедокскаго. Если ѣхать отъ ст. Псебайской, то первыя 6 верстъ кончаются небольшимъ подъемомъ и какъ бы воротами, за которыми и разстилается вышеупомянутая „сухая поляна“ Ближайшая къ ст. Псебайской часть поляны, сейчасъ за подъемомъ, называется „Блангаузъ“. Здѣсь въ апрѣлѣ 1895 года была начата хищническая раскопка кургана (кругомъ 26 саж., выш. 4 саж.); атаманъ ст. Псебайской докопалъ курганъ, нашелъ склепъ, закрытый досками, въ склепѣ гробъ, обитый кожей, въ гробу, по его рассказамъ, желѣзные куски въ родѣ ножницъ, 2 золотыхъ колечка и синій камушекъ.

На самой „сухой полянѣ“ есть 7 большихъ кургановъ, раскопанныхъ хищнически. Размѣры двухъ изъ нихъ: 1) кругомъ 24 саж., выс. $3\frac{1}{2}$ саж.; 2) кругомъ 38 саж., выс. 6 саж.

При самомъ въѣздѣ въ ст. Андриковскую находится большой курганъ, саж. 3 — 4 отвѣсной высоты. На немъ въ военное время была батарея, но, по словамъ стариковъ, курганъ былъ насыпанъ еще до батареи и только для надобностей батареи было прибавлено немного земли и камней. Въ настоящее

время въ серединѣ вершины кургана находится яма (длиною 2 саж., шир. 1 с., глубиною $1\frac{1}{2}$ арш.). По словамъ атамана, здѣсь въ 1895 же году стали брать глину, но когда узнали объ этомъ, то станичное управленіе запретило. Глины взято немного, но земля въ ямѣ какъ будто немного осѣла внизъ. Къ югу отъ ст. Андрюковской и отъ этого кургана къ ущелью Шангиреевскому идетъ обширная поляна, на которой я насчиталъ около 10 среднихъ (1 — 3 саж. выс.) кургановъ. Хищники начали было раскапывать одинъ курганъ, но имъ запретили.

По дорогѣ изъ ст. Андрюковской въ поселокъ Черный много кургановъ, особенно на вышеупомянутой „сухой полянѣ“, по которой опять приходится ѣхать. Курганы средніе и малые (болѣе 20 малыхъ покрыты сплошь мелкимъ булыжникомъ; эти курганы имѣютъ круглую форму, діам. аршина 2). Много кургановъ и на берегу Лабы противъ поселка Шедоксаго. Есть даже крупные курганы. Около поселка Чернаго со стороны дороги отъ ст. Андрюковской много и мелкихъ и среднихъ кургановъ.

Въ ст. Безстрашной недавно одинъ казакъ разрылъ курганъ, въ которомъ нашелъ жел. саблю, длиною 1 арш. $8\frac{3}{4}$ в., желѣзный обломокъ отъ ефеса съ серебряной насѣчкою и 7 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

По дорогѣ изъ ст. Безстрашной въ ст. Подгорную, верстахъ въ 3 отъ Безстрашной, вправо отъ дороги, подъ горой стоитъ большой курганъ круглый; (сажени 4 высотой), около него расположено еще около 10 среднихъ и мелкихъ кургановъ.

Верстахъ въ 4 отъ ст. Подгорной по правую сторону дороги въ ст. Надежную, говорятъ, находится большой „Леоновъ“ курганъ, высотой до 6 саж. Также есть, говорятъ, большой курганъ, выс. саж. 6, въ 7 в. отъ ст. Подгорной по дорогѣ на ст. Вознесенскую.

По лѣвую сторону дороги изъ ст. Подгорной въ ст. Надежную я замѣтилъ два среднихъ кургана; а по дорогѣ изъ ст. Надежной въ Передовую за подъемомъ на горѣ, по правую сторону одинъ средній курганъ.

Къ югу отъ ст. Исправной по долину разсѣяно около 10 среднихъ и малыхъ кургановъ: 6 до моста и 4 за мостомъ. Около кладбища въ ст. Исправной есть или небольшой холмъ или большой курганъ.

По дорогѣ изъ ст. Исправной въ ст. Зеленчукскую верстахъ въ 10 отъ Исправной находится около 15 мелкихъ кургановъ; въ 13 верстахъ одинъ средній курганъ и наконецъ подъ самой ст. Зеленчукской, въ 2—3 верстахъ отъ нея, одинъ большой (саж. 4 выс.) курганъ и одинъ малый. Въ самой ст. Зеленчукской, повидимому, есть много среднихъ кургановъ (я видѣлъ 4) и одинъ большой (сажени 3—4 высотой).

Въ осетинскомъ Георгіевскомъ поселкѣ (Хумара) много среднихъ и мелкихъ кургановъ. Среднихъ размѣровъ курганы стоятъ и у слиянія Теберды съ Кубанью. Есть курганы среднихъ размѣровъ у почтовой станціи Красногорской. Между ст. Усть-Джегутинской и Еврейско-Джегутинскимъ поселкомъ находится много большихъ кургановъ, высотой 3—5 саж. По дорогѣ изъ ст. Баталпашинской въ ст. Бекешевскую, верстахъ въ 10 за р. Овечкой, находится нѣсколько большихъ кургановъ.

Около Баталпашинска и Армавира есть много большихъ кургановъ.

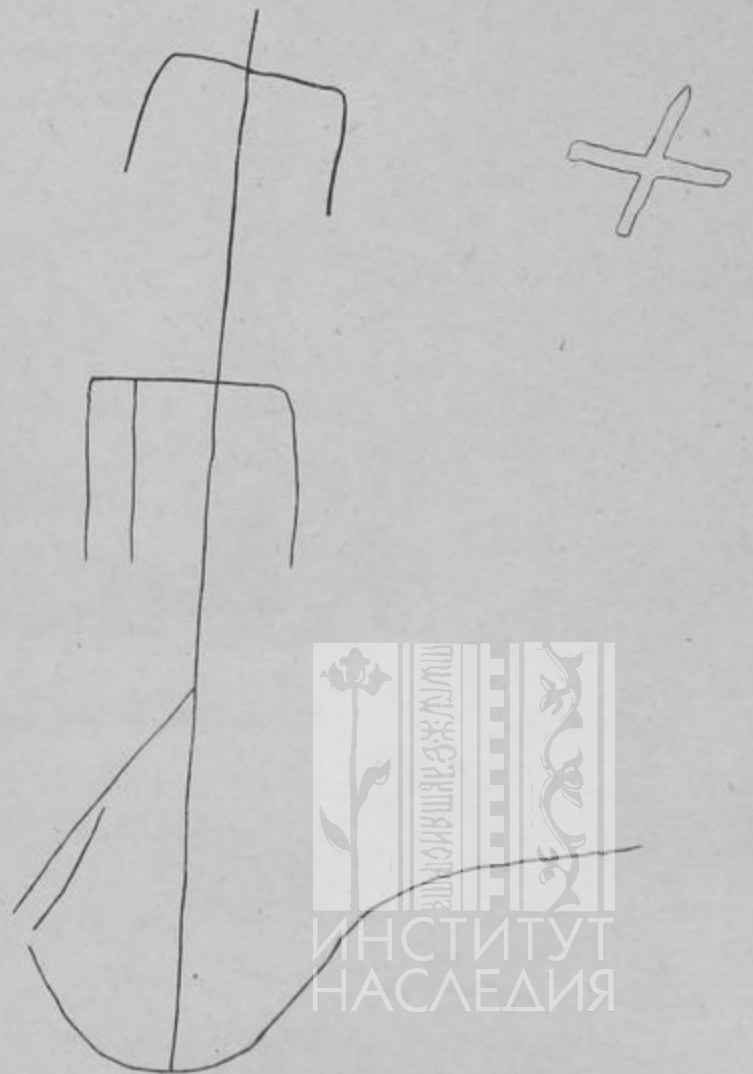
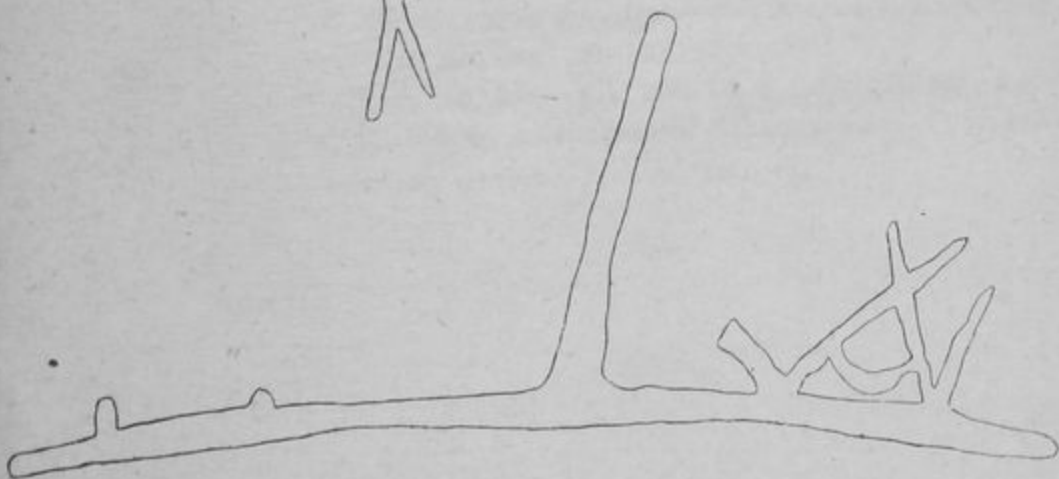
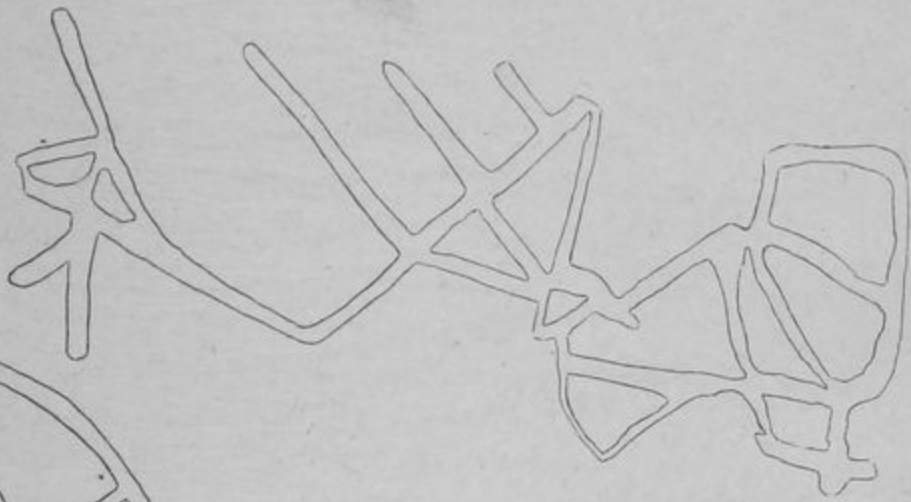
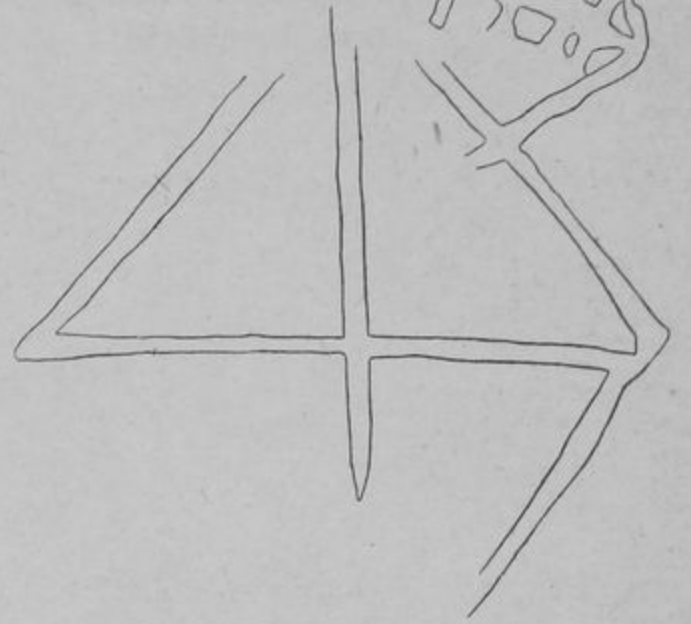
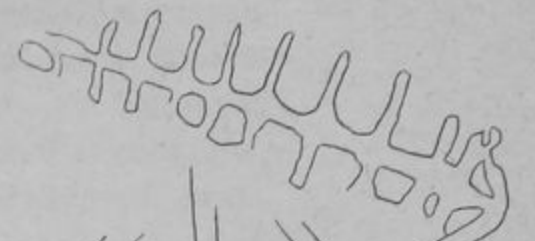
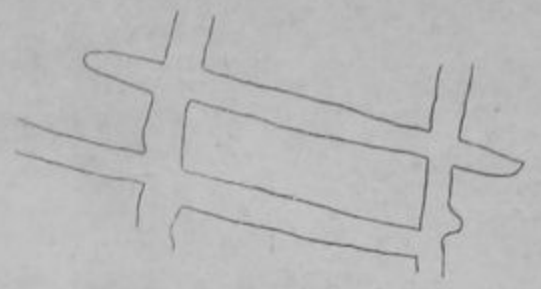
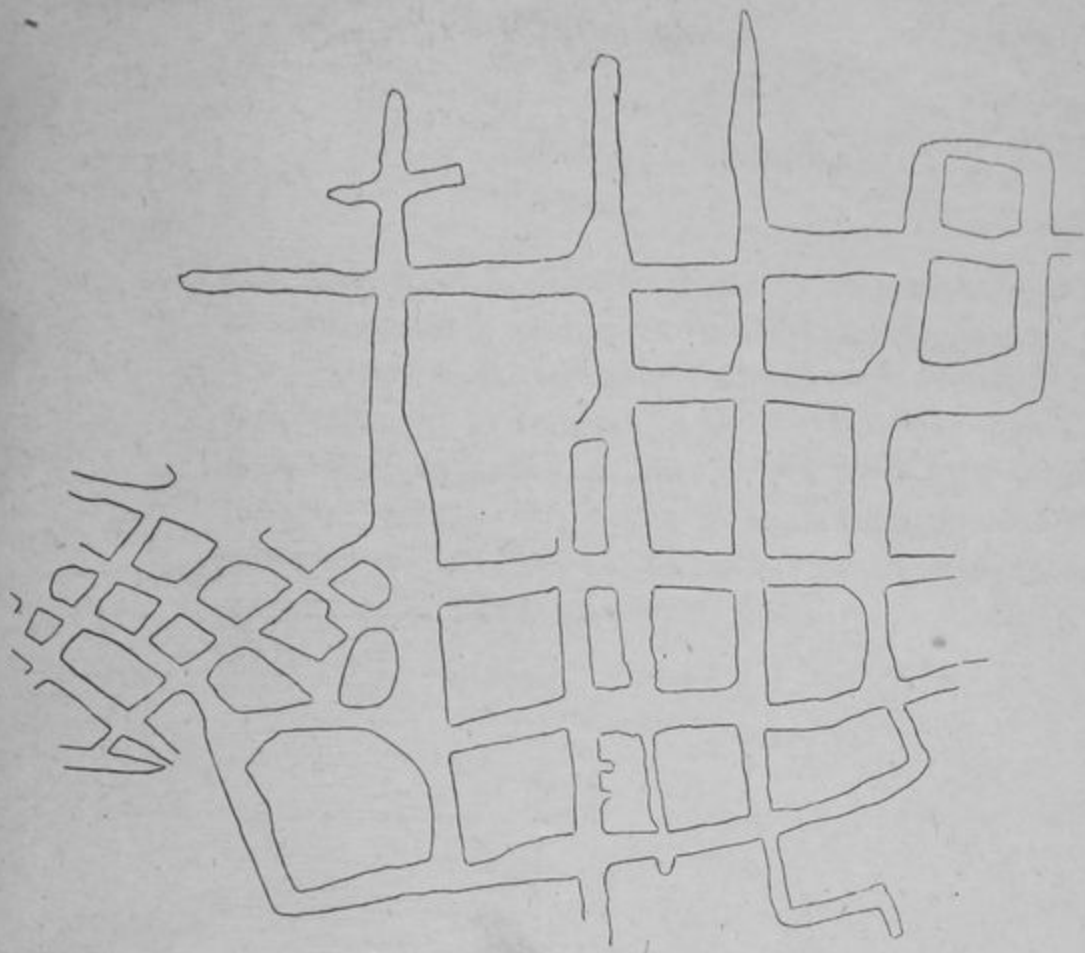
Черепки, найденныя въ холмѣ-курганѣ Зеленчукскаго ущелья.

Въ холмѣ Зеленчукскаго ущелья, при его раскопкѣ, нашли очень много всевозможныхъ обломковъ глиняной посуды, начиная отъ черепковъ тонкихъ и небольшихъ сосудовъ и кончая такими, стѣнки которыхъ имѣютъ не менѣе $\frac{1}{4}$ в., а діаметръ, повидимому, не менѣе 1 арш. Но почти вся посуда грубая, плохой глины (желтоватой, желтой, красноватой, темной и почти черной); большею частью безъ всякой поливы — только на одномъ тоненькомъ черепкѣ красноватой глины, на внутренней сторонѣ замѣтны слѣды желтоватой поливы. Значительная часть черепковъ разукрашены различнымъ орнаментомъ: 1) тонкій черепокъ черной глины веревочнымъ рисункомъ выведеннымъ зигзагами и покрытъ черной краской; 2) 8 черепковъ средней толщины имѣютъ орнаментъ, состоящій изъ ряда тонкихъ, слегка вдавленныхъ параллельныхъ линій; такія линіи покрываютъ иногда и внутреннюю сторону; иногда линіи образуютъ входящіе углы; 3) довольно толстый черепокъ имѣетъ украшеніе въ видѣ широкихъ непараллельныхъ линій; 4) два обломка средней толщины имѣютъ по краю одинъ или два выпуклыхъ рубца, а на туловищѣ рядъ широкихъ линій, пересѣкающихся между собою такъ, что образуютъ ромбы; 5) фрагментъ отъ края сосуда красноватой глины имѣетъ рядъ параллельныхъ линій, которыя пересѣкаются волнообразной слегка вдавленной линіей; 6) черепокъ черной глины съ двумя рядами слегка вдавленнаго веревочнаго орнамента; 7) черепокъ красноватой глины отъ большого сосуда, на внутренней сторонѣ масса мелкихъ линій, на внѣшней остатокъ отъ ручки и группы вдавленныхъ грубыхъ линій; 8) черепокъ желтоватой глины съ 4 параллельными глубоко вдавленными линіями, которыя наискось пересѣчены пятой линіей, повидимому, случайной; 9) два тонкихъ черепка съ выпуклыми линіями, у одного двѣ тонкія, у другого сохранилась одна крупная.

8 черепковъ представляютъ собою обломки очень большихъ сосудовъ, стѣнки которыхъ не менѣе $\frac{1}{4}$ в. толщиной, а діаметръ не менѣе 1 арш. Глина чрезвычайно плохая у 3 экз. и средняго качества у остальныхъ. Эти черепки слѣдующіе: 10) 4 черепка отъ края такихъ большихъ сосудовъ, края представляютъ болѣе или менѣе значительныя загибы; 11) 2 черепка представляютъ собою, повидимому, среднія части такихъ сосудовъ; оба они украшены большой выпуклой полоской, идущей кругомъ всего туловища, одинъ черепокъ имѣетъ мелкія вдавленные линіи на внутренней сторонѣ; 12) черепокъ такого же сосуда, но имѣетъ на внѣшней сторонѣ украшеніе въ видѣ выпуклаго овала, въ овалѣ и кругомъ наведенъ рядъ слегка вдавленныхъ линій; 13) черепокъ желтоватой глины, отъ большого же сосуда, наружная поверхность его имѣетъ украшеніе изъ глины же въ родѣ большой пуговицы.

Кромѣ того одинъ черепокъ, черной глины представляетъ собою, повидимому, часть рыльца небольшого кувшина.

Наконецъ 6 обломковъ даютъ понятіе о черепицахъ, состоящихъ изъ кирпичной массы и какихъ-то (известковыхъ) бѣлыхъ накладокъ.

Большое сходство съ нашими черепками большихъ сосудовъ представляютъ черепки: 1) найденные В. И. Сизовымъ близъ развалинъ крѣпости Мамай-Кале въ 4 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи *) и въ городищѣ близъ ст. Раевской около г. Анапы **); также до извѣстной степени сходны и фрагменты сосудовъ, найденные имъ же въ Сухумѣ ***); 2) найденные гр. П. С. Уваровой близъ церкви села Полтавскаго ****).

*) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. II; Москва, 1889, стр. 5—6, рис. 2—3.

***) Тамъ же, стр. 128, рис. 47.

****) Тамъ же, табл. VII, рис. 16, и табл. VIII рис. 3, 6—8.

*****) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV; Москва, 1894, стр. 29—30, рис. 27.

МАТЕР. ПО АРХЕОЛОГ. КАВКАЗА. ВЫП. IX.

Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній по вопросу о Кавказскихъ дольменахъ.

Графини Уваровой.

Подготовляя нынѣ къ печати труды почтенныхъ сочленовъ нашихъ Е. Д. Фелицына и В. М. Сысоева по вопросу о дольменахъ Сѣвернаго Кавказа, считаю обязанностью дополнить собранныя ими свѣдѣнія тѣми краткими извѣстіями о дольменахъ Черноморскаго побережья, которыя мнѣ удалось осмотрѣть въ 1886 г.

Всѣ осмотрѣнные въ этой мѣстности дольмены расположены или на предгорьяхъ или въ ущельяхъ, при чемъ замѣтна слѣдующая разница въ этомъ расположеніи: дольмены предгорьевъ, занимая выдающееся положеніе, и служа какъ бы сторожевымъ постомъ, обращены обыкновенно главнымъ фасомъ къ взморью или открывающейся долинѣ, рѣкѣ или нижней площадкѣ. Подобные дольмены обыкновенно единичное явленіе и только на Гудзовой горѣ, около Новороссійска, мы нашли ихъ пять вмѣстѣ. Совершенно иное явленіе представляютъ дольмены, расположенные въ ущельяхъ, лѣсахъ и вдоль горныхъ гривокъ, граничащихъ полянки и берега рѣкъ: подобные дольмены, напоминая собой Богатырскую дорогу, описанную Фелицынымъ между ст. Абадзехской и Царской *) расположены обыкновенно рядами, вытянутыми одинъ противъ другого и весьма часто въ значительномъ числѣ, дающемъ понятіе о заселенномъ поселкѣ, воспользовавшемся или близостью полноводной, рыбной рѣчки, какъ въ Джубкѣ, или удобной для полеводства полянкой, какъ въ Люлькиномъ ущельи, или укромномъ, тихимъ, лѣснымъ ущельемъ какъ по рр. Пшадѣ или Абердѣевкѣ.

Всѣ дольмены приблизительно одного размѣра и одной формы, за исключеніемъ впрочемъ Джубскаго, отличающагося громадностью своихъ формъ, и Люлькинскихъ замѣчательно малыхъ размѣровъ (передняя плита шириной всего 1 ар. 13 в.; боковая стѣна съ передними выступами длиной 4 арш. 6 верш.; верхняя плита длиной 4 арш. 12 верш.). Всѣ они сложены изъ пяти огромныхъ плитъ, имѣютъ навѣсъ съ передняго фасада, круглое отверстіе діаметромъ отъ 7 до 8 в., закрывавшееся каменною пробкою, и почти всѣ выдаются фасомъ на востокъ или юговостокъ. Нижняя плита повсемѣстно цѣльная, хотя въ нѣкоторыхъ, болѣе тѣсныхъ ущельяхъ найдены нами рѣдкіе экземпляры, гдѣ эта твердая постилка замѣнена тремя, плотно пригнанными между собой, но меньшими плитами, что могло зависѣть и отъ имѣющагося подъ руками матеріала и его относительной прочности.

*) См. табл. V, рис. 10.

Форма эта и способ постройки, какъ видно изъ статей Фелицына и Сысоева, одно и то же для всѣхъ Кавказскихъ дольменовъ. Нѣкоторыя исключенія замѣчены и приведены обоими изслѣдователями; нѣкоторыя исключенія могутъ быть приведены и для дольменовъ описываемой мною мѣстности, такъ, напримѣръ:

1) Имѣются *дольмены, выстѣченные изъ цѣльной каменной глыбы*: одинъ у въѣзда въ станицу Геленджикъ *), одинъ въ станицѣ Береговой на р. Пшадѣ **), одинъ въ пяти верстахъ отъ станицы Вуланки, въ ущельѣ, на рѣкѣ того же имени (по-черкесски Чепсія).

2. *Дольмены, выстѣченные также изъ цѣльной глыбы но съ приставной верхней плиты*: одинъ въ окрестностяхъ Туапсе, въ такъ называемой Каштановой балкѣ, въ имѣннн Харичкина и далѣе въ пяти верстахъ отъ Туапсе, на горномъ скатѣ, по правому берегу рѣки.

3. *Дольменъ на р. Навадже, отличающійся, по мнѣнню мѣстнаго охотника, особеннымъ изяществомъ въ отдѣлкѣ и даже скульптурными изображеніями*, что намъ, впрочемъ, не удалось провѣрить за попортившимися отъ дождей дорогами и въ особенности за богатствомъ растительности, которая въ этомъ краѣ лѣтомъ весьма часто мѣшаетъ археологическимъ изслѣдованіямъ.

4. Интереснѣйшіе варианты отъ общепринятыхъ размѣровъ и деталей представляютъ *дольмены, расположенные на правомъ берегу р. Джубки, среди глухой растительности, на холмахъ, недоступныхъ весеннимъ водамъ, приблизительно въ шагахъ четырехъ отъ рѣки и въ верстѣ отъ взморья, на землѣ, принадлежащей генер. Астафьеву. Большой изъ этихъ дольменовъ, рисунокъ котораго воспроизведенъ Байерномъ и Сизовымъ ***), расположенъ на самомъ обрывѣ холма, лицомъ къ рѣкѣ, и отличается гигантскими размѣрами. Съ лицевой его стороны (т.-е. со стороны плиты съ круглымъ отверстіемъ) пристроенъ дворъ овальной формы, обнесенный двумя рядами обтесанныхъ глыбъ сѣраго песчаника, положенныхъ безъ цемента такимъ образомъ, что пазы второго ряда приходятся посрединѣ камней перваго. Верхній рядъ камней сброшенъ, но такъ какъ за громадностью и тяжестью камни эти не могли быть свезены, то они и до сихъ поръ находятся у подошвы холма и могутъ быть легко измѣрены. Всѣ они приблизительно длиною въ 3 арш. 2 в., высотой въ 1 арш. 7 верш. Дворъ въ глубину имѣетъ 8 ар. 3 в.; шириною же онъ во всю богатырскую хату, т.-е., 5 арш. 2 вершка.*

Сама хата сложена изъ 5-ти громадныхъ песчаныхъ плитъ, установленныхъ въ пазъ на 6-й нижней, имѣющей въ толщину 9 вер. и выходящей изъ - подъ стѣнокъ дольмена спереди на 1 ар., сзади на 1½ аршина. Всѣ плиты приблизительно толщиной отъ 6 до 10 верш. Пазы врублены глубиной въ 1 верш. и шириной въ 6, что, разумѣется, недостаточно для такихъ громадныхъ и тяжеловѣсныхъ плитъ, но имѣло также смыслъ при постройкѣ, ибо, при большемъ углубленіи пазовъ, легко было бы ожидать скорѣйшей порчи или надтресканья ка-

*) Съ тѣхъ поръ взорванъ и употребленъ на водопроводъ.

**) См. выше статью Фелицына: табл. IX, рис. 18.

***) См. выше статью Фелицына; стр. 22, рис. 3 — по Байерну и Т. 1 Матеріаловъ по Арх. Кавказа—Сизова, стр. 4, рис. 1 и табл. I, рис. А и Б.

менныхъ стѣнъ. Въ виду того, что пазы эти не могли служить единственной скрѣпой стѣнъ, съ сѣверной и южной его стороны привалены къ нему огромныя каменныя глыбы, которыя, спирая его съ двухъ сторонъ придаютъ особый устой этой гигантской постройкѣ.

Дольменьъ представляетъ видъ продолговатаго четвереугольника и имѣетъ въ ширину 4 ар., въ длину $3\frac{1}{4}$ ар., въ высоту 2 ар. 9 вер. (внутри). Верхняя плита толщиной приблизительно въ 10 вершковъ, широко выступаетъ надъ стѣнами; имѣетъ она ширины $5\frac{1}{2}$ ар. и длины 6 ар. Вдоль задней стѣны, въ которой пластуны продѣлали съ лѣвой стороны широкую дверь, находится плита, въ видѣ прилавка, шириной въ 13 верш., длиной въ 1 ар. 7 вер. и толщиной въ 5 вершковъ. Боковыя стѣны имѣютъ длины $5\frac{1}{2}$ ар. и выступаютъ, весьма незначительно съ задней стороны и на цѣлый аршинъ съ передней, со стороны которой, благодаря выступу нижней и верхней плиты, образуютъ довольно значительный навѣсъ.

Въ передней стѣнѣ круглое отверстіе, продѣланное $\frac{3}{4}$ ар. надъ землею. Пластуны, жившіе въ хатѣ, обратили его въ печное отверстіе и пекли въ немъ хлѣбъ. Въ правой стѣнкѣ продѣлано четвероугольное окошечко, но оно также принадлежитъ къ позднѣйшей работѣ тѣхъ же пластуновъ. На нижней плитѣ, съ передней стороны, весьма ясно обрисовывается пазъ, вѣроятно, заготовленный при постройкѣ и впоследствии не употребленный.

Направленіе постройки SW—NO.

Дворъ былъ по самый верхъ засыпанъ землею, перемѣшанной обломками камней и плитъ; земля эта была вынута нами до самого основанія; ближе къ грунту нашлись нѣсколько звѣриныхъ костей и три красненькихъ черепочка; земля оказалась болѣе черной, но вотъ и все: ни вещей, никакихъ другихъ слѣдовъ погребенья или жилья нельзя было замѣтить.

Единственная интересная находка среди множества вынутой щебенки со двора, это—каменная пробка отъ круглаго отверстія, подобная находимымъ Фелицинымъ и Сысоевымъ при дольменахъ въ Кубанской области; пробка изъ бѣлаго песчаника, съ головой въ видѣ гриба, съ выпуклостію на серединѣ; высота всей пробки 15 вершковъ; высота головы 4 вер.; окружность стержня 1 арш. 6 вер.; діаметръ головы 12 в. Найдена она около самаго отверстія, лежащею параллельно съ передней стѣнкой. Съ задней стороны дольмена насыпано что-то въ родѣ вала, состоящаго изъ земли и щебня, сложеннаго подъ насыпью довольно правильными рядами.

Наискосокъ отъ перваго дольмена, приблизительно въ десяти шагахъ, въ глубокой чашцѣ, нашли и очистили второй, хотя и завалившійся, но весьма интересный по подробностямъ отдѣлки передней плиты. Паденію этого дольмена способствовало, повидимому, особенная тяжесть верхней плиты равно какъ и корни деревьевъ, охватившихъ и обросшихъ его съ давнихъ временъ, доказательствомъ чего служить старая ясень, выросшая на передней доскѣ и имѣющая въ обхватѣ $2\frac{1}{2}$ ар. Старика этого мы, разумѣется, не трогали и старались даже по возможности оберегать при раскопкѣ его могучіе корни, ползущіе по плитамъ и охватывающіе ихъ со всѣхъ сторонъ. Отъ тяжести этихъ объятій плита догнула, но когда мы очистили ее отъ земли, накопившейся на ней вѣками, то могли ясно рассмотреть орнаментъ, украшающій ее: что-то въ видѣ двери или притолка,

покоющейся на двухъ прямыхъ столбахъ (рис. 73). Украшеніе это выступаетъ на поверхность плиты весьма обронно (до $2\frac{1}{2}$ верш.) и имѣеть въ ширину (какъ притолокъ такъ и боковые столбы) до 6 верш. Трудно было разобрать, чѣмъ кончается низъ рисунка и есть ли на плитѣ обыкновенное круглое отверстіе, такъ какъ большая часть плиты вросла въ стволъ дерева и прикрыта его стволомъ.

Плита эта имѣеть 6 верш. толщины и по бокамъ ея замѣтна весьма ясно желобковатая выпуклина, необходимая для вставки въ пазъ боковыхъ частей дольмена. Длина лѣвой стѣны, лежащей плашмя, 4 ар., вышина 2 ар. 6 вер., толщина 7 вер. Длина правой стѣнки, оставшейся на мѣстѣ и глубоко сидящей въ землѣ, 3 ар. 15 вер., толщина 9 вер., при чемъ верхняя часть замѣтно закруглена. Длина задней, перевернутой и лежащей подъ верхней плитой 2 ар. 14 в.

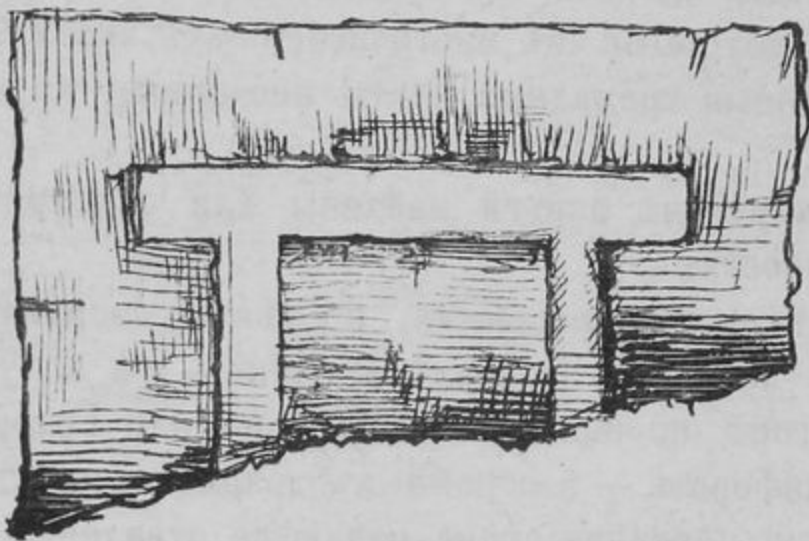

Рис. 73.

У лѣвой стѣны, съ боку, лежитъ еще продольная меньшая плита, вѣроятно, служившая прежде устоемъ для стѣны подобно глыбамъ перваго описаннаго дольмена; длина ее 1 ар. 14 верш. Верхняя плита, сильно поврежденная при паденіи, имѣеть еще теперь въ ширину 4 арш., въ длину 3 арш. 6 вер. и въ толщину 9 верш.

На одной линіи съ вторымъ дольменомъ, шагахъ въ десяти отъ него и въ 12-ти отъ перваго, нашли 3-й дольменъ, совершенно скрытый подъ пластомъ растительной земли. Сбросивъ землю, нашли нѣсколько плитъ, которыя доказываютъ, что и этотъ экземпляръ былъ большихъ размѣровъ. Передняя же его плита весьма испорчена, но интересна потому, что пополняетъ рисунокъ приведенной выше плиты втораго дольмена: верхъ ея отбитъ, что не мѣшаетъ намъ разобрать тѣ же пиластры, оканчивающіяся внизу параллельными къ верхней притолкѣ тремя зарубами въ видѣ подушки, и ясно разбираемъ нижнюю окружность круглаго отверстія, обыкновеннаго для всѣхъ кавказскихъ дольменовъ.

Еслибы не подробность отверстія, ясно обрисовавшагося на этой плитѣ, то описываемый орнаментъ на двухъ послѣднихъ плитахъ можно было бы принять за подробность, найденную Е. Д. Фелицинымъ на верхнихъ плитахъ дольменовъ Дегуакской поляны *), которыя имѣють выпуклые выступы, объясняемые Фелицинымъ какъ необходимая закрѣпа для прочной установки этой плиты на

*) См. выше статью Фелицина; стр. 20, рис. 2.

боковыя. Противъ такого опредѣленія для описываемыхъ Джубскихъ дольменныхъ плитъ свидѣтельствуютъ, кромѣ круглаго отверстія, еще боковыя желобковыя выпуклины, не нужныя для верхней плиты, но необходимыя для укрѣпленія передней.

По словамъ мѣстнаго старосты можно заключить, что вся эта мѣстность была нѣкогда богата дольменами; на его памяти завалены и уничтожены два изъ нихъ, находившихся влѣво отъ описываемыхъ нами, въ глуши, подъ старыми дубами и вязами.

Мы обошли всю мѣстность, пробуя расчищать то ту, то другую кучу камней, и всякій разъ попадали на плиты, которыя тѣмъ или другимъ признакомъ оказывались принадлежащими дольменамъ.

Шаговъ 600 отъ описываемаго нами бугра осмотрѣли второй подобный ему также покрытый густымъ лѣсомъ, съ весьма значительными экземплярами дубовъ, и вязовъ, подъ которыми въ многочисленныхъ экземплярахъ находились разметанныя и заваленныя громадныя плиты песчаника, видимо остатки подобныхъ же дольменовъ.

Всего въ Черноморскомъ округѣ найдены или осмотрѣны нами дольмены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1. Въ окрестностяхъ Новороссійска, по лѣвую сторону р. Цемеса, у послѣднихъ отроговъ г. Маркочъ, на землѣ Гейдука—два полуразвалившіеся.

2. На Гудзовой горѣ (по-черкесски Гудъ гора или Готоръ) около Новороссійска, на землѣ Никифорова — 5 огромныхъ дольменовъ, изъ которыхъ одинъ сохранился въ цѣлости (передняя стѣна однакоже отвалена).

3. Тамъ же черезъ балку, еще одинъ.

4. У станицы Геленджикъ—два, одинъ изъ цѣльной глыбы; Фелицынъ, упоминая о нихъ по Дюбуа-де-Монперѣ, говоритъ *), что ихъ было 2 группы, и что въ 70 годахъ нѣкоторыя изъ нихъ были еще цѣлы.

5. Въ уютномъ, поросшемъ лѣсомъ, Адербіевскомъ ущельѣ — значительное количество.

6. Въ станицѣ Береговой на р. Пшадѣ и за ея чертой—нѣсколько разбросанныхъ дольменовъ средней величины, изъ нихъ одинъ изъ цѣльной глыбы **).

7. Въ Пшадскомъ ущельи—цѣлые поселки дольменовъ ***).

8. Въ Люлькиномъ ущельи—нѣсколько болѣе мелкихъ дольменовъ, изъ которыхъ только одинъ хорошо сохранившійся.

9. Близъ Туапсе въ Каштановой балкѣ—одинъ изъ цѣльной глыбы.

10. Въ долинѣ р. Шепсе—5 дольменовъ, стоящихъ въ рядъ.

11. По р. Аше—много разбросанныхъ дольменовъ.

12. Въ окрестностяхъ Туапсе, на землѣ Сибирикава, расположенной между рр. Нежданной и Аше—одинъ.

13. Тамъ же по сосѣдству въ имѣніе Мухортова—одинъ.

14. У станицы Георгіевской, въ 15 вер. отъ Туапсе—нѣсколько разбросанныхъ дольменовъ.

*) См. выше, стр. 11.

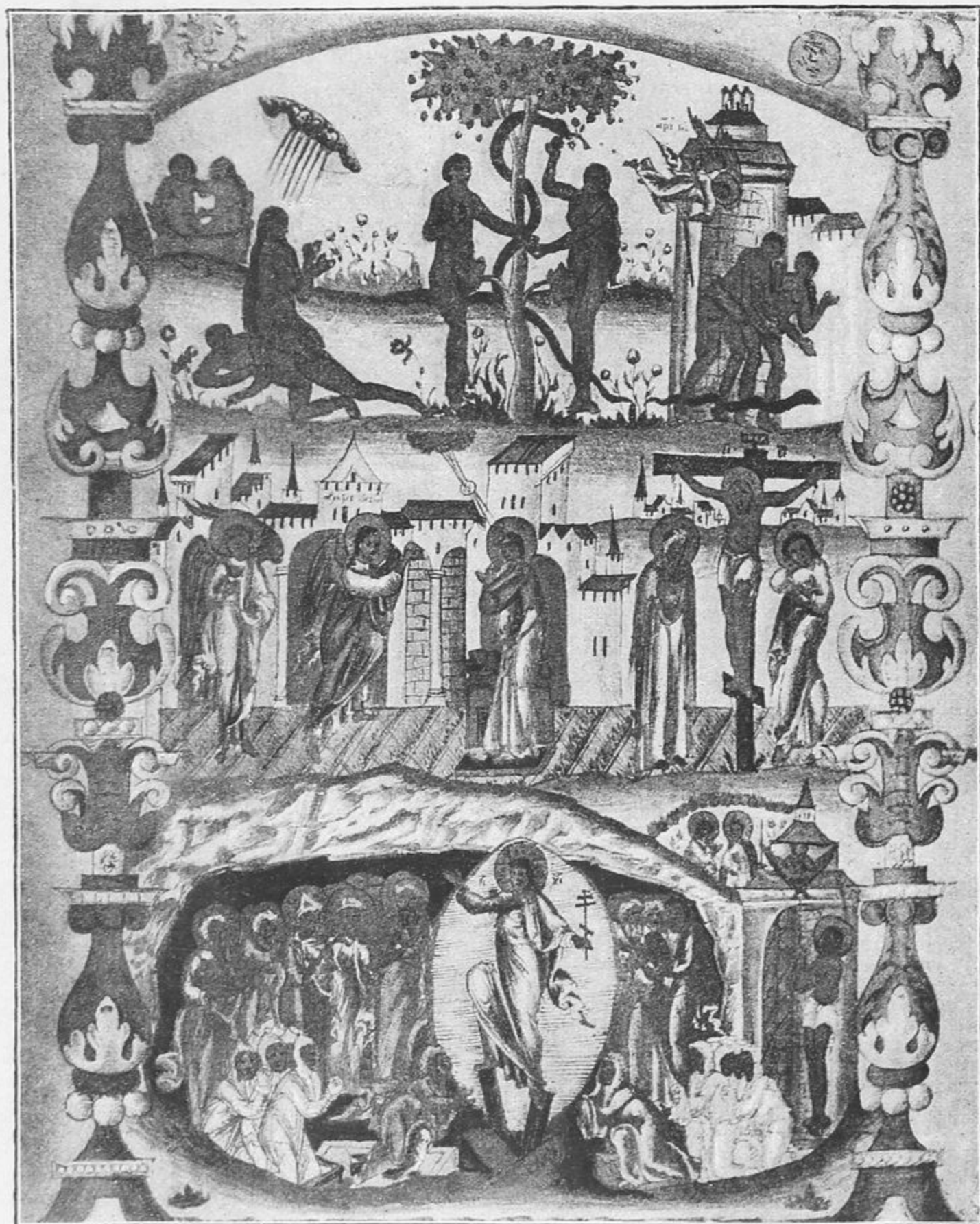
***) Тамъ же, стр. 12 и табл. IX, рис. 18.

****) Тамъ же, табл. VIII, рис. 16; табл. IX, рис. 17; табл. XI, рис. 22 и табл. XII, рис. 23 и 24.

15. По р. Чебансу—шесть.
16. На р. Дедураксе—два.
17. На р. Навадже — одинъ съ скульптурными украшениями (по словамъ мѣстныхъ жителей).
18. Около Тенгинскаго поста—нѣсколько.
19. Въ 5 вер. отъ Туапсе на горномъ склонѣ—одинъ изъ цѣльной глыбы.
20. У Головинскаго поста, расположеннаго въ низменности, образованной р. Кадошей и Шахе—одинъ.

Долину этихъ рѣкъ можно считать конечнымъ пунктомъ распространенія дольменовъ къ югу: далѣе о нихъ не слыхали; въ Абхазіи же народъ не имѣетъ о нихъ никакихъ представленій; чѣмъ несомнѣнно доказывается, что ихъ въ краѣ никогда не существовало.

Мѣсяць Мартъ. Изъ сѣск. Ев.

СЕВАСТОПОЛИТЪ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ И ИКОНОГРАФИИ

ПРЕИЗХОДА

ВИЗАНТИЙСКИХЪ И СЛАВЯНСКИХЪ.

Н. Покровскаго.

Съ 226 рисунками въ

12 таблицами.

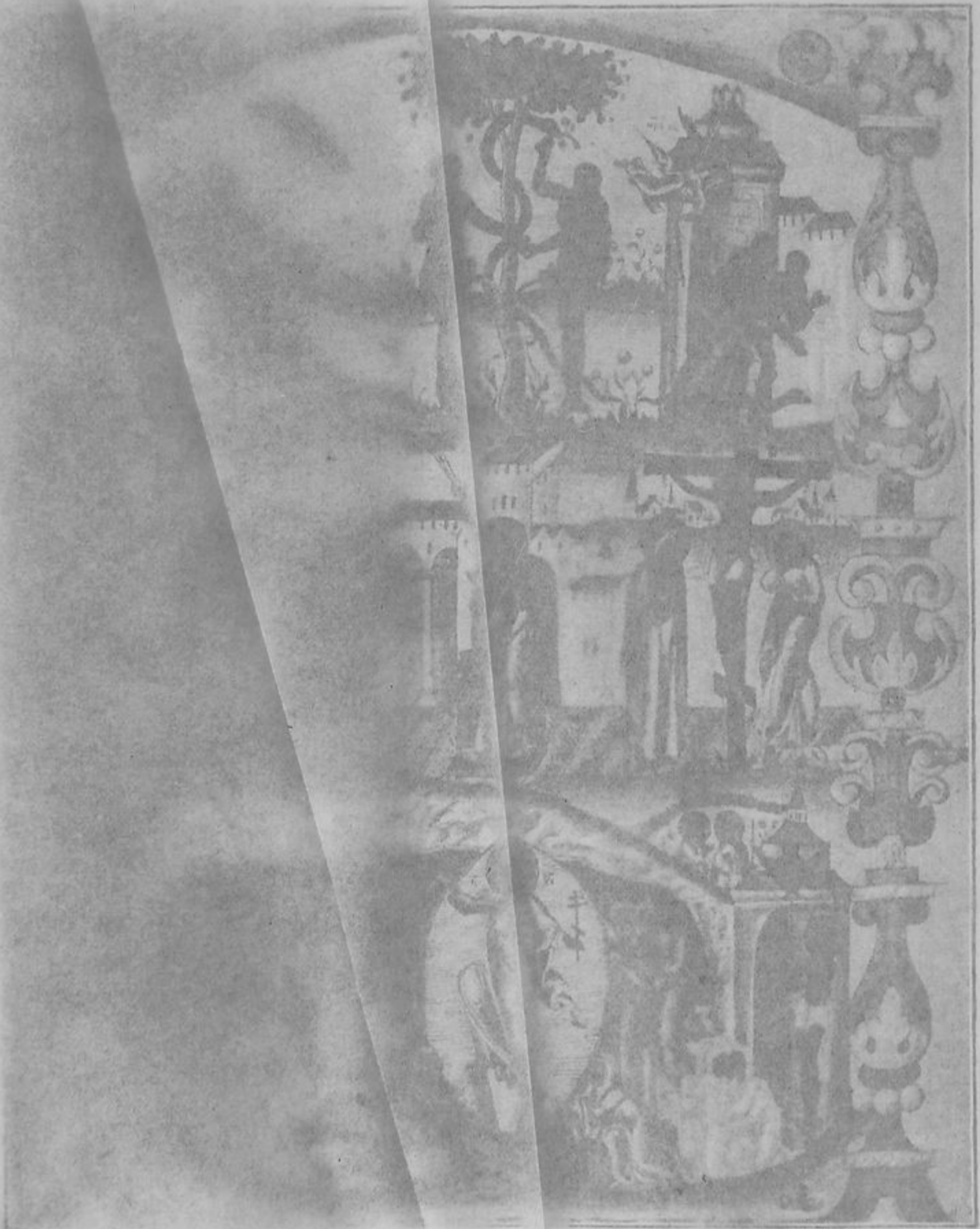
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Департамента Училищъ, Моховая, 40.

1892

А

Мартъ Н. сѣнк. Ер.

ЕВАНГЕЛІЕ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИКОНОГРАФІИ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ВИЗАНТІЙСКИХЪ И РУССКИХЪ.

Н. Покровскаго.

Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, 40.

1892

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Печатается по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго
Общества, на основаніи § 56-го его устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова,

основателя Императорскаго Московскаго Археологическаго
Общества и Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Издавая первый томъ Трудовъ VIII Археологическаго Съѣзда, созваннаго въ Москвѣ, въ январѣ 1890 г., въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени основанія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Редакція рѣшила посвятить его обширному труду проф. С.-Петербургской духовной Академіи, Н. В. Покровскаго, по отдѣлу церковныхъ древностей, въ виду важности этого труда и необходимости, по мнѣнію Редакціи, вызывать и поощрять труды, касающіеся разработки византійско-русской иконографіи и вообще русскихъ церковныхъ древностей. Въ послѣдующихъ томахъ найдутъ мѣсто всѣ тѣ рефераты Съѣзда, которые будутъ доставлены Московскому Археологическому Обществу. Второй томъ, посвященный древностямъ доисторическимъ, уже печатается.

Издаваемый нынѣ первый томъ отпечатанъ въ Петербургѣ подъ личнымъ наблюденіемъ самого автора; всѣ послѣдующіе томы будутъ печататься въ Москвѣ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Графиня Уварова.

144

ОТДЕЛ ПИСЕМ

Ваше письмо от 15.05.2014 г. получено.

В ответ на него сообщаем, что...

В соответствии с действующим законодательством...

Ваше обращение рассмотрено в полном объеме.

С уважением, директор...

И.И. Иванов

Подпись: _____

М.П. _____

Секретариат

Тел: (812) 464-4444

Факс: (812) 464-4444

Сайт: www.rosstat.gov.ru

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Памятники евангельской иконографіи составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ величинъ въ общей системѣ Церковной Археологіи; а потому уже давно обращено было на нихъ наше вниманіе. Мало по малу они сведены были нами въ особую спеціальную группу и, при помощи ученыхъ изданій и наличной литературы, обслѣдованы съ внѣшней и внутренней стороны. Результаты не оправдали нашихъ первоначальныхъ ожиданій. Оказалось, что существующія изданія памятниковъ византійскихъ и русскихъ крайне недостаточны и не надежны: многіе важнѣйшіе памятники не только не обслѣдованы, но даже и не изданы: выборъ памятниковъ для изданій нерѣдко объясняется побужденіями случайными и внѣшними, а не требованіями существа дѣла; снимки съ памятниковъ иногда даютъ превратное понятіе объ оригиналахъ, явно противорѣчащее основнымъ принципамъ православной иконографіи; а существующая ученая литература касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ иконографіи Евангелія, оставляя незатронутою цѣлую массу ихъ и почти всецѣло игнорируя проявленіе религіозныхъ идей въ памятникахъ *русскихъ*. Въ виду этого нами предпринятъ былъ рядъ путешествій для изученія памятниковъ на мѣстахъ ихъ находенія—въ Россіи, Греціи, Турціи и западной Европѣ. Здѣсь открылась для насъ возможность узнать многіе памятники совсѣмъ неизвѣстные, или мало извѣстные въ ученой литературѣ, и исправить неточности въ существующихъ уже изданіяхъ и оцѣнкѣ памятниковъ. На основаніи этого матеріала, добытаго преимущественно путемъ личнаго изученія *оригинальныхъ* памятниковъ, и составлено предлагаемое сочиненіе. Относительная неполнота матеріала и недостатки въ методѣ изслѣдованія неизбежны въ первыхъ опытахъ подобныхъ работъ; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что въ нашемъ трудѣ не опущено ничего существенно важнаго и всему дано сильное объясненіе. Опущены съ намѣреніемъ лишь тѣ памятники, которые, представляя собою копии съ готовыхъ образцовъ, не имѣютъ большой важности въ общей исторіи евангельской иконографіи. Будущія откры-

тія памятниківъ могутъ такъ или иначе отразиться на нѣкоторыхъ изъ нашихъ выводовъ; но собранный нами матеріалъ едва ли утратитъ свое спеціальное значеніе. Нашимъ постояннымъ и горячимъ желаніемъ было издать въ снимкахъ возможно большую часть собраннаго матеріала, такъ какъ рисунки даютъ читателю точное наглядное представленіе о предметѣ и сообщаютъ ясность основаннымъ на нихъ выводамъ. Но недостатокъ необходимыхъ для этого матеріальныхъ средствъ вынуждаетъ насъ ограничить число рисунковъ. Мы прилагаемъ лишь снимки съ памятниковъ наиболее характерныхъ, отчасти доселѣ никѣмъ еще не изданныхъ, и существенно необходимыхъ для яснаго пониманія нашихъ описаній и выводовъ. Все важнѣйшія изданія памятниковъ обозначаемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, съ цѣлію облегчить для читателя возможность справокъ и повѣрокъ. Если нашъ трудъ возбудитъ въ читателяхъ нѣкоторое уваженіе и любовь къ православной старинѣ, то мы съ спокойною совѣстію можемъ считать свою цѣль достигнутою.

С.-Петербургъ.

Октябрь 1891 г.

Н. Покровскій.

Введение.

Задача настоящего сочинения состоитъ въ церковно-археологическомъ изъясненіи изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Иконографія Евангелія, при всемъ разнообразіи памятниковъ древнихъ и новыхъ, восточныхъ и западныхъ, художественныхъ и ремесленныхъ, необходимо стоитъ въ связи съ евангельскимъ текстомъ; однакожь не всегда и вездѣ передаетъ его съ одинаковою точностію и однообразіемъ. Явившись въ древнѣйшую эпоху христіанства въ формахъ простыхъ, она съ теченіемъ времени измѣняетъ свой первоначальный характеръ, по мѣрѣ того, какъ измѣняется отношеніе христіанскаго сознанія къ самому тексту Евангелія и видоизмѣняется общій взглядъ на задачи христіанскаго искусства и иконографіи. Слѣдовательно она до извѣстной степени подчинена закону историческаго развитія. Гдѣ лежитъ первоначальное зерно евангельской иконографіи, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ она развивалась, въ чемъ выражалось это развитіе и къ какому концу оно пришло,—вопросы эти имѣютъ свою неоспоримую важность. Иконографія періода древне-христіанскаго не представляетъ ни широкаго разнообразія въ выборѣ темъ, ни широты богословскаго и художественнаго замысла въ ихъ разработкѣ или иконографическихъ композиціяхъ. Все здѣсь просто, какъ просто и первоначальное христіанство. Христіанская символика катакомбъ выражаетъ даже самыя возвышенныя истины христіанства въ формахъ сжатыхъ; въ простой, иногда даже наивной формѣ, она даетъ лишь одинъ намекъ на эти истины, предоставляя самому наблюдателю перенестись мыслію и воображеніемъ въ область вѣчныхъ, превышающихъ средства изобразительнаго искусства, идеаловъ. Сцены историческія также не отличаются здѣсь разнообразіемъ: однѣ и тѣ же темы встрѣчаемъ мы и въ Италіи, и въ Греціи, и въ Сиріи, и въ Египтѣ. Средоточный пунктъ этой иконографіи составляетъ личность Спасителя и чудеса Евангелія. Но въ этотъ періодъ не были еще установлены съ достаточною опредѣленностью ни типы, ни композиціи изображеній, хотя пути къ этой установкѣ намѣчались уже въ IV в. Христіанское искусство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ искусства античнаго, утратившаго, правда, къ тому времени свѣжесть энергіи, необходимой для новаго творчества, но сохранившаго красоту и пластичность художественныхъ формъ. Овладевъ этими формами и введя ихъ въ союзъ съ христіанскими идеалами, художники христіанскіе, если они въ то же время успѣли овладѣть всею полнотою содержания христіанства, какъ религіи, не могли не видѣть крайней недостаточности этихъ формъ для выраженія христіанскихъ идей. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ нужно было удалить, какъ мало соответствующія духу христіанства, другія измѣнить, третьи создать вновь, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого христіанства. Слѣды свободнаго обращенія съ первичными формами замѣтны уже ясно въ скульптурѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ; еще яснѣе они выступаютъ въ мозаикахъ IV—V столѣтій, а VI-е столѣтіе уже представляетъ намъ многочисленныя памятники вполне самостоятельнаго христіанскаго искусства, созданнаго въ нѣдрахъ христіанскаго міра, между тѣмъ какъ искусство античное оставило здѣсь лишь нѣкоторый слѣдъ, какъ преданіе отдаленной художественной школы. кипучая созидательная дѣятельность въ области собственно христіанскаго искусства сосредоточивается въ Византіи. Византійское искусство наноситъ рѣшительный ударъ пластичности формъ античнаго искусства, но оно значительно расширяетъ художественный кругозоръ и влечетъ мысль и воображеніе въ область возвышенныхъ идеаловъ. Огромная работа предлежала Византіи: нужно было установить основные типы изображеній отдѣльных лицъ, а это уже требовало

обширныхъ историческихъ, богословскихъ и художественныхъ познаній, такъ какъ эти типы не были лишь простою копіею съ натуры, но составляли результатъ творчества, хотя бы и не пытавшася разорвать связь съ дѣйствительною портретностію; нужно было изобрѣсти цѣлыя группы и сложныя композиціи изображеній на темы, предложенныя христіанствомъ. Работа шла быстро, и уже въ VI в. были готовы обширные циклы изображеній въ духѣ византійскихъ воззрѣній на искусство. Типъ Спасителя и композиціи на темы Евангелія были такими предметами, на которыхъ прежде всего должна была сосредоточиться творческая дѣятельность византійскихъ художниковъ. Въ VI вѣкѣ появились уже лицевыя Евангелія съ обширнымъ иконографическимъ содержаніемъ, съ типами и композиціями довольно опредѣленными. Въ то время, какъ искусство древне-христіанское выставляетъ на видъ главнымъ образомъ факты конкретныя, византійское вводитъ въ иконографію элементы отвлеченнаго богословствованія, глубокой мысли, созерцанія. Главнымъ опредѣляющимъ началомъ въ этой дѣятельности для византійцевъ, равно какъ и для художниковъ древне-христіанскаго періода, служилъ текстъ Евангелія; но онъ не былъ единственнымъ источникомъ знанія даже и по отношенію къ личности І. Христа и евангельской исторіи. Преданіе христіанское, въ разныхъ его видахъ и формахъ, должно было находить доступъ въ иконографію; по мѣрѣ того, какъ развивалось это преданіе и переходило въ сознаніе художниковъ, измѣнялась и иконографія: создавались новыя композиціи на темы евангельской исторіи, прежнія композиціи измѣнялись, воспринимали въ себя новыя элементы, явившіеся подъ вліяніемъ этого преданія. Слѣдя такимъ образомъ за развитіемъ иконографіи, мы слѣдимъ вмѣстѣ съ тѣмъ за развитіемъ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣній; наблюдая постепенный ростъ иконографіи евангельской, мы наблюдаемъ перемѣны въ отношеніяхъ человѣческаго сознанія къ евангельскому тексту въ разныя эпохи исторіи, изучаемъ усилія человѣческой мысли подняться на высоту Евангелія и выразить всю глубину и широту его содержанія въ художественныхъ формахъ. Развитие этихъ формъ продолжается отъ V до XII в., но и послѣдующій періодъ упадка, равно какъ и періодъ втораго возрожденія греческаго искусства—XVI—XVII в. представляютъ не мало любопытныхъ явленій въ евангельской иконографіи, хотя бы эти явленія и были не столько результатомъ органическаго развитія, сколько слѣдствіемъ механическаго комбинированія и нагроможденія элементовъ.—Основныя начала византійской иконографіи усвоены были также и средневѣковымъ искусствомъ западной Европы и легли въ основу многочисленныхъ памятниковъ стѣнописи, миниатюры, рѣзьбы, эмали, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, пока наконецъ не были вытѣснены иными началами въ эпоху ранняго возрожденія западнаго искусства. Изучая эти памятники запада то въ видѣ рабскихъ копій съ образцовъ византійскихъ, то съ явными слѣдами попытокъ выйти изъ шаблонной колеи подражанія, то наконецъ въ видѣ произведеній, въ которыхъ византійская основа совершенно переработана на новый ладъ, мы наблюдаемъ борьбу двухъ культуръ, въ которой новая культура старается сломить старую. Моментъ весьма важный для исторіи не только византійскаго искусства, но и византійскаго просвѣщенія вообще. Иное положеніе заняла византійская иконографія у насъ въ Россіи. Фактъ общепризнанный и несомнѣнный тотъ, что иконографія русская получила свое начало въ Византіи; но до сихъ поръ еще не уяснено съ точностію отношеніе въ этомъ смыслѣ Россіи къ Византіи въ разныя эпохи русской исторіи, а это отношеніе не могло оставаться неизмѣннымъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. На первыхъ порахъ переходили въ Россію лишь простѣйшія и наиболѣе распространенныя иконографическія формы Византіи. Исключенія рѣдки, и являлись они лишь въ памятникахъ, выдающихся по своему значенію, какъ напр. въ кіево-софійскомъ соборѣ. Большинство древне-русскихъ храмовъ довольствовало въ своихъ стѣнописяхъ изображеніями наиболѣе понятными и употребительными, лицевыхъ рукописей не могло быть много, въ домашнемъ употребленіи были простыя иконы. Общая сумма наличныхъ образовательныхъ средствъ также на первыхъ порахъ не могла быть очень велика. И если въ общемъ составѣ памятниковъ древне-русской иконографіи можно найти, въ эпоху древнѣйшую, нѣкоторыя проявленія русскаго творчества, то въ иконографіи евангельской мы не находимъ ихъ. Сравнивая съ этой стороны памятники русскіе съ византійскими, приходимъ къ заключенію о тождествѣ проходящихъ въ нихъ формъ, воззрѣній, понятій. Единственный результатъ отсюда—убѣжденіе въ генетической зависимости русской иконографіи отъ византійской. Но по мѣрѣ приближенія къ XVII вѣку, положеніе дѣла измѣняется. Какъ дошедшіе до насъ памятники, такъ и ясныя свидѣтельства древней письменности удостоверяютъ, что наша иконографія Евангелія начинаетъ обогащаться притокомъ формъ, ведущихъ свое родословіе отчасти отъ новогреческой, отчасти отъ западной иконографіи, отчасти созданныхъ самими русскими художниками; въ то же время нѣкоторыя древнѣйшія византійскія формы исчезаютъ изъ художественнаго обращенія, или входятъ въ новыя комбинаціи. Перемѣна эта опять-таки стоитъ въ связи съ перемѣною въ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣніяхъ: въ ней отразился переходъ отъ эпохи «вѣры въ простотѣ сердца» къ эпохѣ пытливаго знанія. Всѣ эти стадіи

въ исторіи византійскаго и русскаго искусства должны получить точное разъясненіе въ разборѣ памятниковъ евангельской иконографіи. Но указаніе намѣченныхъ эпохъ опредѣляетъ лишь общее движеніе византійско-русской иконографіи. Между тѣмъ въ исторіи многихъ отдѣльныхъ изображеній нерѣдко приходится имѣть дѣло также и съ частными причинами, вызывающими перемѣны и развитіе формъ въ одномъ какомъ либо изображеніи, что значительно осложняетъ задачи изслѣдованія.—Изъ сказаннаго видно, что наше изслѣдованіе направляется къ цѣлямъ археологическимъ и историческимъ, но не къ практическимъ. Конечно, классификація иконографическихъ формъ и распредѣленіе ихъ по эпохамъ, съ указаніемъ особенностей, свойственныхъ той или другой эпохѣ, можетъ послужить критеріемъ въ дѣлѣ распознаванія вновь открываемыхъ памятниковъ и хронологическаго опредѣленія ихъ, что составляетъ уже результатъ практической. Едва ли можно оспаривать также и то, что правильное начертаніе задачъ для нашей новой расшатанной иконографіи возможно только послѣ тщательнаго изученія памятниковъ старины, какъ многочисленныхъ попытокъ рѣшенія подобныхъ задачъ въ разныя времена: изученіе опытовъ прошедшаго полезно въ начертаніи плановъ будущаго. Но въ настоящій разъ задачи практическаго приложенія археологическихъ знаній мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ предметъ спеціального церковно-практическаго вѣдѣнія въ союзѣ съ художественною техникою, и удержимся въ области знанія историко-археологическаго: *scribitur ad parandum, non ad probandum*.—Какими же путями возможно придти къ удовлетворительному рѣшенію намѣченныхъ задачъ? Единственно возможный, по нашему убѣжденію, путь заключается въ сравнительномъ изученіи вещественныхъ памятниковъ старины съ памятниками древней письменности. Приведеніе въ извѣстность и необходимая критика первыхъ покажетъ историческій ростъ иконографическихъ формъ, ихъ видоизмѣненія въ разныя времена, а памятники письменности дадутъ объясненіе внутреннихъ основаній или мотивовъ, вызвавшихъ эти измѣненія. Объяснимъ это.

Недостатокъ подготовительныхъ сборниковъ и работъ по исторіи евангельской иконографіи въ Византіи и Россіи ставитъ изслѣдователя прежде всего въ положеніе собирателя матеріала. Нельзя ставить широкихъ задачъ изслѣдованія въ области археологіи до тѣхъ поръ, пока не приведены въ извѣстность отдѣльные памятники. Чѣмъ больше мы имѣемъ такихъ памятниковъ, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ истинѣ основанное на нихъ заключеніе. Давно уже изречена правдивая сентенція, что «кто видѣлъ только одинъ памятникъ, тотъ не видѣлъ ничего, а кто видѣлъ 100 памятниковъ, тотъ видѣлъ одинъ». Памятники эти необходимо сравнивать между собою и различать въ нихъ черты иногда, повидимому, мелочныя, но имѣющія свою важность въ установкѣ общихъ положеній; необходимо классифицировать ихъ по сходству основныхъ чертъ, распредѣлять на хронологическія, а иногда и мѣстныя группы. Это первоначальный подготовительный моментъ работы. Обойти его невозможно; равнымъ образомъ невозможно держать этотъ матеріалъ про себя, не выставляя его на видъ: основы, на которыхъ утверждается выводъ, должны быть показаны налицо; иначе становится невозможною никакая повѣрка выводовъ. До сихъ поръ сравнительно большею извѣстностію пользуются памятники періода древне-христіанскаго; менѣе извѣстны памятники византійскіе, хотя и они уже обратили на себя вниманіе специалистовъ, а нѣкоторыя группы ихъ, какъ напр. миниатюры, получили и научно-художественную оцѣнку. Но для исторіи византійской иконографіи были бы необходимы сборники точныхъ снимковъ съ памятниковъ, а таковыхъ мы доселѣ еще не имѣемъ. Попытки въ этомъ родѣ Аженкура, Соммерара, Лякруа, Рого-де-Флери и друг., доставляя лишь немногіе образцы византійской иконографіи, выбранные по личному усмотрѣнію названныхъ авторовъ не въ интересѣ цѣльной исторіи евангельской иконографіи, для насъ крайне недостаточны. Что касается памятниковъ иконографіи русской, то они извѣстны въ археологической литературѣ еще менѣе, чѣмъ памятники византійскіе. Отсюда необходимость предварительныхъ разысканій и изученія памятниковъ, разсѣянныхъ по музеямъ Европы, по монастырямъ, соборамъ, церквамъ и частнымъ коллекціямъ любителей старины. Въ какой мѣрѣ намъ удалось преодолѣть это первое затрудненіе, видно будетъ въ своемъ мѣстѣ; несомнѣнно лишь то, что безъ этой предварительной работы была бы невозможна предпринятая нами попытка изложенія цѣльной исторіи евангельской иконографіи. Возможность научнаго обобщенія собранныхъ такимъ образомъ памятниковъ имѣетъ свою точку опоры въ основныхъ началахъ византійско-русской иконографіи и не противорѣчитъ присущему послѣдней развитію. Мнѣніе, что эта иконографія представляетъ собою конгломератъ явленій случайныхъ, возникающихъ по прихоти и капризамъ ремесленниковъ-иконописцевъ, принадлежитъ дилеттантамъ и не имѣетъ серьезныхъ фактическихъ основаній, если не считать такими основаніями отдѣльные случаи злоупотребленій, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается, между прочимъ, въ указѣ царя Алексѣя Михайловича, направленномъ противъ холуйскихъ иконописцевъ¹⁾. Если возможно

¹⁾ И. Е. Забѣлинъ Матеріалы для истор. иконописи. Временникъ моск. Общ. Истор. и Древн. 1850, вѣ. 7, стр. 85—86.

говорить обь общихъ принципахъ школь и періодовъ въ исторіи живописи западной, при полной свободѣ и оригинальности въ художественныхъ замыслахъ западныхъ художниковъ, то тѣмъ естественнѣе обобщеніе въ иконографіи византійско-русской, имѣющей характеръ по преимуществу іератической. Византійская иконографія съ первыхъ же шаговъ ея вступила въ союзъ съ религіею и служила ея цѣлямъ. На нее стали смотрѣть какъ на одно изъ средствъ къ религіозно-нравственному воспитанію народа. Взглядъ этотъ къ VIII столѣтію до такой степени укоренился, что на VII-мъ вселенскомъ соборѣ указано было на необходимость запретить всякія нововведенія въ иконографіи. Одинъ изъ участниковъ собора (діаконъ Елифаній) говорилъ, что вѣдѣнію художника должна подлежать одна только техническая сторона (τέχνη); сочиненіе же иконъ предоставлялъ онъ св. отцамъ и основывалъ его на древнемъ преданіи¹⁾. Мы имѣемъ основаніе думать, что взглядъ Елифанія не представлялъ собою такого оригинальнаго явленія, которое бы могло поразить современниковъ и стать въ полный разладъ съ дѣйствительностію. Уваженіе къ преданію и подражаніе старинѣ, хотя бы и не переходившія въ иконописный шаблонъ, не допускающій развитія, воспитаны были въ художникахъ эпохою предшествовавшей, слѣдов. Елифаній съ этой стороны является выразителемъ воззрѣнія, находившаго свое приложеніе въ практикѣ, и отмѣчаетъ ту основу, на которой зиждется возможность научнаго обобщенія иконографическихъ памятниковъ; но онъ доводитъ этотъ взглядъ до крайности, рекомендуя репрессивныя мѣры, не соотвѣтствующія истинному положенію дѣла. Повидимому, эта крайность подмѣчена была отцами собора: контроль церкви надъ иконами не былъ ими организованъ; фактически онъ не только въ это время, но и никогда не имѣлъ мѣста. По крайней мѣрѣ во всей византійской исторіи, кромѣ эпохи иконоборства, разъяснившей и твердо установившей принципиальную сторону иконопочитанія, не видно болѣе или менѣе крупныхъ мѣропріятій относительно этого предмета. Церковная власть не только не предлагала какихъ-либо руководственныхъ правилъ по иконографіи, но и не протестовала противъ нововведеній. Между тѣмъ эти нововведенія не составляли явленія рѣдкаго. Расширеніе идей христіанскихъ расширяло иконографическіе циклы; умножались праздники, появлялись новыя сочиненія и сборники, мысли которыхъ переносились въ искусство, даже иногда прямо на стѣны храмовъ въ видѣ мозаикъ. И если мы взглянемъ теперь на нѣкоторые изъ памятниковъ византійской старины съ точки зрѣнія установившихся уже въ наше время понятій обь источникахъ иконографіи и вѣроученія, то, быть можетъ, найдемъ въ нихъ много излишняго и произвольнаго, чего не можетъ допустить богословская мысль, воспитанная на строгихъ формулахъ вѣроученія. Византійское отношеніе къ этому предмету было иное. Удерживая про себя взглядъ на икону, какъ предметъ почитанія и средство къ наученію народа, византійскіе богословы были далеки отъ того, чтобы къ каждому отдѣльному изображенію прилагать точно опредѣленный масштабъ вѣроученія и подвергать изображеніе критикѣ. Они хорошо знали, что самъ народъ не будетъ извлекать изъ иконографіи новыхъ догматовъ и создавать на этомъ шаткомъ основаніи новыя ереси и расколы; а потому допускали въ этой сферѣ относительную долю свободы, лишь бы иконографическія новшества не поражали глазъ явною тенденціозностію. Исторія иконографіи съ этой стороны аналогична съ исторіею богослужебнаго обряда. Совокупность византійскихъ богослужебныхъ обрядовъ создана отнюдь не точными опредѣленіями соборовъ или отдѣльныхъ лицъ, которыя бы занимались сочиненіемъ цѣльныхъ обрядовъ и церемоній и повсемѣстнымъ распространеніемъ ихъ. Число обрядовыхъ установленій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ соборамъ, крайне ограничено. Въ общемъ и цѣломъ обрядъ создавался исторіею. Церковная жизнь, внутреннія и внѣшнія условія ея развитія вызываютъ обрядъ, церковный обычай, сперва мѣстный, который съ теченіемъ времени получаетъ точно опредѣленные, въ письменныхъ уставахъ, формы и общецерковное признаніе. То же самое и въ иконографіи. И если, не смотря на существованіе опредѣленныхъ кодексовъ въ видѣ письменныхъ уставовъ, полагающихъ, повидимому, границы для обряда, церковь все-таки допускаетъ и вновь появляющіеся обряды и даже цѣльныя службы, то она допускаетъ измѣненія и въ церковной иконографіи. Но ни богослуженіе, ни иконографія не могутъ быть разсматриваемы какъ догматическія системы, въ которыхъ все содержаніе, до мельчайшихъ подробностей, санкціонировано и оффиціально признано, и въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ частныхъ мнѣній и взглядовъ. Только со временемъ, когда будетъ выполнена грандіозная работа пересмотра всѣхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, иконографіи и т. д., католики и протестанты будутъ имѣть право обращаться къ этимъ предметамъ, какъ къ одному изъ источниковъ православной догматики. Какъ бы то ни было, но VII вселенскій соборъ не установилъ

¹⁾ Οὐ ζωγράφων ἐφευρέσεις ἢ τῶν εἰκόνων ποίησις, ἀλλὰ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας... ἔγκριτος θεασμοθεσία καὶ παράδοσις... τοῦ γὰρ ζωγράφου ἢ τέχνη μόνον, ἢ δὲ διάταξις πρόδηλον τῶν... ἁγίων πατέρων. Harduini Acta concil. ed. 1714, t. IV, p. 360.

репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ иконографіи, хотя уваженіе къ преданію, выраженное Епифаніемъ, соотвѣтствовало духу его опредѣленій и общему тогдашнему воззрѣнію на религіозную живопись. Иконографическое единообразіе въ Византіи поддерживалось не внѣшними мѣропріятіями со стороны церкви, но характеромъ воспитанія художниковъ, общимъ установившимся складомъ понятій о церковномъ искусствѣ, общимъ принципомъ консерватизма восточной церкви. Оно допускало и развитіе, но это послѣднее, по своей внутренней сторонѣ, было не столько продуктомъ личной изобрѣтательности, сколько выраженіемъ идей и понятій, уже вошедшихъ во всеобщее обращеніе. Нововведенія были легко усвояемы, вызвали подражанія и мало по малу увеличивали собою запасъ традиціонныхъ иконографическихъ формъ. Очевидно, обобщеніе результатовъ развитія, имѣющаго такой условный характеръ, вполне возможно. Спустя цѣлыхъ восемь столѣтій послѣ названнаго собора, когда западная Европа могла выставить длинный рядъ блестящихъ художественныхъ школъ и направленій, въ которыхъ уже не только не осталось явныхъ слѣдовъ византійскаго вліянія, но совершенно измѣнился и основной взглядъ на задачи искусства, у насъ въ Россіи снова выдвигается старинное начало уваженія къ преданію и копированію священныхъ изображеній съ лучшихъ древнихъ греческихъ и русскихъ образцовъ. Выразителемъ его является Стоглавый соборъ. Его опредѣленіе не имѣло практическихъ послѣдствій; но для насъ важенъ тотъ фактъ, что здѣсь поддерживается старинный взглядъ на иконографію, какъ на предметъ имѣющій устойчивость и опредѣленность въ своихъ формахъ. Наконецъ, что такое греческіе и русскіе иконописные подлинники, какъ не явное доказательство той же иконографической опредѣленности? Они предлагаютъ описанія всѣхъ важнѣйшихъ изображеній въ руководство иконописцамъ и слѣд. предполагаютъ возможность и необходимость однообразія, подчиненія извѣстнымъ правиламъ; а сохранившіеся памятники съ полною очевидностію подтверждаютъ, что требованія подлинниковъ не только не противорѣчили наличной дѣйствительности, но и задерживали стремленія къ личному художественному произволу, т. е. содѣйствовали достиженію той цѣли, къ которой тщетно стремился Стоглавый соборъ. Пусть подлинники эти, не смотря на увѣренія ихъ предисловій, не восходятъ къ византійской эпохѣ; но они по крайней мѣрѣ свидѣлствуютъ, что такой взглядъ на иконографію держался у насъ въ XVI—XVIII вв. Съ этой стороны иконографія византійско-русская совершенно отличается отъ западной. Чтобы правильно оцѣнить это отличіе, нужно обратить вниманіе именно на ихъ основные принципы. Въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ та и другая могутъ иногда сближаться между собою, но принципиально онѣ разошлись уже въ XIII вѣкѣ: на западѣ уничтожена граница между иконографіею церковною и свѣтскою; въ той и другой одинаково господствуетъ индивидуальная мысль и вдохновеніе художника, не сдерживаемая никакою традиціею; въ иконографію церковную вводятся совершенно новыя формы и ихъ достоинства опредѣляются при помощи того же критерія, который прилагается къ искусству свѣтскому: икона, предназначенная для храма, трактуется какъ любая картина, предназначенная для салона. Такая картина можетъ увлекать чувство и воображеніе, можетъ вызвать и чувство восторженнаго умиленія, и горькій плачь, но она не соотвѣтствуетъ восточно-православному воззрѣнію на икону, какъ на одно изъ учительныхъ средствъ и— предметъ религіознаго почитанія. Наши предки проводили границу между церковною иконографіею и свѣтскою живописью, равно какъ и между учительствомъ церковнымъ и частнымъ. Икона, какъ выраженіе извѣстной мысли въ извѣстныхъ установившихся формахъ, по воззрѣнію ихъ, не должна допускать произвольныхъ измѣненій. Воззрѣніе это явилось, какъ прямой выводъ изъ общаго взгляда на церковную обрядность. Оберегая отъ новшествъ обрядъ, предки наши оберегали и иконографію. Нашъ современный взглядъ и практика по отношенію къ этимъ предметамъ не отличаются такою послѣдовательностію. Мы относимся съ справедливымъ уваженіемъ не только къ догматическимъ и каноническимъ, но и обрядовымъ преданіямъ старины, охраняемъ ихъ отъ произвольныхъ искаженій, возбуждаемъ вопросы объ однообразіи въ церковной практикѣ, стараемся согласовать ее съ древними преданіями; что же касается иконографіи, то ее предоставляемъ въ полное распоряженіе непризванныхъ художниковъ, воспитанныхъ совсѣмъ не въ томъ духѣ, какой требуется для церковной живописи. Какъ будто это такое дѣло, которое не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о церковности. Не говоря о непослѣдовательности, отсюда происходитъ то, что наша иконографія утрачиваетъ все болѣе и болѣе свой опредѣленный характеръ и превращается въ жалкое копированіе съ западныхъ картинъ; достоинства внутренняго содержанія ея приносятся въ жертву реализму; заимствованныя съ запада иконографическія формы и композиціи иногда прямо становятся въ разладъ съ преданіями восточной церкви, какъ напр. нерукотворенный образъ съ терновымъ вѣнкомъ и восточное сказаніе о происхожденіи его; стѣнныя росписи въ храмахъ располагаются безъ опредѣленнаго порядка, и такимъ образомъ исчезаетъ поучительная символика храма, выражаемая его древними стѣнописями; даже въ церковныхъ иконостасахъ орнамента начинаетъ вытѣснять иконографію. Отсут-

ствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и задачи церковной иконографіи, полный произволь, слѣпое подражаніе западу,—вотъ что показываетъ намъ наша современная дѣйствительность. Исключенія рѣдки.

Итакъ, господствовавшее въ древности воззрѣніе на церковную иконографію даетъ основаніе разсматривать древніе памятники совмѣстно, какъ выраженіе извѣстной опредѣленной мысли. Ихъ группировка на основаніи сходства формъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и группировка по внутреннему содержанию. Въ процессѣ археологической работы внѣшняя классификація памятниковъ занимаетъ первое мѣсто; но не въ ней заключается конечная цѣль иконографическаго изслѣдованія. Сами по себѣ группы памятниковъ составляютъ лишь костякъ, требующій одухотворенія. Опредѣленная схема, составленная путемъ отвлеченія отъ наличныхъ памятниковъ, предполагаетъ опредѣленное внутреннее содержаніе. Правда ли это и гдѣ искать ключа къ разгадкѣ внутренняго смысла иконографическихъ композицій? Если византійская иконографія всегда стояла въ тѣсномъ союзѣ съ религіею, то понятно, что ея формы должны выражать опредѣленные мысли и понятія. Иначе была бы невозможна и постоянная повторяемость композицій, какую мы замѣчаемъ въ ея исторіи: явленія случайныя, недостаточно опредѣленные со стороны ихъ внутренняго содержания, едва ли могли бы найти всеобщее признаніе. Въ иконографическихъ произведенияхъ византійскихъ художниковъ элементъ субъективный занимаетъ второстепенное мѣсто; они старались держаться въ области мыслей и понятій обще-распространенныхъ, облакая ихъ въ художественныя формы. Стоя на высотѣ современнаго имъ знанія, они переводили его въ иконографію. Невозможно утверждать, что византійская иконографія обнимаетъ собою всю совокупность этого знанія; область ея гораздо уже, и всякая попытка съ нашей стороны—дополнить памятниками иконографіи недостатки памятниковъ письменности не могла бы имѣть успѣха. Вѣрно лишь то, что византійскіе художники одушевлены были тѣми же идеями, вращались въ кругѣ тѣхъ же мыслей и понятій, что и современные имъ религіозные мыслители. Отсюда возможность сопоставленія ихъ произведеній съ памятниками древней письменности; по этимъ послѣднимъ возможно точно опредѣлить внутреннее содержаніе иконографическихъ композицій. Главная задача состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы найти эти памятники и опредѣлить ихъ дѣйствительную связь съ памятниками иконографическими. Въ примѣненіи къ иконографіи евангельской такимъ памятникомъ письменности, какъ уже замѣчено, служитъ прежде всего Евангеліе: въ немъ даны не только всѣ основныя темы евангельской иконографіи, но и указаны нѣкоторыя подробности характеровъ, типовъ, обстановки, исторіи событій, важныя въ дѣлѣ художественнаго творчества. Но если не всегда и во всемъ этотъ первоисточникъ былъ достаточенъ для художниковъ, то онъ недостаточенъ и для научнаго объясненія памятниковъ древней евангельской иконографіи. Многія событія переданы въ Евангеліи очень кратко, и для художественной передачи ихъ требовались дополненія изъ другихъ источниковъ; а потому для объясненія иконографическихъ явленій этого рода необходимо обращеніе къ инымъ памятникамъ письменности, кромѣ Евангелія. Ни оцѣнка, ни даже перечисленіе ихъ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста; рѣчь о нихъ—въ самомъ разборѣ иконографическихъ сюжетовъ. Здѣсь достаточно упомянуть, что памятники эти весьма разнообразны по своему характеру: одни экзегетическіе, другіе историческіе, гомилетическіе, литургическіе. Не послѣдніе мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ и памятники апокрифической письменности. На нихъ, какъ на источникъ иконографіи, указываютъ съ настойчивостію многіе спеціалисты; назовемъ гг. А. С. Уварова, де-Ваала, Н. П. Кондакова, А. И. Кирпичникова, Е. В. Барсова, гг. Айналова и Рѣдина. Увлеченіе ими иногда доходитъ до такихъ крайностей, которыя возможно объяснить только недостаточнымъ знакомствомъ съ памятниками иконографіи, какъ напр. въ замѣчаніяхъ по этому предмету г. Сахарова ¹⁾. Серьезное, въ границахъ точныхъ фактовъ, сопоставленіе ихъ съ памятниками иконографіи, имѣетъ свои основанія: оно возможно въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ по отношенію къ памятникамъ древне-византійскимъ, такъ особенно средне-вѣковымъ западнымъ и русскимъ XVII столѣтія, когда вошли у насъ въ моду лицевыя сказанія о страстяхъ Господнихъ. Однако, какъ бы мы ни смотрѣли на происхожденіе и значеніе апокрифовъ,—признаемъ ли въ нихъ произведеніе древнихъ еретиковъ, пущенное въ ходъ съ цѣлью пропаганды еретическихъ заблужденій, или просто плодъ благочестиво настроеннаго воображенія, вызванный краткостію подлинныхъ Евангелій; признаемъ ли содержаніе ихъ всецѣло вымысломъ фантазіи, или найдемъ въ нихъ долю истины, перешедшую сюда отчасти изъ подлинныхъ Евангелій, отчасти изъ преданія неписаннаго, во всякомъ случаѣ отношеніе къ римъ византійской иконографіи не имѣетъ тенденціознаго характера. Цѣльныхъ лицевыхъ кодексовъ апокрифическихъ Евангелій у византійцевъ не было; по крайней мѣрѣ намъ не удалось здѣсь найти ничего подобнаго. Ни одно изъ догматическихъ заблужденій, проведенныхъ въ апокрифическихъ Евангеліяхъ, не

¹⁾ Христ. чт. 1888 г. № 3—4, стр. 296.

нашло болѣе или менѣе яснаго отраженія въ византійской иконографіи. Внѣшнія подробности событій, рассказанныхъ въ подлинныхъ Евангеліяхъ,—вотъ почва, на которой сходится иногда византійская иконографія съ апокрифами. Но эти подробности повторяются нерѣдко и въ другихъ памятникахъ древней нисьменности, не имѣющихъ со стороны догмы ничего общаго съ апокрифами. До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ возникло это послѣднее сходство: объясняется ли оно путемъ заимствованій непосредственно изъ апокрифовъ, или же заимствованиемъ изъ древнѣйшихъ преданій, которыми пользовались также и составители апокрифовъ. Нѣкоторыя подробности евангельскихъ рассказовъ упоминаются у церковныхъ писателей, повидимому, ранѣе, чѣмъ самые апокрифы получали законченный видъ, и несомнѣнно гораздо ранѣе, чѣмъ послѣдніе занесены были въ *index librorum prohibitorum*.

Опредѣливъ задачи и пути нашего изслѣдованія, перейдемъ къ обзорѣ источниковъ евангельской иконографіи. Это необходимо во 1-хъ потому, что многіе источники еще доселѣ не извѣстны въ церковно-археологической наукѣ и появляются впервые здѣсь, а источники, прежде извѣстные другимъ авторамъ, рассматриваются нами подъ инымъ угломъ зрѣнія; во 2-хъ потому, что пользуясь этими источниками для объясненія исторіи отдѣльныхъ иконографическихъ сюжетовъ, мы по необходимости должны будемъ разорвать нѣкоторые изъ нихъ на составныя части; но такъ какъ они представляютъ свой особый интересъ и въ цѣльномъ видѣ, то необходима особая характеристика ихъ, какъ памятниковъ цѣльныхъ, съ ихъ существенными признаками, занимающихъ то или другое мѣсто въ общей серіи памятниковъ евангельской иконографіи; въ 3-хъ, обзорѣ источниковъ покажетъ намъ общій историческій ходъ евангельской иконографіи; наконецъ въ 4-хъ, оно представитъ наглядное доказательство того, въ какой мѣрѣ присуща полнота нашему изслѣдованію.

А) Первое мѣсто въ ряду источниковъ евангельской иконографіи византійско-русской должно быть отведено древнимъ кодексамъ лицевыхъ Евангелій. Въ полныхъ лицевыхъ Евангеліяхъ находится цѣльный и полный иконографическій циклъ евангельскихъ событій, чего нѣтъ ни въ одной изъ остальныхъ группъ памятниковъ. Въ нихъ однихъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя чудеса Евангелія, нѣкоторыя притчи, рѣчи, шествія и т. п., т. е. такія подробности, къ которымъ приводилъ миниатюристовъ послѣдовательный рассказъ Евангелистовъ, но для отдѣльнаго представленія которыхъ напр. на иконѣ, въ церковной мозаикѣ не было настойчивыхъ побужденій. Но отличаясь этою численною полнотою, лицевыя Евангелія не заключаютъ въ своихъ иллюстраціяхъ той широты и свободы замысла, той оригинальности въ сочиненіи сюжетовъ, какія возможны въ иныхъ памятникахъ и даже въ миниатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей, напр. псалтирей, гомилій Іакова, сочиненій поучительнаго характера. Лицевыя Евангелія предназначались не столько для частнаго, сколько для церковнаго употребленія. Предъ сознаніемъ миниатюристовъ постоянно находился неприкосновенный, не допускающій ни сокращеній, ни добавленій текстъ Евангелія, какъ главное, опредѣляющее иконографическія композиціи, начало. А потому въ лицевыхъ Евангеліяхъ даже XII вѣка нерѣдко можно встрѣтить такія простыя сочиненія сюжетовъ, которыя въ иныхъ памятникахъ уже замѣнены были въ то время другими, сложными изображеніями. Миниатюристы лицевыхъ Евангелій не задавались цѣлю восполнить евангельскій текстъ посредствомъ наглядныхъ формъ, основанныхъ на иныхъ источникахъ и такимъ образомъ комментирующихъ Евангеліе. Такія стремленія, если бы они дѣйствительно имѣли мѣсто, должны были бы значительно видоизмѣнить тѣ простыя иконографическія схемы, какія мы теперь видимъ въ древнихъ лицевыхъ Евангеліяхъ. Въ сущности задачи миниатюристовъ Евангелій были гораздо скромнѣе. Они старались передать въ наглядныхъ формахъ лишь прямое объективное содержаніе евангельскаго текста. Если такія иллюстраціи и могли служить цѣлямъ дидактическимъ, то лишь настолько, насколько наглядность вообще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое простымъ рассказомъ. Но такъ какъ иконографическія традиціи Византіи, подъ вліяніемъ іератическаго принципа, отличались устойчивостію и опредѣленностію и такъ какъ не только мозаисты, иконописцы, скульпторы, но и миниатюристы воспитывали свой художественный вкусъ и практическій навыкъ на традиціонныхъ формахъ, то отсюда происходило то, что иногда миниатюристы вносили въ миниатюры Евангелій и такія подробности, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ евангельскомъ текстѣ, но которыя издревле, бывъ введены въ область иконографіи, повторялись, согласно преданію, на памятникахъ всякаго рода. Сила привычки показывала теоретическія соображенія буквализма и точности и препятствовала рѣзкой обособленности евангельскихъ миниатюръ среди памятниковъ инаго порядка. Такихъ отклоненій въ сторону въ лицевыхъ рукописяхъ Евангелій не много; притомъ они не составляютъ явленія исключительнаго въ общемъ кругѣ византійской иконографіи, созданнаго съ преднамѣренною цѣлю комментирования Евангельскаго текста. Главнѣйшая роль лицевыхъ рукописей Евангелій въ общей исторіи византійской иконографіи состоитъ въ

томъ, что они создаютъ вновь иконографическія формы для нѣкоторыхъ сюжетовъ на частныя темы Евангелія и такимъ образомъ сообщаютъ цѣльность общему циклу евангельской иконографіи.

Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ лицевыхъ Евангелій не восходятъ ранѣе VI вѣка. Были ли эти, извѣстные теперь намъ, списки первыми опытами лицевыхъ Евангелій, или же они представляютъ собою копіи съ образцовъ болѣе древнихъ? Въ иконографіи предшествовавшего времени были многія изъ тѣхъ изображеній, которыя вошли и въ эти древнѣйшіе кодексы: мы встрѣчаемъ ихъ уже въ мозаикѣ и скульптурѣ IV — V вв., и историческая связь между ними—внѣ всякаго сомнѣнія. Относительно одного изъ этихъ кодексовъ—сирскаго Евангелія Раввулы давно уже вѣрно замѣчено, что небрежная грубость или техническая неумѣлость исполненія его миниатюръ и въ то же время искусство композиціи указываютъ на то, что миниатюристъ долженъ былъ пользоваться готовыми оригиналами ¹⁾. Но существовали ли раньше особые списки лицевыхъ Евангелій? Ни такихъ памятниковъ, ни болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній на нихъ до насъ не дошло. Памятники древней письменности говорятъ объ этомъ предметѣ глухо. Изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи въ IV—V вв. драгоценныхъ кодексовъ Евангелій, съ роскошными украшениями, но они не говорятъ прямо о миниатюрныхъ изображеніяхъ лицъ и событій Евангелія. Евсевій свидѣтельствуетъ, что императоръ Константинъ поручилъ ему изготовленіе книгъ для константинопольскихъ церквей, что въ числѣ таковыхъ были хорошо написанные и даже роскошно приготовленные трехъ и четырехлистовые свитки ²⁾; тутъ были, вѣроятно, и Евангелія; но о свящ. изображеніяхъ въ нихъ историкъ не говоритъ ни слова. I. Златоустъ въ 32 бесѣдѣ на Ев. Іоанна упоминаетъ о бывшихъ въ употребленіи христіанъ его современниковъ роскошныхъ спискахъ библии, написанныхъ на великолѣпномъ матеріалѣ (*τῶν ὑμένων λεπτότητος*) превосходнымъ шрифтомъ (*τὸ τῶν γραμμάτων κάλλος*), золотыми буквами (*χρυσοῖς γραμμασίσι ἐγγεγραμμένον*) ³⁾. Кедринъ говоритъ, что императоръ Константинъ украсилъ Евангелія городской великой церкви золотомъ и драгоценными камнями ⁴⁾; но эти украшения, очевидно, относятся къ окладамъ Евангелій; подобныя же украшения имѣются въ виду въ разсказѣ объ императорѣ Зенонѣ, который почтилъ ими кодексъ, найденный на груди ап. Варнавы въ 485 году ⁵⁾. О Θεодосіи младшемъ извѣстно, что онъ былъ хорошимъ каллиграфомъ ⁶⁾. Вообще, искусство каллиграфіи—дѣло безспорное не только для IV—V в., но и для III в. Извѣстно также и то, что цѣнные кодексы Евангелій хранились въ изящныхъ ларцахъ и пользовались почетомъ ⁷⁾. До насъ дошли и памятники миниатюрной живописи ранѣе VI в., но эти миниатюры имѣютъ характеръ античный: почва для нихъ подготовлена была предшествовавшею исторіею искусства, чего нельзя сказать въ той же мѣрѣ по отношенію къ иллюстраціи Евангелія. Творчество собственно христіанское требовалось для послѣдней гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ, на примѣръ, для иллюстрацій Иліады, твореній Вергилія и даже книги бытія, иллюстрированные списки которыхъ восходятъ ранѣе VI в. А потому, если уцѣлѣвшіе до насъ лицевыя Евангелія суть копіи, все-таки не далеко отъ нихъ по времени стоятъ и ихъ оригиналы. Археологическія данныя не позволяютъ отодвигать начало лицевыхъ Евангелій ранѣе V и даже VI в. Въ первыя три столѣтія христіанства разрабатывался символическій циклъ христіанскихъ изображеній и намѣченъ былъ переходъ отъ искусства греко-римскаго къ самобытному христіанскому искусству; художественная энергія IV — V в.в. направлена была на разработку главнѣйшихъ типовъ и сюжетовъ въ духѣ христіанскомъ: искусство христіанское стало на новую дорогу, и хотя замѣтно еще нѣкоторое колебаніе и непоследовательность въ обращеніи съ фортами античными и христіанскими, но ясно, что поворотъ назадъ невозможенъ; основныя задачи искусства уже намѣчены твердо. Въ VI в. колебаніе прекратилось; христіанское искусство развилось и окрѣпло. Если сравнить равенскія мозаики V в. (ваптистеріи, ц. Галлы Плакиды) съ мозаиками VI в. (ц. Аполлинарія Новаго, Виталія), то будетъ видно, какой рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ искусствомъ по новому направленію въ продолженіи одного столѣтія: тоже можно видѣть и на другихъ довольно многочисленныхъ памятникахъ того времени. Сознаніе художественной силы и умѣнья обращаться съ христіанскими темами, обширный запасъ готоваго матеріала, могли вызвать визан-

¹⁾ Н. П. Кондаковъ Истор. визант. иск. 71.

²⁾ Vita Const. IV, 36—37. Valesii historiae eccles. scriptores; ed. 1746, t. I.

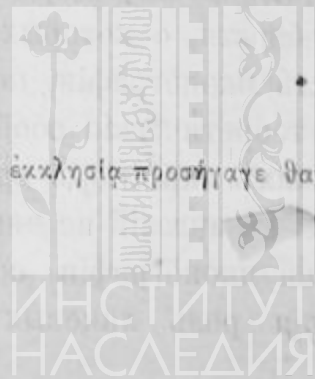
³⁾ Migne Patrol. c. c. s. gr. t. LIX, col. 187.

⁴⁾ ... Ἀλλὰ καὶ πτόχας εὐαγγελίων χρυσᾶς διὰ μαργάρων καὶ λίθων κατασκευάσας ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ προσήγαγε θαύματος ἀξίας Corp. script. hist. byzant. Ed. Nieburii. Georgius Cedrenus t. I p. 517.

⁵⁾ Ciampini Vet. monim. t. I p. 132.

⁶⁾ Muralt Chronogr. byzant. t. I p. 16.

⁷⁾ Факты: Kraus Real-Encyclopädie der christl. Alterthümer I, 457.

тійскихъ художниковъ на крупную работу иллюстраціи цѣлаго Евангелія. Для такой работы требовалось не одно знакомство съ традиціонными формами, но и энергія творчества, и, какъ необходимое условіе успѣха, глубокое проникновеніе въ сущность Евангелія. Такая задача не могла быть разрѣшена во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ въ короткое время и единоличными усиліями; для этого потребовалось не одно столѣтіе; но важно то, что въ V — VI в. положено было для этой работы такое прочное начало, которое опредѣлило дальнѣйшее ея движеніе. Если сопоставить между собою лицевыя кодексы, стоящіе недалеко отъ двухъ противоположныхъ полюсовъ въ исторіи византійскаго искусства, именно кодексы VI вѣка съ одной стороны и XII в. съ другой, а эти послѣдніе съ позднѣйшими кодексами XVI—XVII в.в., то будетъ очевидно, что лицевыя Евангелія имѣли нѣкоторый ростъ, хотя бы и условный, какъ это замѣчено выше. Художественная и богословская мысль миниатюристовъ Евангелій, подчиняясь по необходимости запросамъ времени, не могла въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ограничиваться тѣми иконографическими формами, которыя были даны въ Евангеліяхъ VI вѣка. Окаменѣлость формъ, полное отсутствіе творческой дѣятельности, механическая подражательность, равно какъ и претенціозная склонность къ новшеству и дидактизму, безъ достаточнаго таланта и знанія, суть признаки упадка искусства; но не таково было положеніе дѣла въ Византіи въ эпоху VI—XII в.в. Здѣсь были на лицо и таланты, и готовые импульсы для искусства въ общемъ характерѣ цивилизаціи. Допустимъ, что греческая литература значительно упала уже въ VI в., но она все-таки существовала и заключала въ себѣ не мало такихъ чертъ, которыя могли прямо благопріятствовать развитію симпатій къ лицевымъ Евангеліямъ. Поучительный и отчасти легендарный характеръ письменности, переносящій мысль и воображеніе въ область чудеснаго, напоминающій о картинахъ рая и ада, вызывалъ интересъ особенно къ той части Евангелія, гдѣ рѣчь идетъ о совершенныхъ Спасителемъ чудесахъ; и дѣйствительно часть эта въ византійскихъ Евангеліяхъ отличается особеннымъ обиліемъ иллюстрацій. Сухое отвлеченное направленіе литературы плохой спутникъ искусства. Но допуская развитіе въ лицевыхъ Евангеліяхъ, необходимо оговориться относительно его характера. Основные типы и сюжеты не подвергаются существеннымъ измѣненіямъ по личному произволу художниковъ; измѣненія въ нихъ касаются лишь частныхъ: однажды установленные типы вводятся въ новыя иконографическія комбинаціи, создаются новые сюжеты, опредѣляются нѣкоторые новые типы. Но эти новые типы и сюжеты создаются не безъ вліянія со стороны вышеупомянутыхъ важнѣйшихъ типовъ и сюжетовъ, за немногими исключеніями; слѣдовательно здѣсь обнаруживается не столько оригинальное творчество, сколько приспособленіе основныхъ готовыхъ формъ къ выраженію новыхъ идей. Анализъ дошедшихъ до насъ памятниковъ покажетъ точнѣе, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою древнѣйшія и позднѣйшія лицевыя Евангелія. Византійскихъ списковъ дошло до насъ немного: часть ихъ относится къ VI в., большая же часть къ X—XII вв. Пробѣлъ въ наличныхъ памятникахъ совпадаетъ съ эпохою иконоборства; тѣмъ не менѣе иконоборческое движеніе не можетъ быть признано единственною причиною недостатка памятниковъ. Большинство памятниковъ погибло безслѣдно, другіе еще остаются доселѣ въ неизвѣстности. Все чаще и чаще повторяющіяся находки ихъ въ новѣйшее время даютъ поводъ думать, что современемъ число ихъ значительно возрастетъ. Быть не можетъ чтобы въ богатой во всѣхъ отношеніяхъ Византіи, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, могло явиться всего какихъ-нибудь два-три десятка лицевыхъ Евангелій, какіе мы теперь имѣемъ. И даже несомнѣнно, что наша наличность этихъ памятниковъ не полна: нѣкоторые изъ нихъ по всѣмъ признакамъ суть копіи съ древнѣйшихъ оригиналовъ, а этихъ послѣднихъ доселѣ нѣтъ налицо.

Самое древнее изъ дошедшихъ до насъ греческихъ лицевыхъ Евангелій—*россанское*, открытое Гебгардтомъ и Гарнакомъ въ калабрійскомъ городкѣ Россано, гдѣ, какъ извѣстно, до XV вѣка удерживались въ богослужебной практикѣ греческіе обряды и греческій языкъ. Написано на пергаментѣ, серебромъ, по вѣроятному соображенію ученыхъ издателей, въ VI вѣкѣ ¹⁾, а по заключенію г. Усова, въ 527 году ²⁾. Явилось ли оно въ нижнемъ Египтѣ, какъ полагалъ г. Усовъ, или въ другомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ характеръ его миниатюръ даетъ основаніе поставить его во главѣ византійскихъ лицевыхъ Евангелій. Къ сожалѣнію, уцѣлѣвшій кодексъ не полонъ; въ немъ содержатся только два Евангелія Матѳея и Марка. Миниатюры помѣщены не въ текстѣ рукописи и не среди каноновъ Евсевія, которыхъ здѣсь нѣтъ, но на первыхъ чистыхъ листахъ предъ Ев. Матѳея. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, по нашему мнѣнію, заключается одинъ изъ признаковъ древности рукописи: здѣсь не видно еще той пунктуальности, съ какою позднѣйшіе миниатюристы подставляютъ свои миниатюры прямо къ соответствующему тексту и

¹⁾ Hebbhardt u. A. Harnack Evangel. codex graecus purpur. rossan. litteris argenteis sexto ut videtur saeculo scriptus picturisque ornatus. Leipzig 1880.

²⁾ Труды моск. археол. общ. 1881 г. т. IX, вып. 1.

нерѣдко, въ интересахъ точнѣйшаго слѣдованія за текстомъ, раздробляютъ сюжеты на ихъ составныя части, располагая ихъ отдѣльно, и такимъ образомъ приносятъ въ жертву этой пунктуальности художественную цѣльность картинъ. Здѣсь миниатюры не успѣли еще слиться съ текстомъ, и сами по себѣ представляютъ одну изъ важнѣйшихъ частей цѣлаго кодекса. Стиль ихъ также свидѣтельствуетъ о глубокой древности: въ композиціяхъ миниатюръ, типахъ, одеждахъ замѣтны слѣды искусства древне-христіанскаго: классическая фигура Пилата, обнаженная фигура впадшаго въ руки разбойниковъ, показывающая воспитанное на изученіи скульптуры умѣнье изображать человѣческое тѣло, животныя и птицы, напоминающія греко-римскую орнаментику, прекрасныя фигуры мудрыхъ и неразумныхъ дѣвъ, гора съ четырьмя райскими рѣками—ясный отголосокъ искусства катакомбнаго періода,—все это признаки эпохи, недалекой отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ тоже время типъ Спасителя съ бородою, византійскія одежды съ табліонами и діадимы въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ прор. Давида, изображеніе евхаристіи въ видѣ раздаянія св. хлѣба и чаши, недостатокъ школы въ изображеніяхъ Спасителя, молящагося въ саду Геосиманскомъ и возлежащаго на вечери, равно какъ въ позахъ апостоловъ, принимающихъ евхаристію и связаннаго разбойника—даютъ видѣть наступленіе новой эпохи въ исторіи искусства. Первая половина VI в. наиболѣе подходящее время для изготовленія этихъ миниатюръ.

1. Мудрыя и неразумныя дѣвы. Изъ россан. Ев.

Въ уцѣлѣвшей части кодекса находится на лицо 18 изображеній, относящихся къ разнымъ событіямъ Евангелія и 40 изображеній пророковъ. Всѣ они размѣщены на листахъ 1—4 и 7—8 въ томъ порядкѣ, какъ показано на таблицѣ, составленной нами по описанію Гебгардта и Гарнака. Издатели кодекса имѣли основаніе замѣтить, что во 1-хъ, листы съ изображеніями переплетены невѣрно; хронологическая послѣдовательность евангельскихъ событій требовала, чтобы 7-й листъ поставленъ былъ предъ 1-мъ, такъ какъ исцѣленіе слѣпаго и притча о милосердомъ самарянинѣ предшествовали воскрешенію Лазаря; а листъ 8-й, въ случаѣ такой перестановки, занялъ бы свое естественное мѣсто послѣ 4-го; во 2-хъ, что нѣкоторые листы съ миниатюрами утрачены. Предполагая, что миниатюры должны представлять собою нѣчто цѣлое, издатели думаютъ, что миниатюристъ иллюстрировалъ или все Евангеліе, или одни только страсти Господни; но такъ какъ здѣсь находятся изображенія, не относящіяся къ страстямъ,—исцѣленіе слѣпаго и притча о самарянинѣ, то, повидимому, вѣрнѣе первое предположеніе. Въ какой мѣрѣ иллюстрировано было Евангеліе, сказать трудно; вѣрно лишь, по замѣчанію издателей, то, что миниатюристъ не могъ начать съ исцѣленія слѣпаго; сомнительно также, чтобы въ обычномъ порядкѣ миниатюръ притча о самарянинѣ могла стоять рядомъ съ воскрешеніемъ Лазаря, судъ Пилата рядомъ съ молитвою въ саду Геосиманскомъ, чтобы, наконецъ, рядъ миниатюръ оканчивался изображеніемъ связаннаго Вараввы. Итакъ, по заключенію издателей, утрачены по крайней мѣрѣ четыре листа, если не болѣе, съ миниатюрными изображеніями ¹⁾.

Совершенно иное рѣшеніе вопроса о цѣлости миниатюръ въ разсматриваемомъ кодексѣ предлагаетъ проф. Усовъ ²⁾. Такъ какъ вопросъ этотъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о принципѣ, который управлялъ дѣятельностію миниатюриста, и отъ того или другаго рѣшенія его зависитъ взглядъ на первоначаль-

¹⁾ Gebhardt u. Harnack, S. XXV.

²⁾ Труды моск. арх. общ. IX, вып. 1.

ное направлѣніе византійской иконографіи и ея отношеніе къ древнѣйшимъ литературнымъ источникамъ, то и невозможно оставить его безъ разбора, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе г. Усова, насколько намъ извѣстно, представляетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, послѣднее слово, сказанное по поводу этого предмета. Миниатюры россанской рукописи, по мнѣнію нашего автора, сохранились всѣ сполна и представляютъ цѣльный законченный циклъ страстей Господнихъ; въ этомъ только и заключалась вся задача миниатюриста. Опредѣляющимъ началомъ служилъ для миниатюриста текстъ не подлинныхъ Евангелій, но— апокрифическаго Евангелія Никодима; отсюда, по мнѣнію г. Усова, объясняется не только общій составъ миниатюръ россанской рукописи, но и подробности ея иконографическихъ сюжетовъ. Предположеніе не совсѣмъ складное съ внѣшней стороны. Миниатюристъ предназначаетъ свои рисунки для каноническихъ Евангелій и имѣетъ текстъ ихъ подъ руками; какая же нужда была обращаться къ апокрифу? Не отрицаемъ, что въ общей исторіи византійско-русской иконографіи апокрифы имѣютъ свое значеніе: когда художникъ писалъ икону, расписывалъ храмъ, то онъ могъ допустить апокрифическую подробность въ дополненіе къ краткому разсказу подлиннаго Евангелія, ввести даже цѣлый рядъ сюжетовъ, основанныхъ на апокрифическомъ сказаніи; въ миниатюрахъ же каноническаго Евангелія цѣлый рядъ апокрифическихъ сюжетовъ рѣшительно невозможенъ. Предположеніе объ апокрифическомъ началѣ въ данномъ случаѣ заставляло бы признать, что миниатюристъ, изготовляя миниатюры для каноническихъ Евангелій, отнесся пренебрежительно къ данной въ этихъ Евангеліяхъ связи событій и предпочелъ ей связь событій по апокрифу, т. е. ввелъ въ намѣченный циклъ исцѣленіе слѣпорожденнаго, воскрешеніе Лазаря, притчу о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ только потому, что въ апокрифѣ эти событія поставлены въ связь съ судомъ Пилата, и опустилъ воскресеніе Христово единственно на томъ основаніи, что о немъ не говорится въ апокрифѣ. Такого приѣма иллюстраціи могъ придерживаться только человекъ, зараженный мыслию о преимуществахъ апокрифа предъ подлинными Евангеліями; но въ такомъ случаѣ для него было бы гораздо цѣлесообразнѣе прило-

Давидъ.	Воскрешеніе Лазаря.	Л. 1 а.
Осія.		
Давидъ.		
Исаія.	Входъ І. Хр. въ Іерусалимъ.	Л. 1 б.
Давидъ.		
Захарія.		
Давидъ. Малахія ¹⁾ .		
Давидъ.	Изгнаніе торговцевъ изъ храма.	Л. 2 а.
Осія.		
Давидъ.		
Исаія.	Мудрыи и неразумныи дѣвы.	Л. 2 б.
Давидъ.		
Давидъ.		
Осія.		
Давидъ.	Послѣдній вечеръ І. Хр. и умовеніе ногъ.	Л. 3 а.
Давидъ.		
Давидъ.		
Софонія.		
Давидъ.	Разданіе Св. тѣла.	Л. 3 б.
Моисей.		
Давидъ. Исаія.		
Моисей.	Разданіе Св. крови.	Л. 4 а.
Давидъ.		
Давидъ. Соломонъ.		
Давидъ.	Могила І. Хр. въ Геосиман- скомъ саду.	Л. 4 б.
Давидъ.		
Іона. Михей.		
Давидъ.	Исцѣленіе слѣплаго (въ двухъ мо- ментяхъ).	Л. 7 а.
Сирахъ.		
Давидъ. Исаія.		
Давидъ.	Притча о мигосердомѣ самаряннѣ (въ двухъ моментахъ).	Л. 7 б.
Михей.		
Давидъ.		
Сирахъ.		
Иуда возвращаетъ деньги первосвященникамъ.	І. Хр. и Іудей предъ Пилатомъ.	Л. 8 а.
Смерть Іуды.		
І. Христосъ и Варавва.	Пилатъ. Пилатъ. Пилатъ.	Л. 8 б.

¹⁾ Исправлено: Давидъ; но судя по надписи въ свиткѣ (И будетъ Господь въ царя по всей землѣ), это прор. Захарія.

жить свои иллюстраціи прямо къ тексту апокрифа, а не подлиннаго Евангелія. Замѣтитъ слѣдуетъ притомъ, что г. Усовъ, прилаживая миниатюры къ разсказу апокрифа, допускаетъ натяжки. Замѣчая, что притча о самарянинѣ и изгнаніе изъ храма торговцевъ не упоминаются въ апокрифѣ, а между тѣмъ находятся въ миниатюрахъ кодекса, онъ полагаетъ, что первая выражаетъ мысль о благотворительности Иисуса Христа, согласно разсказу апокрифа объ исцѣленіи скорченнаго и прокаженнаго, а второе указываетъ на то мѣсто апокрифа, гдѣ говорится о разрушеніи храма. Приемъ иллюстраціи странный! Въ довершеніе всего, утверждая связь этихъ миниатюръ съ судомъ Пилата по апокрифу, г. Усовъ, по причинамъ не совсѣмъ понятнымъ, разорвалъ эту связь. Послѣдовательность требовала, чтобы миниатюры исцѣленія слѣпаго и притчи о самарянинѣ оставались рядомъ съ судомъ Пилата, какъ это и есть въ наличномъ размѣщеніи миниатюръ, между тѣмъ онъ перемѣстилъ ихъ къ началу и поставилъ предъ воскрешеніемъ Лазаря и входомъ въ Иерусалимъ, отдѣливъ отъ суда еще картинами тайной вечери и умовенія ногъ, что имѣетъ свой смыслъ лишь въ интересахъ предположенія о хронологической послѣдовательности изображеній по подлиннымъ Евангеліямъ, а не по апокрифу. Связь иконографическихъ *подробностей* въ изображеніяхъ разсматриваемой рукописи съ Евангеліемъ Никодима является въ изложеніи г. Усова преувеличенною и не установленною твердо: онъ видитъ вліяніе апокрифа въ изображеніи изгнанія торговцевъ изъ храма (стр. 44—45), между тѣмъ какъ прямо объ этомъ событіи ничего не говорится въ упомянутомъ источникѣ, да и самъ авторъ, очевидно, усомнился въ вѣрности этого предположенія, когда нѣсколько ниже замѣтилъ, что для разъясненія этой миниатюры совершенно достаточно было знакомства съ каноническими Евангеліями. Точно такое же колебаніе, доведенное до непослѣдовательности, обнаружилъ авторъ и въ изъясненіи изображенія входа Иисуса Христа въ Иерусалимъ, признавъ въ немъ сперва вліяніе апокрифа, а потомъ замѣтивъ, что его можно объяснить и помимо апокрифа. Но мы оставимъ въ сторонѣ частности, не имѣющія важнаго значенія, и обратимъ вниманіе на дальнѣйшій ходъ мыслей г. Усова по объясненію цѣлаго. Устанавливая связь миниатюръ россанскаго Евангелія съ апокрифомъ, г. Усовъ, въ ущербъ единству и послѣдовательности, вводитъ сюда еще одно посредствующее начало. Сказавъ, что выборъ сюжетовъ здѣсь навѣянъ былъ апокрифическимъ Евангеліемъ Никодима, авторъ, повидимому, замѣтилъ неудобства того положенія, въ какое онъ поставилъ миниатюриста, и поспѣшилъ неудачно оправдать его. Въ особой главѣ, посвященной уясненію цѣльнаго цикла миниатюръ и его отношеній къ четвероевангелію, онъ обращаетъ вниманіе на праздники и евангельскія чтенія въ порядкѣ церковнаго года и въ нихъ находитъ основаніе, почему художникъ ограничился такимъ, сравнительно малымъ, цикломъ изображеній (стр. 67 и слѣд.). Теперь оказывается, что опредѣляющимъ началомъ въ данномъ случаѣ служили воспоминанія православной церкви въ страстную седмицу, а именно: лазаревою субботою заканчивается четырехдесятница, и съ воспоминанія лазарева воскресенія начинается седмица страданій Христа; въ недѣлю ваий воспоминается входъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ; въ великій понедѣльникъ читается на утрени Ев. Маттея XXI, 18—43, гдѣ воспоминается бесѣда Иисуса Христа по изгнаніи торговцевъ изъ храма; во вторникъ воспоминается притча о 10 дѣвахъ; въ среду вечера въ домѣ Симона прокаженнаго; въ четвергъ умовеніе ногъ, тайная вечеря, молитва въ саду Геосиманскомъ и предательство Іуды; въ пятницу страсти Господни и въ томъ числѣ судъ Пилата. Эти-то воспоминанія страстной седмицы и выражены, будто бы, въ миниатюрахъ россанскаго кодекса. Соотвѣтствіе здѣсь, безъ сомнѣнія, есть; но дѣло въ томъ, что самыя-то воспоминанія церкви переданы авторомъ не точно, а съ натяжкой, примѣнительно къ наличному составу миниатюръ. Прежде всего для достиженія своей цѣли авторъ долженъ былъ точнѣе опредѣлить древность этихъ воспоминаній, не ограничиваясь общими ссылками на древность богослужебныхъ книгъ: это важно потому, что нѣкоторыя изъ воспоминаній могли явиться послѣ VI в., когда уже написанъ былъ россанскій кодексъ, и уже по одному этому оказаться негодными для настоящей цѣли. Для примѣра укажемъ на то, что по памятникамъ древне-славянской богослужебной письменности, происходящимъ по прямой линіи отъ греческихъ, совсѣмъ не полагается чтенія Евангелія на утрени въ понедѣльникъ ¹⁾; слѣдовательно и основанное на этомъ Евангеліи заключеніе о воспоминаніяхъ этого дня не имѣетъ силы. Въ настоящее время воспоминается въ великій понедѣльникъ собственно не изгнаніе торговцевъ изъ храма и не бесѣда, слѣдовавшая за этимъ событіемъ, а проданный въ Египетъ цѣлому-дренный Іосифъ, прообразъ Иисуса Христа, и изсохшая смоковница, образъ человеческой души, не приносящей добрыхъ плодовъ. Затѣмъ, къ великой средѣ г. Усовъ относитъ изображеніе вечери Иисуса Христа съ учениками, представленной по историческому переводу въ видѣ возлежанія за столомъ, имѣющимъ форму сигмы ²⁾, и видитъ въ этомъ изображеніи вечерю въ домѣ Симона прокаженнаго; но онъ

¹⁾ А. А. Дмитриевскій Богослуженіе въ русск. церкви въ XVI в. стр. 208.

²⁾ Gebhardt u. Harnack Taf. VIII.

забываетъ, что существенную черту изображенія вечери въ домѣ Симона, по памятникамъ византійской иконографіи, составляетъ женщина, помазавшая Иисуса Христа муромъ, чего нѣтъ въ рассматриваемомъ изображеніи. Здѣсь предъ нами, по всѣмъ иконографическимъ признакамъ, изображеніе *тайной* вечери, на что указываетъ также и помѣщенное возлѣ нея, на томъ же самомъ листѣ, умовеніе ногъ. Сомнѣніе, вызываемое неточностію приведенныхъ объясненій, переходитъ въ полную увѣренность въ несостоятельности принципа, если обратимъ вниманіе на слѣдующее. Въ ряду воспоминаній страстной седмицы нѣтъ воспоминаній, соотвѣтствующихъ изображеніямъ притчи о самарянѣ и исцѣленія слѣпца. Для объясненія ихъ авторъ выходитъ изъ предѣловъ намѣченного цикла воспоминаній и обращается къ 4-й и 1-й седмицамъ великаго поста. Но въ пѣснопѣніяхъ 4-й недѣли заключается лишь косвенный намекъ на эту притчу, когда душа кающагося грѣшника уподобляется человѣку, впадшему въ руки разбойниковъ. Миниатюристъ россанскаго кодекса, насколько можемъ судить по уцѣлѣвшимъ фрагментамъ его работы, не имѣлъ ни малѣйшей склонности переводить въ миниатюру подобнаго рода лирическаго уподобленія; подобное направленіе въ художникѣ VI в. было бы анахронизмомъ съ точки зрѣнія исторіи искусства. Въ богослуженіи субботы 1-й седмицы поста, на которую ссылается г. Усовъ для объясненія изображенія исцѣленія слѣпца, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на это чудо; въ Евангеліи дня (Ев. Марка зач. 10) идетъ рѣчь во 1-хъ не о двухъ исцѣленіяхъ, какъ говоритъ г. Усовъ, а объ одномъ; во 2-хъ это исцѣленіе не слѣпца, но сухорукаго, и слѣдовательно оно не можетъ имѣть къ нашей миниатюрѣ никакого отношенія. Въ тотъ же день по уставу.¹⁾ полагается чтеніе другаго Евангелія отъ Іоанна (зач. 52), но и оно не относится къ исцѣленію слѣпорожденнаго. Предположеніе о томъ, не была ли въ древности первая недѣля поста недѣлею о слѣпомъ, рѣшительно не имѣетъ никакихъ основаній, если не принимать въ расчетъ записанное въ извѣстномъ синайскомъ канонарѣ названіе ея недѣлею купелей (*κολυμβήθρων*), указывающее, вѣроятно, на древній обычай предпасхальнаго крещенія, а не на сілоамскую купель. Очевидно, миниатюры россанскаго кодекса не укладываются въ тѣ рамки, въ которыя желаетъ втиснуть ихъ изъяснитель. Предполагаемый въ наличномъ составѣ миниатюръ полный циклъ страстей Господнихъ оказывается въ одно и то же время и слишкомъ узкимъ и слишкомъ широкимъ, — во всякомъ случаѣ не цѣльнымъ. Онъ узокъ потому, что не включаетъ въ себѣ изображенія распятія и воскресенія Спасителя; широкъ потому, что въ немъ находятся миниатюры, не относящіяся къ страстямъ Господнимъ. Отсутствіе распятія г. Усовъ объясняетъ ссылкой на то, что древніе христіане вообще остерегались изображать его. Въ общемъ это вѣрно, но въ данномъ случаѣ значеніе этой ссылки ослабляется предположеніемъ о специальной задачѣ миниатюриста: если онъ желалъ изобразить именно событія страстей Господнихъ, то опущеніе распятія является непонятнымъ; тѣмъ болѣе, что во времена изготовленія рукописи распятіе было уже извѣстно въ художественной практикѣ. Такой циклъ изображеній составлялъ бы безпримѣрное явленіе. въ ряду памятниковъ византійскихъ; въ этомъ видѣ его дѣйствительно нѣтъ ни въ одномъ изъ византійскихъ лицевыхъ Евангелій.

Миниатюры россанскаго кодекса составляютъ *disjecta membra* одного цѣлага. Ихъ цѣльность нарушена утратою нѣсколькихъ листовъ. Миниатюристъ не имѣлъ намѣренія иллюстрировать отдѣльно текстъ каждаго Евангелиста; его задачей было — дать рядъ изображеній, относящихся къ евангельской исторіи вообще. Въ виду этого онъ помѣстилъ всѣ миниатюры вмѣстѣ предъ Евангеліемъ Матѳея, каковое мѣсто онѣ занимаютъ и до сихъ поръ. Невозможно представлять дѣло такъ, что однѣ изъ этихъ миниатюръ относились къ тексту Ев. Матѳея, другія — Марка и т. д.; этого не допускаютъ изображенія исцѣленія слѣпца и притча о самарянѣ. Они помѣщены на одномъ и томъ же листѣ, между тѣмъ какъ рассказы объ этихъ чудесахъ находятся у разныхъ Евангелистовъ — Іоанна и Луки. Подобный приемъ иллюстраціи встрѣчается также и въ другихъ кодексахъ — псалтирей, словъ Григорія Богослова и нѣкоторыхъ лицевыхъ Евангеліяхъ (Ев. Раввулы, армянское Ев. эчмиадзинской бібліотеки²⁾, сирійское въ парижской національной бібліотекѣ № 33). Заслуживающую вниманія особенность иллюстрацій россанскаго Евангелія составляютъ изображенія пророковъ, рядомъ съ новозавѣтными изображеніями. Въ сознаніи миниатюриста представлялись неразрывно связанными между собою завѣты ветхій и новый. Нѣкоторое основаніе для такого сопоставленія дано прямо въ евангельскомъ текстѣ, гдѣ нерѣдко приводятся предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ о событіяхъ новаго завѣта; но миниатюристъ въ этомъ случаѣ идетъ далѣе; онъ приводитъ и такія пророчества, о которыхъ не упомянуто въ Евангеліи, какъ это можно видѣть на нашей таблицѣ; слѣдовательно онъ вноситъ въ иллюстрацію нѣкоторый элементъ богословскаго толкованія, хотя

¹⁾ Типиконъ, изд. 1867 г. л. 423.

²⁾ Опис. гр. А. С. Уваровымъ въ протоколахъ V археол. съезда стр. 352—357.

и не сообщаетъ ему иконографическаго развитія. Возможно было бы опредѣлить точно и самый характеръ этой экзегетики, если бы мы знали надписи въ свиткахъ пророковъ; къ сожалѣнію онѣ остались не разобранными. Вѣрно лишь то, что пророчества эти относятся прямо къ тѣмъ изображеніямъ, возлѣ которыхъ они помѣщены. Подтверждается это не только фактомъ ихъ внѣшняго подлѣположенія и аналогіею съ другими памятниками византійской иконографіи, но и уцѣлѣвшими надписями въ свиткахъ четырехъ пророковъ, относящихся къ изображенію входа Иисуса Христа въ Иерусалимъ: въ свиткѣ 1-го пророка написано: *εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι κυρίου*. (Псал. СХVII, 26), 2-го: *εἶπατε τῇ θυγατρὶ Ζιών, ἰδοὺ ὁ βασιλεὺς σου ἔρχεται σοὶ πραῦς καὶ ἐπιβεβηκῶς ἐπὶ ὄνον καὶ πῶλον υἱὸν ὑποζυγίου* (Захар. IX, 9); 3-го: *ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων κατηρίσω αἶνον* (Псал. VIII, 3); 4-го: *καὶ ἔσται κύριος εἰς βασιλεῖα ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν* (Захар. XIV, 9). Ясно, что всѣ эти пророчества относятся къ царскому входу Иисуса Христа въ Иерусалимъ:

Отъ VI в. мы должны перейти прямо къ X—XII вв. Недостатокъ памятниковъ отъ промежуточнаго періода не позволяетъ намъ шагъ за шагомъ прослѣдить зарожденіе и смѣну редакцій лицевыхъ Евангелій; но отъ послѣднихъ трехъ столѣтій дошли до насъ представители нѣсколькихъ группъ такихъ Евангелій, прототипы которыхъ должны восходить ко временамъ болѣе древнимъ. Въ отличіе отъ россанскаго кодекса, всѣ миниатюры въ этихъ Евангеліяхъ приближены къ тексту по самому мѣстоположенію своему; но объемъ ихъ иллюстрацій не одинаковъ: въ однихъ, самыхъ простыхъ, иллюстрированы лишь четыре событія, — по одному изъ каждаго Евангелиста, или же одни только праздничныя Евангелія въ концѣ кодексовъ; въ другихъ нѣсколько событій наиболѣе замѣчательныхъ изъ каждаго Евангелиста, въ третьихъ наиболѣе полныхъ — всѣ важнѣйшія и даже второстепенныя событія Евангелія. Отъ этого же времени мы имѣемъ множество Евангелій съ изображеніемъ однихъ Евангелистовъ и нѣсколько сирскихъ, коптскихъ и армянскихъ, иллюстраціи которыхъ ведутъ свое начало изъ той же Византіи. Въ нашей характеристикѣ этихъ памятниковъ мы будемъ слѣдовать намѣченному порядку группъ.

I. Къ первой группѣ мы относимъ тѣ Евангелія, въ которыхъ все иконографическое содержаніе заключается лишь въ четырехъ, пяти или шести миниатюрахъ; онѣ служатъ по большей части какъ бы заглавными листами Евангелій, или заставками. Выборъ ихъ дѣлается примѣнительно къ особенностямъ содержанія Евангелій, причемъ отдается преимущество темамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ церковнымъ праздникамъ. Сюда относятся: 1) *Греческое Евангеліе національной бібліотеки въ Парижѣ XI в.* (№ 75). Предъ Евангеліемъ Матѳея помѣщено изображеніе рождества Христова (л. 1), Марка — крещеніе Ис. Христа (л. 95), Луки — благовѣщеніе Пресв. Богородицы (л. 153), Іоанна — воскресеніе Христова (л. 255). Бордье вѣрно замѣтилъ, что всѣ эти изображенія превосходно нарисованы и обнаруживаютъ силу экспрессіи въ движеніяхъ и фізіономіяхъ¹⁾. Но съ нашей точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія самое сочиненіе изображеній: миниатюристъ здѣсь не ограничивается передачею внѣшнихъ подробностей событій, но сообщаетъ имъ идеальнѣйшій оттѣнокъ: въ картины крещенія и воскресенія онъ вноситъ изображеніе неба съ отверстыми вратами, въ изображеніе рождества Христова — ликъ ангеловъ, славословящихъ родившагося Спасителя. 2) *Евангеліе ватиканской бібліотеки 1128 года* (№ 2 Urb.). Показателемъ времени происхожденія его служитъ, помимо записи, также превосходная миниатюра на 19-мъ листѣ: представленъ на тронѣ Спаситель въ лиловой туникѣ и голубомъ иматіи; на Его плеча опираются руками стоящія сзади двѣ женскія фігуры, въ роскошныхъ раззолоченныхъ мантияхъ, въ коронахъ, съ распущенными волосами; одна изъ нихъ по правую (отъ зрителя) сторону, — олицетвореніе *ἡ δικαιοσύνη*, другая съ лѣвой — *ἡ ἐλεημοσύνη*. Спаситель возлагаетъ руки на двухъ стоящихъ ниже императоровъ Алексѣя и Іоанна Комненовъ, одѣтыхъ въ императорскія раззолоченныя одежды и діадимы съ привѣсками: императоры держатъ лабары въ правыхъ рукахъ и свитки въ лѣвыхъ²⁾. Вышеупомянутыя олицетворенія относятся прежде всего къ Спасителю, въ лицѣ котораго сочетались милость и истина; въ дальнѣйшемъ смыслѣ — къ императорамъ, какъ выраженіе важнѣйшихъ качествъ, требуемыхъ царскимъ званіемъ. Миниатюръ евангельскаго содержанія четыре: предъ Ев. Матѳея рождество Христова, Марка — крещеніе И. Христа, Луки — рождество Іоанна Предтечи (по аналогіи съ рожд.

¹⁾ Description des peintures et autres ornements contenus dans les manusc. grecs de la bibl. nationale par Henri Bordier. Paris, 1883. p. 137.

²⁾ На одномъ изъ первыхъ листовъ рукописи написано: το ετος του Αδαμ 6636—1128, на другомъ — посвященіе императору Іоанну Комнену. Миниатюры изданы Аженкурромъ: Sammlung der Denkmäler d. Malerei Taf. 111. Алексѣй Комнень скончался въ 1118 г.; предъ смертію его вступилъ на визант. престолъ Іоаннъ. (Lebeau Hist. de Bas-Empire t. XV, p. 473 etc.). Быть можетъ, рукопись начата при Алексѣѣ и окончена при Іоаннѣ, и потому послѣдній названъ въ надписи автократоромъ.

Христ. предъ Ев. Матѳея), Іоанна—воскресеніе І. Христа. Кромѣ того—три Евангелиста: Матѳей (пишетъ по-гречески), Лука и Іоаннъ. Въ композиціяхъ миниатюръ проходитъ та же черта идеализаціи, что и въ предыдущемъ кодексѣ ¹⁾. 3) *Ватиканское Евангеліе XI—XII в.* (Palat. gr. № 189), ²⁾ съ четырьмя Евангелистами и четырьмя изображеніями евангельскихъ событій, какъ въ предыдущемъ кодексѣ. Форматъ рукописи очень малъ (in 16°), а потому и фигуры очень мелкія; иконографическія темы не развиты, но лишь намѣчены въ общихъ чертахъ. Колоритъ довольно свѣжій. — Къ этой же группѣ относится 4) *греч. Евангеліе XI—XII в.*, принадлежащее московской синодальной библиотекѣ (№ 519), съ изображеніемъ рождества Хр., крещенія І. Христа и благовѣщенія Пресв. Богородицы и 5) *грузинское Ев.* импер. публичн. библ. (№ 298) съ тѣми же изображеніями, а также положенія І. Христа во гробъ, распятія и преображенія (Іоанн.). Этотъ приѣмъ иллюстраціи находилъ свое примѣненіе и въ памятникахъ русскихъ позднѣйшаго времени, съ нѣкоторыми, впрочемъ отличіями. 6) *Въ Евангеліи ипатьевского монастыря 1603 года* (№ 1) предъ каждымъ Евангелистомъ помѣщенъ особый листъ миниатюръ, но на каждомъ изъ нихъ находится уже нѣсколько изображеній: предъ Ев. Матѳея — родословіе І. Христа, рождество Хр.; избіеніе младенцевъ, шествіе въ Египетъ, явленіе ангела пастырямъ и поклоненіе волхвовъ; Марка—проповѣдь І. Предтечи, крещеніе и искушеніе І. Христа, чудо умноженія хлѣбовъ, преображеніе, входъ І. Х. въ Іерусалимъ, вечеря въ домѣ Симона прокаженнаго, тайная вечеря, снятіе І. Х. съ креста и положеніе во гробъ; Луки — рождество І. Предтечи, благовѣщеніе, обрѣзаніе, срѣтеніе и медальонныя изображенія предковъ І. Христа; Іоанна — Св. Троица, бракъ въ Канѣ, изгнаніе торговцевъ изъ іерус. храма, бесѣда І. Х. съ Никодимомъ и самарянкою, исцѣленіе разслабленнаго, явленіе І. Х. ученикамъ на морѣ тиверіадскомъ, исцѣленіе слѣпаго и воскресеніе Лазаря. Помимо этого уже довольно широкаго и хорошо подобранаго цикла изображеній на заглавныхъ листахъ, приложенъ въ концѣ Евангелія еще рядъ изображеній, относящихся къ исторіи страданій Спасителя, начиная тайною вечерію и кончая вознесеніемъ І. Христа на небо. Въ этомъ послѣднемъ рядѣ изображеній данъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи примѣровъ специальной иллюстраціи страстей Господнихъ. Со стороны художественной миниатюры близко подходятъ къ живописи въ смыслѣ академическомъ, что весьма естественно въ русскомъ памятникѣ XVII вѣка. 7—8) *Два четверо-евангелія — одно афонопантелеаго монастыря XI в.* (№ 1) и *другое афонопантелеймонова XII в.* (№ 2) совсѣмъ не имѣютъ миниатюръ въ основномъ текстѣ; но находящіяся въ концѣ этихъ кодексовъ евангельскія чтенія на важнѣйшіе праздники церкви украшены изображеніями. Въ первомъ изъ нихъ находятся изображенія рождества Христова, крещенія, преображенія и успенія Богоматери, сдѣланныя нѣжными красками, на золотомъ фонѣ. Второе заключаетъ въ себѣ значительное число изображеній, относящихся не только къ прямому содержанію праздничныхъ Евангелій, но и къ исторіи Богоматери, также отдѣльныхъ изображеній святыхъ, превосходныя заглавныя буквы со вписанными въ нихъ мелкими изображеніями евангельскихъ событій и лицъ, и виньетки. Изображенія праздниковъ замѣ-

2. Вилеємскіе пастыри. Ев. афонопантел. № 2.

1) Въ началѣ рукописи помѣщены выдержки изъ хроникона о годѣ рожденія І. Христа, выдержки изъ хроники Ипполита Фивейскаго, изъ Златоуста (объ Ев. Матѳея) и Оригена; также эпиграммы ко всѣмъ четыремъ Евангеліямъ.

2) Краткое описаніе рукописи: *Stevenson Bibliotheca apostol. vatic. I. 96.*

чательны по своимъ иконографическимъ подробностямъ: въ воздвиженіи честнаго креста (л. 189 об.)—патріархъ въ фелони, съ короткими волосами, съ шестиконечнымъ крестомъ въ рукахъ, безъ омофора; стоящіе возлѣ патріарха клирики — въ короткихъ фелоняхъ, съ тонсурами на макушкахъ головъ. Введеніе Богоматери въ храмъ—въ двухъ моментахъ отдѣльно: Богоматерь, въ возрастѣ 9 — 10 лѣтъ, въ сопровожденіи дѣвъ съ распущенными волосами и свѣчами въ рукахъ, идетъ къ стоящему впереди храму; она вся сосредоточена на мысли о величій предстоящаго ей дѣла; простираетъ руки къ храму и возводитъ очи горѣ. Іоакимъ и Анна удивлены поведеніемъ Богоматери. Событіе представлено, какъ видно, въ формахъ идеальныхъ, и это направленіе выражается главнымъ образомъ въ Богоматери — не ребенкѣ, какъ слѣдовало бы ожидать въ виду извѣстнаго преданія о введеніи Богоматери въ храмъ, но личности, вполне сознающей свое высокое назначеніе. б) Въ слѣдующей картинѣ Богоматерь стоитъ предъ перво-священникомъ; здѣсь же на второмъ планѣ она принимаетъ пищу отъ ангела.—Явленіе ангела виоелеемскимъ пастухамъ. — прекрасная оживленная картина, въ которой въ идиллическую сцену введено выраженіе впечатлѣнія, произведеннаго на пастырей ангельскимъ благовѣстіемъ¹⁾. Рождество Христово по обычному иконописному переводу «Слава въ вышнихъ Богу», съ ангелами и пастырями. Крещеніе І. Х. съ любопытными иконографическими особенностями. Срѣтеніе. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы по общеизвѣстному иконографическому переводу съ рукодѣльемъ,—одно изъ лучшихъ византійскихъ изображеній этого рода. По образцу этой миниатюры изображено явленіе ангела Захаріи (л. 243), а по образцу рождества Христова — рождество І. Предтечи (л. 243 об.). Преображеніе Господне въ двухъ моментахъ (л. 252 и 252 об.): шествіе І. Христа съ учениками на гору Фаворъ и самое преображеніе. Раздѣленіе сюжетовъ на двѣ части составляетъ одну изъ особенностей этого Евангелія. Всѣ миниатюры слѣданы весьма старательно, опытною рукою, отличаются свѣжестью красокъ и хорошою сохранностію. 9) *Ватиканское Евангеліе XII в.* (Vat. gr. № 1156). Въ текстѣ его, кромѣ четырехъ Евангелистовъ, единственное изображеніе вознесенія Господня; но въ концѣ, среди праздничныхъ чтеній, число ихъ довольно значительно. Здѣсь на одномъ листѣ, предъ праздничными Евангеліями, данъ цѣлый рядъ миниатюръ, иллюстрирующихъ страданія Спасителя: молитва въ саду геосиманскомъ, лобзаніе Іуды, шествіе І. Христа на судъ, распятіе, положеніе во гробъ и воскресеніе²⁾. Это одинъ изъ первыхъ опытовъ выдѣленія страстей изъ ряда другихъ евангельскихъ изображеній въ памятникахъ Византіи. Далѣе въ порядкѣ мѣсяцеслова находится множество отдѣльныхъ изображеній святыхъ, которыя, вмѣстѣ съ ватиканскимъ минологіемъ, могли бы дать обширный матеріалъ для провѣрки нашего иконописнаго подлинника, и не мало изображеній праздниковъ: рождества Богородицы, поклоненія честному кресту³⁾, воздвиженія честнаго креста, введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Событія рождества Христова выражены съ особенною подробностію: перепись народа въ Виоелемѣ, рождество Христово, поклоненіе волхвовъ и отъѣздъ ихъ, бѣгство въ Египетъ, Иродъ, ожидающій возвращенія волхвовъ, явленіе ангела Іосифу, обрѣзаніе Господне, пастыри, славящіе Бога, двѣнадцатилѣтній Іисусъ въ храмѣ, крещеніе и преображеніе Господне. Рабское слѣдованіе миниатюриста за текстомъ Евангелія и стремленіе къ реальности въ изображеніяхъ (св. жены въ картинѣ положенія І. Христа во гробъ ломаютъ свои руки, ангелы рыдаютъ)—признаки упадка византійскаго искусства. — Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести еще 10) единственный *отрывокъ греческаго недѣльнаго Евангелія въ импер. публичной библіотекѣ* (№ 21)⁴⁾. Отъ кодекса сохранилось лишь нѣсколько отдѣльныхъ листовъ. Время его происхожденія составляетъ загадку. Мюральтъ относилъ его къ VII—VIII в.⁵⁾ Н. П. Кондаковъ видитъ здѣсь признаки VII—VIII в.; равно какъ X—XI в.⁶⁾ По признакамъ палеографическимъ отрывокъ этотъ принадлежитъ къ X—XI в.; но въ его миниатюрахъ дѣйствительно находятся черты, принадлежащія разнымъ эпохамъ. Однѣ изъ миниатюръ, по своему стилю и композиціи, стоятъ близко къ древнѣйшимъ памятникамъ VII — VIII в.; другія къ позднѣйшимъ X—XI в. Изображеніе брака въ Канѣ — образецъ перваго рода: Спаситель въ моментъ претворенія воды въ вино

¹⁾ Подробн. описаніе и изъясненіе см. ниже.

²⁾ Изданы Аженкуромъ: Taf. LVII.

³⁾ Четыре изображенія подъ числами 10, 11, 12 и 13 Сентября. Здѣсь видно отраженіе богослужебной практики по древнему уставу великой церкви, по которому св. крестъ выносимъ былъ изъ царскихъ палатъ въ церковь 10-го Сентября и оставался здѣсь до 14-го числа для поклоненія вѣрующихъ. (И. Д. Мансветовъ, Церковный уставъ стр. 153). Въ миниатюрахъ представленъ крестъ на престолѣ (аналое); съ одной стороны его патріархъ въ нимбѣ, съ кадиломъ въ рукахъ и епископы, съ другой поклоняющійся кресту народъ.

⁴⁾ Опис. Арх. Амфилохія О миниатюрахъ и украшеніяхъ въ греч. рукоп. импер. публ. библ. Москва, 1870.

⁵⁾ Catal. des manusc. gr. de bibl. impér. publ. p. 13.

⁶⁾ Истор. визант. иск., стр. 131—133.

является точно въ такомъ же положеніи, съ жезломъ, какъ на саркофагахъ въ чудѣ умноженія хлѣбовъ; сцена реальная, живая; подобный же характеръ имѣетъ изображеніе тайной вечери по историческому переводу; но сошествіе во адъ и сошествіе Св. Духа на апостоловъ напоминаютъ позднѣйшія композиціи IX—X вв. ¹⁾. Объяснить эту разнохарактерность возможно тѣмъ предположеніемъ, что миниатюристъ X—XI в. копировалъ съ древнѣйшаго образца лицеваго Евангелія; но не вездѣ выдержалъ стиль оригинала: въ нѣкоторыхъ миниатюрахъ онъ является копистомъ точнымъ, другія измѣняетъ и даже вводитъ нѣкоторыя миниатюры вновь, руководясь при этомъ художественными образцами своего времени.

II. Особую группу четвероевангелій составляютъ тѣ кодексы, въ которыхъ иллюстрируется подъ рядъ текстъ Евангелія. Группа эта наиболѣе распространенная и интересная съ иконографической точки зрѣнія. Миниатюры здѣсь слились уже съ текстомъ и служатъ важнѣйшимъ подспорьемъ къ его усвоенію. Въ числѣ нихъ — однѣ краткія, другія пространныя. Точно опредѣленнаго различія въ общемъ направленіи ихъ миниатюръ указать нельзя, хотя нѣкоторые изъ нихъ съ этой стороны и имѣютъ свои частныя особенности. Разсмотримъ сперва Евангелія иллюстрированныя кратко: 1) *Евангеліе національной бібліотеки въ Парижѣ X в. (№ 64)* ²⁾.

Иллюстраціи его имѣютъ характеръ довольно своеобразный. Евангелію Матвѣя предшествуетъ изображеніе этого Евангелиста. Затѣмъ начало Евангелія, именно родословіе I. Христа отдѣлено отъ остальнаго текста, въ видѣ особой статьи, и иллюстрировано: здѣсь мы видимъ предковъ I. Христа въ двухъ отдѣльныхъ миниатюрахъ: три старца и молодой человекъ (л. 10); физиономическія черты ихъ не представляютъ достаточной опредѣленности, а потому и невозможно распознать ихъ; всѣ задрапированы въ однообразныя длинныя одежды; позы величавыя. Въ концѣ родословія представлены два царя — Давидъ и Соломонъ ³⁾ въ византійскихъ діадемахъ, Богородица и Іосифъ. Лябартъ въ своей исторіи промышленныхъ искусствъ догадывается, что миниатюристъ, изображая двухъ царей — предковъ I. Христа, имѣлъ въ виду двухъ византійскихъ императоровъ, царствовавшихъ въ его время, Романа Лакапена и его зятя Константина Порфиророднаго (919 — 944 гг.) и что въ этой подробности данъ намекъ на время написанія кодекса ⁴⁾. Догадка мало вѣроятная. Византійскія одежды Давида и Соломона, безъ сомнѣнія, взяты съ одеждъ византійскихъ императоровъ; но

3. Благовѣщ. Пресв. Богород. Ев. аеонпантел. № 2.

что миниатюристъ изъ области евангельскаго повѣствованія переносилъ мыслию къ современной дѣйствительности, этого не видно изъ рисунка. Правдоподобность догадки ослабляется особенно тѣмъ, что и въ другихъ Евангеліяхъ, писанныхъ позже X в., притомъ въ царствованіе не двухъ императоровъ, но одного, являются тѣ же цари Давидъ и Соломонъ, въ тѣхъ же императорскихъ одеждахъ. Признаками древности манускрипта остаются — характеръ письма и стиль миниатюръ. Предъ Евангеліемъ Марка миниатюрное изображеніе этого Евангелиста; а потомъ отдѣлено начало текста до словъ *βαλλοντας ἐν θαλάσση*, какъ предметъ для иллюстрацій. Здѣсь изображены (л. 64 об.): прор. Исаія и I. Предтеча съ развернутыми свитками (Марк. I, 2—4); ниже — Іоаннъ креститъ народъ ⁵⁾; встрѣча I. Предтечи съ

¹⁾ Подробности будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. О худож. стилѣ см. ц. с. Н. П. Кондакова.

²⁾ Объ орнаментикѣ его см. въ истор. визант. иск. Н. П. Кондакова, стр. 250; ср. Bordier, pl. 103—104.

³⁾ По Бордье (р. 105) Соломонъ и Ровоамъ.

⁴⁾ Labarte Hist. des arts industr. t. 1, p. 67; III, p. 53. Album p. LXXXIII, cf. Bordier, pl. 105.

⁵⁾ Описаніе Бордье не точно (р. 106).

І. Христомъ и проповѣдь І. Предтечи (л. 65). Предъ Евангелиемъ Луки изображеніе этого Евангелиста, съ короткими густыми волосами и едва замѣтною бородкою (л. 101 об.), и державнаго князя Теофила въ византійскихъ одеждахъ, украшенныхъ табліономъ (л. 102); сюда же относятся эпизоды изъ исторіи Захаріи: онъ стоитъ съ Елизаветою; кадитъ предъ жертвенникомъ, и въ это время является ему ангелъ; Захарія онѣмѣвшій выходитъ изъ храма къ изумленной толпѣ народа (л. 102—103). Предъ Евангелиемъ Іоанна: Евангелистъ Іоаннь (л. 157 об.), Св. Троица ¹⁾, проповѣдь Іоанна (л. 158), проповѣдь І. Христа народу (Іоанн. І, 10—11), который убѣгаетъ отъ Него прочь, и проповѣдь предъ другою группою людей, слушающихъ Его внимательно съ главопреклоненіемъ (ст. 12): это будущіе апостолы, съ Петромъ во главѣ. Въ этомъ кодексѣ попытка сближенія миниатюры съ текстомъ Евангелія не доведена до конца. Миниатюристъ не входитъ въ глубь содержанія Евангелій и не старается выдѣлить главнѣйшія черты ихъ различія, что было бы важно для полноты иллюстраціи евангельской исторіи. Онъ беретъ лишь первые стихи Евангелій и пользуется ими, какъ первыми примѣтами Евангелій. 2) *Евангеліе аеоноверскаго монастыря* XII—XIII в. (№ 5 in 4), украшенное миниатюрами по золотому фону, въ полстраницы ²⁾. Несмотря на сравнительно позднее появленіе кодекса, миниатюры его все еще напоминаютъ полную жизни и энергіи блестящую эпоху византійскаго искусства. Близко подходя по стилю и колориту къ миниатюрамъ гелатскаго Евангелія XII в. ³⁾, онѣ превосходятъ ихъ тонкостію отдѣлки, близостію къ природѣ, разнообразіемъ и красотою типовъ. Въ миниатюрѣ рождества Христова (л. 8) мелкія фигуры снабжены чрезвычайно тонкими и правильными лицами; превосходныя фигуры въ картинѣ воскрешенія Лазаря (л. 415) не лишены жизни и индивидуальности и красиво задрапированы въ разнообразныя одежды. благовѣствующій архангелъ въ движеніи довольно натуральномъ (л. 222); даже обнаженное тѣло І. Христа, составлявшее обычный камень преткнанія для византійскихъ художниковъ, исполнено удовлетворительно. Композиціи вообще удачны; изрѣдка миниатюристъ старается внести въ обычныя схемы искру оживленія (ср. изображеніе бѣсноватаго, размахивающаго руками, со включенными волосами л. 156; также изображеніе сына царедворца въ предсмертной агоніи л. 177 об.). Краски разнообразны, но преобладаютъ цвѣта—синій, красный и фіолетовый; тоны пріятны. Въ Евангеліи Матѳея восемь изображеній: рождество Христово, исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ въ странѣ гергесинской, исцѣленіе кровоточивой, умноженіе хлѣбовъ, притча о званыхъ на пиръ, тайная вечеря, снятіе тѣла І. Христа съ креста и явленіе І. Христа женамъ по воскресеніи;—Марка восемь: самъ Ев. Маркъ, крещеніе І. Христа, исцѣленія—тещи Симоновой, прокаженнаго, бѣсноватаго и сына царедворца, распятіе І. Христа въ двухъ видахъ;—Луки семь: Ев. Лука, благовѣщеніе, срѣтеніе, преображеніе, исцѣленіе страдавшаго водялкою, притча о богачѣ и Лазарѣ и лепта вдовицы; Іоанна—двѣнадцать: Ев. Іоаннь дважды, бракъ въ Канѣ, бесѣда съ самаряною, исцѣленіе расслабленнаго и слѣпаго, воскрешеніе Лазаря, входъ І. Христа во Іерусалимъ, умовеніе ногъ и три вводныя миниатюры: Іоаннь Златоустъ въ крестчатой фелони со свиткомъ стоитъ предъ І. Христомъ, Богоматерь со свиткомъ ведетъ молодаго Златоуста къ І. Христу, и два эпизода изъ исторіи явленія Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ. 3) Близко по времени къ этому кодексу, но гораздо ниже по художественнымъ достоинствамъ, лицевое *Евангеліе аеоноватопедскаго монастыря* (№ 101—735): краски въ его миниатюрахъ грязноваты и грубы, положенія фигуръ однообразны и натянуты, типы не выдержаны; лица мѣднокраснаго цвѣта и оживлены почти всѣ одинаково неестественнымъ румянцемъ; вмѣсто глазъ черныя пятна съ бѣлыми штрихами. Композиціи копированы съ недурныхъ образцовъ, достоинства которыхъ замѣтны въ миниатюрѣ рождества Христова, хорошо сочиненной (л. 15). Стремленіе къ натурализму и живости—одна изъ главныхъ особенностей миниатюриста, но ему недостаетъ школы и вкуса. Богоматерь въ картинѣ распятія неестественно поднимаетъ вверхъ голову и отираетъ слезы (л. 18); Спаситель на крестѣ, апостолъ Іоаннь въ той же картинѣ распятія, ангелы въ картинѣ вознесенія (л. 19), Богоматерь въ благовѣщеніи (л. 201 об.) неестественно изогнуты; св. жены у гроба Господня сидятъ и жестикулируютъ; изъ подъ головныхъ покрововъ ихъ выступаютъ распущенные волосы. Миниатюристъ обильно иллюстрируетъ Ев. Матѳея (11 миниатюръ), а Ев. Марка и Іоанна оставляетъ безъ миниатюръ (одни Евангелисты), въ Ев. Луки помѣщаетъ одно благовѣщеніе. Хронологическій порядокъ текста нарушенъ въ миниатюрахъ: снятіе тѣла І. Христа съ креста предшествуетъ распятію. Въ Ев. Матѳея помѣщены, между прочимъ, изображенія срѣтенія, вознесенія и сошествія Св. Духа на апостоловъ, о чемъ нѣтъ рѣчи въ текстѣ Евангелиста. Миниатюры имѣютъ надписи вверху, обозначающія

¹⁾ По Н. П. Кондакову (стр. 250) слава Господня.

²⁾ Фотографическіе снимки съ него въ альбомѣ Севастьянова (моск. публ. музей) не удовлетворительны.

³⁾ См. ниже.

содержаніе (напр. ἡ Χθὺ γέννησις; ἀράρια φρικτὸν φρίξον ὀδε πᾶς βλέπων,) и подписи внизу поучительнаго характера (напр. Χς. βρωτοθῆεις ἐν φάτνῃ κῆτσι βρέφος). Въ этомъ Евангеліи находятся, между прочимъ, отдѣльныя изображенія символовъ Евангелистовъ, запрещенныя русскою церковію, а также тетраморфъ т. е. группа изъ 4-хъ символовъ евангелистовъ съ надписью литургическаго происхожденія: орель=ἄδοντα, вольт=βοῶντα, левъ=λάγοντα, человекъ=λέγοντα¹⁾. 4) *Никомидійское Евангеліе XIII в. въ церковно-археологическомъ музее при кievской духовной академіи.* Число миниатюръ незначительно: двѣ въ Евангеліи Матѳея, двѣ у Марка, три у Луки и 10 въ Евангеліи Іоанна. Въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ въ началѣ миниатюристъ помѣщаетъ изображенія Евангелистовъ, а въ Евангеліи Луки, сверхъ того, благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Въ концѣ Евангелія Матѳея — явленіе воскресшаго Спасителя св. женамъ (л. 92), Марка — вознесеніе Господне (л. 151), Луки — явленіе ангела св. женамъ по воскресеніи Іисуса Христа и ап. Петръ у гроба Іисуса Христа (л. 246). Въ Евангеліи Іоанна: встрѣча Іоанна Предтечи съ Спасителемъ, исцѣленіе слѣпаго и событія, начиная отъ воскрешенія Лазаря до увѣренія ап. Θомы²⁾. Въ началѣ Евангелія двѣ вводныя миниатюры: Еммануиль въ миндалевидномъ ореолѣ съ четырьмя символами Евангелистовъ и Богоматерь на тронѣ съ Младенцемъ Іисусомъ. Со стороны иконографическихъ композицій миниатюры этого кодекса стоятъ близко къ гелатскому Евангелію, какъ это доказано Н. И. Петровымъ³⁾, но по художественному стилю они ниже послѣдняго: своими длинными худощавыми, вытянутыми фигурами, на тонкихъ ножкахъ (Іоаннъ Предтеча на л. 254; ап. Петръ въ картинѣ умовенія ногъ на л. 298), стремленіемъ усилить значеніе изображаемаго лица чрезъ увеличеніе его размѣровъ (Іисусъ Христосъ въ исцѣленіи слѣпаго на л. 284), оно напоминаетъ эпоху упадка византійскаго искусства. Удачно скомпонованы двѣ группы апостоловъ въ картинѣ вознесенія, прекрасно выполненъ ликъ Еммануила съ правильными и симпатичными чертами лица, что составляетъ эхо хорошей школы, обнаруживающейся также и въ преобладаніи свѣтлаго колорита. 5) *Евангеліе университетской библіотеки въ Афинахъ XII в. (№ 6).* Въ этомъ кодексѣ замѣтно стремленіе художника къ иллюстраціи главнымъ образомъ послѣднихъ событій земной жизни Іисуса Христа. Хотя попытка эта и не проведена съ строгою послѣдовательностію, тѣмъ не менѣе она можетъ имѣть свою важность. Она стоитъ въ связи съ тѣми лицевыми страстями, которыя въ послѣдствіи получили широкое распространеніе въ западной Европѣ и Россіи. Въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя попытки къ позднѣйшимъ кодексамъ страстей—рѣшить въ настоящее время невозможно, по недостатку византійскихъ памятниковъ. Общее число миниатюръ въ афинскомъ Евангеліи простирается до 21, и три Евангелиста Маркъ, Лука и Іоаннъ. Миниатюры сдѣланы разными руками; въ началѣ до л. 194 включительно онѣ довольно крупны (шестая доля полулистовой страницы); здѣсь находятся: взятіе Іисуса Христа въ саду Геосиманскомъ, плачущія св. жены, іудеи предъ Пилатомъ, исцѣленіе слѣпаго, веденіе Іисуса Христа къ Пилату, несеніе креста, Іосифъ Аримафейскій предъ Пилатомъ, исцѣленіе прокаженнаго и разслабленнаго. Затѣмъ съ 247 л. идутъ мелкія миниатюры, напоминающія миниатюры гелатскаго Евангелія: притча о лукавомъ рабѣ, мытарь и фарисей, входъ въ Іерусалимъ, тайная вечеря, Іисусъ Христосъ предъ Пилатомъ и встрѣча Іисуса Христа съ Іоанномъ; отъ л. 297 опять болѣе крупныя миниатюры, какъ въ началѣ: бесѣда съ самарянкою, воскрешеніе Лазаря, тайная вечеря, распятіе Іисуса Христа и увѣреніе Θомы. Эти послѣднія выше по достоинству, чѣмъ въ гелатскомъ Евангеліи: кисть бойкая, краски свѣтлѣе, чѣмъ въ предыдущей группѣ, лица отдѣланы тонко, постановка фигуръ правильная, сочиненіе сюжетовъ строго обдуманное (ср. воскрешеніе Лазаря и бесѣда съ самарянкою); при каждой миниатюрѣ находятся особыя надписи. 6) *Греческое Евангеліе императорской публичной библіотеки въ С.-Петербурѣ XII—XIII в. (№ 105)*⁴⁾. Миниатюристъ довольно подробно иллюстрируетъ текстъ и помѣщаетъ въ Евангеліи Матѳея 16 миниатюръ, Марка 11, Луки 24 и Іоанна 13; сверхъ того въ началѣ Евангелій—Евангелисты (Іоаннъ поставленъ не на своемъ мѣстѣ) и бюстовыя изображенія Еммануила, какъ источника и главнаго предмета всѣхъ евангельскихъ повѣствованій. Повидимому, миниатюристъ копировалъ съ полнаго кодекса, сокращая число его миниатюръ и подробности композицій и избирая лишь нѣкоторыя миниатюры по своему усмотрѣнію; отсюда произошло то, что, при недостаточной компетенціи кописта, нѣкоторыя важныя со-

¹⁾ Ср. объясненіе патр. конст. Германа: Пис. отц. и учит. ц. относ. къ истолков. правосл. богослуж. т. I, стр. 403; Goar *Eurológion sive rituale graecorum* p. 136 (Edit. 1647).

²⁾ Сравненіе миниатюръ этого Евангелія съ миниатюрами гелатскаго Евангелія и фресками кievскаго собора въ ст. проф. Н. И. Петрова: Труды V археологич. съезда въ Тифлисъ, стр. 170—179; тамъ-же фототипическія эстампы съ двухъ миниатюръ.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Ср. Арх. Амфилохія о миниатюрахъ греч. рукоп. въ импер. публ. библ. стр. 32 и слѣд.

бытія оставлены безъ иллюстрацій и напротивъ иллюстрированы событія второстепенныя, имѣющія лишь подготовительное по отношенію къ другимъ значеніе (ср. л. 165 об: Иисусъ Христосъ посылаетъ учениковъ за ослицею; л. 169 входъ въ горницу приготовленную); нѣкоторыя сюжеты повторены. Въ Евангеліи Маттея изображены: поклоненіе волхвовъ (л. 12 об.), избіеніе младенцевъ вифлемецкихъ (л. 13); крещеніе Иисуса Христа (л. 15), исцѣленія прокаженного (л. 22), тещи Симоновой (л. 23), двухъ бѣсноватыхъ (л. 24), преображеніе (л. 40), входъ въ Іерусалимъ (л. 47), тайная Вечера (л. 60), молитва въ саду Геосиманскомъ (л. 61), предательство Іуды (л. 62), распятіе (л. 65), воскресеніе и сошествіе во адъ (л. 67), явленіе воскресшаго Спасителя св. женамъ (л. 68); въ Евангеліи Марка: исцѣленія—разслабленнаго (л. 72), сухорукаго (л. 74), кровоточивой (л. 79), преображеніе (л. 87), засохшая смоковница (л. 93), предсказаніе о разрушеніи Іерусалима (л. 97), женщина помазываетъ ноги Иисуса Христа (л. 99), Иисусъ Христосъ предъ Пилатомъ (л. 103) и вознесеніе (л. 106 об.); въ Евангеліи Луки: благовѣщеніе (л. 110), срѣтеніе (л. 114), чудесный ловъ рыбы (л. 127), исцѣленіе бѣсноватаго (л. 128), Иисусъ Христосъ благословляетъ апостоловъ (л. 129), насыщеніе народа (л. 130), преображеніе (л. 131), исцѣленія—бѣсноватаго (л. 132), страждущаго водяноюю (л. 144) и десяти прокаженныхъ (л. 150), мытарь и фарисей, (л. 162), Закхей на деревѣ (л. 164), Иисусъ Христосъ посылаетъ учениковъ за осломъ (л. 165 об.), входъ въ Іерусалимъ (л. 166), лепта вдовицы (л. 169 об.), входъ въ горницу, молитва въ саду Геосиманскомъ (л. 173), несеніе креста (л. 176), распятіе (л. 176), положеніе во гробъ (л. 178), Петръ у гроба Иисуса Христа (л. 179), благословеніе апостоловъ (л. 181), въ Евангеліи Іоанна: бракъ въ Канѣ (л. 185), бесѣда съ самаряноюю (л. 189), исцѣленіе разслабленнаго (л. 192), насыщеніе народа (л. 192 об.), шествіе Иисуса Христа по водамъ (л. 193 об.), предательство Іуды (л. 214), распятіе (л. 217), положеніе во гробъ (л. 218), явленія Иисуса Христа по воскресеніи—

ап. Ѳомъ (л. 220) и на морѣ тиверіадскомъ (л. 221) и трапеза на берегу моря (л. 222).

7) *Евангеліе національной бібліотеки въ Парижѣ XIII в. (№ 54)*. Писано въ два столбца: въ одномъ греческій текстъ, въ другомъ латинскій неполный¹⁾. Возможно предположить, что оно предназначалось для западныхъ христіанъ южной Італіи или Сициліи, придерживавшихся восточнаго обряда и греческаго языка. Первоначальное намѣреніе—украсить весь текстъ миниатюрами осталось невыполненнымъ: нѣкоторыя изъ миниатюръ намѣчены только въ контурахъ, для другихъ оставлены пустыя мѣста. Это обстоятельство по-

4. Крещеніе І. Христа. Изъ Ев. № 54.

мощаетъ уясненію тѣхъ приемовъ, какихъ держался миниатюристъ въ своей работѣ, какъ это замѣтилъ уже Бордье²⁾: сперва онъ дѣлалъ чернилами главнѣйшія очертанія цѣльной картины и намѣчалъ такимъ образомъ основную мысль ея; потомъ накладывалъ золотой фонъ изъ листочковъ золота, вѣроятно, при помощи бѣлка и крахмала; далѣе тонкою кистью съ темнубурою краскою намѣчалъ главныя части рисунка, чтобы точнѣе опредѣлить и закрѣпить идею, наконецъ переходилъ къ отдѣлкѣ подробностей. Механическое отношеніе миниатюриста къ дѣлу особенно ясно обнаруживается въ приемѣ раскраски миниатюръ: онъ бралъ сначала одну краску и раскрашивалъ ею одновременно все части картины, требовавшія, по его замыслу, этой краски, такъ что картина послѣ этой операціи представляла группу напр. однихъ красныхъ пятенъ (л. 201), а затѣмъ переходилъ къ другой краскѣ. Бордье называетъ миниатюры цѣнными и прекрасными; похвала преувеличенная: колоритъ миниатюръ напоминаетъ аоноватопедскій кодексъ; иконографическіе типы не выдержаны строго; типъ Спасителя съ каштановыми волосами и небольшою неразвоенною бородою удовлетворителенъ, но характерный типъ ап. Петра искаженъ до неузнаваемости. Въ изображеніяхъ Евангелистовъ необычайная свобода контуровъ даетъ основаніе сравнивать ихъ съ западными кодексами XIII в. Свободное отношеніе къ иконографическому преданію видно также и въ замѣнѣ ландшафта палатами въ картинѣ взятія Спасителя въ саду Геосиманскомъ (л. 38 об.), и въ фигурѣ олицетворенія моря,—женщины сидящей въ лодчкѣ. Всѣхъ миниатюръ въ Евангеліи Маттея

¹⁾ На листахъ 141—279 нѣтъ латинскаго текста.

²⁾ Descript. p. 228.

13, Марка 6, Луки 11, Иоанна 2 ¹⁾). 8) *Греческое Евангелие императорской публ. библиотеки в СПб.* (№ 118) ²⁾. Ясное указание на время написания рукописи находится в изображении колѣнопреклоненнаго мужа въ одеждах византийскаго императора съ надписью *ὁ δούλος χυ τοῦ Θεοῦ Δημήτριος Παλαιολόγος* на л. 383 об., на л. 3-мъ въ срединѣ двуглаваго орла находится монограмма Палеологовъ, а на л. 22 Михаилъ Палеологъ въ красной шляпѣ съ подписью *«βυζαντίου πόλεως Μιχαὴλ Παλαιολόγος βασιλεὺς Θεοῦ χάριτι»*. Итакъ рукопись изготовлена въ царствованіе Михаила Палеолога около 1450 г. Въ миниатюрахъ Евангелія представлены главнымъ образомъ праздники православной церкви. Выборъ этотъ объясняется тѣмъ, что къ XV столѣтію, съ умноженіемъ церковныхъ праздниковъ, возрасло въ глазахъ художниковъ и значеніе евангельскихъ событій, въ честь которыхъ установлены были особые праздники. Впрочемъ, въ началѣ Евангелія на трехъ листахъ, предшествующихъ указателю евангельскихъ чтеній, находятся изображенія притчи о сѣятелѣ (л. 1), бесѣда съ самарянкою (л. 2), укрощеніе бури (л. 3 об.) и нѣсколько миниатюръ, не относящихся къ тексту Евангелія, въ томъ числѣ импер. Константинъ и Елена ³⁾, съ крестомъ среди нихъ. Рядовыя миниатюры въ Евангеліи Матвѣя начинаются съ благовѣщенія (л. 21), что указываетъ на свободное отношеніе миниатюриста къ тексту; за нимъ рождество Христово (л. 21 об.), срѣтеніе (л. 22 об.), крещеніе Иисуса Христа (л. 23), преображеніе (л. 122 об.), воскрешеніе Лазаря (л. 124 об.) ⁴⁾ и входъ въ Иерусалимъ (л. 125); въ Евангеліи Марка распятіе (л. 190 об.), сошествіе во адъ (л. 193 об.) и вознесеніе Иисуса Христа на небо (л. 194); въ Евангеліи Луки сошествіе Св. Духа на апостоловъ (л. 300), усненіе Богоматери (л. 301); въ Евангеліи Иоанна тайная вечеря (л. 384) и умовеніе ногъ (л. 384 об.). Очевидно, миниатюристъ выбираетъ изъ Евангелія очень немного, располагаетъ событія въ хронологическомъ порядкѣ и вноситъ сюда изображенія, не относящіяся прямо къ Евангелію; таково усненіе Богоматери, которое вмѣстѣ съ изображеніями Палеологовъ, даетъ поводъ предполагать, что рукопись идетъ или изъ Константинополя, или съ Аѳона. Мнѣніе Мюральта, что большая часть миниатюръ (кромѣ Евангелистовъ и Димитрія Палеолога) сдѣлана въ Италіи, заключаетъ въ себѣ только ту несомнѣнно вѣрную сторону, что въ нихъ сказывается вліяніе западной школы, именно въ ландшафтныхъ сценахъ, воздушной перспективѣ и кое-какихъ подробностяхъ иконографическихъ; но общій характеръ композицій и греческія подписи (*ἄγιος*) скорѣе даютъ поводъ думать, что миниатюры исполнены грекомъ, знакомымъ съ западною живописью.

III. Въ ряду полныхъ греческихъ лицевыхъ Евангелій первое мѣсто должно быть отведено 1) *Евангелію національной библиотеки въ Парижѣ XI в.* (№ 74). По полнотѣ иконографическаго матеріала, сохранности, свѣжести красокъ и иконописной красотѣ,—это лучшее изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ византийскихъ лицевыхъ Евангелій. Этими достоинствами вознаграждается отчасти замѣтная скудость изображенія, анатомическія погрѣшности и неправильность въ постановкѣ нѣкоторыхъ фигуръ ⁵⁾. Миниатюры его исчерпываютъ не только важнѣйшія событія Евангелія, но и подробности бесѣдъ, поученій, притчей и подобій. Шагъ за шагомъ слѣдитъ художникъ за текстомъ Евангелія, переводя въ миниатюру этотъ текстъ иногда со всѣми мельчайшими подробностями. Здѣсь мы видимъ напр. какъ Спаситель помазываетъ очи слѣпца брвеніемъ, какъ проводникъ ведетъ этого слѣпца къ силоамской купели,—слѣпецъ приходитъ къ купели, умывается и возвращается исцѣленный, рассказываетъ народу о своемъ исцѣленіи, призываются родители слѣпца для объясненій, сюда приходитъ опять самъ исцѣленный, народъ прогоняетъ его и онъ преклоняется предъ Иисусомъ Христомъ (л. 186—187 об.). Всѣ эти подробности евангельскаго разсказа выражены въ отдѣльныхъ мелкихъ миниатюрахъ. ⁶⁾ Характеръ поученій, притчей, съ ихъ многочисленными отбѣнками особенно осложнялъ работу миниатюриста: мы видимъ здѣсь напр. какъ сѣятель разбрасываетъ зерна, какъ зерна эти произрастали—одни на каменистой почвѣ, другія среди терній, иныя выклеваются птицами, иныя созрѣли на прекрасной почвѣ; жнецъ срѣзываетъ тучные колосья (л. 70). Отдѣльное изображеніе Спасителя на тронѣ, поучающаго апостоловъ, означаетъ, что всѣ эти подробности выражаютъ не историческій фактъ, но лишь приточный разсказъ. Въ столь же подробныхъ чертахъ представлена притча о блудномъ сынѣ (л. 143), исцѣленіе бѣсноватаго (л. 83) и др. Общая сумма миниатюръ простирается въ

¹⁾ Опис. у Бордье 228—231; ср. цит. соч. Н. П. Кондакова (стр. 245), гдѣ притча о званыхъ на пиръ истолкована въ смыслѣ притчи о плевелахъ и самая миниатюра описана не вполне точно.

²⁾ Ср. цит. соч. арх. Амфилохія стр. 54 и слѣд.

³⁾ По Мюральту Ирина (Catal.).

⁴⁾ Миниатюра должна бы была находиться въ Евангеліи Иоанна.

⁵⁾ Ср. Waagen Kunstwerke u. Künstler in Paris S. 226—227. Н. П. Кондаковъ Истор. виз. иск. 237—240. Bordier Descr. 133—136. Нѣкоторые рисунки у Лябарта (Hist. des arts), Пого де Флери (L'Evangile) и Гримуара (Guide de l'art chr.).

⁶⁾ Фигуры около 3-хъ савтиметровъ въ высоту.

Евангелии Матѳея до 99, Марка 67, Луки 97, Иоанна 86¹⁾). Относясь съ такимъ подобострастіемъ къ тексту и ставя буквализмъ въ числѣ основныхъ требованій евангельской иконографіи, художникъ по необходимости долженъ былъ допускать повторенія темъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ у разныхъ Евангелистовъ рассказы объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ. Такія повторенія у него не рѣдки, но повторенныя миниатюры не вполне тождественны и допускаютъ отгѣнки, соотвѣтственно особенностямъ въ рассказахъ Евангелистовъ. Нѣтъ здѣсь даже двухъ вполне тождественныхъ миниатюръ. Но обнаруживая въ этомъ случаѣ осмысленное, не механическое отношеніе къ дѣлу, миниатюристъ на многочисленныхъ примѣрахъ показалъ, что онъ копируетъ съ готоваго образца и не вполне ясно разумѣетъ значеніе древнихъ иконографическихъ подробностей; таково напр. значеніе нимба. Мы имѣемъ полное основаніе думать, что въ древнѣйшихъ лицевыхъ Евангелияхъ апостолы въ изображеніяхъ событій земной жизни Иисуса Христа представлялись безъ нимбовъ, и только въ событіяхъ ихъ жизни, начиная отъ сошествія Святаго Духа, имъ усвоились уже нимбы, какъ внѣшній признакъ сообщенныхъ имъ благодатныхъ даровъ и полномочій. Для примѣра укажемъ на Евангелия—россанское, сирское Раввулы и трапезундское импер. публ. библ. въ СПБ. (№ 21). Миниатюристъ же разсматриваемаго кодекса употребляетъ нимбъ безъ опредѣленнаго порядка: одни и тѣже лица въ очень сходныхъ положеніяхъ являются здѣсь то въ нимбахъ, то безъ оныхъ; въ одной и той же группѣ апостоловъ—одни въ нимбахъ, другіе безъ нихъ (л. 124 об.); въ изображеніи снятіи тѣла Иисуса Христа съ креста спутница Богоматери въ нимбѣ, а любимый ученикъ Христовъ безъ нимба (л. 208 об.); въ одномъ изъ изображеній распятія таже спутница уже безъ нимба. Непослѣдовательность эта даетъ видѣть, что древнее возрѣніе на значеніе нимба не имѣло особенной важности въ глазахъ нашего миниатюриста. Впрочемъ, онъ удержалъ отголосокъ этого преданія въ нимбѣ Ирода (л. 4). Преданія античной древности проходятъ слабою струею въ миниатюрахъ: миниатюристъ съ достаточною реальностію изображаетъ палаты съ античнымъ портикомъ въ картинѣ воскрешенія дочери архонта (л. 17 об.), античный бассейнъ въ картинѣ благовѣщенія Пресв. Богородицы (л. 105 об. ср. л. 176), украшаетъ дворецъ Ирода античною статуэткою (л. 28 об. ср. л. 135), вноситъ въ миниатюру олицетворенія вѣтра, Иордана, видоизмѣняя послѣднее въ форму мальчика (л. 64 об.); это послѣднее показываетъ, что олицетвореніе Иордана было темно для нашего кописта; неясны также, повидимому, и нѣкоторыя подробности сложной картины распятія (л. 59). На ряду съ элементами античными въ миниатюрахъ проходятъ нѣкоторыя подробности заимствованныя изъ византійскаго быта, напр. костюмы, плакальщицы въ видѣ женщинъ съ распущенными волосами въ картинѣ воскрешенія сына наинской вдовы (л. 121). Но въ цѣломъ и общемъ миниатюристъ придерживается древнихъ преданій византійской иконографіи и твердо помнитъ, что его дѣло должно имѣть своею первоосновою евангельскій текстъ. Нельзя отрицать того, что онъ могъ знать нѣкоторыя изъ преданій, имѣющихъ темное происхожденіе и относимыхъ къ категоріи источниковъ апокрифическихъ, но трудно и согласиться съ извѣстнымъ специалистомъ по исторіи византійской миниатюры, будто миниатюристъ, подробно излагая исторію благовѣщенія и рождества Христова, безъ разбора пользуется всѣми ходячими апокрифами²⁾. Благовѣщеніе представлено здѣсь лишь въ одномъ моментѣ «у источника», и подробнаго развитія темъ, предлагаемыхъ апокрифами, нѣтъ. Болѣе подробно представлено рождество Христово въ Ев. Матѳея и Луки, но и здѣсь мы не находимъ неразборчиваго пользованія апокрифами. Миниатюристъ копируетъ съ готовыхъ образцовъ и повторяетъ тѣ формы, которыя уже давно приняты были въ художественной практикѣ. Благовѣщеніе у источника извѣстно по памятникамъ V—VI в.; повторяемая миниатюристомъ подробности рождества Христова встрѣчаются въ древне-христіанской скульптурѣ. Есть у него и въ другихъ миниатюрахъ элементы, имѣющіе связь съ апокрифическими преданіями; но эти элементы, въ общемъ составѣ миниатюръ, занимаютъ не видное мѣсто и не проникаютъ въ глубь иллюстрацій. Цѣлое пострадало бы не очень много, если бы мы отбросили въ сторону эти традиціонные элементы. Съ этой стороны разсматриваемый кодексъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ извѣстными гомиліями Іакова, мозаиками константинопольскаго храма Спасителя, и съ скульптурою равенской каедры Максиміана. Главнѣйшія иконографическія формы его миниатюръ находятъ свое объясненіе въ текстѣ Евангелия.

2) Образецъ той же самой редакціи представляетъ *славянское Евангеліе Покровской единобръческой церкви въ г. Елисаветградѣ*. Правописаніе кодекса болгарское; древность — не ранѣе XIV в.; такъ какъ

¹⁾ Бордье, раздѣляя нѣкоторыя миниатюры на двѣ части, предлагаетъ другой счетъ: 110, 67, 103 и 95. Bordier p. 136.

²⁾ Н. П. Кондаковъ Истор. виз. иск. 238. Кстати исправимъ ошибку, которая дала автору поводъ упрекать миниатюриста въ иконописномъ безобразіи: это предполагаемое изображеніе Иисуса Христа съ метлою, отыскивающаго пропавшую драхму (ц. соч. стр. 139 и 239). Изображеніе это находится на листѣ 142 об.; но это не Иисусъ Христосъ съ метлою, а женщина, потерявшая драхму, какъ слѣдуетъ и по евангельскому тексту (Луки XV, 8—9).

въ синаксарѣ, приложенномъ къ Евангелію, находятся имена сербскихъ святыхъ — Симеона Новаго и архіепископа Саввы (XIII в.) ¹⁾. Писано превосходнымъ уставомъ XIV—XV в. на пергаментѣ, въ листъ. Общій характеръ миниатюръ тотъ же самый, что и въ парижскомъ Евангеліи № 74: та же полнота иконографическаго содержанія, тѣ же композиціи, отчасти тѣ же ошибки и недоразумѣнія. Прилагаемъ для сравненія нѣсколько изображеній, относящихся къ послѣднимъ днямъ жизни І. Предтечи, заимствованныхъ изъ того и другаго кодекса. Отличія елисаветгр. Евангелія отъ парижскаго имѣютъ характеръ детальный. Въ началѣ Евангелія Матѳея въ виньеткѣ, въ пяти медальонахъ вокругъ Евангелиста Матѳея, представлены Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ со свитками въ рукахъ и два херувима; въ парижскомъ Евангеліи вмѣсто Авраама изображенъ Ветхій деньми—Спаситель въ образѣ старца, въ туникѣ и иматіи, со свиткомъ, съ надписью: *ὁ παλαιός ἡμερών*. Близкое сходство этого изображенія Авраама съ изображеніями Исаака и Иакова въ елисаветгр. Евангеліи даетъ основаніе думать, что его миниатюристъ разумѣлъ здѣсь именно Авраама, а не Ветхаго деньми; вѣроятно фигура оригинала, съ котораго онъ копировалъ, не имѣла подписи, находящейся налицо въ парижскомъ кодексѣ; а что миниатюристъ парижскаго кодекса вѣрно передалъ въ надписи значеніе этой фигуры, признавъ ее именно за Спасителя, а не Авраама, это подтверждается повтореніемъ изображеній того же Спасителя въ разныхъ видахъ на соответствующихъ мѣстахъ виньетокъ всѣхъ другихъ Евангелистовъ, какъ въ парижскомъ ко-

5. Париж. Ев. № 74.

6. Елисаветгр. Ев.

дексѣ, такъ и въ елисаветградскомъ. Въ той же виньеткѣ внизу Евангелистъ Матѳея стоитъ предъ неизвѣстнымъ лицомъ, одѣтымъ въ одежды византійскаго императора; а въ Евангеліи парижскомъ, изображеніе императора замѣнено изображеніемъ киригумена и помѣщено въ концѣ Еванг. Матѳея. Это послѣднее различіе даетъ поводъ думать, что парижское Евангеліе имѣетъ монастырское происхожденіе и назначеніе, елисаветградское же, или по крайней мѣрѣ оригиналъ его, предназначалось для поднесенія государю. Общій составъ миниатюръ въ томъ и другомъ Евангеліи одинаковъ. Въ елисаветградскомъ Евангеліи пропущено лишь нѣсколько миниатюръ, имѣющихъ второстепенное значеніе, именно въ Евангеліи Матѳея: шествіе І. Христа и апостоловъ на гору Елеонскую (пар. Е. л. 53 об.) и приведеніе І. Христа на судъ къ первосвященнику (пар. Ев. л. 56 об.), третье изображеніе распятія (пар. Ев. л. 59 об.); въ Евангеліи Марка нѣтъ втораго оображенія молитвы І. Христа въ саду Геосиманскомъ, сошествія І. Христа во адъ; въ Евангеліи Луки нѣтъ трехъ изображеній, относящихся къ Лук. VI, 20 и слѣд.; IX, 48 и 52—53; воскрешенія сына вдовы наинской (Лук. VII, 11 и слѣд.), бесѣды І. Христа съ законникомъ (X, 25), обличенія фарисеевъ (XI, 42), указанія на птицъ, которыя не сѣютъ, ни жнутъ (XII, 24), на дидрахму (XV, 8—9); въ Евангеліи Іоанна нѣтъ втораго изображенія ученія І. Христа о хлѣбѣ животномъ (гл. VI). Всѣ эти опущенія не наносятъ рѣшительно никакого ущерба цѣлому: почти всѣ опущен-

¹⁾ Еп. Сергій Агіологія II, стр. 11, 38, 53.

ныя миниатюры принадлежатъ къ числу тѣхъ композицій, которыя повторяются въ кодексѣ неоднократно, слѣдовательно и не представляютъ особаго интереса. Остальныя миниатюры въ томъ и другомъ кодексѣ вполне соотвѣтственны. Отличія въ подробностяхъ изображеній незначительны; такъ напр. въ изображеніи рождества Христова (въ Ев. Матѳея) миниатюристъ елисаветгр. Евангелія опускаетъ пещеру, лучи идущіе отъ руки ангела, фигуру козлика; въ крещеніи — опускаетъ вѣтку въ клювъ голубя — Св. Духа, звѣзду, руку Бога Отца и крестъ въ водѣ; изображеніе вознесенія Господня дополнено двумя ангелами; Богоматерь поставлена въ срединѣ между двумя группами апостоловъ, а ореолу Спасителя сообщенъ видъ разноцвѣтной сферы; въ изображеніи «всякъ иже исповѣсть мя предъ чловѣки» вмѣсто статуи вооруженнаго воина (императоръ?), предъ которою курится оміамъ, поставлена статуя идола обнаженнаго безъ оміама. Но если и эти отличія не существенны, то въ другихъ изображеніяхъ они еще меньше замѣтны. Въ цѣломъ, фигуры въ елисаветгр. Евангелии крупнѣе, чѣмъ въ парижскомъ; средняя ихъ величина около 1 вершка; въ иныхъ мѣстахъ—нѣсколько больше, въ иныхъ меньше. Античный элементъ въ елисаветгр. Евангелии слабѣе, чѣмъ въ парижскомъ: въ воскрешеніи дочери архонта (Мѳ. IX, 25) миниатюристъ замѣняетъ античный портикъ шаблонными палатами, обычными въ византійской иконографіи, въ исторіи I. Предтечи опускаетъ статуэтку на балдахинѣ дворца Ирода, древній столъ—сигма

7. Париж. Ев. № 54.

8. Елисаветград. Ев.

всюду замѣненъ овальнымъ. Онъ не допускаетъ непокрытой головы и распущенныхъ волосъ въ фигурѣ женщины, олицетворяющей Египетъ (бѣгство въ Египетъ) и прикрываетъ ее покровомъ; одѣваетъ также въ красную тунику обнаженную фигуру Иордана (крещ. I. Христа). По мѣстамъ видно стремленіе сообразовать миниатюру съ текстомъ Евангелія въ большей степени, чѣмъ въ парижскомъ Евангелии: изображая чудо 2-го насыщенія народа (Марк. VIII), миниатюристъ пишетъ 7 хлѣбовъ, согласно съ евангельскимъ рассказомъ (ст. 5), между тѣмъ какъ въ парижскомъ Евангелии только 5, какъ въ первомъ насыщеніи; въ картинѣ преображенія I. Христосъ сходитъ съ горы въ сопровожденіи трехъ апостоловъ, а не двухъ, какъ въ парижскомъ Евангелии; въ прощальной бесѣдѣ возлѣ трона I. Христа только 11 апостоловъ, а не 12, какъ въ парижскомъ Евангелии; изъ прободеннаго ребра раздѣльно истекаютъ кровь и вода. Но нельзя сказать, что миниатюристъ всегда и вездѣ удовлетворяетъ требованіямъ исторической точности: въ картину погребенія Іоанна Предтечи онъ вводитъ епископа въ крестчатой фелони, съ кадиломъ въ рукахъ; нѣкоторыя постройки Іерусалима (входъ I. Христа во Іерусалимъ въ Евангелии Луки) напоминаютъ своими верхушками турецкіе минареты; одръ разслабленнаго (Ев. Іоанна), представленнаго въ двухъ, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ, моментахъ (лежитъ и несетъ одръ), имѣетъ разные цвѣта; I. Христосъ въ картинѣ несенія креста (Ев. Іоанна) одѣтъ въ багряную тунику; между

тѣмъ въ другой картинѣ раздѣленія одеждъ І. Христа та же туника имѣетъ цвѣтъ голубой съ золотою шраффировкой. Подобная же непоследовательность замѣтна и въ примѣненіи нимба. Явленія этого рода слишкомъ обыкновенны въ византійской иконографіи. Какъ размѣры фигуръ, такъ и колоритъ миниатюръ не отличаются строгимъ однообразіемъ. Преобладающіе цвѣта красный, голубой, зеленый и темножелтый; золото—въ нимбахъ и шраффировкѣ. Въ однихъ изъ миниатюръ глубокіе, въ другихъ нѣжные тоны: замѣтно во 2-й половинѣ кодекса употребленіе пурпуровой краски, чего нѣтъ въ 1-й. Впрочемъ манера письма не представляетъ существенно важныхъ различій. Условность изображеній замѣтна въ большей степени, чѣмъ въ парижскомъ Евангеліи; нѣтъ иногда правильности въ постановкѣ фигуръ; тонкія длинныя ноги не могутъ сдерживать тѣла; обнаженныя тѣла схематичны и не вездѣ правильны; глаза въ видѣ точекъ; носъ, губы и брови въ видѣ тонкихъ линій; лица оживлены довольно яркимъ румянцемъ, сдѣланнымъ мазками: румянецъ этотъ выступаетъ даже на щекахъ не только бѣсноватыхъ, хромыхъ, скорченныхъ, но и аскета І. Предтечи и Спасителя распятаго на крестѣ; отсюда ясно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о строго выдержанныхъ типахъ; не отличается строгою опредѣленностію даже типъ самого І. Христа. Превосходно сдѣланныя и проложенныя золотомъ одежды напоминаютъ лучшіе образцы византійскихъ перегородчатыхъ эмалей. Формы одеждъ, за немногими исключеніями, тѣ же, что и въ другихъ памятникахъ византійскихъ. Тождество иконографическаго содержанія въ цѣломъ и почти полное сходство композицій въ двухъ Евангеліяхъ парижскомъ и елисаветградскомъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь двухъ представителей одной и той же редакціи; въ то же время показанное различіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ не позволяетъ признать елисаветградское Ев. копіею съ парижскаго. Если предположимъ, что миниатюристъ елисаветградскаго Ев., имѣя подъ руками парижскій кодексъ, относился къ его миниатюрамъ критически, исправлялъ ихъ, т. е. признаемъ его художникомъ въ широкомъ объемѣ этого понятія, то будетъ непонятно, какимъ образомъ этотъ художникъ, измѣняя нѣкоторыя подробности къ лучшему, допустилъ напр. юношескій типъ Спасителя въ изображеніи ученія о блаженствахъ, между тѣмъ какъ въ данномъ моментѣ правильнѣе было ввести типъ зрѣлаго мужа; античная форма могла быть здѣсь измѣнена легко и последовательно съ точки зрѣнія миниатюриста XIV—XV в. Далѣе, почему не уничтожилъ онъ нимба на одномъ изъ воиновъ въ картинѣ раздѣленія одежды Іисуса Христа? Почему, преслѣдуя цѣли точности и опредѣленности, не провелъ различія между іереями и царями въ изображеніи родословія Іисуса Христа по Ев. Луки и такимъ образомъ исполнилъ миниатюру хуже, чѣмъ миниатюристъ парижскаго кодекса, хотя имѣлъ полную возможность избѣжать этого недостатка? Почему, изображая во 2-й разъ исцѣленіе прокаженнаго (Ев. Марка) въ тотъ моментъ, когда онъ былъ уже очищенъ отъ проказы, онъ все-таки покрылъ изображеніе его проказою, между тѣмъ какъ миниатюристъ парижскаго кодекса не допустилъ этой неточности? Представляется странною та непоследовательность, съ которою миниатюристъ елисаветградскаго Ев. то удачно исправляетъ миниатюры парижскаго кодекса, то совсѣмъ неудачно портитъ ихъ. Такое отношеніе къ дѣлу обличаетъ въ немъ простаго кописта, мало знакомаго притомъ съ греческимъ языкомъ, какъ это видно изъ надписи при изображеніи Св. Троицы въ началѣ Ев. Іоанна: *патір іо пнеамти*; а если онъ былъ копистомъ, мало подготовленнымъ къ самостоятельной работѣ мысли и искусства, то ясно, что и отмѣченныя выше исправленія не могутъ быть приписаны ему, и слѣдовательно нельзя думать, что у него былъ подъ руками парижскій кодексъ, который былъ имъ исправленъ. Онъ копировалъ съ другаго оригинала, по мѣстамъ болѣе исправнаго, чѣмъ пар. Ев., и вѣроятно самъ допускалъ нѣкоторыя ошибки. Первоначальный кодексъ этой редакціи, по видимому, долженъ былъ явиться ранѣе пар. Евангелія. Кодексъ этотъ доселѣ неизвѣстенъ, но въ кодексѣ парижскомъ находятся нѣкоторые признаки его существованія. Не говоря уже объ античной струѣ, проходящей во многихъ миниатюрахъ и болѣе свойственной памятникамъ древнѣйшимъ, укажемъ на изображеніе входа І. Христа въ Іерусалимъ, гдѣ помѣщено, между прочимъ, озеро, въ которое вливается потокъ, берущій свое начало вверху картины въ карнизѣ башни; на берегу озера двое дѣтей (тоже и въ елисаветгр. Евангеліи): подробность эта, совершенно непонятная и неизвѣстная по другимъ византійскимъ памятникамъ, вѣроятно, скопирована съ готоваго образца, гдѣ она имѣла болѣе ясныя формы и опредѣленный смыслъ, утраченный въ копіяхъ и, быть можетъ, генезисъ ея скрывается въ скульптурѣ древнихъ саркафаговъ, гдѣ въ подобной формѣ является Іорданъ (см. ниже о крещ. І. Христа); равнымъ образомъ, изображая въ картинѣ распятія І. Христа (въ Евангеліи Маттея) олицетвореніе церкви, миниатюристъ представилъ послѣднее въ обликѣ Іоанна Богослова едва ли не по недоразумѣнію; въ елисаветгр. Евангеліи вмѣсто фигуры Іоанна стоитъ фигура женщины. Не ясно понималъ миниатюристъ парижскаго Евангелія также и другія античныя олицетворенія напр. вѣтра въ изображеніи укрощенія бури, Іордава въ картинѣ крещенія

I. Христа. Это заставляет предполагать, что пар. Евангелие есть копия съ древнѣйшаго утраченнаго оригинала, отъ котораго ведетъ свое начало и кодексъ елисаветградскій. 3. *Евангелие гелатскаго монастыря XII в.*: языкъ Евангелія грузинскій, но миниатюры греческія, съ греческими подписями. Въ иллюстраціяхъ его проходитъ та же общая редакція, что и въ парижскомъ и елисаветградскомъ. Но между ними нельзя не замѣтить и значительныхъ различій. Начнемъ съ того, что иллюстраціи гелатскаго кодекса не столь многочисленны, какъ парижскаго (246×350¹); миниатюристъ передаетъ главнымъ образомъ фактическую сторону Евангелій, особенно чудеса и лишь изрѣдка выражаетъ въ традиціонныхъ формахъ ученіе, притчи. Въ композиціяхъ его также не мало отличій отъ парижскаго; послѣдній шире и смѣлѣе развиваетъ иконографическія темы, колоритъ его нѣжнѣе, чѣмъ въ гелатскомъ. Все это не позволяетъ принять мнѣніе проф. Кондакова, что обѣ рукописи изготовлены съ одного оригинала и въ одно время²). Оригиналы ихъ разные, и такъ какъ въ гелатскомъ кодексѣ шаблонныхъ изображеній и увлеченій второстепенными подробностями гораздо меньше, чѣмъ въ парижскомъ, то мы полагаемъ бы возможнымъ признать его оригиналъ болѣе древнимъ. Предположеніе объ изготовленіи обѣихъ рукописей на Аѳонѣ заслуживаетъ вѣроятія. По крайней мѣрѣ въ кодексѣ парижскомъ находится вѣрный признакъ его монастырскаго происхожденія; это трехкратное изображеніе киръ—игумена (*ὁ κυριόγυμνος*): въ концѣ Ев. Матѳея киръ—игуменъ въ золотомъ нимбѣ, черной шапочкѣ (?), черной туникѣ и темнокоричневой мантии принимаетъ книгу отъ Евангелиста Матѳея; въ концѣ Ев. Марка и Іоанна киръ—игуменъ бесѣдуетъ съ Евангелистами³). Такое высокое положеніе игумена означаетъ то, что ему даровано свыше уразумѣть духъ Евангелія и поучать

9. Укрощеніе бури. Изъ гелат. Ев.

другихъ,—что онъ продолжаетъ дѣло Евангелистовъ; подобная ассоціація мыслей и сосредоточеніе высокихъ полномочій на личности игумена, при существованіи официальнаго преемства высшей іерархіи въ лицѣ патриарховъ и епископовъ, могла родиться легче всего въ умѣ монаха. Миниатюристъ парижскаго кодекса былъ монахъ. Миниатюры гелатскаго кодекса также могли быть изготовлены въ одномъ изъ монастырей греческихъ или грузинскихъ, гдѣ процвѣтало въ ту пору производство миниатюры, какъ напр. на Аѳонѣ. Общій составъ иконографическихъ сюжетовъ является въ гелатскомъ Евангеліи уже вполне установившимся. Не говоря объ изображеніяхъ важнѣйшихъ событій изъ жизни Спасителя, положенныхъ въ основу праздниковъ христіанской церкви, даже факты и событія Евангелія, не столь обычные въ памятникахъ изобразительнаго искусства, сведены здѣсь къ опредѣленнымъ формамъ. Процессъ свободнаго творчества уступаетъ мѣсто подражательности и копированію. Миниатюристъ старается восполнить недостатокъ творчества тщательностію и разнообразіемъ раскраски одеждъ, незначительными фізіономическими отгѣнками и видоизмѣненіями въ позахъ дѣйствующихъ лицъ. Обстановка имѣетъ характеръ условный: палаты и деревья повторяются съ замѣчательнымъ однообразіемъ; главное вниманіе обращено на то, чтобы передать зрителю мысль о внутреннемъ величіи изображаемыхъ дѣйствій, а не о внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ они совершились. Въ деталяхъ можно встрѣтить и отдаленную связь съ искусствомъ античнымъ, и нѣкоторыя особенности личнаго умѣнья и вкуса миниатюристовъ⁴). Особый отгѣнокъ иллюстраціи этого Евангелія сообщаютъ превосходныя миниатюрныя изображенія изъ ветхаго завѣта, находящіяся надъ заставками канонныхъ въ началѣ рукописи: жертвоприношеніе Авраама (л. 5 об.), купина Моисея (л. 6), прор. Исаія (л. 6 об.), Іеремія (л. 7), Іезекіиль (л. 7 об.), Даніиль (л. 8), Давидъ (л. 8 об.), Соломонъ (л. 9), І. Златоустъ (л. 9 об.) и деисисъ (л. 10). Всѣ изображенія чрезвычайно мелкія, въ медальонахъ, діаметръ ко-

¹) Иной счетъ въ Истор. визант. иск., стр. 240.

²) Тамъ же.

³) У Бордье не точно сказано: принимаетъ книгу (р. 136).

⁴) Подробности въ нашей ст. о миниатюрахъ гелатскаго Евангелія. Записки отдѣл. русск. и слав. археол. импер. русск. археол. общ., т. IV.

торыхъ не превышаетъ двухъ сантиметровъ; тѣмъ не менѣе они вполне отчетливы и отличаются чистотою и гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Вводя сюда эти изображенія, миниатюристъ имѣлъ въ виду отмѣтить тѣсную связь новаго завѣта съ ветхимъ: пріемъ, получившій свое начало еще въ періодъ древне-христіанскій и проходящій во многихъ лицевыхъ рукописяхъ греческихъ и славянскихъ, особенно въ лицевыхъ псалтиряхъ¹⁾.

4. *Греческое Евангеліе лаврентіевской бібліотеки во Флоренціи XII в.* (Pluteus VI, codex 23 in 4°). Ни свѣжесть красокъ, ни хорошая сохранность кодекса не вознаграждаютъ художественныхъ недостатковъ его миниатюръ. Фигуры маленькія, неподвижныя; отдѣлка тщательная, колоритъ напоминаетъ миниатюры гелатскаго Евангелія. Въ 288 миниатюрахъ (120+52+83+33) передано содержаніе Евангелія, часто съ буквальною точностію. Редакціонное сходство его съ предыдущими кодексами несомнѣнно; но онъ имѣетъ и отличія. Уменьшая фигуры и объемъ картинъ, миниатюристъ достигаетъ замѣчательной полноты въ передачѣ текста. Достаточно обратить вниманіе напр. на то, что параллельно съ краткимъ евангельскимъ рассказомъ о поклоненіи волхвовъ, на одной страницѣ изображеніе волхвовъ повторено четыре раза (л. 6 об.); притча о плевелахъ представлена въ пяти моментахъ (л. 27), преображеніе Господне въ трехъ моментахъ, какъ въ пантелеймоновскомъ Евангеліи и во многихъ памятникахъ позднѣйшихъ. Наклонность къ темамъ, заимствованнымъ изъ евангельскихъ притчей и рѣчей І. Христа, составляетъ одну изъ важныхъ особенностей миниатюриста. Буквализмъ его въ этихъ изображеніяхъ, равно какъ и въ изображеніи конкретныхъ фактовъ Евангелія, доходитъ до крайностей. Передавая слова Спасителя «*лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда*», миниатюристъ изображаетъ гору съ тремя порами, изъ которыхъ выглядываютъ головки трехъ лисицъ; на горѣ дерево съ сидящими на немъ птицами (л. 15 об.). Птица и яйца въ гнѣздѣ (л. 48 об.) иллюстрируютъ слова Ев. Матѳея XXIII, 37; больной опускающій свою голову то въ огонь, то въ воду (л. 35 об.), указываетъ на извѣстное чудо исцѣленія лунатика (Матѳея XVII, 15); лисица предъ І. Христомъ (л. 138) означаетъ Ирода, уподобленнаго ей Спасителемъ (Лук. XIII, 32)²⁾. Изъ того же чрезмѣрнаго усилія сохранить букву Евангелія объясняется то, что миниатюристъ провелъ въ миниатюрѣ различіе между шествіемъ І. Христа въ Іерусалимъ (Іоанна XII, 12—13) и въѣздомъ на ослѣ (Іоанна XII, 14), опустивъ изъ вида логическую связь евангельскаго рассказа. Механическое отношеніе къ дѣлу видно также въ изображеніи Іоанна Богослова (л. 119 об.) вмѣсто Іоанны жены Хузы (Луки VIII, 3); Логинъ сотникъ въ картинѣ распятія (л. 162 об.) обращаетъ взоры къ разбойнику, но не къ І. Христу; въ картинѣ испрошенія тѣла І. Христа является предъ Пилатомъ вмѣсто Іосифа аримаѳейскаго Іоаннъ Богословъ: очевидно, миниатюристъ или погрѣшилъ противъ евангельскаго рассказа, или же не могъ отличить иконографическіе типы Іоанна Богослова и Іосифа, что въ равной мѣрѣ странно. Въ виду такого отношенія къ дѣлу, неудивительно, что миниатюристъ развернулъ въ Ев. Луки (л. 104—105) апокрифическій рассказъ о двухъ повитухахъ, бывшихъ при рожденіи Іисуса Христа, до такихъ подробностей, какихъ нѣтъ въ византійскихъ памятникахъ, въ картинѣ тайной вечери усвоилъ нимбы только Іисусу Христу и одному ап. Петру, чѣмъ усилилъ тенденціозное мнѣніе о первенствѣ ап. Петра³⁾, а лицо Іуды замазалъ киноварью для указанія, вѣроятно, на его кровавые замыслы, какъ это дѣлали нерѣдко позднѣйшіе греческіе художники XVII—XVIII в. Однако, не смотря на всѣ недостатки, Евангеліе это представляетъ археологическій интересъ: съ нашей точки зрѣнія оно важно потому, что даетъ нѣсколько иконографическихъ вариантовъ, единственныхъ, или повторяющихся только въ позднѣйшихъ памятникахъ иконографіи. 5—6) *Два греческихъ Евангелія національной бібліотеки въ Парижѣ XI и XII вв.* (№№ 115, supplém. gr. 914). Миниатюры сильно повреждены и потому оцѣнка ихъ слишкомъ затруднительна. Въ Ев. № 914 погибли почти всѣ миниатюры, начиная отъ Ев. Луки. Уцѣлѣвшая часть ихъ показываетъ тоже стремленіе къ подробности, что и въ флорентинскомъ кодексѣ, и подражаніе готовымъ образцамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ приняты нами въ соображеніе ниже. Здѣсь же необходимо исправить ошибки Бордые, который, описывая эту рукопись, усмотрѣлъ въ ея миниатюрахъ нѣкоторыя оригинальныя особенности. Въ виньеткѣ 1-го листа представлены три лица: въ срединѣ Давидъ (*δ̄ προσφῆτης Δ....δ̄*), въ византійской діадимѣ, съ развернутымъ свиткомъ, въ которомъ написано: *ἄκουσον εὐαγγεῖον*, направо старецъ Авраамъ (*....ος Α.... αμ*); фигура съ лѣ-

¹⁾ Мы не имѣли возможности ознакомиться съ грузинскими Евангеліями джручскимъ XII в. и мовсенскимъ 1300 г. Краткія свѣдѣнія о нихъ: Н. П. Кондаковъ *письм. пам. Одревн. въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи* стр. 51, 76—77. (СПб. 1890).

²⁾ Вѣроятно, эту миниатюру имѣетъ въ виду Н. П. Кондаковъ, когда говоритъ: «предъ Христомъ съ учениками волкъ хищный». *Истор. виз. иск.* 243.

³⁾ Евангеліе это назначалось для православныхъ грековъ; было также и въ рукахъ грузинъ, что видно изъ двухъ грузинскихъ замѣтокъ на л. 27.

вой стороны сильно повреждена. Предполагая, что это — фигура женская и относя къ ней слова въ свиткѣ Давида—*слуши дщи*, Бордье призналъ въ ней одну изъ варварскихъ принцессъ, бывшихъ на византійскомъ тронѣ ¹⁾. Было бы правдоподобнѣе и логичнѣе видѣть здѣсь Богоматерь, такъ какъ изображеніе Давида съ точно такимъ же свиткомъ, съ такими же словами обычно повторяется въ картинѣ благовѣщенія въ греческихъ стѣнописяхъ и на царскихъ вратахъ, причемъ названное пророчество относится именно къ благовѣщенію Пресв. Богородицы; однако въ уцѣлѣвшей части миниатюры находятся признаки, не допускающіе такого изъясненія: а) здѣсь уцѣлѣла часть крестообразнаго нимба, который не могъ быть усвоенъ никому, кромѣ Бога, чаще всего—Иисуса Христа; б) одежды фигуры—туника и иматій болѣе свойственны Иисусу Христу, чѣмъ варварской принцессѣ. Смыслъ цѣльной картины ясенъ при свѣтѣ первыхъ словъ Ев. Матѣея: родословіе Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Миниатюристъ поставилъ Спасителя не въ срединѣ, но съ краю потому, что желалъ выдержать хронологическій порядокъ родословія. Очевидно, что никакихъ варварскихъ принцессъ для объясненія группы не требуется. Далѣе, говоря о миниатюрѣ бѣгства въ Египетъ, Бордье не вѣрно замѣчаетъ, что Богоматерь идетъ пѣшкомъ ²⁾; между тѣмъ по самому положенію головы Богоматери, поставленной гораздо выше головы Иосифа, видно, что она была представлена ѣдущею на ослѣ, который уничтоженъ временемъ. Разговоръ Спасителя съ Иоанномъ предъ крещеніемъ Бордье называетъ крещеніемъ, а пророка Исаію—нѣкоторымъ святымъ мужемъ. Неточность Бордье замѣтна также и въ краткомъ описаніи миниатюръ 1-й изъ названныхъ рукописей: не совсѣмъ вѣрно его замѣчаніе, что кромѣ отмѣченныхъ имъ 13-ти миниатюръ, другихъ нельзя разобрать ³⁾; по сравненію съ другими кодексами и по уцѣлѣвшимъ признакамъ опредѣлить главное содержаніе сюжетовъ возможно, но нельзя опредѣлить лишь ихъ иконографическихъ подробностей. Затѣмъ, явленіе ангела Иосифу во снѣ Бордье не вѣрно называетъ благовѣщеніемъ. Рукопись имѣетъ незначительные размѣры (in 8°), и миниатюры размѣщены въ ней на поляхъ; въ этомъ его отличіе отъ кодексовъ предыдущихъ. Особенность эта должна была необходимо отразиться и на характерѣ миниатюръ, такъ какъ недостатокъ мѣста заставлялъ сокращать сюжеты. Какихъ-либо оригинальныхъ особенностей въ уцѣлѣвшихъ композиціяхъ нѣтъ. 7) *Евангеліе славянское въ ризницѣ костромскаго Ипатъевскаго монастыря* 1605 г. (№ 2),—вкладъ Д. И. Годунова, съ довольно многочисленными (39+11+37+19) миниатюрами. Композиціи простыя; но начало cadaго Евангелія отмѣчено одною сложною миниатюрою примѣнительно къ особенностямъ содержанія Евангелій: предъ Ев. Матѣея въ миниатюрѣ соединены—родословіе Иисуса Христа; эпизоды изъ исторіи поклоненія волхвовъ и бѣгства въ Египетъ; предъ Ев. Марка эпизоды, относящіеся къ исторіи крещенія І. Предтечи;—Луки—явленіе ангела Захаріи; благовѣщеніе Пресв. Богородицы, встрѣча Богоматери съ Елизаветою, рождество Иоанна Предтечи и отходъ его въ пустыню; предъ Ев. Иоанна грандіозная миниатюра, изображающая славу и величіе божества: Богъ Отецъ съ Сыномъ въ нѣдрахъ, среди девяти чиновъ ангельскихъ, въ небесахъ; созданіе Евы и грѣхопаденіе прародителей; внизу проповѣдь Иоанна Предтечи и призваніе апостоловъ. Въ такихъ формахъ выражено возвышенное начало Ев. Иоанна. 8) *Евангеліе Сійскаго Антоніева монастыря*: рѣдчайшій образецъ иллюстрированнаго недѣльнаго (апракосъ) Евангелія, изготовленнаго во второй половинѣ XVII в. въ Москвѣ и отсюда переданнаго въ 1692 г., какъ видно изъ записей по листамъ, въ Сійскій монастырь ⁴⁾. Какъ предисловіе, такъ и текстъ Евангелія и приложенный въ концѣ мѣсяцесловъ украшены миниатюрами, расположенными иногда среди текста, по большей же части на обширныхъ поляхъ рукописи. Число ихъ простирается свыше 2130,—цифра небывалая въ исторіи византійско-русскихъ лицевыхъ кодексовъ; изъ западныхъ кодексовъ превосходитъ его счетомъ миниатюръ библия Филиппа Смѣлаго; но ея миниатюры относятся къ обоимъ завѣтамъ—ветхому и новому; притомъ всѣ ея 5000 миниатюръ по количеству занимаемыхъ ими квадратныхъ дюймовъ не превзойдутъ 2130 миниатюръ нашего кодекса. Важность этого памятника для исторіи русской живописи конца XVII в. признана специалистомъ по исторіи русскаго искусства и иконографіи Ѡ. И. Буслаевымъ, который вмѣстѣ съ характеристикой рукописи издалъ и нѣсколько миниатюръ ея. Трудно указать другой памятникъ, который бы давалъ столь полное и наглядное понятіе о состояніи русской живописи того времени; съ нимъ можно

¹⁾ Bordier Descript. p. 221.

²⁾ Ibid. 222.

³⁾ Ibid. 137.

⁴⁾ Запись, равно какъ и послѣсловіе, приведены сполна въ очеркахъ Ѡ. И. Буслаева II, 384—386. Объ этомъ Евангеліи есть краткій одобрителный отзывъ въ дневникѣ Никитенки: Русская старина 1889, августъ, 292.

ю. Воскресіє І. Христа. Изъ сійск. Ев.

сравнить до нѣкоторой степени лишь сѣйскій лицевой, къ сожалѣнію не раскрашенный, подлинникъ (см. ниже). Въ миниатюрахъ этого кодекса нашли свое гармоническое сочетаніе—воспитанная въ русскихъ художникахъ западною школою идея красоты и уваженіе къ іератическому характеру православной иконописи. Стройныя фигуры изображаемыхъ лицъ (8¹/₂ головъ, ср. л. 314 Спаситель въ 9¹/₂ головъ), свѣтлый колоритъ, тщательно отдѣланныя лица и одежды, выдержанные типы отличаютъ всѣ миниатюры, даже и при замѣтномъ различіи рукъ художниковъ ¹). Миниатюристы придерживаются одной схемы: въ центрѣ картины помѣщаютъ главное изображеніе, внизу нѣкоторыя подробности его, а вверху—гѣбы, роскошныя палаты, небо съ солнечными лучами и воздухъ. Обработка иконографическихъ темъ весьма разнообразна: бракъ въ Канѣ галилейской (л. 83) представленъ въ пяти миниатюрахъ, причемъ къ разсказу Евангелія присоединено совершеніе таинства брака въ русской церкви, т. е. дано символично-литургическое изъясненіе евангельскому разсказу; бесѣда съ самарянкою (л. 115 и слѣд.) въ 10-ти, исцѣленіе слѣпаго (л. 130 и слѣд.) въ 14-ти картинахъ; распятіе Спасителя представлено до 50-ти разъ и т. д. Каждое изъ повторяемыхъ неоднократно изображеній имѣетъ свои особенности, если не въ цѣломъ, то въ подробностяхъ. Такое разнообразіе, небывалое въ памятникахъ древне-русскихъ, стало возможно только для русскаго художника XVII вѣка, когда старинное рабское преклоненіе предъ установленными схемами уже уступило мѣсто свободному къ нимъ отношенію: связь съ стариною не была еще совсѣмъ порвана, но старина не мѣшала уже нѣкоторому простору религіозно-художественной мысли. Миниатюристы не копировали свои картины съ западныхъ образцовъ, но сочиняли ихъ сами: они удержали главнѣйшія изъ древнихъ композицій, особенно распространенныя, напр. благовѣщенія, рождества Христова, крещенія, преображенія и проч., удержали и иконографическія формы Спасителя, Богоматери, апостоловъ; но дополнили композиціи новыми подробностями, расширили старыя темы и оживили оцѣпенѣлыя иконописныя фигуры. Въ этомъ оживленіи группъ и лицъ и обнаружилось главнымъ образомъ вліяніе западной школы; западныхъ же композицій и частныхъ иконографическихъ формъ, прямо взятыхъ съ западныхъ образцовъ, здѣсь мало; укажемъ впрочемъ на нимбы апостоловъ въ видѣ дисковъ въ миниатюрѣ на л. 267 об., распятіе съ терновымъ вѣнкомъ (л. 72 об.) и титломъ, воскресеніе въ видѣ выхода І. Христа изъ гроба, св. Троицу въ видѣ треугольника, адъ въ видѣ пасти страшнаго чудовища, душу въ видѣ взрослого человѣка и живописныя картины четырехъ временъ года. Національный русскій элементъ пробивается въ формахъ ясныхъ и опредѣленныхъ: въ обстановкѣ картинъ появляются весьма часто московскія церкви съ маковицами и крестами. Миниатюристы не стѣсняются требованіями исторической вѣрности въ обстановкѣ событій и повсюду, гдѣ въ славянскомъ переводѣ Евангелія употреблено слово «церковь» пишутъ русскій храмъ; его встрѣчаемъ въ изображеніяхъ исцѣленія разслабленнаго (л. 104), проповѣди І. Христа въ преполовеніе пятидесятницы (л. 108), изгнанія торговцевъ изъ храма (л. 319), вселенскихъ соборовъ и т. д. Въ храмѣ іерусалимскомъ нерѣдко видимъ престоль съ лежащею на немъ книгою и восьмиконечнымъ крестомъ сбоку. Объясняется это явленіе тенденціею къ символизму: миниатюристъ хочетъ видѣть во всѣхъ подробностяхъ Евангелія указанія на тѣ или другія формы православнаго христіанства и приносить въ жертву этой тенденціи историческую истинность обстановки евангельскихъ событій. Мы уже замѣтили, что къ изображенію брака въ Канѣ прибавлено изображеніе православнаго таинства брака; возлѣ распятія Спасителя (л. 649) помѣщена русская церковь и въ ней престоль, чѣмъ обозначена связь голгоѣской жертвы съ таинствомъ алтаря; даже обыкновенному кораблю, въ которомъ Спаситель сидитъ съ учениками, усвоено символическое значеніе, ибо мачта его увѣнчана изображеніемъ русскаго храма съ восьмиконечнымъ крестомъ ²). Въ миниатюрахъ мѣсяцеслова здѣсь можно видѣть и новгородскій Софійскій соборъ, и московскій Успенскій соборъ, и смоленскій соборъ и др., въ изображеніяхъ русскихъ князей—русскіе костюмы. Мотивы этихъ изображеній не вымышлены; они имѣютъ связь съ дѣйствительностію, но подробности архитектурныхъ формъ обработаны по иконописному шаблону. Копированіе съ природы не входило въ задачу русскихъ миниатюристовъ, и если оно было возможно по отношенію къ обстановкѣ, заимствованной изъ русскаго быта, то уже совершенно не возможно по отношенію къ обстановкѣ, стоявшей внѣ сферы ихъ личнаго наблюденія: достаточно сказать, что нашъ миниатюристъ изображаетъ вѣтви винограда въ видѣ цвѣточковъ, точило въ видѣ будки, оплотъ—въ видѣ деревяннаго забора, сторожевой столпъ съ сторожемъ—въ видѣ иконописнаго столпника, человѣка домовитаго—въ видѣ русскаго боярина, мѣхи для вина и ведоносъ—въ видѣ

¹) Сравнительно съ большею ясностію выступаетъ рука другаго живописца въ миниатюрахъ отъ л. 247 до 278, отличающихся блѣднымъ колоритомъ и особенною склонностію къ живописному стилю.

²) Ср. изображеніе «корабль церкви», встрѣчающееся въ стѣнописяхъ и гравюрахъ.

боченковъ... Изъ множества замѣчательныхъ иконографическихъ особенностей этого Евангелія, упомянемъ здѣсь лишь объ изображеніяхъ Божества. Миниатюристъ, знатокъ религіознаго искусства, безъ сомнѣнія, зналъ очень хорошо формы изображенія Бога Отца и св. Троицы; тѣмъ не менѣе, не смотря на свою любовь къ разнообразію и пластичности формъ, онъ, за исключеніемъ одного раза ¹⁾, нигдѣ не изображаетъ Бога Отца въ извѣстномъ образѣ старца, а избираетъ для этой цѣли геометрическую фигуру треугольника съ надписью внутри его Б (Богъ). Полагаемъ, что въ этомъ случаѣ онъ находился подъ влияніемъ опредѣленій большаго московскаго собора, который не благосклонно отнесся къ изображенію Бога Отца въ образѣ старца, допустивъ его лишь въ изображеніяхъ апокалипсическихъ ²⁾. Св. Троицу онъ изображаетъ въ видѣ треугольника, по угламъ котораго ставитъ буквы О (Отець), С (Сынъ), Д (Св. Духъ),—форма очень древняя ³⁾, но не употребительная въ памятникахъ византійскихъ и занесенная къ намъ съ запада ⁴⁾; иногда измѣняетъ эту форму: иллюстрируя слова «сѣди одесную мене», онъ представляетъ Спасителя въ коронѣ, Св. Духа въ образѣ голубя, а вмѣсто Бога Отца пишетъ опять треугольникъ съ буквою Б, окруженный лучистымъ сіяніемъ. Спасителю повсюду усвоенъ обычный типъ и обычныя одежды: но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Спаситель называется сыномъ человѣческимъ, миниатюристъ представляетъ Его въ образѣ Еммануила. Разнообразие и красота формъ, богатство внутренняго содержанія историческаго и символическаго ставятъ сійское Евангеліе въ рядъ капитальныхъ памятниковъ русскаго искусства и иконографіи.

9) *Евангеліе Петропавловскаго собора въ С.-Петербурѣ* ⁵⁾, изготовленное, какъ видно изъ записи на переплетѣ, въ 1678 году, по указу государя, для придворной церкви Нерукотвореннаго Спаса. На широкихъ поляхъ его расположены 1200 миниатюръ (347+245+359+249), въ которыхъ изложены не только всѣ факты Евангелія, иногда въ нѣсколькихъ миниатюрахъ каждый (бесѣда съ самаряною въ 6—7 миниатюрахъ, также входъ въ Иерусалимъ, исцѣленіе слѣпаго и др.), но и всѣ притчи и даже уподобленія. По обилію миниатюръ оно занимаетъ первое мѣсто послѣ сійскаго Евангелія. Стилъ миниатюръ западный, живописный. Группы скомпонованы удачно; старыя иконографическія схемы опущены; фигуры натуральныя; но лица слѣланы просто чернилами, и типическія черты ихъ не выдержаны; колоритъ пріятный; въ одеждахъ и палатахъ—золото и серебро; палаты роскошныя, вычурныя, съ мотивами западно-европейской готики и архитектуры возрожденія. Въ миниатюры введены горы, деревья, воздушная перспектива. Кое-гдѣ, впрочемъ, обнаруживаются слабыя попытки миниатюриста — придерживаться родной старины, напр. въ изображеніяхъ распятія І. Христа и сошествія во адъ; острогъ въ видѣ стѣны изъ заостренныхъ бревенъ, поставленныхъ стоякомъ (темница І. Предтечи), изрѣдка архитектурные мотивы башенъ московскаго кремля, форма рая въ видѣ палаты, въ которыхъ за столами, уставленными яствами, сидятъ праведники, княжескія, боярскія и простонародныя одежды обличаютъ русскаго мастера. Но, говоря вообще, національный элементъ здѣсь очень слабъ. Пристрастіе къ западно-европей-

11. Бракъ въ Канѣ. Изъ сійск. Ев.

¹⁾ л. 48 въ предисловіи: иллюстрація къ тексту «исходи бѣ слово».

²⁾ Дѣян. моск. соб. л. 43—44 (Москва 1881, л. 21 об. и слѣд.). Объ изображеніяхъ Бога Отца въ апокалипсическихъ иллюстраціяхъ, см. соч. О. И. Буслаева: Русскій лицевой апокалипсисъ. Москва, 1884.

³⁾ Kraus Real-Encycl. I, 379.

⁴⁾ Didron Hist. de Dieu, p. 572.

⁵⁾ Кратк. замѣч. въ историко-статистич. свѣд. о СПБ. епархіи вып. I, стр. 92. Паломникъ, 1886 г. № 9.

скимъ образцамъ доводитъ миниатюриста до того, что онъ изображаетъ первосвященника въ папской тиарѣ, олицетворенія вѣтровъ въ видѣ четырехъ головокъ, вводитъ отдохновеніе св. семейства на пути въ Египетъ,—сюжетъ не извѣстный въ памятникахъ византійскихъ и русскихъ, изображаетъ рождество Христово въ западныхъ формахъ «adoratio» и проч. Любопытенъ приемъ, котораго держится миниатюристъ въ передачѣ притчей и рѣчей І. Христа: къ группѣ Спасителя и апостоловъ или народа бесѣдующихъ онъ присоединяетъ, обыкновенно внизу, намекъ на содержаніе бесѣды, напр.: неизвѣстный рубить дерево—эмблема человѣка, не приносящаго добрыхъ плодовъ; заповѣдь «не убіеши» выражена въ видѣ убійства, примиреніе въ видѣ двухъ обнимающихся старцевъ; «не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ»—женщина держитъ въ клѣткѣ двухъ птицъ, предъ нею покупатель съ монетою въ рукѣ; «не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ»—І. Христосъ съ мечемъ въ рукѣ; сучецъ въ глазѣ брата—человѣкъ съ сучкомъ возлѣ глаза, другой съ бревномъ; подобнымъ же образомъ выражено евангельское уподобленіе царства Божія сокровищу скрытому, неводу наполненному рыбами, квасу и т. д. О художникѣ, исполнявшемъ столь крупную работу, точныхъ свѣдѣній нѣтъ; но мы позволимъ себѣ высказать относительно его одну догадку. Въ архивѣ оружейной палаты сохранились свѣдѣнія о томъ, что въ 1678 году изготовлено было по указу государя, въ посольскомъ приказѣ, на престольное лицевое Евангеліе. Дѣло это поручено было извѣстному мастеру Ивану Максиму, одному изъ учениковъ Симона Ушакова; подъ руководствомъ его семь человѣкъ иконописцевъ писали миниатюры Евангелія, трудясь «день и ночь» въ продолженіи семи мѣсяцевъ ¹⁾. Извѣстіе это вполне подходитъ къ петропавловскому Евангелію: 1) роскошь миниатюръ и превосходнаго эмалеваго оклада дѣлаютъ вполне вѣроятнымъ предположеніе, что оно изготовлено по царскому заказу; 2) какъ собственность придворной Спасской церкви, оно легко могло быть перенесено въ петербургскую придворную церковь—Петропавловскій соборъ; 3) въ нашемъ Евангеліи около 1200 миниатюръ: они могли быть исполнены семью лицами въ продолженіи семи мѣсяцевъ, если каждый изъ семи мастеровъ, по среднему вѣроятному расчету, изготовлялъ приблизительно по одной миниатюрѣ въ день; 4) въ миниатюрахъ, при преобладающемъ западномъ направленіи, видны слѣды знакомства со старинною русскою иконографіею; а Иванъ Максимовъ, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ архива оружейной палаты, былъ вмѣстѣ живописецъ и иконописецъ. Въ виду этого и за отсутствіемъ другихъ наличныхъ лицевыхъ Евангелій 1678 г., мы полагаемъ бы возможнымъ приурочить указанная архивныя извѣстія къ петропавловскому Евангелію. Западный характеръ имѣютъ также сдѣланныя отъ руки миниатюры на поляхъ *10) печатнаго ипатьевского Евангелія* 1681 года ²⁾, какъ это показываютъ ихъ свободныя композиціи и живописный стиль. Иконографическія композиціи очень просты; для развитія ихъ не доставало надлежащаго простора на поляхъ печатной книги, подобно тому, какъ просты, въ силу внѣшней необходимости, композиціи изображеній въ виньеткахъ и заглавныхъ буквахъ западныхъ рукописей и печатныхъ книгъ. Заслуживающую вниманія особенность этого Евангелія составляютъ изображенія лицъ и событій, о которыхъ не говорится въ текстѣ Евангелія, какъ св. князей Θεодора, Давида и Константина, собора Арх. Михаила: они помѣщены противъ тѣхъ мѣстъ Евангелія, которыя прочитываются во дни празднованія ихъ; этимъ и объясняется появленіе ихъ здѣсь на ряду съ евангельскими миниатюрами.

IV. Самую обширную группу Евангелій составляютъ *кодексы съ изображеніями однихъ только Евангелистовъ*. Множество ихъ въ бібліотекахъ Аѳона, іерусалимскаго патріархата въ Константинополѣ, ватиканской, парижской, вѣнской, импер. публ. библ. въ Спб., московской синодальной и др. Наблюденіе надъ миниатюрами ихъ помогаетъ рѣшенію спорнаго вопроса о символахъ Евангелистовъ. Напомнимъ сначала кратко о происхожденіи этихъ символовъ. Въ первые вѣка христіанства символами Евангелистовъ служили 4 райскія рѣки, какъ это видно изъ многочисленныхъ памятниковъ древне-христіанскаго періода ³⁾; на смѣну ихъ въ томъ же періодѣ явились символы четырехъ животныхъ, окружающихъ престоль Іеговы, по описанію прор. Іезекиіля (І, 10. X, 14 ср. Апокал. IV, 6—7). Символы эти относятъ къ Евангелистамъ уже Иринея Ліонскій: Матѳей—человѣкъ, Маркъ—орелъ, Лука—волъ, Іоаннъ—левъ ⁴⁾. Бл. Августинъ усволяетъ Ев. Матѳею символъ льва, Марку человѣка, Лукѣ тельца,

¹⁾ Сборн. общ. древне-русс. иск. 1873 г., стр. 71—72. Имя Ив. Максимова упом. у Д. А. Ровинскаго: *Исторія русск. иконопис.* 161 (Зап. импер. археол. общ., т. VIII).

²⁾ Надпись на окладѣ указываетъ на 1603-й годъ; но этотъ окладъ первоначально составлялъ принадлежность вышеуказаннаго годововаго Евангелія 1603 г. (№ 1).

³⁾ Ср. нашу ст. въ Христ. чт. 1878 г. Май—Іюнь, стр. 757 и слѣд.

⁴⁾ Наег. I, III, с. 11 (по изд. Массюета 1710 г., стр. 190).

Иоанну орла; въ то же время, считая болѣе вѣроятнымъ такое распредѣленіе символовъ, онъ замѣчаетъ, что иные относятъ къ Матѳею символъ человѣка, Марку орла, Иоанну Льва ¹⁾. Блаж. Иеронимъ предлагаетъ распредѣленіе символовъ, принятое у насъ въ настоящее время: Матѳею—человѣкъ, Маркъ—левъ, Лука—телець, Иоаннъ—орель ²⁾. Изъясненіе символовъ въ смыслѣ указанія на искупленіе Иисуса Христа, Который вочеловѣчился (человѣкъ), покорилъ враговъ (левъ), принесъ Себя въ жертву за родъ человѣческой (телець) и вознесся на небеса (орель), не достигаетъ цѣли: оно не опредѣляетъ, почему именно символъ человѣка усвоенъ Ев. Матѳею, а не другому Евангелисту, левъ Марку и т. д. По мнѣнію блаж. Августина, въ Евангеліи Матѳея идетъ рѣчь о царскомъ происхожденіи и достоинствѣ І. Христа (поклоненіе волхвовъ),—отсюда символъ льва; въ Ев. Марка описываются дѣянія І. Христа, какъ человѣка, отсюда—человѣкъ, въ Евангеліи Луки священническое служеніе Господа, отсюда телець, въ Евангеліи Иоанна возносится мысль превыше человѣческой немощи... отсюда орель. Объясненіе бл. Иеронима: въ Евангеліи Матѳея родословіе І. Христа, въ Евангеліи Марка голосъ льва, рыкающаго въ пустынь: гласъ вопіющаго въ пустыни... въ Евангеліи Луки рѣчь о свящ. Захаріи, въ Ев. Иоанна—о недосызаемой высотѣ Слова. Съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ согласно и объясненіе Григорія Двоеслова, допускающаго, впрочемъ, возможность и инаго объясненія въ приложеніи къ Самому І. Христу, Который принялъ плоть (человѣкъ), принесъ себя въ жертву (телець), расторгнулъ узы смерти (левъ) и вознесся на небо (орель) ³⁾. У Софронія патр. іерусалимскаго: левъ—сила и начальство І. Христа (Ис. IX, 6); телець—священническое служеніе І. Христа, человѣкъ—явленіе во плоти; орель—нисходящая сила Св. Духа; первый изъ этихъ символовъ усвоится Иоанну, второй Лукѣ, третій Матѳею, четвертый Марку ⁴⁾. Патріархъ константинопольскій Германъ повторяетъ объясненіе Софронія съ тѣмъ различіемъ, что Ев. Иоанну усвоитъ символъ орла, а Марку льва ⁵⁾. Подобныя изъясненія встрѣчаются въ припискахъ греческихъ и славянскихъ Евангелій ⁶⁾. Въ елисаветградскомъ Евангеліи символы Евангелистовъ истолкованы слѣдующимъ образомъ: Богъ сѣдитъ на херувимахъ, которыхъ писаніе называетъ четвероличными; отсюда—Богъ далъ намъ четверообразное Евангеліе, содержимое однимъ духомъ. Подобно лицамъ херувимовъ Евангелію усвоены символы: Иоанну левъ, царь и владыка, такъ какъ Иоаннъ отъ царскаго и владычественнаго сана начинаетъ Божество Слова, когда говоритъ: въ началѣ бѣ слово; Матѳею человѣкъ, потому что онъ начинаетъ Евангеліе описаніемъ плотскаго рожденія І. Христа; Марку орель, потому что онъ начинаетъ съ пророчества Иоанна, а пророческая благодать прозорлива, какъ орель; орла называютъ остроумнымъ, потому что онъ одинъ можетъ смотрѣть на солнце, не мигая; Лукѣ телець, такъ какъ онъ начинаетъ Евангеліе съ священства Захаріи ⁷⁾. Объясненіе сходное съ объясненіемъ патр. Софронія. Въ остромировомъ Евангеліи XI в. ⁸⁾ возлѣ тельца символа Ев. Луки написано: симъ образомъ тельчимъ Духъ Св. явился Луцѣ; слѣдовательно въ символахъ Евангелистовъ изъяснитель видитъ формы явленія Св. Духа Евангелистамъ. Въ Евангеліи Сійскаго Антоніева монастыря усвоено этимъ символамъ опять иное значеніе: Матѳею человѣкъ, такъ какъ въ его Евангеліи описано плотское рожденіе І. Христа, Лука телець, потому что въ немъ говорится о священствѣ Захаріи; Маркъ левъ: какъ голосъ льва устрашаетъ звѣрей, такъ голосъ Иоанна, вопіющаго въ пустынь, устрашалъ фарисеевъ, хитрыхъ лисиць, саддукеевъ и мытарей, этихъ медвѣдей, грѣшниковъ—козловъ; Иоаннъ орель: какъ орель есть царь птицъ, возлетаетъ выше всѣхъ и можетъ смотрѣть на солнце, такъ и Ев. Иоаннъ сіяетъ славою паче всѣхъ святыхъ ветхаго и новаго завѣта, исполненъ Духа Св. и премудрости паче Моисея и пророковъ. Умъ его получилъ высшее просвѣщеніе отъ Самого источника свѣта, перо его правонеуклоннаго ума простирается на небесную высоту и невозбранно пролетаетъ чрезъ всѣ девять небесъ, выше всѣхъ чиновъ ангельскихъ до самаго предѣла неприступнаго свѣта. Своимъ гласомъ, изрекшимъ высокую истину

¹⁾ August. de consensu Evangel. I, 9. Migne s. l. t. XXXIV, col. 1046—1047.

²⁾ Hieron. In Evang. Matth. prologus. Migne s. l. t. XXVI, col. 19.

³⁾ Homil. in Ezechiel I. I. hom. IV. Migne s. l. t. LXXVI, col. 815; cf. ibid. Moral. col. 625. 802. 803.

⁴⁾ Пис. отц. и учит. п. относ. къ истолков. правосл. богослуж. т. I, стр. 285—286.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 387—388.

⁶⁾ Греч. Ев. XII в. опис. г. Бѣляевымъ: Пам. древн. письм. 1888 г. LXXVII, стр. 9: τὸ ὁμοίον λέοντι τὸ ἐμπρακτὸν καὶ βασιλικὸν καὶ ἡγεμονικὸν χαρακτηρίζει, τὸ δὲ ὁμοίον μόσχῳ τὴν ἱερουργικὴν καὶ ἱερατικὴν ἐμφαίνει, τὸ δὲ ἀνθρωποειδὲς τὴν σαρκοστικὴν διαγράφει, τὸ δὲ ὁμοίον ἀετῶ τὴν ἐπιφάντησιν τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐμφανίζει.

⁷⁾ Предисловіе къ Ев. Марка. Ср. изъясненіе въ сійскомъ иконописномъ подлинникѣ въ музее общества любителей древней письменности: Лука во образѣ тельца отъ священства Захаріина начатъ... Иоаннъ во образѣ льва отъ царскаго и владыческаго чина, отъ Божества Слова; Матѳею человѣкообразно, отъ плотскаго бо рождества и отъ воплощенія Слова (листы 86, 87 и 90).

⁸⁾ В. В. Стасовъ Замѣчанія о миниатюр. остромир. Ев. Изв. импер. археол. общ. т. IV, 1863 г. стр. 324 и слѣд.

«въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово» онъ просвѣтилъ всю церковь. «Сего ради азъ не престаю на московскомъ толкованіи, ибо не право Іоанна львомъ пишутъ, паче же приѣмлю Златоустаго, толкованіе Іеронимово, иже его нарекоша орломъ высокопарнымъ отъ дѣйства его высокой богословіи» (л. 11 и слѣд.). Во всемъ этомъ разнообразіи обнаруживается различіе частныхъ мнѣній. Оно проходитъ также и въ памятникахъ изобразительнаго искусства—въ древнихъ мозаикахъ, фрескахъ, миниатюрахъ¹⁾. Разсмотримъ его по лицевымъ Евангеліямъ. Въ древнихъ греч. Евангеліяхъ Евангелисты изображаются часто безъ всякихъ символовъ, какъ въ парижскомъ Евангеліи XI в. (№ 74) и въ Евангеліи императ. публ. библ. XI и XII в. (№№ LXXII, CCX и 118); а символы пишутся отдѣльно отъ Евангелистовъ²⁾, напр. въ Ев. аеонопантелеймоновскомъ, никоидійскомъ, моск. синод. библ. (№ 407)³⁾; они держатъ иногда книги и имѣютъ нимбы, какъ въ Ев. аеоноватопедскомъ (№ 101—735) и славянскомъ

12. Символь Ев. Матеея. Изъ Сійск. Ев.

ипатьевскомъ 1603 г. и даже надписи *ἄγιος*, какъ въ рукописи Нов. Зав. моск. синод. библ. XII в. (№ 407). Нерѣдко всѣ четыре символа соединены въ одну группу и составляютъ такъ называемый тетраморфъ. Примѣры его въ сирійскомъ Евангеліи Раввулы, гдѣ онъ поддерживаетъ ореоль возносящагося на небо Спасителя, въ пармскомъ Евангеліи⁴⁾, въ нѣкоторыхъ византійскихъ мозаикахъ и во многихъ аонскихъ стѣнописяхъ⁵⁾. Къ этому тетраморфу древніе литургисты относятъ слова литургіи «поюще (орель), вопіюще (волъ), взывающе (левъ) и глаголюще (человѣкъ)»⁶⁾. Множество примѣровъ изображеній Евангелистовъ вмѣстѣ съ символами; но примѣненіе символовъ различно: въ греч. Ев. моск. синод. библіотеки XI в. (№ 518) у Ев. Матеея—левъ съ книгою, Марка—волъ, Іоанна—орель, а Ев. Лука безъ символа. Въ другомъ Ев. той же библіотеки (№ 6) Лука съ тельцомъ, остальные безъ символовъ; въ третьемъ Ев. (№ 519) Матеей со львомъ, Маркъ съ тельцомъ, Лука съ человѣкомъ. Въ мстиславовомъ Ев. XII в., равно какъ и въ сійскомъ Лука съ тельцомъ, Матеей съ человѣкомъ, Маркъ со львомъ, Іоаннъ съ орломъ. Въ славянскомъ Ев. моск. Благовѣщ. собора XVI в. Марку усвоенъ орель, Іоанну—левъ; тоже въ Ев. моск. синод. типографіи 1606 г. Іоаннъ со львомъ. Не рѣдки примѣры, когда Ев. Іоаннъ представляется безъ символа: онъ диктуетъ текстъ Евангелія ученику своему Прохору; остальные

¹⁾ Примѣры въ мозаикахъ можно видѣть въ изданіи Гарруччи: *Storia dell'arte cristiana nei primi otto secoli*. Vol. IV *Mosaici*. Они указаны также Краузомъ въ *Real-Encyclopädie der christl. Alterth.* I, 460—461. *Martigny Dict.* 296. (Ed 1877). *Münter Sinnbilder* I, 45—46.

²⁾ Ср. мозаики равенскія Галлы Плакиды, изображенія на крестахъ велитернскомъ (Kraus *Real-Encyclopädie* II, 236) и надъ иконостасомъ аеонозографскаго собора, въ парусахъ сводовъ моск. арханг. собора (Опис. арх. соб. свѣщ. Лебедева, стр. 196).

³⁾ Арх. Амфилохій Сборн. изобр. Спас. Богом. и др. св. табл. 4—7.

⁴⁾ О сир. Ев. ниже; о пармскомъ: Н. П. Кондаковъ *Ист. виз. иск.*, стр. 253. Древнѣйшій примѣръ тетраморфа въ мозаикахъ Пуденціаны.

⁵⁾ Моз. на остр. Торчелло: см. въ нашемъ изслѣдов. о страшномъ судѣ. Труды VI археол. съезда т. III, стр. 302. Нѣсколько образцовъ тетраморфа въ изд. Прохорова: *Христ. древн.* 1862 г. кн.

⁶⁾ Германъ патр. конст. *Послѣдоват. излож. церк. службъ и обряд.* Пис. отц. т. I, стр. 403; ср. выше Ев. аеоноватопед. № 101—735.

Евангелисты съ символами: таковы греч. Евангелія аеонопантелеймоновское (№ 25), парижское (Supplém. 27), императорской публичной библіотеки (№№ LXVII и 101) ¹⁾. Въ остромировомъ Ев. Іоаннъ стоитъ, за нимъ Прохоръ съ книгою, Лука стоитъ и простираетъ руки къ небу, откуда выступаетъ телець въ нимбѣ съ книгою, Маркъ сидитъ и прислушивается, а вверху въ небѣ левъ съ книгою. Въ этомъ случаѣ Іоаннъ представляется стоящимъ въ пещерѣ и прислушивающимся къ божественному голосу; другіе Евангелисты иногда стоятъ (греч. Евангеліе русскаго андреевскаго скита на Аеоноѣ XI в. л. 11), по большей же части сидятъ предъ юпитромъ и пишутъ,—въ греч. Евангеліяхъ по-гречески (даже и Ев. Матѳея), въ славянскихъ—по-славянски. Иногда предъ изображеніями Евангелистовъ находится небо, изъ котораго выставляется рука—эмблема божественнаго руководительства, или самъ Спаситель, благословляющій Евангелиста (Лаврент. Ев. XI в. № VI, 18). Въ аеоно-лаврскомъ Ев. XII в. (№ 60А) предъ Ев. Матѳеемъ изображенъ І. Христосъ въ небесахъ, предъ Маркомъ ап. Петръ, предъ Лукою Богоматерь съ благословляющимъ жестомъ, предъ Іоанномъ, диктующимъ Прохору, звѣздное небо и благословляющая десница; въ греч. Ев. импер. публичн. библ. XII в. (№ 101) ²⁾ надъ Ев. Матѳеемъ представленъ Спаситель въ ореолѣ съ тетраморфомъ, возлѣ Марка ап. Петръ, возлѣ Луки ап. Павелъ; а Іоаннъ диктуетъ Прохору ³⁾. Богоматерь является въ Ев. Луки потому, что въ самомъ содержаніи его отводится ей мѣсто болѣе видное, чѣмъ въ другихъ Евангеліяхъ; притомъ, по преданію, Ев. Лука стоялъ близко къ Богоматери и написалъ ея портретъ ⁴⁾. Изображеніе ап. Павла при томъ же Евангелистѣ находитъ свое объясненіе въ томъ, что Ев. Лука долгое время сопутствовалъ ап. Павлу и по смерти послѣдняго проповѣдывалъ въ Италіи; самое Евангеліе Луки, по преданію, составлено при содѣйствіи этого апостола ⁵⁾. Ев. Маркъ былъ спутникомъ и истолкователемъ ап. Петра ⁶⁾, какъ о томъ говорится и въ припискахъ нѣкоторыхъ греч. Евангелій ⁷⁾, а потому изображенію ап. Петра отводилось мѣсто въ Ев. Марка. Слѣд. въ этихъ изображеніяхъ дано наглядное подтвержденіе древнихъ преданій, относящихся къ исторіи Евангелій. Начиная съ VI в. появляется при изображеніяхъ Евангелистовъ олицетвореніе Софіи, премудрости Божіей. Въ росанскомъ кодексѣ оно имѣетъ видъ женщины въ нимбѣ, стоящей предъ Евангелистомъ Маркомъ и указывающей своею правою рукою на свитокъ, на которомъ пишетъ Евангелистъ начало Евангелія. Гарнакъ видитъ въ этой фигурѣ олицетвореніе церкви ⁸⁾; проф. И. Д. Мансветовъ полагалъ, что это есть символъ Ев. Матѳея (человѣкъ) и что миниатюристъ, послѣ изготовленія рисунковъ всѣхъ Евангелистовъ, перемѣшалъ ихъ и по ошибкѣ написалъ на хартіи Ев. Матѳея первыя слова изъ Ев. Марка: ἀρχὴ τοῦ Ευ. Ι. Χ. υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ⁹⁾ (признакъ, по которому узнается Ев. Маркъ). Проф. С. А. Усовъ видѣлъ въ этой фигурѣ Богоматерь ¹⁰⁾. Ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть принято. Символомъ Ев. Матѳея служитъ ангелъ или юноша, здѣсь же несомнѣнно фигура женская, слѣд. ее нельзя признать символомъ этого Евангелиста. Признать ее Богоматерью трудно потому, что Богоматерь не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Ев. Марка. Для признанія ея олицетвореніемъ церкви нѣтъ достаточныхъ основаній въ аналогичныхъ памятникахъ иконографіи. Остается признать женскую фигуру олицетвореніемъ, смыслъ котораго можетъ быть опредѣленъ посредствомъ сравненія съ другими памятниками. Проф. Ф. Кс. Краузъ чутьемъ угадалъ, что это есть олицетвореніе Софіи премудрости ¹¹⁾. Дѣйствительно, въ памятникахъ византійской и славяно-русской иконографіи встрѣчается при изображеніяхъ Евангелистовъ олицетвореніе Софіи: таково сербское Евангеліе первой половины XV в., съ рисунками изданными Прохоровымъ ¹²⁾, гдѣ премудрость при всѣхъ 4-хъ Евангелистахъ изображена въ видѣ женщины то въ восьми-угольномъ (Матѳ. и Лук.), то въ кругломъ (Марк. Іоанн.) нимбѣ: она опирается на плечо Евангелиста и какъ будто шепчетъ ему на ухо, а Ев. Маркъ обращаетъ къ ней свое лицо и прислушивается къ ея словамъ. Та же фигура при

¹⁾ Въ Ев. Петропавл. соб. въ СПБ. Іоаннъ и Прохоръ пишутъ, въ то же время здѣсь находится и орелъ.

²⁾ Аеоносское, какъ видно изъ приписки на л. 159.

³⁾ Ср. въ той же библ. греч. Ев. XII—XIII в. № 98: изображенія ап. Петра при Ев. Марка и Павла при Ев. Лукѣ.

⁴⁾ Ср. Ев. Петропавловскаго соб.: предъ Ев. Лукою—икона Богоматери.

⁵⁾ Свящ. Т. Буткевичъ Жизнь І. Христа; изд. 2, стр. 166—168. Фарраръ Жизнь Св. ап. Павла; перев. А. П. Лопухина, стр. 321.

⁶⁾ Ц. С. Буткевича, стр. 155 и слѣд.

⁷⁾ Греч. Ев. опис. въ изд. Общ. люб. древн. писъм. 1888 г. LXXVII, 7.

⁸⁾ Evang. cod. gr. ross. S. XLVII.

⁹⁾ Приб. къ твор. св. отц. 1881, I, 257.

¹⁰⁾ Цит. соч., стр. 58.

¹¹⁾ Real-Encyclop. I, 460. Art. Evangelisten.

¹²⁾ Христ. древн. 1875 г.

трехъ Евангелистахъ (кромеъ Иоанна, диктующаго Прохору) въ парусахъ сводовъ Успенской церкви с. Волотова близъ Новгорода ¹⁾). Съ полною ясностію выступаетъ значеніе ея въ Евангеліи аеонохиландарскаго монастыря XIV в. (№ 572) ²⁾: женская фигура (при первыхъ трехъ Евангелистахъ) имѣетъ перевязку въ волосахъ (тороки) и надпись «*премудрость*». Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ славянскихъ Евангеліяхъ фигура эта превращена уже въ ангела съ крыльями (ипатьевское Ев. 1561 года, Ев. моск. Благовѣщ. собора XVI в., сійское XVII в.), а отсюда уже не далеко переходъ къ новгородскому типу Софіи премудрости Божіей ³⁾). Въ нѣкоторыхъ греч. Евангеліяхъ Св. Духъ въ видѣ голубя шепчетъ въ уши Евангелистовъ ⁴⁾). Въ аеонопандократорскомъ сборникѣ, не вѣрно приписываемомъ Иоанну Куцнику, при Ев. Матееѣ стоитъ въ дверяхъ палатъ женская фигура, олицетворяющая, быть можетъ, городъ Виелеемъ; при Ев. Лукѣ—мужская фигура (?) удаляющаяся прочь; при Ев. Лукѣ и Иоаннѣ—ученики съ книгами. Въ синайскомъ Ев. 1340 г. Евангелисты подносятъ книги Спасителю, Который благословляетъ ихъ чело ⁵⁾). Значительное разнообразіе въ символахъ Евангелистовъ представляютъ и памятники западнаго средне-вѣковья: въ нѣкоторыхъ западныхъ рукописяхъ тѣ же символы и въ томъ же порядкѣ, какъ теперь у насъ (Ев. лат. 781 г. ⁶⁾), націон. библ. въ Парижѣ рукоп. XV в. fonds franç. № 5); въ другихъ Св. Духъ въ видѣ голубя или ангелъ шепчетъ Евангелистамъ ⁷⁾ (тамъ же библія XV в. fonds fr. № 8; рукоп. XII в. lat. № 276, fol. 36); иногда Евангелисты имѣютъ крылья (ibid. bibl. franç. XIII s. № 398) и даже стоятъ на своихъ символахъ (ibid. fonds fr. bibl. № 1 XIV s.). Встрѣчаются здѣсь и смѣшенія формъ человѣческихъ и животныхъ: Ев. Маркъ съ книгою въ рукахъ, въ золотой туникѣ и сѣромъ иматіи, имѣетъ голову льва, Ев. Лука съ головою тельца, Иоаннъ съ головою орла (ibid. lat. № 23, XIV s. ⁸⁾). Въ нашей современной церковной практикѣ символы Евангелистовъ распредѣляются всегда одинаково: человѣкъ—Матеей, левъ—Маркъ, телець—Лука, орелъ—Иоаннъ. Въ практикѣ старообрядческой орелъ—Маркъ, левъ—Иоаннъ. Поморскіе отвѣты оправдываютъ послѣднюю ссылками на свидѣтельства Андрея Кесарійскаго, Анастасія Синаита, древнихъ Кормчихъ, макарьевскихъ миней-четыихъ, патр. Филарета и митр. Іова, которые будто бы называютъ наше распредѣленіе символовъ латинскимъ мудрованіемъ ⁹⁾. Свидѣтельства эти уже были разобраны въ нашей литературѣ ¹⁰⁾. Отмѣченные выше вещественные памятники съ очевидностію свидѣлствуютъ, что упорно поддерживаемое ученіе старообрядчества не правильно переноситъ этотъ вопросъ въ область догматики. Древность допускала различныя распредѣленія символовъ, и въ этомъ различіи выражалось различіе частныхъ мнѣній; догматичнаго значенія этотъ предметъ не имѣлъ, и строгій контроль церкви на него не простирался. Но такъ какъ пылкое воображеніе изъяснителей заходило иногда очень далеко, сопоставляло символы Евангелистовъ съ апокалипсическими конями ¹¹⁾, а отсюда происходило то, что простодушный народъ усвоилъ символамъ особенное значеніе святости и принималъ ихъ за самихъ Евангелистовъ, то св. Синодъ 6 апрѣля 1722 года запретилъ отдѣльныя изображенія символовъ, безъ самихъ Евангелистовъ. Ближайшимъ поводомъ къ тому послужили символы Евангелистовъ, напечатанные на антимисахъ, съ литеральнымъ именованіемъ агіосъ... Надлежитъ самимъ тѣхъ Евангелистовъ персоны съ литеральнымъ при именахъ ихъ словенскимъ діалектомъ сего, еже есть святыи, изображать по подобію ихъ; а при лицахъ Евангелистовъ мощно и образовательныя ихъ животныя писать; запрещается же сіе (отдѣльныя изображенія символовъ)... не аки нѣкое грѣховное дѣло, но яко непристойное и вину къ поползновенію невѣждамъ подающее ¹²⁾. Слѣдова-

¹⁾ Н. Покровскій Стѣнныя росписи, стр. 65.

²⁾ Евангеліе славянское, но превосходныя изображенія Евангелистовъ имѣютъ вполнѣ византійскій характеръ.

³⁾ Ср. Софію въ видѣ крылатаго ангела въ лицевой псалтири 1397 г. въ музеѣ общ. любит. др. письм. Корректурн. л. 63.

⁴⁾ Н. П. Кондаковъ ц. с., стр. 246 и 255.

⁵⁾ Путеш. на Синай Н. П. Кондакова, стр. 182.

⁶⁾ Sommerard Les arts au moyen âge. Album 6-e série pl. XL.

⁷⁾ Въ Hortus deliciarum голубь Св. Духъ вдохновляетъ поэтовъ. Engelhardt, Herrad v. Landsperg u. ihr Werk Hortus delic. tab. VIII.

⁸⁾ Ср. парижскій сакраментарій VIII в. въ изд. Lacroix Le moyen âge. Miniatures, pl. III: два Евангелиста, — одинъ съ бычачьею, другой съ львиною головою. Ср. также изображ. Ев. Иоанна съ головою орла въ Пуатье: Зап. археол. общ. 1886 г. т. II, вып. 2, стр. 66; сакраментарій гелонскій въ изд. Сильвестра Paléographie universelle vol. III. Paris 1841; изображение въ ц. св. Стефана въ Болоньѣ: Münter Sinnbilder u. Kunstvorstell. d. alt. Chr. Taf. I, 17. Ваза XV—XVI в.: Cahier Nouveaux mélanges d'archéologie t. II, p. 110.

⁹⁾ Поморскіе отв. рукоп. кириллобѣлов. мон. въ Спб. Дух. Акад. № 22—1099.

¹⁰⁾ Объ изображ. св. Евангелистовъ въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ. Хр. чт. 1854, I, 372—388.

¹¹⁾ Цит. рукоп. кириллобѣлов. библ., л. 243.

¹²⁾ Полное собр. постановл. и распоряж. по вѣд. правосл. исповѣд., т. II, стр. 163—164; дѣло св. Синода, № 516.

тельно, это определение не имѣетъ принципіальнаго значенія; оно вызвано было лишь практическою необходимостію.

V. Въ тѣсной связи съ византійскими стоятъ сирійскія, коптскія и армянскія Евангелія. Наличное число ихъ не велико, тѣмъ не менѣе оно даетъ понятіе какъ о силѣ вліянія Византіи, такъ и о національных особенностяхъ христіанской иконографіи—сирійской, коптской, армянской. 1) *Древнѣйшій изъ этихъ кодексовъ—сирійскій, писанный монахомъ Раввулою въ 586 году*; въ листовомъ форматѣ, въ два столбца, на превосходномъ пергаментѣ. Съ 1497 года хранится въ лаврентіевской библіотекѣ во Флоренціи (plut. I). Снимки съ его миниатюръ изданы были не однократно Ассеманиемъ, Бишони, Аженкурромъ, Лябартомъ, Гарруччи и Усовымъ¹⁾. Въ текстѣ Евангелія нѣтъ ни миниатюръ, ни заставокъ; онѣ находятся лишь въ канонахъ. Мнѣніе, что миниатюры должны были на первыхъ порахъ находиться въ началѣ рукописи и что онѣ поставлены въ концѣ рукописи переплетчикомъ²⁾, основано на случайномъ недоразумѣніи. По-сирски пишутъ отъ правой руки къ лѣвой, слѣд. если каноны и миниатюры находятся, съ нашей точки зрѣнія, въ концѣ кодекса, то по-сирски это будетъ въ началѣ т. е. на своемъ обычномъ мѣстѣ. Миниатюры не высокаго достоинства: исполненіе небрежное, краски мутны, типы не вездѣ выдержаны и носятъ явные слѣды типа національнаго сирійскаго. Онѣ размѣщены на 14 листахъ, по полямъ рамокъ, въ которыхъ написаны каноны, въ слѣдующемъ порядкѣ: а) группа апостоловъ (л. 289 об.), напоминающая картину сошествія Св. Духа на апостоловъ: 11 апостоловъ сидятъ полукругомъ въ довольно обширномъ помѣщеніи, освѣщенномъ тремя горящими лампадами. Въ центрѣ помѣщенія стоятъ передъ апостолами два лица, Іосифъ Варсава и Матой. Очевидно, это избраніе Матоея вмѣсто Іуды; картина относится къ дѣяніямъ апостольскимъ, но не къ Евангелію; б) Богоматерь въ золотой туникѣ и багряной верхней одеждѣ, съ Младенцемъ Іисусомъ, одѣтымъ въ зеленоватую туніку и золотой иматіи, стоитъ на ромбоидальномъ подножіи (л. 289). Непосредственнаго отношенія къ тексту Евангелія миниатюра эта также не имѣетъ. Гарруччи видитъ здѣсь общее выраженіе мысли о Богоматери, какъ ходатаицѣ людей, а въ предыдущемъ изображеніи апостоловъ—указаніе на распространеніе и утвержденіе вѣры Христовой апостолами³⁾; г. Усовъ объясняетъ появленіе здѣсь Богоматери тѣмъ, что она послѣ вознесенія Господня стала центромъ христіанской общины⁴⁾. в) Изображеніе Евсевія кесарійскаго и Аммонія александрійскаго (л. 288 об.): миниатюра относится къ канонамъ, но не къ тексту Евангелія. г) Явленіе ангела Захаріи; Моисей, получающій скрижали завѣта, и Ааронъ съ разцвѣтшимъ жезломъ въ рукѣ (л. 287). Отселѣ начинаются миниатюры, имѣющія непосредственное отношеніе къ евангельскому тексту. Имѣлъ ли въ виду миниатюристъ какую либо внутреннюю связь между названными изображеніями, или же соединилъ ихъ на одномъ листѣ механически, сказать трудно. д) Благовѣщеніе Пресв. Богородицы; Самуиль съ серебрянымъ рогомъ и Іисусъ Навинъ. Рождество Христово, избіеніе младенцевъ, крещеніе Іисуса Христа, Давидъ и Соломонъ (л. 286). е) Бракъ въ Канѣ галилейской; пророки—Осія и Іоиль (л. 285). ж). Исцѣленіе кровоточивой и расслабленнаго⁵⁾; пророки Амосъ и Авдій (л. 285 об.). з) Бесѣда І. Христа съ самарянкою и исцѣленіе скорченной; пророки: Іона подъ деревомъ возлѣ града Ниневіи и Михей (л. 284). и) Воскрешеніе сына вдовы наинской; пророки—Софонія и Наумъ (л. 284 об.). і) Преображеніе Господне⁶⁾; пророкъ Ісаія и Іовъ (л. 283). к) Бесѣда І. Христа съ не-

13. Избіеніе младенцевъ. Изъ Ев. Раввулы.

¹⁾ Отмѣтимъ важнѣйшія изданія: Biscioni Biblioth. Mediceolavrent. Catalogus. Florentiae 1752. Garrucci Storia dell'arte crist. vol. III. С. А. Усовъ Сир. Ев. лавр. библ. Труды моск. археол. общ. XI, 2. 1886 г. Labarte Hist. des arts industr. Rouhault de Fleury L'Evangile. Оцѣнка кодекса въ соч. Н. П. Кондакова Истор. виз. иск. 70 и слѣд. Поправки въ цит. ст. Усова.

²⁾ Цит. соч. Н. П. Кондакова, стр. 70, примѣч. Ср. цит. ст. г. Усова стр. 35, гдѣ говорится, что послѣдній рачитель кодекса Даміанъ присоединилъ каноны и рисунки.

³⁾ Garrucci Storia III, 53.

⁴⁾ Цит. ст. стр. 30.

⁵⁾ Рисунки Бишони и Усова не вѣрны; не вѣрно также и объясненіе въ смыслѣ воскрешенія дочери Іаира.

⁶⁾ Такъ объясняютъ этотъ сюжетъ Бишони, Гарруччи и Усовъ. По Ассемани—это бесѣда І. Христа съ апостолами.

известнымъ юношею¹⁾; пророки Аггей и Аввакумъ (л. 283 об.). л) Неясное изображение на л. 282: по Ассемани I. Христосъ и по сторонамъ Его сынъ Зеведея съ матерью; по Бишони и Усову—I. Христосъ, ап. Петръ и хананеянка; пророки: Захарія, возлѣ котораго представленъ серпъ съ крылышками²⁾, и Иеремія. м) Л. 282 об.: по Ассемани и Бишони, исцѣленіе бѣсноватаго, возлѣ котораго стоитъ отецъ его (Марк. IX, 24), по г. Кондакову исцѣленіе двухъ прокаженныхъ; по г. Усову, исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ, вышедшихъ изъ гробовъ (Матѣ. VIII, 28—32); послѣднее, по нашему мнѣнію, вѣрно; признакъ бѣсноватыхъ—бѣсы, вылетающіе изъ больныхъ; пророки Иезекииль и Данииль. н) Ап. Петръ вынимаетъ статуръ изъ рыбы (Матѣ. XVII, 27); пророки Малахія и Елисей. о) Четыре Евангелиста: Матѣей съ раскрытою книгою, Іоаннъ съ развернутымъ свиткомъ, Маркъ и Лука съ закрытыми книгами (л. 281 об. и 280). п) I. Христосъ бесѣдуетъ съ двумя лицами, изъ которыхъ первое держитъ въ рукахъ сосудъ съ двумя рыбами (л. 280 об.)³⁾. Это чудо умноженія хлѣбовъ. р) I. Христосъ съ книгою сидитъ на тронѣ; по сторонамъ Его два апостола; ниже слѣпецъ съ посохомъ, опирающійся на плечо проводника; съ правой стороны заставки хромою съ костылемъ (Матѣ. XV, 29 — 30). с) Причащеніе апостоловъ и входъ I. Христа въ Іерусалимъ (л. 279 об.). т) Смерть Іуды и взятіе I. Христа въ саду геосиманскомъ (л. 278). у) Л. 278 об.: по Ассемани и Бишони призваніе Матѣея къ апостольскому служенію; по Гарруччи, Кондакову и Усову, I. Христосъ предъ Пилатомъ. ф) Распятіе и воскресеніе I. Христа (л. 277) х). Вознесеніе Господне (л. 277 об.) ц). Спаситель на тронѣ, по обѣимъ сторонамъ Его по два лица (л. 276). По мнѣнію Гарруччи, здѣсь изображены: ап. Іаковъ, особенно почитаемый сирійцами, Ефремъ Сиринъ въ куколѣ⁴⁾ и два аввы монастыря, по инициативѣ которыхъ написанъ кодексъ; по мнѣнію проф. Усова: пресвитеры Іоаннъ и Мартирій, діаконъ Исаакъ и Христофоръ Лугентъ, о которыхъ говорится въ предисловіи Раввулы. 7) Сошествіе Св. Духа на апостоловъ (л. 276 об.). Какъ въ россанскомъ кодексѣ, такъ и сирійскомъ миниатюры стоятъ внѣ евангельскаго текста. Здѣсь онѣ соединены съ канонами Евсевія, но эта связь имѣетъ характеръ механической: между содержаніемъ канонъ и миниатюрами нѣтъ полнаго внутренняго соотношенія; въ канонахъ идетъ рѣчь объ однихъ предметахъ, а въ соединенныхъ съ ними миниатюрахъ о другихъ. Такъ, при канонѣ первомъ, заключающемъ въ себѣ указанія на параллельныя мѣста во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ, находится изображеніе явленія ангела Захаріи, о чемъ говорится въ одномъ только Евангеліи Луки (I, 5—25); о благовѣщеніи говоритъ одинъ только Ев. Лука (I, 26—38), о рождествѣ Христовомъ Матѣей (II, 1—18) и Лука (II, 1—38), между тѣмъ изображенія этихъ событій помѣщены при первомъ канонѣ, представляющемъ конкорданцію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Напротивъ, о входѣ I. Христа въ Іерусалимъ и тайной вечери говорятъ всѣ Евангелисты, а изображенія ихъ помѣщены при канонѣ десятомъ Ев. Марка, который одинъ писалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ. Слѣдовательно, не основная идея канонъ руководила мыслию миниатюриста при выборѣ иконографическихъ сюжетовъ. Руководительною нитью для него служило общее содержаніе евангельской исторіи: онъ отмѣчаетъ въ миниатюрахъ важнѣйшіе факты Евангелія, при чемъ допускаетъ хронологическія отступленія: не на своемъ мѣстѣ стоитъ первая миниатюра избранія Матѣея; ея дѣйствительное мѣсто—послѣ вознесенія Господня; неточность эта можетъ быть объяснена недомыслиемъ переплетчика; вѣроятно имъ же перевернутъ л. 276, и такимъ образомъ сошествіе Св. Духа на апостоловъ отдѣлено отъ евангельскихъ миниатюръ изображеніями лицъ, упомянутыхъ въ послѣсловіи. Затѣмъ, исцѣленія кровоточивой и разслабленнаго здѣсь предшествуютъ бесѣдѣ съ самарянкою, исцѣленія дочери хананеянки и двухъ бѣсноватыхъ поставлены послѣ исцѣленія слѣпного и преображенія; не на своемъ мѣстѣ, съ точки зрѣнія хронологіи, стоитъ также и чудо насыщенія народа. Переставлять листы, примѣнительно къ требованіямъ хронологіи, мы не находимъ возможнымъ. Отчасти неточность миниатюриста съ этой стороны, а главное—несоотвѣтствіе между содержаніемъ канонъ и миниатюръ даютъ поводъ думать, что миниатюристъ сиріецъ исполнялъ свою работу механически. По всей вѣроятности онъ заимствовалъ свои миниатюры изъ византійскаго источника, какъ это подтверждается композиціею сюжетовъ⁵⁾, но размѣстилъ ихъ по своему усмотрѣнію. Подобное отношеніе къ дѣлу въ оригиналѣ,

¹⁾ По Ассемани и Бишони исцѣленіе слѣпородженнаго; по Усову, исцѣленіе слѣпного, о которомъ рѣчь въ Ев. Марка X, 51—52.

²⁾ Видѣхъ серпъ (*брѣпанов*) летящъ (Захар. V, 1); въ вульгатѣ—*volumen volans*.

³⁾ Въ описаніи Усова не вѣрно замѣчено, что I. Христосъ благословляетъ пять подносимыхъ Ему хлѣбовъ; стр. 20.

⁴⁾ Тоже у Ассемани; по мнѣнію проф. Кондакова, это Раввула.

⁵⁾ Заслуживаетъ вниманія соображеніе проф. Усова относительно греческаго оригинала миниатюръ: здѣсь въ одной изъ миниатюръ ангелъ возвѣщаетъ о воскресеніи I. Христа Маріи Магдалинѣ и *Богоматери*; въ другой—Маріи М. и *Богоматери* принадлежатъ къ ногамъ воскресшаго I. Христа. Въ евангельскомъ разказѣ объ этихъ событіяхъ нѣтъ прямого

составленномъ опытнымъ византійскимъ художникомъ, допустить трудно.—Важную черту иллюстрацій сирійскаго Евангелія составляетъ параллелизмъ новаго и ветхаго завѣтовъ, что мы видѣли уже въ Евангеліи россанскомъ; но этотъ параллелизмъ въ рассматриваемомъ кодексѣ на нашъ взглядъ представляется лишеннымъ своего внутренняго значенія: надъ изображеніемъ крещенія Спасителя помѣщенъ почему-то Соломонъ, надъ благовѣщеніемъ Пресв. Богородицы Иисусъ Навинъ, при изображеніи входа въ Иерусалимъ совсѣмъ нѣтъ указаній на пророчество, хотя прямой поводъ къ тому данъ въ текстѣ Евангелія. Нельзя ли отсюда предположить, что миниатюристъ, зная приемы византійской иконографіи и имѣя подъ руками образцы, недостаточно понималъ ихъ внутреннее значеніе и низвелъ миниатюры на низшую ступень безсвязныхъ декораций? 2) Другой *сирійскій кодексъ Евангелія въ національной библіотекѣ въ Парижѣ* (№ 33) ¹⁾ съ пятью миниатюрами на поляхъ канонѣвъ: благовѣщеніе (л. 3—4), проповѣдь І. Предтечи (л. 4 об. и 5), исцѣленіе кровоточивой (л. 5 об.), Спаситель благословляющій сосуды (чудо въ Канѣ, или умноженіе хлѣбовъ л. 6) и явленіе ангела св. женамъ по воскресеніи Спасителя (л. 9 об.). Въ миниатюрахъ видна античная манера; композиціи очень кратки и не вездѣ ясны. 3) *Коптское Евангеліе національной библіотеки въ Парижѣ XII в.* (№ 13) ²⁾. Миниатюристъ ведетъ иллюстрацію Евангелія послѣдовательно: онъ избираетъ важнѣйшія событія изъ всѣхъ четырехъ Евангелій и иллюстрируетъ ихъ съ достаточною полнотою: въ Ев. Матѣя 43 изображенія, Марка 3, Луки 16, Иоанна 13. Повтореній, вызываемыхъ сходствомъ содержанія четырехъ Евангелій, нѣтъ. Способъ размѣщенія миниатюръ среди текста указываетъ на обычный приемъ иллюстраціи, введенный и распространенный византійцами. Нѣкоторыя композиціи сходны съ византійскими: таково изображеніе евхаристіи въ видѣ раздаянія св. хлѣба и чаши (л. 77), благовѣщеніе Пресв. Богородицы съ рукодѣльемъ (л. 136), окрашеннымъ въ синій цвѣтъ,—признакъ недостаточнаго знакомства съ преданіемъ о *багряной* (а не синей) завѣсѣ іерусалимскаго храма. Нимбы въ изображеніяхъ золотыя византійскія; нимбъ І. Христа крестчатый; первосвященника сѣрый (л. 80), Иуды—черный (л. 76 об.). Примѣненіе нимба не выдержано строго, какъ и вообще въ копіяхъ византійскихъ. Но исходя изъ византійскихъ понятій объ иконографіи, коптскій миниатюристъ ушелъ въ своей работѣ далеко отъ Византіи: онъ вноситъ такія особенности въ композиціи, до такой степени строго выдерживаетъ коптскіе типы, замѣняетъ византійскія одежды національными, что рѣшительно невозможно признать его миниатюры копіями съ византійскаго оригинала. Изъ всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ копій съ византійскихъ образцовъ въ миниатюрахъ кодексовъ сирійскихъ, армянскихъ, грузинскихъ, не говоря уже о русскихъ, нельзя указать ни одной, въ которой бы подвергнутъ былъ такой ломкѣ византійскій оригиналъ, какъ въ кодексѣ коптскомъ. Въ немъ проходятъ своеобразныя понятія о типѣ, церемоніальной обстановкѣ, нравахъ и обычаяхъ дѣйствующихъ лицъ; замѣтенъ воспитанный нѣкоторымъ художественнымъ упражненіемъ оригинальный взглядъ на сочиненіе сюжетовъ. Какъ нѣкоторые изъ западно-европейскихъ художниковъ XIII—XV вв., при посредственномъ или непосредственномъ знакомствѣ съ древнею, разработанною въ Византіи, иконографіею, передаютъ въ своихъ произведеніяхъ нѣкоторыя черты этой послѣдней и однако жъ, относясь къ ней свободно, переработывая ее примѣнительно къ своему личному вкусу и пониманію, не могутъ быть названы не только копистами, но даже и подражателями византійцевъ, такъ то же самое нужно сказать и о миниатюристѣ коптскомъ. Стремленіе къ драматизму и оживленію композицій доходитъ въ нѣкоторыхъ миниатюрахъ до крайности; довольно спокойная въ памятникахъ византійскихъ сцена избіенія младенцевъ вилеемскихъ переходитъ здѣсь въ кровавую драму: воины съ безпощадною жестокостію колютъ невинныхъ дѣтей, одинъ изъ воиновъ наполняетъ окровавленными трупами корзину, другой—несетъ ее на спинѣ; несчастныя матери рвутъ на себѣ волосы (л. 6 об.); св. жены въ картинѣ снятія тѣла І. Христа съ

упоминанія о Богородицѣ (Матѣ. XXVIII, 1); но въ припѣвѣ 9-й пѣсни пасхальнаго канона (Ангель вопіяше благодатнѣй... твой сынъ воскресе...) и въ пасхальномъ синасарѣ (первѣ убо воскресеніе Божіей Матери познаваемо бываетъ, прямо съдѣющей гроба съ Магдалиною...) она представляется одною изъ первыхъ свидѣтельницъ воскресенія. Параллелизмъ миниатюры съ памятниками греч. письменности имѣетъ здѣсь не маловажное значеніе. Труды моск. археол. общ. т. XI, вып. III, стр. 58—59.

¹⁾ Частію VI в., частію XII в. см. *Catalogues des manuscrits syriaques... de la bibl. nation. Zotenberg Paris 1874; p. 13.* Ср. цит. соч. Н. П. Кондакова, стр. 83—84.

²⁾ *Catalogus codicum manuscriptorum biblioth. regiae 1739* такъ описываетъ этотъ кодексъ: *Novum Testamentum in folio N XIII: cod. membranaceus elegantissime scriptus variisque picturis ornatus, ubi continentur Evangelia quatuor e graeca lingua in copticam conversa. Is codex manu Michaëlis episcopi Domiatiae anno Christi 1173 exaratus dicitur.* (4. I; *cod. orientales* p. 71). Свѣдѣнія о происхожденіи кодекса основаны на двухъ записяхъ, изъ которыхъ одна указываетъ на библіотеку храма Богородицы въ Доміеттѣ (л. 2), другая отмѣчаетъ имя епископа Михаила и дату рукописи по докритіановой эрѣ (л. 280).

креста рвутъ на себѣ одежды (л. 85). Въ картинѣ искушенія І. Христа въ пустынь (л. 9 об.)—роскошныя пестрыя палаты; среди нихъ протекаетъ рѣка, въ которой плаваютъ рыбки; къ рѣкѣ приближаются лвы и олень. Въ картинѣ явленія ангела Іосифу (л. 4 об.) ангелъ представленъ летящимъ по воздуху съ развернутымъ свиткомъ, какъ въ картинахъ западныхъ художниковъ. І. Предтеча въ изображеніи усѣкновенія его главы (л. 40) является съ завязанными глазами и лежитъ на землѣ. Картина преображенія Господня (л. 48) обрамлена палатами, а внизу помѣщенъ домикъ. Въ картинѣ вознесенія (л. 217 об.) Спаситель представленъ въ облакахъ, которыя имѣютъ видъ развѣвающагося пламени; всѣ апостолы пали ницъ. Въ чудесахъ исцѣленій: глухой указываетъ рукою на свое ухо, нѣмой на языкъ (л. 44 об.); изъ усть бѣсноватаго вылетаетъ черный демонъ съ сверкающими глазами и золотыми рогами (л. 49). Въ искушеніи І. Христа (л. 9 об.)¹⁾ демонъ черный, въ обликѣ совы, съ золотыми рогами, летитъ внизъ головою; въ сценѣ смерти Іуды (л. 81) у дьявола на груди двѣ головы слоновъ съ клыками, а около ногъ обвилась змѣя. Въ этихъ подробностяхъ наряду съ наивною воззрѣніемъ видны проблески восточной фантазіи. Всѣ отдѣльныя фигуры имѣютъ средніе размѣры; голова всегда покрыта черными, какъ смоль, густыми волосами; цвѣтъ лица смуглый; черные глаза, съ черными, сверкающими подъ верхнею рѣсницею, зрачками; черныя густыя брови, протянутыя прямо жгутомъ, черныя усы и борода. Священная особа съ Евангелиемъ въ рукахъ (л. 1) представлена чернокожею; волхвы въ типѣ египетскомъ (л. 6), равно какъ и Самъ Спаситель въ исцѣленіи бѣсноватаго (л. 19 об.): здѣсь находятъ нѣкоторое оправданіе приводимый патр. Фотіемъ тенденціозный вопросъ иконоборцевъ: каковъ былъ образъ І. Христа; таковъ ли, какъ изображаютъ Его римляне, или какъ индѣйцы, греки, египтяне. Греки полагали, будто Спаситель пришелъ на землю въ ихъ образѣ, римляне утверждали, что Онъ имѣлъ римское лицо, индѣйцы—индѣйское, эіопы—эіопское²⁾. Чернокожими являются: Іуда въ изображеніи взятія Спасителя въ саду геосиманскомъ (л. 79), служанки въ изображеніяхъ рождества І. Предтечи (л. 138 об.) и отреченія Петра (л. 270). У Пилата черныя руки (л. 131); плясавица Ирода имѣетъ кофейный цвѣтъ лица (л. 104); исцѣленный слѣпонецъ—мѣднокрасный. На крестѣ І. Христа коптская надпись (л. 83 об.). Позы и костюмы изображаемыхъ лицъ носятъ очевидныя слѣды національнаго коптскаго быта. Иродъ въ картинѣ избіенія младенцевъ (л. 6 об.) и пира (л. 104) сидитъ на карточкахъ; въ подобномъ же положеніи—гости на бракѣ въ Канѣ (л. 223 об.) и даже Самъ Спаситель, поучающій народъ въ храмѣ (л. 143) и въ назаретской синаногѣ (л. 147). Волхвы въ высокихъ цвѣтныхъ шапкахъ, съ раззолоченными и мѣховыми околышами, богатый юноша въ нестрой одеждѣ, Пилатъ на тронѣ въ зеленомъ халатѣ. Восточный комфортъ видѣнъ и въ опахалахъ въ рукахъ слугъ Ирода (л. 104), и въ рипидахъ ангеловъ въ картинѣ рождества Христова (л. 140 об.). Но какъ въ восточной жизни роскошь идетъ рука объ руку съ нищетою, такъ и въ миниатюрахъ: въ пышной сценѣ поклоненія волхвовъ Богоматерь представлена съ босыми ногами, подробность тѣмъ болѣе своеобразная и съ византійской точки зрѣнія странная, что Богоматерь сидитъ на тронѣ. Не менѣе своеобразна фигура босого первосвященника, украшеннаго нимбомъ. Такъ комбинируются заимствованныя отъ признаковъ величія съ чертами національнаго быта.

4) Древнѣйшія миниатюры армянскихъ рукописей, равно какъ и грузинскихъ, имѣютъ характеръ византійскій; въ позднѣйшихъ обнаруживаются слѣды вліянія со стороны западнаго искусства: чѣмъ позднѣе памятникъ, тѣмъ явственнѣе эти слѣды. Къ числу первыхъ относится лицевое *армянское Евангелие X—XI в.* въ эчмиадзинской библіотекѣ (№ 229)³⁾. Четыре большія миниатюры въ концѣ его—явленіе ангела Захаріи, благовѣщеніе Пресв. Богородицы, поклоненіе волхвовъ и крещеніе Спасителя равно какъ единоличныя изображенія и жертвоприношеніе Авраама въ началѣ кодекса, орнаментика каноновъ не представляютъ замѣтныхъ уклоненій отъ византійскихъ образцовъ ни въ композиціяхъ, ни въ типахъ, ни въ костюмахъ. Явленіе совершенно нормальное для X—XI в. и вполне согласное съ многочисленными фактами византійскаго вліянія въ Арменіи. 5) *Армянское Евангелие національной библіотеки въ Парижѣ* (№ 10 а) имѣетъ уже свои особенности. Въ началѣ кодекса обычные каноны съ превосходными заставками, въ которыхъ блескъ золота перемежается блескомъ яркихъ красокъ розовой и голубой. Мотивы заставокъ византійскіе: тѣ же колонны съ вычурными капителями, птицы, пьющія изъ сосудовъ, гирлянды и цвѣты, лвы, стоящія на заднихъ лапахъ, павлины съ роскошными перьями, что

¹⁾ Въ Истор. виз. иск. Н. П. Кондакова ошибочно сказано: въ бѣгствѣ въ Египетъ (стр. 247—248).

²⁾ Προτείνουσιν, ἔφηρς, τῶν εἰκονομάχων ὅσοι θρασύτεροι καὶ κακότεχνοί, καὶ σοφὸν ἡγοῦνται τὸ περιέρχον, ποῖα τῶν εἰκόνων Χριστοῦ ἀληθῆς, πότερον ἢ παρὰ Ῥωμαίους ἢ ἤνπερ Ἰνδοὶ γράφουσιν, ἢ ἢ παρ' Ἑλλησιν, ἢ ἢ παρ' Αἰγυπτίαις, οὐχ ὅμοια ἀλλήλαις αὐταί. Photii patr. ad Amphiloch. Quaest. CCV. Migne s. gr. t. CI, col. 948.

³⁾ Опис. гр. А. С. Уваровымъ въ протокол. подготовит. комит. тифлискаго археол. съѣзда, стр. 352—357.

и въ заставкахъ византійскихъ. Миниатюры евангельскихъ событій размѣщены на поляхъ рукописи, не большой по своимъ размѣрамъ (in 16°), и потому не отличаются широкимъ развитіемъ иконографическихъ темъ. Общая основа композицій—византійская; но въ частностяхъ встрѣчаются отступленія, по которымъ можно догадываться, что для миниатюриста была не вполне ясна внутренняя сторона византійской иконографіи: въ изображеніи благовѣщенія онъ опускаетъ веретено и нитку, сохраняя при этомъ въ неизмѣнномъ видѣ всѣ остальные подробности византійскаго благовѣщенія по переводу «съ рукодѣльемъ» и сообщая рукамъ Богоматери то самое положеніе, какое онѣ должны имѣть только въ этомъ переводѣ; въ картинѣ бѣгства въ Египетъ замѣняетъ традиціоннаго осла конемъ. Спаситель имѣетъ нимбъ простой, не крестчатый, и въ своихъ бесѣдахъ дѣлаетъ жестъ по большей части лѣвою рукою. Национальность художника обнаруживается въ типахъ: Спаситель и Богоматерь имѣютъ черные волосы, такія же брови и глаза. Миниатюристъ любитъ раболѣпныя позы и изображаетъ колѣнопреклоненными предъ Спасителемъ не только слѣпцовъ (л. 61 об., л. 110, л. 212), но и богатаго юношу (л. 156). Время происхожденія кодекса не извѣстно: во всякомъ случаѣ, въ виду указаннаго въ немъ ослабленія византійскихъ традицій въ евангельской иконографіи съ одной стороны, и тождества въ канонахъ съ византійскою орнаментикою съ другой, онъ съ вѣроятностью можетъ быть отнесенъ къ XIII—XV в. ¹⁾

6) *Армянское Евангеліе императ. публ. библ. въ СПб.* 1635 года; на пергаментѣ (in 16°), съ изящными заглавными буквами и украшеніями на поляхъ, представляющими фигуры птицъ, животныхъ, сиренъ (л. 94 об., 120 об., 145, 176, 196, 197, 202, 216 об., 234 об., 263), крестовъ (л. 107, 154 об., 277), одноглаваго геральдическаго орла и проч. Въ заставкахъ канонѣвъ и на поляхъ рукописи нѣсколько единичныхъ изображеній и въ ряду ихъ—явленіе ангела Іосифу (л. 44 об.), проповѣдь І. Предтечи,—сюжетъ раздѣленный неестественно на двѣ части, помѣщенные на разныхъ листахъ (л. 45 народъ, л. 46 проповѣдникъ), благовѣщеніе Пресв. Богородицы,—изображеніе также утратившее свою цѣльность вслѣдствіе разъединенія его частей (л. 163 об. благовѣствующій архангелъ, л. 164 об. Богоматерь), и помазаніе ногъ І. Христа (л. 181). Наибольшій интересъ, съ нашей точки зрѣнія, представляютъ миниатюры въ началѣ рукописи. Какъ въ кодексѣ россанскомъ, онѣ не включены въ текстъ, но поставлены особо на отдѣльныхъ 26-ти листахъ. Подборъ ихъ сдѣланъ удачно: благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы (л. 1), рождество Христово (л. 2), срѣтеніе (л. 3), крещеніе І. Х. (л. 4), бракъ въ Канѣ (л. 5), исцѣленіе разслабленнаго (л. 6), преображеніе (л. 7), воскрешеніе Лазаря (л. 8), входъ въ Іерусалимъ (л. 9), умовеніе ногъ (л. 10), лобзаніе Іуды (л. 11), несеніе креста (л. 12), распятіе (л. 13), снятіе съ креста (л. 14), положеніе во гробъ (л. 15), сошествіе во адъ (л. 16), явленіе ангела св. женамъ при гробѣ І. Х. (л. 17), явленіе І. Х. св. женамъ (л. 18), вознесеніе (л. 19), сошествіе св. Духа (л. 20), крестъ съ бюстовымъ Эммануиломъ (л. 21), Ветхій Деньми (л. 22), рай и адъ (л. 23—24), Спаситель и Богоматерь (л. 25—26). Миниатюры евангельскія, какъ видно, относятся главнымъ образомъ къ праздникамъ и страстямъ Господнимъ и въ общемъ составѣ представляютъ относительную цѣльность. Композиціи сюжетовъ заимствованы съ византійскихъ образцовъ. Уклоненія встрѣчаются лишь въ формахъ брака въ Канѣ, не извѣстныхъ въ памятникахъ византійскихъ, и въ распятіи Спасителя тремя гвоздями. Типы дѣйствующихъ лицъ, не исключая Спасителя, Богоматери и ангеловъ, армянскіе; съ особенною полнотою и рельефностію національный типъ переданъ въ изображеніи Анны пророчицы (л. 3). 7) *Въ армянскомъ Евангеліи* той же библіотеки 1688 г. (in 16°) миниатюры поставлены также въ началѣ рукописи; выборъ ихъ и композиціи близко подходятъ къ миниатюрамъ предыдущаго кодекса, но склоненіе къ западнымъ формамъ обнаруживается яснѣе: въ благовѣщеніи архангелъ съ вѣтвю въ рукѣ, а возлѣ Богоматери золотая амфора съ красными цвѣтами; въ преображеніи Моисей съ рогами; въ распятіи Спасителя—обѣ ноги пригвождены однимъ гвоздемъ; въ воскресеніи—обнаженный Спаситель съ знаменемъ въ рукѣ вылетаетъ изъ гроба. Остальные миниатюры вполне согласны съ византійскими прототипами.

Б) Лицевой *сборникъ* библейскихъ повѣствованій XVII в. (in 4°), принадлежащій библіотекѣ И. А. Вахрамѣева и лицевые списки страстей Господнихъ дополняютъ собою рядъ лицевыхъ Евангелій. Обширный *сборникъ* содержитъ въ себѣ рассказы изъ ветхаго и новаго завѣта отъ созданія міра до сошествія Св. Духа на апостоловъ. Обычныя повѣствованія по мѣстамъ прерываются вставками отдѣльныхъ статей, приписываемыхъ извѣстнымъ лицамъ, какъ Слово Тимоѣея пресвитера іерусалимскаго о воскрешеніи Лазаря (л. 775), Слово Кирилла александрійскаго на св. праздникъ вербной недѣли (л. 797),

¹⁾ Ср. запись въ началѣ рукописи: la date de la transcription de ce M.S. n'est point marquée, mais elle ne saurait remonter plus haut, que le 15 siècle. Ср. мнѣніе Н. П. Кондакова, стр. 247.

также Слово во св. и великій пятокъ на погребеніе Христово и на плачь Богородицы (л. 904), синаксарь въ недѣлю Пасхи (л. 915), Слово св. женамъ мученицамъ и похвала Іосифу (л. 958). Повѣствованія евангельскія изложены въ хронологическомъ порядкѣ, но этотъ порядокъ не вездѣ выдержанъ строго: преображеніе Господне помѣщено послѣ входа въ Іерусалимъ, запечатаніе гроба І. Х. послѣ воскресенія. Миниатюрныя изображенія сборника весьма многочисленны; въ частности изображенія евангельскія (нач. съ л. 623 об.) подробно передаютъ все содержаніе Евангелія, иногда съ второстепенными подробностями событій, напр. въ чудѣ исцѣленія слѣпца (л. 754—761), въ разсказѣ о тайной вечери (л. 835—846), и даже допускаютъ неоднократныя повторенія одного и того же (мученицы у гроба Господня л. 930, 936 и 957). Иконографическія композиціи, слѣдующія въ цѣломъ и общемъ старинному преданію, по мѣстамъ представляютъ любопытныя отклоненія, таковы миниатюры взятія І. Х. въ саду геосиманскомъ (л. 855 неизвѣстный человѣкъ оставляетъ одежду въ рукахъ стражи и убѣгаетъ), тайной вечери въ трехъ моментахъ, гдѣ соединены историческій и символическій переводы (л. 846), и распятія Спасителя (л. 890). Въ стилѣ также замѣтны слѣды уклоненія отъ старинной иконописной манеры и приближенія къ западной живописи.—*Лицевыя страсти Христовы*—одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ памятниковъ письменности и искусства въ Россіи въ XVII и XVIII вв. Рукописей ихъ дошло до насъ очень много, часто съ миниатюрами и даже гравюрами въ рукописномъ текстѣ; было нѣсколько и печатныхъ изданій ихъ; сохранилось нѣсколько отдѣльныхъ изданій гравюръ ¹⁾ и иконъ, т. е. изображеній на деревѣ примѣнительно къ тексту этихъ страстей (напр. икона въ ростовскомъ музеѣ, мѣстная икона въ единовѣрческой церкви г. Пскова, двѣ иконы въ кіевскомъ церковно-археол. музеѣ ²⁾, икона въ ярославской ц. І. Златоуста въ Кремлѣ), иногда съ надписями, прямо изъ нихъ заимствованными. Въ текстѣ страстей Христовыхъ ³⁾ сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ, начиная съ воскрешенія Лазаря до воскресенія Христова включительно; сюда присоединяются извѣстія о пришествіи въ Іерусалимъ Финеоса, объ епископаліи архіереевъ къ Іосифу, о прибытіи Марѣи и Маріи въ Римъ къ кесарю, о перепискѣ Кесаря съ Пилатомъ, сказаніе объ Іудѣ, приписанное блаж. Іерониму и другія статьи. Происхожденіе этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сборника темно: по идеѣ онъ имѣетъ связь съ древнѣйшими христіанскими апокрифами, извѣстными и у насъ въ Россіи въ славянскомъ переводѣ ⁴⁾; но онъ совершенно отличается отъ древнихъ апокрифовъ и по составу подробностей, и по изложенію, и имѣетъ, повидимому, польское происхожденіе, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ и приписывается І. Златоусту. Соотвѣтственно нашей задачѣ, укажемъ нѣсколько списковъ лицевыхъ страстей, представимъ характеристику ихъ миниатюръ и попытаемся рѣшить вопросъ: откуда и какъ появились у насъ эти миниатюры; разумею миниатюры, сдѣланныя отъ руки, но не печатныя, западное происхожденіе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію ⁵⁾. Изъ многихъ списковъ лицевыхъ страстей назовемъ слѣдующіе списки музея императ. общества любителей древней письменности: № CLXXVI in 4° 1774 г. (см. л. 153), въ которомъ сказаніе о страстяхъ помѣщено среди другихъ статей ⁶⁾, № 91 in 4° съ прибавленіемъ статей съ миниатюрами о сотвореніи міра, грѣхопаденіи, убіеніи Авеля, и статей эсхатологическаго характера; № XLVIII in 4° 1754 г. (работа Пьянкова); № CLXIII in 4°, № CXXXVII (съ печатнаго изданія 1795 г.), № 1903 in 8° 1734 г. (Алексѣя Ростовцева), № LXXII in fol. (разрозненные листы); № CCLX, XIX в. сборникъ миниатюръ безъ текста;—въ библио-

¹⁾ Д. А. Ровинскій Русскія народн. картинки, кн. III, стр. 319 и слѣд. О. И. Буслаевъ О русск. народн. книгахъ, стр. 53 и слѣд. Отеч. зап. т. CXXXVIII, отд. крит. Списокъ XVIII в. съ гравюрами есть въ соф. библ. № 1508.

²⁾ См. опис. еп. Христофора стр. 40 и слѣд. Икона страстей, безъ примѣсей апокрифа, въ музеѣ Общ. люб. др. письм. безъ №; ср. иконы въ моск. усп. соборѣ возлѣ шатра надъ ризою Господнею; также въ костр. ипат. мон. по описи 1595 г. (изд. М. И. Соколова стр. 15 Москва 1890).

³⁾ Обычное заглавіе ихъ: во святый великій пятокъ страстныя недѣли о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего І. Х. како волею своею нашего ради спасенія страсть претерпѣ, и о благовѣстїи І. Предтечи, и о шествіи Господа нашего І. Х. во адъ, и о радости праведныхъ, и о воскресеніи Господни и о введеніи праведныхъ въ рай.

⁴⁾ Самый древній изъ изданныхъ доселѣ русскихъ переводовъ этихъ послѣднихъ относится къ XVI в. (Кушелевъ-Безбородко Пам. стар. русск. литер. вып. III, стр. 91 и слѣд. И. Я. Порфирьевъ Апокрифич. сказ. о новозав. лицахъ и событ. по рукоп. соловецкой библ., стр. 28 — 29, 164 и слѣд. СПб. 1890); но въ числѣ рукописей СПб. духовной Академіи хранится списокъ первой половины XV в. (Соф. библ. № 1248); онъ помѣщенъ въ сборникѣ, гдѣ между прочимъ находится житіе Іоанна Дамаскина, составленное патр. антиох. Іоанномъ, съ киноварною помѣтою: въ лѣто 6949 мѣсяца Генуарія въ 19 за молитву св. и великаго Іоанна Дамаскинскаго списано бысть житіе Іоанново грѣхослужимого десницею именовъ Олешка (л. 327 об.). Тою же рукою и слѣдоват. около того же 1441 г. писана и статья о страстяхъ. Впрочемъ, найдутся и болѣе древніе списки.

⁵⁾ Ровинскій I. с.

⁶⁾ Опис. г. Булгаковымъ въ Пам. древн. письм. 1878—1879 г., стр. 153 и слѣд.

текъ с.-петербургской дух. Академіи два списка: №№ А¹/₂₃ и А¹¹/₁₃₉. На основаніи этихъ списковъ можетъ быть обрисованъ съ достаточною полнотою характеръ ихъ миниатюръ ¹⁾. Всѣ известныя намъ миниатюры страстей имѣютъ характеръ ремесленныхъ произведеній ²⁾ и принадлежатъ мастерамъ зауряднымъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ миниатюры представляютъ слѣпое подражаніе западнымъ образцамъ; отличительною же чертою большинства служитъ механическое соединеніе старыхъ элементовъ съ новыми. Приступая къ иллюстраціи списка страстей, миниатюристъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи какъ старый русскій матеріалъ, бывшій въ обычномъ обращеніи иконописцевъ, такъ и новый въ видѣ западныхъ гравюръ; слѣды того и другаго дѣйствительно можно видѣть почти во всѣхъ иллюстрированныхъ спискахъ. Такъ напр. во всѣхъ спискахъ входъ І. Х. въ Іерусалимъ представляется по старинному византійско-русскому переводу, начало котораго восходитъ къ IV вѣку (саркофагъ Юнія Басса); евхаристія нерѣдко изображается въ видѣ раздаянія св. хлѣба и чаши по древнему переводу, восходящему по крайней мѣрѣ къ VI в. (россанскій кодексъ), распятіе и вознесеніе І. Х. на небо иногда изображаются по древнему переводу, иногда по новому западному. Но миниатюристы не ограничивались этими готовыми данными, а добавляли сюда еще черты вновь изобрѣтенныя русскими художниками и иконописцами. Чтобы уяснить характеръ смѣшенія древнихъ иконографическихъ элементовъ съ новыми въ лицевыхъ страстяхъ, остановимся на воскрешеніи Лазаря. Спаситель, въ сопровожденіи апостоловъ, приближается къ пещерѣ, въ которой стоитъ Лазарь съ повязкою на головѣ, иногда спеленутый; двѣ сестры Лазаря припадаютъ къ ногамъ І. Христа. Эти основныя черты проходятъ во всѣхъ памятникахъ византійскихъ и русскихъ и даже отчасти въ древне-христіанской скульптурѣ. Но миниатюристы лицевыхъ страстей идутъ далѣе: вопреки исторической правдѣ, они помѣщаютъ возлѣ пещеры камень въ видѣ небольшого булыжника, не соответствующаго по своему объему широкому отверстию погребальной пещеры: подробность эта явилась подъ вліяніемъ буквальнаго русскаго пониманія текста страстей, гдѣ говорится, что входъ въ пещеру Лазаря былъ закрытъ *камнемъ*: она повторяется не рѣдко и въ изображеніи воскресенія Христова, притомъ не только въ спискахъ лицевыхъ страстей, но и въ другихъ памятникахъ русской иконографіи XVII—XVIII в. Въ нѣкоторыхъ спискахъ страстей вмѣсто камня, закрывавшаго входъ въ пещеру, является, подъ вліяніемъ привычныхъ представленій, деревянная крышка гроба. Замѣна пещеры саркофагомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ есть также уклоненіе отъ древняго преданія; но особенно характерны эти уклоненія въ миниатюрахъ, изображающихъ совершеніе литургіи Лазаремъ и его погребеніе. По словамъ сказанія о страстяхъ, Лазарь поставленъ былъ во епископа китейскаго города, или, какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, китейскаго монастыря; и вотъ миниатюристъ изображаетъ его въ торжественный моментъ совершенія литургіи. Мѣсто дѣйствія—храмъ въ русскомъ стилѣ; въ немъ престоль, на которомъ находятся восьмиконечный крестъ, потиръ и дискосъ съ тремя хлѣбами; на индитіи престола съ боку—крестъ съ тростію, копіемъ и Адамовою главою; за престоломъ икона Господа Саваоа; предъ престоломъ стоитъ Лазарь въ омофорѣ и фелони, за нимъ діаконы и клирикъ съ кадиломъ и ладонницею. Очевидно, обстановка картины не имѣетъ претензій на историческую достовѣрность. Подобный же анахронизмъ и въ картинѣ отпѣванія Лазаря: оно происходитъ въ храмѣ съ русскими маковицами; внутри его въ обыкновенномъ гробѣ лежитъ Лазарь въ царскомъ вѣнцѣ; возлѣ головы его діаконы съ кадиломъ и, повидимому, церковникъ съ длинными волосами; возлѣ ногъ—іерей съ книгою, сестры Лазаря и народъ. На ряду съ этими уклоненіями обнаруживаются и западныя художественныя тенденціи. То общеизвестный фактъ, что западные художники, изображая страсти Христовы, выдвигали на первый планъ человѣческую сторону страданій І. Христа въ ущербъ ихъ идеальному значенію. Личность Богочеловѣка вводилась здѣсь въ разрядъ обыкновенныхъ смертныхъ, и Его страданія опредѣлялись по шаблону обыкновенныхъ человѣческихъ страданій. Задача художника полагалась въ томъ, чтобы выразить во внѣ всѣ оттѣнки внутреннихъ ощущеній Страдальца, представить въ

¹⁾ Отдѣльную характеристику каждаго списка (а такихъ списковъ мы видѣли много) не считаемъ здѣсь необходимою; важнѣйшіе иконографическіе варианты ихъ см. ниже. Наибольшее количество миниатюръ находится въ спискѣ № 91, гдѣ изображены не только событія, разсказанныя въ текстѣ, но и нѣкоторыя подробности, о которыхъ въ текстѣ рукописи не говорится: шествіе Спасителя съ апостолами и Лазаря съ сестрами въ китейскій монастырь, поставленіе Лазаря на епископство Самимъ Спасителемъ и совершеніе Лазаремъ литургіи въ храмѣ предъ иконою Бога Отца. Быть можетъ, миниатюристъ заимствовалъ эти подробности изъ другого списка, гдѣ онѣ были прилажены къ тексту. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (CLXXVI, CXXXVII, А¹/₂₃) помѣщено изображеніе предполагаемаго автора страстей Христовыхъ—св. І. Златоуста въ саккосѣ, омофорѣ и митрѣ т. е. въ епископскихъ одеждахъ, обнаруживающихъ нѣкоторый анахронизмъ и подтверждающихъ позднее происхожденіе оригинала миниатюръ.

²⁾ Въ припискѣ къ послѣдней миниатюрѣ рукоп. № XLVIII замѣчено, что рисунки сдѣланы за плату 51 коп. серъ таковы были цѣны въ половинѣ XVIII в.

рѣзкихъ формахъ всю тяжесть тѣлесныхъ истязаній и смерти Распятаго; сюда, въ помощь художественному творчеству, призывались психологія и анатомія, рисунокъ провѣрялся опытами распятія мертвецовъ... но за этою панорамною человѣческой скорби не видно здѣсь того божественнаго величія и спокойствія, которое производитъ столь возвышенное впечатлѣніе въ лучшихъ произведеніяхъ византійскихъ художниковъ. То же западное направленіе сказывается и въ нашихъ лицевыхъ страстяхъ, притомъ нерѣдко въ такихъ рѣзкихъ формахъ, которыя производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Спаситель представляется здѣсь иногда съ искаженнымъ отъ слезъ лицомъ, Богоматерь въ изнеможеніи падаетъ ницъ или на колѣна предъ І. Христомъ, а иногда и Онъ Самъ становится на колѣна предъ Богоматерью; сцена бичеванія І. Христа производитъ впечатлѣніе кровавой бойни. Слѣды западнаго искусства видны и въ картинѣ вознесенія І. Христа, гдѣ Богоматерь и апостолы стоятъ на колѣнахъ, и въ картинѣ распятія тремя гвоздями, и въ картинѣ воскресенія І. Христа въ видѣ вылета изъ гроба съ развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ, наконецъ въ отсутствіи нимба въ изображеніяхъ І. Христа, что составляетъ уже не позволительную погрѣшность съ точки зрѣнія византійско-русской иконографіи. Костюмы изображаемыхъ лицъ также носятъ на себѣ слѣды западно-европейской современности: Іуда, идущій въ Іерусалимъ, изображается иногда въ европейской шляпѣ, воины наряжаются въ польскіе костюмы, адъ имѣетъ форму огромнаго выбритаго лица. Въ обстановкѣ картинъ появляются колонны, представляющія соединеніе іонійскихъ капителей и вычурныхъ завитковъ съ русскими утолщеніями въ средивѣ корпуса; замѣтны слѣды ландшафта и воздушной перспективы. Признаки эти, хотя они и не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи нашихъ лицевыхъ страстей, заставляютъ однакожъ поискать первыхъ источниковъ этихъ послѣднихъ на западѣ. Начиная съ IV — V вв. появляются въ памятникахъ искусства отдѣльныя изображенія, относящіяся къ исторіи страданій Спасителя. Лицевые кодексы византійскіе, особенно Евангелія, расширяютъ иконографическій циклъ страстей; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы замѣтили даже наклонность къ иллюстраціи послѣднихъ дней жизни І. Христа предпочтительно предъ другими событіями; но отдѣльныхъ кодексовъ страстей лицевыхъ въ Византіи не было; мало того, если оставить въ сторонѣ евангеліе Никодима, произведеніе древне-христіанскаго періода, то можно сказать, что и въ смыслѣ теоретической обработки тема эта не выдѣлялась изъ ряда другихъ съ такою одностороннею настойчивостію, какъ на западѣ. У многихъ византійскихъ авторовъ находятся разсужденія о страданіяхъ и смерти Спасителя, являлись здѣсь даже попытки поэтическаго и драматическаго изложенія страстей¹⁾, распространялись во множествѣ кресты съ изображеніемъ распятаго Спасителя, но не было того увлеченія этою темою, которое вызвало на западѣ множество литературныхъ и художественныхъ памятниковъ, гдѣ истина встрѣтилась съ вымыслами фантазіи и величайшій актъ искупленія превратился въ сценическую забаву. Въ западныхъ лицевыхъ рукописяхъ XIV — XV вв., на многочисленныхъ складняхъ, иконахъ, крестахъ сюжеты страстей повторяются множество разъ; примѣры въ ватиканскомъ музеѣ христіанскихъ древностей и въ парижемскомъ музеѣ Клюни (лиможская эмаль №№ 4619. 4645; тамъ же въ залѣ Соммерара триптихъ изъ слоновой кости XIV в. № 1081; таблетка XV в., ср. № 1075; деревянный складень XVI в. № 718; изъ слоновой кости XIV в. №№ 1082. 1096. 1074; ковчежець XV в. № 1060 и № 1090; ср. № 545 и др.²⁾ Художественное движеніе въ эту сторону направляется параллельно съ литературою: во множествѣ средневѣковыхъ трактатовъ прославляется красота и величіе креста Христова, раскрывается его символическое значеніе и исторія, въ связи съ легендарными преданіями о древѣ райскомъ; появляются драмы страстей Христовыхъ, первоначально въ связи съ литургіею, потомъ (XIII в.) въ видѣ отдѣльныхъ богослужебныхъ дѣйствій; онѣ постепенно растутъ; къ концу XV в. достигаютъ обширныхъ размѣровъ и, благодаря передѣлкамъ и редакціоннымъ трудамъ Гребана (1472) и Жана Мишеня (1495), получаютъ цѣльный законченный видъ³⁾. Учрежденіе особаго драматическаго товарище-

¹⁾ Напр. приписываемая Григорію Б. драма *Χριστός πάσχων* (Opera S. Gregorii Naz. t. II p. 253 sq. Ed Coloniae 1690). Въ греческомъ сборникѣ ватиканской бібліотеки XIII—XV в. (N palat. 367, fol. 233—239) находится изложеніе страстей Христовыхъ, которое описатель рукописи называетъ «*passionis Dominicae ludus scenicus*» (Stevenson Bibliotheca apost. vatic. codices palatini graeci. Rome 1885 p. 230); но это, какъ мы убѣдились изъ разсмотрѣнія оригинала, есть просто краткое изложеніе страстей І. Х. по Евангелію, въ діалогической формѣ; оно можетъ быть названо лишь зачаточною формою священной драмы.

²⁾ Краткія свѣд. объ этихъ памятникахъ: Musée des thermes et de l'hôtel de Cluny. Catalogue et descr. des objets d'art... exposés au musée par E. du Sommerard Paris. 1883.

³⁾ А. Веселовскій Стар. театръ въ Европѣ стр. 87—88. Одна изъ древнѣйшихъ драмъ приведена, по изданію Моне, въ соч. Г. Альта Theater und Kirche 358 ff. Мы имѣли подъ руками рукопись XVI в., принадлежащую національной бібліотекѣ въ Парижѣ (№ 12565); она содержитъ въ себѣ текстъ драмы, игранной въ 1547 г. въ Валенсѣнѣ; украшена миниатюрами, изображающими устройство театра и главнѣйшія дѣйствія драмы. Театральная сцена обрамлена картинами рай и

вавшимъ ихъ появленію въ западной Европѣ. Если даже эмальированныя издѣлья были изобрѣтены на востокѣ, въ Индіи, все таки можно предположить, что они ранѣе появились гдѣ нибудь въ культурныхъ центрахъ Европы, — на примѣръ, въ Византіи, — чѣмъ въ горныхъ тущо-бахъ Кавказа. Вѣдь даже въ наше время, при существованіи пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ часто бываетъ, что восточное издѣліе раньше появится на рынкѣ Лондона, или Парижа, чѣмъ въ Тифлисѣ, не говоря уже о какомъ-нибудь кавказскомъ аулѣ. Нельзя при опредѣленіи времени появленія того или другого предмета въ могилахъ руководиться общими соображеніями, игнорируя мѣстныя условія. А эти условія для Кавказа таковы, что, на примѣръ, во времена процвѣтанія Александріи какой-нибудь индійскій товаръ скорѣе и удобнѣе могъ попасть изъ Индіи въ Александрію, Римъ, Пантикапею, а оттуда въ горы Кавказа, чѣмъ изъ Индіи же караваннымъ путемъ чрезъ Кабуль, Бактру, вдоль Оксуса къ Каспію, оттуда моремъ до устья Куры, вдоль нея до середины Кавказскаго перешейка и затѣмъ на сѣверъ въ горы по долинѣ Арагвы *). Нельзя терять изъ виду, что международныя сношенія руководились не географическими градусами, а удобствомъ путей сообщенія. А въ этомъ отношеніи Кавказъ всегда былъ трудно доступнымъ захолустьемъ, лежавшимъ вдали отъ культурныхъ центровъ, и потому уже а ргіогі можно предположить, что какія-нибудь издѣлья моды — въ родѣ фибуль, — носимыя въ извѣстный періодъ въ культурныхъ странахъ, доходили уже гораздо позже къ дикарямъ кавказскихъ ущелій. Если въ настоящее время, несмотря на непрерывную линію желѣзныхъ дорогъ какая-нибудь парижская мода появляется въ городахъ Кавказа только въ слѣдующемъ году или позднѣе, то, прилагая житейско-практическую точку зрѣнія къ древности и припоминая свидѣтельства древнихъ писателей о недоступности Кавказскихъ горъ, мы должны предположить, что Кавказъ въ древности могъ отставать отъ западно-европейскихъ культурныхъ странъ на цѣлыя столѣтія и продолжать носить попадавшія въ его тущобы культурныя издѣлья еще долгій періодъ времени, послѣ того какъ послѣднія уже вышли изъ обращенія на западѣ.

Такая же отсталость обнаруживается на Кавказѣ, на примѣръ, по отношенію къ оружію. Употребленіе лука и стрѣлъ наблюдалось у западныхъ кавказскихъ горцевъ (Черкесовъ) еще въ 20—40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

*) См. карту древнихъ торговыхъ путей, приложенную къ 1-му тому капитальнаго сочиненія Lindsay'я—*History of Merchant shipping and ancient commerce*, in 4 volumes. London, 1874.

Итакъ, если уже аргіогі слѣдуетъ допустить, что Кавказъ въ культурномъ отношеніи всегда отставалъ отъ западно-европейскихъ странъ и былъ по отношенію къ нимъ самымъ глухимъ захолустьемъ, то нужно допустить и дальнѣйшій выводъ изъ этого положенія. Въ захолустьяхъ всегда придають огромную цѣну такимъ вещамъ, которыя въ нихъ съ трудомъ попадаютъ: ихъ берегутъ, какъ драгоцѣнность, передають изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вообще эти вещи тамъ держатся несравненно долѣе, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ можно всегда имѣть на рынкѣ. Этимъ объясняется, что какая-нибудь красивая фибула, сработанная, положимъ, въ 3-мъ столѣтіи по Р. Х. и попавшая въ кавказскія горы, могла тамъ сохраниться, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ 4 или 5-мъ столѣтіи и, можетъ быть, лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ попасть въ могилу.

Другая трудность при опредѣленіи хронологіи кавказскихъ могилъ чрезъ сравненіе предметовъ съ западно-европейскими состоитъ въ слѣдующемъ: кавказскіе *горные* могильники обыкновенно поражаютъ разнообразіемъ въ типахъ вещей: нѣкоторые крайне архаичны, другіе напротивъ указываютъ на значительно болѣе позднія времена. Это объясняется также мѣстными условіями, съ которыми нужно считаться. Всякій, кто бывалъ въ горахъ Кавказа, знаетъ, какую громадную цѣнность для горцевъ представляетъ удобная для посѣва земля, которой чрезвычайно мало. Въ горной Осетіи по обычной оцѣнкѣ каждый удобный клочекъ земли, на которомъ можетъ помѣститься корова, стоитъ коровы (т. е. по мѣстной оцѣнкѣ 20 рублей). Мнѣ показывали участки земли въ Хуламѣ, пространствомъ въ $\frac{1}{4}$ десятины, за которые было уплачено столько коровъ, сколько могутъ стать на нихъ вплотную. Понятно, что при крайней тѣснотѣ для живыхъ людей, нельзя было отводить много мѣста для мертвыхъ. Такъ въ Хевсуріи, по свидѣтельству М. М. Ковалевскаго, до сихъ поръ утилизируются древніе могильники, при чемъ древніе покойники должны постоянно тѣсниться, чтобъ дать мѣсто новымъ. Точно также и въ Горскихъ обществахъ Кабарды, кое-гдѣ мусульманскіе могильники являются продолженіемъ древнихъ языческихъ. Отсюда понятно, почему древніе могильники представляютъ многіе этажи разныхъ временъ (какъ, напр., кобанскій, самтаврскій) и что если въ наше время какое-нибудь кладбище въ Россіи служитъ 3, 4 столѣтія, то могильники въ *нѣкоторыхъ* горныхъ мѣстахъ Кавказа могли быть утилизваны въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, просто по недостатку мѣста. Этимъ соображеніемъ нерѣдко можетъ объясняться разнохарактерность могильнаго инвентаря, ставящаго

археолога въ крайнее затрудненіе при опредѣленіи времени кавказскаго могильника.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, имѣвшихъ въ виду указать на необходимость принимать въ расчетъ мѣстныя условія при опредѣленіи времени могильниковъ по предметамъ, сдѣлаемъ попытку къ опредѣленію приблизительно того періода, къ которому могли относиться чегемскіе и балкарскіе могильники, и прежде всего поставимъ вопросъ, какіе изъ бытовыхъ предметовъ могутъ повести къ хронологическимъ выводамъ.

Мы видѣли, что изъ предметовъ украшенія одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ бусы всякихъ формъ и различнаго матеріала. Замѣчательное обиліе ихъ показываетъ, что онѣ получались массою, какъ любимый товаръ, путемъ обмѣна съ культурными странами. Дикари Кавказа отдавали за привозныя бусы и другія бездѣлушки естественныя произведенія своей страны съ такою же готовностью, какъ въ настоящее время какіе-нибудь африканскіе дикари промѣниваютъ на стекляныя дешевыя издѣлія, изготовляемыя въ Венеціи спеціально для этой цѣли, цѣнные продукты внутренности Африки. Отъ кобанскихъ бусъ чегемскія, какъ камунтскія, отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ. Какъ было замѣчено гр. Уваровымъ и за нимъ г. Шантромъ, въ кобанскомъ могильникѣ преобладаютъ бусы сердоликовыя и бронзовыя *), между тѣмъ какъ стекляныя встрѣчаются значительно рѣже. Выше мы уже предположили, что бусы приходили въ ущелья Чегема и Черека, такъ-же какъ въ Осетію, главнымъ образомъ съ запада изъ греческихъ колоній. Не можетъ ли это служить хронологическимъ указаніемъ?

Намъ извѣстно, что Пантикапея была основана въ 511 г. до Р. Х. и около половины VI-го вѣка Фанагорія. По свидѣтельству Страбона, послѣдняя „представляетъ (въ его время, т. е. около Р. Х.) главный рынокъ для товаровъ, привозимыхъ отъ Меотовъ и изъ выше лежащихъ варварскихъ странъ, Пантикапея же—для товаровъ, привозимыхъ по морю“ (XI, 2, 10). Но тотъ же географъ свидѣтельствуетъ, что и городъ Діоскурія „служитъ общимъ торговымъ пунктомъ для живущихъ выше и по сосѣдству съ нимъ народовъ“ (XI, 2, 16). Говорятъ, что тамъ собирается 70 (по другимъ, которые менѣ правдивы, даже 300) народовъ; всѣ они говорятъ на различныхъ языкахъ, такъ какъ довольствуются своей обособленностью и, вслѣдствіе своей дикости, жи-

*) См. статью гр. Уварова—Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ, — помѣщенную въ трудахъ V-го Археолог. Съѣзда, приложение стр. 8 и 9.

вуть замкнуто, не сообщаясь съ другими“... „Собираются же они туда (въ Діоскурію) главнымъ образомъ ради соли (XI, 5, 6). Не отрицая возможности того, что бусы могли попадать въ ущелья Чегема и Черема и изъ Діоскуріи, все же нужно думать, что удобнѣе былъ путь въ эти мѣста отъ Фанагоріи по берегу Кубани, чѣмъ черезъ трудные горные перевалы изъ Діоскуріи (приблизительно Сухумъ) и что поэтому болѣе правдоподобно фанагорійское происхождение бусъ, подтверждаемое и отмѣченнымъ уже тождествомъ во множествѣ типовъ между кавказскими и пантикапейскими бусами. Несомнѣнно такого же происхождения скарабеи, львы и черепахи изъ пасты и другіе чегемскіе предметы, перечисленные выше (стр. 97). Конечно появленіе всѣхъ этихъ предметовъ на Кавказѣ слѣдуетъ относить не къ 5-му вѣку до Р. Х., т. е. времени основанія Пантикапеи и Фанагоріи, а къ вѣкамъ полного процвѣтанія этихъ колоній и вообще Боспорскаго царства, ближе къ нашей эрѣ. Какой-нибудь египетскій скарабей, изготовленный въ Александріи въ 2 или 1-мъ столѣтіи до Р. Х. могъ затѣмъ попасть въ Фанагорію, а оттуда на кавказскую плоскость и наконецъ въ горы; но присутствіе его въ чегемской могилѣ, конечно, еще не доказываетъ, что послѣдняя относится къ 2 или 1-му же вѣку до Р. Х. Скарабей могъ украшать ожерелье нѣсколькихъ поколѣній горскихъ красавицъ, прежде чѣмъ попасть въ могилу съ трупомъ одной изъ своихъ обладательницъ *). Такимъ образомъ чегемская могила съ египетскимъ скарабеемъ 1-го вѣка можетъ относиться, на примѣръ, къ III, IV или V-му по Р. Х.

Мы знаемъ, что противъ отнесенія чегемскихъ скарабеевъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры можетъ быть выставлено то обстоятельство, что одинъ такой же скарабей былъ найденъ въ кобанскомъ могильникѣ, а расцвѣтъ кобанской бронзовой культуры г. Шантра относитъ къ VII в. до Р. Х. **). Но, во-первыхъ, не извѣстно, изъ какихъ слоевъ могильника — болѣе древнихъ или болѣе новыхъ — былъ добытъ этотъ предметъ ***), а во-вторыхъ, отнесеніе даже древнѣйшихъ могилъ Кобани къ X или VII в. не есть еще неоспоримый фактъ. Такъ, г. Тишлеръ относитъ

*) Отмѣтимъ любопытный фактъ, что вслѣдствіе крайней рѣдкости привозныхъ предметовъ украшенія, многія дѣвушки Чегема до сихъ поръ имѣютъ ожерелья, составленныя частью изъ древнихъ бусъ, случайно вырытыхъ изъ могилъ. Мы видѣли на одномъ ожерельѣ въ Атажукиномъ аулѣ, вмѣстѣ съ новыми бусами, миниатюрнаго льва изъ голубой египетской пасты (см. таб. XXVI, 119), случайно найденнаго въ землѣ.

***) См. изображеніе кобанскаго скарабея у Шантра, II, атласъ, таб. XXVIII, 1 и 2.

***) Г. Шантра (II р. 17) самъ различаетъ въ кобанскомъ могильникѣ могилы двухъ періодовъ — такъ наз. *галльштаттскаго* и періода, сближающагося съ періодомъ могильника камунтскаго.

кобанскій могильникъ къ I вѣку до Р. Х., и хотя г. Шантръ говоритъ, что точка зрѣнія этого археолога „n'est plus discutable“ съ тѣхъ поръ, какъ могильникъ хорошо изученъ, однако, допуская увлеченіе г. Тишлера въ другомъ направленіи, все же нельзя вопросъ о времени кобанскаго могильника считать уже вполне „indiscutable“. Такъ вопросъ о бронзовомъ оружіи, какъ мы увидимъ ниже, несомнѣнно требуетъ пересмотра:

Золотые предметы изъ чегемскаго могильника, перечисленные выше (стр. 99), также, съ одной стороны, указываютъ на сношенія съ Фанагоріей, напримѣръ, золотая бляха съ человѣческимъ лицомъ, головка волка, (таб. XXVI, 116), съ другой на то, что *нѣкоторыя* могилы должны быть отнесены не раньше, какъ къ христіанской эпохѣ, т. е. къ V или VI вѣку. Такъ, въ одной могилѣ найденъ четырехконечный крестъ, украшенный гранатами (таб. XXVI, 102), въ другой пуговица съ эмалью cloisonné (таб. XXVI, 120), начало производства которой де Линасъ относитъ, какъ мы видѣли, къ V вѣку. Наконецъ о томъ, что въ чегемскихъ могильникахъ продолжали хоронить въ христіанскія времена, свидѣлствуютъ плиты съ изображеніемъ четырехконечныхъ крестовъ (см. выше, стр. 75).

Бронзовые предметы, какъ мы видѣли, представляютъ значительное разнообразіе типовъ, причемъ нѣкоторые повторяются въ дигорскихъ могильникахъ (Камунтскомъ, Камбылтскомъ), другіе въ древнѣйшемъ изъ доселѣ извѣстныхъ кавказскихъ могильниковъ—Кобанскомъ. Такія *двухстороннія* совпаденія вносятъ немалую путаницу въ опредѣленіе періода времени чегемско-балкарскихъ могильниковъ въ виду того, что кобанскую культуру изслѣдователи, какъ Филимоновъ, Вирховъ, Шантръ относятъ къ XI, X вѣкамъ до Р. Х., а разстояніе ея отъ Камунтской до сихъ поръ не опредѣлено даже приблизительно. Такъ, г. Вирховъ, характеризуя разнообразіе камунтскихъ культурныхъ предметовъ, сравнительно съ кобанскими, говоритъ: „блескъ Кобани уже померкъ, когда началось процвѣтаніе Камунты. Но едва ли мы ошибемся, если *не слишкомъ* расширимъ временной промежутокъ между ними“ *). Но тотъ же изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ (стр. 140), указывая на значительное богатство Камунтскаго могильника въ стеклянныхъ бусахъ, называетъ этотъ могильникъ *гораздо больше новымъ* (weit jünger) сравнительно съ Кобанскимъ. Спрашивается, какимъ же г. Вирховъ представляетъ себѣ это разстояніе: ставить ли онъ между обоими могиль-

*) Das Gräberfeld von Koban, стр. 114. „Aber man wird vielleicht nicht fehlgehen, wenn man das Intervall nicht allzweit ausdehnt“.

никами тысячелѣтіе, или нѣсколько столѣтій? Принимая въ соображеніе его опредѣленіе времени кобанскихъ могиль—X или XI столѣтія до Р. Х. (стр. 124),—онъ представляетъ себѣ, повидимому, разстояніе по времени между Кобанью и Камунтой весьма значительнымъ, но въ такомъ случаѣ намъ непонятно его заявленіе на стр. 114.

При сомнительности хронологическихъ выводовъ изъ типовъ предметовъ, особенную цѣну получаютъ находимыя въ могилахъ монеты. Монеты же, найденныя въ Камунтѣ и принадлежащія собранію г. Ольшевскаго, указываютъ даже не на первые вѣка нашей эры, а на VI и VII столѣтія *). Здѣсь представлены, напримѣръ, монеты императоровъ: Анастасія (461—518), Іустиніана (527—565), Іустина II (565—578), Тиберія II Константина (578—582), Маврикія (582—602), Фоки (602—610), Гераклія (610—614). Эти указанія имѣютъ значеніе и для чегемско-балкарскихъ могиль, въ виду отмѣченной выше тождественности многихъ предметовъ изъ ихъ инвентаря съ камунтскими. Но ближайшее хронологическое указаніе почерпается изъ принадлежащей таубію Урусбіеву, найденной въ чегемскомъ могильникѣ, монеты, именно серебрянаго диргема послѣдняго сасанидскаго царя на престолѣ Персіи Іездегерда III, царствовавшаго между 632—651 годами. Монета доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ *та* могила, въ которой она была найдена (къ сожалѣнію, мы не знаемъ, съ какими вещами), была утилизирована позднѣе 7-го в., какъ несомнѣнно и нѣкоторыя Камунтскія. Кстати нельзя не замѣтить страннаго, повидимому, факта, обнаруживаемаго изслѣдованіемъ кавказскихъ могильниковъ: если принимаются въ разсмотрѣніе одни предметы и сравниваются съ такими же другихъ (европейскихъ и малоазіатскихъ) могильниковъ, то изслѣдователь невольно склоненъ приписать кавказскимъ могиламъ глубочайшую древность. На такую сѣдую древность указываетъ, напр., г. Вирховъ, сравнивая кобанскіе предметы съ гиссарликскими и галльштаттскими. Такой же маститой стариной, повидимому, вѣетъ отъ камунтскихъ египетскихъ скарабеевъ. А между тѣмъ едва оказываются въ кавказскихъ могильникахъ монеты, какъ онѣ указываютъ на сравнительно позднія времена,—на I—IX вв. нашей эры **).

Намъ кажется, что объясненія этому факту слѣдуетъ именно искать

*) См. Труды подготов. комитета V Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ. Описаніе коллекціи г. Ольшевскаго, стр. 267.

**) Такъ, въ Самтаврскомъ могильникѣ была найдена монета Августа, въ могилахъ Рядкина лагеря, по словамъ Байерна, встрѣчались иногда арабскія (?) монеты. См. каталогъ собраній древностей гр. Уварова I, стр. 75.

въ мѣстныхъ условіяхъ Кавказа: съ одной стороны, предметы привозные цѣнились очень высоко и носились нерѣдко многими поколѣніями раньше, чѣмъ попасть въ могилу; съ другой, — мѣстныя издѣлія могли быть воспроизведеніемъ древнѣйшихъ привозныхъ образцовъ и нерѣдко, за отсутствіемъ *новыхъ* типовъ, вслѣдствіе отчужденности и замкнутости жизни, воспроизведеніе старыхъ продолжалось весьма продолжительное время. Иначе сказать, *типы* могутъ быть весьма архаичны у вещей, сравнительно позднихъ, какъ нерѣдко случается на азіатскомъ востокѣ, замкнувшемся на цѣлыя вѣка въ своемъ консервативномъ производствѣ. Всякому маломальски наблюдавшему восточныя издѣлія часто приходится изумляться въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ примитивному, архаическому характеру, даже при весьма развитой техникѣ. Такъ, на примѣръ, мѣдныя покрытыя рѣзбой современныя персидскія чашки, съ изображеніями разныхъ полумифическихъ животныхъ и человѣческихъ фигуръ, напоминаютъ по стилю чашки сасанидской эпохи и, пожалуй, ассирійскія. А между тѣмъ эти чашки производятся тысячами доселѣ и продаются въ каждомъ магазинѣ азіатскихъ товаровъ въ Тифлисѣ и Владикавказѣ.

Этотъ изумительный консерватизмъ востока слѣдуетъ имѣть въ виду и для объясненія присутствія многочисленныхъ предметовъ кобанскаго типа въ могильникахъ чегемско-балкарскихъ. Выше мы отмѣтили (стр. 101) рядъ такихъ совпаденій въ мелкихъ предметахъ, служившихъ для украшенія. Но любопытнѣе тотъ фактъ, что въ чегемской коллекціи Измаила Урусбіева оказываются фрагменты отъ бронзоваго топора и 2 бронзовые же кинжала, такъ что въ древнемъ населеніи, хоронившемъ своихъ покойниковъ близъ Чегема, при употребленіи желѣзнаго оружія, встрѣчались случаи употребленія и бронзоваго, которымъ такъ изобиловало древнее кобанское населеніе; а между тѣмъ, если мы, согласно съ гг. Вирховымъ, Филимоновымъ, Шантромъ, отнесемъ хотя бы древнѣйшія могилы Кобани къ X-му вѣку до Р. Х., а позднѣйшія Камунтскія и Чегемскія (судя по монетамъ), къ VII по Р. Х., то между тѣми и другими оказался бы почтенный промежутокъ времени въ 1700 лѣтъ. Но этотъ невѣроятный промежутокъ выводится не нами: познакомившись со всѣми соображеніями относительно древности кобанскихъ *типовъ* вещей въ изслѣдованіяхъ Вирхова, Шантра и Филимонова, мы все же не могли убѣдиться въ столь же глубокой древности самихъ вещей и скрывавшихъ ихъ могилъ, иначе сказать, намъ *типы* представляются болѣе древними, чѣмъ предметы, и если чисто археологическимъ путемъ сравненія можно доказать, что обычная дугообразная кобанская фибула по типу должна относиться къ X в. до Р. Х.,

то тѣмъ же путемъ еще нельзя доказать, что *eo ipso* она была сдѣлана въ Кобани въ X в., такъ какъ въ такомъ случаѣ къ X-му же вѣку слѣдуетъ отнести и фрагментъ отъ пряжки бронзоваго пояса (таб. XXI, 6), найденный въ Чегемскомъ могильникѣ, и послѣдній, представляя въ числѣ другихъ могилъ одну 7-го в. по Р. X. (судя по монетѣ), долженъ бы былъ воспринимать покойниковъ въ теченіе 17 столѣтій, что весьма невѣроятно. вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая двѣ одинаковаго типа фибулы—кобанскую и тождественную съ ней чегемскую (таб. XXIV, 31), представляющихъ совершенно одинаковую *сохранность*, трудно допустить, что ихъ отдѣляетъ болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ времени. Что относится къ фибулѣ, относится и къ бронзовому оружію: существованіе его въ чегемскомъ могильникѣ доказываетъ, что кобанскіе кинжалы въ *нѣкоторыхъ* могилахъ могутъ относиться не къ X в. до Р. X., а къ значительно болѣе позднимъ временамъ. Мы обратили вниманіе г. Шантра на одно историческое свидѣтельство (которымъ, впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ воспользоваться), представляющее несомнѣнное значеніе для вопроса о бронзовомъ оружіи на Кавказѣ. Поздній византійскій писатель Халкокондиласъ, съ прозвищемъ *Laonicus*, умершій около 1464 г., авторъ обширнаго историческаго сочиненія *'Αποδείξεις ἱστορικαί* въ X книгахъ, въ которомъ онъ разсуждаетъ о происхожденіи Турокъ и ихъ завоеваніяхъ, говоритъ въ IX-й книгѣ *) по поводу Иберіи (Грузіи) и кавказскихъ народовъ слѣдующее объ Аланахъ, подъ которыми византійцы разумѣютъ сѣверокавказскія племена и преимущественно Осетинъ (Ясовъ нашей лѣтописи). „Въ сосѣдствѣ съ городами верхней Иберіи живутъ Аланы, Гунны и Эмбы. Но Аланы простираются до (горы) Кавказа и считаются между другими самыми храбрыми и искусными въ военномъ дѣлѣ. Они дѣлаютъ превосходныя кольчуги, слѣдуютъ вѣрученію Господа нашего Іисуса Христа, имѣютъ особый языкъ и изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называющееся аланскимъ (*καὶ ὄπλα ἐπιτηδέουσαι ὑπὸ χαλκοῦ τὰ Ἀλανικὰ καλούμενα*).

Конечно, это извѣстіе требуетъ слѣдующей оговорки: совершенно невѣроятно, чтобы во время Халкондиласа, т. е. въ 15 в., было на Кавказѣ въ употребленіи мѣдное оружіе. Халкокондиласъ, какъ вообще средневѣковые писатели, склоненъ безъ провѣрки почерпать свои этнографическія свѣдѣнія изъ болѣе раннихъ источниковъ, не справляясь, да иногда и не имѣя возможности справиться, на сколько сообщаемые древними факты приложимы къ *его* времени. Какъ большинство визан-

*) Парижское изданіе 1650 г.. стр. 249, см. также у Stritter'a — *Memoriae populorum etc.*, II p. 396, § 80.

тійцевъ, онъ также склоненъ придавать современнымъ ему восточнымъ народностямъ древнія названія, почему нерѣдко Турковъ называетъ Скиѳами и, упоминая о кавказскихъ Аланахъ, полагаетъ, что народъ этого имени, извѣстный на Кавказѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, все еще продолжаетъ тамъ жить въ томъ же быту. Извѣстіе о бронзовомъ оружіи у Алановъ нашъ авторъ, конечно, почерпнулъ изъ какого-нибудь средне-вѣковаго, намъ неизвѣстнаго, источника: но въ вѣрности этого указанія нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Къ какому же времени оно собственно относится? Съ полной увѣренностью, за отсутствіемъ источника, изъ котораго черпалъ Халкокондиласъ, мы опредѣлить этого не въ состояніи. Но для насъ уже достаточно того факта, что бронзовое оружіе употреблялось Аланами еще послѣ принятія ими христіанства, т. е. въ V, VI столѣтіяхъ.

Конечно, Халкокондиласъ не имѣлъ никакого понятія объ Аланахъ, о которыхъ онъ говоритъ, и не видалъ ихъ оружія. Но авторъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія, могъ говорить объ Аланахъ, быть можетъ, изъ личнаго съ ними знакомства. Въ VII, VIII столѣтіяхъ византійцы знали Алановъ, часто воевали съ ними, часто нанимали ихъ на службу и, вѣроятно, среди другихъ наемниковъ, Аланы попадали и въ Византію. Изъ словъ неизвѣстнаго источника Халкокондиласа видно, что бронзовое оружіе у Алановъ не было какимъ-нибудь случайнымъ явленіемъ, а было хорошо извѣстно византійцамъ, которые и усвоили ему специальное названіе *аланскаго*.

Далѣе нашъ источникъ прямо говоритъ, что Алапы *изготавливаютъ* оружіе изъ мѣди; слѣдовательно, оно было не привозное, а мѣстнаго производства, что вполне подтверждаетъ выводы всѣхъ изслѣдователей кобанскаго могильника, доказывающихъ туземность производства бронзовыхъ кобанскихъ издѣлій.

Съ своей стороны мы желали бы только обратить вниманіе специалистовъ по кобанской культурѣ на любопытное извѣстіе Халкокондиласа, а сами можемъ воспользоваться имъ только для того, чтобы объяснить присутствіе бронзовыхъ кинжаловъ въ чегемскихъ могилахъ. Это присутствіе само по себѣ еще не даетъ намъ основанія приписывать могильнику слишкомъ глубокую древность и позволяетъ намъ при опредѣленіи времени разсматриваемой культуры не выходить изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ, съ одной стороны, египетскими скарабеями, получавшимися вмѣстѣ съ бусами и золотыми вещами изъ Фанагоріи, съ другой, — золотымъ крестомъ, плитами съ изображеніемъ креста и сасанидской монетой VII в. Другими словами, мы имѣемъ основаніе ду-

мать, что въ чегемскомъ могильникѣ погребались покойники въ періодъ времени между II и VIII вѣкомъ по Р. Х.

Сдѣлаемъ теперь попытку опредѣлить національность покойниковъ изслѣдуемыхъ нами чегемско-балкарскихъ могильниковъ. Для этой цѣли слѣдуетъ навести справку въ историческихъ свидѣтельствахъ и въ нихъ поискать указаній на то, какія племена въ началѣ среднихъ вѣковъ жили въ долинахъ Черека, Чегема и Баксана.

Мы уже упоминали о томъ (стр. 71), что топографическія названія—имена рѣкъ, горъ, переваловъ, камней, пещеръ и т. п.—на всемъ пространствѣ отъ р. Уруха на востокъ до Эльбруса и верхней Кубани на западѣ—несомнѣнно осетинскаго происхожденія и указываютъ на то, что раньше горскихъ Татаръ на всемъ этомъ пространствѣ были осетинскія поселенія. Такимъ образомъ вопросъ о національности покойниковъ чегемско-балкарскихъ могильниковъ сводится къ вопросу: жили ли предки Осетинъ въ названныхъ мѣстахъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, или появились здѣсь позднѣе. Послѣдній вопросъ подвергли мы подробному разсмотрѣнію въ 3-й части нашихъ „Осетинскихъ Этюдовъ“ и въ данномъ случаѣ можемъ воспользоваться главными результатами нашего изслѣдованія, не входя въ подробности.

Мы доказали, что на всемъ сѣверо-западномъ Кавказѣ, а также въ Приазовьѣ и на нижнемъ Дону въ началѣ среднихъ вѣковъ жило частью въ кочевомъ, частью (въ горахъ) въ осѣдломъ быту обширное племя иранской вѣтви индо-европейской группы народовъ, извѣстное древнимъ и средневѣковымъ писателямъ сначала подъ названіемъ Сарматовъ, затѣмъ подъ именемъ Алановъ, Ясовъ (у Нестора), Осовъ въ грузинской лѣтописи, и что ближайшими потомками этихъ приазовскихъ и прикавказскихъ иранцевъ являются современные Осетины, сохранившіеся благодаря тому, что, вытѣсненные изъ плоскости, забились въ горныя ущелья по притокамъ Терека. Въ иранствѣ Сарматовъ въ настоящее время едва ли сомнѣвается кто нибудь изъ историковъ. Присутствіе иранскаго элемента, какъ мы доказали, обнаруживается во множествѣ иранскихъ собственныхъ именъ, сохранившихся въ греческихъ надписяхъ Боспора и Танаиды. Частію къ иранскимъ, частію къ адигейскимъ племенамъ нужно отнести множество народныхъ, (точнѣе) родовыхъ названій, упоминаемыхъ древними писателями въ сосѣдствѣ съ Боспорскимъ царствомъ въ Приазовьѣ, на нижней Кубани и на западномъ Кавказѣ, каковы Мэоты, Синды, Дандары, Аспунги-

таны и мн. др. *). Но иранскіе предки Осетинъ сидѣли не только на плоскости, но также весьма рано въ горахъ, именно въ сѣверо-западныхъ отрогахъ Кавказскаго хребта. Изъ обзора историческихъ извѣстій объ Осахъ въ грузинской лѣтописи, сдѣланнаго нами въ Осетинскихъ Этюдахъ **), видно, что этотъ народъ извѣстенъ своимъ южнымъ сосѣдямъ на Кавказѣ, Грузинамъ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе помнятъ самихъ себя. Уже при началѣ первой грузинской царской династіи Фарнавазидовъ (въ III в. до Р. Х.), сѣверокавказскіе Осы изображаются въ грузинскихъ анналахъ могущественными союзниками Грузинъ. Съ другой стороны, поселеніе Алановъ, въ составъ которыхъ, какъ мы доказали ***), главнымъ образомъ входили Осы (Осетины), на Кавказѣ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ классическими и средневѣковыми писателями, также восходитъ въ глубь вѣковъ. Уже Аполлинарій Сидонскій (Epist. 4, 1) упоминаетъ caucasigenas Alanos, и Иосифъ Флавій (I в. по Р. Х.) говоритъ объ Аланахъ на берегахъ Мэотиды. При маломъ знакомствѣ средневѣковыхъ писателей, кромѣ Грузинъ и Армянъ, съ сѣвернымъ Кавказомъ, особенную цѣну по отношенію къ древней территоріи Осетинъ имѣютъ указанія армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, но составленной, повидимому, позже въ VII в. ****). Въ этомъ руководствѣ впервые является названіе западной вѣтви Осетинъ — Дигорцевъ — въ формѣ, въ которой оно сохранилось до нашихъ дней, къ Осетинамъ приурочивается названіе Алановъ, и послѣдніе занимаютъ сѣверный склонъ Кавказа, отъ верховьевъ Кубани на западѣ до Терека на востокѣ и Аланскихъ вратъ (Дарьяльское ущелье) на югѣ. Западнѣе Алановъ на Кубани упоминаются тѣмъ же источникомъ кубанскіе Болгаре, тюркскіе сосѣди иранцевъ. Занимая въ первые вѣка нашей эры горныя ущелья на этомъ пространствѣ, а также значительную часть сѣверокавказской равнины, Аланы (Осы) дѣлаютъ частые набѣги на Закавказье, о которыхъ сообщаютъ грузинскія лѣтописи, напримѣръ, во II, III, IV, V, VI вѣкахъ *****). Съ другой

*) Имя Дандары (Δανδαρίοι) легко объясняется изъ осетинскаго дон — рѣка, вода и дар — держецъ (вододержецъ, прирѣчный). Страбонъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе, изъ котораго видно, что колѣно Дандаріевъ сидѣло на Кубани: „говорятъ, что Фарназесъ (боспорскій царь), посредствомъ стараго канала, который онъ велѣлъ очистить, направилъ рѣку Гипанисъ (Кубань) въ страну Дандаровъ и затопилъ ее“ (XI, 2, 11). Въ первой части сложнаго имени Ἀσπλουγγιτανοί (Страбонъ, ibid.) находимъ иранское слово *асра* — конь, осет. (съ перестановкой) *афсә* — кобыла.

**) Часть 3-я, глава I, стр. 18—39.

***) Тамъ же, глава II, стр. 39—47.

****) См. въ 3-й части Осетинскихъ Этюдовъ экскурсъ I, стр. 102—116.

*****) См. Осетинскіе Этюды, часть III, гл. I, стр. 25—33.

стороны, по свидѣтельству Амміана Марцеллина (IV в.), Аланы „на охотѣ и за грабежомъ доходятъ до Мэотійскаго болота (Азовскаго моря) и Киммерійскаго Боспора, а также (на востокѣ и югѣ) до Арменіи и Мидіи“ *). Впослѣдствіи, при появленіи Гунновъ, покорившихъ часть *плоскостныхъ* Алановъ, а затѣмъ Болгаръ на Кубани (въ V, VI вв.), предки Осетинъ были оттѣснены Тюрками далѣе на востокъ и не могли уже простираться такъ далеко на западъ свои набѣги.

Но нельзя не замѣтить, что, быть можетъ, ранними упоминаемыми Амміаномъ Марцеллиномъ набѣгами Алановъ на греческія колоніи Боспорскаго царства, главнымъ образомъ на Фанагорію, Кишы и друг., объясняется обиліе предметовъ греческаго производства или греческой торговли, находимыхъ въ могильникахъ сѣверо-западнаго Кавказа. Съ другой стороны, какъ народъ воинственный, проводившій жизнь въ военныхъ предпріятіяхъ, горскіе Аланы охотно нанимались византійцами на службу въ ихъ войнахъ съ Персами, Арабами и другими народами на Кавказѣ. Такъ, по свидѣтельству Прокопія, во время войны Іустиніана съ Персами, въ 549 г., Аланы вмѣстѣ съ Сабирами были наняты въ интересахъ византійцевъ ихъ союзникомъ царемъ Лазовъ Губазесомъ за 300 фунтовъ золота, что, впрочемъ, не помѣшало имъ въ слѣдующемъ году сражаться противъ византійцевъ въ войскахъ Персовъ. При императорѣ Іустинѣ II, по свидѣтельству Теофана, аланскій царь Сароесъ (Сародій) былъ союзникомъ Византіи, и посланникъ Іустина къ восточнымъ Туркамъ, Земархъ, проходилъ чрезъ страну Алановъ, лежавшую въ горахъ близъ Сванетіи. Въ 703 году другой византіецъ, Левъ спаарій, съ цѣлью подкупить Алановъ для союза съ византійцами, проникъ изъ Аписліи, перейдя Кавказскій хребетъ, въ ихъ страну и пробылъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Вообще византійскій дворъ не скупился на деньги, чтобъ подкупать Алановъ для набѣговъ на ихъ ближайшихъ, враждебныхъ византійцамъ, сосѣдей по ту сторону хребта—Абасговъ и Лазовъ. Гранича, по византійскимъ свидѣтельствамъ, съ Абасгами, Аланы должны были занимать область верхняго теченія Кубани, т. е. сидѣть далѣе на западъ, чѣмъ въ настоящее время сидятъ ихъ потомки Осетины. Но мы уже знаемъ изъ топографическихъ названій, что дѣйствительно изъ этихъ мѣстъ, какъ и изъ долинъ Баксана, Чегема, Черека,—Осетины были вытѣснены лишь впослѣдствіи, когда тюркскія и черкесскія племена (Кабарда) заняли ихъ мѣста на западѣ въ горахъ и равнинѣ.

*) Тамъ же, стр. 51 и слѣд.

Итакъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, характеръ вещей, добытыхъ изъ чегемскихъ и балкарскихъ могильниковъ, съ другой — историческія извѣстія объ Аланахъ, мы склоняемся къ предположенію, что рассматриваемыя могилы могутъ быть названы аланскими, точно также, какъ могилы Осетіи (въ Камунтѣ, Камбылтѣ, Лизгорѣ и друг.). Это предположеніе объясняетъ сосуществованіе въ названныхъ могилахъ вещей боспорскихъ и фанагорійскихъ съ сасанидскими диргемами и византійскими монетами. Видно, что древнее населеніе имѣло сношенія съ Приазовьемъ и греческими черноморскими колоніями, а также принимало участіе въ событіяхъ, совершавшихся въ Закавказьѣ въ первую половину среднихъ вѣковъ, въ войнахъ Византіи съ Персами и Арабами. Факты же такого рода засвидѣтельствованы византійскими и грузинскими источниками именно объ Аланахъ, Осахъ, предкахъ Осетинъ.

При перечисленіи „аланскихъ“ могильниковъ мы намѣренно не упомянули могильника Кобанскаго, въ виду того, что обнаруживаемая въ немъ культура, конечно въ низшихъ слояхъ, должна по времени значительно предшествовать культурѣ названныхъ выше могильниковъ, хотя отнесеніе кобанскаго могильника по типамъ вещей къ X в. до Р. X. и кажется намъ далеко недоказаннымъ. Что касается кобанскаго бронзоваго оружія (топоровъ, кинжаловъ), то, на основаніи извѣстія, сообщаемого источникомъ Халкокондиласа (см. выше стр. 118), мы имѣемъ право называть сѣверо-кавказское бронзовое оружіе вообще *аланскимъ*, такъ какъ это названіе было усвоено ему уже въ средніе вѣка въ Византіи. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ древнѣйшее населеніе Кобани принадлежало къ племени иранскихъ Алановъ, предковъ современнаго населенія Кобани. Это племя могло предшествовать появленію Алановъ на Кавказѣ и впоследствии смѣшаться съ ними. Но вопросъ о кобанской культурѣ не входитъ уже въ предѣлы нашего отчета.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦЪ.

Таблица I.

Барельефъ на западной стѣнѣ древней церкви Тхаба-ерды въ Галгаѣ, близъ аула Хайрыхъ (стр. 12).

Таблица II.

- А) Видъ озера Галанчоджъ и аула Ирбите въ Акинскомъ обществѣ (Чечня).
В) Башня въ аулѣ Хайбахѣ (Чечня), см. стр. 38—40).

Таблица III.

Предметы изъ Чеченскихъ склеповъ въ могильникахъ близъ ц. Тхаба-ерды и близъ святилища Мохде (уменьшены на $\frac{1}{3}$).

1. Желѣзный ножикъ съ роговой ручкой; на деревянныхъ ножнахъ остатки ремешка. Найденъ въ склепѣ въ могильникѣ близъ святилища Мохде (стр. 29).
2. Желѣзные ножницы для стрижки овецъ (оттуда же).
3. Браслетъ изъ серебряной проволоки, неспаянный, украшенный бронзовой спиралью. Найденъ въ склепѣ въ могильникѣ близъ ц. Тхаба-ерды.
4. Бронзовая бляха-колесо, съ другимъ колесикомъ внутри, соединеннымъ четырьмя лучами съ окружностью. Найдена въ склепѣ въ могильникѣ близъ святилища Мохде.
5. Серебряная серьга, представляющая дугообразный шаръ, покрытый шишечками; стержень, соединяющій его съ ушкомъ, обвитъ тонкой проволокой (оттуда же).
6. Бусы разнаго вида (оттуда же). Между ними встрѣчаются: сердоликовыя, стекляныя прозрачныя, преимущественно синяго и зеленаго цвѣта; стекляныя золоченыя, изъ стеклянаго сплава съ глазками разныхъ цвѣтовъ.

7. Серебряная золоченая дутая пуговица (оттуда же).
- 8—14. Желѣзные наконечники стрѣлъ разныхъ видовъ (оттуда же).
15. Желѣзный шестопѣрь (оттуда же).

Таблица IV.

Сосуды изъ склеповъ близъ ц. Тхаба-ерды (въ натуральную величину).

1. Кувшинъ изъ красной глины; на нижней части поясокъ со спиральнымъ орнаментомъ.
2. Сосудъ съ носикомъ и ручкой изъ желтосѣрой глины грубой работы.

Таблица V.

Сосуды изъ тѣхъ же склеповъ (въ натуральную величину).

1. Кувшинъ изъ красной глины съ ручкой, украшенный двумя горизонтальными поясками со спиральнымъ орнаментомъ; на днищѣ гончарный знакъ: кружокъ съ четырехконечнымъ внутри крестомъ.

2. Кувшинчикъ изъ такой же глины меньшаго объема съ ручкой, перетянутый у шейки желобкомъ и украшенный пояскомъ со спиральнымъ орнаментомъ.

Таблица VI.

Видъ чеченскаго аула Цори.

Таблица VII.

Башни близъ Шатоя (Чечня).

Таблица VIII.

Башни близъ аула Нюй (Чечня).

Таблица IX.

- А) Церковь въ аулѣ Дзивгисѣ въ Куртатинскомъ ущельѣ въ Осетии.
- Б) Церковь въ аулѣ Гули въ томъ же ущельѣ.

Таблица X.

- А) Церковь въ аулѣ Ладзѣ въ Куртатинскомъ ущельѣ въ Осетии.
- Б) Развалины башни и дзуара близъ аула Харискина въ Осетии.

Таблица XI.

Предметы изъ могильника близъ аула Дзивгиса (Осетия).

1. Бусы разныхъ видовъ; между ними встрѣчаются: стеклянные прозрачные, желтаго, зеленаго, синяго цвѣта; изъ стеклянной массы съ глазками

или рисунками въ родѣ мозаики (синія съ красными глазками, красныя съ бѣлыми полосками или точками), изъ голубой египетской массы, изъ горнаго хрустала, изъ сердолика, изъ глины и друг. Между бусами 4 экземпляра раковины *Cypraea moneta*.

2. Зеркало изъ металлической композиціи съ значительной примѣсью серебра, на верхней сторонѣ украшенное выпуклымъ орнаментомъ въ родѣ сферическаго четырехугольника; по бокамъ 2 четырехконечные креста и двѣ каббалистическія фигуры (печать Соломона).

3. Небольшое зеркальце изъ бронзы, украшенное на верхней поверхности шишечками.

4. Фрагментъ покрышки отъ кожанаго чехла для зеркала, сдѣланной изъ бронзовой пластины и украшенной грифонами.

5. Фрагментъ отъ бронзовой дутой шаровидной серьги съ привѣской.

6. Бронзовая мундштучная часть удиль.

7. Сквозная колесообразная бронзовая бляха съ геральдическимъ изображеніемъ птицы. Назначеніе неясно.

8. Фрагментъ отъ серебряной дутой шаровидной серьги, украшенной пирамидками изъ шариковъ.

9. Миниатюрная желѣзная кирка.

10. Бронзовая бляшка (отъ ремня?) съ изображеніемъ человѣческаго лица.

11. Желѣзный наконечникъ стрѣлы.

12. Бронзовыя пряжки отъ пояса; одна съ фигурой какого-то четвероногаго животнаго, другая съ трудно различимымъ орнаментомъ.

Таблица XII.

Предметы изъ могильника близъ аула Ладза (Осетія) (въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ).

1. Бусы разныхъ видовъ; между ними встрѣчаются: янтарныя, сердоликовыя, изъ золоченаго стекла, изъ прозрачнаго стекла синяго, желтаго, зеленаго цвѣта; изъ стекловидной массы съ глазками и рисунками въ родѣ мозаики (красныя съ синими глазками въ бѣлыхъ ободкахъ, голубыя съ синими глазками, черныя съ зелеными полосками и красными глазками) и друг. Между бусами раковина *Cypraea moneta*.

2. Фрагментъ отъ мундштука (?) въ видѣ двухъ спаянныхъ желѣзныхъ колець.

3. Браслетъ изъ бронзовой проволоки.

4. Фрагментъ дуги отъ бронзовой фибулы.

5. Бронзовая мундштучная часть отъ удиль (ср. таб. XI, 6).

6. Бронзовое дутое кольцо (отъ серьги?)

7. Бронзовое литое кольцо.

8. Бронзовая дутая пуговица съ ушкомъ.

9. Бронзовая бляшка съ изображеніемъ лица (ср. таб. XI, 10).

10. Синяя стеклянная буса.

11. Кольцо изъ бронзовой проволоки.

12. Кольцо (отъ серьги?) изъ серебряной проволоки.
13. Бронзовая дутая шаровидная пуговица.
14. Пряслица (?) изъ сѣроватаго камня.
15. Костяная пуговица.
16. Фрагментъ бронзовой привѣски отъ серьги (ср. XI, 5).
17. Желѣзный ножикъ.
18. Бронзовый дутый браслетъ.
19. Стекляная прозрачная пуговица.
20. Клыкъ кабана, употребляемый и нынѣ женщинами для приглаживанья шелковаго утока при тканьи галуновъ.
21. Бронзовое зеркало.

Таблица XIII.

Предметы изъ могильника близъ аула Саниба (Осетія).

1. Серебряное зеркало, украшенное геометрическимъ орнаментомъ.
2. Фрагментъ отъ такого же зеркала бѣльшаго размѣра.
3. Тонкая бронзовая цѣпочка съ остаткомъ какого-то желѣзнаго предмета.
4. Бронзовая мундштучная часть отъ удиль.
5. Бронзовый предметъ въ родѣ булавки (?) неизвѣстнаго назначенія.
6. Браслетъ изъ синяго прозрачнаго стекла.
7. Бронзовая палочка съ ушкомъ (отъ цѣпочки?).
8. Бронзовая дутая золоченая миндалевидная привѣска (отъ серьги?).
9. Бронзовыя золоченыя дутыя грушевидныя пуговицы съ прорѣзкой.
10. Застежка отъ пояса изъ золоченой бронзы; обѣ части представляютъ литыя фигурки, повидимому, собакъ.
11. Бронзовая дутая шаровидная пуговица.
12. Бусы разнаго вида: стекляныя зеленыя, синія, золоченыя; сердоликовыя, янтарныя, глиняныя съ полосками, стекловидныя мозаичныя и друг.
13. Сердоликъ со сверлиной, покрытый орнаментомъ въ родѣ скарабеевъ; на плоской сторонѣ рѣзное изображеніе, напоминающее сирену (см. стр. 108).

Таблица XIV.

Сосуды изъ могилъ близъ аула Дзивгиса (Осетія) (1 и 2 уменьшены на половину, 3 уменьшенъ болѣе чѣмъ вдвое).

1. Кувшинчикъ почти бѣлой глины съ полосками чернаго цвѣта; на днищѣ выцарапанъ правильный четырехконечный крестъ.
2. Кувшинчикъ съ двумя ручками свѣтло-желтой глины, покрытый красными и черными разводами.
3. Кувшинъ съ выемкой на носикѣ, тяжелый, изъ красной глины; на днищѣ знакъ: крестъ въ кругѣ.

Таблица XV.

- А) Современные памятные столбы въ Осетіи.
- Б) Усыпальница нарта (богатыря) Сослана въ Дигоріи.

Таблица XVI.

- А) Старинный осетинский памятникъ въ видѣ пирамиды.
- Б) Современный осетинский памятникъ въ видѣ открытаго ящика съ шарами по угламъ.

Таблица XVII.

- А) Святилище Рекомъ близъ Цейскаго Ледника въ Осетіи (стр. 63).
- Б) Нузальская церковь въ Осетіи (стр. 66).

Таблица XVIII.

- А) Башня Алимурзы Абаева въ аулѣ Кунимъ, въ Балкарскомъ обществѣ горскихъ Татаръ (стр. 78).
- Б) Борзиевскія башни въ томъ же обществѣ близъ аула Зилги.

Таблица XIX.

Предметы изъ могильника близъ Балкарскаго аула Зилги (все предметы изъ бронзы).

1. Привѣска въ видѣ плоскаго колеса; внутри неясная фигура, связанная съ окружностью пятью лучами.
2. Привѣска, состоящая изъ кольца и другого предмета въ родѣ грубо сдѣланныхъ двухъ рукъ, связанныхъ перемычками внизу у ладоней и на верху у кистей.
3. Мундштучная часть удиля въ видѣ дельты съ тремя петлями по угламъ.
4. Привѣска въ видѣ плоскаго колеса, украшеннаго семью выступами въ видѣ птичьихъ головокъ; на верху ушко.
5. Такая же часть удиля въ видѣ трехъ сложенныхъ пирамидкой колець, съ меньшимъ кольцомъ надъ верхнимъ.
6. Бляха въ видѣ всадника на конѣ (2 экземпляра).
7. Пряжка (отъ ремня), сдѣланная, повидимому, изъ фрагмента дужки отъ фибулы, судя по расплющенному приѣмнику для иглы.
8. Мундштучная часть удиля въ родѣ № 5, но толще и безъ верхняго 4-го кольца.
9. Бубенчикъ со скважиной.
10. Фрагментъ плоской человѣческой грубо сдѣланной фигурки съ хвостомъ, вѣроятно, первоначально вдѣланной въ колесо.
- 11 и 16. Наконечники отъ стрѣлъ: трехгранный (фрагментъ) и листовидный.
12. Сквозная привѣска въ видѣ колеса съ колесикомъ меньшаго размѣра, внутри прикрѣпленнаго къ наружному четырема лучами, изъ коихъ уцѣлѣли три.
13. Зеркало украшенное на верхней сторонѣ выпуклымъ кружкомъ въ квадратѣ.
14. Браслетъ литой изъ проволоки, не спаянный.
15. Дутыя бусы отъ ожерелья (или браслета?).

17. Браслетъ изъ пластины съ шарньеромъ.

18. Привѣска въ видѣ колеса изъ проволоки, украшеннаго узлами; внутри фрагментъ въ видѣ полумѣсяца отъ какой-то другой плоской фигуры, связанной съ кольцомъ тремя перемычками.

19. Браслетъ изъ проволоки, покрытой рубчиками и съ четырьмя плоскими кружочками на одинаковомъ разстояніи по окружности.

Таблица XX.

А) *Предметы изъ склеповъ въ Озурковскомъ мошльникѣ на Баксанѣ,* (стр. 89).

1 и 5. Бронзовые бляхи отъ пояса.

2. Бронзовая серьга изъ проволоки не спаянная, съ оконечностью въ видѣ кубика.

3. Пряжка отъ пояса, состоящая изъ бронзоваго золоченаго кольца и четырехугольника съ эмалью малиноваго цвѣта въ золотой перегородкѣ (cloisonné).

4. Брошка, состоящая изъ овальной формы стекла аметистоваго цвѣта въ золотомъ ободкѣ, украшенномъ кружевомъ.

6. Деревянная ложка изъ чинара.

7. Фрагментъ деревянныхъ ноженъ отъ ножа или меча со слѣдами бронзовой оправы наконечника.

8. Браслетъ изъ бронзовой проволоки.

Б) *Предметы изъ Чегемскихъ мошль изъ коллекцій Измаила Урусбиева:*

1—3. Каменные оселки со сверлинами.

4. Булава или перначъ изъ бѣловатаго змѣвика съ четырьмя шишками отлично обточенная.

Таблица XXI.

Предметы изъ Чегемскихъ мошльниковъ, собранные въ 1883 г. В. О. Миллеромъ (въ натуральную величину).

1. Круглая бляшка-привѣска съ ушкомъ, украшенная съ наружной стороны концентрическими кружками и жгутикомъ.

2. Привѣска въ видѣ плоскаго колечка съ ушкомъ; обѣ стороны покрыты орнаментомъ изъ листиковъ, а ушко параллельными черточками.

3. Бронзовая привѣска изъ двухъ сходящихся шейками птичьихъ головокъ кобанскаго типа.

4. Привѣска въ видѣ бронзовой трубочки, украшенной внизу головкой барана и такими-же меньшими двумя головками по краямъ (одна отломана).

5. Бронзовая миниатюрная дугообразная фибула кобанскаго типа; дужка украшена двумя головками какихъ-то миѳическихъ животныхъ.

6. Бронзовый фрагментъ отъ поясной пряжки съ крючкомъ, кобанскаго типа, украшенной нарѣзками изъ городковъ въ треугольникахъ и полосахъ.

7. Бронзовая привѣска въ видѣ руки съ петлей у кисти.

8. Бронзовая привѣска въ видѣ коня съ вертикальной сверлиной.
9. Неправильный шлифованный кусокъ краснаго янтаря со сверлиной.
10. Кусокъ янтаря въ видѣ пряслицы со сверлиной по срединѣ.
11. Желѣзная кирка.
12. Бронзовый колокольчикъ съ расщепомъ (на одной сторонѣ), украшенный продольными выпуклыми полосками.
13. Бронзовая булавка со шляпкой и сверлиной въ средней утолщенной части.
14. Бронзовый наконечникъ ноженъ съ фрагментомъ желѣзнаго кинжала.
15. Бронзовая булавка (или шило) со сверлиной въ средней части и значительнымъ утолщеніемъ въ верхней; длина болѣе 3 вершковъ.

Таблица XXII.

Предметы изъ того-же могильника (въ натуральную величину).

16. Бронзовый альчикъ (астрагаль) со сверлиной.
17. Желѣзная мундштучная часть отъ удиль.
18. Бронзовая привѣска въ видѣ двухъ кружечковъ изъ спирально-сложенной проволоки съ ушкомъ.
19. Бронзовая фибула типа la Tête.
20. Бронзовый листовидный наконечникъ стрѣлы.
21. Небольшой бронзовый колокольчикъ.
22. Бронзовая арбалетная (Т-образная) фибула.
- 23 а и в. Скарабей изъ темносѣрой пасты съ іероглифическимъ изображеніемъ на плоской сторонѣ.
24. Бронзовая сквозная привѣска съ двумя ушками въ видѣ миниатюрнаго сосуда.
25. Золотая тонкая круглая пластинка.
26. Каменный оселокъ.
27. Бронзовая привѣска въ видѣ звѣриной головки.
28. Массивная бляха изъ металлической композиціи съ примѣсью серебра въ видѣ колеса съ 8-ю лучами, украшенная съ обѣихъ сторонъ орнаментами. Назначеніе неизвѣстно.
29. Бронзовый фрагментъ отъ удиль.
30. Бронзовая круглая выпуклая бляха въ видѣ щита съ ушкомъ для ремня на задней сторонѣ.
31. Бронзовая булавка (?) съ петлей; головка представляетъ полукругъ съ пятью лучами.
32. Зеркало съ ручкой.

Таблица XXIII.

Чегемскіе бронзовые предметы изъ могилъ, собранные Измаиломъ Урусьевымъ.

1. Фрагментъ отъ предмета неизвѣстнаго назначенія.
- 2, 11, 12, 15, 16. Пряжки отъ ремней.

3. Круглая фибула, покрытая выпуклым орнаментомъ.
4. Массивная застежка отъ пояса, украшенная бараньей головкой и геометрическимъ орнаментомъ; на задней сторонѣ крючокъ.
5. Навершье (отъ нагайки?).
6. Фрагментъ отъ массивной булавки; головка въ видѣ сегмента съ 8-ю жгутообразными лучами.
- 7, 9. Бляшки изъ скрученной спиралью проволоки.
8. Застежка въ видѣ крючка съ двумя кружками изъ спиралей въ основаніи.
10. Массивная пряжка.
13. Фибула.
14. Зеркало съ ручкой.
17. Фрагментъ отъ серебрянаго (?) предмета неизвѣстнаго назначенія.

Таблица XXIV.

Чегемскіе бронзовые предметы, собранные Измаиломъ Урусбиевымъ.

(Продолженіе).

18. Арбалетная (Г-образная) фибула.
- 19, 20. Фибулы разныхъ видовъ.
21. Круглая привѣска съ 4-мя птичьими головками по окружности; въ серединѣ выпуклое стекло.
22. Фрагментъ булавки; сохранилась утолщенная головка съ боковымъ ушкомъ.
23. Фрагментъ отъ пряжки.
24. Привѣска въ родѣ № 21, но съ птичьимъ хвостомъ вмѣсто нижней головки.
25. Круглая выпуклая бляха съ ушкомъ на обратной сторонѣ.
26. Привѣска въ видѣ чаши со сверлиной.
- 27, 28, 32, 39, 45. Головки отъ булавокъ.
29. Привѣска: какая-то неопредѣленная фигурка съ ушкомъ.
30. Фрагментъ отъ фибулы (?).
31. Дугообразная фибула кобанскаго типа (5 экзмп.).
- 33, 37. Привѣски въ видѣ крестовъ.
- 34, 35. Мелкіе предметы неизвѣстнаго назначенія.
36. Фрагментъ отъ серебрянаго (?) предмета неизв. назначенія.
38. Круглая сквозная привѣска.
40. Часть пряжки.
41. Буса (2 экз.).
42. Привѣска въ видѣ кольца съ девятью узлами.
- 43, 47. Булавки.
44. Привѣска въ видѣ птицы.
46. Фрагментъ какого-то украшения.
48. Круглая бляха, покрытая орнаментомъ.

Таблица XXV.

Чегемскіе бронзовые предметы, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

(Продолженіе).

- 49, 50, 51, 68. Привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ.
52—55. Фрагменты отъ такихъ-же предметовъ.
56. Привѣска въ видѣ головы зайца.
57. Привѣска въ видѣ грубо сдѣланной фигуры барана.
58. Фрагментъ отъ привѣски съ передней частью козла.
59, 61, 63, 76, 78. Привѣски въ видѣ трубочки съ бараньими головками.
60. Привѣска съ неопредѣленной фигурой.
62. Фрагментъ въ видѣ головы дракона.
64. Привѣски въ видѣ свиньи съ ушкомъ на спинѣ.
65, 74. Бляхи въ видѣ фантастическихъ животныхъ.
66. Привѣска въ видѣ птицы (?).
67. Бляха въ видѣ лани, стоящей на колѣняхъ съ головой, повернутой назадъ.
69. Бляха въ видѣ всадника.
70. Привѣска въ видѣ овцы.
71. Привѣска въ видѣ трубочки съ какой-то звѣриной фигурой.
72, 73. Привѣски въ видѣ фантастическихъ животныхъ.
75. Привѣска въ видѣ лошади (?).
77. Бляха въ видѣ львиной головы (2 экз.).
79. Привѣска въ видѣ головы лани (?).
80. Бляха въ видѣ лающей собаки.

Таблица XXVI.

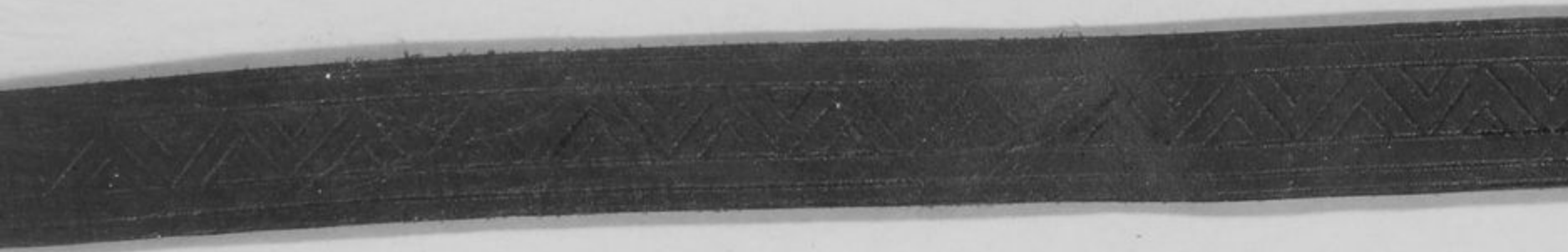
Чегемскіе предметы, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

(Продолженіе).

- 81—89, 113. Скарабей изъ египетской пасты съ іероглифическими изображеніями на плоскихъ сторонахъ.
90—98, 100, 104, 110, 112. Мелкіе предметы со сверлинами изъ сѣрой пасты съ позолотой. Части ожерелья.
99. Привѣска изъ того-же матеріала въ видѣ женской головки.
101. Человѣческая обнаженная фигурка съ ушкомъ на затылкѣ (изъ того-же матеріала).
102. Золотая привѣска въ видѣ четырехконечнаго креста съ оправленными выпуклыми стеклышками.
103. Миниатюрная бронзовая ложечка.
105. Привѣска (часть ожерелья) изъ золоченой пасты въ видѣ руки, сложенной въ кулакъ.

106. Зеркало изъ сплава мѣди съ серебромъ.
107. Бронзовая привѣска съ ушкомъ.
108. Круглая бляха со сверлиной изъ золоченой пасты, покрытая спиралевиднымъ орнаментомъ изъ точекъ.
109. Такая-же бляха съ изображеніемъ человѣческаго лица.
111. Буса изъ синяго прозрачнаго стекла въ видѣ головы негра (?).
114, 116. Золотыя привѣски въ видѣ звѣриной головы.
115. Фрагментъ золотого тонкаго браслета или серьги (?).
117. Бронзовая подвѣска въ видѣ позвонка.
118. Золотая бляха изъ пластины съ изображеніемъ лица.
119. Буса изъ египетской голубой пасты съ фигурой лежащаго льва.
120. Пуговица изъ чернаго камня, украшенная эмалью въ золотой пергородкѣ.

Фототипия Шерера, Петербург и К.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Истории Краеведческой
и Музейной работы

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Археологическія наблюденія въ области Чеченцевъ.	1— 42
II. Археологическая экскурсія въ Осетію.	43— 69
III. Археологическія экскурсіи въ горскія общества Кабарды. .	70— 91
IV. Нѣкоторыя замѣчанія о культурѣ, обнаруживаемой могиль- никами Осетіи и горскихъ обществъ Кабарды.	92—123
V. Объясненія къ таблицамъ.	125—134
VI. Карта части Терской области съ маршрутомъ экскурсій 1886 и 1883 годовъ.	—